РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
Историко-архивный институт
Кафедра источниковедения
и вспомогательных исторических дисциплин

К 70-летию со дня рождения
Виктора Александровича Муравьёва

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА VS ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ

Материалы XXIII международной научной конференции

Москва, 27—29 января 2011 г.

Москва 2011

УДК 930
ББК 63.2
И 90

Редакционная коллегия:

Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, Е.В. Пчелов, Д.Н. Рамазанова, М.Ф. Румянцева (ответственный редактор), О.В. Семерицкая (ответственный секретарь), О.И. Хоруженко, Ю.Э. Шустова

И 90 **Историческая география**: пространство человека vs человек в пространстве : материалы XXIII междунар. науч. конф. Москва, 27—29 янв. 2011 г. / редкол. : М.Ф. Румянцева (отв. ред.) и др. ; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. источниковедения и вспомогат. ист. дисциплин. — М. : РГГУ, 2011. — 000 с.

Издается к 70-летию профессора и заведующего кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (МГИАИ — РГГУ) В.А. Муравьёва (1941—2009). В докладах и тезисах анализируются основные результаты и новые исследовательские направления исторической географии как одной из исторических наук и дисциплин преподавания. Формулируется место исторической географии в современном гуманитарном знании.

Для специалистов в области гуманитарного знания, теории и методологии истории, истории и исторических наук, исторической географии, вспомогательных исторических дисциплин.

УДК 930
ББК 63.2

Материалы публикуются в авторской редакции

© Редакционная коллегия, составление, 2011
© Российский государственный гуманитарный университет, 2011

Содержание

От редколлегии 14

Пленарные доклады

Коновалова И.Г.(Москва) Историческая география в исследовательском поле исторической науки 22

Казаков Р.Б., Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. (Москва) Историческая география в пространстве современного гуманитарного знания: от вспомогательной дисциплины к методу гуманитарного познания 31

Дурновцев В.И. (Москва) На путях к экологической истории России (историографические наблюдения) 45

Журба О.И. (Днепропетровск, Украина) Проблемы историографического районирования в презентациях истории украинского историописания 59

Мельникова Е.А. (Москва) Пространство в культуре средневековой Европы: структура и особенности восприятия 70

Ермолаев И.П. (Казань) Естественно-исторические условия Восточной Европы и их влияние на историю славянских народов 72

Симонов Р.А. (Москва) Геометрия социальных пространств и система земельного налогообложения в России XVI века 93

Швейковская Е.Н. (Москва) Пространственный микромир деревни: Север, XVII в. 104

Пчелов Е.В. (Москва) Стороны света в титульной репрезентации власти русских государей 110

Бычкова М.Е.(Москва) География России XVI в. в записках иностранцев 115
Шустова Ю.Э. (Москва) География распространения книг типографии Львовского Успенского Ставропигийского братства в конце XVI–XVII в. 125
Смилянская Е.Б. (Москва) Освоение Средиземноморья во время Русско-турецкой войны 1768-1774 гг.: реалии и символы 136

Тезисы докладов

Алёшин М. (Москва) Западнодвинский торговый путь 147
Андреева О.В. (Москва) К вопросу о городе как историко-книжном источнике 149
Андрушко С.В. (Гомель, Белоруссия) Историко-географическая характеристика антропогенного воздействия на геосистемы юго-востока Беларуси 152
Асташов А.Б. (Москва) Боевая позиция как пространственный фактор Русского фронта Первой мировой войны 155
Баранов А.Г. (Москва) Бумажные денежные знаки административно-территориальных образований на Северном Кавказе (весна—осень 1918 г.) 158
Баранова С.И. (Москва) Изразцы из Коломенского дворца: география трансформации художественных импульсов 161
Басалаева И.П. (Новокузнецк) Теоретическая география как методологический ресурс теории фронтира 163
Батшев М.В. (Москва) Германия глазами братьев Тургеневых в начале XIX в. (письма и дневники как источники изучения картины мира) 166
Башнин Н.В. (Санкт-Петербург) Малые княжества Северо-Восточной Руси: историко-географические аспекты 169

Белгородская Л.В. (Красноярск) Зарубежный опыт репрезентации исторической географии России 172
Бессонова Т.В. (Набережные Челны) Территориальное расселение казанских мещан в первой половине XIX в. 175
Бондаренко А.А. (Москва) Состав удела королевы Боны Сфорца в Великом княжестве Литовском в середине XVI в. 177
Борзова Е.С. (Чехов) Распространение католицизма в губерниях Привисленского и Западного края по материалам переписи населения 1897 г. 180
Булатов А.М. (Москва) Картографическая Rossica. От Хрисы и Аргиры до Камчатки 183
Булыгина Т.А. (Ставрополь) Граница в категориях классической исторической географии и в исследовательских полях «новой локальной истории» 186
Буриев А. (Ташкент, Узбекистан) Изучение исторической географии Центральной Азии эпохи Темуридов 189
Бурцев И.Г. (Тула) Проблемы исторической географии Тульского края: от описания к изучению 192
Быков А.В. (Вологда) Ловля рыбы нахлыстом в описании британского дипломата Ф.О. Линдлея 1915–1919 гг. 194
Валова О.А. (Москва) Деятельность Московской конторы Государственного банка для дворянства в 1754–1763 гг.: значение географического фактора 197
Власова Е.Г. (Пермь) Смена географических доминант Урала в литературе путешествий конца XVIII – начала XX в.: к проблеме влияния способа путешествия на восприятие пространства 199
Габдулина А.Ж. (Астана, Казахстан) Культура Казахстана XIX столетия: историко-географический анализ 202
Гайдук В.Л. (Москва) Разработка урбанистической тематики в поэтическом наследии символистов 205
Гневашев Д.Е. (Вологда) Данные топонимики как источник для реконструкции землевладения в Вологодском крае в XIV—XV вв. 208

Головань М.В. (Ставрополь) Города Кавказских Минеральных Вод как объект исследований локальной истории 211
Голубинский А.А., Хитров Д.А. (Москва) Русский Север по материалам Генерального межевания: Территориальное распределение населения и земельных ресурсов 214
Голубинский А.А. (Москва), Хитров Д.А. (Москва), Черненко Д.А. (Вологда) Описания городов Севера и Северо-Запада России в Экономических примечаниях к Генеральному межеванию 216
Григорьева Е.А. (Нижний Новгород) Проблема Гантимура в русско-китайском споре XVII в. о границах 219
Грязнов А.Л. (Вологда) Реконструкция системы расселения и структуры землевладения Замосковного края в XV—XVII вв. 222
Гуслистова А.Н. (Вологда) Торговая инфраструктура Вологды и Сухоно-Двинского региона в XVII в. 225
Давыдов Б.Б. (Москва) «Русский дневник» Э. Хесса как источник по истории военных поселений в России конца 30-х гг. XIX в. 228
Давыдова С.Г. (Великий Новгород) Историко-географический аспект развития предпринимательства в Новгороде 229
Девятков М.С. (Москва) Историческое пространство некрополя Донского монастыря: источники и методы изучения 232
Дианова Е.В. (Петрозаводск) География Европейского Севера в кооперативной ономастике 235
Добровольский Д.А. (Москва) Земля Сифова: историко-географический комментарий к летописной статье 6581 (1073) г. 238
Евдокимова А.А. (Москва) Новые греческие граффити из Каппадокии (предварительные замечания) 241
Егорова Н.П. (Нижний Новгород) Поездки А.С. Гациского по Нижегородской губернии 244

Желтов М.Б. (Рязань) Межевые книги Коломенского уезда 7135—7136 гг. как географический источник 247
Захаров А.О. (Москва) Проблема топонима «Ява» в раннем средневековье 250
Зверев С.В. (Москва) Топонимика и геральдика на русских монетах XVI—XVIII вв. 250
Зверкина Г.А. (Москва) Географические открытия как одна из причин развития точных наук 253
Зданович Е.Ф. (Гродно, Белоруссия) Е.Е. Замысловский как представитель историко-географической школы 256
Зимовина О.А., Извеков И.Н. (Сочи) Источники о заселении западносибирского села Молчаново 259
Илларионова Л.И. (Москва) Фотографии русских городов И.Ф. Барщевского как источник изучения исторической географии рубежа XIX–XX вв. 260
Казаков Р.Б. (Москва) Географические реалии «Исторического похвального слова Екатерине II» Н.М. Карамзина 263
Казаченко Б.Н. (Москва) Территориальная и временная изменчивость древнерусских мер протяженности в связи с региональными особенностями распределения генетических, соматических и лингвистических структур 267
Картоев М.М. (Магас) Русские карты Кавказа XVIII—XIX вв.: региональная история в контексте имперской политики (историко-географический аспект) 270
Кашаева Ю.А. (Пермь) Городское пространство на планах Перми 273
Кашинская О.А. (Москва) Историческая география через проблемы историографии 275
Кирьяш О.А. (Омск) Пространственный поворот в исторической географии 278
Киселёв М.Ю. (Москва) Источники по исторической географии в фондах Архива РАН 281

Кистерёв С.Н. (Москва) География уставных таможенных грамот и формирование единого экономического пространства в Европейской России первой трети XVII в. 284
Кобозева З.М. (Самара) Социальное дисциплинирование пространством: самарское мещанство под гласным надзором полиции 286
Колесник А.С. (Москва) Хронотоп террористического дискурса конца XIX – начала XX в. 289
Колупаев В.Е. (Москва) География феномена русского католичества в пространстве диаспоры XX века 292
Коляго О.В, Семенчук Г.Н. (Гродно, Белоруссия) Некоторые проблемы исторической географии Полоцкой земли в X—XIII вв. 294
Комолов Н.А. (Воронеж) Проблема формирования губернского деления в Центральном Черноземье в XVIII в.: динамика оптимизации территориальной структуры 295
Комолова Э.В. (Воронеж) Роль соборов в образовании церковных округов на юге России во второй половине XVII в. 298
Корандей Ф.С. (Тюмень) «Личность страны» во французской и англосаксонской исторической географии 301
Котляр Н.Ф. (Киев, Украина) Формирование территории Галицко-Волынской Руси (земли и княжества) 303
Кудряков В.В. (Москва) Вехи локальной истории в отражении лондонских хроник XV века 306
Кузнецов А.А. (Нижний Новгород) Дятловы горы — история оронима 308
Кузьмичёв И.А. (Москва) Сборник лоций Бэйзила Рингроуза 1682 г. как источник по исторической географии 311
Куликова Ю.В. (Москва) Проблема источниковедения истории западных провинций Римской империи во второй половине III в. (на примере «Галльской империи») 312

Куликова Ю.В., Емельянова Ю.В. (Москва)
Восприятие островными кельтами окружающего мира (по ирландским сагам) ... 315

Мазур Л.Н. (Екатеринбург)
Историко-географический справочник «Населенные пункты Свердловской области»: исторический опыт, концепция и принципы проектирования ... 318

Майдачевский Д.Я. (Иркутск) Историко-экономическая география: В.В. Покшишевский и В.Н. Шерстобоев ... 321

Майорова А.С. (Саратов) Изменение состава населения Саратовской губернии с конца XVIII до середины XIX в. и влияние этого процесса на географию культуры региона ... 324

Макаров Л.Д. (Ижевск) Вятка в Книге Большому чертежу ... 326

Медведь А.Н. (Москва) Земля, пространство, человек (пространственные модели в русской культуре XI—XVI вв.) ... 328

Медушевский А.Н., Сабенникова И.В. (Москва)
Пражская школа русской историографии: традиция, преемственность, развитие ... 331

Мельцин М.О. (Санкт-Петербург)
Случаи использования географической карты в генеалогическом исследовании ... 334

Миронов А.С. (Москва) Географическое пространство в источниках российской панк-рок-культуры (книга Д. Спирина «Тупой панк-рок для интеллектуалов: Четыре таракана и Тараканы!») ... 336

Митрофанов В.В. (Нижневартовск) С.Ф. Платонов о месте пребывания Михаила Романова до избрания его на царство ... 339

Моисеев М.В. (Москва) Прогулки персидских послов в Москве конца XVI в.: историко-топографический комментарий ... 342

Москаленко М.Р. (Екатеринбург) Историческая география и исторический прогноз ... 344

Мотревич В.П. (Екатеринбург) Иностранные воинские захоронения Второй мировой войны на Урале (география размещения) 346
Мохов А.С. (Екатеринбург) Византийские свинцовые печати VIII—XI вв. с географическими названиями как исторический источник 348
Новичихин А.М. (Анапа) Синды на Истре (Apoll. Rhod., IV, 309-328) 351
Орлицкий Ю.Б. (Москва) «География стихотворения»: к истории обозначения места написания поэтического текста в его заголовочно-финальном комплексе 353
Орлова А.П. (Санкт-Петербург) Историческая география Царскосельского уезда во второй половине XVIII – начале XIX века на картах и планах 356
Плавская Е.В. (Москва) Франция в заметках русского путешественника И.Г. Головина 358
Полонский Д.Г. (Москва) Этногеографический фактор модификации имен иноземцев приказными служащими конца XVI—XVII в. 361
Понурко К.О., Теуш О.А. (Екатеринбург) Архив В.И. Пономарева как источник для изучения великоустюжской историко-культурной зоны 365
Попов Д.С. (Москва) Опыт международного сравнения систем образования по Международной программе оценки компетенций взрослых (PIAAC) 368
Поселянин А.А. (Москва) Старинные вотчины оболенских князей в XVIII в. 370
Пчелов Е.В. (Москва) Отражение представлений о географической структуре мира в легенде о происхождении русских князей в «Послании» Спиридона-Саввы 372
Рамазанова Д.Н. (Москва) Первые географические труды греческих ученых поствизантийской эпохи 376
Рашковский Б.Е. (Москва) Географическое пространство Центральной и Восточной Европы в трудах еврейских интеллектуалов X—XII вв. 380

Ребещенкова И.Г. (Санкт-Петербург)
Природно-культурное пространство как фактор духовной эволюции человека («Итальянское путешествие» И.В. Гете) ... 382
Рожина А.В. (Сыктывкар)
Монастыри Вологодской губернии в записках путешественников XIX — начала XX в. ... 385
Рыбакова С.Н. (Москва) Топонимика в мемуарах А.-О.-Л. де Коленкура ... 387
Савельева Г.Н. (Москва) О роли географического фактора в становлении восточнославянского этноса и русского языка ... 390
Самарина Н.Г. (Москва) Историческая география в музееведческих исследованиях ... 392
Севастьянов Ф.Л. (Санкт-Петербург)
«Губернии бывшей Польши» ... 395
Смирнов С.А. (Москва) География изучения произведений В.О. Пелевина (по базам данных ИНИОН) ... 397
Соколинская П.А. (Москва) Пространство города в балете С.С. Прокофьева «Стальной скок» (1927 г.) ... 399
Соколова А.А. (Санкт-Петербург) В.С. Жекулин и становление ландшафтного направления в исторической географии ... 402
Солодкин Я.Г. (Нижневартовск) О происхождении оригинальных историко-географических известий Погодинского летописца ... 405
Старков В.А. (Киев, Украина) К вопросу о локализации игровых явлений в Украине в XIX — начале XX в. ... 408
Столяров А.М. (Зеленодольск) Изучение истории государственной границы России в системе университетского образования ... 410
Сукина Л.Б. (Переславль-Залесский) М.И. Смирнов — исследователь истории Переславской ямской дороги ... 413
Суриков И.Е. (Москва) Историческая география и ономастика: о пользе взаимодействия различных специальных исторических дисциплин (на материале из античного Причерноморья) ... 415

Сухинин С.А. (Ростов-на-Дону), Фоменко В.Г. (Тирасполь, Молдавия) Историческая география Приднестровья в проблемном поле новой локальной истории 419
Сухорученко С.С. (Москва) Социальный и географический состав вкладчиков Супрасльского монастыря XVI—XVII вв. 422
Тархова Н.С. К истори военно-административного деления России 424
Терентьева Н.В. (Тверь) О трактовке символов герба и флага Бежецкого района Тверской области 427
Тимофеева О.Э. (Иркутск) Вьетнамская трагедия 1954—1975 гг.: историко-географические причины 430
Тимохин Д.М. (Москва) Монгольское нашествие на Центральную Азию и судьба городов Хорасана и Мавераннахра 432
Тихонов В.В. (Красногорск) М.К. Любавский в уфимской ссылке (по материалам писем к А.И. Яковлеву) 436
Уткина Н.А. (Нижний Новгород) Комплексная антропологическая экспедиция Нижегородского научного общества по изучению местного края в 1925—1926 гг. 438
Фельдман Д.З. (Москва) К истории местечка Шклов — одного из центров еврейской жизни в России конца XVIII в. 441
Филимончик С.Н. (Петрозаводск) А.И. Андреев как исследователь Европейского Севера России 444
Фролов А.А. (Тверь) Историко-географические аспекты писцовых полевых работ рубежа XV—XVI вв. 446
Хоруженко О.И. (Москва) Палеографические особенности бытования топонимов писцовых книг XVI—XVII вв. 449
Худин К.С. (Москва) География снабжения Аптекарского приказа лекарственными растениями (1629—1673) 452
Чепелевский С.В. (Москва) География вымышленного пространства романа Дж.Р.Р. Толкина «Властелин Колец» 454

Черкасова М.С. (Вологда) Географические маркеры в именовании монашества XV—XVII вв. ... 457
Шаповал В.В. (Москва) География историческая и география лингвистическая ... 460
Шустова Ю.Э. (Москва) География изданий разрешительных грамот восточных патриархов в XVII в. ... 463
Янсонс Л. (Рига, Латвия) «Коммунистический лагерь» и «свободный мир» как категории исторической метагеографии Холодной Войны: примеры анализа архивных документов США (1961—1963) ... 467

Круглый стол

Пашков А.М. (Петрозаводск) Историческая география в отечественном архивном образовании конца XIX – начала XX вв. ... 472
Мининков Н.А. (Ростов-на-Дону) Лекционный курс В.А. Муравьева по исторической географии на истфаке ЮФУ в 2008 г. ... 489

От редколлегии

Вниманию читателя предлагаются материалы очередной, XXIII ежегодной конференции кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Эта конференция посвящена 70-летию со дня рождения профессора кафедры Виктора Александровича Муравьева (1941—2009).

Традиция преподавания исторической географии на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин начала складываться еще в конце 1940-х гг. Так, 22 апреля 1950 г. Министерством высшего образования СССР была утверждена, а 28 ноября 1950 г. подписана в печать и опубликована тиражом в 500 экз. «Программа курса "Историческая география СССР" (для Московского государственного историко-архивного института)». Составителем программы была указана кафедра вспомогательных исторических дисциплин, а ответственными редакторами — И.А. Кудрявцев и В.И. Самойлов. По воспоминаниям О.М. Медушевской составителем программы мог быть только В.К. Яцунский.

В становлении традиций преподавания исторической географии, в первую очередь, сыграли значительную роль Виктор Корнельевич Яцунский и Ольга Михайловна Медушевская. После появления монографии В.К. Яцунского «Историческая география (История ее возникновения и развития в XIV—XVIII веках)» (М., 1955) О.М. Медушевская опубликовала учебные пособия по курсу. А судя по сохранившимся в коллекции кафедры дипломным работам, историко-географические проблемы решались студентами уже на рубеже 1940—1950-х гг. В 1951 г. были защищены дипломные работы Б.Г. Литвака «Крестьянская реформа 1861 года в Волоколамском уезде Московской губернии (по данным уставных грамот)» и В. Баранцева «История административного деления СССР (1917—1951 гг.)». Историко-географическая и историко-демографическая тематика дипломных работ постоянно присутствовала в преподавательской работе профессора В.К. Яцунского. Под его руководством защищены такие дипломные работы, как «Материалы ревизий как источ-

ник по истории населения России» (В.В. Белецкая. 1954. В отзыве, подписанном 13 апреля 1954 г. В.К. Яцунский указывал, что «работа имеет источниковедческий характер». Оппонентами выступили А.Ц. Мерзон, высоко оценивший умение автора выявить специфические особенности ревизских сказок и окладных книг «как источников по демографической статистике», и В.И. Буганов, отметивший составленные В.В. Белецкой карты), «Материалы ревизий как источник по истории народонаселения России XVIII в. и первой половины XIX в. (1718—1860 гг.)» (В.М. Кабузан. 1955. 2 т.), «"Списки населенных мест Российской империи" как исторический источник» (Л.И. Панин. 1957. В.К. Яцунский писал в отзыве: «Среди студенческих работ, которые мне приходилось читать за последние десять лет, работа т. Панина представляет собою выдающееся явление». М.Н. Черноморский как оппонент обратил внимание на то, что в работе раскрыто значение источников «с точки зрения решения задач, связанных с развитием исторической географии, и в отношении использования топонимики в историческом исследовании», а Н.М. Шепукова оценила тот факт, что в работе «поставлен и решен целый ряд важных источниковедческих проблем, ранее не ставившихся исследователями»), «История Мальцевского промышленного округа (XVII-XIX вв.)» (И.А. Плетнев. 1957. Авторами отзывов стали О.М. Медушевская и Е.И. Каменцева, отметившие разнообразие привлеченных источников, среди которых, по словам О.М. Медушевской, «статистические источники, давшие ценный материал по вопросам топонимики, населения округа»), «Ведомости фабрик и заводов Владимирской губернии первой половины XIX века как исторический источник» (Ю.Я. Рыбаков. 1958. Отзыв В.К. Яцунского от 10 мая 1958 г. оказался более подробным, нежели обычно. Научный руководитель охарактеризовал сам процесс исследования: состав и полноту источников во Владимирских и Московских архивах, поездки автора дипломной работы во Владимир и его работу с фондами. Научный руководитель дал очень высокую оценку исследованию: «Среди студенческих работ работа Ю.Я. Рыбакова является одной из наиболее выдающихся. Ее безусловно следует опубликовать, а автора премировать». И.А. Миронова отметила, что «тщательный анализ ведомостей… дает возможность определить автору характер промышленности Владимирской губернии и ее размещение в первой половине XIX в., указать основные от-

расли промышленности и промышленные центры губернии. … Работа должна быть непременно опубликована». Отзыв С.М. Каштанова получился обстоятельным и детальным. Дипломнику «удалось раскрыть перед читателем заманчивую научную перспективу, которая возникает при конкретно-историческом исследовании важнейших социально-экономических вопросов, основанном на строгом учете географии изучаемых явлений. … Отличительной чертой источниковедческих этюдов автора является постоянное обоснование своего подхода к источнику, терпеливое разъяснение технически лучших приемов исследования ведомостей. Анализируя ведомости.., автор старается объяснить определенное размещение отраслей промышленности по уездам. Пока он ограничивается, правда, лишь учетом исторических традиций, природных условий различных мест, однако, сама идея дифференцированного подхода к разным уездам осуществляется им в какой-то мере на практике, что крайне важно для изучения социально-экономической истории». С.М. Каштанов также призывал публиковать работу Ю.Я. Рыбакова), «"Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости (Извлечения из описаний помещичьих имений в 100 и свыше душ)" как источник о положении крепостных крестьян Пензенской губернии накануне реформы 1861 года» (И.Л. Маркова. 1959. Научный руководитель и в данном случае отмечал значительный корпус впервые вводимых в оборот источников, а также ценный опыт сравнения «Приложений» с уставными грамотами. И.А. Миронова писала о том, что «большой интерес представляют таблицы, характеризующие размеры крестьянского и помещичьего землепользования, среднего крестьянского душевого надела, барщинной, оброчной и смешанной форм эксплуатации крестьян и т. д. как по губернии в целом, так и, что особенно ценно, по уездам». Отмечала значительный интерес новых данных, полученных при анализе показателей составленных автором таблиц, Н.М. Шепукова).

Несколько дипломных работ по проблематике исторической географии и картографии было защищено под руководством О.М. Медушевской в первые годы ее преподавания на кафедре. Некоторые находятся в коллекции кафедры.

Подробный экскурс в историю преподавания исторической географии в первые годы чтения самостоятельного курса показыва-

ет высокий уровень осмысления проблематики, заданный кафедрой В.К. Яцунским, и высокого уровня научные результаты, достигнутые уже первыми дипломниками кафедры, писавшими историко-географические исследования.

В 1980-х гг. усилиями Александра Лазаревича Станиславского преподавание исторической географии было возрождено. Он вновь стал читать лекционный курс «Историческая география». Среди материалов, свидетельствующих о структуре и содержании курса, — конспекты лекций, составленные студентами-слушателями лекций Александра Лазаревича. Под руководством А.Л. Станиславского также были защищены несколько дипломных работ, посвященных анализу источников с историко-географической информацией.

В.А. Муравьев обратился к предметной области исторической географии, руководствуясь интересами и потребностями кафедры в преподавании этой дисциплины и стал читать курс с 1990 г. К этому времени он был уже признанным специалистом в области истории исторической науки. По-видимому, именно это обстоятельство, а также опора на сложившиеся на кафедре традиции, которые он хорошо знал как профессиональный историограф и трепетно уважал как человек безупречной научной этики, помогли Виктору Александровичу изначально задать весьма высокий уровень осмысления проблематики исторической географии в новой социокультурной и теоретико-познавательной ситуации 1990–2000-х годов. Во многом усилиями В.А. Муравьева в рамках Научно-педагогической школы источниковедения Историко-архивного института, стремившейся и в этой области оставаться на уровне достижений как мировой, так и отечественной науки, происходило переосмысление предмета, метода и — главное — дисциплинарного статуса исторической географии: из традиционной вспомогательной исторической дисциплины, целью которой была локализация исторических событий в географическом пространстве, она трансформировалась в самостоятельное проблемное поле, а также в метод гуманитарного познания. Этапные результаты этой работы были зафиксированы на конференциях, проведенных кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин специально по проблемам исторической географии, а также — более широко — по проблематике вспомогательных исторических дисциплин в целом: Вспомогательные исторические дисциплины: высшая

школа, исследовательская деятельность, общественные организации (27—29 янв. 1994 г.); Исторический источник: человек и пространство (3—5 февраля 1997 г.); Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы: В честь Е.И. Каменцевой. (1—2 февр. 2001 г.).; Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: Памяти Е.И. Каменцевой (26—28 янв. 2006 г.); Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: Памяти О.М. Медушевской (31 янв.—2 февр. 2008 г.); Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания (29—31 янв. 2009 г.); Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: К 90-летию со дня рождения профессора кафедры Елены Ивановны Каменцевой и 90-летию со дня рождения доцента кафедры Ирины Александровны Мироновой (28—30 янв. 2010 г.). Уже в пленарном докладе «Пространство, время, история человека и общества: историческая география в системе исторических наук» на конференции 1997 г. В.А. Муравьев постулировал основы исторической географии как метода гуманитарного познания: «Бесконечное разнообразие мер в историческом познании, возможность сосуществования и конкуренции их определенного сомножества, споры о мерах даже в рамках одной и той же методологии восходят к трем главным феноменам истории человека, проявляющим себя и в историческом процессе, и в его познании. Это — Время, Пространство, Событие». Более глубоко, нежели только задачи локализации исторических событий в пространстве, мыслились им проблемы исторической географии как науки: «Первые встающие перед нами проблемы:

- как историческая география соотносит (и соотносила) внутри самой себя пространство, время и событие (явление, факт) — сами понятия которых динамичны, что, собственно говоря, было объектом и предметом ее изучения в ее истории;

- чем в этом соотнесении она отличается от других наук (и потому является ли наукой сама?), традиционен ли ее объект и предмет изучения, или эти понятия пора увидеть заново;

- что стоит за уникальностью, однодонностью (“корпускулярным характером”) исторического источника и непрерывной природой процесса и знания об этом процессе — в данном контексте ис-

торическая география представляет один из частных случаев знания о прошлом».

Современному состоянию исторической географии, произошедшему в ней «культурному повороту» посвящены доклады, заявленные на настоящей конференции в качестве пленарных.

Цель конференции «Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве» состоит в том, чтобы (1) зафиксировать современное состояние этой сферы знания в российской исторической науке, (2) выявить параметры происходящих в исторической географии трансформаций и изменение ее дисциплинарного статуса, (3) главное: очертить контуры предметного поля исторической географии и выявить характер взаимодействий со смежными предметными областями. Очевидно, что цель данной конференции коррелирует с целями прежних конференций кафедры, посвященных проблемному полю исторической географии.

Именно в силу дискуссионности последней проблемы, обусловленной зафиксированными трансформациями предметного поля и дисциплинарного статуса исторической географии, в частности, «культурным поворотом» в историко-географическом и собственно географическом знании, организаторы конференции не стремились отсекать доклады, не совсем, может быть, вписывающиеся в традиционную проблематику исторической географии, и тем самым оставили максимально широкое пространство для дискуссии на эту тему. При этом собственная позиция организаторов заявлена не только в пленарных докладах, но и через структурирование Программы конференции.

Представленные на конференции доклады охватывают самый широкий спектр проблем. Несколько докладов посвящены вопросам теории исторической географии, ее метода и понятийному аппарату.

Участники конференции в своих докладах рассматривают как традиционные проблемы исторической географии (географическая локализиция исторических событий, проблемы расселения и хозяйственного освоения территорий, история коммуникаций, роль географического фактора в исторических событиях), так и новые темы, постановка которых во многом обусловлена «культурным поворотом»: ряд докладов посвящен виртуальным и символическим пространствам; участники конференции уделили внимание и проблемам восприятия пространства, конструирования пространства в культуре.

Традиционно существенное место занимают доклады по проблемам новой локальной истории – одного из актуальных проблемных полей современного исторического знания, в том числе и по вопросам урбанистики и сельской истории. В тесной связи с этой проблематикой находятся доклады. В которых реализуются микроисторические подходы в историко-географических исследованиях.

Значительное число докладов посвящено вопросам историографии этой области исторического знания, включая монографические сюжеты по отдельным персоналиям, и источниковедения исторической географии, а также специальному изучению географических карт и процесса картографирования как культурно-исторически обусловленному.

Отдельная проблема, рассматриваемая участниками конференции, — междисциплинарные связи исторической географии со вспомогательными науками истории, такими как: палеография, метрология, геральдика, генеалогия, сфрагистика, бонистика. Существенное место отведено и ономастике, и особенно топонимике, как источнику историко-географической информации.

В качестве смежной с исторической географией дисциплины, имеющей с ней неразрывные междисциплинарные связи, может рассматриваться имагология, проблематика которой также представленная на конференции.

Особое значение в рамках настоящей конференции приобретает традиционный «круглый стол», посвященный проблемам преподавания. Дело в том, что Виктор Александрович Муравьев не оставил большого количества научных публикаций. Будучи убежденным, что целостный лекционный курс — это высшая форма концептуализации знания, он во многом реализовывал свой не только преподавательский, но и исследовательский талант в своих лекциях. Мы выражаем особую признательность Н.А. Мининкову, профессору Южного федерального университета, который в свое время взял на себя труд полностью прослушать лекционный курс В.А. Муравьева по исторической географии для студентов и магистрантов ЮФУ и осмыслил его в своем докладе, предоставленным для «круглого стола» конференции.

За годы преподавания курса В.А. Муравьев разработал базовую программу курса «Историческая география» (ответственный редак-

тор О.М. Медушевская), а также программы оригинальных авторских курсов «Историческая география России» и «Историческая география Европы». Среди подготовительных материалов В.А. Муравьева, требующих изучения и, как представляется, публикации, — тезисы читанных лекций, а также тексты некоторых из них.

Материалы конференции, на наш взгляд, репрезентативно показывают состояние и ведущие направления исследований в области исторической географии. В конференции принимают участие ученые из ведущих научных, в том числе Института всеобщей истории и Института российской истории РАН, и учебных, включая ведущие университеты, центров, а также музеев и библиотек России и соседних стран. География участников: Анапа, Астана (Казахстан), Великий Новгород, Вологда, Воронеж, Гомель и Гродно (Белоруссия), Екатеринбург, Зеленодольск, Ижевск, Иркутск, Казань, Киев (Украина), Красногорск, Красноярск, Магас, Москва, Набережные Челны, Нижневартовск, Нижний Новгород, Новокузнецк, Омск, Переславль-Залесский, Пермь, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Рига (Латвия), Саратов, Сочи, Ставрополь, Сыктывкар, Ташкент (Узбекистан), Тверь, Тирасполь (Приднестровье, Молдавия), Тула, Тюмень, Чехов.

Кафедра благодарна коллегам, традиционно принимающим участие в конференциях кафедры, а также рада знакомству с новыми участниками, которые, мы надеемся, войдут в наше профессиональное сообщество, объединяемое Научно-педагогической школой источниковедения Историко-архивного института.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

И.Г. Коновалова (Москва)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПОЛЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В отечественной академической традиции историческая география рассматривается как историческая дисциплина, имеющая в силу своего пограничного характера особый статус вспомогательной (или специальной).

Такое определение во многом обусловлено историей становления и развития исторической географии, которая на первых порах была тесно связана с практикой изучения и комментирования античных и средневековых текстов, служивших основным источником для реконструкций географий прошлого. В дальнейшем закреплению за исторической географией статуса вспомогательной исторической дисциплины весьма способствовало появившееся в эпоху модерна представление о том, что основной формой (в том числе – пространственной) организации памяти о прошлом является национальная история с характерным для нее вниманием к таким вопросам, как история политических и административных границ, история внутренней колонизации и т. п. На различных этапах развития дисциплины происходили изменения в понимании содержания и задач исторической географии, временами приводившие к оживлению исследований и плодотворному диалогу с представителями смежных наук (как это было, например, в СССР в 40-е–50-е годы XX в.), но в целом историческая география продолжает восприниматься среди российских историков как вспомогательная наука.

«Вспомогательность» (чтобы не сказать – второстепенность) исторической географии как исторической дисциплины проявляется в настоящее время как в академической науке, так и в преподавании.

Специализированных подразделений, занимающихся исторической географией, в системе РАН немного. Это существующая с 1962 г. группа исторической географии (ныне – в составе Центра истории изучения территории и населения России) Института российской истории РАН, созданный в 2009 г. и пока еще очень малочисленный Центр исторической географии и исторической картографии Института всеобщей истории РАН, а также Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии.

Историческая география как учебная дисциплина включена в федеральный компонент Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по специальности «История». При этом кафедр исторической географии на исторических факультетах университетов нет, что неудивительно, так как даже кафедры вспомогательных (специальных) исторических дисциплин в большинстве российских университетов в настоящее время отсутствуют. Разумеется, студенты или аспиранты могут, если захотят, написать дипломную работу или диссертацию по исторической географии, но в принципе подготовка специалистов такого рода целенаправленно не ведется.

В читаемых на исторических факультетах лекционных курсах по исторической географии, за редким исключением (Корандей Ф.С. Введение в историческую географию: Учеб. пособие. Тюмень, 2008), не уделяется должного внимания общим вопросам, не дается представления об историографическом контексте развития дисциплины (как отечественном, так и зарубежном), о существующей множественности подходов к проведению историко-географических исследований, о методиках, практикуемых в этой области географами. Последнее имеет особенно большое значение, так как приходится признавать, что на сегодняшний день мировую повестку дня в исторической географии – так, как она представлена в профильных международных журналах и на международных конференциях, – формируют, прежде всего методологически, по большей части профессиональные географы.

Выпускаемые для студентов-историков учебные пособия по исторической географии, как правило, носят прикладной характер, сообщая готовый набор сведений по географии тех или иных исторических эпох или стран, что, конечно, совершенно необходимо

для полноценной подготовки специалистов-историков, но явно недостаточно для показа формирования и перспектив самой исторической географии как научной дисциплины.

Несмотря на все объективные трудности, историками в области исторической географии сделано и делается много полезного. Вопросы, так или иначе связанные с изучением пространственной составляющей исторического процесса, затрагиваются во множестве работ, благодаря чему появляется множество качественных исследований по различным историко-географическим сюжетам российской и всеобщей истории.

Проблема в том, что результаты этих исследований очень часто не позиционируются как достижения в области исторической географии и вследствие этого не подвергаются соответствующему теоретическому осмыслению в рамках этой дисциплины. На практике любое историческое исследование, в котором изучение динамики пространственных структур играет хоть какую-то роль, в принципе может считаться работой по исторической географии, а может – в зависимости от внешних обстоятельств – и не считаться таковой, а рассматриваться как собственно историческое исследование. Конечно, междисциплинарные рамки внутри исторической науки – вещь достаточно условная, однако следование им необходимо как для координации усилий самих историков, тяготеющих к историко-географической проблематике, так и для налаживания нормального диалога с представителями других наук.

Непопулярность такой самоидентификации отчасти вызвана тем, что в настоящее время среди историков нет общепризнанного определения предмета исторической географии, что, безусловно, размывает границы дисциплины и не способствует консолидации профессиональных усилий на этом направлении. Господствующий сейчас в гуманитарных науках методологический плюрализм, похоже, оставил в прошлом горячие дискуссии относительно предмета дисциплины (последняя такая широкая дискуссия имела место в СССР в 70-х годах прошлого века), что также не помогает институализации той реальной работы, которая ведется в области историко-географических исследований.

Ярким свидетельством того, что в профессиональном сообществе историков весьма слабо выражен интерес к теоретическим проблемам исторической географии, является отсутствие у россий-

ских историков своего периодического (или хотя бы продолжающегося) издания, целиком посвященного вопросам исторической географии как таковой. Правда, есть надежда на то, что это положение начинает меняться. К примеру, в Институте российской истории РАН в 2007 г. начато издание сборника «Проблемы исторической географии и демографии России», который, как сказано в предисловии к первому выпуску, задуман как серийный.

Пребывая в статусе вспомогательной дисциплины, историческая география сама по себе становится даже для историков не слишком интересной за пределами своего узко профессионального цеха. Это, в частности, ярко проявилось на очередном Международном конгрессе исторических наук, проходившем в августе 2010 г. в Амстердаме. В программе конгресса слова «историческая география» ни в каком контексте ни разу не упоминались, хотя там состоялось несколько заседаний, на которых обсуждались проблемы, впрямую относящиеся к исторической географии. Так, два круглых стола были посвящены проблеме формирования и функционирования представлений об окружающем мире в картографии от античности до наших дней; на ряде заседаний рассматривалась проблема распада империй, в том числе ее пространственный аспект; обсуждались типы, характер и функции границ, а также восприятие пространства в Новое время и роль пространственных концептов в формировании различных территориальных общностей. Историко-географическая ипостась всех этих проблем исследовалась не в формате «вспомогательной» (или «специальной») дисциплины, а в более широком историческом и – главное – историографическом и методологическом контексте, позволяющем по-новому взглянуть на привычные проблемы исторической географии.

В литературе последних лет уделялось большое внимание историко-географическому изучению нематериальных феноменов – таких, как представления о географическом пространстве у разных народов, формирование идентичностей и т. д. В результате были проблематизированы ключевые пространственные понятия и представления, которые традиционно воспринимаются как обозначения реально существующих физико-географических, историко-культурных и политико-административных объектов («регион»; «территория»; «граница»). «Регионы», «территории» и «границы» стали рассматриваться не столько как данность и готовая форма,

сколько как социальные и ментальные конструкты, вызванные к жизни вполне определенными общественными и политическими причинами и потребностями, очень часто лежащими за пределами самого региона (см.: Allen J., Massey D., Cochrane A. Rethinking the region. London, 1998; Regions: Critical Essays in Human Geography / Ed. J.N. Entrikin. A, 2008; Gottmann J. The evolution of the concept of territory // Politics: Critical Essays in Human Geography / Ed. Agnew J., Mamadouh V. Aldershot, 2008; Kymäläinen P., Lehtinen A.A. Chora in current geographical thought: Places of co-desigh and re-membering // Geografiska Annaler: Ser. B. Human Geography. 2010. Vol. 92 (3). P. 251-261). Поэтому районирование из привычной отправной точки историко-географического исследования все больше становится его целью. Этот семантический сдвиг находит отражение в самих терминах: говорится не столько о «границах», сколько о «разграничении», не о «регионах», а об их «конструировании». Можно назвать уже, наверное, не меньше десятка монографий, где история региона или страны – Восточной Европы, Балкан, Юго-Восточной Азии, Индии, Франции, Испании, Ирландии, Японии и др. – рассматривается как его «изобретение» или «конструирование» (Wolff L. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford, 1994; Todorova M. Imagining the Balkans. New York, 1997; Howarth D. The Invention of Spain: Cultural Relations between Britain and Spain, 1770–1870. Manchester; New York, 2007 etc.).

В историко-географических исследованиях все шире вводятся в оборот и новые термины для обозначения пространственных реалий с весьма специфическими, пограничными социо-культурными характеристиками – например, «контактная зона» у историков (или «транзитная зона» у географов), т. е. место возникновения синтезных феноменов, формирующихся на базе взаимодействующих социумов. Порой эти контактные зоны принимали весьма причудливые пространственные конфигурации. Чего стоит, к примеру, «контактная зона», созданная в Евразии в V–VIII вв. согдийцами, которая, не представляя собой непрерывной полосы, протянулась от Судака на западе до Китая на востоке.

Проблематизирована также универсальная природа научного знания как такового и историко-географического знания, в частности. Появилось довольно много исследований, где на разном материале – от античности до наших дней – рассматриваются вопросы,

связанные с региональными особенностями производства знания, и делается вывод о том, что производство и потребление научных знаний всегда было обусловлено не только временем, но и местом (Livingstone D. Putting Science in its Place: Geographies of Scientific Knowledge. Chicago, 2003). Для современных историко-географических исследований характерна констатация наличия различных «пространств знания» (spaces of knowledge), в каждом из которых вырабатываются концепты и подходы, в содержательном плане совпадающие между собой только частично и поэтому работающие лишь в пределах определенного цивилизационного пространства (Naylor S. Historical geographies of science: Places, contexts, cartographies // British Journal for the History of Science. 2005. Vol. 38. P. 1–12).

С точки зрения «географии знания» подвергаются переоценке и сами академические структуры, в частности такие их столпы как академические географические журналы, имеющие международный статус и высокий рейтинг. В целом ряде статей обсуждается вопрос о том, что циркуляция идей в научном мире отнюдь не беспрепятственна и не определяется исключительно их интеллектуальной ценностью. Напротив, одни идеи рассматриваются в плотной привязке к тем местам, где они возникают, в то время как другие позиционируются как всеобщие и всепроникающие. Такая практика локализации или – наоборот – детерриторизации идей служит выстраиванию определенной иерархии в «географии академического знания» и складывается вовсе не стихийно. Как показал библиометрический анализ так называемых «международных» журналов, методологическую повестку дня и правила игры в пределах дисциплины (human geography) формулируют представители англо-американских университетов, олицетворяющие собой «западную» науку вообще, а на долю европейских ученых, не говоря уже обо всех остальных, остается формат изучения частных вопросов (Gutiérrez J., López-Nieva P. Are international journals of human geography really international? // Progress in Human Geography. 2001. Vol. 25. N. 1. P. 53-69).

Наконец, проблематизация не обошла стороной и карты – один из важнейших источников для историко-географических исследований, а также очень часто конечный продукт таких штудий. Начиная с середины 1980-х годов, во многом под влиянием работ Б. Харли о картографии Раннего Нового времени (Harley J.B.

Deconstructing the map // Cartographica. 1989. Vol. 26. N. 2. P. 1–20), был подвергнут кардинальному пересмотру статус карты как объективного научного продукта, единственной целью которого является максимально точное отображение поверхности земли, и тем самым был поставлен под сомнение взгляд на историю картографии как на поступательное движение ко все большей и большей точности карт (Edney M.H. Cartography without «progress»: Reinterpreting the nature and historical development of mapmaking // Cartographica. 1993. Vol. 30 (2-3). P. 54-68). Сейчас признано, что не существует «картографии вообще» как единого предприятия, развивающегося на универсальной основе; есть различные способы картографирования, каждый из которых является частью более широкого национального контекста, в рамках которого формируется определенный способ освоения пространства. Поэтому в современных исследованиях акцент делается не на изучении карты как продукта, а на картографировании как процессе, посредством которого знание не столько репрезентируется, сколько создается, причем создается всякий раз заново, под новую задачу (Kitchin R., Dodge M. Rethinking maps // Progress in Human Geography. 2007. Vol. 32 (3). P. 331-344). Очень показательны в этом отношении наименования ключевых тем в повестке дня на 23-й международной конференции по истории картографии (Копенгаген, июль 2009 г.). Из девятнадцати тем, обсуждавшихся на конференции, названия одиннадцати были сформулированы именно как «картографирование» – шла ли речь об изображении на картах того или иного участка Земли (Арктики или американских колоний), об особенностях производства карт в разные периоды времени, о специфике той или иной отрасли картографии (военной, морской, религиозной) или же о роли карт в формировании национальной идентичности.

Производство карт рассматривается в контексте общественных и государственных потребностей того или иного времени и места, и это, конечно, принципиально изменяет отношение к интерпретации карты как таковой. За последние двадцать лет в историографии утвердилась мысль о том, что карты следует оценивать не с точки зрения их «точности», а через призму из культурно-исторической и художественной специфики. Изучение социокультурного и политического контекста, в рамках которого карты производились и использовались, привели к выводу о многофункциональности карт и –

соответственно – к признанию сложного характера картографического изображения как такового. Таким образом, карта рассматривается как более или менее ангажированная концептуализация географического пространства, как культурный текст, наполненный смыслами, выходящими за рамки собственно пространственных отношений (Wood D., Fels J. The Natures of Maps: Cartographic Constructions of the Natural World. Chicago, 2008). «Вторым текстом» карты стала признаваться ее подспудная идеологическая составляющая, которая через заказчика карты и ее пользователя оказывает влияние на смысл и назначение картографического изображения.

В самостоятельную проблему выделилось изучение производства карт как формы политического дискурса, как одной из отраслей политики и пропаганды, как манифестации власти – военной, административной, религиозной, экономической (Monmonier M. How to lie with maps. Chicago, 1996; Barber P., Harper T. Magnificent Maps: Power, Propaganda and Art. London, 2010). И это относится не только к картам Средних веков или Нового времени, но и к современным картам, составленным с помощью ГИС-технологий. Как показывает анализ ГИС-карт, они так же ценностно ориентированы и ситуативно обусловлены, как и карты Нового времени (Gregory I.N. A place in history: A guide to using GIS in historical research. Oxford, 2002; Crampton J. The political mapping of cyberspace. Edinburgh, 2003; Gregory I., Healey R. Historical GIS: Structuring, mapping and analysing geographies of the past // Progress in Human Geography. 2007. Vol. 31. P. 638–653).

Сегодня историческая география включает в себя широкий круг проблем, касающихся практически всех пространственных аспектов развития человеческого общества и изучения исторических закономерностей в их пространственной форме – таких, как влияние природной среды на пространственное разнообразие исторического процесса, формирование и динамика территориальных различий в жизни общества, исторические изменения окружающей среды и роль в них антропогенного фактора, политические аспекты географических границ, миграции, переселения, завоевания, история коммуникаций и инфраструктуры, география населения и хозяйства, география знания, религии и вообще всего, чего угодно – от здоровья и туризма до подземного и космического пространств. Поэтому не случайно, что сегодня не только среди историков, но и

среди географов нет общепринятого определения предмета исторической географии. Можно сказать, что историческая география сегодня понимается прежде всего как метод, позволяющий исследовать пространственно-историческую составляющую практически любого социокультурного процесса.

Совершенно очевидно, что при разработке проблем исторической географии всегда будет существовать некое разумное разделение труда между историками и географами уже хотя бы потому, что большинство географов, занимающихся исторической географией, ориентированы на связь своих исследований с современными проблемами и далеко в глубь хронологии идут сравнительно редко. Кроме того, географы, как правило, сами не работают с историческими источниками, в особенности с древними и средневековыми, поскольку извлечение из них информации требует специальных знаний, умений и навыков, а либо опираются на исследования историков в соответствующей области, либо включаются в совместные проекты (см., например, отчет о сотрудничестве античников, географов, археологов и IT-специалистов по изучению пространственных данных в «Истории» Геродота: Mapping an ancient historian in a digital age: the Herodotus Encoded Space-Text-Image Archive (HESTIA) / Barker E., Bouzarovski S., Pelling C., Isaksen L. // Leeds International Classical Studies. 2010. Vol. 9.1: http://oro.open.ac.uk/20528/1/hestia_lics2010.pdf). Поэтому всяческое развитие исторической географии как специфической источниковедческой практики (т.е. в качестве вспомогательной дисциплины) продолжает оставаться и важной задачей исторической науки, и ее безусловной вотчиной.

Вместе с тем, статус исторической географии как вспомогательной дисциплины не отражает потребности исторической географии как отрасли знания. И в этом смысле опубликованный одиннадцать лет назад московскими географами документ под названием «“Декларация независимости” исторической географии» (Вестник исторической географии. Смоленск, 1999. Вып. 1. С. 157–158), в котором история и география были объявлены вспомогательными по отношению к исторической географии отраслями знания, не выглядит уж столь экстравагантным.

Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева (Москва)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: ОТ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ К МЕТОДУ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Историческая география как отрасль исторического знания более-менее постоянно привлекала внимание историков. Но на протяжении своего существования она переживала несколько периодов актуализации, что всегда было связано как со сменой парадигм, так и с обусловленной этой сменой трансформацией проблемных полей. Во второй половине XIX — начале XX в. перед исторической географией стояла цель рассмотрения территориальных изменений государств и политических образований во временном и географическом пространствах (Freeman E.A. The Historical Geography of Europe. L., 1881-1882. Vol. 1-2), ее предметом называли территорию, «которую занимал… народ в разное время» (Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией: Курс, читанный в Московском университете в 1908-9 акад. г. М., 1909. С. 3), формулировали задачи «определять границы… государства в разные эпохи его существования, а также границы составных частей государства» (Историческая география: Лекции, читанные проф. С.М. Середониным в Императорском Петроградском Археологическом Институте. Пг., 1916. С. 1). Все это было связано с тем, что в классической европейской историографии нация играла роль главного субъекта истории.

Сама историческая география с момента зарождения европейской исторической науки состояла в разряде «помощницы», «особенной науки» (как назвал ее в XVIII в. академик Г.Ф. Миллер: Миллер Г.Ф. Предисловие // Полунин Ф.А. Географический лексикон Российского государства. М., 1773. С. II). Еще в середине XX в. исследователи полагали, что историческая география должна ***помочь*** историку в локализации изучаемого исторического события, в объяснении систем аграрных отношений, переселения народов, происхождения и роста городов, формирования средств и путей сообщения и т. д. (Wooldridge S.W., Gordon East W. The Spirit and Purpose of Geography. L., 1951. P. 80). В последнее время, как заметил

В.А. Муравьев, историческая география эволюционирует «через дисциплину с богатым самостоятельным содержанием к методу (в самом широком смысле) гуманитарного познания» (Муравьев В.А. Историческая география как научная дисциплина: Лекция — в печати). А в лекции «Историческая география как научная дисциплина», прочитанной студентам Южного федерального университета в 2008 г., один из тезисов В.А. Муравьев сформулировал так: «Историческая география в современном ее понимании, когда она переросла рамки вспомогательной дисциплины истории — это наука, изучающая не планету, а культуру в ее пространственно-временных структурах. Наука, изучающая пространственные структуры и соотношения того мира, которого уже нет» (Здесь и далее цит. по черновым материалам В.А. Муравьева к лекционному курсу по исторической географии, хранящимся на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ).

Превращение исторической географии в особый метод во многом связано с изменением пространственно-временных представлений, которые складывались в модернистском мироощущении и классическом европейском научном знании, реализованном, главным образом, в исторических нарративах, в том числе как национально-государственного, так и глобального уровней. Кризис современности / модерности заставил актуализировать проблему регионального разнообразия. В рамках новой локальной истории начат анализ процесса одновременного объединения мира глобальными системами и его расщепления на этно-региональные составляющие. В частности, Брюс М. Кнауфт отмечает, что процесс установления «современности» (модерности) проходил альтернативными путями и имел «региональный», «множественный», или вообще «другой» характер. Этот процесс не был однообразным и в локальном, и в культурном масштабах, он состоит из «микросовременностей» (micromodernities). Усиливающаяся глобализация сопровождается усилением локализации. Это, в свою очередь, увеличивает этнографическую зависимость «современности» и ставит на повестку дня вопрос возможности неокультурного релятивизма, который можно изучать не по «единой модели», а в рамках локальной истории (Knauft B.M. Critically Modern: An Introduction // Critically Modern: Alternatives, Alterities, Anthropologies.

Bloomington, 2002. P. 1-29). В последнее время исследователи для определения региональных или локальных особенностей современности используют понятия «альтернативные модерности», «параллельные модерности», «низшие модерности», «другие модерности», «множественные модерности», «наша модерность» и т. д. (Knauft B.M. Three Trials of the Oxymodern Public Practice at Nomad Station // Critically Modern… P. 105).

Гуманитаристика (в том числе историческая наука) все больше внимания уделяет пространству в истории. Для понимания этих трансформаций необходимо учесть ряд обстоятельств, оказавших влияние на актуализацию проблемы пространства. Это, в первую очередь, влияние социокультурной ситуации после постмодерна, критика современными гуманитариями «модерности» и «культурный поворот» в историографии, а также влияние на последнюю постпозитивистской географии (культурной географии) и, конечно, интенсивные поиски актуального предмета исторического познания и субъекта исторического действия, проводимые самими исследователями, в том числе, в проблемных полях новой локальной истории.

С конца XX в., при смене парадигмы гуманитарного знания, стали меняться научные приоритеты. Концепты «место», «пространство», «пейзаж» стали вызывать в гуманитаристике больший интерес, чем изучение событий как таковых. Там, где историки и антропологи изучали некогда индивидуальных акторов исторического процесса или изолированные друг от друга государственные территории, теперь наблюдается стремление исследовать их пространственные структуры, помещенные в контекст глобальных систем (Gregory D. Foreword // Jackson Peter. Maps of Meaning: An Introduction to Cultural Geography. N.Y., 1994. P. XI). В.А. Муравьев в лекциях курса «Историческая география», читанного студентам Историко-архивного института резюмировал: «Историческое пространство связано с историческим явлением, событием, фактом не только тем, что последние происходят на определенной территории, но и тем, что фактор пространства может их ограничивать или усиливать, усложнять, упрощать, деформировать, гасить. В уникальных переплетениях пространственных структур (наряду с другими причинами) незначительное, казалось бы, локальное событие может приобретать огромные масштабы или,

напротив, событие, казалось бы, способное обрести такие масштабы, в действительности быстро затухает, не оказав заметного воздействия на свою современность. Примерами и того, и другого рода богата история религиозных и социальных движений, мятежей, революций, войн, судеб научных открытий и произведений культуры».

Историография постмодерна оказалась довольно критичной по отношению к проблеме «модерности» или «современности» (Delgado E., Romero R.J. Local Histories and Global Designs: An Interview with Walter Mignolo L. // Discourse. 2000. Vol. 22, No. 3. P. 7-33). Осмысление этой проблемы позволяет говорить о том, что наше отношение к пространственно-временным образам формировалось представлением о «современности». Именно «современность» позволила некогда сконструировать периоды истории «Средневековье» (которое иногда приписывается новейшим обществам), «Новое время» и т. д. «Современность» создала в европейском сознании пространственную оппозицию «город» — «деревня». В деревне можно было отдохнуть от городской суеты, насладиться покоем естественного, «природного» состояния. Для Н.М. Карамзина эта идиллическая картина в начале XIX в. представлялась, например, такой: «…И просвещенный земледелец, сидя после трудов и работы на мягкой зелени с нежной своею подругою, не позавидует счастию роскошнейшего сатрапа. <…> Я поставлю в пример многих швейцарских, английских и немецких поселян, которые пашут землю и собирают библиотеки; пашут землю и читают Гомера и живут так чисто, так хорошо, что музам и грациям не стыдно посещать их» (Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Соч.: В 2 т. Л., 1984. С. 58-59). Европейскими просветителями XVIII в. сельское пространство было отнесено к ступени «варварства», а городское к «цивилизации». В результате город как объект исторического изучения стал привлекать внимание историописателей еще в XVIII в., а о сельской истории (именно сельской, а не аграрной или крестьянской) заговорили только на исходе XX в. (Румянцева М.Ф. Возможна ли «сельская история»: полемические заметки // Новая локальная история: Межвуз. науч.-образ. центр Ставропол. гос. ун-та и Рос. гос. аграр. ун-та — МСХА им. К.А. Тимирязева [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Б. м. и д. URL:

http://www.newlocalhistory.com/node/138 (дата обращения: 16.12.2010); Маловичко С.И., Зайцева Н.Л. Сельская история в проблемном поле «новой локальной истории» // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. 30-31 марта 2006 г. Омск, 2006. С. 11–15).

«Современность» колонизировала пространства, давая им названия: «Новый Свет», «Новороссия», «Новосибирск» и т. д. Она открывала эти «неупорядоченные» пространства для «просвещенного» света, приспосабливала их для него и по его подобию. Городское пространство стало пространством «современным», но такое пространство является не менее воображаемым, чем «идиллия» сельского пейзажа. Любое пространство конструируется; оно не только строится по образцам (*деревня, село, поселок, город, сельский пейзаж* и т. д.), оно воображается, подводится под топос, присущий тому или иному *универсальному месту*. Таким образом, несмотря на «естественность» любого обитаемого пространства (как определенной географической среды), оно выступает культурной конструкцией, на актуализацию которого повлиял так называемый «культурный поворот».

Культурный подход предоставил возможность не только иначе посмотреть на проблемы *нации* и *государства* (находя в них определенные культурные конструкции), но и обратить внимание на локус, который уже не представлялся лишь *территорией*, но *обществом*, *окружающей средой*, *пространством*, *пейзажем* и т.д. Пространство и пейзаж не существуют помимо человеческой культуры, они изобретены человеком, который строил пространственную идентичность для определенного локуса, места проживания, отдыха и иных своих действий. Именно таким образом появлялся местный или национальный стереотип.

Постмодернизм оказал влияние на традиционную националистическую интерпретацию прошлого, которая широко практиковалась в исторической географии, концентрировавшей внимание на этнографических проблемах. Исследователи смелее обратились к междисциплинарности, установили связи с экономической, социальной и культурной историями, заинтересовались морфологией пейзажа, больше ориентируясь на письменные источники для конструирования географических

образов; манифестирован подход «новой» культурной географии (McCarthy M. Writing Ireland's Historical Geographies // Journal of Historical Geography. 2002. Vol. 28. No. 4. P. 534–553).

Проблема осмысления пространства оказалась интересной постпозитивистской географии, которая все смелее стала покидать поле естествознания и интересоваться не только социально-экономическими процессами, но искать культурно-антропологическую основу для своих исследований. Становление и быстрое изменение облика культурной географии происходило под влиянием культурной теории. По мнению Питера Джексона, исследования в этой области уже в 80-х гг. XX в. вышли за пределы антикварной фазы описания и простой интерпретации исторических сельских, городских и других территорий в пределы экспериментов с новыми идеями и подходами. Если ранее ученые с недоверием относились к теоретическим вопросам, то на рубеже 80-90-х гг. это неприятие сменилось интересом не только к социальным теориям, но и к культурным исследованиям, результатом чего надо признать возникновение «новой» культурной географии, манифестирующей идею «пейзажа». Новый подход оказался также чувствительным к идее множественности культур и разнообразия пейзажей (Jackson P. Maps of Meaning: An Introduction to Cultural Geography. N.Y., 1994. P. 1-2). Отмеченный Джексоном процесс интереса к культурной теории и заимствования исследовательского инструментария у других дисциплин социально-гуманитарного знания быстро привел не только к институциализации культурной географии, но, что самое для нас важное, уже в конце XX в. дал основание говорить о том, что культурная география превращается в собственный метод в рамках социально-гуманитарного знания (Gregory D. Foreword // Jackson P. Maps of Meaning... P. XI).

Исследователи пришли к важному (не только для них, но и для историков) выводу, что у самого знания есть оборотная сторона, которая учитывает изменения во времени и пространстве. У текстов (географических, исторических, карт и т. д.) и социокультурных контекстов существуют взаимные отношения. Регионы не могут существовать помимо сознания субъектов изучения, которые своей риторикой способны создать любое место а, в свою очередь, эти субъекты, а также транслируемое ими знание, являются продуктом определенных социальных условий и времени (Graham B. Ireland and Irishness: Place, Culture and Identity // In Search of Ireland: A Cul-

tural Geography / ed. by B. Graham. L., 1997. P. 3). В этой связи ученые обратились к изучению сложной истории попыток понимания пространственного измерения прошлого и призвали своих коллег-историков не просто знакомиться с географией, но обратиться к изучению истории социокультурных пространств (Black J. Maps and History: Constructing Images of the Past. New Haven, 1997). Представители этого направления предлагают смотреть на политическую структуру общества через организацию этим обществом своего пространства, исследовать пространственное мышление отдельных сообществ (Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., 2004). Чуть позже Д.Н. Замятин формулировал новый статус географии как проблему: «Современная география — прежде всего ее гуманитарное и культурно-социальное "крыло" — испытывает в настоящее время серьезные концептуальные, а в какой-то мере также экзистенциальные и онтологические изменения. Перестав быть к концу XX века наукой по преимуществу позитивистского образца, география оказалась на междисциплинарном когнитивном "перекрестке", где простого заимствования методов гуманитарных и социальных наук явно недостаточно. Необходимы осознание самих условий подобного онтологического перехода и поиск определенного метауровня, на котором станут более понятны принципы, цели и задачи дальнейшего развития. Такое осознание, по-видимому, невозможно без соответствующего эмоционального и экзистенциального контекста: включенный наблюдатель и исследователь должен находиться одновременно «внутри» и «снаружи» нащупываемого методологического пространства» (Замятин Д.Н. О понятии «география» // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 1. С. 93).

Вполне понятно, что культурная география оказалась более чувствительной к изменениям в историографии, нежели классическая география, и вместе с «новой историей» ощутила кризис исторических гранд-нарративов, который, по мнению одного из теоретиков культурной географии Дениса Косгроу, повлиял на отношение исследователей к локальным историческим объектам, к случайностям в истории, заставил задуматься о теории и пересмотреть историческое объяснение, заинтересоваться устойчивостью и изменчивостью географических структур, их названиями и образами этих структур в культуре (Cosgrove D. The

Myth of Continents: A Critique of Metageography // Journal of Interdisciplinary History. 1999. Vol. 30, No. 1. P. 99). Рефлексия культурной географии об историческом характере пространства, размышления о пейзаже и исторической памяти, о ландшафте и его конструировании в сознании или на картах оказали влияние на историческую географию, которая перестала довольствоваться своим «вспомогательным» статусом в историческом знании и активизировала поиск собственных связей с гуманитарными дисциплинами, превращаясь в один из методов исторического объяснения, в первую очередь, объяснения проблем государства, имперской идеологии и пейзажа (национального и локального) и т. д. (Driver F. Cosgrove Denis: Historical Geography Unbound // Journal of Historical Geography. 2009. Vol. 35, No. 1. P. 1-2).

Культурная география повлияла на понимание того, что «регионы», «цивилизации», «культурные области» и т. п., в конечном счете, являются произвольными, а исторические атласы и карты учитывают взгляд на мир и на его отдельные области лишь незначительного числа колонизировавших огромные пространства европейских наций. Поэтому, как писал Косгроу, в изображенных и описанных пространствах можно увидеть только их корыстное собственное воображение (self-image). Европа — вот место рождения этой метагеографической системы (Cosgrove D. The Myth of Continents. P. 100-101).

Любое пространство является составной частью индивидуальной и социальной практик, которые используются людьми для преобразования природы в сферу культурного смысла и жизненного опыта, поэтому культурный ландшафт может быть визуализирован как мощное средство для выражения чувств, идей и ценностей, одновременно являясь ареной политического дискурса и практического действия, в котором культура не только постоянно воспроизводится, но (о чем не следует забывать) оспаривается. Так, Брайан Грейхем заметил, что с одной стороны, пространства (пейзажи), изображенные в литературных и научных текстах, искусстве, картах и даже на храмовых фресках являются означающими тех, кто их воспроизвел и, в этой связи, их можно рассматривать как важные тексты в контексте социальных, экономических и политических институтов, составляющих основу для согласия в любом обществе. Однако, с другой стороны, поскольку эти

тексты могут прочитываться по-разному участвующими в непрерывном преобразовании общества конкурирующими социальными субъектами, то придаваемое им значение останется предметом споров (Graham B. Ireland and Irishness… P. 4).

Историки знают, что в историческом исследовании сложно обойтись без структуры, основанной на хронологии, периодизации и, что для нас сейчас важно, — географии. Последняя традиционно ограничивает объект исследования в национальных, региональных или локальных административных единицах. «Культурный поворот» в историографии в конце XX в. позволил историкам отказаться от предпочтительного внимания не только к известным датам, но и к самой периодизации, которая, по их мнению, становилась второстепенной по отношению к территориальности. Как отмечал В.А. Муравьев, одно из свойств «исторического пространства состоит в том, что в руках историка — т. е. в сфере исторической науки — оно превращается в средство и меру исторического познания» (Муравьев В.А. Историческая география как научная дисциплина…). Исследователи стали отдавать себе отчет, что территориальность — это историческое формирование, а его политическая форма также была исторической, т. е. имела начало и конец (Maier Ch.S. Consigning the Twentieth Century to History: Alternative Narratives for the Modern Era // The American Historical Review. 2000. Vol. 105, No. 3. P. 807-809). Само прошлое состоит из регионов и этнических областей с быстро изменяющимися границами. Необязательно, что это происходило официально и отразилось на картах континентов. Достаточно того, что «границы появлялись в сознании людей, они создавались» (Schultz H.-D., Natter W. Imagining Mitteleuropa: Conceptualisations of "Its" Space In and Outside German Geography // European Review of History. 2003. Vol. 10, No. 2. P. 273-292).

Итак, можно заметить, что влияние географии на историю в последнее время усиливалось. Это влияние было заметно еще в исследовательских практиках школы Анналов 40-50-х гг., однако в конце XX в. влияние культурной географии привело к актуализации проблем *пейзажа*, *ландшафта*, *пространства* и, в конце концов, к ситуации, которая получила название *пространственный поворот* в гуманитаристике (Livingstone D.N. The Spaces of Knowledge: Contributions Towards a Historical Geography of Science // Environment and Planning D: Society and Space. 1995. Vol. 13, No. 1. P. 5-34).

В.А. Муравьев уже замечал, что недооценка фактора пространства историками приводит к серьезным последствиям, так как «*историческое пространство* [здесь и далее курсив В.М.] цельно и непрерывно, как *время*» (Муравьев В.А. Историческая география как научная дисциплина…). Тем не менее, именно *время* было канонизировано европейской классической историографией и, не случайно в начале XXI в. историков призывают пересмотреть этот стереотип. Немецкий историк Карл Шлёгель с надеждой отметил, что с последней четверти XX в. исследователи начинают компенсировать «утерю» вытесненного временем пространства в историографии. Традиционное историописание было «историографией времени» и диагнозом такой практики историописания (основанной на структуре национально-государственного исторического нарратива), по мнению Шлёгеля, стало «исчезновение пространства» во имя торжества времени. Однако, напоминает ученый, история «происходит не только во времени (Zeit), но и в пространстве (Raum)», поэтому, актуальную историографическую ситуацию, характеризующуюся *пространственным поворотом*, он назвал *возвращением пространства* (Wiederkehr des Raumes) (Schlögel K. Im Raume Lesen wir die Zeit Über Zivilisationsgeschichte und Geopolitik. München, 2003. S. 9-15). Любопытно, что анализ историко-географических исследований советских ученых привел В.А. Муравьева к неутешительному выводу: «Пространство страны в XX веке предметом изучения исторической географии не стало — оно всецело принадлежало предмету науки географии как таковой, в особенности географии экономической: приоритет был отдан описанию расположения населения, производства и путей сообщения на территории страны и ее административного устройства».

Пространственный поворот в историографии сегодня начинают все более актуализировать и, не случайно историки заговорили даже о *пространственной* теории истории (Ethington P.J. Placing the Past: 'Groundwork' for a Spatial Theory of History // Rethinking History. 2007. Vol. 11, No. 4. P. 465-493). Становясь одним из методов современного исторического исследования, историческая география позволяет изучать генезис и развитие европейских государств-наций уже не только в проблемном поле политической истории, но и посредством культурной истории. Такой подход помогает смотреть на европейские нации через организацию ими

собственных пейзажей. Например, как отмечает Катрин Брайс, в XVIII–XIX вв. яркие пространственные представления возникают в России, Франции, Швейцарии и в других местах. Причем, если французы пытались гармонично сложить вместе культуру и природу, то русские, используя западные эстетические каноны, учили себя восхищаться своей естественной окружающей средой (Brice C. Building Nations, Transforming Landscape // Contemporary European History. 2007. Vol. 16, No. 1. P. 109-119).

Надо заметить, что историческая география, как и дисциплинарная история в целом, отдала дань микроистории, появившейся как ответ социальной истории на вызов постмодерна и кризис исторического метарассказа. Исследователи заинтересовались как микро-пространствами: кабаки, таверны, рынки, студенческие кампусы, церковные приходы и т. п. (Gumprecht B. The Campus as a Public Space in the American College Town // Journal of Historical Geography. 2007. Vol. 33, No. 1. P. 72-103), так и воображаемыми пространствами, аллегорическим и сентиментальным пейзажем и прочее (Reitinger Fr. Mapping Relationships: Allegory, Gender and the Cartographical Image in Eighteenth-Century France and England // Imago Mundi: the International Journal for the History of Cartography. 1999. Vol. 51. P. 106-130; Виртуальным и воображаемым пространствам посвящены и некоторые доклады настоящей конференции). Однако «казусная» история, востребуя историко-географическое знание, стала делать это утилитарно, используя уже имеющиеся наработки в качестве фона.

В последнее время усиливается внимание к таким традиционным объектам исследования местной истории, как город, село, локус и др. со стороны социальной и новой социальной истории, оказавшимися под влиянием кризиса метанарратива. Новая историографическая культура подорвала традиционное различие между тем, что представлялось «главным» в исторических исследованиях (национально-государственная история) и тем, что считалось «периферийным» (локальная история). Неслучайно, несколько лет назад Элис Ингольд смогла заявить проблему города вне государства-нации, заметив, что актуальная ситуация в гуманитаристике может быть обозначена как время выхода из пространственно-временной исторической модели государства-нации, поэтому возобновляется интерес к городу как месту исключительной опоры политических и социальных связей (Ingold Al. Savoirs Urbain-

set Costruction Nationale. La Ville, au Delade l'Etat-Nation? // Revue d'Histoire des Sciences Humaines. 2005. No. 12. P. 55).

Культурный поворот, может быть, и запоздало, но оказывает влияние на изучение местной истории. Например, если в 2004 г. один из номеров канадского «Urban History Review» начинался статьей Алана Гордона о городской истории в связи с новой культурной историей, и исследователь старался продемонстрировать, что может дать новое направление для изучения прошлой городской жизни (Gordon Al. Introduction; the New Cultural History and Urban History: Intersections // Urban History Review. 2004. Vol. 33, No. 2), то, анализируя изменения, произошедшие в европейской и американской историографии города к 2008 г., Луис Тилли уже пришел в выводу, что можно говорить о появлении *новой городской истории*, ориентирующейся на культурные подходы к городскому прошлому (Tilly L. The "New Urban History" Where is it Now? // City & Society. 2008. Vol. 12, No. 2. P. 95-103).

Пространственный подход к исследованию любого локуса несет в себе импульс отказа от обслуживания государственно-этнического нарратива. Погружающийся во фрагментарные, произвольные пространственно-временные ряды историк перестает быть государственным биографом, так как, он не обязательно находит консенсус с метанарративным стилем истории государственной механической сборки территорий.

Изучение пространственных образов в проблемных полях местной истории является вполне плодотворной практикой: исследователи отходят от традиционной социальной истории с функционалистичными или механистическими формами объяснения, выбирают новые методологические процедуры, видят социокультурные пространства не в традиционных границах, а наблюдают связи поперек административных, политических и культурных границ.

Российские историки при разработке теоретической базы новой локальной истории отправлялись от интеллектуальной истории, отличительной чертой которой сегодня признается *контекстуализм*, связь изучаемых идей с культурным и социальным контекстами, в которых эти идеи рождались, развивались, транслировались, видоизменялись или прерывались (см. доклад О.И. Журбы в настоящем сборнике).

Не случайно, в теоретическую основу новой локальной истории был заложен принцип широкого контекстуализма. Историографическая практика новой локальной истории покоится на рефлексии способности видеть целое прежде составляющих его локальных частей, воспринимать и понимать контекстность, глобальное и локальное, отношения исторических макро- и микроуровней (Маловичко С.И. Интеллектуальная история и разработка теоретической базы новой локальной истории в России // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе: Материалы науч. конф. 20-22 сент. 2007. М., 2007. С. 132-133). Новая локальная история находится в исследовательской области *новой социально-культурной истории*. Историко-культурный подход переносит акцент с анализа процессов на анализ структур, с линейного исторического метанарратива на локальные социокультурные пространства и их включенность в пространство глобальное, в глокальную перспективу.

Новая геополитическая и социокультурная ситуация заставляет осмыслить мир в единстве его многообразия на основе компаративных подходов и делает необходимым поиск нового – «глокального» субъекта исторического действия. Новая локальная история отказывается от традиционных территориальных/административных образцов и сосредоточивает внимание на *пространстве*) и *пространственных образах*, изменяющихся во времени и не всегда совпадающих с политическими и административными границами, проявляет интерес к *образу жизни*, *культурному значению* и т. д.

Предмет новой локальной истории — субъект исторического действия, не тождественный государству и административным территориям, и его существование как в историческом (собственно историческое знание), так и в коэкзистенциальном (социокультурная или социолого-культурологическая составляющая) пространстве (Румянцева М.Ф. От формационных и цивилизационных теорий к новой локальной истории, или к вопросу о «гельштальтах» исторического разума // Запад — Россия — Кавказ: Межвуз. науч.-теор. альманах. Ставрополь; М., 2003. Вып. 2. С. 399). Отсюда следует, что *государство*, *нация*, *локальная общность* рассматриваются не как территориально-генетические «закономерности», а как изобретения и/или конструкции, в истории которых важно выявлять поддерживавшие их культурные факторы, связь социального и культурного пространства, пейзажа и идентичности.

Конституирование новой локальной истории идет не от объекта исследования (локуса), ее организация основывается на методологических процедурах. Важно подчеркнуть, что новая локальная история — это *способ видеть* локальные и региональные объекты. В отличие от традиционного подхода к изучению местной истории, новая локальная история сама определяет объект своего изучения, он не задан ей заранее территориальными рамками (Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Новая локальная история как проблемное поле актуального исторического знания // Историческое знание Кубани: Становление и тенденция развития (конец XVIII — начало XX в.). Краснодар, 2006. С. 73-80). Принципы и методы новой локальной истории близки, если не тождественны *локалистско-интеграционному* подходу, разрабатываемому региональной историей (новый регионализм) на Украине (Верменич Я. Парадигми «оновления» в історичній науці: новий регіоналізм // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2006. Вип. 2. С. 15; Она же. Нова локальна історія та історична регіоналістика: експлікація термінів // Регіональна історія України. Київ, 2008. Вип. 1. С. 13-29).

С началом XXI в. кардинально меняется социокультурное пространство. При переходе от постмодерна к постпостмодерну актуализировались исследования в проблемных полях новой локальной истории и интеллектуальной истории. Их сочетание дает новые импульсы и новые возможности для развития исторической географии. В проблемном поле новой локальной истории идет поиск субъекта истории, а значит и пространства идентичности, что невозможно без выявления пространственных / культурно-пространственных параметров, что, в свою очередь, создает новые возможности уже не фиксации истории в наработанных исторической географией пространственных характеристиках, а развития историко-географической проблематики в координации с новой локальной историей.

Переход к постпостмодерну спровоцировал также перенос акцента со столь популярного в XX в. в структуре исторической антропологии изучения ментальностей в проблемное поле интеллектуальной истории как осмысленного, культурообразующего отношения человека к миру, где «пространственные» / пространственно-культурные характеристики приобретают особое значение. Пространство перестает быть «фоном», на котором разворачиваются исторические «события и деяния», но органически включается в картину мира, задавая существенные параметры мироосмысления. Экстравертный тип

знания, демонстрируемый новой локальной историей, позволяет находить мультисоциальные и мультикультурные объекты исследования, использовать пространственно-временные модели, не отменяющие линейную хронологию, но выявляющие ее ограниченность.

Возвращаясь к мысли В.А. Муравьева об эволюции исторической географии «к методу (в самом широком смысле) гуманитарного познания», следует отметить не только его умение видеть развитие и современное состояние исторической географии масштабно и концептуально, но и постулировать основания всякого историко-географического исследования. Он формулировал эти мысли в своих лекциях предельно четко и ясно: «Историческая география изучается по историческим источникам». И заключал свою лекцию «Источники исторической географии России» не без оптимизма в оценке места исторической географии в пространстве современного гуманитарного знания: «И начнем все сначала… Изучение пространства ради пространства немногого стоит. Историческая география потому и является исторической, что она есть география деятельности человека. Без всех других источников, доносящих культуру человека, изучение бессмысленно. Это возвращает нас к исходной мысли этой лекции — какого-то специального класса или разряда историко-географических источников не существует. Есть источники, более насыщенные информацией о пространстве — их мы и рассматривали, — и источники, где информация хозяйственного, социального, политического, культурного и любого иного характера привязана к тому или иному пространству и позволяет устанавливать гуманитарное наполнение этого пространства. О пространстве свидетельствует все, что создано человеком в этом пространстве».

В.И. Дурновцев (Москва)

НА ПУТЯХ К ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ)

1.

Природа исторической науки такова, что всё, доступное историческому измерению, всё так или иначе нуждающееся в собственной истории, обращающееся к истокам, к первоначальным

смыслам, к своему предназначению, неизбежно включается в ее сферу, ею осмысливается и осваивается.

В свою очередь, это обстоятельство обусловливает и определяет миссию исторической науки в системе и социально-гуманитарного, и естественнонаучного знания, хотя не всегда она реализуется во всем объеме или частично в соответствующей познавательной среде. Заложенное в природе исторической науки стремление к всеохватности, глобализации, историзации реализуется в том числе и в ее собственной истории. Спор о «берегах» историографии, т. е. ее предмете, судя по литературе, кажется нескончаемым. Классическая, едва ни ставшая трюизмом, формула об одной единственная науке – науке истории, тезис о целесообразности рассмотрения ее с двух сторон – как истории природы и как истории людей – пересмотрены в новейшей историографии благодаря бурному развитию экологической истории – истории взаимодействия человека, людей, общества и природы. Наука истории, а теперь и наука социоестественной истории (Кульпин Э.С. Путь России. Книга 1. М., 1995; Он же. Бифуркация Запад–Восток: Введение в социоестественную историю. М., 1996) как тысячекратно тиражированный образ двуликого Януса: глаза смотрят в разные стороны, а сердце бьется одно. Ко многим десяткам, если не сотням, определений исторической науки (лучшее из них, по нашему мнению, не стилистически, но по сути, понимание истории как науки «о людях во времени») добавляется история взаимоотношений, взаимодействия людей (человечества как части природы) и собственно природы. Но ведь это уже не классическая, в конечном итоге, антропоцентрическая, но – экологическая история?

Впрочем, эколог, обращающийся к эволюции экосистем, ставший историческим экологом, может не интересоваться людьми, т. е. не позиционировать себя как экоисторик. Но точно так же и в обобщающих, и тем более в локальных исследованиях легко дистанцироваться от природы, оставаться в границах традиционной человеческой истории. И в том, и в другом случае это не экоцентризм, не антропоцентризм, но естественное ограничение научно-исторических занятий, оставляющее простор для деятельности других направлений познавательной деятельности в границах истории.

Другое дело – экологическая история. Тут без человека, людей, общества никак не обойтись, будь то изучение влияния на них изменений в биологических и физических средах, или осмысление отражения природы в философии, искусстве, литературе, или исследование государственной политики в отношении к природе (МакНил Дж. О природе и культуре экологической истории // Человек и природа: экологическая история. СПб., 2008. С.24–25).

Взгляд на классическую историю с точки зрения новейшей экоистории весьма поучительный, свидетельствующий, между прочим, и о том, что не только злоба дня вызвала ее к жизни. Классическая история вмещает в собственной истории предысторию экологической истории, которая зрела в ней, облекаясь в формы исторической географии, предвещая свое будущее проявлениями географического детерминизма, смущая историков, обнаруживающих могучее воздействие природно-климатических факторов на этносы и культуру. До поры до времени «игра» шла в одни ворота. Обратное и, как оказалось, могущее стать губительным воздействие части природы (человечества) на целое сыграло мобилизующую роль в становлении и развитии экологии в ее современном и весьма многообразном качестве. Современная экология включает в себя так или иначе мощный исторический компонент, но проявляется он в зависимости от проблематики и внутренней логики исследования. И, как показывает конкретная научная практика, союз истории и экологии часто бывает исключительно плодотворным (См. подробнее: Калимуллин А.М. Историческое исследование региональных экологических проблем. М., 2006; Он же. Проблемы экологической истории // Вопросы истории. 2006. № 10) для обеих сторон.

Экология – новость, пришедшая в историческую науку от биологии. Но стали общим местом даже замечания на экологическую моду: от экологии культуры до экологии духа. Насколько преходящей будет эта мода, трудно сказать. Не исключено, что стремление к терминологической четкости микширует эпатирующие опыты повальных увлечений модными словечками, несколько успокоит экологов, справедливо негодующих от бесцеремонного вторжения в сферу их профессиональной деятельности.

Историческая наука, которой суждено испытывать нашествия параисторий, естественно, на стороне экологов, борющихся за

«свою» экологию. «В последние десятилетия, – пишет современный исследователь, – появилось так много разных направлений экологии, что даже специалисты в классической экологии не успевают следить за бурным ростом разных побегов на древе своей науки. Многие наблюдают за этим процессом с раздражением и ревностью. Экологическая мода и экологические деньги породили множество "детей лейтенанта Шмидта" от экологии. Такие "пасынки" и вправду не имеют отношения к области знания, которая, по определению, "…изучает организацию и функционирование надорганизменных систем различных уровней: популяций, биоценозов (сообществ), биогеоценозов (экосистем) и биосферы". Наша веточка не имеет ничего общего ни с "экологией культуры", ни с "экологией духа"; она выросла на одном из вполне процветающих стволов под названием "эволюционная экология", там, где она тесно сплетается с одним из других здоровых побегов – "палеоэкологией"» (Смирнов Н.Г. Историческая экология: между повседневностью и вечностью, или поиск решений на перекрестке проблем // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 23. С. 84–98).

Открытость историографии, ее готовность принять все, что сколько-нибудь приемлемо для нее в естественных и точных науках, вместе с ними переживая научные революции и кризисы, способствует, обеспечивает обогащение и обновление собственных методик за счет «соседей». Благодаря им, не отказываясь от традиционной проблематики, она раздвигает границы научно-исторического познания, расширяет поле исторического исследования. Хрестоматийный пример: историография обязана естествознанию идеей развития, а точным наукам – количественными методами исторического исследования.

В свою очередь, историография вовлекает в область исторического понимания другие области знания, споспешествуя им своим методологическим и методическим инструментарием, обретению ими подлинно исторического масштаба видения своих целей и задач.

Если справедливо утверждение о всеобщей экологизации знания, то верно и то, что процессу проникновения проблем и идей экологии в науку и научные направления, часто весьма далекие от биологической науки, предшествовала всеобщая историзация научного познания. Она продолжается: глобальный исторический анализ, т. е. формирование образа мировой истории, осуществляется, по-видимому, по меньшей

мере, в трех направлениях: межкультурного взаимодействия и распространения, крупномасштабной экономики и социальной истории, глобального эколого-исторического анализа, т. е. в границах экологической истории (Бентли Дж. (Bentley J.H.) Образы мировой истории в научных исследованиях XX века – www.tuad.nsk.ru).

Так устраняются явные и неявные методологические недоразумения. Экологическая история занимает соответствующее ей место среди ведущих тенденций в изучении человечества в контексте его взаимодействия с остальной природой.

Но пора договориться о терминах. Ощутимая потребность в терминологической четкости и недвусмысленности может быть, в частности, удовлетворена разграничением понятий «историческая экология» и «экологическая история». Для экоисториков это особенно важно. Историческая экология, определяемая как направление биологической науки, исследует динамику процессов в надорганизменных системах, происходящих в историческом масштабе. Экологическая история, исследуя историю взаимоотношений человека и природы, решает задачи, которые свойственны наукам историческим. На XX Международном конгрессе исторических наук (Сидней, 2005) тема «Взаимодействие человека и природы в истории» была одной из трех, представленных мировому историческому сообществу (Ср.: Историческая экология и историческая демография: Сб. научных статей / Под ред. Ю.А. Полякова. М., 2003).

Нельзя не согласиться и с таким уточнением. «Рассматривая отечественную историографию экологической истории, следует, прежде всего, уточнить значение понятия "экологическая история", – пишет А.М. Калиммулин. – Используемый в зарубежной историографии термин "environment" в переводе с английского языка означает "окружающая среда", поэтому "environmental history" в буквальном переводе – "история окружающей среды". Однако, на наш взгляд, в свете происходящей "экологизации" всех наук и формирования особого экологического мышления правомернее называть новое направление "экологической историей", как более полно отвечающей тенденциям развития современной науки» (Калимуллин А.М. Историческое исследование региональных экологических проблем... С. 15).

Современное состояние экологической истории дает немало оснований для оптимизма. Волнующие перспективы открываются

перед экологической историей России, в том числе на современном этапе ее развития. История России en bloc по существу terra incognita для амбициозной новейшей русской историографии. Во всяком случае, перед нею меркнут бесчисленные историософские претензии на открытие «души России» и раскрытие загадок государственного развития.

Представляется плодотворным научное освоение истории изучения взаимодействия человека, общества и природы, так сказать, в предэкологический период развития науки. Впрочем, можно говорить о доэкологической, а затем предэкологической истории России. Речь идет об историографическом и историософском осмыслении этого взаимодействия в период, когда история людей и история природы развивалаиь параллельно, независимо, и проблема выживания человечества не стояла в повестке дня.

Конкретно-историческая и социологическая разработка проблемы «природа – общество – человек» имеет историю, синхронную с процессом превращения национального исторического знания в науку, с опытами определения роли природно-географических и климатических факторов в развитии страны, возникновением и развития исторической географии как специальной исторической дисциплины. Опыты собственно историко-научного осмысления экологического направления в изучении истории России единичны. Отчасти это объясняется молодостью экологической истории, причем не только в России, отчасти тем, что ее предыстория по понятным основаниям не имела соответствующего термина.

Историографические наблюдения в контексте предыстории экологической истории таят опасность расширительных толкований, появляется соблазнительное желание расширить историко-научные пределы экологической истории. С другой стороны, лишать экологическую историю своего генезиса, своих истоков, своего детства явно несправедливо. Между прочим, на этом пути нас могут ожидать неожиданности, «новое прочтение» истории советской историографии, например.

Скажем, проблематика и особенно отдельные содержательные аспекты научных исследований видных отечественных историков 1950-х – конца 1980-х гг. без видимых затруднений и натяжек укладываются в исследовательское поле экологической истории

при естественном сохранении национальной и тогдашней методологической специфики, будь то историческая география (В.З. Дробижев, И.Д. Ковальченко, А.В. Муравьев), история советских отраслей промышленности (В.С. Лельчук, Е.Д Софронов) или социальная экология. Наконец, наследие Л.И. Мечникова, В.И. Вернадского, ряда евразийцев, Л.Н. Гумилева, Л.В. Милова не без усилий можно отнести к предыстории экологической истории прежде всего потому, что в самых значительных образцах оно самодостаточно и не укладывается в прокрустово ложе любого научного направления.

2.

Итак, экологическая история России возникает и заявляет о себе не на пустом месте. И не в результате исключительно рецепции новейших проектов западной историографии. Реальный русский мир, впечатляющие русские пределы то явно, то незримо присутствуют в русской книжности. Пространственно-географические представления о месте Руси (России) среди других стран и народов были тесно связаны с социокультурными характеристиками. Но вначале все же была география. Стремление русских книжников определять место той или иной общности людей среди других, выяснять черты сходства и различий между ними стало важным фактором возникновения таких, например, проблем, как «Восток и Запад», «Россия и Запад», «Россия и Европа», «Россия и Азия» (Подробнее см.: Дурновцев В.И. Россия и Европа: Обзор материалов по истории русской исторической мысли конца XVII – начала XIX вв. М., 1985).

Первоначально они действительно не выходили за пределы пространственно-географической характеристики. Их социальное, культурно-историческое, а затем, много позже, экологическое содержание раскрывалось в ходе исторического развития общества, обогащения научного знания.

Конечно, обнаружение истоков экологической истории России (Руси) в «Повести временных лет» кажется, мягко говоря, несколько смелым. Но только до того момента, когда историк экоистории не заговорит о Геродоте и Фукидиде, Ибн Хальдуне или, тем более, Монтескье. И продолжит далее по списку, плавно переходя от приверженцев географического детерминизма (Г. Бокль, Л.И. Мечников, К. Витфогель, Ф. Ратцель, С.Н. Трубецкой, П.Н.

Савицкий) к адептам экологического детерминизма (Дж. Кларк, Дж. Стюард, М. Харрис, Э. Ле Руа Ладюри, Э.С. Кульпин).

Нестор вводил Русь в семью человечества, а затем относил ее к европейским странам и народам, к Иафетовой, т. е. европейской, части мира, опираясь на тогдашние географические представления о делении мира на Асийскую страну, Африкию и Европию.

В дальнейшем исторические теории связывали русскую историю со всемирной и по географической, и по вероисповедной границам. Теория четырех царств (монархий), концепция «Москва – третий Рим» вводили Московское государство в европейское прошлое, определяли его связи с библейской историей, античным миром, Киевской Русью.

«Синопсис», первая печатная книга по русской истории, начало русскому самодержавию ведет от Владимира Святославовича, «от корня Августа кесаря римского, владевшего всею вселенною, внука Игорева, правнука Рурикова». Особенность Московского государства заключается в том, что под властью его государя находится не только часть народов, населяющих Европу, но и большая часть Азии. Обширность государства есть первое основание его величия.

Феофан Прокопович обосновывал монархию как идеальную форму правления для России, апеллируя не только к историческому опыту политического устройства большинства государств, но и к «географии»: республики возможны «разве в малом народе», в «блиских себе пределах». В глазах «речистого проповедника» географические масштабы России феноменальны: «... Вся западная государства противу величиствия его суть, аки реки противо безмернаго окиана...».

Историографическая традиция связывает формирование отечественной исторической географии, как и ряда других вспомогательных исторических дисциплин, с именем «отца русской истории» В.Н. Татищева. История и география, по его убеждению, обогащают и дополняют друг друга. Осознание исторических и географических особенностей России не приводило Татищева к мысли об ее особой роли в истории человечества. Но географические пределы, многонациональный состав, роль в мировой политике придают ей статус великой славянской державы.

М.М. Щербатов, один из крупнейших представителей исторической мысли России второй половины XVIII в., во многом следовал за Татищевым в историко-географических представлениях.

Понятно и объяснимо его внимание к географии, статистике, сравнительному методу исследования. Географию, «око истории», он делил, как и Татищев, на древнюю, среднюю и новую. История и география «должны быть соединены вместе».

Французскому врачу Леклерку русская историография обязана рождением И.Н. Болтина как историка. Болтин – патриот, он не прощал Леклерку ни одного слова, могущего, по его мнению, задеть национальное достоинство русского человека. Так, на слова Леклерка, что общая военная слабость России обусловлена ее пограничным положением между Европой и Азией, его русский оппонент счел нужным заметить: «Что Россия смежна от стороны Азии китайцам, татарам и проч., а от стороны Европы Польше, Швеции и проч., есть истина, почерпнутая из карт; но чтоб для охранения от них проходов потребно иметь десять армей, есть заключение, из головы взятое, по применению к местоположениям других государств ему известных. О России судить, применяяся к другим государствам европейским, есть тож, что сшить на рослаго человека платье, по мерке, снятой с карлы. Государства европейские во многих чертах довольно сходны между собою; знавши о половине Европы, можно судить о другой, применяяся к первой, и ошибки во всеобщих чертах будет не много; но о России судить таким образом не можно, понеже она ни в чем на них не похожа, а особливо в разсуждении физических местоположений ея пределов». На первый взгляд, Болтин высказал мысль о противопоставлении России Европе, на деле он отметил очевидный факт особых пространственно-географических условий исторического развития страны, наложивший ощутимый отпечаток своеобразия на ее прошлое, но не изменивший радикальным образом ее основных элементов. Он остался верен идее русской исторической мысли XVIII в. – принадлежности России к европейской цивилизации и, противопоставляя ее «дикости», писал: «Мы – европейцы, рожденные и воспитанные под каким бы то правлением ни было, монархическим или демократическим, не имеем того умоначертания о свободе, каковое имеют народы дикие, живущие в совершенной и полной независимости от всякого начала, власти, закона, обычая... На их языке к слову вольность привязан смысл такой, которого мы ни понимать, ни объяснить не можем. Нам свойственнее наша ограниченная вольность... Удовольствие и

выгоды житейские покупаем мы ежедневно жертвоприношениями нашей вольности... Единство европейской истории предопределено единством человеческой природы и находит свое выражение в законах, по которым развиваются цивилизованные народы. Законы истории в общем соответствуют нравственной природе человека; общественный договор установлен во всех странах европейского континента, но условия его заключения и характер действия специфичны. Что именно накладывает печать своеобразия на историю каждого народа, делает его обманчиво непохожим на других? Индивидуализируют, по Болтину, историю каждого народа, природно-географические условия. «...Климат имеет главное влияние в наши тела и нравы, прочия ж причины, яко воспитание, ѳорма правления, примеры и проч суть второстепенныя или побочныя: оне токмо содействуют, или, приличнее, препятствуют действиям оного». Эта, по словам историка, «главнодействущая причина» дополняется побочными влияниями как внутреннего («форма правления»), так и внешнего происхождения, например, «обхождения с чужими народами».

С.М. Соловьевым замечено: историческая концепция Н.М. Карамзина принадлежит не XIX веку, а предыдущему, а в чем-то и куда более раннему периоду. Будущее России связывалось Карамзиным с развитием европейской цивилизации. Будучи воспитанным на идеалах просветительства, впитав в себя опыт развития предшествующей историографии, он, несмотря на очевидное поправение, не порвал со своим просветительским прошлым. Он вносил коррективы в прежние представления, их масштаб был значителен, но многие прежние представления о соотношении русской и западноевропейской истории были сохранены. К тому же, любое противопоставление русского европейскому порождало опасность отождествления России с Азией. Карамзин попытался разрешить и это противоречие, связанное с пограничным пространственно-географическим положением России. Особенность России заключается в национально-неповторимых условиях ее образования. Так подготавливалось рождение антитезы России Европе. Но национально-неповторимое на деле оборачивалось механическим соединением различных, если не противоположных, культур, верований, обычаев, нравов, образа жизни. «Во глубине Севера, возвысив главу свою между азиатскими и европейскими царствами,

она [Россия – В. Д.] представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира – смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременной связью с монголами, византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами. Смесь в нравах, произведенная случаями, обстоятельствами, казалась нам природною; россияне любили оную, как свою народную собственность». Все это ставило Россию в исключительное положение в окружающем ее мире, придавало русскому народу свойства, воплощающие в себе традиции древнего мира, черты национального и социально-исторического облика азиатских и европейских народов, предвещало рождение идеи его всечеловечности. Ставший общим местом тезис о пограничном пространственно-географическом положении России наполнился качественно иным, культурно-историческим содержанием и глубоким, имевшим огромные последствия социальным смыслом. Вся дальнейшая история философской, общественной, исторической мысли свидетельствует о том, что идеи Карамзина не прошли незамеченными, оставили на ней глубокий след, получили поддержку в новых условиях общественного развития.

Вот, собственно, и все, что может предъявить русская историография, как, кажется, и любая другая, ориентированная на европейские ценности историческая наука, в части исторического взаимодействия истории людей и истории природы, климата, ландшафта. Пространство между двумя «горными вершинами» науки русской истории – Н.М. Карамзиным и С.М. Соловьевым – в указанном значении, конечно, мало чем примечательно.

3.

Историческая концепция С.М. Соловьева в ее философско-исторической части по преимуществу, хотя знаменитая «теория колонизации» имеет и серьезное конкретно-историческое обоснование, положила начало развитию в русской историографии принципиально новых представлений о взаимодействии истории природы и истории людей.

Перечитаем С.М. Соловьева исключительно в интересующем нас контексте.

Хорошо известно, какое важное место в методологии Соловьева занимал сравнительно-исторический метод. Подчеркивая могущество

«средства сравнения, а следовательно и уяснения», он высказал идею об основных ϕакторах общественного развития – «природа страны», «природа племени» и «ход внешних событий», которые затем последовательно и взаимосвязанно исследовал, привлекая данные исторической науки, географии, этнографии. Природно-географическими условиями объяснялось «завоевание» Старым светом Нового света. Природа Старого света «отличается разнообразием форм, противоположностями, резкими переходами... В Америке нет резких переходов... Этой простоте, единству внутреннего строения Америки соответствует однообразие человеческой природы...климат Нового света, сравнительно с климатом Старого, отличается обилием дождя... Это обилие влаги... развивает в Америке самую роскошную и повсеместную растительность... Но развитие органической жизни здесь одностороннее... Наконец, человеческая порода в Америке отличается своей слабостию, вялостию... в Старом свете... человеческая порода разнообразнее и крепче...» (Соловьев С.М. Курс новой истории. М., 1969. С. 5–6).

Но благоприятные природно-климатические условия Европы, выгодно отличающие ее от других частей света и предопределяющие блестящее развитие европейских народов, относятся только в Западной Европе. «...Природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать, – мачеха». Если Гегель полагал, что «всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа есть, безусловно, конец всемирной истории, а Азия ее начало», то Соловьев, развивая его мысль, приходил к заключению, что на самом европейском континенте происходил обратный процесс, движение с Запада на Восток. Его содержанием являлось распространение европейской цивилизации сначала на южную и западную части континента, затем на среднюю и северо-западную и, наконец, на Восточную Европу. Русь, проводник европейского влияния, продвигалась с запада на восток вплоть до конца XVII в., а затем повернула с востока на запад.

Скрытая полемика с исторической концепцией Гегеля проявляется в высказываниях Соловьева о взаимоотношениях германского и славянского миров на европейском континенте, поставленных с самого начала в неравные природно-географические

условия. Тем не менее, оба эти мира стоят у истоков европейской цивилизации. «...Греция и Рим передали свою деятельность новым, молодым народам, германцам на западе и славянам – на востоке...» (Соловьев С.М. Собрание сочинений. СПб., б.г. Стлб. 793). Поделив между собой Европу, эти «племена-братья одного индоевропейского происхождения» двинулись в разные стороны: одни с северо-востока на юго-запад, другие – с юго-запада на северо-восток, «в девственные, обделенные природою пространства, – в этом противоположном движении лежит различие всей последующей истории обоих племен» (Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 13. Кн. VII. М., 1962. С. 9).

На первый взгляд, природно-географический фактор в концепции Соловьева является определяющим в общественном развитии. Горы и равнины, система рек и морей, климат и почва сильнейшим образом влияют на социальный прогресс, этнический облик и быт народов, их культурно-исторические отношения. Но уже в первом томе «Истории России...» и сопутствующих ему статьях Соловьев отказался от чисто механического сцепления природных и общественных факторов. «Природные формы» предопределяют «занятия» людей, т.е. их производственную деятельность, которая, в свою очередь, формирует их этнический облик и детерминирует социально-политические отношения. В 60-70-е годы Соловьев не раз возвращался к мысли о могущественном значении природной и географической среды в истории человечества, но одновременно с этим развивал и тезис об обратном воздействии общества на природу. «Внимательное изучение внешней природы уяснило для нас многое относительно влияния этой природы на жизнь человека, на жизнь человеческих обществ; но это только одна сторона дела, ограничиваться которой и увлекаться опасно для науки... Если народ, особенно во время своего младенчества, сильно подчиняется природным условиям обитаемой им местности, то, с постепенным развитием его духовных сил, замечается обратное действие, изменение природных условий под влиянием народной деятельности... Климат изменяется, природные условия продолжают действовать; но это уже другие природные условия, на которые воздействовал человек» (Соловьев С.М. Собрание сочинений. Стлб. 1117–1118). Если движение Руси с запада на восток в XII–XIII вв. определялось

«по указанию природы», то со второй половины XVI в. внутренние причины, осознание экономической и нравственной несостоятельности, необходимости выйти к морю побудили Русское государство повернуть с востока на запад. Существует и другая связь между географическим и этнографическим факторами, «природой страны» и «природой племени». «Народный дух», или «народный образ», обладает имманентным свойством принимать или отрицать исторически данную ему географическую среду, «народ носит в самом себе способность подчиняться и не подчиняться природным влияниям, и отношения потому изменяются, становятся более свободными» (Там же. Стлб. 1119).

Истолкование третьего фактора общественного развития – «хода внешних событий» постоянно уточнялось Соловьевым. В «Истории России...» под ним подразумевалось «состояние соседних народов и государств», в «Публичных чтениях о Петре Великом» – условия «живого окружения общества», в «Началах русской земли» – «влияния, идущие от народов, которые его окружают». В «Наблюдениях над исторической жизнью народов» Соловьев писал о могуществе влияния «собственно исторических условий», которые «действуют и в жизни отдельного человека: среда, где он родился и действует, способности, с какими родился, и воспитание, им полученное, принимая воспитание в самом обширном смысле, т.е. совокупность явлений, действовавших в том или другом смысле на физическое или духовное развитие человека».

Сравнение биологического и социального не случайно. Оно свидетельствует о постоянном внимании историка к вопросу о соотношении природы и общества, который, в свою очередь, был вызван интересом научной общественности к перспективам, которые открывают методы и достижения естественных наук. Но преувеличивать значение параллелей, проводимых Соловьевым между человеком и общественным организмом, нет оснований. Тем не менее, уподобление им человека, «существа общественного», общественным организмам может служить ключом к объяснению одного из краеугольных положений соловьевской теории исторического процесса, его «теории факторов», выставленной в качестве универсального закона развития человечества. Его отдельные общности, как и человек, развиваются «сами из себя по известным законам», но подобно ему испытывают воздействие

природно-климатических и социально-исторических условий, в которые они с самого начала были поставлены. Это предполагает активную, созидательную, творческую деятельность и человека, и данной общности, их активное участие в преобразовании природы и в изменении социально-исторических условий существования. К тому же в природе человека и в природе его племени (общества) предусмотрены такие свойства, которые делают их устойчивыми к воздействиям окружающей их географической или социально-исторической среды. Эти свойства идут от «родоначальника», являются неизменными, передаются по наследству, составляют «народный образ». В «природе племени» есть, следовательно, нечто неизменное, органичное, но не статичное, а развивающееся по законам, общим всей природе человечества. Внешние факторы – природно-географическая и социально-историческая среда – образуют, в свою очередь, особенные условия, которые и отличают жизнь одного народа от жизни другого. Идея органичности исторического процесса получает в «теории факторов» Соловьева законченное выражение как раз потому, что именно этнографические условия, «природа племени» кладутся им в основание человеческой истории.

О.И. Журба (Днепропетровск, Украина)

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ В ПРЕЗЕНТАЦИЯХ ИСТОРИИ УКРАИНСКОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ

Распад СССР и формирование из относительно монолитной армии советских историков многочисленных отрядов представителей национального историописания в ряду возникших сложностей породили проблему новых способов презентаций исторического и, как следствие, историографического процессов. Стремительное обретение новых-старых Родин и задачи их идеологической легитимации имеющимися в распоряжении служителей Клио средствами, в том числе и через механизмы образования, создали огромный спрос-предложение на национально-территориальные меганарра-

тивы. Это вызвало всплеск живого и достаточно прагматического интереса к наследию историков эпохи генезиса модерного национализма с их уже готовыми для освоения и употребления связными, линейными повествованиями о судьбах наций с доисторических времен. Именно поэтому современные схемы представления украинского исторического процесса были определяемы, прежде всего, рецепцией в научно-историческое пространство конца XX – начала XXI в. творческого наследия М.С. Грушевского.

Еще в процессе создания этим выдающимся ученым украинского национального меганарратива возникла естественная необходимость использовать апробированный на материалах гражданской истории алгоритм конструирования «воображаемых сообществ» также для описания и репрезентации украинской историографии. Главной трудностью на этом пути оказалась проблема консолидации сегментированного исторического сознания элитных групп украинских регионов, включенного в иерархии исторического и историографического.

Состояние украинского общества, оказавшегося в привычной для него ситуации интеллектуального распутья и идейные позиции местных историков в значительной степени определили особенности становления на рубеже XIX–XX вв. дисциплинарного лица украинской историографии как истории исторической науки. Впрочем, стоит заметить, что первоначальный образ истории украинского историописания имел как минимум два конкурирующих облика. Ведущий и генетически более ранний из них был представлен, прежде всего, работами А.М. Лазаревского (Лазаревский А.М. Прежние изыскатели малорусской старины. I. Яков Михайлович Маркович // Киевская старина. 1894. № 12. С. 349–387; II. Алексей Иванович Мартос. 1895. № 2. С. 170–194; III. Александр Михайлович Маркович. 1897. № 1. С. 275–310) и отчасти Н.П. Василенко (Василенко Н.П. К истории малорусской историографии и малорусского общественного строя // Киевская старина. 1894. № 11. С. 242–270). Они сосредоточили свои усилия на исследовании исторического познания на территории Гетманщины / Малороссии представителями собственно малороссийской элиты. (Поясним:. Гетманщина (Малороссия) – казацкая автономия с середины XVII – до 80-х гг. XVIII в. С конца XVIII в. – в первой половине XIX в. термин «Малороссия» закрепился в названиях административных образований Российской империи, границы которых в целом совпадали с территорией

исторической Гетманщины. С начала XIX в. включала в себя Полтавскую и Черниговскую губернии. Исторически за этим регионом закрепилось также название «Левобережная Украина» или «Левобережье». С середины XIX в. «Малороссия» приобретает новый, значительно более широкий смысл – региона, населенного по преимуществу малороссийским (украинским) этносом. Приобретенная неоднозначность понятия вызвала к жизни термины «бывшая Гетманщина» для обозначения исторической территории старой Малороссии и «Украина» для маркировки этнической территории). Исследователи, следуя за текстами «прежних изыскателей малороссийской старины», как их называл А.М. Лазаревский, – местных историков-аматоров, собирателей старых документов, летописей, рукописных книг, коллекционеров раритетов второй половины XVIII – первой половины XIX в., прислушиваясь к общественным настроениям тогдашней образованной публики, фактически поставили проблему индивидуальной и коллективной самоидентификации малороссийского социума, особенностей малороссийского менталитета, его отображения в местном историописании. Мало озабоченные общественно-политическим звучанием своих исследований, упомянутые историки, насколько это было возможно, дистанцировались от проблем значения и последствий творчества своих героев для будущих духовно-культурных и историографических процессов. Попросту говоря, их подход можно назвать «ситуационным», «культурологическим», «историческим», так как историографическая и интеллектуальная ситуация малороссийского общества рассматривалась не как то, что порождает историческое модерное, национализированное сознание второй половины XIX века, как подготовительный этап вызревания новых идейно-научных концепций, а как самодостаточное историографическое состояние, выросшее на подготовленной почве (во всех смыслах этого слова) и не подверженное редукции ретроспективных конструкций.

Стоит отметить, что, прежде всего усилиями А.М. Лазаревского, были «реанимированы» давно и прочно забытые к концу XIX в. малороссийские историки столетней и более давности: Григорий и Василий Полетики, Федор Туманский, Андриан Чепа, Василий Ломиковский, Александр Ригельман, Яков и Александр Марковичи, Иван и Алексей Мартосы и многие другие представители местной элиты, в кругу духовных интересов которых историческое знание занимало видное место.

Практически синхронно в текстах М.С. Грушевского (Грушевский М.С. Развитие украинских изучений в XIX в. и раскрытие в них основных вопролсов украиноведения // Украинский народ в его прошлом и настоящем. СПб., 1914. Т. 1. С. 1–37; Грушевський О.С. З початків нової української історіографії // Україна. 1914. № 2. С. 57–63), а позднее Д.И. Дорошенко возникал другой, конкурентный облику «малороссийской историографии», интеллектуальный продукт (Дорошенко Д.І. Огляд української історіографії. Прага, 1923. 221 с.). Располагая теми же самыми источниками, что и их коллеги, они творили совсем иной, новый образ, образ модерного украинского историописания. Он опирался на конструкт «украинского национального возрождения», призванный выполнить (и в целом выполнивший) миссию легитимации украинского общественно-политического, духовно-культурного и интеллектуального проекта. Внешним, казалось бы чисто механическим, признаком конструирования такого образа стала повсеместная замена термина «малороссийская историография» на «историография украинская». Подобная понятийная инверсия, между тем, имела достаточно глубокие последствия: «малороссийское историописание» второй половины XVIII – первой половины XIX в. перемещалось в сознании как творцов, так и потребителей историографической продукции из иерархии включенности в «российское имперское» в сегмент самодостаточного «украинского», более широкое предметное и пространственное поле которого в начале XX в. еще только определялось.

Не вступая в развернутое представление проблемы, отмечу, что в интеллектуальных «баталиях» XX в. «малороссийского» и «украинского» образов «своего» историописания убедительную победу одержал последний. И хотя его варианты далеко не тождественны, в конце XX в. все они как будто сливаются в стремлении подкрепить, обосновать, проиллюстрировать концепцию «украинского национального возрождения» (Марченко М.І. Українська історіографія (з давніх часів до середини XIX ст.). К., 1959. 260 с.; Коваленко Л.А. Історіографія історії Української РСР від найдавніших часів до Великої Жовтневої соціалістичної революції: Навчальний посібник. К., 1983. 118 с.; Кравченко В.В. Нариси з української історіографії епохи національного Відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.). Харків, 1996. 296 с.; Колесник І.І. Українська історіографія (XVIII – початок XX століття): Навчальний посібник. К., 2000. 254 с.; Калакура Я.С. Українська історіографія: Курс лекцій. К., 2004. 436 с.).

Несмотря на все временные, мировоззренческие, общественно-политические различия, частные и привнесенные мотивы создания обобщающих работ, посвященных истории украинского историописания, начиная с пражского издания Д.И. Дорошенко 1923 г., все они представляют ее развитие как целостный и беспрерывный процесс без сомнения украинской исторической мысли, знания, познания со времен Киевской Руси.

Именно поэтому в современных украинских историографических меганарративах абсолютно доминирует эмансипаторский образ отечественной историографии, то есть образ «угнетенного» отечественного историописания, которое, освобождаясь от порабощения, запретов, преследований, прежде всего от «российского», «отвоевывает» украинскую историографическую территорию также и от «незаконного» захвата ее польским историческим сознанием, образованием и наукой.

В таких интерпретациях украинская научная историография как будто не рождалась во время формирования модерного образа «украинского» и как будто не являлась прямым следствием этого процесса, а, не зная разрывов, передавала эстафету исторического знания-познания с глубокой древности, не меняя своего национального облика.

Основательно включенное в концептуальные построения «украинского национального возрождения» как составная часть его первого этапа, историописание второй половины XVIII – первой половины XIX в. представлено по преимуществу телеологически, исходя не столько из того, чем оно было для современников, сколько из того, чем его хотели и хотят видеть как на рубеже XIX – XX, так и на переломе XX – XXI вв.

Несмотря на устойчивость этих стереотипов, легкость их усвоения, дидактическую четкость и патриотичность, растиражированная, прежде всего учебной литературой для вузов, линейная репрезентация сложного интеллектуального процесса с вынужденностью порождает некоторые наивные, можно сказать детские, вопросы, адекватные ответы на которые, между прочим, в рамках национальной стратегии остаются без ответа.

Ну, например, почему, представляя историографический процесс второй половины XVIII – первой половины XIX в. собственно как «украинский», исследователи отказывают его акторам в их соб-

ственной идентичности (малороссы, слобожане, волыняне, новороссы и т. п.), упорно зачисляя в ряды создателей национальной украинской историографии интеллектуалов, система самоидентификаций которых имела ярко выраженный региональный характер и, включаясь в разнообразные пространственные иерархии, никак не могла вписываться в еще не рожденный «украинский проект»?

Традиционные способы репрезентации требуют объяснения, почему в конструкциях истории украинского историописания указанного времени оно представлено почти исключительно как результат творческих усилий малороссов? Словно образованные круги других регионов почему-то оставались равнодушными в отношении собственного прошлого.

В рамках национальной парадигмы истории исторического знания не всегда достаточно понятны критерии соответствующей маркировки создателей исторических текстов (русский или украинский, польский или украинский). То есть, правомерно ли «наклеивать» украинские национальные «этикетки», последовательно переводя термин «Малороссия» и его производные как «Украина», «украинский»?

Наконец, стоит выяснить, могут ли появляться и существовать образы национальной истории (как впрочем и любой другой) до того, как в головах представителей образованного общества начнется процесс национально-этнического самоосознания? Проще говоря, имеет ли шанс появиться история того, что не осознается?

На эти и другие вопросы я пытаюсь искать ответы, разрабатывая презентации украинского историографического процесса, опирающиеся на культурологические и региональные подходы, в которых ключевое место занимают процедуры историографического районирования (Журба О.І. Становлення української археографії: люди, ідеї інституції. Дніпропетровськ, 2003. 316 с.; Журба О.І. Становлення української історіографії та історіографічний процес другої половини XVIII – першої половини XIX століття: Автореф. дис. ... докт. істор. наук. Дніпропетровськ, 2004. 32 с.; Журба О.І. Проблеми історіографічного районування та пошуки регіональних ідентичностей // Регіональна історія України. К., 2008. Вип. 2. С. 47–58). Мне представляется, что эти наблюдения, могут быть полезными не только специалистам в области истории украинского историописания и интеллектуальной истории.

Рассмотрение этих вопросов, конечно, напрямую связано с осознанием ограниченности поверхностного отношения к движению исторической мысли, с необходимостью расширения предметного поля исто-

риографии, включения в орбиты ее «ответственности» концепта исторической культуры. При этом, в нашем понимании – поверхностного не только в смысле не глубокого и легковесного, но также как способа представления и осмысления «по верхам», когда в поле зрения попадают лишь самые крупные проявления явления: выдающиеся мыслители, крупнейшие образовательные центры, важнейшие специализированные издания. При всей очевидности и прагматичности такого подхода представляется не менее очевидным и то, что в таком случае мы не всегда имеем дело с тем, что определяет «норму» состояния, а значит, можем утрачивать возможность уяснить качество той культурной почвы, которая вызвала к жизни «поверхностные объекты» нашего внимания.

Несомненно, природа «историографического районирования» значительно сложнее и эфемернее собственно районирования исторического. Специфика эта вызвана как имманентными причинами, прежде всего, принадлежностью «историографического» к «иллюзорной» сфере интеллектуального, так и имеющейся традицией приемов историографического исследования, до сих пор не ориентированных на изучение исторического сознания социальных групп, места «исторического» в их ментальных структурах, предложения и спроса на историческую информацию (т. е. «историографического рынка»), а сосредоточенных в основном на единичных исторических текстах очень ограниченного круга «выдающихся» авторов, «личный состав» которых, а также репертуар привлекаемых исторических и историографических источников относительно интересующего нас времени заметно не обновляется уже второе столетие.

В таком случае мы имеем дело не с массовыми, а уникальными интеллектуальными явлениями, способными порождать сомнения, хотя бы по поводу репрезентативности историографических источников касательно конкретной историографической ситуации. Именно поэтому с задачей четко и безоговорочно очертить территорию историографического региона может справиться только наивный и самоуверенный новичок, поскольку «историографическое» в этом случае не территориальное, а очаговое, обозначить которое можно лишь точками на карте, без возможности закрасить какую-нибудь более широкую географическую площадь.

Кроме того, усложненность украинского историографического районирования определена проблемностью однозначного районирования собственно исторического, которое отличалось нестабиль-

ностью, изменчивостью, динамизмом административно-политической, демографической, культурно-религиозной, геополитической, социально-хозяйственной, наконец, образовательно-языковой ситуаций на украинских землях. Стабильными во времени оставались разве что климат и ландшафты. Поэтому даже административные контуры «Новороссии» середины XVIII в. значительно отличались от ее же контуров середины XIX в., под «Малороссией» понимали совсем не одни и те же просторы во второй половине XVII, в XVIII и в XIX вв., границы «Украины» очерчивали совершенно по-разному в XVIII, в первой и во второй половинах XIX в. В течение обозначенного времени колоссальные миграционные процессы срывали с мест миллионы людей, переносивших на новые территории, кроме имущества и производственных навыков, свои местные, в том числе и исторические, представления, на основе которых возникали множественные образы «своих» историй, сложные системы и иерархии исторических и историографических представлений, которые профессиональные историографы позволяют себе выпрямлять и методично укладывать в простые линейные схемы.

Еще одна сложность возникает потому, что через личную мобильность представителей «историографического» результаты историографического районирования имеют совсем не много шансов точно совпасть с результатами районирования исторического, несмотря на то, что оно порождено и становилось неотъемлемой составляющей духовно-культурного пространства определенного региона.

И, наконец, сложность процедуры историографического районирования в том, что она – в интеллектуальном плену современных авторов, которым по разным причинам довольно трудно быть свободными от мощной общественно-политической, историографической и корпоративной инерции с ее требованиями, обязательствами, ритуалами.

Большинство авторов, занимавшихся в XX–XXI вв. проблемами становления украинской исторической науки, исходили a priori из существования целостного явления «украинского», в том числе «украинской историографии» как его сегментарного проявления. Для такого взгляда аксиоматическим стало представление, что национальное историописание существовало с давних времен, то угасая под давлением исторической мысли метрополий, то неоднократно возрождаясь, пытаясь стать самодостаточным явлением, вырываясь из цепких объятий колониального исторического мышления.

Я же исхожу из того, что модерная украинская историография в понимании истории отечественной исторической науки как явление культурно-интеллектуального порядка не могло появиться до рождения представлений о целостном украинском народе-этносе как специфическом субъекте исторического процесса, т. е. до того времени, когда в системе самоидентификаций элитных групп, которые выступали и производителями, и потребителями исторических писаний, в иерархиях индивидуального и коллективного самосознания не начала актуализироваться национально-этническая идентичность как одна из ведущих общественных, интеллектуальных, духовно-культурных ценностей.

Таким образом, «украинство» не возрождалось, а искалось, конструировалось мыслящими и грамотными слоями разрозненных историческими судьбами «Малороссий», «Слобожанщин», «Новороссий», «Украин», «Волыней» и т. п. Множественное число в этом перечне не случайно. Попробуйте в отношении XVII – первой половины XIX в. безальтернативно, однозначно, стабильно очертить на карте упомянутые регионы. Задание из невозможных!

Не претендуя на приоритет в постановке проблемы региональной историографии, отмечу, что эта проблематика разрабатывалась в современной украинской науке (Попова Т.Н. Региональная историографий: проблемы методологи // Библиотечное дело и краеведение: Сб. научных трудов. К.; Сімферополь, 2000. Вып. 2. С. 143–161; Она же. Историография в лицах проблемах, дисциплінах: Из истрии Новороссийского университета. Одесса, 2007. 536 с.; Колісник І.І. Українська історіографія в контексті національного Відродження України: спроба періодизації // Харківський історіографічних збірник. 1995. Вип. 1. С. 23–32). Однако, разрабатывалась с принципиально иных позиций. Сторонники традиционных репрезентаций украинского историографического процесса, безусловно, признают региональность, но не как явление, которое образует целое, а как то, что образуется и навязывается сконструированным целым.

В своем понимании историографического районирования я опирался на соображения моего коллеги А.Е. Чернова: «“Регион”» в региональной истории есть не данность, а искомое… Смысл региональной истории как особого подхода и дисциплины – более глубокое понимание (постижение) целого через его единичные проявления… И в этой связи есть основания прогнозировать, что “исто-

рический регион" как часть более общего может не только дифференцировать локальное... пространство, но и разрушать его, демонстрируя свою типологическую невписываемость» (Чернов Е.А. Региональная история: опыт теоретической интерпретации // Харківський історіографічний збірник. 2006. Вип. 8. С. 38–48; Он же. Региональная история и историософия // Регіональна історія. К., 2008. Вип.2. С. 59–66). Исследователем был предложен ряд изысканных терминов («блуждающий регион», «мерцающий регион»), эвристические возможности которых открывают серьезные перспективы их использования и в историографических исследованиях.

Статус историографического региона определяется набором ключевых параметров социокультурного, наукообразующего, коммуникативного, кадрового характера, что позволяет сосредоточиться на поисках специфик функционирования исторической культуры конкретного сообщества, выяснять внутреннюю структуру и взаимодействие ее элементов и, в то же время, вписывать ее в сложные иерархии более широких интеллектуальных пространств. А потому в исследовательском арсенале актуализируется проблема/метод историографического районирования, который предполагает выделение, точнее поиск, в целостном историографическом пространстве историографических ареалов, с присущими им спецификами историомышления, историознания, историосознания, историописания, организации производства, потребления и функционирования исторического.

В этом случае формирование украинской национальной историографии представляется, если упрощать, уже не в виде постепенной эволюции, пусть не совсем зрелого, но несомненно и всегда «украинского» историописания, а как процесс асинхронного развития региональных историографических ареалов, вписанных каждый по-своему в структуры польского и общероссийского имперского исторического знания-познания. Поэтому объяснение становления украинского способа осмысления прошлого на основе множественных региональных вариантов потребовало собственного понятийного определения. На мой взгляд, термин «нациофикация», в смысле «консолидация», «унификация» региональных видов самоидентификации в направлении выработки каркаса общенационального сознания, способен выполнить эту миссию.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что нельзя забывать о том, что даже для украинской интеллектуальной жизни и общест-

венного движения вплоть до начала XX в. ключевым оставалось задание утверждения, прежде всего в образованных кругах, не только, а точнее не столько сепаратных тенденций относительно в широком понимании «российского» и «польского», сколько преодоления отдельных региональных «самосознаний», формирование, «склеивание» на их основе образа единой украинской этнической территории, единой этнической культуры, в том числе единого прошлого, настоящего и будущего, то есть задание «извлечения» местного самосознания из иерархий «общерусского» и включения их в структуры «общеукраинского». Обращу также внимание и на то, что даже в начале XXI в. в условиях государственности Украины это задание продолжает сохранять свою актуальность. Что же касается второй половины XVIII – первой половины XIX в., то говорить об «украинской» историографии как интеллектуальном продукте можно только как о потенциальном, но вовсе не как о реальном проекте.

Напомню, начало XIX в. этнические украинские земли встретили в настолько качественно неоднородном социально-экономическом, духовно-культурном, конфессиональном и национально-демографическом состоянии, определенном разобщенностью их исторических судеб, что даже один из самых глубоких и авторитетных национальных историков XX в. А.П. Оглоблин вынужден был признать узость концепции М.С. Грушевского и предложить рассматривать «длинный украинский XIX век» как историю конгломерата отдельных территориальных образований, взаимное «ознакомление» которых привело в конце концов в формированию предпосылок для зрелости национального проекта (Оглоблин О.П. Проблема схеми історії України 19 – 20 століття (до 1917 року) // Український історик. 1971. № 1–2. С.5 –16).

Для описания генезиса национальной украинской историографии как процесса «нацификации» и «консолидации» региональных исторических самоидентификаций в рамках образа общего украинского прошлого, который оформлялся в головах небольшого числа интеллектуалов с конца 30-х гг. XIX в., возникла необходимость еще в одном понятийном инструменте. По-моему, концепты «иерархий регионально-историографических ареалов» или «иерархий историографического пространства» имеют достаточный познавательный потенциал, хотя бы для того, чтобы вызвать дискуссию, задуматься над необходимостью пересмотра линейных герме-

тичных схем развития исторической науки, по-новому взглянуть на использование региональных подходов в современной историографии и, может быть, снять некоторые опасения по этому поводу (Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 14–32).

На этой основе я предлагаю рассматривать/искать «малороссийскую», «новороссийскую», «слободскую», «правобережную», «галицкую», «буковинскую», «закарпатскую» историографии (возможны поиски и выделение субрегиональных вариантов, кругов, гнезд), которые в период вызревания национальных форм сознания включались в сложные структуры конкурирующих историографических иерархий (хотя бы: польское, российское, украинское историописания). Сложность этих исследовательских процедур не в последнюю очередь определяется также и тем, что многослойность, иерархичность, поглощенность самоосознания «своей» истории выявляется не только на уровне состояния или процесса в целом, но и как внешнее, а нередко и внутреннее состояние мыслящего о прошлом индивида.

Процедура историографического районирования позволяет преодолеть узость национальных репрезентаций историографического процесса, представить его в контекстах духовно-культурной и интеллектуальной истории как функционирование сложных структур исторической культуры общества. Она способствует созданию условий для ограничения тотального телеологизма в презентациях истории исторического знания/познания. Таким образом, акцентируется внимание на необходимости и целесообразности ситуативного подхода в представлении форм и механизмов существования «исторического» в культуре и интеллектуальной жизни определенного пространства–времени.

Е.А. Мельникова (Москва)

ПРОСТРАНСТВО В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ: СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ

Средневековые представления о пространстве формировались в сложном взаимодействии практических знаний, дохристианских воззрений на окружающий мир и христианского вероучения и

культуры. В основе организации пространства лежали дохристианские универсальные, как показал А.В. Подосинов, ориентационные принципы солярного происхождения: по странам света (восток, запад, север, юг), которые изначально смыкались с временными представлениями (ср. лат. *meridies* – «полдень» и «юг», др.-рус. *полуночьe* – «полночь» и «север»). Однако солярная система ориентации пространства не была изоморфной для различных культурных традиций. В Древней Руси сильно маркированным направлением был север (напротив, юг значимым не был), тогда как в древнегреческой, латинской, византийской культурах таким направлением был юг. В христианской картине мира выделился восток, который приобрел сакральное значение как место нахождения рая.

Эта базовая система дополнялась иными критериями, как правило, определяемыми практической деятельностью человека. Одним из важнейших средств организации пространства были пути – водные (по рекам в Древней Руси), сухопутные (в континентальной Европе), морские (в Скандинавии и странах Средиземноморья). Пути структурировали пространство, позволяли соотнести географические объекты (города, территориальные образования и прочее) между собой и предоставляли удобный способ описания пространства (не случайно, в основе подавляющего большинства хорографий лежит путевой принцип). Особенно ярко этот способ организации пространства проявился в Скандинавии, где направления по странам света определялись как «пути» (*austrvegr*) и прочее с выделением восточного и северного направлений как доминирующих).

Солярная система организации пространства подразумевала наличие центра ориентации – точки, из которой производился отсчет. Такой точкой обычно являлось местоположение человека (сообщества), относительно которого определялись страны света. Однако могли существовать и более абстрактные центры ориентации. Так, в Скандинавии ориентационным (видимо, весьма архаичным) центром являлась западная Балтика, откуда расходились «пути»: Северный, Восточный и прочие (Т.Н. Джаксон). Христианство впервые ввело представление о внеположенном человеку центре ойкуменического пространства – Иерусалиме, где закончил свой жизненный путь Иисус Христос.

Качественные характеристики пространства определялись – в языческой культуре – прежде всего степенью его освоенности: заселенное, изученное в процессе хозяйственной деятельности про-

странство воспринималось как «свое» и наделялось качествами, благоприятными для человека. Напротив, неосвоенное пространство представлялось «чужим», враждебным человеку, населенным злыми силами, хтоническими существами и потому опасным (K. Hastrup).

Эти архаические представления сохранялись и в христианскую эпоху, однако христианство ввело и еще одну характеристику пространства – его сакральность. В языческих культурах выделялись сакрализованные места, как правило, связанные с отправлением культов – священные рощи, озера, погребальные памятники, святилища. В христианской культуре выделились иерархически соподчиненные «локусы святости». Максимальной сакральностью было наделено место рождения, жизни и смерти Иисуса Христа – Святая земля. Одновременно существовали занимавшие более низкие ступени сакральные пространства – места захоронения святых (Сантьяго ди Компостелла и др.), монастыри, церкви.

И.П. Ермолаев (Казань)

ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ИСТОРИЮ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Роль природы в историческом развитии. История любого народа совершается на определенной территории, в строго очерченных природно-географических условиях. Один из крупнейших русских историков XIX в. С.М. Соловьев, ссылаясь на Геродота, утверждал, что «ход событий [на раннем этапе исторического развития] постоянно подчиняется природным условиям» (Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 15-ти кн. М., 1959. Кн. 1. Т. 1. С. 60). С этим утверждением можно не соглашаться, как это обычно делала советская историография, но тезис этот, прочно вошедший в «старую» науку, нельзя просто отбросить. Поэтому, приступая к познанию истории любой страны, следует прежде всего проанализировать те объективные естественно-физические условия, которые влияли на эволюцию народа, а подчас и определяли развитие его общественной жизни, особенно в ранний период.

Другой не менее известный ученый-историк В.О. Ключевский называл природу «силой, которая держит в своих руках колыбель каждого народа» (Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1 // Сочинения: В 8-ми т. М, 1956. Т. 1. С. 45). Не случайно свой знаменитый «Курс русской истории» он начинал с характеристики природных условий Европейской России. После первых двух лекций, посвященных методологическим вопросам изучения российской истории, далее он давал две лекции о природе страны (т. е. по объему предлагаемого материала Ключевский значение последней – природы страны – для исторического познания «сравнивает» с теоретико-методологическими вопросами). Здесь он рассматривал устройство поверхности Европейской России, ее геологическое строение, климат, поверхностные воды, почвенный покров, растительность, грунтовые и подземные воды, а также определял влияние природных факторов страны на историю ее народа.

Характерной географической особенностью Российского государства Ключевский считал то, что одна его часть (западная) расположена в Европе, а другая (восточная) – в Азии. Вместе с тем, он обращал внимание на то, что природа Восточной Европы очень резко отлична от Западной и в каких-то аспектах ближе к Азии, чем к Европе. Об этой особенности своей страны В.О. Ключевский сказал очень образно: «Исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем и Европа» (Там же. С. 47).

Действительно, своими основными природными характеристиками Восточная Европа резко контрастирует с Западной. Если у последней рельеф отличается впечатляющим разнообразием, то на Востоке он более монотонен. Характеризуя Западную Европу, В.О. Ключевский справедливо отмечает: «Нигде горные хребты, плоскогорья и равнины не сменяют друг друга так часто, на таких сравнительно малых пространствах, как в Европе» (Там же. С. 46). В Восточной же Европе «одна форма [равнина] господствует почти на всем ее протяжении»; «даже в Азии среди ее громадных сплошных пространств одинаковой формации наша равнина, – говорит Ключевский, – заняла бы не последнее место» (Там же. С. 47).

Более того, географическое сходство Восточной Европы с Азией усиливается тем, что Восточноевропейская равнина на юге представляет собой необозримую маловодную и безлесную степь, которая «совершенно похожа на степи внутренней Азии» и «составляет

прямое, непрерывное их продолжение». По словам того же Ключевского (простите за частое цитирование), южная часть Европейской России – «это как бы азиатский клин, вдвинутый в европейский материк и тесно связанный с Азией исторически и климатически». «Умеренная... Западная Европа, – отмечает он, – не знает таких изнурительных летних засух и таких страшных зимних метелей, какие бывают на этой степной равнине, а они заносятся сюда из Азии или ею поддерживаются». Развивая тезис об исторической связи Восточной Европы с Азией, Ключевский образно отмечает: «Сама Азия, настоящая кочевая Азия, испокон веков наводняя своими кибитками и стадами нынешнюю южную Европу, по-видимому, слабо чувствовала, что она попадала в Европу» (Там же. С. 46-47).

Рассматривая вопрос о природном различии Восточной и Западной Европы, предшественник В.О. Ключевского историк С.М. Соловьев писал не менее ярко и образно: «При первом взгляде на карту Европы, – говорил он, – нас поражает различие между двумя ее неравными половинами – западною и восточною. На Западе земля разветвлена, острова и полуострова, на западе горы, на западе много отдельных народов и государств; на Востоке сплошная громадная равнина и одно громадное государство. Первая мысль при этом, что две, столько разнящиеся между собою, половины Европы должны были иметь очень различную историю. Мы знаем, – продолжал Соловьев, – как выгодны для быстроты развития общественной жизни соседство моря, длинная береговая линия, умеренная величина резко ограниченной государственной области, удобство естественных внутренних сообщений, разнообразие форм, отсутствие громадных, подавляющих размеров во всем, благорастворение воздуха, без африканского зноя и азиатского мороза; эти выгоды отличают Европу перед другими частями света... Но, – делает вывод Соловьев, – указывая на эти выгоды, должно разуметь только Западную Европу, ибо Восточная их не имеет; природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать, – мачеха» (Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. М., 1962. Кн. 7. Т. 13. С. 7-8).

Я специально позволил себе столь длинную цитату великого историка, ибо в этих словах в концентрированной форме четко выражено природное различие Восточной Европы от Западной и вместе с тем определены истоки особенностей в их историческом развитии.

Соловьев утверждает, что это различие прежде всего зависит от географических условий. На Западе горы разделяли территорию на отдельные, изолированные регионы, в России же равнина обусловила большую подвижность народов и их тесные контакты с соседями. Основным содержанием начальных этапов русской истории Соловьев считал борьбу с кочевниками, борьбу, как он говорил, «леса со степью». Отсюда жизненно необходимыми условиями существования народа была колонизация – хозяйственное освоение «обширной, – как говорил ученый, – девственной страны» (Там же. Кн. 2. Т. 4. М., 1960. С. 648).

В результате природный или естественно-исторический фактор становится определяющим в особенностях исторического развития народов, населяющих Восточноевропейскую равнину, и, в конечном счете, по-видимому, лежит в основе причин создания здесь сильного централизованного государства.

Физико-географическая характеристика основных показателей Восточноевропейской равнины в ее сравнении с Западной Европой. В климатическом отношении Восточноевропейская равнина делится на три больших географических пояса: субарктический, умеренный и степной.

Субарктический пояс – это тундра. Он расположен к северу от Полярного круга (66,5°) и включает в себя побережье Кольского полуострова, полуостров Канин, большую часть Большеземельской тундры (т. е. по современному административно-территориальному делению Мурманскую область и северную часть Архангельской области, включая Ненецкий национальный округ). Тундра – это в основном болота и заболоченные земли. Она непригодна для земледелия и, за исключением оленеводства и рыболовства, а также охоты на морского зверя, неспособна обеспечить организованную жизнь человека.

Умеренный пояс охватывает большую часть северной половины Евразии практически от Полярного круга примерно до 45–50° северной широты (Киев–Харьков–Волгоград). Лес занимает значительную часть этого пояса. Эта величайшая в мире лесная зона. Она, в свою очередь, подразделяется на три подзоны: северную – таежную, среднюю – хвойно-лиственную и южную – лесостепную.

Северная, таежная часть лесной зоны охватывает территорию, южная граница которой приблизительно совпадает с линией Пе-

тербург–Вологда–Пермь. Тайга с ее бесструктурными подзолистыми почвами мало пригодна (малоблагоприятна) для земледелия.

Южнее подзоны тайги, т. е. приблизительно соответствуя 57–50° северной широты, вплоть до линии Киев–Харьков–Самара, простираются *смешанные* (хвойно-лиственные) и *широколиственные леса*, на юге переходящие в лесостепь. В древности эта подзона так же, как таежная, характеризовалась большими, трудно проходимыми лесами. Эта подзона отличается бурыми и серыми почвами, благоприятными для земледелия, но требующими значительных предварительных затрат при их сельскохозяйственной эксплуатации (корчевание леса, в дальнейшем – внесение органических и минеральных удобрений).

В южной части умеренного пояса – ее *лесостепной подзоне* (примерно между 54° и 50° северной широты, по линии южнее Самара–Воронеж–Харьков–Киев, т. е. на территории Среднего Приднепровья, Среднего и Верхнего Дона, волжского правобережья от Самары до Саратова) среди почв доминируют черноземы, наиболее плодородные и удобные для земледелия.

Южнее, включая Крым и Северный Кавказ, простираются *степи*, на юго-востоке переходящие в полупустыню. Лесостепь и северная часть степной зоны имеют наиболее глубокий и мощный слой чернозема, повторяю, лучшего из всех типов почв, благоприятных для земледелия.

Юго-восточная часть Русской равнины и северное побережье Каспия представляют собой типичную *полупустыню*, ее почвы непригодны для земледелия и даже в современных условиях используются исключительно для выпаса скота, а полеводство возможно лишь при условии водной мелиорации.

До середины XVI в. земледельческое славянское и угро-финское население было приковано к подзоне смешанных лесов. Степи, а в какой-то степени и лесостепи с их черноземами находились в распоряжении кочевых, в основном тюркского происхождения племен и были для оседлого населения «диким полем» (этот термин долго господствовал в быту, а ныне прочно вошел в научную терминологию).

Остановим свое внимание на таких моментах, как температурный режим, количество осадков, пахотные земли и урожайность, речные бассейны и населенность Восточноевропейской равнины.

Температурный режим. Выше уже было обращено внимание на климатические отличия восточной части Европы от западной. В

этом отношении особенно характерны различия в температурном режиме и, прежде всего, в *годовых амплитудах* температур, т. е. в их перепадах, разности между максимальными и минимальными значениями за год. Таких перепадов годовых амплитуд температуры воздуха, какие бывают в Восточной Европе, ее западная часть не знает. Если в первой из них разность средних температур составляет от 34,9°С (Волгоград) до 25,4°С (Киев), то в Западной Европе в большинстве мест она не превышает 22°С (Варшава, Брюссель, Вена), а в среднем составляет 16–20°С (Копенгаген–Париж–Берлин–Франкфурт-на-Майне–Стокгольм–Осло–Хельсинки). Во взятых наугад шестнадцати пунктах Восточной Европы, находящихся на разных широтах (от 64,3° до 46,2° сев. широты), средняя годовая амплитуда температур воздуха составляет 31,1°С. Взятые для сравнения тринадцать сопоставимых по широтам (от 64,3° до 48,3° сев. широты) различных пунктов Западной Европы имеют амплитуду только в 19,3°С (см. таблицу 1).

Таблица 1. Среднегодовая температура: ее перепад

Город	Геогр. широта, с.ш.	Геогр. долгота, в.д.	Средние температуры в ° *С*			Амплитуда
			июля	января	годовые	
В Восточной Европе						
Волгоград	48,42°	44,31°	+23,6	-11,3	+ 7,0	34,9°
Уфа	54,43°	55,56°	+20,9	-12,9	+ 3,0	34,8°
Екатерибург	56,5°	60,38°	+17,5	-16,5	+ 0,6	34,0°
Самара	53°	50,05°	+21	-13,0	+ 4,0	34,0°
Казань	55,47°	49,8°	+19,7	-13,8	+ 3,0	33,5°
Саратов	51,32°	46,3°	+22	-10,8	+ 5,7	32,8°
Астрахань	46,21°	48,2°	+25,5	- 7,2	+ 9,4	32,7°
Н.Новгород	56°	43,75°	+20	-12,0	+ 4,0	32,0°
Пенза	53,11°	45,1°	+20,5	-11,2	+ 4,5	31,7°
Орел	52,58°	36,4°	+20	-10,0	+ 4,9	30,0°
Москва	55,46°	37,4°	+18,9	-11,0	+ 3,9	29,9°
Архангельск	64,33°	40,32°	+15,8	-13,7	+ 0,3	29,5°
Харьков	50,4°	36,9°	+20,9	- 8,3	+ 6,8	29,2°
Петербург	59,56°	30,16°	+17,7	- 9,3	+ 3,7	27,0°
Петрозаводск	61,47°	34,23°	+16,7	-10,2	+ 2,3	26,9°
Киев	50,27°	30,3°	+19,2	- 6,2	+ 6,8	25,4°
В Западной Европе						
Варшава	52,25°	21,05°	+18	- 4	+ 7	22°
Брюссель	50,75°	4,35°	+18	- 4	+ 7	22°

Город	Геогр. широта, с.ш.	Геогр. долгота, в.д.	Средние температуры в ° *С*			Ам-пли-туда
			июля	января	годовые	
Вена	48,25°	16,4°	+21	- 1	+10	22°
Хельсинки	60,1°	24,9°	+16	- 4	+ 6	20°
Осло	59,9°	10,5°	+16	- 4	+ 6	20°
Стокгольм	59,5°	18,05°	+16	- 4	+ 6	20°
Эдинбург	56°	3,15° з.д.	+16	+ 4	+10	20°
Франкфурт-на-Майне	50°	8,77°	+20	0	+10	20°
Берлин	52,5°	13,45°	+18	- 1	+ 8,5	19°
Париж	49°	2,35°	+20	+ 3	+11,5	17°
Копенгаген	56°	13,05°	+16	0	+ 8	16°
Лондон	51,5°	0°	+16	+ 3	+ 9,5	13°
Рейкьявик	64,25°	22,1°	+10	0	+ 5	10°
В Сибири						
Якутск	62,1°	129,43°	+19	-43,3	-11	62,3°
Енисейск	58,27°	92,6°	+19,4	-23,4	- 2,2	42,8°
Березов	63,56°	65,4°	+16,3	-23,7	- 4,6	40°
Иркутск	52,16°	104,19°	+18,2	-21,2	- 0,5	39,4°
Акмолинск	51,1°	71,27°	+20,3	-18,4	+ 1,3	38,7°
Барнаул	53,2°	83,47°	+19,5	-19	+ 0,4	38,5°

Источники: Большой всемирный настольный атлас Маркса / под ред. Ю.М. Шокальского. 2-е изд. СПб.: Изд-ние Т-ва А.Ф. Маркс, 1910. Карты № 2–3; Географический атлас СССР. М., 1991. С. 14–15; ЭСБЕ. СПб., 1899. Т. 27а, п/т. 54. Табл. 1, между с. 24 и 25. Определения географических широты и долготы произведены автором по «Атласу Маркса»; возможны неточности в цифрах.

Сравните: 31,1° для Восточной и 19,3° для Западной Европы! Иначе говоря, перепад температур на Западе более чем в полтора раза (в 1,6) меньше, чем в Восточной Европе. Другими словами, температурный режим в Восточной Европе имеет ярко выраженную континентальность, тогда как в Западной Европе климат типично морской. Средняя температура января в России от 0° до -5° на западе Европейской части и до -40-50° на северо-востоке. В Западной Европе картина совершенно иная: во Франции средняя температура января от -1°-3° на западе и до +8°+10° на юге; в Италии – от -1° до +12° и т. д. Во Франции устойчивый снежный покров наблюдается лишь в горах, на равнинах не образуется. В Италии также устойчивого снежного покрова не наблюдается. В России, напротив, продолжительность залегания снежного покрова составляет от 60–80 дней на юге и до 260–280 дней – на крайнем Севере.

Для характеристики различия западной части Европы от восточной большое значение имеет нулевая изотерма января. К востоку от этой границы средняя температура января – отрицательная, зима холодная, морозная, часто сухая, а западнее (средняя температура января положительная) преобладают влажные теплые зимы, при которых на земле слякоть, а в воздухе туман. Климат в этих регионах совершенно различный. Нулевая изотерма января занимает положение вдоль западного побережья Скандинавии, идет через Ютландию, Германию, параллельно Дунаю, вдоль южного побережья Крыма, через Закавказье (Тбилиси) и уходит, наконец, в пределы южного Каспия.

Зимние температуры резко снижаются по мере движения на Восток. При продвижении на Восток граница холодных районов резко смещается к югу, и поэтому низкие годовые температуры в России являются характерными не столько для северных, сколько для более восточных ее регионов. Так, Оймякон (современный «полюс холода» с перепадом температур более чем на 62°С) находится на той же широте (около 64° сев. широты), что и незамерзающий порт Рейкьявик (на западном побережье Исландии) и южнее так же незамерзающего норвежского порта Нарвик. На этой же широте находится Архангельск с его хоть и небольшой (+0,3°С), но положительной среднегодовой температурой.

Летние температуры в большей степени подчинены закону географической зональности. Так, например, июльская изотерма +16° проходит примерно вдоль 63-64° северной широты, т. е. севернее Онежского озера, южнее Архангельска и севернее Сыктывкара. Изотерма +20° свойственна северной Молдавии, Киеву, Белгороду, Пензе и Ульяновску. Но летние июльские температуры отнюдь не являются показателем количества среднегодовых сумм солнечного тепла. Достаточно высокие температуры очень короткого лета в северных регионах быстро понижаются и ни в коей мере не сопоставимы с аналогичными районами тех же широт Западной Европы. Последнее особенно характерно для Сибири. Основная часть этого обширнейшего региона имеет температуру воздуха выше +10° (период возможной вегетации основных сельскохозяйственных культур), но продолжительность этого периода не более 120–150 дней в течение года (т. е. лишь 4–5 месяцев). В результате Сибирь с ее обширнейшим потенциальным пахотным клином на большей части практически непригодна для земледелия.

Безморозный период (часть года между многолетними средними датами последнего заморозка весной и первого заморозка осенью; это период возможной вегетации основных сельскохозяйственных культур – он требует температуру воздуха выше +10°С) в Российской Федерации составляет: на севере всего 50–150 дней, на западе и юге – до 250–300 дней.

Естественно, что величина среднегодовых температур определяет специфику почвенного и растительного покрова, а также условия земледелия и скотоводства.

Распределение осадков. Не менее характерен по уровню неблагоприятности для земледелия и годовой ход распределения осадков, которые в Европейской части Восточной Европы более устойчивы в регионах с бедными подзолистыми почвами и, наоборот, имеют значительно меньшее их количество и неравномерность в выпадении – в лесостепной и степной зонах.

Особенностью режима выпадения осадков в России является то обстоятельство, что они во многом приходятся на вторую половину лета (см. таблицу 2) – на июль–сентябрь, т. е. на время уборки зерновых и овощных культур, что резко мешает проведению сельскохозяйственных работ. Так, в Московской области, например, в июле и августе выпадает 144 мм осадков, что составляет более чем две трети всей летней нормы. В Западной же Европе распределение осадков теплой половины года значительно более равномерное.

Таблица 2. Атмосферные осадки в мае-сентябре (мм)

Город	Среднегодовое кол-во осадков *(мм)*	Кол-во осадков за май-сентябрь *(мм)*	Осадки в мае–июне		Осадки в июле-сентябре	
			Абс.	%	Абс.	%
Архангельск	387	222	64	28,83%	158	71,17%
Петербург	475	277	89	32,13%	188	67,87%
Москва	533	300	101	33,67%	199	66,33%
Петрозаводск	578	318	110	34,59%	208	65,41%
Орел	517	283	98	34,63%	185	65,37%
Харьков	465	235	85	36,17%	150	63,83%
Вятка	448	269	98	36,43%	171	63,57%
Казань	394	260	97	37,31%	163	62,69%
Кострома	523	317	119	37,54%	198	62,46%
Пермь	521	302	114	37,75%	188	62,25%
Симбирск	443	265	102	38,49%	163	61,51%

Город	Средне-годовое кол-во осадков *(мм)*	Кол-во осадков за май-сентябрь *(мм)*	Осадки в мае–июне		Осадки в июле-сентябре	
			Абс.	%	Абс.	%
Новгород Вел.	511	293	113	38,57%	180	61,43%
Саратов	389	176	68	38,64%	108	61,36%
Екатеринбург	364	284	113	39,79%	171	60,21%
Уфа	477	276	112	40,58%	164	59,42%
Вологда	462	284	118	41,55%	166	58,45%
Воронеж	556	274	116	42,34%	158	57,66%
Ниж. Новгород	570	306	130	42,48%	176	57,52%
Пенза	472	245	197	43,67%	138	56,33%
Астрахань	149	73	34	46,58%	39	53,42%
Ставрополь	720	387	182	47,03%	205	52,97%
Курск	427	280	132	47,14%	148	52,86%
Киев	534	284	104	36,62%	180	30:82%

Источник данных: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1899. Т. 27а, п/т. 54. С. 24-25. Табл. II: Осадки.

Таким образом, характерной особенностью климата Восточной Европы является чрезвычайная кратковременность теплого периода года (среднесуточная температура не менее +10°), необходимого для проведения сельскохозяйственных работ: на северо-западе (Петербург, Вел. Новгород) – это около четырех месяцев, в центре Европейской части России (Москва) – до пяти с половиной, в степных районах – не более шести месяцев. В Западной же Европе этот период составляет 8–9 месяцев и более, т. е. он в 1,5–2 раза продолжительнее, чем в нашей стране.

Урожайность. В итоге недостаточно благоприятные условия для земледелия, далеко не лучшая обеспеченность почвами (в удельном отношении на территорию всей страны), «разброс» осадков и непродолжительность периода полевых работ, безусловно, предопределяют и более низкую урожайность. Совокупность этих факторов приводит к тому, что в Восточной Европе малоурожайным или «голодным» становится в среднем каждый третий год.

Минимальная урожайность, при которой имеет какой-то смысл заниматься хлебопашеством – это «сам-три» (т. е. соотношение посева зерна и сбора урожая как 1:3); при этом (при урожае «сам-три») количество посеянного зерна не утраивается, как нередко думают, а лишь удваивается (ибо одну третью часть урожая не-

обходимо сохранить для нового сева). Урожайность «сам-два» не предполагает развития, ибо при этом лишь сохраняется «баланс», поскольку половина урожая идет в семена; то есть при «сам-два» возрастания прироста зерна не происходит.

Производительность зернового хозяйства в России долго не поднималась выше отметки «сам-три». Как свидетельствует Л.В. Милов в специальном исследовании «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» (М., 1998), «сводные данные статистики урожайности за 80–90-е годы XVIII в. безжалостно обнажают основную тенденцию – более или менее постоянный низкий уровень урожайности, статистической модой которого был уровень сам-3 и даже сам-2» (Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 189).

Даже в конце XIX – начале XX в., по вычислениям президента РАСХН А.А. Никонова, урожайность находилась на минимальном уровне (см. таблицу 3) (Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX века). М., 1995). В Европе же, как отмечает американский историк Ричард Пайпс, уже в XIV–XV вв. урожайность поднялась до «сам-5», а в отдельных странах к середине XVII в. она достигла «сам-7» (в Скандинавии) и «сам-10» (в Англии) (Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 19).

Таблица 3. Урожайность хлебов в России (в пудах с десятины)

Период	Крестьянские земли	Помещичьи земли
1861-1870	29	33
1871-1880	31	37
1881-1890	34	42
1891-1900	39	47
1909-1917	45	47,2

Р. Пайпс утверждает, что в конце XIX в. с одной единицы посева в Германии получали одну тонну зерна, тогда как в России – в четыре раза меньше (Там же. С. 20). Данные таблицы 3 наглядно опровергают бездоказательные утверждения американского историка. Пайпс наверняка ошибался, когда писал, что в России получали с одной десятины 250 кг (18,7 пуда). Такое, вероятно, могло быть только как крайнее исключение в самые неурожайные годы.

Проблемой сельскохозяйственного производства в России специально занимался талантливый российский историк конца XIX –

начала XX в. П.Н. Милюков. Изучая, в частности, вопрос урожайности прошлых веков, он обратил внимание на свидетельство Герберштейна о значительных урожаях в XVI в. на территории нынешних Владимирской, Нижегородской и Рязанской областей, где земля, якобы, «давала часто 20, а иногда и 30 зерен на одно зерно посева пшеницы; в Рязанской даже еще больше». Но при этом Милюков напоминал, что в Рязанской и Нижегородской областях находился тогда (в начале XVI в.) уголок хорошего чернозема. За прошедшие четыре века, констатировал историк, многое изменилось: «...чтобы давать урожай, указываемый Герберштейном, этот чернозем, – отмечал Милюков, – должен был быть неистощенным. Тот же чернозем, – говорил ученый, – в наше время [в конце XIX в. – И.Е.] дает, самое большее, урожай сам-пять пшеницы» (Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1898. Ч. 1. С. 73).

Этот же автор констатировал еще и то, что «вообще предания о высоких урожаях старого времени не подтверждаются собранными до сих пор, правда, весьма немногочисленными данными. В XVII в., – говорил он, – может быть, вследствие дурной обработки, урожаи были значительно ниже теперешних [т. е. конца XIX в., когда П.Н. Милюков работал над цитируемым текстом – И.Е.]. Казенная запашка в Елецком у[езде] давала 19 лет подряд сам-2,2 урожай ржи и сам-1,5 урожай овса. Урожаи сам-4 были большой редкостью, а сам-5 известны только в вотчинах Б.И. Морозова» (Там же. С. 73–74). Работы современных ученых, в том числе вышеуказанное интереснейшее исследование Л.В. Милова, вполне подтверждают эти выводы.

По подсчетам современных специалистов, в России, в стране с достаточно суровыми климатическими условиями, где 29 регионов из 89 являются северными, природная продуктивность одного гектара пашни в два раза ниже, чем в Западной Европе, и в 2,8 раза ниже, чем в Америке. По тем же причинам (длительная зима, короткий вегетационный период, скудость сенокосов и пастбищ и т. д.) в России намного сложнее, чем на Западе, заниматься скотоводством.

Насколько низка производительность сельского хозяйства России, хорошо показано в исследовании немецкого экономиста барона Августа Гакстгаузена (1792–1866), который в 40-е годы XIX в. побывал в России и после этого опубликовал трехтомный труд об особенностях русского аграрного строя и значении крестьянской общины в сельскохозяйственном производстве – «Исследование внутренних

отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» (Hannover; Berlin, 1847–1852; рус. перевод: М., 1870).

Для сравнения сельскохозяйственного производства в России и Германии А. Гакстгаузен взял два хозяйства, сопоставимые, как он считал, по размерам сельскохозяйственных площадей и находящиеся примерно на одной географической широте (на Рейне, у г. Майнц и в Верхнем Поволжье, близ г. Ярославль). В результате получилась следующая картина уровня производственных затрат, необходимых для обработки сравнимых участков земли, то есть производительности крестьянских хозяйств в Германии и России (см. таблицу 4).

Таблица 4. Производительность крестьянского хозяйства в Западной и Восточной Европе (сравнительная характеристика)

Хозяйство	У г.Майнц	У г.Ярославль	Во сколько раз
Количество работников:			
постоянных	14 чел.	24 чел.	> в 1,7
временных (сезонных)	1500 чел./дн.	2100 чел./дн	> в 1,4
Использовано лошадей	4 упряжки	7 упряжек	> в 1,8
Расходы по ведению хозяйства	3500 талеров	5900 талеров	> в 1,7
Размер общего дохода	8500 талеров	8500 талеров	
Прибыль	5000 талеров	2600 талеров	< в 1,9

Другими словами, по мнению Гакстгаузена, производительность российского хозяйства почти в два раза ниже равного ему по параметрам западноевропейского. Ученый сделал вывод, что поместье в России могло стать равным по доходности с немецким только при двух условиях: 1) при использовании на сельскохозяйственных работах труда крепостных (что освобождало помещика от расходов по содержанию работников и скота); 2) при сочетании земледелия с мануфактурой (что давало возможность использовать труд крестьян в зимние месяцы, не занятые сельскохозяйственными работами). На последний момент обращал внимание и П.Н. Милюков. Он пришел к выводу, что «рабочий труд крестьян так дешево ценится, что владельцы предпочитают не заменять его машинами» (Милюков П.Н. Указ. Соч. С. 76). Кстати, именно эти выводы Гастгаузена позволили К. Марксу и Ф. Энгельсу критиковать его за якобы монархические взгляды (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 295; Переписка К .Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951. С. 221).

При этом следует отметить, что урожайности в «сам-три» (1:3) в принципе достаточно, чтобы прокормиться, но это «суровый режим очень скудного питания, жесткий режим экономии и т. д.» (Милов Л.В. Указ. соч. С. 389). Зерна хватает только на прокорм (т. е. излишков не остается). При этом все члены семьи должны быть заняты в сельскохозяйственном производстве. Л.В. Милов констатирует «драматизм повседневной жизни большинства российских крестьян огромного Нечерноземья с его безнадежно нерентабельным земледельческим производством» (Там же. С. 401. Правда, Милов делает исключение для «заокских черноземных просторов», для которых возможно говорить «о некоей рентабельности»). Таким образом, у русского земледельца долгое время не было условий для расширенного производства и не было возможности вести строго индивидуальное хозяйство. По утверждению П.Н. Милюкова, развитие товарного производства зерна в России начинает проявляться лишь с XVII в., расширяется в XVIII-м и к середине XIX в. зерно начинает превалировать в экспорте (Милюков П.Н. Указ. соч. С. 75).

Подводя итоги в своем специальном исследовании, Л.В. Милов пишет: «...Россия была на протяжении многих веков обществом с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. Низкий уровень агрикультуры, низкая и очень низкая урожайность, весьма упрощенный уклад жизни крестьянства, вечно борющегося за выживание, – все это находится, казалось бы, в очевидном противоречии с выдающейся судьбой Российского государства, поднявшегося в конце XIV в. на борьбу с золотоордынским игом и, пройдя через жесточайшие испытания, к концу XVIII столетия ставшего одной из самых могучих держав Европы» (Милов Л.В. Указ. соч. С. 417).

Речные бассейны. Важным компонентом природной характеристики являются реки, точнее, речные бассейны и речные системы. Территория Российской империи характеризовалась наибольшим количеством длиннейших в мире рек с их разветвленными системами и сравнительно узкими водоразделами (см. таблицу 5).

Таблица 5. Наиболее протяженные реки

В Европе			В Азии		
Название реки	Длина (км)	Площадь бассейна (тыс. км^2)	Название реки	Длина (км)	Площадь бассейна (тыс. км^2)
Волга	3531	1360	Янцзы	6300	1807
Дунай	2860	817	Хуанхэ	5464	752

В Европе			В Азии		
Название реки	Длина (км)	Площадь бассейна (тыс. км^2)	Название реки	Длина (км)	Площадь бассейна (тыс. км^2)
Урал	2428	237	Обь (с Иртышом)	5410	2990
Днепр	2200	504	Меконг	4500	810
Дон	1870	422	Амур (с Аргунью)	4440	1855
Печора	1809	322	Лена	4400	2490
Днестр	1350	72	Енисей (с Бий-Хемом)	4092	2580
Рейн	1320	224	Салуни	3200	325
Сев. Двина (с Сухоной)	1302	357	Инд	3180	980
Эльба	1165	146	Евфрат (с Муратом)	3065	673
Висла	1047	198	Сырдарья (с Нарымом)	3019	219
Зап. Двина (Даугава)	1020	88	Брахмапутра	2900	935
Лаура	1020	115	Ганг	2700	1120

Данные взяты из книги: Географический атлас. 4-е изд. М., 1985. С. 207; Малый атлас мира / Федеральная служба геодезии и картографии России. М., 1998. С. 197, 199, 200.

В Европе из тринадцати наиболее крупных рек восемь протекают в ее восточной части (Волга, Днепр, Дон, Печора, Северная Двина, Урал, Западная Двина, Днестр); в Азии из десяти наиболее крупных рек, до распада Советского Союза пять находились на его территории (Амур, Лена, Енисей, Обь, Сырдарья).

Характерные цифры получаются и при сравнении бассейнов рек. В Европе суммарная площадь бассейна первых тринадцати рек составляет 4862 тыс. км2; из них на ее восточную часть приходится 3362 тыс. км2, или более двух третей (почти 70%, точнее 69,15%). В Азии суммарный бассейн первых десяти рек составляет 15150 тыс. км2; из них на российские реки приходилось 10134 тыс. км2, т. е. почти две трети (66,9%) от бассейнов всех рек этой части света.

Большое значение имеет и извилистость рек. Так, например, протяженность Волги составляет 3531 км, а кратчайшее ее расстояние от истока до устья – 1587 км (т. е. в 2,2 раза короче). Это говорит о том, что большие площади долинных земель хорошо увлажнены,

что в значительной степени компенсирует недостатки распределения годовой структуры осадков.

В развитии хозяйства большую роль имеет орография (т. е. классификация рельефа по внешним признакам). Так в Восточной Европе находится множество возвышенностей – Валдайская, Среднерусская, Северные Увалы, есть и горы (Уральские). Валдайская возвышенность, например, представляет собой часть главного водораздела нашей планеты. С этих возвышенностей берут начало реки, текущие в разных направлениях: Западная Двина – в Балтийское море, Днепр – в Черное, Дон – в Азовское, Волга – в Каспийское. С Северных Увалов, также части главного водораздела планеты, берут начало Северная Двина (бассейн Белого моря), Кама и Вятка (бассейн Волги). На западном склоне Уральского хребта собирают свои воды реки Печора (бассейн Баренцева моря), Чусовая и Белая (бассейн Камы), Урал (бассейн Каспия). С восточного склона Уральского хребта стекает большое число рек, в том числе Тура (бассейн Оби).

Без большого труда и специальных плавательных средств можно было, начиная с р. Чусовая, берущей свое начало близ верховий р. Тура, попасть в Обский бассейн. В свою очередь, последний соседствует с Енисейским, а тот – с Ленским и Амурским бассейнами. А там уже и «рукой подать» до Тихого океана, его Охотского моря, Чукотского полуострова, наконец, до Североамериканского континента.

Значение нешироких и пологих водоразделов (волоков) трудно переоценить. Именно благодаря им с такой легкостью и стремительностью русские люди прошли через всю Сибирь и за 50 с небольшим лет вышли к восточной оконечности Евроазиатского материка. Не случайно этих людей уже современники называли землепроходцами.

Итак, природные, или естественно-исторические условия Российского государства характеризуются богатством водных путей. Россия является единственной в Евразии страной со столь густой сетью судоходных рек, которые соединены между собой удобными волоками. В результате даже на примитивных наплавных средствах можно попасть из Белого или Балтийского морей в Черное или Каспийское. Из Каспия же можно легко проникнуть в Иран (Персию), Среднюю Азию и далее в Индию; из Черного моря – в Малую Азию, на Балканы, в Средиземноморье; из Балтийского моря – в Европу; из Камско-Волжского бассейна – в западносибирские речные системы и далее в Китай и Японию.

Другими словами, рельеф и реки страны предопределили их большую роль в формировании связей Европы и Азии, а также в качестве транзитных путей сообщения.

Населенность Восточноевропейской равнины. Одной из особенностей Восточной Европы (как в границах бывшей Российской империи и СССР, так и Российской Федерации) являлась и является относительно малая *плотность населения*, совершенно необычная для любой страны Западной Европы. Это является характерным не только для прошлого, но и настоящего времени. Если в Западной Европе в целом плотность населения в конце XX в. составляла 102,3 человек на км² (см. таблицу 6), то для бывшего СССР – только 13,2 (см. таблицу 7), а если взять отдельно Европейскую часть бывшего Советского государства (3391,2 тыс. км²), то она составит 67,3 человека на км² и опять-таки будет в 1,5 раза меньше, чем в Западной Европе.

Естественно, что численный состав славянских и соседних с ними племен в VIII–IX вв. нам неизвестен. В какой-то степени о численности населения мы можем говорить только с середины XVI в. В науке считается, что на территории Московской Руси в это время проживало порядка 9–10 млн. человек. По территории это практически почти вся нынешняя восточноевропейская часть Российской Федерации, исключая Прикаспий и Приуралье. Общая плотность населения в середине XVI в. едва ли превышала 2,5 человека на км².

Таблица 6. Плотность населения в Западной Европе (без учета Гренландии)

№ п/п	Название государства	Площадь (тыс. *км²*)	Численность населения (тыс. чел.)	Год переписи	Плотность на *км²*
1	Монако	0,002	30	1993	15000
2	Гибралтар	0,006	31	- " -	5166, 67
3	Ватикан	0,0004	0,8	1992	2000
4	Мальта	0,3	363	1993	1210
5	Сан-Марино	0,06	24	- " -	400
6	Нидерланды	41,5	15287	- " -	368,36
7	Бельгия	30,5	10072	- " -	330,23
8	Великобритания	244,1	58041	- " -	237,77
9	Германия	357	81338	1994	227,84
10	Италия	301,3	57057	1993	189,36
11	Швейцария	41,3	6969	1994	168,74
12	Люксембург	2,6	395	1993	151,92
13	Лихтенштейн	0,2	30	- " -	150

№ п/п	Название государства	Площадь (тыс. $км^2$)	Численность населения (тыс. чел.)	Год переписи	Плотность на $км^2$
14	Чехия	78,9	10333	1994	130,96
15	Андорра	0,5	62	1993	124
16	Польша	312,7	38544	1994	123,26
17	Албания	28,7	3411	1993	118,85
18	Дания	44,5	5197	1994	116,79
19	Венгрия	93	10262	- " -	114,41
20	Словакия	49	5318	1993	108,53
21	Португалия	91,8	9868	1994	107,49
22	Франция	544	57804	- " -	106,26
23	Югославия	102,2	10485	1993	102,59
24	Словения	20,3	1989	1994	97,98
25	Румыния	237,5	22755	1993	95,81
26	Австрия	83,9	8015	1994	95,53
27	Босния и Герцеговина	51,1	4422	1993	86,54
28	Хорватия	56,5	4821	- " -	85,33
29	Македония	25,7	2083	1994	81,05
30	Греция	132	10350	1993	78,41
31	Испания	504,8	39143	1994	77,54
32	Болгария	111	8469	1993	76,3
33	Ирландия	70,3	3516	- " -	50,01
34	Швеция	450	8745	1994	19,43
35	Финляндия	337	5078	- " -	15,07
36	Норвегия	387	4325	- " -	11,17
37	Исландия	103	263	1993	2,55
	Итого:	4934,27	504895,8		102,3

Таблица 7. Плотность населения на территории бывшего СССР

Название государства	Площадь (тыс. $км^2$)	Численность населения (тыс. чел.)	Год	Плотность на $км^2$
Молдавия	33,7	4353	1994	129,17
Армения	29,8	3742	- " -	125,57
Украина	603,7	52114	- " -	86,32
Азербайджан	86,6	7431	- " -	85,81
Грузия	69,7	5429	- " -	77,89
Литва	65,2	3751	1992	57,53
Белоруссия	207,6	10367	1994	49,94
Узбекистан	447,4	22192	- " -	49,6
Латвия	64,6	2681	1991	41,5
Таджикистан	143,1	5704	1994	39,86
Эстония	45,2	1582	1991	35
Киргизия	199,9	4463	1994	22,33

Название государства	Площадь (тыс. *км²*)	Численность населения (тыс. чел.)	Год	Плотность на *км²*
Туркмения	488,1	4361	- " -	8,93
Российская Федерация	17075,4	148400	- " -	8,69
Казахстан	2717,3	16942	- " -	6,23
Итого:	22277,3	293512		13,17

Таблица составлена по: Малый атлас мира. М., 1998 С. 211–212.

В конце XVII в. население достигло порядка 11,2 млн. человек. Но здесь следует подчеркнуть, что увеличилась и площадь государства. Теперь она практически включала в себя всю территорию современной Европейской части Российской Федерации. Если правильны наши расчеты, то плотность населения не превышала 5–5,5 чел. на км². Более конкретные данные о численности населения России дают государственные переписи, проводимые с начала XVIII в. и известные под названием «ревизии» (см. таблицу 8).

Таблица 8. Численность населения России в XVI–XIX веках (без Польши, Финляндии и Закавказья)

Перепись	Год (годы)	Численность населения (млн. человек)
Переписные книги	Середина XVI в.	Ок. 9-10
Подворная перепись	1678-1679	Ок. 11,2
1-я ревизия	1719	15,5
2-я ревизия	1744-1745	18,2
3-я ревизия	1763	23,2
4-я ревизия	1782	28,4
5-я ревизия	1795	37,4
6-я ревизия	1811	42,7
7-я ревизия	1815	43,9
8-я ревизия	1833	51,9
9-я ревизия	1850	56,9
10-я ревизия	1857	59,3
Общероссийская перепись	1897	107,7 в том числе: Европейская часть – 94,2 млн Сибирь – 5,7 млн.

Составлено по: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. 3-е изд. СПб., 1898. Ч. 1. С. 24, 26–27; Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1899. Т. 27а, п/т. 54. С. 75, 76 (статья «Россия»; подсчеты Д.Г. Анучина); Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1963. С. 165; Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. Стб. 914–915 (подсчеты В.М. Кабузана); Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века: Численность, сословно-классовый состав, размещение. М., 1977. С. 192.

В середине XVIII в. численность населения определяется в 18–19 млн. человек, а территория Российской империи уже включала часть Прибалтики (современную Эстонию и Латвию) и Левобережную часть Украины. Плотность продолжает расти и оказывается равной порядка 6,5-6,9 чел./км². Если исходить из того, что численность населения Прибалтики и Украины не учитывалась и цифра 18–19 млн. включает лишь данные по собственно Московской Руси (2185 тыс. км²), то плотность тем не менее не могла быть больше 8,2 чел./км².

В середине XIX в. (население 56–57 млн. человек) плотность составляла 21-22 чел./км², в конце XIX в. (перепись 1897 г.) в Европейской России проживало 94,2 млн. человек при плотности 36 человек на квадратный километр. В итоге, еще раз подчеркнем, что плотность населения Восточной Европы на протяжении всего предшествующего времени была невысокой по сравнению с Западной Европой.

Выводы. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что природные (естественно-исторические) условия для земледелия на территории расселения восточных славян были весьма трудными.

Природные условия страны не способствовали развитию единоличного земледелия, а, напротив, располагали к коллективному ведению хозяйства. Тот обстоятельство, что в России приходится проводить полевые работы за 4–6 месяцев (а не за 8–9, как на Западе), заставляло трудиться весьма напряженно и совокупно использовать людские, материальные ресурсы и домашний скот. Русский земледелец не в состоянии единолично справиться с работой в природных условиях лесной зоны и ему не обойтись без помощи женатых детей («большая семья») и соседей («соседская община»). А это, в свою очередь, воспитывало у населения коллективизм, сознание «общинности». По подсчетам специалистов, даже после Столыпинской аграрной реформы (к 1913 г.) из общины выделилась лишь незначительная часть крестьянских дворов (и то в основном в лесостепной и степной зонах с их черноземами).

По подсчетам А.М. Анфимова, за период с 1907 по 1915 г. на основании закона Столыпина из общины выделилось 2008,4 тыс. дворов, что составляет 16,3% от зафиксированного земельным учетом 1905 г. в Европейской части России 12,3 млн. крестьянских дворов. Разные специалисты используют различную методику подсчета, но реформированными более 26% крестьянских общинных дворов никто не называет.

(См.: История СССР с древнейших времен до наших дней: в 12 т. М., 1968. Т. 6. С. 376-377 [текст А.М. Анфимова]; СИЭ. М., 1971. Т. 11. Стб. 845 [текст М.С. Симоновой]; Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьба реформ в России. М., 1991; История России, XX век / отв. ред. В.П. Дмитренко. М., 1998. С. 97 [текст П.Н. Зырянова]).

Отсюда и другая особенность экономического развития России – экстенсивность хозяйствования. Недостаточно благоприятные почвы быстро истощались и требовали удобрений. Вместе с тем плотность населения была незначительной, а свободной, не введенной в сельскохозяйственный оборот земли было много. Это приводило к использованию подсечно-переложной системы хозяйства: после ряда лет хозяйствования земля забрасывалась, расчищался от леса новый участок земли и включался в севооборот. Положение было таково, что распахивать новые земли было и легче, и дешевле, чем улучшать старые. Это вело к внедрению экстенсивных форм хозяйствования.

Вместе с тем легкость проникновения на новые места (благодаря водным путям) обусловила очень важный фактор исторического развития народов, населяющих Восточную Европу, – это активные передвижения, миграция, хозяйственное освоение все новых и новых территорий, колонизация страны. Отсюда и появляется та черта, которую подметил В.О. Ключевский – история России развивается как история страна колонизующейся, т. е. хозяйственно осваивающейся.

Нельзя не учитывать и богатство в стране природных (естественных) ресурсов, возможность развития различных промыслов: добыча пушнины, меда, воска, леса, рыбы и т. д. Это также способствовало постоянным передвижениям, приводило к расширению сферы хозяйственной территории. Отсюда сырьевой характер экономики. Разработка сырья становится одной из важных основ экономики страны.

В результате – местоположение страны между Востоком и Западом, богатство природных ресурсов (прежде всего различных промыслов), легкость путей и доступность средств передвижения способствовали развитию торговых операций (главным образом транзитного характера).

Наконец, следует отметить, что равнинность страны, с одной стороны, и речные системы, с другой, обеспечили не только легкость передвижения, но и определили границы государственного

организма, возникшего на этой евразийской территории. На последнее обращали внимание многие дореволюционные (дооктябрьские) историки. Так, например, Е.Ф. Шмурло писал: «Сплотить население Восточноевропейской равнины в единое государство, воспитать его в духе политического единения – этому немало способствовали многоводные, многоверстные реки» (Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. СПб., 1998. С.33).

Отсюда и необходимость сильного государственного организма, крепкой власти, способной организовать общество. Активно критикуемый вывод теоретиков «государственной школы» (Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, В.И. Сергеевич, А.Д. Градовский и др.) – необходимость единого государственного организма на всей территории Восточноевропейской равнины, задачей которого являлось собрать воедино, организовать и население, и производство – в какой-то степени имеет под собой очень прочный фундамент.

Таким образом, природные, или естественно-исторические, условия не создают и не могут создать какое-либо политическое устройство общества, но они являются одним из важных элементов, определяющих условия сложения этого устройства. Считаю, что без рассмотрения особенностей природы Восточной Европы невозможно понять не только эволюцию российского государственного строя в направлении к деспотическому самодержавию, тоталитаризму и автократии, но даже условий и времени образования самого государства.

Р.А. Симонов (Москва)

ГЕОМЕТРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ И СИСТЕМА ЗЕМЕЛЬНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РОССИИ XVI ВЕКА

Обозначенную в заголовке статьи научную область («которую можно было бы назвать геометрией социальных пространств») академик Вяч. Вс. Иванов выделяет в качестве объекта изучения этнографии и других наук. О предмете геометрии социальных пространств он пишет следующее: «Ее предмет включает не только

пространственные модели человеческих поселений – от изучаемых археологией и этнологией до современных сверхгородов-мегалополисов. Эта наука исследует и соответствующие биологические модели, например, муравейников, термитников. Наконец, она изучает и пространственные структуры коллектива клеток. Проблемы геометрии мозга исследовались нашими математиками еще на первых этапах развития у нас кибернетики» (Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. VII: Из истории науки. Кн. 1. М., 2010. С. 388).

В настоящей статье предлагается обсудить в рамках геометрии социальных пространств некоторые вопросы освоения земельных пространств и территорий, которые частично входили в предметы исторической географии и истории математики. Ниже излагаются результаты соответствующего исследования проблем, связанных с общегосударственным фискальным проектом «Большой сохи», осуществляемым правительством Ивана Грозного в середине XVI в. и последующее время. Любопытно, что в советские годы почему-то системе государственного фиска (взимания налогов) не уделялось достаточного внимания. Конечно, говорилось, что народ стонал от непомерных поборов, но о том, чтобы осветить историю существовавшей системы сбора налогов иногда почему-то забывали. Так, в авторитетом издании, удостоенном Государственной премии СССР, – «Очерках русской культуры XVI века» (Ч. 2. М.: Изд. МГУ, 1977) отражены почти все сферы социально-общественной жизни (государственный строй, право, суд, нравы и обычаи, религия и церковь, публицистика и общественная мысль, исторические знания, литература и народное поэтическое творчество, русский язык, географические и естественнонаучные знания, школа и просвещение, книгопечатание, архитектура, живопись и музыка), а система государственного фиска отсутствовала.

А межу тем, как известно, государственный бюджет, без которого не может существовать государство, складывается из налогов, которые взимаются по определенным правилам. И правила эти достаточно специфичны. Они могут способствовать процветанию государства или вести к его упадку. Из специальных исследований можно узнать, что в результате реформы «Большой сохи» налог в России был поземельным. Зависел он от количества и качества земельной площади, которую переводили в условные единицы – со-

хи. При этом использовались коэффициенты, определявшиеся в зависимости от качества земли и социального положения владельца. Так, соха земли среднего качества, принадлежавшая церкви или царю, составляла 1000 четвертей. Соха земли помещичьей равнялась 700 четвертям, а соха земли, обрабатывавшейся казенными крестьянами, – 600 четвертям. Понятие сохи своеобразно применялось и при обложении доходов горожан, не имевших земельных угодий. Измерением земель, их переводом в сохи, подсчетом налогов занималась целая армия специальных чиновников, для которых было составлено особое руководство – «Книга сошному письму» (см., например: Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915–1916. В 2-х т.).

Для России XVI в. при проведении поземельного налогообложения огромную проблему составляла необыкновенно увеличившаяся территория страны: в 10 раз за сто лет. Как писал по этому поводу Карл Маркс: «Изумленная Европа, в начале царствования Ивана едва замечавшая существование Московии, была поражена внезапным появлением на ее восточных границах огромного государства» (Сахаров А.М. Россия и ее культура в XVI веке // Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. 1. С. 8, 13). Можно себе представить, что кадастровая перепись огромных площадей земли, разнообразной по качеству, назначению и расположению (пашни, леса, луга, пустоши, взгорья, озера, реки, степи, тундра), казалась невыполнимой за короткое/обозримое время. И, тем не менее, она была решена, что является вопросом исключительной исторической и практической важности. Ведь если бы налоговое обеспечение не было своевременно проведено, то государство в новой неимоверно расширившейся величине, не имея необходимых средств, не выдержало бы тяжести расходов на свое существование, и просто рассыпалось на массу мелких уделов. Эта проблема стоит до сих пор (конечно, в преображенном виде) перед нашей родиной, остающейся одной из самых больших по территории стран мира.

Исходя из указанных обстоятельств, при решении налоговых проблем для такой большой территории как Россия, требовалась надежная и простая математическая система, включавшая геометрическую и расчетно-арифметическую составляющие. Насколько известно, такой математической системы в Европе не существовало, т.к. никогда ранее не возникала проблема использования столь

специального геометро-арифметического обеспечения сбора налогов в быстро возникшем огромном государстве. Самое поразительное то, что соответствующее фискальное математическое обеспечение сохранилось до наших дней в виде рукописных текстов, преимущественно XVII–XVIII вв., и достаточно полно изучено (В.В. Бобыниным, 1893; А.П. Юшкевичем, 1947, 1968; К.И. Швецовым, 1959, 1966; Р.А. Симоновым, 1977; М.А. Цайгером, 2010). При этом оно (изучение) осуществлялось в рамках истории математики, в которой основным критерием выступает соответствие содержания источника некоему идеалу математического знания, а не социальным процессам и явлениям.

Суммарные выводы историков математики были такими. Геометрические и арифметические представления, отраженные в русских математических рукописях, не имеют прямых аналогов ни в античной, ни в средневековой, ни в возрожденческой, ни нововременной математике. Геометрические методы измерения площадей удивительно архаичны и не отличаются точностью, давая ошибку до 20%, из-за стремления к простоте операций и быстроте их выполнения. Арифметические методы используют ограниченный набор исходных дробей: ½, ⅓, ¼. Однако на основе особой, нигде более не встречавшейся системы цепных делений пополам третей и четей (четвертей) (по типу полтрети, пол-полтрети, пол-пол-полтрети и так далее, полчети, пол-полчети, пол-пол-полчети и т.д.) и их комбинаций выражалась практически любая дробь, встречающаяся в сошном письме. Историки математики, сознавая связь этих (геометрических и арифметических) знаний с сошным письмом, глубоко не вникали в социальные особенности их возникновения, употребления и развития.

В указанном отношении типичной является оценка сошной геометрии и арифметики видным историком математики А.П. Юшкевичем: «Подводя итоги развития математической культуры в России до XVIII в., мы видим, что к этому времени были удовлетворены лишь первые потребности в сравнительно элементарных областях. Возникла рукописная литература по практической арифметике и геометрии, но попытка создания более совершенных руководств по геометрии не получила официальной поддержки… В итоге, наука в целом, и математика в частности, резко отставали у нас от передовых стран Западной Европы, где на протяжении XVII ст. достигнуты были большие успехи в астрономии и механике, химии и биологии, где Декарт и Ферма заложили начала аналитической

геометрии, Ньютон и Лейбниц, завершая труды целой плеяды ученых, разработали основы дифференциального и интегрального исчисления, и где успешно исследовались проблемы теории чисел, теории вероятностей, проективной геометрии и т.д.» (Юшкевич А.П. История математики в России до 1917 года. М., 1968. С. 51).

За прямолинейной риторикой осуждения ушедших царских режимов, как это было принято в советскую эпоху, чувствуется тревога маститого автора за судьбы отечественной науки. Вектор этой филиппики направлен вперед, к нашему времени, и до сих пор сохраняет актуальность. Однако возникает вопрос: почему А.П. Юшкевич избегает оценивать по достоинству уникальный эксперимент по реализации фискальной реформы Ивана Грозного, обеспечившей укрепление Российского государства XVI–XVII вв., подготовившей Империю Петра I, а затем существование советской и послесоветской России? Если быть справедливым, то наше сегодняшнее бытие коррелирует именно с этой реформой, а, может быть, просто обусловлено ее успехом. Чтобы понять ее значение не только для нашей страны, но во всемирно историческом значении, необходимо рассмотреть социальный смысл геометро-расчетной составляющей фискальной реформы XVI в.

Во-первых, геометро-арифметическая часть реформы была «народной» в том смысле, что, скорее всего, опиралась на народный опыт в измерительной и расчетной деятельности. Как отмечается в многотомном издании по истории математики, «можно предположить, что употреблявшиеся в XVI в. на Руси приемы вычисления площадей некоторых геометрических фигур и составления различных геометрических соотношений сложились в процессе длительной хозяйственной практики» (История отечественной математики: В 4-х т. Т. 1. Киев, 1966. С. 82).

Во-вторых, геометро-расчетная составляющая фискальной реформы осуществлялась людьми. Их можно сгруппировать по уровням, условную социальную структуру которых можно представить так. Наверху находились царь и его приближенные, их знания в области математики, вероятно, не были высокими. На втором по значимости социальном уровне могли располагаться идеологи реформы и люди, обладавшие научными знаниями (в том числе математическими), необходимыми для подготовки и успешного осуществления реформы. На третьем, низшем уровне, были непосредственные исполнители.

Поскольку их должно быть много, то надеяться на их достаточно приемлемую общую математическую подготовку было трудно. Поэтому отбор состава исполнителей мог производиться по принципу их природной смекалистости и опытности в хозяйственной и торговой деятельности, в надежде на то, что они будут в состоянии быстро усвоить и применить простейшие методы измерений и расчетов.

В-третьих, следовало найти и организовать для творческой работы людей, которые могли подготовить/дать исходный материал для пособий по обучению армии писцов практике измерений земли и расчета налоговых сборов. Эта проблема могла вызвать особую заботу у идеологов и организаторов реформы. Для ее решения власти, по-видимому, могли использовать соответствующий «народный» опыт по разметке земли и элементарным вычислениям.

В-четвертых, надо было организовать сбор сведений по «народной» математике. Как это осуществлялось – неизвестно. Можно попытаться построить некую условную модель такой деятельности. По-видимому, власти могли разослать по отдельным княжествам, городам и «весям» запросы о том, как производятся на местах измерения земель и ее обсчет, а затем их обобщить для фискальных целей. Об этом косвенно свидетельствует множественность вариантов измерительных методов, зафиксированных русскими математическими рукописями, преимущественно XVII–XVIII вв. При этом, очевидно, учитывалась также практика измерений, использовавшаяся местным населением Поволжья и Приуралья, Предкавказья и Прибалтики, а также на территориях, недавно присоединенных к России, например, Казанского, Астраханского, Сибирского царств, входивших какое-то время до этого в состав Золотой и Большой Орды.

То, что здесь применялись оригинальные методы измерений и счета свидетельствуют сведения (легендарного характера) о следующем методе проведения золотоордынцами переписи подвластного славянского населения. Население города/поселения якобы сгонялось на открытое место, сбивалось в плотную толпу, которую по периметру заключали в соединенные между собой арканы. Зная длину арканов, подсчитывали периметр толпы. Затем по приближенной формуле площади круга (и на основе данных о длине периметра) вычисляли примерную площадь, занимаемую толпой. Деля найденную общую площадь толпы на площадь, которую занимал один стоящий человек, получали приближенное количество

населения. Найденное число клалось золотоордынцами в основу подати, которая взималась с населения подвластного/покоренного города/поселения. Выгодность воспроизведенного метода заключалась в простоте его реализации и скорости проведении, т.е. в конечном счете в невысокой затратности, при достаточной точности и надежности для фискальной цели.

Модификации аналогичного метода часто встречаются в русских измерительных рукописях. Здесь он как бы дополняется невысказанным допущением, что «любые плоские фигуры с равным периметром имеют одинаковую площадь. Именно, принимали, что всякий многоугольник равновелик квадрату со стороной, равной четверти его периметра... В случае круга с окружностью C вычисление площади S по формуле $S = (C/4)^2$, соответствующей приближению $\pi = 4$, дает результат, меньший истинного $S = C^2 / 4\pi$ примерно на 20%. В «Счетной мудрости» встречается аналогичный, только еще ухудшенный прием «землемерия округою», происхождение которого неизвестно. При расчете земельных площадей с помощью измерения круга, судя по русским рукописям, использовались и более совершенные приемы. А.П. Юшкевич, ссылаясь на исследования известного историка математики М. Кантора, отмечал, что эти методы «были еще в древней Индии и неоднократно применялись западноевропейскими математиками средних веков» (Юшкевич А.П. Указ. соч. С. 43, 44).

В-пятых, существовал фактор личного творческого участия в разработке методов русского землемерия, проводившейся до или независимо от «сошной математики», например, известным публицистом и ученым Ермолаем-Еразмом в его известном произведении «Благохотящим царем правительница и землемерие», написанном в середине XVI в. Трактат содержит проект податных реформ и переустройства поземельного обеспечения военной службы. Судя по содержанию, отраженному и в заголовке, в трактате поднимаются наряду с социально-общественными конкретные вопросы по геометрии землепользования. Однако, именно последний аспект труда Ермолая-Еразма менее всего изучен (Симонов Р.А. Об опыте измерения земельных пространств Ермолаем-Еразмом (середина XVI в.) // Исторический источник: человек и пространство: Тез. докл. и сообщ. научной конф. каф. источн-ния и вспом. ист. дисц. ИАИ РГГУ. М., 1997. С. 300–301).

Так, в сочинениях по истории математики «Благохотящим царем правительница и землемерие» не учитывается. Нередко в историографии даже из его названия удаляется последнее слово «землемерие» (например, см.: Дмитриева Р.П. Ермолай-Еразм (Ермолай Прегрешный) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 222–223). Ермолай-Еразм предлагал ввести новую единицу измерения «четверогранное поприще» (квадратную версту) «скорости ради мерныя» (Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 49–50). В ходе последующей фискальной реформы Ивана Грозного правительство Адашева за основу взяло другую единицу – «соху», возможно, усилив общий методологический принцип измерений «скорости ради мерныя».

Суммируя данные о математике реформы «Большой сохи», обнаруживаем удивительное историко-научное явление, богато представленное источниками. Оно (анализируемое явление) разделяется на две математические части – геометрию и арифметику. Геометрия охватывает приближенные методы (архаичные, невысокой точности) измерения разнообразных фигур, эквивалентных всевозможным природным конфигурациям земельных участков. Эти методы группируются в специальных текстах: «О земном же верстании, как земля верстать», «Книга сошному письму», «Книга, именуемая геометрия или землемерие радиксом и циркулем» и других подобных (например, в «Цифирную счетную мудрость» были включены отдельные задачи на вычисление площадей плоских фигур), в различных списках, преимущественно XVII–XVIII вв., дополняющих, но и повторяющих друг друга.

Арифметика охватывает специальный сошный счет с использованием двоичной системы дробей, основанной на последовательном делении пополам третей и четей (четвертей) сохи. В сохранившихся списках «Цифирной счетной мудрости» этот материал трактуется также на базе инструментального – «дощаного счета», – предшественника современного прибора, известного под названием русских/конторских счетов. Однако в результате недавнего исследования израильского ученого М.А. Цайгера выясняется, что изображаемые здесь так называемые «дщицы счетные», на основе которых ранее моделировали «дощаный счет», имеют отношение к его предшественнику – «счету костьми» (Цайгер М.А. Арифметика в Московском государстве XVI века. Беэр-Шева, Израиль, 2010. С. 23–66). «Счет костьми», в отличие от «дощаного счета», не имел деревянной рамы с вделанными в

нее счетными костяшками, нанизанными на прутья/шнуры. Он принадлежал к виду архаического абака для счета по расчерченной доске/поверхности мелкими предметами типа камешков, плодовых косточек и пр., использование которого (абака) человечеством уходит в седую древность. На Руси археологически подтверждается «счет костьми» для XI в. (д. Новоселки, Суздальский район); древнерусский математик носил счетные косточки (вишневые и сливовые) в сумочке-кошельке у пояса. Указанная традиция носить счетные косточки (сливовые и вишневые) в мешочке у пояса сохранялась в России и позже, судя по наблюдениям иностранцев XVI–XVII вв.

Совсем недавно, практически на днях, стало известно о любопытном источнике, обнаруженном Новгородской археологической экспедицией (НАЭ). Это доска (сейчас хранящаяся в архиве НАЭ) размером 54×21 см, которая датируется примерно не позднее XIV в. Судя по прориси и фото подлинника, на ней начерчена схема, состоящая из 14 горизонтальных полос шириной 7,4–8,0 см, отграниченных по краям и разделенных пополам чертой. Все черты глубокие и ровные, поверхность доски, судя по фото, хотя гладкая, но шероховатая. Создается впечатление, что доска могла использоваться для «счета костьми», особенно если учесть, что оригинальные рисунки «дщиц счетных» также содержат 14 счетных уровней-полос. Но так ли это, покажет будущее. (Сердечно благодарю д.и.н. С.А. Рыбину и к.т.н. М.А. Цайгера за предоставленные сведения о доске и за разрешение опубликовать информацию о ней).

По-видимому, первоначально в «счете костьми» использовался пятерично-дясятичный способ счета, когда одним счетным элементом (слева) выражалась пятерка, а правее, кучкой или в ряд, располагались 4–5 косточек, обозначая единицы данного счетного уровня/разряда. Именно так размещались счетные элементы, выражая число 100, на пряслице из Белоозера XIII в.; в торговом счете на абаке Англии XVII в. (здесь также использовались шпации – пространство между счетными уровнями) и народном счете Литвы, зафиксированном в XVIII в. (Симонов Р.А. Естественнонаучная мысль Древней Руси: Избранные труды. М., 2001. С. 12–29,137–147). Возможно, в XVI в. в «счете костьми» уже употреблялось по 10 счетных косточек в каждом ряду (так думает М.А. Цайгер), как стало в «дощаном счете».

Историки математики разграничивают (по критерию точности) изложение средневековой геометрии и арифметики в России:

геометрию считают собравшей в себе приближенные, отличающиеся архаичностью методы, а арифметику – более научной/точной. А.П. Юшкевич объясняет это разницей интересов пользователей арифметических и геометрических знаний: «Арифметика в значительной мере обслуживала предприимчивый торговый люд, высоко ценивший точность в денежных расчетах. А землемерной геометрией занимались чиновники, пользовавшиеся прадедовскими приемами, не придавая большого значения их точности и не будучи заинтересованными в ней. Обилие свободной земли также не стимулировало аккуратности измерений» (Юшкевич А.П. Указ. соч. С. 46).

Однако в состав древнерусской арифметики также входила сошная арифметика, которая ориентировалась не на точность, а приближенность результатов. Это вскрыли исследования М.А. Цайгера, который установил, что в сошной арифметике результаты имели точность до 1/48: «Если же в итоге получались более мелкие дроби, то их попросту отбрасывали, полагая, что их учет не повлияет по существу на результат» (Цайгер М.А. Указ. соч. С. 57). Поэтому древнерусская измерительная геометрия и сошная арифметика были объединены общим подходом – достижением результата с опорой на приближенные методы – «скорости ради мерныя» (пользуясь словами Ермолая-Еразма), что определяло «обилие свободной земли» (А.П. Юшкевич). Следовательно, сошная математика выражала (в единстве геометрической и арифметической составляющих) идею минимакса: достижение минимальными средствами максимального эффекта.

Русская сошная математика, будучи уникальным явлением, так как нигде больше в мире не встречается, в то же время включает в себя отдельные элементы математического знания, присущие культурам разных стран, разбросанных по всей Евразии: Индии, Золотой орды, Литвы, Англии и др. Фиксируя в сознании, что ядро сошной математики архаично, можно допустить его (ядра) возникновение в отдаленные эпохи у пранарода, в последствие распавшегося на отдельные группы, расселившиеся по Евразии. Эта модель соответствует открытию чл.-корр. РАН Е.А. Старостина (поддержанному акад. Вяч. Вс. Ивановым и др. учеными) закономерных соответствий между праязыками других семей, входящих в северо-кавказско-енисейско-сино-тибетскую макросемью (Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007; Иванов Вяч. Вс. Указ. соч. С. 300–301).

Этнические группы, участвовавшие в ранних миграциях, могли менять место обитания из-за недостатка земли/простора для пропитания/ проживания. На новом месте они были озабочены по существу теми же вечными проблемами: достаточностью / недостаточностью земельных площадей (отсюда могла идти мотивация кадастрового землемерия) и безопасности общественного существования (отсюда – мотивация фискального счета). Могли ли эти знания закрепиться в общественной памяти? На подобный вопрос по существу положительно отвечал священник Павел Флоренский, исходя из своего понимания памяти как «творческого начала мысли»: «…Таким образом, действительно, *память* – это и есть *мысль* по преимуществу, *сама* мысль в ее чистейшем и коренном значении» (Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М., 1914. С. 203; Иванов Вяч. Вс. Указ. соч. С. 573).

Следует отметить, что у истоков геометрии социальных пространств стоял известный ученый Клод Леви-Строс, который исследовал математическую структуру жилищ индейцев, находившихся на «первобытном» уровне развития. В результате, например, выяснилось, что структура поселений индейцев бороро в Бразилии, сопоставимая также со сходными данными по племени виннебаго в США и некоторых племен Индонезии, укладывается в двоичную и троичную структуру: «Оказалось, что одна из половин [поселения – Р.С.], в свою очередь делится на две половины. Поэтому вся система может описываться как двоичная – радиальная, и как троичная – концентрическая» (Леви-Строс К. Структурная антропология. 2-е изд. М., 1985; Иванов Вяч. Вс. Указ. соч. С. 388). При этом наименьшая часть поделенного пространства арифметически будет равна ¼ («чети» – по-древнерусски) поселения, а геометрически (но без учета точной меры) – ⅓ («трети»). Математически эта структура могла служить основой двоичного деления по принципу четей и третей. Не значит ли это, что соответствующая структура древнерусских сошных дробей отвечает очень древней/начальной поре цивилизационных процессов? В таком случае нельзя отрицать, что древнерусская сошная математика восходит, в какой-то своей части (ядре), к наиболее древней протокультуре. Тогда русская сошная математика (точнее – ее ядро) будет находиться в одном ряду с такими явлениями как Стоунхендж, Египетские пирамиды и пр., что требует к ней соответствующего (большого и глубокого) внимания исследователей и мировой общественности.

Е.Н. Швейковская (Москва)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ МИКРОМИР ДЕРЕВНИ: СЕВЕР, XVII В.*

Формирование историко-географического направления в отечественной историографии приходится на конец XIX в. Процесс ассоциируется, прежде всего, с именем В.О. Ключевского. Он посвятил в «Курсе русской истории» географическому положению Руси две специальные лекции, прочитанные в середине 1880-х гг. В них ученый объяснил влияние природных условий страны на историко-культурное развитие. Дальнейшая разработка тематики связана с трудами многих историков. Назову лишь наиболее значимые работы. Книгу С.Ф. Платонова об истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. открывает глава с историко-географической характеристикой регионов страны. Ю.В. Готье определил географический и административный составы областей Замосковного края в XVII в. и описал их природно-климатические условия. М.М. Богословский (кстати, ученик В.О. Ключевского) впервые обстоятельно представил состояние административно-территориального деления Севера XVII в., проделал бесценную работу по локализации волостей по всему Поморью и нанес их на карту. А.М. Андрияшев изучил местоположение, административное деление, число селений и их распределение в зависимости от плодородия почв в Шелонской пятине Новгородской земли XVI в., а также составил подробную карту пятины. Предметом выяснения А.И. Копанева были формы землевладения, существовавшие в Белозерье XV-XVI вв., их приспособленность к географическим ландшафтам, что ученый показал, картографировав расположение сельских поселений. Характер расселения, типы поселений и их численность в Заонежье (в XV в. Новгородская пятина) с применением методики сплошного картографирования данных первоисточников исследовал М.В. Витов. Масштабное исследование образования государственной территории Северо-восточной Руси на длительном хронологическом периоде с X по XIV вв. предпринял В.А. Кучкин. Он проследил, как географические пространства включаются в территории княжеств, проанализировал причины изменений, сопровождавших этот процесс, и, главное, дал локализацию разновеликих территорий княжеств. Ученый основывался, по его соб-

ственной констатации, на комплексное использование разнообразных источников, как археологических, так и письменных. Спектр последних очень широк: от летописей, актов XIII-XV вв. до писцовых книг XVII в. и картографических материалов XVIII-XIX вв. (Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. СПб., 1899; Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906. 2-е изд. М., 1937; Богословский М.М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1909-1912. Т. 1-2; Андрияшев А.М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498-1576 гг. I. Списки селений. II. Карты погостов. СПб., 1913-1914; Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV-XVI вв. М.; Л., 1951; Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI-XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962; Витов М.В., Власова И.В.География сельского расселения Западного Поморья в XVI-XVII веках. М., 1974; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв., М., 1984).

В названных и других работах историко-географического направления просматривается несколько линий: 1) опора на материалы описаний (писцовые книги — новгородские XV-XVI вв., замосковных и северных уездов XVII в., переписные 1646 г.) в их сочетании с актовыми источниками и сведениями Генерального межевания; 2) определение территориального пространства в границах уездов и волостей и т. п., в том числе путем картографирования; 3) установление структуры расселения и типов поселений.

Последние полтора десятилетия отмечены повышением внимания к историко-географическим исследованиям. Тема об особенностях российского земледелия и проблемах расселения в качестве ведущей обсуждалась в 1998 г. на XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в Тамбове. На ней группа тамбовских ученых под руководством В.В. Канищева, а также Н.В. Питух по-новому подошли к изучению сельского расселения и сети поселений как к целостной и функционально связанной системе, которая обусловлена способом хозяйствования и претерпевает динамические изменения. Ученые использовали известные источники: Н.В. Пиотух — писцовые книги XVII в., Экономические примечания Генерального межевания XVIII в. по Новоржевскому уезду Псковской губ., а В.В. Канищев и др. наряду с писцовыми и пере-

писные XVII в., материалы Второй ревизии 1744 г. и статистических источников XIX-XX вв. по Тамбовскому уезду (области). По полученным сведениям были составлены электронные базы данных и картографированы историко-географические характеристики (Особенности российского земледелия и проблемы расселения: Материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000. С. 3-16, 88-109). Д.А. Черненко комплексно исследовал эволюцию структуры землевладения и системы сельского расселения в центральной России в XVII-XVIII вв. в их тесной связи, причем на материале типичных средних и мелких владений, а не крупных, как ранее, обеспеченных богатыми вотчинными архивами. Тема раскрывается на основе сопоставления данных писцовых книг 1628-1629 гг. и Экономических примечаний к Генеральному межеванию 1770-1780 гг. по Алексинскому и Суздальскому уездам, различающимся по давности освоения и разорению в годы Смуты. Автор свел материалы источников в четыре ориентированные базы данных, которые обрабатывались с применением коэффициентов корреляции и вариации, а также послужили для картографирования двух станов Суздальского уезда XVII в. — их границ, сельских поселений и, главное, находящихся здесь землевладельческих комплексов XVII-XVIII вв. (Черненко Д.А. Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII-XVIII вв. Вологда, 2008). О.И. Хоруженко предложил территориальную локализацию Еголдаева городища на вторую половину XVI в., использовав «роспись польским дорогам» с имеющимися в ней метрическими данными в сочетании со статистическими сведениями XIX в., которые он картографировал, дополнительно привлекая снимки из космоса. Базирование на источниках разной видовой и типовой природы дало положительный результат, были определены пространство и границы искомой территории (Хоруженко О.И. Метрические данные Росписи польским дорогам и локализация Еголдаева городища // Вестник РГГУ: Ежемес. науч. журн. М., 2008. № 4. С. 302-311).

Из сказанного явствует, что интерес к историко-географической тематике дополнительно стимулирован применением новых информационных технологий, основанных на компьютерных программах. Историки и археологи успешно используют метод компьютерного картографирования, опираясь на так называемые географо-информационные системы (ГИС). С их помощью описательная ин-

формация источников привязывается к картографируемым объектам, а сочетание верифицируемых сведений разновременных и разновидовых источников повышает продуктивность анализа. Этот метод преобладает при реконструкции территориального деления XIII-XVII вв., динамики сельского расселения и пространственной структуры землевладения XVI-XVII вв.

Вместе с тем примерно с 1990-х гг. в рамках проблематики исторической географии развернулись микрорегиональные исследования. Ведущееся археологами изучение локальных территорий, в том числе северных, привело к пониманию средневековой сельской структуры как культурного ландшафта. В нем концентрировались стереотипы расселения и хозяйствования, а также особенности микротерриторий и групп населения (Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001; Исторические ландшафты. М., 2004-2005. Т. 1-3; Археология северно-русской деревни X-XIII веков. М., 2007-2009. Т. 1-3).

Ведущий компонент исторического ландшафта — сельское расселение. В широком понимании оно было показателем аграрного развития, включая хозяйственную колонизацию, а в рамках локусов представляло поселенческие системы, которые структурно ранжировались. На Севере при его заселении константой, организующей расселение, были реки, которые служили и средством коммуникации. Привязка селений к рекам обусловила сложившиеся естественным образом пространственные образования, единицы которого представляли конгломерат разновеликих локусов. Центры, сформировавшиеся в узлах расселенческой сети, стали основой территориально-административного деления.

Речная стратегия расселения оставалась на Севере ведущей и в XVI-XVII вв. Территориальное пространство, заключенное в административных границах волостей, обладало набором взаимосвязанных качеств, это — ландшафты как характерные, так и включающие местные особенности, системы расселения, способы природопользования, социально градуированный состав населения. Названные признаки придавали локальной местности черты культурно-исторического ландшафта. Расположенные на местности поселения образовывали кучные скопления или гнезда. Господствующим типом селений на Севере, как и в Центре страны, была деревня. В гнездах локализовались малодворные деревни, расположенные не-

большими группами в пригодных для ведения сельского хозяйства микроландшафтах. Число деревень в таких группах и самих гнезд на пространстве волостей варьировало весьма различно. Расселение на волостном уровне структурировалось от более или менее крупных и сложных составляющих до единичных. В таких ранжированных структурах, опять-таки привязанных к разновеликим рекам и ручьям, деревни находились либо в непосредственном и/или близком соседстве, либо на удалении друг от друга. Ядром любой деревни был двор, понимавшийся как комплекс жилых и хозяйственных построек с прилегающими полями и другими угодьями. Таким образом, волость в XVII в. как историко-географический объект, существуя в реально протяженном пространстве, имела определенные размеры и границы, в которых сосуществовали разновеликие поселенческие системы.

Такие системы как взаимодействующие элементы пространства отмечены источниками XVI-XVII вв. В первую очередь следует назвать материалы писцовых описаний. Несмотря на присущие им кадастровые задачи, организация собранных в них сведений такова, что дает возможность получить вполне конкретные суждения об исторических ландшафтах, в том числе и на микроуровне. Писцовые книги засвидетельствовали статику землевладения и землепользования. Однако наряду с ней в них отразились, благодаря внутренней ссылке писцов на приправочные книги, как природные, так и антропогенные изменения деревенских ландшафтов, произошедшие на временном отрезке между двумя описаниями. Из писцовых книг предстает некоторая динамика в использовании микроландшафтов для сельскохозяйственных нужд и способы приращения или свертывания сельских угодий.

Далее должны быть упомянуты частные акты, оформлявшие имущественные отношения, преимущественно землевладельческие. Об их использовании в историко-географических целях уже говорилось. Специфика поземельных отношений на Севере состояла в том, что в них вступали крестьяне. Они заключали между собой разные сделки на свои участки земли, их продавали, отдавали в залог при займах. Купчие грамоты наполнены конкретными сведениями о местоположении деревень и угодий, о разработке новых участков, вводимых в сельское хозяйство. Из них становится ясно, что у крестьян в хозяйстве были разные по давности освоения участки, имевшие не равную культурную ценность.

Сравнение сведений столь разных по своей видовой сути источников как писцовые книги и акты поземельных сделок крестьян продуктивно. В книгах деревни показаны практически всегда при реке, а их названия нередко совпадают. В актах поземельных сделок крестьяне-продавцы именуют свою деревню, не указывая названия реки. Когда же они перечисляют реализуемые угодья, состоявшие из отдельных «лоскутов», «полец», полянок, лужков, а главное межи участков, то приводят названия не только речек, ручьев, проток, но и всеми знаемые топографические топонимы, а также антропонимы соседей — своих однодеревенцев или жителей смежных и/или ближайших деревень. Если писцам важно было зарегистрировать хозяйствующую деревню и дать ее коммуникационный ориентир, то крестьяне при совершении сделки были озабочены сообщением точных, конкретных указаний на местоположение своего домохозяйства и принадлежавших им участков в «своем» пространственном микромире.

Скрупулезное перечисление границ участков в актах, отсутствующее в писцовых книгах (что понятно), имело весомое основание. Оно должно было избавить контрагентов сделки от возможных будущих споров и даже конфликтов. Жители деревень находились в разных, переплетающихся между собой связях. Они — соседи, совладельцы участков в границах своей деревни, которая соседствует с другими деревнями, входят в один волостной мир. Они присутствуют на сходах, где обсуждаются вопросы выборов мирских должностных лиц, раскладки налогов и разверстки мирских платежей. Крестьяне в пространственном и одновременно социальном микромире не всегда были добрыми соседями, но нередко конфликтующими субъектами. Предметом споров, конечно же, были как земельные участки, так и размеры тяглых платежей с них. Поземельные споры возникали между родственниками внутри семей и ставшими соседями, крестьянами-соседями, но чужеродцами контрагентам сделки. Конфликты бывали длительными по времени разбирательства, а также по степени их накала, осложнялись криминальными действиями, а порой и уголовными преступлениями.

Итак, сельское пространство вообще и конкретно северное состояло из тесно взаимосвязанных структур. Одни из них ранжировались по поверхностным масштабам, величине расселенческих систем с разнотипными селениями в них. Другие входили составными частями в разномерные культурные ландшафты, которые

подвергались достаточно активному антропогенному воздействию. На уровне деревень пространство имело достаточно точные очертания и было отграничено от соседних подобных пространств. Внутри же оно подразделялось еще на микропространства как по поверхностным, так и по антропологическим составляющим. Пространственный микромир деревни можно отнести к элементарному, но обладающему всеобщими свойствами.

* Тезисы написаны в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов» по проекту «Сельский социум России во взаимодействии и противостоянии на переходе от позднего средневековья к новому времени».

Е.В. Пчелов (Москва)

СТОРОНЫ СВЕТА В ТИТУЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАСТИ РУССКИХ ГОСУДАРЕЙ

1. Понимание власти монарха, как простирающейся на одну из сторон света или даже на все четыре стороны, восходит, вероятно, к многочастной системе деления столицы и государства, как правило, по дуальному принципу, деление по которому легко переходит в кватернарную структуру как самой территории, так и общества (доколумбова Америка, Скифия, Иверия, Индия и т. д.). По всей видимости, такое понимание связано и с сопряжением царя и солнца, которое по древним представлениям объезжает на колеснице четыре стороны света (ср. мотив объезда царём своих владений; Иванов Вяч. Вс. Солярные мифы // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992. С. 462). В поздней античности четырёхчастная структура нашла воплощение в системе власти Римской империи – тетрархии, что оказало влияние и на более позднюю символическую практику Священной Римской империи (церемониал коронации, четыре герольда, четырёхчастная структура в государственном гербе и др.). Возможно, с этим «образом мира» связан и один из эмблематических эпизодов Российской империи – введённый Петром I судовой штандарт императора с двуглавым орлом, держащим карты четырёх морей.

2. С XIV в. обозначения сторон света входят в монаршью титулатуру Европы («восточная земля» в титуле Карла V, «западные страны» в титуле Стефана Душана, «Ост- и Вест-Индии» в титуле испанских королей), по-видимому, не без влияния титулатуры церковных иерархов («патриарх Запада» – титул римских пап с XI в. до 2006 г.; «всего Востока» в титуле Антиохийских патриархов).

3. На Руси обозначения сторон света в титуле государя известны с 1492 г., в грамотах крымскому хану и турецкому султану: «…един правый Государь всея Русии, отчичь и дедичь, и иным многим землям от Севера и до Востока Государь» (Каштанов С.М. Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI–XVII вв. // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 4). Обозначение Севера могло соотноситься с представлением о том, что Русь находится в северной, Афетовой части мира, известным со времён «Повести временных лет». По мнению М. Агоштон, «вероятно, определение "восточный" в титуле Ивана III обозначало претензию на обладание Казанским царством» (Агоштон М. Титул русского государя в свете информации Герберштейна // Герберштейн С. Записки о Московии. Т. 2., М., 2008. С. 79, прим. 306). При этом обозначение в титуле Востока было признано и турецким султаном, см. обращение к Ивану III – «всея Русии и Въсточной и Полевой…» (Агоштон М. Указ. соч. С. 79, прим. 307). Обозначение «полевой» Руси, т.е., вероятно, южной, соотносится с сообщением С. Герберштейна о том, что в переписке с турецкими султанами русские государи использовали титул с другими географическими определениями – «царь, наследник и господин всей восточной и южной Руссии».

С 1512 г. (Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М., СПб., 2006. С. 68) и далее (грамоты 1515, 1519, 1543, 30.5.1554 г.) обозначение сторон света в титуле несколько конкретизируется: «…един правый государь всеа Русии, и иным многим землям Восточным и Северным государь» (Каштанов С.М. Указ. соч. С. 5), причём оно стоит перед собственно объектным титулом, как бы «покрывая» все далее перечисленные земли.

В грамоте 1.6.1554 г. на Афон возникает новая формула: «…Болгарский, и иных многих земель Государь, Востока и всее Северные страны повелитель» (Каштанов С.М. Указ. соч. С. 6), которая переносится в конец титула. При этом возникает понятие

«Северная страна». По предположению А.Л. Хорошкевич, оно означало «страну Норботтен», северную часть Скандинавского полуострова, название которой вошло в титул после русско-шведской войны 1556–1557 гг. (Хорошкевич А.Л. Отражение представлений о регионах государства всея Руси и Российского царства в великокняжеской и царской титулыture XVI в. // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Wiesbaden, 2004. S. 123). Это, казалось бы, подтверждается прямым указанием источника, дающего такое толкование (июль 1556 г.), а также, более косвенно, свидетельствами иностранцев, побывавших в России в 1660-х – 1670-х гг. и указывающих среди «северных областей» землю лапландцев, платящих дань русскому царю (А. Мейерберг и Я. Рейтенфельс. См.: Утверждение династии. М., 1997. С. 146–148, 402–405). Однако это наименование, как видим, появилось в титуле ещё до войны со Швецией и восходит к более ранним титульным формулам.

В грамоте Ивана Грозного турецкому султану 20.6.1555 г. в титуле появляется «Сибирская земля» (Филюшкин А.И. Указ. соч. С. 206), занявшая место «Востока»: «… всея Сибирские земли и Северные страны повелитель» (иногда «Полуношные страны»). «Поскольку Сибирь стала фигурировать в титуле уже не имплицитно, а эксплицитно, актуальность понятия “Восточные земли” утратилась, хотя… оно не навсегда исчезло из царского титула… Таким образом, титул повелителя Сибирской земли генетически восходит к титулу “повелитель Востока”» (Каштанов С.М. Указ. соч. С. 5–6).

При Иване Грозном появилось и обозначение трёх сторон света. В грамотах от имени царевича Ивана Ивановича и Марии Темрюковны в Крым (1564 г.) царский титул выглядит так: «…царя и великого князя … всеа Русии, многим восточным землям и западным и северным и содержателем земель прародителей своих…», «…великого государя единаго праваго восточным и северным царя и великого князя … всеа Русии…» (Филюшкин А.И. Указ. соч. С. 95). В послании Ивана Грозного шведскому королю Юхану (август 1573 г.) титул заканчивается словами: «…государь отчинный земли Лифлянски и иных многих земель восточных и западных и северных отчичь и дедичь и наследник и облаадатель высочайшаго нашего царьского порога, честные нашия степени величества» (Сборник РИО. Т. 129. СПб., 1910. № 16. С. 228). Такая формула сохранялась и

при Фёдоре Ивановиче – в грамоте на Афон от ноября 1585 г. титул оканчивается так: «... Кондинский, и всея Сибирские земли и Северные страны повелитель, и Государь отчинный земли Лифляндские, и иных многих государств государь, восточных, и западных, и северных, отчич, и дедич, и наследник» (Каштанов С.М. Указ. соч. С. 13–14). Очевидно, что обозначения сторон света здесь носят обобщённый, географический характер, никак не связанный с «Северной страной». Встречаются они и в других источниках: в обращении кахетинских послов к Фёдору Ивановичу от имени царя Александра II (9.10.1586 г.) – «царь Казанский и Астороханский и иных многих земель государь и обладатель восточных и западных и северных стран»; в грамоте царя Александра Фёдору Ивановичу 1588 г. в сокращённом титуле – «...и всей Северные страны повелителю, восточных и западных стран и иных многих государств самодержцу» (Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1: 1578–1613 гг. М., 1889. С. 11, 55).

В грамоте антиохийского патриарха Иоакима Фёдору Ивановичу 18.4.1594 г. под северными странами понимается вся территория России: «...и царь всея России и Москвы, Казани, Новгорода, Астрахани и окружающих их земель и прочих северных стран господин...» (Панченко К.А., Фонкич Б.Л. Грамота 1594 г. антиохийского патриарха Иоакима VI царю Фёдору Ивановичу // Монфокон. Вып. 1. М.; СПб., 2007. С. 173).

С 1599 г. в титуле появляется формула «царь Сибирский», которая переходит в его начало, теряя тем самым связь с «Северной страной».

Обозначения сторон света вновь актуализируются при Алексее Михайловиче в период войны с Речью Посполитой. На Переяславской раде 1654 г. русский царь именуется «Царём Восточным» (ПСЗ–1. Т. 1. СПб., 1830. С. 318). В договоре с Речью Посполитой 17.10.1656 г. об условиях избрания Алексея Михайловича на вакантный престол концовка титула звучит так: «...и земель восточных, и западных, и северных отчич и дедич, и наследник, и обладатель» («Северная страна» также сохранялась в нём) (ПСЗ–1. Т. 1. С. 405). Русские дипломаты следующим образом объясняли эти обозначения: «...за великим государем нашим в тех странах государства есть: на востоке – царство Казанское и Астраханское, а на западе и севере – Сибирское царство и иные многие города и места» (Хо-

рошкевич А.Л. Герб // Герб и флаг России. X–XX века. М., 1997. С. 231). Здесь опять-таки видим, что «Северная страна» семантически сближается с Сибирью.

По указу 1667 г. о титуле царском и о государственной печати титульные обозначения земель в трёх сторонах света в государственном гербе эмблематически воплощаются изображениями трёх крепостей, расположенных с левой стороны от двуглавого орла.

Обозначения трёх сторон света сохранялись в царском титуле вплоть до конца XVII в.: «... и иным многим государствам и землям Восточным, и Западным, и Северным отчичь, и дедичь, и наследник, и государь, и облаадатель» (Каштанов С.М. Указ. соч. С. 21; Ср. краткий вариант титула Фёдора Алексеевича в шертной записи калмыцкого тайши 15.1.1677 г. (ПСЗ–1. Т. 2. СПб., 1830. С. 81)).

По свидетельству Г.К. Котошихина, заключительная часть титула (с кавказским территориальным атрибутом и с «Восточными, Западными и Северными государствами и землями») не писалась в грамотах к «бусурманским» государям (Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 61). В его объяснении важно географическое понимание титульных «земель».

В некоторых случаях в титуле даже присутствовали обозначения четырёх сторон света – см. договор с монгольскими тайшами 15.1.1689 г.: «Цари Царей, обладатели стран, государств покорители, самодержцы от востока и до запада, владетели севера и юга, императоры принадлежащих имеющих к ним государств...» (ПСЗ–1. Т. 3. СПб., 1830. С. 4, в начале титула, обозначение «Северная страна» в титуле отсутствует).

«Северная страна» в качестве исторического рудимента сохраняется в титуле вплоть до 1917 г.

4. Видимо, под влиянием царского титула и титулов восточных православных патриархов обозначение севера входит в титул русских патриархов. Никон титулуется как «...всеа Северныя страны и Помория и многих государств патриарх», что затем возрождается в изменённом виде в титулах патриархов Иоакима и Адриана: «... Московский и всея России и всех северных стран патриарх» (Панова Т.Д. Некрополи Московского кремля. М., 2002. С. 46, 50).

5. Обозначение «севера» вновь актуализируется при Екатерине Великой («владычица Севера» на пограничных знаках, «северная Семирамида», «граф и графиня Северные» и т.п.).

М.Е. Бычкова (Москва)

ГЕОГРАФИЯ РОССИИ XVI В. В ЗАПИСКАХ ИНОСТРАНЦЕВ

В середине XIX в. большой интерес у исследователей русской истории стали вызывать источники, составленные посетившими России иностранцами, которые традиционно называются «записки иностранцев о России». Такие «записки» активно переводились на русский язык, печатались в журналах и отдельными изданиями; их часто использовали в своих трудах историки. В то время еще не делалось различия между отдельными разновидностями источника: научный трактат, написанный на основе впечатлений о путешествии, дневники, мемуары, а также между социальной принадлежностью автора, длительностью его пребывания в России и др. Несомненно, записанные авторами особенности устройства Русского государства, описания, связанные с русской культурой и бытом, часто отсутствующие в русских письменных источниках XV-XVII вв., давали исследователям записок богатый материал для освещения отдельных проблем отечественной истории.

Впервые подробный источниковедческий анализ записок иностранцев провел В.О. Ключевский. Именно он дал этому источнику оценку, которая стала исходным пунктом при его дальнейших исследованиях: «Вследствие отчуждения между западною Европою и Россией, продолжавшегося до самого XVIII в., западноевропейское общество оставалось почти в совершенном неведении о положении и судьбах России; вследствие этого неведения в нем распространились и ускорились странные представления об этой стране» (Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 5). Ключевский выделил и проанализировал основной круг вопросов из русской жизни XVI-XVII вв., которые освещены в записках: географическое положение страны, ее климат, народонаселение, города, торговля, денежная система, государь и его двор, войско, управление страной, прием иностранных послов и др. Исследователь создает синтетический образ жизни двора, устройства русского общества, используя одновременно записки различных путешественников XVI-XVII вв. и не ставя вопроса о взаимосвязи самих текстов разных авторов. Работа В.О. Ключевского впервые с доста-

точной полнотой показала круг научных проблем, которые можно раскрыть, привлекая сведения иностранцев о России, и отчасти достоверность этих сведений. В частности автор отметил, что лишь немногими иностранцами XVI-XVII вв. руководил «простой интерес дикой неведомой страны», в описании России «сказывается иногда другой, высший интерес, руководивший их наблюдениями» (Там же. С. 6).

Этот «высший интерес», связанный с географическим положением России, ее природными условиями, торговыми путями или военными силами, появился в конце XV в., когда образовалось Русское государство; Ключевский выделяет основные вехи в истории России XVI – начала XVII вв., связанные с дипломатическими отношениями России с другими странами, религиозными движениями, формированием новых торговых путей, Смутой начала XVII в. и другие, которые более всего привлекали иностранного путешественника. В то же время замкнутость русской жизни, незнание иностранцами русского языка, особое отношение в России к посольствам из других стран и иноземным путешественникам приводили к тому, что иностранцы, особенно приезжавшие в Москву ненадолго, часто сообщали в своих записках недостоверные или просто мифические сведения о русской жизни, которые воспринимались и распространялись дальше их соотечественниками. «Понятно, – делает вывод автор, – как разборчиво и осторожно надобно пользоваться известиями иностранцев о Московском государстве» (Там же. С. 14).

Естественно, наиболее тщательно у В.О. Ключевского проанализированы приемы иностранных посольств, состав Государева двора, то есть те события и государственные структуры, с которыми иностранцы были более всего связаны.

В дальнейшем исследователи разработали структуру публикаций записок иностранцев; начиная с издания Трактата Матвея Меховского (1936 г.), в научных исследованиях перевод на русский язык дается параллельно с текстом на языке оригинала, издание имеет подробный комментарий и исследование об авторе и истории создания текста.

В результате стала разрабатываться новая методика работы с записками иностранцев: исследователи стали больше внимания уделять личности автора, обстоятельствам его пребывания в России, политическим задачам его миссии и т.д. Появляются научные переводы, найдены новые редакции текстов путешественников.

Большинство европейских посольств ехало в Россию через Польшу и Литву. Именно при дворе польского короля и великого князя литовского эти послы получали первую информацию о событиях в Москве, знакомились с трудами польских авторов о России. Эти знания позднее отражались в записках различных послов. В частности, в сочинениях Сигизмунда Герберштейна – классических трудах о России первой половины XVI в. – ряд положений и характеристик, приведенных автором, является не личными впечатлениями, а цитатами из трудов польских авторов. Также и в истории француза Де Ту фрагменты, посвященные истории России, – это цитаты из работ Александра Гваньини. И, безусловно, во всех историко-публицистических трудах о России XVI в. мы встречаем идеи, факты, фрагменты из Трактата Матвея Меховского.

Кроме того в XV-XVI вв. в Великое княжество Литовское «отъезжали» из Москвы, Твери, других княжеств лица, недовольные политикой русских князей, а из Литвы, наоборот, лица, стремившиеся сохранить православную веру, поссорившиеся со своими государями; наконец, в конце XV – начале XVI в. к Русскому государству после длительной войны была присоединена часть литовских пограничных земель. Все это создавало возможности влияния культурных традиций уже на уровне повседневной жизни.

К сожалению, до сих пор мы не имеем труда, подобного исследованиям А. Грабского, в котором были бы проведены классификация и анализ записок иностранцев (Grabski A.F. Polska w opiniach Europy Zachodniej XIV-XV w. Warszawa, 1968) с точки зрения таких положений, как статус автора в Москве (дипломат, представитель духовенства, путешественник-купец и др.), срок его пребывания в России, знание языка и другие; поэтому почти всегда из поля зрения исследователя ускользает вопрос о подготовленности этого иностранца к восприятию русской жизни круг общения в России. А ведь для полноты восприятия русской жизни авторам часто мешало незнание или плохое знание русского языка, а также изоляция, которая окружала иностранцев в России, невозможность свободных контактов с русскими.

Члены зарубежных посольств общались преимущественно с приставленными к посольству лицами из Посольского приказа, теми думными дьяками, которые занимались переговорами и приемом данного посольства. Прибавим к этому замкнутую жизнь русских теремов. Это также резко контрастировало с жизнью посольств при других дворах Европы.

Кроме того, надо помнить о литературном оформлении таких записок иностранцев. Среди них наиболее распространены те, которые составлены после возвращения из России. Здесь возможно переплетение личных впечатлений, часто основанных или отражающих произведения о России, которыми пользовался автор, и непосредственные заимствования из этой более ранней литературы. Иногда оценка русской жизни окрашена теми чувствами автора, которые вызвали удача или неудача его миссии.

Стереотип представлений о России, который создавался политиками и публицистами Польско-Литовского государства, воспринимался в других европейских странах. Надо отметить, что в XVI в., как показали исследования Э. Баниониса, в Польско-Литовском государстве существовало разделение дипломатической деятельности: Польша представляла интересы Литвы на Западе, а Литва – интересы Польши на Востоке и в России. Однако, учитывая, что в Польше и Литве в это время был единый король, можно с некоторой долей условности говорить, что тот образ России, который создавался в Вильнюсе, устраивал и польских политиков, которые часто его повторяли.

Географические знания в трудах XVI в. тесно связаны с историческими. Даже названия работ – космография, хорография – говорят, что авторы имели в виду историко-географическое исследование.

В современной исторической литературе при анализе записок иностранцев разработана методика, которая исходит из представлений о том, кто и с какой целью писал эти записки (дипломат, купец, ученый и т.д.), что уже определяет круг интересов автора к посещаемой стране, круг его общения и соответственно уровень знания. Говоря о записках иностранцев, следует помнить, что в XVI-XVII вв. с познавательными целями, для знакомства с иностранным государством; для завершения образования, как это было в XVIII-XIX вв., за рубеж практически не ездили, известен лишь один «турист», ездивший в другие страны в XVI в. – это Мишель Монтень. Если такое и случалось, то чаще всего иностранцы приезжали в составе посольств (первый приезд в XVII в. Н. Витсена).

Россия после долгого перерыва была «открыта» для иностранцев в последней четверти XV в., когда заканчивался процесс объединения великих княжеств вокруг Москвы и образовывалось единое Русское государство. Это «открытие» хронологически совпало с мировыми открытиями других земель и материков, и для многих ав-

торов интерес именно к таким новым открытиям вылился в потребность описания Русских земель. Западные купцы и политики искали через Россию сухопутный путь в Индию и более отдаленные страны – Китай и Японию. Политические и церковные круги были заинтересованы в более конкретных знаниях о политическом, культурном, религиозном устройстве православной страны.

Кроме того, сбор информации о стране посещения, ее географических условиях, государственном устройстве, уровне экономического развития был одной из задач большинства посольств. Часто такие сведения не только входили в официальный отчет посла, но и включались в различные историко-публицистические записки. Поэтому для изучения записок послов важно комплексное исследование записок и официальных документов.

Самый ранний письменный источник – это записки итальянцев Барбаро и Контарини. Они приехали в конце XV в., когда у России были тесные связи с итальянскими землями, итальянцы имели информаторов и в Москве среди итальянских мастеров и окружения Софьи Палеолог.

В этих записках – поразившая итальянцев зима. Русский холод и красочное описание торгов на Москве-реке вошли в работы последующих авторов. Но это не случайно. Совсем недавно польские авторы отметили, что в записках иностранцев Польша представлялась как холодная, замерзающая страна, что создавало определенный образ народа – дикого, воинственного, «где по замерзшему морю бегает дикий сармат-селянин в поисках янтаря». Польские авторы в противовес создали образ мужественного воина – сармат, победитель варваров, гарцует по тонкому льду.

Большое влияние на авторов, писавших о России в XVI в., оказал «Трактат о двух Сарматиях» польского исследователя и педагога Матвея Меховского. Трактат о двух Сарматиях принес Меховскому большую известность: опубликованный впервые в 1517 г., только в XVI в. Трактат был переведен на четыре языка и выдержал 16 изданий.

Трактат о двух Сарматиях Меховского, по мнению ряда исследователей, был ориентирован на итальянского читателя: об этом говорит и то, что его первые переводы были сделаны в Италии, а также встречающиеся в тексте сопоставления мер длины, Рима и Великого Новгорода, Дона и Тибра и др. (Лимонов Ю.А. Культурные связи с европейскими странами в XV-XVI вв. Л., 1978. С. 12-14).

Трактат о двух Сарматиях основан на широком круге ранних источников, в том числе античных авторов и личных наблюдениях автора, содержит большой этнографический материал о народах, населивших Европу и Азию. Кроме научного интереса к Восточной Европе и Азии, этот круг вопросов связан с великими географическими открытиями начала XVI в. Об этом пишет в предисловии сам Меховский: «Южные края и приморские народы вплоть до Индии открыты королем Португалии. Пусть же и северные края с народами, живущими у Северного океана к востоку, открытые войсками короля польского, станут известны миру» (Меховский М. Трактат о двух Сараматиях. М.-Л., 1936. С. 46). Поэтому академический труд Меховского вызывал большой интерес у политиков, служил основой более поздних описаний Восточной Европы и, в частности, стал базой при описании Русского государства. Отклики Трактата встречаются у большинства авторов XVI в., писавших о России.

Свой трактат Меховский начинает с географической идентификации Сарматий – в Европе и Азии: в Европейской – это «области руссов или рутенов, литовцев, москов и другие, прилегающие к ним, между рекой Вислой на западе и Танаисом на востоке» (Там же. С. 47). Первая книга – «О Сарматии Азиатской» – почти полностью посвящена истории нашествий татар на Польшу и Венгрию, походам Батыя, обычаям татар и генеалогии ханских семей. Исследователи стремились установить источники, которыми пользовался Матвей Меховский, и через решение этого вопроса определить достоверность описаний различных событий русской истории в Трактате, а также мировоззрение самого автора.

Основным источником книги «О Сарматии Азиатской», в которой приведено большинство известий из истории Руси, С. Аннинский, издавший его перевод, считал Историю Длугоша: это глава о нашествии Батыя на Русь, сведения о нашествиях татар на Польшу и Венгрию, о битве при Варне. Длугош, по мнению Аннинского, «является основным источником нашего автора для истории Руси, Литвы, польско-литовских и польско-татарских дел».

В седьмой главе о Азиатской Сарматии («О границах владений заволжских татар») впервые появляется упоминание о Московии и московском князе, оно относится к описанию рек Дона и Волги, берущими свое начало в Московии. Меховский подробно описывает направления течений этих рек, расстояние между ними, расти-

тельность на побережье. Кроме того, говоря о богатстве рек, он приводит, скорее всего, впечатление очевидца, который был на Волге во время нереста рыбы. «Эти реки весьма богаты рыбой, так что татары и другие проезжающие могут, стоя на берегу, зацепить саблей и вытащить рыбу, плывущую по течению» (Там же. С. 62).

Вторая книга «Трактата о двух Сарматиях» посвящена Европейской Сарматии, в состав которой автор включает Руссию, прежде называвшуюся Роксоланией, Литву, Корелу. Уже в этих заголовках виден подход автора: показать единство Руси, то есть земель, входивших в состав древнего Русского государства, а во времена Меховского – в состав Великого княжества Литовского и Литвы. Этим землям посвящен первый трактат второй книги; второй посвящен Московии и «областям Скифии» – территориям, в начале XVI в. входившим в состав Русского государства.

В отличие от первой книги – Азиатской Сарматии – во второй гораздо большее внимание отводится географическому описанию земель.

Русская земля для Меховского – это Подолия, Галицкая земля и Львовщина, и автор уделяет большое внимание описанию богатствам этого региона: пшеница «родится сама три года подряд», трава на пастбищах «в три дня вырастает выше сажени», пчелиные рои «кладут мед не только на пчельниках и в дуплах деревьев, но и на берегах рек и на земле» (Там же. С. 94-95). «Страна богата конями, быками и стадами овец, имеет лоси в большом количестве, изобилует мехами куниц, белок, лисиц и бычьими кожами». Реки изобилуют рыбой: «где только есть вода, там в ней и рыба». Здесь же автор противопоставляет русское рыбное хозяйство иноземному: «рыбу не разводят у руссов в прудах и рыбных садках, а повсюду там, где есть вода, в ней появляется рыба, посылаемая, как говорится, с небесной росой, без всяких людских забот и без разведения».

Как интересное явление, описанное еще Аристотелем, Меховский пишет о появлении летом «на реках Русии и Литвы» насекомых поденок, жизнь которых продолжается один день (Там же. С. 96-98).

Большое внимание автор уделил рекам Литвы, как и при описании Сарматии Азиатской говорит, что Двина, как Волга и Днепр, «имеет истоки в Московии» и начинает свой спор с античными авторами о существовании Гиперборейских и Рифейских гор (Там же. С. 110).

Говоря о реках, он пишет и о рыбной ловле, повторяя то, что уже сказал об этом в главе о Русских землях: «в тех странах везде, где есть вода, есть и рыба», «рыбных садков и прудов с искусственно разводимой рыбой там не устраивают за ненадобностью». Также подробно названы звери, обитающие в лесах, в том числе некая «росомаха», «величиной с собаку, с кошачьей головой, телом и хвостом похожа на лисицу, черного цвета».

Еще более подробно в этой части Трактата описаны Великий Новгород и Псков.

Новгород сравнивается с Римом, которому много внимания уделено в тех фрагментах Азиатской Сарматии, где говорится об истории древних народов Европы. «По обширности Новгород немного больше, чем Рим», здания в городе деревянные, а купцы богатейшие (Там же. С. 106). Автор рассказывает о занятии Новгорода в 1479 г. великим князем Иваном III, повторяя текст Длугоша. Кроме того, Меховский отмечает еще одну особенность климата в Новгороде: указав точную «высоту полюса» – 60°, он пишет о белых ночах, во время которых «мастера – портные, сапожники и прочие ремесленники имеют возможность шить и работать» (Там же. С. 107).

Аналогично описан Псков; Меховский отмечает, что «земля Псковская имеет тридцать каменных замков – по направлению к Ливонии, каких нет ни в Московии, ни в Литве», обозначая тем самым систему укреплений, сформировавшуюся в борьбе с Орденом.

И, наконец, самостоятельный трактат книги о Европейской Сарматии – «О Московии». Сначала эта глава строится как вторая и третья главы трактата «Об описании верхней Европейской Сарматии», посвященные Литве: после фразы о том, что «Московия – страна весьма обширная в длину и ширину», идет указание расстояний между Москвой и другими городами (Смоленском, Вологдой, Устюгом, Вяткой, вплоть до Югры и Корелы, «лежащих в Скифии») (Там же. С. 112).

Далее автор приступает к описанию отдельных княжеств Московии и дает краткие характеристики Твери и ее удельных земель, Ярославля с его уделами, Рязани, Суздаля, «татарской земли» Казани. При описании каждого княжества Меховский указывает, сколько воинов оно может выставить в случае похода.

Описание самой Москвы и географическое описание Московии занимает немного места и по структуре также перекликается с

более тщательным описанием Литвы, но в нем нет таких живых деталей, как упоминание о разведении рыбы или белых ночах в Новгороде.

Перейдя к перечислению рек Московии, автор подробно останавливается на проблеме, которая его действительно волновала: откуда вытекают Дон и Волга.

Можно предположить, что для ученого географа, каким был Матвей Меховский, важно было решить вопрос о существовании Рифейских и Гиперборейских гор на территории Московии, с которых брали свое начало крупнейшие реки Европы. По традиции античной географии реки для авторов XVI в. могли начинаться только в горах, и соответственно, отрицание таких гор в Московии было в начале XVI в. большой новацией.

Очевидно, сознавая важность такого утверждения, автор уже в посвящении своего труда епископу Станиславу Турсону пишет: «Утверждали также (авторы, которых Меховский называл «современные очковтиратели» – М.Б.), что в тех северных областях находятся известнейшие в мире горы Рифейские и Гиперборейские, а из них вытекают не менее славные реки, описанные и воспетые космографами и поэтами: Танаис, Борисфен Большой и Малый и величайшая из рек Волга. Все это далеко от истины, и нелишним будет, основываясь на опыте (всеобщем учителе), опровергнуть и отвергнуть это, как невежественное и непроверенное сообщение. Мы знаем и своими глазами видим, что вышеупомянутые три реки (действительно крупные) Борисфен, Танаис и Волга начинаются и текут из Московии. Что там нет гор, называемых Гиперборейскими, Рифейскими и Аланскими, это мы точнее точного знаем и видим, как и то, что вышесказанные реки возникли и имеют истоки на равнине» (Там же. С. 46).

Следующее известие о истоках европейских рек помещено в разделе «О юграх» (неназванный второй трактат первой книги). Описывая северные народы, Меховский опять пишет: «… гор Рифейских и Гиперборейских в природе нет ни в Скифии, ни в Московии, ни где бы то ни было, и хотя почти все космографы утверждают, что из этих гор вытекают Танаис, Эдель или Волга, Двина и другие крупные реки, написанное ими – выдумки и невежественное баснословие. Танаис, Волга и наиболее крупные реки текут из Московии, из страны равнинной, болотистой и лесистой, вовсе не имеющей гор. Об этом я подробнее скажу, когда дойду до описания Московии».

Однако, дойдя до описания Литвы и Московии, автор не приводит новых доказательств своей гипотезы: «Заметим, что три величайшие реки – Днепр, Двина и Волга, как раньше уже было сказано, имеют истоки неподалеку друг от друга. Они вытекают из лесистой и болотистой равнины, а не из Гиперборейских и не из Рифейских гор, да и вовсе не из гор, которых там нет» (Там же. С. 110), и далее: «Гиперборейских и Рифейских гор, откуда по баснословным рассказам некоторых писателей будто бы вытекают эти реки, нет ни в Московии, ни в других странах».

Это утверждение Меховского, возможно, уже звучало в научных спорах или переписке с другими исследователями. Его оспаривал Франческо Колло, один из адресатов Меховского, посетивший Москву в 1518 г., он полагал, что Рифейские и Гиперборейские горы находились на Севере, по берегу Ледовитого океана и оттуда берет начало Дон. Павел Иовий, наоборот, соглашался с Меховским. «Волга, в древности называвшаяся Ра, берет начало из великих и обширных болот, именуемых Белыми озерами… Таким образом, эти болота имеют в достаточной степени неиссякаемый источник влаги взамен гор, которых, по уверению путешественников, вовсе нет в этой стране; поэтому большинство из занимающихся древней космографией, признает совершенно баснословными Рифейские и Гиперборейские горы, столько раз прославляемые древними» (Россия в первой половине XVI века: взгляд из Европы. М., 1997. С. 272-279).

Не смог отказаться от наличия Рифейских и Гиперборейских гор и Сигизмунд Герберштейн, который вслед за Ф. Колло поместил их за р. Печора. Следует также отметить, что спор о истоках крупных европейских рек вызвал живой интерес не только у ученых: император Максимилиан специально просил Ф. Колло проверить правильность сведений Меховского и, отправляя итальянца в Москву, дал ему экземпляр Трактата.

Несмотря на свою краткость (раздел «О Московии» сопоставим по объему с разделом «О Русии», а это около трети трактата о Литве), текст Меховского был важен для дальнейшего описания Русского государства. Прежде всего, он содержит четкие, достоверные сведения о географии страны, ее делении на отдельные княжества (Тверское со своими землями, Ярославское, Рязанское, Суздальское); много внимания уделено рекам. Есть сведения о быте, приемах земледелия и другие. Однако автор не приводит таких ярких примеров обилия,

природного богатства, которые есть в описаниях русских земель ВКЛ: «... как и Литва (Московия – М.Б.) богата рощами и лесами, водой и реками, рыбой и зверем, но севернее и холоднее Литвы».

Однако именно текст Меховского послужил источником для более поздних авторов, писавших о России.

Исследование записок иностранцев XVI в. показывает, что интерес к географии России был ограничен: прежде всего, интересовали пути сообщений и укрепления городов. Эти сведения должны были помогать путешественникам и пригодиться во время военных походов. Кроме того интерес вызывали научные наблюдения, как известия о истоках Волги, они приводили к полемике в более поздней научной литературе.

Чаще всего Россия в записках иностранцев описывалась как богатая страна с большими природными ресурсами, что должно было пробудить интерес к ней и стремление установить более тесные торговые связи.

Ю.Э. Шустова (Москва)

ГЕОГРАФИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КНИГ ТИПОГРАФИИ ЛЬВОВСКОГО УСПЕНСКОГО СТАВРОПИГИЙСКОГО БРАТСТВА В КОНЦЕ XVI–XVII В.

Львовское Успенское братство с самого начала своего организационного оформления в 1586 г. одной из важнейших сфер своей деятельности рассматривало организацию книгопечатания. Оно развернуло широкую кампанию по сбору средств для выкупа типографского оборудования первопечатника Ивана Федорова. Занимаясь обустройством типографии, братство рассматривало издание книг как средство сохранения своей веры, культуры. В 1589 г. программа издательской деятельности была сформулирована следующим образом: «Мают вольность... друковати невозбранно священныя книгы церковния со тщанием многим и прилежанием не токмо молитвенныя Псалтири, Апостолы, Минеи же и Триоди, Служебники, Синиксары, Евангелия, метафрастов, панигирика, хроники сиречь летописцы и прочая книги, Часослов иже у нас христовой

церкве, но училищу потребныя, то есть Граматику, Пиитику, Риторику и Философию» (Центральный государственный исторический архив Украины, г. Львов (далее – ЦГИАЛ). Ф. 129. Оп. 1. Д. 121. Л. 1 об.; Привілеї національних громад міста Львова XIV–XVIII ст.: Збірник документів / Упоряд. М. Капраль. Львів, 2000. С. 512).

Первые книги типографии Львовского братства вышли в свет в 1591 г. и сразу же стали востребованными среди православного населения на территории Речи Посполитой и за ее пределами. Издания львовской Ставропигийской типографии на протяжении всего 350-летнего ее существования играли важную роль в сохранении национальной идентичности, культуры и вероисповедания. Изучение географии распространения изданий одной из самых крупных типографий, издававших книги кириллическим шрифтом в XVII в., позволяет представить ту роль, которую сыграла книга в сохранении православия у народов, проживавших в странах с доминирующей инославной религией, в сохранении и преумножении культуры в сложных политических и религиозных условиях, в которых оказались православные народы в Речи Посполитой и Османской империи. В одном из судебных документов Магистрата Львова наряду с упоминанием важной роли типографии Львовского братства как единственной в регионе кириллической православной типографии («iedna tylko w tym kraiu iest ruska») говорится о широкой географии распространения ее изданий: на Украине, Подолье, Литовских, Московских и других землях («y co wiedzic gdzie») (ЦГИАЛ. Ф. 52. Оп. 2. Д. 47. С. 1371–1372. Опубл.: Архив Юго-Западной России. Киев, 1904 (далее – АЮЗР). Ч. 1. Т. 12. С. 443).

Географию распространения изданий типографии Львовского братства изучали А.С. Крыловский, Я.Д. Исаевич и др. (Крыловский А.С. Львовское Ставропигийское братство: Опыт церковно-исторического исследования. Киев, 1904; Ісаєвич Я.Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI–XVIII століття. Київ, 1966; Isaievych Ia. Voluntary Brotherhood: Confraternities of Laymen in Early Modern Ukraine. Edmonton; Toronto, 2006; Шустова Ю.Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): источниковедческое исследование. М., 2009).

Источниками изучения географии распространения изданий типографии Львовского братства в XVII в. являются письма разных лиц с просьбой прислать книги или с благодарностью о полученных книгах, отложившиеся в архиве братства; делопроизводствен-

ные документы братства – протоколы заседаний, реестры продажи книг; записи на сохранившихся экземплярах книг типографии Львовского братства.

Письма братству являются важными источниками, позволяющие проследить географию распространения изданий типографии братства практически с самого начала книгоиздания. Несколько писем показывают востребованность первенца типографии братства – Адельфотиса, Грамматики доброглаголиваго еллинословенскаго языка, совершеннаго искуства осми частей слова, ко наказанию многоименитому российскому роду (1591). Практически сразу же после выхода Адельфотиса из печати Виленское Святотроицкое братство обращается к Львовскому с просьбой прислать книги, необходимые для обучения греческому и славянскому языкам в школе Виленского братства. Сохранилось письмо минского воеводы Богдана Сапеги от 11 октября 1591 г., в котором он выражает благодарность Львовскому братству от имени Виленского братства за присланные два экземпляра Грамматики: «две книжки Граматыки до нас послали, што мы вси у братстве нашом церковном Виленском храма Святыя и Живоначалныя Троици от вашей милости вдячне принявши» (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 181. Опубл.: Monumenta Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis: Diplomata et epistolae Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis ab anno 1518 usque ad annum 1600 / Milkowicz W. Leopolis, 1895 (далее – MCS). № 201. P. 310; АЮЗР. Ч. 1. Т. 10. С. 74–76; Першодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні (XVI – перша половина XVII ст.): Збірник документів. Київ, 1975 (далее – ПІФ). № 65. С. 100–101). Адельфотис покупал для нужд киевской братской школы ее ректор Иван Болецкий, впоследствии киевский митрополит Иов. Сохранилась его долговая расписка от 3 июня 1617 г. на 20 злотых за покупку Грамматики греко-славянской: «Иван Борецкий, презвитер храма Воскресения Христова, ректор школы братское в Киеве, чиню ведомо тым моим писанием, иже зостал винен паном братиям... лвовским золотых польских двадцать, то есть за книжки Грамматики грецкие друка лвовского» (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 469. Опубл.: Голубев С.Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев, 1883. Т. 1. Приложения. № 34. С. 217; ПІФ. № 84. С. 142).

Львовское братство продавало и дарило книги многим православным братствам. О специальном заказе книг Виленским братством свидетельствует письмо князя Адама Корыбута Вишневецкого

от 26 января 1620 г. (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 474. Опубл.: АЮЗР. Т. 10. № 72. С. 139). В 1688 г. Виленское братство обратилось с просьбой прислать книги в связи с тем, что его типография не функционировала (zruinowana). На заседании Львовского братства 13 февраля 1688 г. было принято решение отправить в Вильно книги без переплетов шести наименований: Еангелие (1670), Октоих (1686), Апостол (1666), Триодь цветную (1688), Требник (1682), Служебник (1681) (Львовская Национальня библиотека АН Украины им. В. Стефаника. ОР. Ф. 5 Собрание Оссолинских. Ед. хр. II-2125. АЮЗР. Ч. 1. Т. 12. С. 178).

На заседании братства 8 июня 1691 г. было принято решение подарить книги Жолковскому Рождественскому братству в переплетах: Евангелие (1690), Апостол (1666), Октоих (1686 или 1689), Триодь цветную (1688), Триодь постную (1689), Требник (1682), Псалтирь (1677 или 1679/1680) и Анфологион (1651), взятый специально для этой отправки из библиотеки братства (Львовская Национальня библиотека АН Украины им. В. Стефаника. ОР. Ф. 5 Собрание Оссолинских. Ед. хр. II-2125. АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 631; Т. 12. С. 238). Люблинскому Преображенскому братству 3 февраля 1692 г. были подарены Триодь постная (1689), Псалтирь (1677 или 1679/1680) и Акафисты с молитвами (1682) (АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 632). Книги продавали и дарил многим братствам Галиции, включая братства львовских предместий (Ісаєвич Я.Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI–XVIII ст. Київ, 1966. С. 188).

Издания типографии братства поступали во многие монастыри. Часто книги покупал Манявский Скит. Так, 20 января 1658 г. к братству с просьбой о покупке книг обращался игумен Феофил (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 615), а 2 мая 1665 г. – игумен Дорофей (Там же. Д. 645). Братство подарило Скиту два Часослова (1662) 22 мая 1663 г. (АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 583). Монахам из «Нового Скита» 2 февраля 1666 г. продали по льготным ценам два Анфологиона (1651) в переплете за 22 злотых и в секстернах за 20 злотых (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1091. Л. 15 об.).

Почаевский монастырь прислал братству письмо с просьбой прислать книги, и 13 февраля 1688 г. ему был подарен Требник (1682) (Львовская Национальня библиотека АН Украины им. В. Стефаника. ОР. Ф. 5 Собрание Оссолинских. Ед. хр. II-2125. АЮЗР. Ч. 1. Т. 12. С. 178).

18 февраля 1691 г. Крылосскому монастырю (близ Галича) были подарены Апостол (1666), Псалтирь (1677 или 1679/1680) и Часословец (1688) (АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 632). 19 декабря 1691 г. Служебник, по

всей видимости новоизданный, 1691 г., был подарен Вижицкому монастырю, что на Буковине (Там же. С. 631).

Некоторые волынские монастыри получали книги в дар или покупали по льготной цене. Так, Анфологион в переплете за 18 злотых (самая низкая цена) купили монахини «под Горохов» (Там же. С. 544). 28 июня 1691 г. Псалтирь (1687) в переплете была подарена отцу Матфею из Дорогочина, что на Волыни (Там же. С. 631).

Значительное число изданий типографии Львовского братства поступала в Киев: церквям, монастырям, церковным иерархам, студентам и др. Киевские купцы покупали целые партии книг для продажи. Активный книгообмен был между братством и киевским митрополитом Петром Могилой. В 1645 г. 25 Анфологионов в секстеранах было продано самому Петру Могиле «на мемрам». Тогда же несколько книг купил слуга Киевского митрополита Петра Могилы Предремерский: четыре Трефологиона в секстернах и четыре Месяцеслова в секстернах (Там же. С. 544, 545). В 1666 г. киевский митрополит Антоний Винницкий обратился к братству с просьбой купить книги. Было принято решение продавать ему книги «osobliwie», т.е. по льготным ценам. Первая партия книг была куплена 8 июня 1666 г., а вторая – спустя месяц, 2 июля. Всего митрополиту было продано 56 экземпляров книг десяти наименований на общую сумму 481 злотый (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1091. Л. 13).

7 июня 1688 г. купцу из Киева было продано 106 экземпляров книг шести наименований: 11 Евангелий (1670), 10 Апостолов (1666), 5 Октоихов (1686), 18 Служебников (1681), 14 Требников (1682), 40 Псалтирей учебных (1687) и 8 Полууставов (1667 или 1688) (Львовская Национальня библиотека АН Украины им. В. Стефаника. ОР. Ф. 5 Собрание Оссолинских. Ед. хр. II-2125. Опубл.: АЮЗР. Ч. 1. Т. 12. С. 184). В 1691 г. Акафист с молитвами (1682) подарили некоему священнику (zakonnikowi) в Киев (АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 631).

Увозили издания типографии Львовского братства в самые разные регионы православного мира. Так, в реестре продажи книг 1651–1654 гг. сообщается о том, что один переплетенный Анфологион выдали дьякону из Берестечка, «который учил детей в нашей школе»; он обещал заплатить за книгу «по приезде», ему же выдан был Октоих в переплете («денег не дал»). Там же говорится, что перемышльскому епископу два Евангелия были проданы за 27 злотых, т. е. со значительной скидкой (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1066. Л. 2

об., 3. Опубл.: АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 551, 552). В реестре продажи книг Стефана Лавришевича за 1659–1664 гг. зафиксированы безвозмездные раздачи книг: Любельской церкви были подарены Евангелие (1644) в переплете и Анфологион (1651) в секстернах, для Брест-Литовска выдали Анфологион (1651) в секстернах («даровали пане») и Октоих (1644) в секстернах. Дарили книги церковным приходам Збоиска (Львовского предместья), Брода, Русской Рясны, Щеплоты, Креховскому монастырю и др. (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1076. Л. 1–33. Опубл.: АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 564–581). В «Реестре продажи книг розных церковных» 1663 г. отмечено, что книги отправлялись в Галич, Межибож, Зборов, Дубно, Комарно, Теребовль (АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 581–585). Согласно реестру продажи книг за 1663–1665 гг. издания типографии братства покупались и дарились церковным приходам и монастырям близ Львова – Креховскому монастырю, «до с. Ряснои», Колоденецкой церкви, монастырю Св. Троицы «из-за Топорва»; церковному приходу в Головске (близ Витебска); монастырям Погонскому (на Покутье); монастырям Любарскому и Тригорскому (на Житомирщине) (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1084. Л. 1–38. Опубл.: АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 585–595). Два Часослова школьных (1662) в переплете в 1664 г. подарили купцам из Гданьска, которые продавали братству бумагу (АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 590). В реестре 1665–1666 гг. зафиксированы продажи книг в г. Каменец и монахам Уневского монастыря (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1091. Л. 13, 17).

О важности распространения изданий типографии братства за пределами Речи Посполитой часто говорилось на заседаниях братства. Так, 1 апреля 1656 г. было принято решение послать двух членов братства «з книгами на Украину» с целью продавать там издания Ставропигийской типографии (АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 182).

Прочные связи установились у братства с молдавскими землями. Одной из самых ранних является запись в книге протоколов заседаний, из которой следует, что в 1600 г. для продажи в Молдавии было выдано восемь Псалтирей: «В року 1600-тном дал был п(а)н Степан продавати до Волох Псалтирок 8 Василию Мартичови. Тые книжки зостали были при п(а)ну Лукияне у Волошех, и продавши тое, п(а)н Лукиян отдал братству золотых 8 за оные книжки, с котрих грошей п(а)на Лукияна квитует братство, же ся досыт стало в року 1612 в неделю 6 по Пасце (17 мая – Ю.Ш.)». Далее тем же почерком, но другими чернилами сделана приписка: «Же дал п(а)нъ Лукиян отдал все за тии книжъки, не винен нечъ» (ЦГИАЛ.

Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 15; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 76). Атрибутировать издание, о котором идет речь в этой записи, пока не представляется возможным. Вероятно, речь идет об издании Псалтири ок. 1608 г. Также с определенной долей вероятности можно говорить об издании Псалтири, вышедшей в типографии братства не позднее 1600 г., однако это предположение требует доказательств.

В 1614 г. к братству обращается с просьбой прислать новоизданные книги бывший молдавский митрополит Макарий, а ныне «смиренный инок» со «Светеи Афонской горы»: «аще что маете друку нового, кир Иоане Красовский [старейшина братства – Ю.Ш.], посылайте к нам» (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 446. Опубл.: Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1851. Т. 4. С. 432–434).

Книги дарили сучавским митрополитам. Так, сучавскому митрополиту Варлааму 22 апреля 1645 г. братство подарило пять Анфологионов (1643) (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1058. Л. 4. Опубл: АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 540). По льготным ценам продали 10 января 1666 г. монахиням из Мультян Октоих в переплете и Триодь цветную, а 20 марта 1666 г. подарили монахине «z Multach co była» переплетенные Октоих и Триодь цветную (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1091. Л. 17, 17 об., 19).

Тесные связи были с Сербией. Издания типографии Львовского братства отправлялись в Сербские монастыри, церкви, их получали православные сербские иерархи. Сербскому епископу в 1663 г. подарили Октоих (1644) в переплете и Часослов в секстренах а три школьных Часослова он купил (АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 582, 583). Сербскому архимандриту «do s. Gury» (вероятно афонскому Хиландарскому сербскому монастырю) 1 июля 1677 г. подарили Триодь цветную (1663) (Там же. С. 614–615). Монастырю Св. Саввы 8 января 1688 г. был подарен Октоих (1686), а 24 января 1691 г. – Евангелие (1690) (Там же. С. 525; Т. 12. С. 174, 230).

Книги типографии братства отправлялись в самые отдаленные от Львова православные земли. Венгерскому монастырю 9 мая 1669 г. братство подарило Евангелие «reałową w sexternach» (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1097. Л. 24; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 599). 28 июня 1691 г. Псалтирь (1687) в переплете была подарена отцу архимандриту из Македонии (АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 631). В 1700 г. во Львове пребывал мармарисский епископ, на заседании братства 22 марта 1700 г. было принято решение «episkopowi Maramoryskiemu in subsidium prośby

iego ofiarowalismy», т.е. подарили несколько книг, в том числе Апостол (1696) и Служебник (1691) (Там же. Т. 12. С. 285).

Особые отношения сложились у братства с иерусалимскими патриархами. Они часто заказывали книги типографии Львовского братства, которые отправлялись в Иерусалим или предназначались для православных монастырей и приходов в Молдово-Валахии, где находились резиденции иерусалимских патриархов. В архиве братства сохранилось постановление, принятое на собрании 1 января 1664 г. о пожертвовании Иерусалимскому патриарху 270 книг (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 634). Правда, точно не известно, какие книги были тогда отправлены в Иерусалим. В Иерусалим 15 сентября 1669 г. была отправлена довольно значительная партия книг в переплетах – 50 книг на сумму 362 злотых: два Евангелия (1644), два Апостола (1666), четыре Служебника (1666), 4 Требника (1668), 2 Октоиха (1644), две Триоди постных (1664), две Триоди цветных (1663), десять Псалтирей с молитвами (1668), 20 Часовников школьных (1669) (Там же. Д. 1097. Л. 24 об. Опубл.: АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 599–600, 602). Поскольку стоимость этих книг больше, чем цены на эти же книги в переплетах, обозначенные в реестре выдачи книг, можно сделать вывод, что переплеты для этих книг были заказаны специально и отличались высоким качеством. Книги братством были подарены «по личной просьбе» Иерусалимского патриарха Нектария. Следует отметить, что 60% отправленных книг составляют учебные (Псалтирь и Часовник). Псалтирь с молитвами в переплете за четыре злотых была подарена «отцу греческому», видимо, священнику из числа сопровождавший Иерусалимского патриарха (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1097. Л. 25). В 1670 г. отцу архимандриту Иерусалимскому «старому, що тут мешкал», были подарены в сестернах Апостол (1666), Служебник (1666), Требник (1668) и Псалтирь с молитвами (1668) (АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 603). Также 11 июля 1690 г. Один Требник (1682) в переплете был подарен «отцам греческим из Иерусалима» (Там же. Т. 12. С. 215).

Книги братской типографии очень часто отправлялись на Афон. В 1662 г. подарили «панове братия до Св. Горы Евангелие увязаное злоцестое 1» (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1076. Л. 4 об. Опубл.: АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 566). Одно Евангелие в переплете 11 мая 1663 г. было подарено архимандриту «до Св. Горы» (АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 581). 3 апреля 1665 г. переплетенные Триодь цветная и Триодь постная были подарены «до горы Св. Афонской даровали Панове до обители Св. Павла» (Там же. С. 587, 586).

Отдельные издания братской типографии пополняли книжные собрания России, Чехии, Венгрии, Англии, Швеции (Эйнгорн В.О. Книги киевской и львовской печати в Москве в третью четверть XVII в. М., 1894; Barnicot J.D.A., Simmons J.S.G. Some unrecorded early-printed Slavonic books in English libraries // Oxford Slavonic Papers. 1951. Vol. 2. P. 98–118; Simmons J.S.G. Early printed Cyrillic books in Marsh's library Dublin // The Irish Book. 1963. Spring; Tyrrell E.P., Simmons J.S.G. Slavonic books before 1700 in Cambridge libraries // Transactions of the Cambridge Bibliographical Society. Vol. III, 5. 1963. P. 389, 392; Ісаєвич Я.Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI–XVIII ст. С. 190).

О распространении книг Львовского братства в России свидетельствуют описания многих российских книжных коллекций, опубликованные во второй половине XIX в., в которых издания Львовского братства были представлены довольно полно, начиная буквально с первых изданий этой типографии, таких как Адельфотис 1591 г. Основная часть этих книг продавалась в России в XVIII в.

Важными источниками изучения географии распространения изданий типографии Львовского братства являются записи на сохранившихся экземплярах книг. Для данной работы были изучены записи на изданиях конца XVI – первой половины XVII в., хранящихся в Российской государственной библиотеке. В библиотеке имеется пятнадцать изданий типографии Львовского братства этого периода, представленных 60 экземплярами. Записи и пометы были выявлены на 45 экземплярах тринадцати изданий. Зафиксировано 55 записей XVII в., в т.ч. 18 датированных.

Запись на Адельфотисе (1591) от 24 июня 1684 г. свидетельствует о принадлежности книги московскому патриарху Иоакиму. Запись сделана по-гречески рукой иеромонаха Тимофея Грека и говорит о поступлении Адельфотиса в распоряжение Типографской школы (РГБ. НИО РК (Музей книги). Инв. 4396. Л. 5 об.–20).

Октоих (1630) принадлежал Иосифу Гаврилову сыну Гаврилова, который был диаконом Богоявленской церкви села Альховца посада города Лебедяни: «Сия книга Лебедяни посада села Алховца ц(е)ркви Б(о)гоявление Хр(и)ст(о)ва дьечка Иосихва Гаврилава с(ы)на Гаврилова, а тае сию книгу я Иосифъ, подписал своею рукою» (РГБ. НИО РК (Музей книги). Инв. 1825. Л. 267 об.).

На экземпляре «Книги о священстве» Иоанна Златоуста имеется три владельческие записи XVII в. Две из них собственноручно сделаны

отцом Гаврилом, священником храма великомученика Никиты в с Тишовцах Холмской земли Русского воеводства (Там же. Инв. 6698. С. 130–143, 446). Вторая запись сделана диаконом Белостоцкого (Супрасльского) монастыря Феодосием Чолынским (Там же. Л. [4] об.).

На Октоихе (1644) оставили владельческие записи (XVII в.) бакалавры из города Бецка Стефан и Ян Тихоневич (Там же. Инв. 3564. Л. [1], [3]). Вероятно, здесь речь идет о Бецке близ Полоцка, ныне с. Бецкое Полоцкого района Витебской обл.

Одна из выявленных записей заслуживает особого внимания. Она интересна сразу в нескольких аспектах. Во-первых, способом написания, а именно тайнописью, а во-вторых, свидетельством о принадлежности книги думному дьяку Алмазу Иванову. Запись на экземпляре «Книги о священстве» Иоанна Златоуста (1614) сделана полууставом XVII в.: «Лия тпича цурпочо цїата асрафа ішапоша» (Там же. Инв. 6696. Форзацн. л.). Выполнена она при помощи одной из самых распространенных систем тайного письма в XV–XVII вв. – простой литореи и расшифровывается: «Сия книга думного дїака Алмаза Іванова». Книга принадлежала Алмазу Ерофею (Ивановичу) Иванову, сыгравшему заметную роль в истории Российского государства в XVII в.

Одна из самых ранних вкладных записей, сделанная не позднее середины 30-х гг. XVII в. имеется на «Книге о священстве» Иоанна Златоуста (1614) и говорит о вкладе иеромонаха Дерманского Свято-Троицкого монастыря Лаврентия Кормана своему монастырю (РГБ. НИО РК (Музей книги). Инв. 1912. С. 1–13, 446–438). Еще две записи 30-х гг. XVII в. имеются на экземплярах Евангелия (1636). Одна из них – сделана вскоре после выхода книги из печати, в 1637 г. и свидетельствует о вкладе Илии Кондратовича и жены его Авдотьи Маратовны «за отпущенїе грехов своих и родителеи моих в Успенский храм города Чигирина» (Там же. Инв. 4684. Л. 1 об. 2-го сч. – 9 2-го сч.). Еще один из экземпляров Евангелия 1636 г. был вложен мещанином Иваном Гриценко в Троицкую церковь местечка Семиполки, ныне в Киевской обл. (Там же. Инв. 3621. Л. 1–5).

Сведения, содержащиеся во вкладных записях, часто последующие владельцы старались уничтожить. Записи полностью или частично (информацию о месте вклада, вкладчиках) стирали, замарывали чернилами или вырезали. Частично утрачена запись на Октоихе (1630), сообщающая о вкладе в 1677/1678 г. Ионы Домасины в церковь преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотвор-

цев (РГБ. НИО РК (Музей книги). Инв. 1822. Л. 35–62). Иногда запись не читается из-за некачественных (затухающих) чернил. На Евангелии (1636) из записи 1680 г. явствует, что его вложили в храм Св. Николая чудотворца «донския и еицкия козаки» (Там же. Инв. 8420. Л. 1–24. Опубл.: Поздеева И.В. Коллекция старопечатных книг XVI–XVII вв. из собрания М.И. Чуванова: Каталог. М., 1981. № 63. С. 65).

Часто встречаются несколько вкладных записей, как правило, свидетельствующие о вкладах в разные церкви или монастыри. Редко вкладные записи, сделанные в разное время, говорят о вкладе в тот же храм или монастырь. В Октоихе (1644) вкладная запись XVII в. говорит о вкладе в церковь Св. Георгия в селе Улемль Калужской провинции Московской губернии (РГБ. НИО РК (Музей книги). Инв. 4681. Л. 1–15).

В числе вкладчиков были не только лица духовного звания, мещане, казаки, но и представители московской знати. Так, 19 июля 1685 г. Анфологион (1632) пожаловал церкви Богоявления Господня и великомученика Никиты в селе Баскач сделал стольник Иван Петрович Одинцов: «...сию б(о)год(у)хновенную книгу Трефолой в село Баскач в Он(е)жском Б(о)гоявления Г(оспо)дня і великаго м(у)ч(е)н(и)ка Хр(и)ст(о)ва Никите приложил столник Іван Петрович Одинцов по Прохару и по Лаврентию Васлевичу детей Кропетова, да по ч(е)л(я)д(ни)ку своем по Тимофею Дирковсом в вечное поми[но]вение. А хто сию книгу из храма Бож(его) мел, и того судит Б(о)гъ своим во онім веце» (Там же. Инв. 2238. Л. 1–68).

Вкладные записи свидетельствуют о распространении книг типографии Львовского братства в довольно отдаленных от Львова территориях. Так, Евангелие (1644) было вложено в церковь великомученика Георгия в Зографский монастырь на Афоне, о чем сообщает запись, выполненная южнорусской скорописью XVII в.: «Сїа б(о)ж(е)ственаа и д(у)шепасна книга гл(агол)емы Охтоих ... о(т)ца и проигумена кир Захарїа малого, приложи ю во с(вя)тый [м]онастирь Зорафскы и де ж есть храмь с(вя)т(о)го великом(у)ч(е)н(и)ка Георгїа ... постави ю на конац Зографскы на Карея вь ц(е)рковь храме с(вя)т(о)го Іо(ан)н(а), да служжит тамо во с(вя)тую ц(е)рковь за егову д[уш]у и за родители его, и кои сіе ж ю от тамо удалити и инамо отнести или себе присвоити, да будет непрощен от Г(оспод)а Б(ог)а, и от с(вя)т(о)го великом(у)ч(е)н(и)ка Георгїа» (Там же. Инв. 1830. Л. 2–8).

Запись от 12 января 1682 г. сообщает о покупке Октоиха (1644) Борколабовским женским монастырем (совр. с. Борколабово Быхов-

ского р-на Могилёвской обл.): «...купила у отца Макарїя г(о)сп(о)жа Анисїя Московичовна игуменїя монастыря д(е)в(и)ч(е)го Борколабовскаго, року от рож(дества) Х(ристо)ва 1682 м(е)с(я)ца генваря 12 дня за монастірскїя общїя гроши до ц(е)ркви Вознесенїя Х(ристо)ва /и с(вя)т(о)го Іоанна Пр(е)дт(е)чи» (Там же. Инв. 9454. Л. 2–12). Октоих (1644) купил «за свои власный гроши» пресвитер Бецкий, иерей Григорий в 1659 г. (Там же. Инв. 3564. Л. 1–7).

Одна из дарственных записей сообщает о том, что книга была преподнесена киевскому воеводе пану Потоцкому: «Jasnie wielmoznemu J[ch] M[iłoś]ci Panu Potockiemu woiewodzie Kiowskiemu P[rze]w[ielebnemu] M[emu] M[iłośćiwemu] Panu y nayosobliwszemu Dobrodziejow» (Там же. Собор в богоспасаемом граде Вильне бывший. Львов, 1614. Инв. 2907. С. 18). Запись по палеографическим признакам может быть датирована концом XVII – началом XVIII в. Поэтому точно определить адресата этой записи не представляется возможным. Книга могла принадлежать одному из двух Потоцких, бывших киевскими воеводами. В 1668–1673 гг. киевским воеводой был Анджей Потоцкий, военный и государственный деятель, великий коронный Хорунжий, а в 1702–1744 гг. киевским воеводой был Юзеф Потоцкий, каштелян краковский и великий коронный гетман.

Таким образом, можно сделать вывод, что в конце XVI–XVII в. издания типорафии Львовского братства распространялись в первую очередь среди православного населения Речи Посполитой, а также в Молдаво-Валахии, Сербии, Венгрии, Палестине, на Афоне. Широкое распространение получают книги и в Московском государстве.

Е.Б. Смилянская (Москва)

ОСВОЕНИЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1768–1774 ГГ.: РЕАЛИИ И СИМВОЛЫ

В 1775 г. на праздновании победы над турками архиепископ Платон (Левшин) произнес: «Внезапу в отдаленнейших странах блеснул меч Россиан, и те места, которыя прежде во училищах ***малым отрокам только перстом на бумаге показывали, та самыя места начал воин наш попирать победоносными стопами свои-***

ми. Внезапу храбрым российским воинством покрылись не токмо поля Влашския, Молдавския, Бессарабския, Болгарския, Херсонския, Кубанския, Черкеския, но и Колхидския ***и Морейския, и Негромонтския*** [в смысле Черногорские – Е.С.], ***и берега Архипелажские, но при том могу сказать и Сирийские и Египетские***» (Платон (Левшин). Слово на торжество славного мира, празднованнаго 1775 года иулия 10 дня (Успенский собор в Кремле) // Платон (Левшин). Слова… М., 1780. Т. 3. С.76) [(выделено мною – Е.С.].

Действительно, во время Русско-турецкой войны 1768–74 гг. Россия впервые в своей истории активно вступила в борьбу за влияние в Средиземноморском регионе, послав в Восточное Средиземноморье пять эскадр Балтийского флота. И Первая архипелагская экспедиция стала замечательным толчком не только для изменения сложившегося баланса сил в Южной Европе. Опыт Первой архипелагской экспедиции дает основание говорить о многообразии форм реального и символического освоения российскими подданными пространства Средиземноморья.

1. Познание и узнавание

В начале XVIII в. упоминание о тех местах, которые посетили корабли российских эскадр в 1769–1775 гг., появилось в известной «петровской повести» «Гиштория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли» (повесть датируется между 1703 и 1726 гг.). Гиштория описывала, как матрос Василий живал в Голландии и приходил «в Англию с кораблями», «во Франции был два года», рассказывал разбойникам о «семи кораблях с Португалии», «с королевной Ираклиею поехали морем до Цесарии» и добрался до Флоренского государства; побывал Василий и на неких островах в неведомом море. Между тем, география его авантюрного странствия оставалась как для автора Гиштории, так и для его читателей вполне соответствовавшей духу беллетристического повествования XVIII в. – т. е. не претендующей на реалистичность, а лишь завораживающей читателя упоминанием о мнимо «освоенных» российским матросом землях.

Через полстолетия эти же самые земли предстали российским матросам и офицерам Архипелагской экспедиции вполне зримо. На их долгом пути в Архипелаг они получали безопасные пристани в Дании, у берегов Британии, Португалии, видели Гибралтар, Порт-Магон на Менорке, Мальту, Сицилию, Геную и Ливорно, некоторым

удавалось побывать в Пизе, Флоренции, доехать до Рима. Описание, а часто и картографирование этих мест участниками экспедиции ложится в основание дальнейшего опыта освоения Средиземноморья российскими путешественниками и военными. Словом, передвижение из Балтики в Западное и Центральное Средиземное море превратило «беллетристическую географию» плаваний матроса Василия Кориотского в знакомое реальное пространство, где русские не только поражались увиденному, но и сами готовы были удивлять.

Восточное Средиземноморье, в отличие от Западного, для участников российской экспедиции едва ли было вовсе неведомой землей. В русском традиционном сознании оно продолжало сохранять значение сакрального пространства, ориентированного на Иерусалим и окружающую его Святую Землю. Это пространство с древности было освоено паломниками. Восточное Средиземноморье воспринималось и как пограничье двух противостоящих миров, куда неоднократно европейские христиане совершали крестовые походы. И русские шли в это пространство, чтобы совершить свой христианский долг – освободить единоверных греков и покарать неверных «агарян».

Однако, узнавалось это пространство не только (и, как выясняется, даже не столько!) благодаря христианским святыням, а благодаря растущему интересу к классической древности, и участники Архипелагской экспедиции не остались в стороне от поисков и «узнавания» памятников античности – Трои, могилы Гомера и других «великих древних», святилищ богов. Ко второй половине XVIII в. просвещенные европейцы готовы увидеть в греческом населении едва ли ни современных носителей прославленной античной культуры, расцвету которой препятствует турецкое иго. Неслучайно и русские участники похода, и даже его инициаторы желали видеть греков, которых шли освобождать, своего рода античными героями, «спартанцами» (как называла Екатерина жителей Мореи), с православным крестом в руках. Образ красивый, но любое несовпадение с ним грозило тяжелыми разочарованиями, которые не замедлили появиться. Вскоре после первых контактов с греческим населением Мореи и Архипелага «узнавание» образов Восточного Средиземноморья омрачили критические оценки нравов и обычаев греков; стали писать о превосходстве русского православного благочестия над греческим, русских над греками, «забывшими древнее величие своих предков». Между тем, «узнавание» мест древней славы спо-

собствовало началу изыскания памятников античной цивилизации на двадцати островах Греческого архипелага, принявших «подданство» российской императрицы и объединенных в Архипелагское княжество (1770–1775 гг.), и даже выходу в свет труда М.Г. Коковцева «Описание Архипелага и варварийскаго берега, изъявляющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, и с тремя чертежами» (СПб., 1786), не говоря о значительных коллекциях подробнейших карт всего Греческого архипелага и проливов.

2. Утверждение Российского влияния в Средиземноморье

Военные успехи России – прежде всего, разгром османского флота при Чесме, блокада Дарданелл, установление контроля за всем судоходством в Эгейском море и Леванте, наконец, создание военной базы на о. Парос и приведение примерно двадцати архипелагских островов в российское подданство – создали в начале 1770-х гг. исключительные возможности для утверждения влияния России в Восточном Средиземноморье, на Балканах и даже на Ближнем Востоке. Можно понять ревнивое восхищение британской прессы, в 1770 г. писавшей: «кто мог вообразить полстолетия назад, что эти дикари (savages), которые ныне покрывают океан своими военными кораблями, в столь короткое время смогут подняться до таких высот, и кто знает, что эти же люди в столь же короткий период времени не станут состязаться за господство в морях с морскими державами?!» (Gentleman's Magazine. 1770. Vol. 40 (Июль). P. 289–290).

Между тем, в 1774 г., как известно, при заключении Кючук-Кайнарджийского мирного договора российской делегации не удалось отстоять ни одного приобретения на Средиземном море, и в 1775 г. флот покинул Греческий Архипелаг, оставив и свою почти отстроенную базу на Паросе, и своих арабских союзников в Палестине и Леване. В это время известный британский путешественник Джеймс Брюс из Киннэрда саркастически заметил: «никогда не было экспедиции столь успешной и столь удаленной, в которой офицеры бы были менее наставляемы своим кабинетом (less instructed from their cabinet), более невежественны относительно стран (more ignorant of the countries), более преданы бесполезным парадам и более отравлены удовольствиями, нежели Русские в Средиземноморье (more given to useless parade or more intoxicated with pleasure,

than the Russians on the Mediterranian then were)» (James Bruce of Kinnaird. Travels to discover the source of the Nile in the years 1768, 1769, 1770, 1771, 1772, and 1773. Edinburgh & London, 1790. Vol. 1. P. 28). Однако английский исследователь истока Нила был не вполне прав. Очевидно, что военных и финансовых возможностей для завоеваний в Средиземноморье у России было немного, но вовсе не так бесполезны были российские праздничные манифестации: именно блистательные торжества, устраиваемые командующим Архипелагской экспедицией А.Г. Орловым или людьми из его окружения, остались в памяти современников как очевидные знаки утверждения России в Средиземноморье. Вот лишь несколько описаний подобных торжеств, составленных по свидетельствам преимущественно иностранной (!) прессы.

В Порт-Магоне на Менорке по случаю Чесменской победы в 1770 г. 29 августа (ст.ст.) – «в греческой церкви Богородицы служана была литургия, молебен в честь Чесменской битвы», «с "Надежды благополучая" выпалено 31 пушки», кроме русских офицеров и служителей на праздновании находился и «господин Магонский губернатор с многими своими офицерами» (РГВИА. Ф. ВУА846. Оп.16. Д. 1860. Л. 120–121). Но на этом торжества не закончились: 1 (12) сентября отмечался день коронации Екатерины, 20 сентября (1 октября) день рождения наследника и на Менорке последовали празднования еще большего размаха. По имеющимся газетным описаниям, Екатерина II послала в дар местной греческой церкви Евангелие высотой два фута и шириной 15 дюймов в золотом окладе, чашу размером в полтора фута, два небольших блюда и большой золотой крест. Кажется, 3 октября (дата 3 октября (нового стиля) приводится в западной прессе вместе с ошибочным утверждением, что это был день коронации российской императрицы. Между тем, скорее всего речь идет о торжествах, продолжавшихся по случаю дня рождения наследника Павла Петровича) эти драгоценные подарки впервые использовали на службе в православной церкви Порт-Магона. Во время службы местные православные пели Te Deum («Тебе, Господи») вместе с русскими морскими офицерами. От имени командования граф П.А. Бутурлин и российский консул Теодор Алексиано дали в этот вечер большое празднество, и самым поразительным, видимо, в этом празднестве была иллюминация: на фасаде собора появилась «перспектива, представлявшая армию и имя российской императрицы», а «на резиденции консула укрепили прекрасное искусст-

венное пламя, которое с одной стороны пожирало турецкие мечети (вариант: зажженные огни представляли с одной стороны крест, торжествующий над турецкими мечетями), посреди чего читалась надпись «Caterina Alexiovvona II. Imperatrice di tutte le Russie. Vivat. Vivat». После фейерверка в Магоне, в доме консула состоялся бал, продолжавшийся до утра следующего дня. Во время праздника, о котором писали многие европейские издания, народу были выставлены две бочки вина (Notizie del Mondo. 1770. № 95. P. 777; Gazette d'Amsterdam. 1770. № 101).

На Мальте российский посланник маркиз де Кавалькабо 18 января 1771 г. во время празднования 30-летия правления магистра мальтийского ордена де Пинто выставил на своем балконе большую картину, изображавшую де Пинто с парящей над ним аллегорической фигурой славы, внизу картины виднелся порт Валетты, в который входил корабль под русским флагом. «На том балконе, – отчитывался Кавалькабо в Россию – оркестр оживлял это немалое выражение моих пожеланий о сохранении дней Его преимущества, который выразил мне свою горячую благодарность, т. к. он очень чувствителен ко всякому блеску» (См.: Настенко И.А., Яшнев Ю.В. История Мальтийского ордена. М., 2005. Кн. 2. С. 35). Успешность столь яркой демонстрации российским посланником на Мальте чаяний на доброжелательный прием российских судов обнаружилась уже через несколько дней: российские суда стали получать помощь и ремонт в мальтийских гаванях.

Жизнь ***Тосканского герцогства***, ставшего по сути континентальной базой Архипелагской экспедиции (Ливорно в 1770–1775 гг. был запасной стоянкой судов, Порто-Феррайо на Эльбе предоставлял ремонтную базу, в Пизе по сути размещался штаб А.Г. Орлова), в 1769–1770 гг. в особенной степени оказалась затронутой российским присутствием (Я опираюсь на источники, собранные М.Б. Велижевым и легшие в основу его главы: Русские в Италии: повседневная жизнь русской колонии в Тоскане (1769–1775 гг.) // Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011 – в печати). С отбытием Орлова в Архипелаг жизнь Тосканы, судя по прессе, становилась многократно скучнее и однообразнее, а с возвращением – закипала в блеске и щедрости сменявших друг друга торжеств. В 1769–1775 гг. здесь отмечались, наряду с католическими, церковные

православные праздники, «высокоторжественные» и «викториальные» дни как герцогства, так и Российской империи, иногда непрерывной чередой следовали торжества, приуроченные к приезду или отъезду А.Г. Орлова, И.И. Шувалова, русских дипломатов и военачальников и прочее. Празднества устраивало русское и тосканское дворянство и они символизировали дружеский характер взаимоотношений двух государств. Отдельная часть увеселений предназначалась низшим слоям населения: для них устраивались танцы, беднякам раздавались хлеб и колбасы, сооружались фонтаны вина. Вот, к примеру, один из сценариев утверждения «российской славы» в Тоскане. 9 июля (28 июня) 1772 г. к десятилетию восшествия Екатерины II (коему А.Г. Орлов, как известно, немало способствовал в 1762 г.!) в Ливорно, на главной площади состоялся специально подготовленный русскими мастерами фейерверк. Зажженные огни изображали коронацию императрицы и российский герб, обрамленный огненными колесами фейерверка. Представление под музыку духового оркестра длилось три четверти часа и завершилось ко всеобщему удовольствию собравшейся публики сожжением воздвигнутого для этой огненной потехи замка. С улиц Ливорно праздник переместился в ярко освещенные залы местного «Palazzo pubblico», а рядом Орлов приказал построить обширную «залу» и развесить в этой «зале» картины, кажется, российской воинской славы. Щедрость оплачивалась из российской казны совсем не напрасно. В источниках отмечается, что флорентинцы, пизанцы и жители Ливорно платили за щедрость добрым отношением и самой возможностью существования российской базы.

Непременные праздники – церковные, высокоторжественные и викториальные – с блеском отмечались и на греческих островах в Архипелаге, и даже в завоеванной дважды крепости Бейрут. Известно, что в этом арабском городе, где на башнях с 1773 г. несли службу около 100 человек «русских», до 1775 г. «поднимали [российский. – Е.С.] флаг по воскресеньям и праздничным дням» (Трад Абдаллах. Мухтасар тарих ал-асакифа. Бейрут, 2002. С 98).

Безусловно, подобный размах российского символического присутствия в Средиземноморье – вторжение российских памятных дат в календарь других культур и народов, исключительное внимание к универсальному языку театра, фейерверка, прочих изобразительных форм в утверждении российского влияния, откровенная игра на привлечение симпатий разных общественных слоев через

рассыпаемые щедроты беднякам и дары владетельным особам – все это было направлено на то, чтобы не только Средиземноморье стало «своим» для России, но и Россия перестала быть там «чужой».

3. «Присвоение» Средиземноморья

Оставив в 1775 г. обжитый остров Парос и другие средиземноморские владения, российская императрица отнюдь не спешила закрыть эту страницу русско-турецкой войны. Напротив, Екатерина с этого времени ищет новые формы «присвоения» хоть малой части Средиземноморья: в 1780-е гг. появятся и «Греческий проект» Екатерины–Безбородко, и идея новой Архипелагской экспедиции. На символическом уровне те же идеи реализуются в создании локусов-двойников желанных земель.

Хорошо известно, что во время Торжества празднования мира с турками в 1775 г. по указанию Екатерины В.О. Баженов на Ходынском поле создал декорации, раскрывающие значение новоприсоединенных владений в Причерноморье. В изложении Екатерины локусы-двойники представлялись так: « за три версты от города есть луг, представьте, что этот луг Черное море, и что из города две дороги: ну вот одна из сих дорог будет Танаис, а другая Борисфен, на устье первого вы построите столовую и назовете Азовом; на устье второй – театр и назовете Кинбурном, из песку сделаете Крымский полуостров, поместите тут Керчь и Еникале, которые будут служить тут бальными залами. Налево от Танаиса будет буфет с винами и угощениями для народа; против Крыма устроится иллюминация, которая будет изображать радость обоих государств о заключении мира; по ту сторону Дуная пущен будет фейерверк, а на месте, имеющем изображать Черное море, будут разбросаны лодки и корабли, которые вы иллюминуете, по берегам рек, которые в то же время и дороги, будут расположены виды, мельницы, деревья, иллюминованные дома, и т.о. у вас выйдет праздник без вычур, но может статься, гораздо лучше многих других, и в нем будет гораздо больша простоты<…> Позабыла вам [т. е. Мельхиору Гриму. – Е.С.] сказать, что вправо от Танаиса Таганрог, где будет ярмарка» (Письма Екатерины Второй барону Гримму. С. 16–17 – письмо от 7 апреля 1775 г.). Придворный поэт В.И. Майков растолковывал для тех, кто аллегорий не прочитал: «Азов, где зала для кушанья, изображает изобилие, проистекающее от мира»; «Быки и фонтаны, представляющие ногайские орды, живущие в изобилии» и т. д. (Майков В. Описание разных

увеселительных зрелищ, представленных во время мирнаго торжества, заключеннаго между Российскою империею и Оттоманскою Портою. В высочайшем присудствии ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, всеавгустейшей и непобедимой монархини матери Отечества Екатерины II и их императорских высочеств, при многочисленном собрании народа, близь Москвы на Ходынке, 1775 года июля 16 дня. М., 1775).

Локусом-двойником и в то же время мемориалом Чесменской победе стали обелиск на острове в Царскосельском пруду (1777 г.), «Чесменская» церковь Рождества Иоанна Крестителя (арх. Фельтон) и «Чесменский императорский замок», местность вокруг которого отныне называлась «Чесьмою».

То же значение должны были иметь и одиннадцать памятников, которые в 1775 г. также планировала соорудить Екатерина II. Многочисленные исправления, сделанные рукой императрицы при составлении мемориальных надписей на этих памятниках показывают, какое значение приобрело для императрицы трехлетнее владение Архипелагским княжеством и как Средиземноморская операция превращалась в важный национальный символ. Вот как Екатерина замыслила «двойники» островов Архипелагского княжества:

«1. Храм крес[т] с надписью: по многим в древностей переменам остров ***Парос*** быв во власти победоносного всероссийскаго оружия, видел от 1771 до 1775 года в своем порте Ауза Адмиралтейство росийскаго ѳлота в Архипелаге, чему в память и в уподобление пароскому храму Цересы законодательнице сие здание воздвигнуто и назван сей остров Парос.

2. Плодородной остров ***Наксос*** ѳлагу российскому три году повиновался. NB построить пристань, как на Аглинской картыны с флагом российским и на пристань ставить медаль Наксоса и под ней вышеписанная подпись.

3. Гомерова гробница на острове ***Ниo*** окружена была росийскими победительми.

4. Медаль острова ***Андроса*** и подпись: Остров Андрос в древности покорялыся(?) Аѳинской Минервы по в сем веке российскому победоносному оружию.

5. Малая каменная гора, на которой ползуют змеи под ними медаль острова ***Тино*** с надписью: Сила и твердость преодолевает зависть; остров Тино в Архипелаге три года под властию был ѳлагу росиискому.

6. Центаур изломленной и плешивия голова штатуи да басамент С ПОДПИСИЮ: Остров ***Микон*** центаврами гробницею не покрывает глав твоих жителей безвласных, но лаврами покрылись бы оне, буди следовали пример победоносных росийских воинов, у них во власти были три года.

7. ***Зея***. Да взаимствуют победителей жителей острова Зея долгоденствия и да продолжателем глас славы их паравит(?) Нестором созданной храм Минервы на сем острове.

8. Остров ***Термия*** ознаметился Амфитритовы разорении в древности да в нынешном веке, что Россия принадлежал три года.

9. ***Серфо*** остров. Место убрать несколько штатуими и подпись: Медуза обращала здесь людей в каменныя штатуй, достойны суть каменных штатуи те, кои сей остров Серфу подвергли росийской державе» (РГАДА. Ф.10/1. Кабинет Екатерины. № 444. Л. 6–8).

Хотя проект этих мемориальных сооружений так и остался на бумаге, в том же ключе – на этот раз как воссоздание на берегах Черного моря символического подобия греческого пространства, думается, можно понимать и присвоение Г.А. Потемкиным «греческих» названий в новоприобретенных землях Новороссии.

Таким образом, в последней трети XVIII в. для России Средиземноморье переставало быть только центром притяжения редких путешественников, православных паломников или полумифической землей Илиады и Одиссеи. Оно приобретало выверенные картографами очертания и его земли наполнялись вполне реальными людьми, с которыми – мальтийцами, итальянцами, греками, даже турками и арабами – можно было строить вполне прагматичные отношения. И российское военное присутствие в Тоскане, и существование Архипелагского княжества подтвердили возможность более или менее успешного строительства таких отношений.

Казалось бы, что при этом многие иллюзии рухнули: 1) греки оказались далеки от воображаемых «спартанцев с православным крестом» и их освобождение перестало казаться близкой реальностью; 2) еще более иллюзорным стало завоевание Константинополя. Однако вместе с осознанием ограниченных возможностей российской военной силы, дипломатии, торговли в этом регионе открылись и новые перспективы.

Освоение Россией Средиземноморья сочетало познание неведомого и узнавание образов, давно присутствовавших в отечест-

венной культурной традиции, и желание познавать и узнавать этот регион отныне будет только расти.

Россия утверждала в Средиземноморье свои зоны влияния через демонстрацию военной силы. Но не менее успешным был и впервые столь широко использованный ею универсальный язык театрализованных представлений величия и славы империи Екатерины. Изучение этого языка Россия не прекратит и в дальнейшем.

Манящие локусы Средиземноморья – прежде всего, Святой Земли и Константинополя – в XVIII в. дополнились «местами памяти» античной цивилизации. Но древний опыт символического «перенесения», или воссоздания, сакральных локусов в иной географической среде (напомним, например, Новый Иерусалим, Голгофу на острове Анзер, «иерусалимскую» топографию Киева или Кашина и прочее), как оказалось, сохранял свою привлекательность и в новое время, когда и иные «недосягаемые» и уже лишенные сакрального статуса земли порой тоже обретали своих двойников.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

М. Алёшин (Москва)

ЗАПАДНОДВИНСКИЙ ТОРГОВЫЙ ПУТЬ

Западная Двина имеет протяженность 1030 км, протекает по территории современных Латвии, Белоруссии и России. Она — единственная река, названная в рунических надписях на мемориальных стелах скандинавов; в «Саге о Хрольве Пешеходе» утверждается, что «эта река — третья или четвертая по величине на земле» (Джанксон Т.Н. Восточноевропейские речные пути на «ментальной карте» средневекового скандинава // Ad Fontem / У источника: сб. ст. в честь С.М. Каштанова. М., 2005. С. 127). Литовское название Даугава произошло, скорее всего, от двух древнебалтских слов: «daug» (много, обильно) и «ava» (вода). Русское название «Двина» впервые упоминается в Повести временных лет.

Западная Двина — важная часть торговых путей между Западной, Восточной и Северной Европой с Востоком. Свое торговое и транспортное значение она потеряла только к концу XIX в. в связи со строительством железных дорог. В древности Западная Двина являлась началом водного транспортного пути «из Варяг в греки», а позже стала основной магистралью в торговле Ганзы с Восточной Европой, что обеспечило ей внимание со стороны исследователей. Однако большая часть исследователей интересовалась социально-политическим и экономическим аспектом взаимоотношений между Ганзой и Восточной Европой, как правило, не ставя перед собою задачу изучить историко-географические вопросы функционирования Западнодвинского торгового пути.

Исключением является фундаментальный труд по истории торговли Ганзы на территории Прибалтики Л.К. Гоетца, в котором большое внимание уделяется историко-географическим сюжетам (Goetz L.K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters.

Luebeck, 1922.). Автор, помимо изучения торговой политики Ганзы и русских городов, исследует известные торговые пути, описывает их направление, основные опорные пункты и историю использования.

Монополией на перевозку по Западной Двине обладал Полоцк. Полочанами для полного контроля всего пути в XI в. были построены на территории ливов два укрепленных города в устье реки (Кокнесе /Кукенойс и Ерсика), возведены Витебск на месте волока между Западной Двиной и Днепром. Однако уже к началу XIII в. Полоцк потерял свою политическую самостоятельность и вошел в состав вначале Смоленского княжества, а к середине XIV в. — Великого княжества Литовского. Это не лишило его монополии на перевозки по Двине; она была закреплена договором между Ригой и Смоленском 1229 г. По данному договору, товар, предназначенный для торговли с Русью, доставленный в Ригу по морскому или сухопутному пути из других ганзейских городов и с острова Готтланд, загружался на русские корабли и дальше перевозился по Западной Двине вверх по течению и наоборот.

Как пишет Гоетц, судоходство на Двине осуществлялось с весны до осени, а зимой ее берега продолжали функционировать как дороги. По источникам известно, что состав каравана зимой мог достигать до 40 саней. На Западной Двине в качестве судов использовались струги.

Рига, Полоцк и Витебск являлись транзитными торговыми городами и первыми местами сбыта. Рига присоединилась к союзу Ганзейских городов в 1282 г., что предопределило существенные изменения в торговых отношениях XIV-XV вв. Ганзейские купцы добивались большего количества привилегий для себя за счет притеснения своих конкурентов. Так, к XIV в. не-ганзейским купцам была запрещена розничная торговля в Риге, а оптовая торговля должна была осуществляться только с ганзейцами. В ответ на это, Новгород и Полоцк ввели аналогичные запреты у себя уже для ганзейцев.

На протяжении всей своей истории Рига концентрировала всю свою торговую политику на торговле по Западной Двине, пренебрегая другими торговыми путями. Помимо нее Западную Двину пытался контролировать Орден, который ради достижения свой цели часто под различными предлогами закрывал Западную Двину для

торговли. Несмотря на все запреты, торговля продолжалась из-за огромной выгоды, редко прерываясь на несколько лет (возможно вовсе не прерываясь).

Западная Двина являлась частью всех торговых путей, проходящих через Ригу из Западной и Северной Европы на Русь. Из шести торговых путей между Новгородом и Ригой пять включали в себя Западную Двину. Основными направлениями были Восток (Булгария, Золотая Орда) и Юг (Крым, Персия и т. д.).

Расцвет торговли по Западной Двине следует отнести к XIV-XVI вв., когда Ганза еще имела власть, а Рига и Новгород не были силой подчинены Речи Посполитой и Московскому государству. Однако даже после этого Даугава остается важной магистралью в Прибалтике и Северо-Восточной Европе.

Изучение Западнодвинского торгового пути имеет широкие перспективы. Если политические и экономические связи между Западом и Востоком, торговля Ганзы и Новгорода изучены подробно, то вопросы о ее природных и географических составляющих упоминаются лишь вскользь. Источники (торговые договоры, судебные разбирательства, прошения, дипломатическая корреспонденция, торговые книги ганзейских купцов, летописи) позволяют ставить и решать вопросы о составе отдельной торговой экспедиции, ее транспортном обеспечении, руководстве, постоянных местах остановки кораблей, гидрографии маршрута т.д. Необходимо учитывать данные археологических исследований.

О.В. Андреева (Москва)

К ВОПРОСУ О ГОРОДЕ КАК ИСТОРИКО-КНИЖНОМ ИСТОЧНИКЕ

Интерес к теме «город как социокультурное пространство» возник в русле «локального метода» и породил целый ряд работ, ставших важной вехой в изучении данного вопроса. В работах И.М. Гревса, Н.П. Анциферова, Н.К. Пиксанова, С.В. Бахрушина, Д.Н. Кайгородова были разработаны оригинальные методики изучения историко-культурных ландшафтов. Как уже неоднократно отмеча-

лось, современные подходы в книговедении предполагают изучение книги «в человеческом измерении», а это диктует интерес и к пространственным формам ее существования. В нашей работе, посвященной источниковому потенциалу произведений архитектуры (Архитектурные источники по истории книги (1920-1930-е гг.) // Книжный рынок России: История, теория, практика: Межвед. сб. науч. тр. М., 2002. Вып. 1(9). С. 114-139), мы рассматривали архитектурный артефакт как самостоятельный объект источниковедческого изучения. Дальнейшее углубление приводит нас к необходимости погружения этих артефактов в топографическую реальность, то есть представление их как органической части, важного и неотъемлемого элемента городского социокультурного ландшафта. Другими словами, возникает задача а) выявить следы книги на «информационном поле» города; б) раскрыть средоформирующую и культурогенную роль книги в социально-пространственной структуре города; в) показать влияние книжных локусов Москвы на формирование культурно-исторического и эстетического образа города; г) раскрыть значение книги как репутационного фактора для отдельных районов города. Результатом должно стать представление о городской среде как историко-книжном источнике.

Город представляет собой социокультурный синтез пространства и времени. Городская территория — это сложная топокультурная структура, в которой на разных уровнях и с разной степенью интенсивности происходит взаимодействие человека и среды (в нашем случае — это пересечение функциональных полей человека и книги). Пространство, таким образом, обнаруживает себя прежде всего как социальная сфера, в которой действует человек. Это не только (и не столько) здания, улицы и т.п., но и процессы, протекающие в них и формирующие их материальные черты.

Конечно, город — не вполне обычный и традиционный исторический источник. Прежде всего, следует отметить большую, чем при работе с другими материалами, роль внеисточникового знания. В этом случае, пожалуй, невозможно требовать от историка полного отрешения от уже имеющихся у него представлений о предмете, от внеисточниковых, доисточниковых трактовок и характеристик, как к этому призывал Н.П. Анциферов, утверждавший, что «genius loci требует ясного взора, не отуманенного хотя бы подсознательными, произвольными образами» (Анциферов Н.П. Душа Петер-

бурга. Пг., 1922. С. 21). Город — многоуровневый источник, представляющий собой синтез первичного и вторичного, непосредственного и опосредованного. С одной стороны, изучение города должно строиться на основе непосредственного, чувственно-эмоционального его восприятия. С другой стороны, источником суждения о нем являются иные исторические свидетельства (картографические материалы, фотографии, мемуары, данные топонимики, произведения фольклора, художественной литературы и изобразительного искусства и др.). В принципе сказанное можно отнести к любым источникам, однако в тех случаях, когда речь идет о понятиях отвлеченных, таких как историческое время, географическое пространство и т.п., значение указанных материалов намного повышается.

Своеобразие города как исторического источника состоит также в том, что далеко не все его элементы «доживают» до того времени, когда, став объектом интереса исследователя, они приобретают указанный статус. Так источником становится «отсутствующее», «пустотное», «развоплощенное». Но и в этом случае мы не имеем оснований отказывать городу в праве быть свидетельством истории. Не простая реконструкция объекта городской среды, а именно многослойность этого источника помогает в данном случае «воскресить умершее» в его материальном и идеальном воплощении. Как говорил один из исследователей, «учреждения памяти не имеют… но пространство способно запомнить многое» (Цит. по: Гаскюэль Ж. Пространство для книги. М., 1995. С. 13).

Еще одна сложность в работе с изучаемым источником проистекает из обычной исследовательской ситуации, когда историк должен учитывать оппозицию онтологического и эпистемологического, то есть город как реальность прошлого и город как источник научного познания этого прошлого. В данном случае наш специфический объект в большой степени подвержен изменению, трансформации, перестройке (в прямом и переносном смысле слова). Вследствие такой изменчивости лица города наши представления об его прошлом могут оказаться искаженными настолько, насколько разнятся жизнь и восприятия наши и людей того времени. Они не так, как мы, ощущали себя в городе, их перцептивные реакции могли быть иными.

При взгляде на карту объектов книжного дела можно видеть, что для них характерно компактно-дисперсное расположение, при-

чем с течением времени выраженная локальность традиционных книжных гнезд центра сменялась все большей дискретностью отдельных предприятий. Особенно активным этот процесс стал в 1930-е гг., когда в ходе социалистического строительства была выдвинута задача первоочередного «обслуживания книгой» населения рабочих окраин. Уже после войны в этих районах начинают формироваться новые композиционные центры книги.

«Территория книги» в культурном ландшафте города отмечена во все времена прежде всего предприятиями книжной торговли, гораздо более яркими, нежели типографии или издательства. Это легко объясняется направленностью первых вовне, то есть на потребителей, жителей города. Ведь всегда необходимо привлечь их внимание, выделить книготорговое заведение среди других зданий. Предприятия книги в разных частях города имели свой couleur locale, но всем им были присущи типичные черты, они несли в себе «родовой образ» (Н.П. Анциферов), наделявший городское пространство определенным смыслом.

С.В. Андрушко (Гомель, Белоруссия)

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНТРОПОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ГЕОСИСТЕМЫ ЮГО-ВОСТОКА БЕЛАРУСИ

За длительный период антропогенного воздействия естественные ландшафты претерпели значительные изменения, вызванные расселением человека и интенсивным использованием природных ресурсов. В результате такого влияния естественные геосистемы трансформируются в природно-антропогенные, включающие в себя преобразованные компоненты ландшафта. Характеристика подобных процессов в историческом аспекте позволяет определять предпосылки современного состояния геосистем и прогнозировать их развитие в будущем.

В качестве объекта исследования выбраны геосистемы юго-востока Беларуси, отличающиеся достаточным ландшафтным раз-

нообразием и особенностями антропогенного воздействия, что позволяет характеризовать историко-географические особенности развития указанной территории. Природно-ландшафтная структура на уровне родов представлена моренно-зандровым (35,2%), вторичным водно-ледниковым (18,4%), аллювиальным террасированным (27,5%), пойменным (8,1%), озерно-аллювиальным (10,1%) и вторично-моренным (0,7%) ландшафтами (Ландшафты Белоруссии, 1989)

Для исследования исторических аспектов антропогенного влияния в пределах юго-востока Беларуси проведена периодизация с учетом особенностей природопользования, расселения и антропогенной трансформации ландшафтов. Выделены этапы: 1-й этап – 1 тысячелетие до н.э. (время распространения милоградской археологической культуры); 2-й этап – I-VIII век нашей эры (время распространения Зарубинецкой, Киевской и Колочинской археологических культур); 3-й этап – IX-XVI век; 4-й этап – XVII-XIX век и 5-й этап – XX век. Оценка антропогенной нагрузки проводилась с использованием следующих показателей: плотность поселений (единиц на 100 км2); средняя людность поселений (человек); сельскохозяйственная освоенность (площадь земель, занятая под земледелие, %).

Основным фактором антропогенных изменений ландшафтов на 1 и 2 этапах следует считать подсечно-огневое земледелие, которое повсеместно применялось в этот период в условиях широколиственных лесов умеренного климата. На основе анализа литературных источников (Краснов, 1971; Милов, 1998) установлено, что при подсечно-огневом земледелии для обеспечения 1 человека требуется 0,5-1 га подсеки. С учетом нормы площади подсеки, необходимой для обеспечения ресурсами одного человека, величины людности и плотности населения на этапе определяется величина антропогенной нагрузки на ландшафты.

В 1 тысячелетие до н.э. антропогенным изменениям, связанным с подсечно-огневым земледелием было подвержено в среднем 29% территории. Плотность населения оценивается в 3,4 человека на км2, максимальная плотность населения приходится на моренно-зандровый ландшафт – 4,4. Наибольшие изменения, так же вероятно, имели место в моренно-зандровом ландшафте (до 66% площади), и в аллювиальном террасированном (до 53%). В наименьшей степени были изменены озерно-аллювиальный и пойменный ландшафты (до 5%).

В 1 тысячелетии нашей эры антропогенная нагрузка снижается: уменьшается общие число поселений (в 1,34 раза) и, вероятно, их людность. Антропогенные изменения, связанные с земледелием, затрагивают около 12 % площади района. Плотность населении менее 1 человека на км2 (максимальная плотность в моренно-зандровом ландшафте – 1,48). Наибольшая нагрузка приходится на моренно-зандровый (до 22%) ландшафт, а так же вторичный водно-ледниковый и аллювиально-террасированный – до 7 %.

К концу первого тысячелетия на территории лесной зоны Восточной Европы основной формой земледелия является пашенное земледелие, основанное на различных вариантах паровой системы земледелия (трехполье, перелог), принципиально отличной от подсечно-огневой системы (Археалогія Беларусі, 1999; Бобровский, 2007).

На третьем этапе антропогенным изменениям подвергается в среднем до 4,4% территории, а средняя плотность составляет 1,4 чел/км2. Наиболее преобразованным на данном этапе является моренно-зандровый ландшафт до 7,5%, в то время как преобразованность других ландшафтов составляет в среднем 2-3%. В то же время увеличивается глубина антропогенных воздействий, обусловленная рядом факторов: 1) смена подсечно-огневого земледелия на пашенное земледелие; 2) появление и рост городов (и соответственно интенсификация природопользования).

В течение четвертого этапа освоения территории антропогенные изменения проявились на 50% территории. Средняя плотность увеличилась до 17,7, максимальная плотность отмечена в моренозандровом ландшафте 23,4. На 4 этапе происходит значительное увеличение сельскохозяйственной освоенности по сравнению с третьим – до 45-70%. Значительно увеличивается площадь земель, испытывающих интенсивную сельскохозяйственную нагрузку. Наибольше изменения отмечены в морено-зандровом ландшафте (46-70%) и вторичном водно-ледниковом (37-56%). Средний уровень освоенности характерен для аллювиально-террасированного (до 45%) и озерно-аллювиального (до 38%) ландшафтов.

Пятый этап характеризуется возникновением наибольшего числа населенных пунктов, появившихся в советский период. В целом характерна наибольшая плотность населения (23,6) и сельскохозяйственная освоенность (53,5%). Наибольшая величина освоенности характерна для морено-зандрового ландшафта – 60,3%. Так же здесь отме-

чена наибольшая плотность населения – 31,8. Несколько меньшей освоенностью отличается вторичный водно-ледниковый ландшафт – 57,9% и аллювиальный террасированный – 33,4% ландшафты.

Таким образом, выполненные исследования показывают: 1) в течение рассматриваемого периода происходил неравномерный рост антропогенной нагрузки (имеет место снижение антропогенной нагрузки в 1 тысячелетии н.э.), причем наиболее существенные изменения наблюдаются начиная с XVII века; 2) на протяжении всего периода, вне зависимости от смен систем природопользования, наибольшая антропогенная нагрузка приходилась на геосистемы моренно-зандрового ландшафта.

А.Б. Асташов (Москва)

БОЕВАЯ ПОЗИЦИЯ КАК ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ФАКТОР РУССКОГО ФРОНТА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

XX век, породивший феномен мировых войн, создал также и фронтиры временного образования. Рассмотрение особенностей временных культурно-хозяйственных пространств XX века как особой хозяйственно-трудовой среды в условиях военного конфликта может по-новому представить ход военных действий и социальную историю Русского фронта, ее влияние на военный опыт русского-комбатанта.

Строительство долговременных позиций, само принятие «правил» позиционной войны имело на Русском фронте собственную историю, в отличие от Западного фронта войны. В основу такой позиции бралось устройство нескольких, не менее двух, укрепленных полос (позиций) с расстоянием между первой и последней в 5–8 верст. В позиции устанавливалось четкое деление на полосы и линии. В каждой из полос предусматривалось построение трех линий обороны, собственно окопов и траншей. На всем Русском фронте проводились масштабные работы по укреплению оборонительных позиций и в глубину на десятки и даже сотни километров от передовых позиций. На лето 1916 г. такие работы велись на Северном фронте на протяжении 2500, на Западном – 2300, на Юго-Западном – 2500 верст (РГВИА. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 10. Л. 125 об).

Важнейшей особенностью позиций на Русском фронте было недостаточно точно определенное ее построение. Реально войска держались за первую полосу в ущерб укреплению второй, основной. Главная причина была в недостатке рабочих, подвод и материалов. Кроме того, переходя с рубежа на рубеж при продвижении вперед, войска поневоле бросали прежние окопы незаконченными (РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 54. Л. 135–136 об). Это приводило к путанице в инженерных работах, когда войска непроизводительно совершенствовали и занимали участки позиций (то же. Л. 140, 218, 219 об., 200-202, 220–223, 233–234). На состоянии позиции сказывалось пренебрежение роли инженерного ведомства в организации обороны. Порою командование вообще констатировало «отсутствие кордона» с противником (РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 82. Л. 14), фактически навязавшим невыгодные позиции чуть ли не на всем протяжении фронта в ходе летнего наступления 1915 г. Тыл фронтов работал в России совсем по-другому. Командование было обременено хозяйственными задачами, от чего командование армий на Западном фронте войны было избавлено, поскольку там центр тяжести материального обеспечения полевой армии перекладывался на военные органы внутри страны.

Конструкция передовой полосы на Русском фронте, ее техническая насыщенность определили и стратегию в решающие 1916–1917 гг., и боевую работу всей Русской армии, и феномен ее развала на разных фронтах. Для всего Русского фронта было характерно превосходство живой силы над противником при нехватке оборонительных сооружений, вооружений и техники. Это привело к смещению всех оборонительных усилий именно на театр военных действий, а внутри него – на первую оборонительную полосу, что приводило к сбою ритма деятельности войск, как в ходе атак, так и в повседневной ратной службе. Если сравнить боевую деятельность, ратный труд русского комбатанта с производственной, промышленной работой в цеху, то следует констатировать нахождение «рабочей силы» в крайне необорудованных «цехах», плохо снабжаемых «сырьем», «рабочим инструментом», но при этом находящихся в условиях крайне напряженного, задаваемого извне трудового ритма. Этот фактор сыграл важнейшую роль усталости, накопившейся к 1917 г. (Усталость от войны сказывалась и в армих других стран, однако, значительно позднее, на год-полтора, чем в России. См.: Watson Alexander. Enduring the Great War: Combat, Morale and Collapse in the German and British

Armies 1914–1918. Cambridge Military History Series. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 234–237).

Было и различие оборонительной полосы на различных фронтах в Русской армии. Необходимость защиты в первую очередь Петроградского района потребовала чрезвычайных усилий на Северном фронте и частично на Западном фронтах. Здесь противником была навязана позиционная война в наиболее тяжелой ее форме: постоянные оборонительные работы, сопровождавшиеся методичным натиском противника при невозможности сколько-нибудь серьезно поколебать его позиции. Деятельность этих фронтов по обеспечению защиты важнейших центров страны привела к той изнурительной работе войск, комбатанта, к которой они не были готовы. В этом и причина наибольшего революционизирования Северного фронта по сравнению с другими фронтами.

Система оборонительных мероприятий определила и характерные только для северной части Русского фронта формы нарушения дисциплины. Условия множества работ на Северном фронте создавали ситуацию полного прикрепления войск к территории, что привело к феномену «бродяжничества» – то есть «законного», с периодическим возвращением в части, нарушения дисциплины солдатами, в отличие от прямого дезертирства на Юго-Западном фронте. Условия ратного труда на Северном фронте, вобравшего в свой тыл Петроградский район, поставили комбатанта в равные условия с основной массой населения, а «ползучее», «легальное» нарушение дисциплины обусловило «незаметное» для властей соединение фронтового (солдатского) и городского (рабочего, беженского) протеста.

Особенности инженерного оборудования на разных фронтах привели и к особенностям стратегических просчетов в ходе боевых действий в 1916–17 гг. На Северном фронте в 1916 г. командование, опасаясь потерять линию обороны, столь дорого доставшуюся в течение ее строительства, не поддержало Брусиловский прорыв. На Юго-Западном фронте, недостаточно оборудованном в инженерном отношении, командование легче шло на наступления. Однако после скромных результатов Брусиловского прорыва, подчиняясь законам позиционной войны, и здесь командование встало перед необходимостью отстраивать постоянную позиционную линию. Это сочетание боев и одновременных строительных работ на Юго-Западном фронте во второй поло-

вине 1916 г. привело к крайнему напряжению сил комбатанта, что обусловило волну солдатских бунтов накануне Февральской революции.

А.Г. Баранов (Москва)

БУМАЖНЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (ВЕСНА—ОСЕНЬ 1918 Г.)

В период революционных потрясений или административно-территориального переустройства государства зачастую меняются названия отдельных населенных пунктов, территорий и даже стран, что находит свое отражение в бумажных денежных знаках или монетах. В качестве примера рассмотрим Северо-Кавказский регион России, который к началу 1917 г. в административном отношении был разделен на четыре области (Область Войска Донского, Кубанская, Терская, Дагестанская) и две губернии (Ставропольская и Черноморская).

Одним из последствий революционных потрясений 1917 г. в России стала сегментированность государственной власти. Она ярко проявилась в возникновении многочисленных республик в границах отдельных областей, губерний и даже сел. На территории Северного Кавказа наиболее крупными были Кубанская, Черноморская, Терская и Ставропольская республики, возникшие в пределах одноименных областей и губерний. Употребление слова «республика» на Северном Кавказе скорее было данью времени и моде. Вероятно оно свидетельствовало о принадлежности той или иной области или губернии к РСФСР и об их приверженности Советской власти. Так, если Кубань и Черноморье назывались республиками с момента провозглашения в этих регионах власти советов, то Терская область стала именоваться Терской республикой, если судить по материалам съездов народов Терека, с IV съезда (23 июля — 21 августа 1918 г.), с легкой руки Чрезвычайного комиссара Юга России Г.К. Орджоникидзе.

Можно утверждать, что слово «республика» употреблялось применительно к административно-территориальным единицам

Северного Кавказа как синоним понятий «область», «край», «губерния», где установлена власть советов. Его использование отнюдь не свидетельствовало о стремлении той или иной области или губернии к государственному обособлению от центра. С другой стороны, это название отражало состояние, переживавшееся российской государственностью, — обособленность различных административных территорий России, которая сложилась в течение 1917 г. и усилилась на Северном Кавказе в 1918 г. в условиях почти постоянного и полного отсутствия связей с центром.

К началу весны 1918 г. вся территория края была объявлена составной частью РСФСР. Однако власть советов, установившаяся на Северном Кавказе в конце 1917 г. — начале 1918 г., не была долговременной. В административных центрах Черноморья, Кубани, Ставрополья, Терека этот период длился соответственно с 14(1) декабря 1917 г. по 26 августа 1918 г., с 14(1) марта 1918 г. по 16 августа 1918 г., с 14(1) января 1918 г. по 16 ноября 1918 г., с 19(5) марта 1918 г. по 11 февраля 1919 г. То есть в Новороссийске — более 8 месяцев, в Ставрополе — 10, во Владикавказе — 11. Несмотря на столь короткое время своего существования, местные органы советской власти для решения насущных экономических вопросов успели осуществить эмиссии региональных денежных знаков, несших на себе признаки административно-территориальных преобразований. В этом ключе наиболее заметными стали выпуски Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики.

В конце июня 1918 г. Екатеринодарское отделение Государственного банка приступило к подготовке выпуска новых денежных знаков. В виду того, что 6 июля 1918 г. Кубано-Черноморская и Ставропольская советские республики объединились в Северо-Кавказскую советскую республику в составе РСФСР, эмиссия 50 и 100 рублевых бон стала ее первым выпуском. Эти боны получили в народе прозвище «вексель-боны», «белые боны» или «табачные деньги». Такие названия они получили из-за того, что печатались на вексельных бланках изготовленных Экспедицией заготовления государственных бумаг, белого цвета, текст помещался только на одной стороне, и в нем имелось предложение: «Бон обеспечен обязательством Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики под поступления табачного акциза». Это было довольно слабое обеспечение, но, тем не менее, весьма оригинальное. Печа-

тались они в типографии Союза рабочих печатного дела (бывшая типография Дицмана) по адресу ул. Екатеринодарская, д. 32.

После падения Екатеринодара временной столицей Северо-Кавказской ССР стал Пятигорск, в котором были осуществлены еще три эмиссии денежных знаков.

1. Временное Центральное Управление отделениями Народного банка. Боны достоинством в 25, 50 и 100 руб. напечатаны на частях вексельной бумаги 10, 15, 30 коп.

2. От имени Северокавказской Советской Социалистической республики. Без названия, достоинством 10 и 25 руб. Денежные знаки этой серии отпечатаны в Пятигорске в сентябре 1918 г. в бывшей типографии Нагорова.

3. Краевой исполнительный комитет Советов Северного Кавказа. Денежные знаки достоинством 5, 50, 100, 250 и 500 руб. Отпечатаны в Пятигорске в бывшей типографии Нагорова.

Неофициально в состав Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики входила Терская республика. Ее Совнарком проводил самостоятельную эмиссионную политику и выпускал свои денежные знаки, игравшие заметную роль в денежном обращении Северного Кавказа. Первыми из них явились так называемые контрольные марки, выпущенные от имени Терско-Дагестанского правительства.

Терская республика испытывала настоятельную необходимость в дополнительных денежных эмиссиях. Терский Совнарком декретом № 67 разрешил выпуск разменных бон на 50 млн руб., купюрами в 1, 3, 5, 10, 25 и 100 руб., обеспечивая их государственными кредитными билетами и всем достоянием Терского края.

Все терские разменные знаки на бумаге без водяных знаков, исполнены литографским способом в типографии инженера С.П. Кузьмина. Было много фальшивых, особенно достоинством в копейках и в 25, 50 и 100 руб., Встречаются и настоящие со штемпелем «фальшивый», т. е. те, что были украдены (100 руб. с литерами Г или Д). С формальной стороны, выпуски Терского СНК были узаконены и включены в общегосударственную советскую эмиссию на основании Декрета СНК РСФСР от 1 октября 1918 г. «О предоставлении Пятигорскому отделению Народного банка права выпуска временных кредитных билетов на сумму до 50 миллионов рублей».

Осенью 1918 г. на всем Северном Кавказе установилась власть администрации Вооруженных Сил на Юге России, которая проводила унификацию денежного обращения и изымала из оборота всякого рода местные, городские и республиканские дензнаки.

С.И. Баранова (Москва)

ИЗРАЗЦЫ ИЗ КОЛОМЕНСКОГО ДВОРЦА: ГЕОГРАФИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИМПУЛЬСОВ

Средневековую историю московского изразца можно представить как ряд попыток русских мастеров усвоить художественные и технологические тенденции западноевропейского художественного ремесла. Влияние в той или иной степени осуществлялось на протяжении всего позднего средневековья. Известны многочисленные случаи прямых заимствований (технологий, орнаментов), работы в России европейских мастеров. Заимствования стали во многом определяющими для становления русского изразца.

Особенно ярко воздействие нового блока материала, поступившего в распоряжении знати благодаря усилиям патриарха Никона и результатам войны с Речью Посполитой, выразилось во второй половине XVII в. Новые технологии (цветная эмаль, высокий рельеф), художественные особенности (полихромия, сюжеты, орнаменты, сложные композиции) внесли существенные изменения в экстерьерное и интерьерное убранство, смыв раннюю терракоту. Язык новых изделий составил резкий контраст архаизирующему направлению в производстве изразцов. Сведения о работе иностранных мастеров в этот период связаны в нашей историографии почти исключительно с белорусскими мастерами. Их деятельности посвящено значительное количество исследований.

Для изучения истории изразца в России важным источником являются изразцы Коломенского дворца. В настоящее время они являются наиболее многочисленной и цельной из существующих коллекций изразцов от единого дворцового комплекса. Введенные в научный оборот коллекции подобного рода (дворцы царя Алексея Михайловича на Лосином острове в Слотине, палаты царицы Ната-

льи Кирилловны в Кремле и др.) не обладают подобным потенциалом. Как правило, они дают лишь фрагментарное представление об объекте исследования.

Собранная в результате почти столетней истории археологических раскопок коллекция изразцов, хранящаяся в музее, позволила составить представление о характере печных изразцов дворца. Изразцы из дворца принадлежат к широко распространенной разновидности печных наборов, состоящих из «типовых» орнаментов стенных изразцов и изразцов вспомогательной группы. Большинство изразцов находят ближайшие аналоги среди столичных изразцов, как печных, так и фасадных. Они были распространены не только в Москве, но и в разных городах Русского государства. Такие печные наборы можно именовать «московскими».

Поиски аналогов приводят нас на запад, к польско-литовским прототипам, а от них к многочисленным печам Германии и Швейцарии.

Таким образом, изразцы дворца «уводят» нас значительно западнее городов, откуда происходят мастера ценинного дела. В середине XVII в. восточные области современной Белоруссии входили в состав литовской части Речи Посполитой. Наметившийся еще в эпоху становления Великого княжества Литовского процесс усвоения западными русскими землями европейских художественных тенденций совпал по времени с периодом становления в ряде заальпийских стран (прежде всего в Германии, Чехии и Польше) печного изразца как новой формы архитектурно-декоративной керамики. В этот культурный процесс почти сразу были органично включены (напомним о схожести климатических условий) практически все восточноевропейские территории. Об этом свидетельствует возникшая примерно с XV в. синхронность в развитии стадиально однородных явлений в западно- и восточноевропейском изразце. Можно уверенно говорить об общности мотивов и орнаментов польско-литовских и западноевропейских изразцов, проявившейся не только в выборе сюжетов, но зачастую и в детальном сходстве элементов. Появляются и новые сведения о контактах восточноевропейских мастеров, например, с изразечниками Германии. Мастера, приехавшие из-за польско-литовского рубежа, безусловно, были носителями европейской традиции. Не случайно этих мастеров в документах того времени называют литовцами или поляками, но не белорусами.

В Московии, где заимствование творческого опыта проходило в санкционированных доминирующими чертами культуры формах, европейская традиция претерпевала значительные изменения. В развитии оформления русских изразцов устанавливаются собственные традиции и, несмотря на роль западноевропейских влияний, в окончательном варианте ведущую роль играют именно они. Выбор был продиктован свойствами национального художественного сознания, поэтому заказчики и мастера сделали его в пользу орнаментального декора.

В этой связи изразцы из деревянного дворца в Коломенском можно рассматривать как срез художественного вкуса, сформированный искусством отбора потребления. Они являются наиболее полным отражением существующей во второй половине XVII в. тенденции развития русского изразца, своеобразным зеркалом пристрастий художественного вкуса своего времени, демонстрирующего яркий пример трансформации художественных импульсов, идущих из Европы.

И.П. Басалаева (Новокузнецк)

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ТЕОРИИ ФРОНТИРА

В результате «пространственного поворота» отечественной гуманитаристики рубежа XX–XXI вв. проблематика, традиционно локализуемая в дисциплинарных рамках исторической географии, приобрела особую актуальность. Постсоветская Россия заново «открывает» (конструирует) регионы в рамках процесса регионализации как такового (с чем связано «перекраивание» социально-политического пространства страны, её «губернализация» и «муниципализация»). С другой стороны, происходит новое открытие региона как концепта – в рамках процесса регионализации научного знания.

В советское время хорологический подход был фактически табуирован, к тому же строго соблюдалась негласная иерархия предметов исследования, согласно которой сфера «большой истории» (партийной, государственной, индустриально-экономической…) была монополизирована столичными учёными, а региональная

доставалась в удел историкам провинциальным. В последние два десятилетия «мэйнстрим» постсоветской историографии ориентирован диаметрально противоположно: разрабатывается преимущественно локальная тематика, а к сюжетам «большой истории» применяется микрометодология. Региональные исследования 1990-х вернули научный статус краеведению, низведённому в СССР до уровня любительского кружкового занятия; дополнительным эффектом стало возрождение исторической урбанистики. В рамках новой истории империй были «реабилитированы» исследования колонизации и колоний и компаративистика.

Одним из выраженных направлений постсоветской историографии является сибиреведение. В нём активно осуществляется поиск подходящей методологической рамки, в которой присоединение Сибири к Российскому государству получило бы новую трактовку. Таким «обетованием» нетривиальной интерпретации обширного сибиреведческого материала в глазах многих постсоветских историков выступает концепция фронтира. Заметим, однако, что однозначного решения вопроса о её применимости к российскому (прежде всего сибирскому) материалу на сегодняшний день не существует. Современная историография фронтира имеет ряд серьёзных методологических затруднений, не разрешимых средствами «чистой» историографии и требующих применения междисциплинарного подхода. К ним относятся:

- Отсутствие критериев фронтирных территорий. В этом отношении фронтирная концепция всё ещё не вышла из поля конкретно-исторической проблематики (где описание богатого материала даёт возможность фиксировать различия) и не перешла в поле классифицирующей аналитики, где устанавливаются категориальные (общие) признаки.
- Следствием не разработанности индикаторов фронтирных территорий является невнятность соответствующих типологических моделей фронтира. Явный симптом недостаточности осмысления фронтира – тяготение этих моделей к колонизационной типологии, выработанной в традиционной историографии.
- Фронтир не тематизирован как пространственное (хорологическое) par excellence явление. Фронтирная концепция практически не применяется к анализу урбанистических процессов на территории Сибири.

• Одним из следствий «узурпации» концепции фронтира историками стало то, что фронтир рассматривается почти исключительно на историческом прошлом, без содержательного анализа «фронтирного шлейфа» в новейшей истории Сибири. Исключением являются работы лишь нескольких современных авторов.

Идеальной рамкой для дальнейшего развития фронтирной концепции может стать теоретическая география. Её ресурсы позволяют:

1. Решить проблему определения фронтирных ареалов/зон. Теоретическая география, работающая с географическим материалом в логике моделирования идеальных объектов, даёт возможность установить, в частности, такое важнейшее для фронтирной концепции понятие, как город Западной Сибири (ключевой фронтирный район);

2. Решить проблему понимания граничности фронтира, составляющую явную методологическую трудность для историков;

3. Квалифицировать статус территории «входа» доминантной фронтирной группы. Историческое пространство юго-западной Сибири на момент прихода русских можно квалифицировать как деконцентрированное (с допущением существования специфической доиндустриальной концентрации). Термин деконцентрация позволяет снять эволюционистскую иллюзию «пустоты» и «незаселённости» территорий русского продвижения. Нарастание пространственной концентрации в ходе фронтирного взаимодействия усиливает различия и сопровождается процессом новой стратификации образующихся сообществ, а также появлением новых разнообразных фокусных мест – прежде всего городов.

4. Объяснить специфическую подвижность (пульсацию) географической локализации фронтира. Фронтирная зона конституируется в качестве таковой только в контексте более широкого единства. Оно же может провоцировать ситуации периодической смысловой и функциональной инверсии зональности, т. е. несовпадение реального порядка расположения зон с теоретически ожидаемым.

5. Поставить проблему современного статуса «бывших» фронтирных территорий. Одним из «узких мест» теории фронтира является непоследовательность в характеристике актуального состояния некогда фронтирных территорий, другими словами – сложность

фиксации «фронтирного шлейфа» сугубо историческими инструментами. Аналитический фундамент теоретической географии может стать основой для «встречи» колониальной и фронтирной линий современного сибиреведения. Главный вопрос при этом: возможно ли изживание фронтирности («дефронтиризация») для стигматизированных подобным историческим опытом территорий и территориальных сообществ?

6. Наконец, позиционировать фронтирный опыт как путь к провинциализму/периферийности.

М.В. Батшев (Москва)

ГЕРМАНИЯ ГЛАЗАМИ БРАТЬЕВ ТУРГЕНЕВЫХ В НАЧАЛЕ XIX В. (ПИСЬМА И ДНЕВНИКИ КАК ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА)

Семья Тургеневых одна из самых заметных в истории русской культуры XIX. Глава семейства Иван Петрович Тургенев происходил из рода мелких дворян Симбирской губернии, не имея влиятельных покровителей в Петербурге, сумел самостоятельно сделать блестящую карьеру, был попечителем главного учебного заведения Российской империи – Московского университета. Дети И.П. Тургенева получили прекрасное образование: окончили курс в Московском университете, а затем продолжили учиться Геттингенском университете. В период обучения в Геттингене братья Александр и Николай Тургеневы вели дневники, записи в которых не ограничивались только рассказами о лекциях и семинарах профессоров, в них находилось место и для описания немецкой действительности, и для рассуждений о ней. Кроме дневников, сохранилось много писем братьев Тургеневых друг другу и самым разным людям. Их дневники и часть переписки между ними опубликованы в «Архиве братьев Тургеневых» (Вып. 1–6. СПб.–Пг., 1911–1921).

Александр был в Германии в1803–1805 гг., а Николай – в 1809–1811. Младший из двух братьев, Николай, по своему характеру человек мало склонный любоваться «красотами натуры», хотя и не был совсем чужд интереса к красоте ландшафта, все же предпочи-

тал обозревать различные машины и прочие творческие достижения немцев. Он надеялся увидеть все новое, полезное и интересное, что придумано в Европе и что можно было бы потом перенять для использования в России. У старшего брата, Александра, напротив, на первом месте красоты живой природы, а уж потом творения рук человеческих.

Внимание путешественников привлекают самые разные подробности немецкой жизни, внешнего облика германских городов и их внутреннего устройства: «Я, кажется, ещё не писал здесь о прекрасной аллее при въезде в Берлин, простирающейся около мили: в шесть рядов деревья, тополя и проч. В конце этой прекрасной аллеи видна башня городская. Вид славный. К тому же посередине аллеи маленькие красивые домики, где собирают пошлину за мостовую. Ординарная почта не платит» (Архив… Т. 2. СПб., 1913. С. 161). Часто упоминания о немецких достопримечательностях не сопровождаются эмоциональными оценками. Например, о Потсдаме: «Сад очень пространен и хорош. Новый дворец или Ununе-Palais прекрасный и походит совсем на царские чертоги» (Там же. С. 165.).

В письме к младшему брату Сергею Николай Тургенев восхищается Лейпцигом: «Здесь нашёл я нашего общего приятеля Павла Петровича Соколовича, который мне показывает всё достойное замечания в Лейпциге. Город мне очень нравится, как и вся саксонская земля…» И далее: «Что касается до Лейпцига в особенности, то город сей очень мне нравится, в особенности окружающие его сады, принадлежащие частным людям, но в которых все могут ходить» (Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу М.;Л., 1936. С. 90). Отметим в описании Лейпцига упоминание о том, что в садах, принадлежащих честным лицам, разрешено гулять всем желающим. Эта практика была очень необычна для России начала XIX века.

Внимание Николая Тургенева временами останавливается на таких, казалось бы, малозначительных вещах, как, например, цены на фрукты: «Так как здесь вишни дешевы, то мне они уже приелись, потому что я ел их беспрестанно» (Архив… Т. 1. СПб., 1911. С. 179.) Интерес Николая Тургенева к ценам, к тому, что сколько стоит, в будущем воплотившийся в его экономических работах, проявляется постоянно: «Фунт говядины стоит здесь 18 грошей, фунт масла – гульден. И при этом бедные жители должны еще платить контрибуцию» (Там же). Часто, наряду с упоминанием о цене тех или

иных товаров, он пишет и о людях, которые попадались ему на пути: «Хлеб продавала мне одна молодая девушка, не дурна собою. Когда я, купив на 3 гульдена хлеба, подошел к окошку и начал нюхать цветы, стоявшие в стакане, то девушка сказала: “Я принесу вам цветка два свежих”, – и через несколько времени явилась с большим букетом и подала его мне. Мне эта учтивость очень полюбилась, и я сказал, что за это покупаю у ней еще на гульден хлеба» (Там же. С. 148). Не обходит он своим вниманием и такие прозаические вещи, как цены на постоялых дворах и в трактирах. Например, в Кёнигсберге: «За комнату платим 1 тал. прусский.... Пошли мы обедать в трактир: обедали в саду и после обеда играли в кегли. За обед из трех кушаньев заплатили 1 гульден и 6 грошей и то для первого, а вперед надобно платить по ½ талера...» (Там же. С.153).

В путевых заметках Александра Тургенева, кроме описания природы, часто встречаются исторические. Например, в путевом очерке «Путешествие русского на Брокен в 1803 году» автор пишет: «Тридцать лет великий Карл покорял саксонцев, и тридцать лет неустрашимость их противоборствовала могуществу завоевателя. Несколько лет принимали они религию между ними вводимую, и несколько раз при первом благоприятном случае оставляли её снова; наконец Карл предал их во власть угодников Папы, и сии ненасытные жрецы Тибетского Далай-Ламы, вооруженные мечом Петра и буллами его наместника, слишком доказали свое усердие в покорении новых рабов тому, кто называл себя рабом рабов божих! Карл Великий между тем обнародовал закон, по которому всякий отказывающийся принять религию Христову саксонец осуждаем был на смертную казнь!» (Тургенев А.И. Политическая проза. М.,1989. С. 36).

В дневниках и письмах Николая Тургенева подчеркиваются различия в политическом устройстве германских земель: «В полдень приехали мы в Магдебург. Здесь Эльба отделяет Вестфальское королевство от Пруссии. Магдебург принадлежит уже Иерониму, королю Вестфалии. Здесь носил я все паспорта сперва к коменданту, но там сказали мне, что они должны быть подписаны в Префектуре. Я туда пошел, и там подписал их префект и приложил французскую печать (прежде везде должны были подписывать коменданты, а здесь за Эльбою префект)» (Декабрист Н.И. Тургенев... С. 668). В письме к брату Сергею он сравнивает два германских государства Саксонию и Вестфальское королевство: «Нет никакого срав-

нения с вестфальским королевством. Здесь на каждом шагу видишь благосостояние, богатство поселян и граждан – там везде бедность. Народ тоже кажется немного лучше вестфальского». (Там же. С. 90). Автор обращает внимание на последствия наполеоновских войн: «Приметны ещё следы последней жестокой войны Франции с Пруссией, например в Tyt и Fethintnt. Но на полях совершенно ничего не заметно» (Там же).

Итак, перед нами два взгляда на Германию начала XIX века. Путевые впечатления Николая Тургенева от Германии интересны тем, что он видел Германию, как во время мира, так и в период заграничных походов русской армии 1813–1814 годов. Германия Александра Тургенева другая: готическая, в ней много преданий, древней и современной красоты.

Н.В. Башнин (Санкт-Петербург)

МАЛЫЕ КНЯЖЕСТВА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ: ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Политическая история малых окраинных княжеств в научной литературе о Северо-Восточной Руси разработана еще недостаточно. В связи с этим несомненна актуальность изучения этих удельных образований и применение для этого историко-географического метода в совокупности с микроисторическим подходом. В предлагаемой заметке представлен опыт комплексного изучения поземельных актов, житийной литературы, писцово-переписной XVI-XVII вв. и статистической XVIII – начала XX в. документации применительно к Кубено-Заозерскому краю. Этот регион был плотно насыщен монастырями, здесь располагались мелкие уделы Ярославского и Ростовского великих княжеств.

Кубено-Заозерье находилось к северу от Вологды на восточном побережье Кубенского озера. В.А. Кучкин уже выяснил, что на территории этого края наряду с Кубенским существовало Бохтюжское княжество (Кучкин В.А. Бохтюжское княжество – реальность средневековой Руси // Вопросы истории. 1983. № 8. С. 164-169). Результаты последующих археологических исследований О.Н. Адаменко

подтвердили правоту наблюдений ученого: центром этого удельного образования было с. Архангельское (Адаменко О.Н. Бохтюжское княжество (по результатам историко-археологических исследований) // Русская культура нового столетия. Вологда, 2007. С. 142-150).

Наблюдения В.А. Кучкина были сделаны на основе актов Дионисиево-Глушицкого монастыря. Под этим названием в литературе понимается совокупность двух обителей, расположенных в 4-5 верстах друг от друга на реке Глушице – Покровской и Иоанно-Предтеченской.

Дионисий около 1400 г. создал монастырь Покрова Пресвятой Богородицы, а через двадцать лет – пустыню Иоанна Предтечи в местечке Сосновец. Сведения об этом содержатся в житии Дионисия Глушицкого (Святые подвижники и обители Русского Севера. СПб., 2005. С. 104-137). Анализ агиографического памятника и сопоставление сведений, содержащихся в нем, с духовной грамотой Дионисия Глушицкого и другими актами (АСЭИ. Т. III. № 252-262) позволили сделать ряд наблюдений о формировании земельных владений монастыря в первой половине XV в. Было установлено, что вотчина корпорации состояла из двух половин.

При анализе составленной нами карты выясняется, что Покровский монастырь был основан на южной окраине Заозерского княжества. Согласно житию Дионисия, кн. Дмитрий Васильевич пожаловал преподобному несколько деревень. Скорее всего, это были уцелевшие и до настоящего времени населенные пункты к северу от Покровского монастыря в верховьях реки Глушицы: Кокошилово, Рылово, Труфаново, Антуфьево, Дмитриково, Угол. Их локализация была установлена нами на основании широкой совокупности документов XV-XX вв. и карт XIX- XX вв.

Вскоре после основания Иоанно-Предтеченской пустыни Дионисий получил иммунитетную грамоту от князя Юрия Ивановича Бохтюжского. Других актов этого князя не сохранилось, но известны вкладные грамоты Предтеченской пустыни на ряд близлежащих угодий его сына. Заметим, что Дионисий был духовным отцом князя Юрия Ивановича, который и мог пригласить его на свои земли для основания еще одной обители.

К Предтеченской пустыне тянули земли по берегам среднего и нижнего течения реки Бохтюги и в ее устье, а также по берегам реки Сухоны в районе впадения в нее реки Пучкас. В этой округе располагались деревни и пустоши, локализуемые по историко-

географическим источникам: Шера, Пахталово, Алексейцево, Семенково, Савкино, Васильево.

Результатом исследования сюжета о начальной истории и землевладении двух глушицких монастырей стали данные о границах небольших удельных образований. Изложенный материал позволяет говорить о том, что где-то между обителями проходило порубежье двух малых удельных княжеств – Заозерского и Бохтюжского.

После ликвидации в ходе феодальной войны Бохтюжского княжества Глушицкий монастырь получает в 1448 г. жалованную грамоту от Василия II. В акте перечисляются земли, которые были получены обителью от удельных князей. В контексте известных сведений о конфликте второй четверти XV в. и выявленных нами данных о двух удельных княжествах и монастырях можно сделать вывод, что этот публично-правовой акт носил, прежде всего, политический характер.

Согласно житию Дионисия, святой завещал быть монастырю единым и находиться под управлением одного игумена, несмотря на то, что в реальности было две обители. Преподобный сам активно осуществлял до смерти наблюдение за обеими монашескими общинами. Тем самым в рамках монастырской вотчины объединялись в одно целое земли, некогда принадлежавшие двум удельным княжествам. Василий II, выдав грамоту в 1448 г. игумену Глушицкого монастыря Амфилохию, тем самым закрепил исчезновение Бохтюжского княжества и итоги собирания земель в этом регионе. Монастыри и Церковь со времен Сергия Радонежского и митрополита Алексея были сторонниками централизации. В данном случае Дионисий Глушицкий оказался, как и многие подвижники в это время, основателем монастыря, который скреплял формирующееся Московское государство.

Вотчины других Кубено-Заозерских монастырей также сложились из двух половин. О.Н. Адаменко исследовала землевладение Спасо-Каменного монастыря и выяснила, что его вотчина сложилась за счет княжеских пожалований (Адаменко О.Н. Землевладение и хозяйство Спасо-Каменного монастыря в XV-XVII веках. Автореф. дисс... к. и. н. Архангельск, 2008. С. 12-16). В Кихтской половине обитель получила земли от великих ярославских князей Федора Васильевича, Александра Федоровича Брюхатого, служилого кн. Данила Александровича Пенко и кнг. Агриппины. В Пучетской половине – от великого князя Василия II и великой княгини Марии Ярославны, а также от их сына Андрея Васильевича Меньшого.

Землевладение Спасо-Евфимьева Сямженского монастыря, по мнению М.С. Черкасовой, сложилось на основе вотчины князей Пенковых и земель ростовского микроскопического удела князей Голениных (Черкасова М.С. Кубено-Заозерский край на политической карте Руси в XIV-XVI вв. // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. I / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2006. С. 452-454).

Таким образом, пристальное внимание к средним монастырям Вологодского Заозерья высвечивает еще малоизученные вопросы и политической истории, и исторической географии малых удельных княжеств XIV-XVI вв.

Л.В. Белгородская (Красноярск)

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ РОССИИ

В представленном материале идёт речь о способах репрезентации истории дореволюционной России в англо-американских справочных работах XX в. по исторической географии.

На ряде карт исторических атласов, созданных преимущественно в первой половине прошлого века, русские княжества включали в состав Хазарского каганата, Золотой Орды. В легендах карт специально подчеркивалось наличие единой границы империи монголов и русских княжеств. В качестве примера можно привести карту "Чингисхан и монголы" во (`A World Atlas of Military History`, 1973). На карте четко показано, что все северо-восточные княжества Руси входили в XIII веке в состав Монгольской империи. Киев и Москва позиционированы в качестве региональных центров империи Чингисхана. Похожая карта приводилась в регулярно обновляемом и переиздаваемом на протяжении десятилетий атласе `Hammond Atlas of World History`. Москва, Киев и Сарай показаны как политические центры «самой огромной сухопутной империи мира», для большей убедительности даже окраска Монгольской империи и русских княжеств на карте выполнена одним цветом.

В большинстве историко-географических работ конца века уже не было принято включать русские земли в состав империи Чинги-

зидов, что отразило победу той точки зрения ученых, что зависимость от Орды носила ограниченный, преимущественно экономический характер. К таким изображениям относятся карты "Империя Золотой Орды в период ее наивысшего расцвета", "Монгольская империя. 1206-1405 гг.", «Монгольская империя к 1300 г.». На них русские княжества изображены как суверенные политические образования. Территориальный рост Московии при Иване III, Василии III, Иване IV картографирован в энциклопедиях как увеличение в размерах имперского политического образования. Используются выражения «империя Рюриковичей», «Москва и московские доминионы». Примечательна семантика карт, в которых крайне редко используются слова с нейтральной коннотацией, подобные следующим: рост, увеличение, приобретение (growth, increase, acquisition). Значительно чаще используются слова-понятия экспансия, аннексия, оккупация, раздел (expansion, annexation, occupation, partition). Должны заметить, что в английском языке эти слова не имеют отрицательных коннотаций.

Направления внешнеполитических действий Российской империи порой в изданиях энциклопедического характера обозначаются темными стрелками, вызывающими подсознательное чувство тревоги у читателей. Изображения России окрашивались картографами яркими цветами, также вызывающими чувство опасности. Визуальные образы усиливали текстовый материал об экспансионизме внешнеполитического курса империи. Территориальный рост Российской империи показывался авторами традиционно не в нейтральных хронологических рамках (столетие, четверть века и т. п.), а строго "по царям и императорам", что давало возможность оценить читателям личный вклад представителей династий Рюриковичей и Романовых в расширение имперских владений. Ментальное уважение к человеку, точная оценка личного вклада политика в решение внешнеполитических задач империи находит отражение при подобном подходе к картографированию событий. Среди качественных и исключительно содержательных исторических карт, приведенных в энциклопедиях, можно выделить следующие: «Экспансия в Сибири: 1581, 1581-1598, 1598-1618, 1618-89, 1689-1725, 1725-62, 1762-1800», "Русская экспансия на Кавказе", «Русский империализм в Азии 1875-1905», «Россия при Петре Великом 1689-1725», «Экспансия России в Европе. 1725-1855», «Экспансия России в Европе и Азии. 1598-1914», «Кавказ: этнография и русская экспансия».

Если целью авторов справочных трудов был показ реальных острых противоречий Российской и Британской империй в XIX в., то объекты взаимной экспансии традиционно представлялись в качестве "пустых пространств", заполняемых постепенно сильными метрополиями. В этом случая западная наука завуалированно одобряла завоевание Востока двумя державами. При использовании подобного визуального приема территории спорных стран и незаселенные территории выступали в качестве знаков-маркеров и видимых целей имперской активности.

На приводимых в энциклопедических изданиях картах специальными символами, знаками, цветами показывалась степень политической подчиненности территорий московскому и (позднее) петербургскому центру. Отсюда и специальные термины, используемые картографами в легендах к картам в исторических разделах: "временные приобретения", «территории. потерянные Россией, с датами оккупации», «русское влияние», "номинально независимые территории", "российская сфера влияния", "утраченные владения империи", «под русским контролем» и др. Карты в зарубежных атласах наполнялись столь богатой информационной текстуарностью, что, как верно подчёркивает немецкий историк Ф.Б. Шенк, они требуют от читателей очень вдумчивого вербального и невербального «прочтения» изображения.

Страх перед огромной евразийской державой вызывал желание искусственно уменьшить размеры России на карте. Задача решалась авторами энциклопедий искусно, особенно в годы «холодной войны»: то изображалась лишь европейская часть страны, то, напротив, территория государства оптически сильно смещалась в Азию, иногда географический образ делили на собственно европейскую Русь и её азиатские колонии, цельное изображение могло искусственно дробиться на части, располагаться на нескольких страницах атласа.

Картографированию в конце прошлого века подвергалась историческая информация, на первый взгляд, совершенно не укладывающаяся в ресурс этого вида источника. Например, на карте показывалась степень либерализации страны, уровень грамотности населения, характер политического развития государства, степень зависимости окраин от имперского центра, уровень экономического развития регионов, имперские планы расширения территории.

Т.В. Бессонова (Набережные Челны)

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАССЕЛЕНИЕ КАЗАНСКИХ МЕЩАН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Территориальная структура Казани формировалась постепенно и была связана с процессом торгово-промышленного развития города. В данном процессе важную роль играли слободы. По социальному составу, профессиональной принадлежности жителей и выполняемым повинностям казанские слободы можно разделить на несколько групп:

1. Бывшие монастырские и владельческие.

2. Слободы, выделенные по национально-религиозному признаку (Татарская, Новая Татарская, Служило-Татарская, Болдырская и Армянская слободы).

3. Слободы, жители которых кормились ремеслами и торговлей и несли общепосадское тягло. Некоторые из таких слобод выделялись по профессиональному признаку, жители других отрабатывали такие виды государевых служб, как, например, Ямская слобода. Ряд слобод были основаны отставными солдатами.

4. Адмиралтейская и Суконная слободы, появившиеся в начале XVIII в. Их жители должны были обслуживать крупнейшие предприятия Казани, созданные по указам Петра I – Адмиралтейство и суконную мануфактуру.

Несмотря на различные пути формирования и значительные особенности состава жителей, к середине XIX в. все казанские слободы стали средоточием преимущественно мещанского населения, занимающегося ремеслами и торговлей.

Слободы являлись территориально обособленными поселениями и располагались на окраинах посада, либо за посадской стеной. Чаще всего границами между слободами служили естественные особенности рельефа местности, иногда к подобным естественным ограждениям добавлялись искусственные: острогом была обнесена Старо-Татарская слобода, деревянную ограду имело Адмиралтейство. В рельефе Казани наблюдалось ярко выраженное чередование возвышенных сухих мест с болотистыми низменностями. Слободское население жило в более неблагоприятных условиях, занимая сырые низины. Особенно неблагополучным было положение

жителей Мокрой, Ямской, Засыпкиной, Нижне-Федоровской, Подлужной и Архангельской слобод, они ежегодно затоплялись.

Размер территории и число жителей слобод в разное время были различными. Крупнейшей слободой Казани являлась Суконная. Жители слободы и прилегающего к ней села Архангельского составляли примерно 25,5 % населения города. Крупными являлись также Адмиралтейская, Старо-Татарская и Ново-Татарская слободы. Самой маленькой слободой, состоящей всего из 9 дворов, была Козья.

В течение XIX в. продолжался процесс формирования городского общества, который сопровождался структурными изменениями в городе. Большинство слобожан попали в разряд мещан, самые состоятельные жители слобод добились зачисления в купцы. Принадлежность к слободе уже не давала истинной характеристики занятий и социального положения человека, хотя традиционно наиболее состоятельные и именитые горожане тяготели к аристократическому центру города, а бывшие слободы становились сосредоточием работного люда и мелких торговцев.

Изучение мещанских семей Казани середины XIX в. по Семейному списку казанских мещан 1858 г. (Национальный архив Республики Татарстан. Ф.570. Оп.1. Д.1.) и Списку казанского татарско-мещанского общества 1856 г. (НАРТ. Ф.1.Оп.1.Д.2.) позволяет представить картину территориального расселения мещан.

Создавая мещанство как «средний род людей», Екатерина II одним из важнейших признаков мещанства выделяла наличие собственной недвижимости в городе. Тем не менее, к середине XIX в. далеко не всегда данный признак сохранял свое определяющее значение. Собственные дома имели только 43 русские мещанские семьи (20,9%), еще 27 семей проживали в других населенных пунктах. Из зафиксированных в источнике татарских семей свое жилье имели 64,5% семей. Только 22 семьи (27,8%) не имели своего дома и проживали в Казани, снимая жилье, еще 6 семейств жили в деревне. Столь заметное отличие объясняется, по-видимому, тем, что дома, принадлежащие мещанам-татарам, находились исключительно в третьей части города в Татарской слободе, определенной для места жительства татар после вхождения Казанского ханства в состав Российского государства, и были построены на собственные средства.

Среди русских мещан большинство, имеющих собственные дома проживали в Суконной слободе – из 43 мещанских семей, вла-

деющих недвижимостью, 29 семей жили в Суконной слободе (67.4% от общего числа мещан, имеющих дома в собственности). Этот факт также объясняется тем, что исторически, в процессе формирования Суконной слободы, суконщики сами строили собственные дома.

На втором месте по частоте упоминания в источнике находятся мещане, жившие в 1 части города Казани – историческом центре, где находились наиболее состоятельные кварталы: 45 семей из списка (21,9%) проживали в этом престижном районе, в том числе 12 из них на Проломной - главной улице города. Немногим более 16% мещан жили во второй части, где располагались Ямская и Мокрая слободы. Остальные мещанские семьи жили в более отдаленных слободах - Поповке и Плетении (3 часть города), а также Адмиралтейской, Игумновой и Ягодной (5 часть).

Таким образом, исследование территориального расселения казанских мещан дает возможность подтвердить представление о неоднородности этого социального слоя, поскольку престижность места проживания является одним из факторов, определяющих уровень жизни. Достаточно крупная группа мещан проживала в престижном и дорогом центре. Большинство мещан жили в Татарской и Суконной слободах, значительная часть из них имела собственное жилье, соответственно можно предположить, что их уровень жизни не был самым низким. Остальные мещане жили в менее благоустроенных районах, ведя, по-видимому, более скромное существование.

А.А. Бондаренко (Москва)

СОСТАВ УДЕЛА КОРОЛЕВЫ БОНЫ СФОРЦА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В СЕРЕДИНЕ XVI В.

Источники, позволяющие судить о составе вотчин королевы Боны, можно условно разделить на прямые («привилеи» королеве на владение теми или иными территориями) и косвенные (документы, свидетельствующие о реализации королевой Боной суверенных прав на тех или иных территориях — подтверждение или пожалования земель местным боярам, назначение должностных

лиц). Подобные свидетельства собраны в метрике королевы Боны и других источниках. География распределения документов метрики Боны весьма обширна: каждая отдельно взятая книга охватывает как польские земли, так и белорусские, украинские и собственно литовские земли Великого княжества Литовского. По упоминаемым здесь королевским урядникам можно сделать предположения о вхождении той или иной волости, населенного пункта в состав удела королевы — если не сохранились или еще не были выявлены привилеи, данные Боне на эти земли. Значительная часть подобных привилеев, в которых указаны условия передачи великокняжеских или частных владений в пользование королеве, написана на латыни и не опубликована, как, например, привилеи, содержащиеся в 28 книге публичных дел, которая хранится в Варшавском архиве древних актов (AGAD). Эта работа основана на материалах 32 книги записей Литовской метрики, подготовленной автором к публикации.

Хронологически, за исключением трех более ранних документов, акты 32 книги относятся к периоду с февраля 1548 г. по сентябрь 1549 г. К этому времени удел королевы уже сложился, он включал Белорусское Полесье, Волынь, земли в Польском королевстве.

Королеве Боне принадлежало удельное Кобринское княжество в полном составе. Предыдущим держателем Кобрина был Венцеслав Костевич, который получил его от Сигизмунда Старого в 1516 г. (AGAD. Metryka litewska. Dz. III. A/28. L. 56-57). Женой Костевича была Анна, дочь Кобринских князей, чьи грамоты встречаются в метрике Боны (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 161об.-162об., 164-165об. и т. д.). Бона получила от Сигизмунда Кобрин еще при жизни пана Костевича, который стал ее старостой. Состав Кобринского княжества известен по «Ревизии Кобринской экономии» (Ревизия Кобринской экономии, составленная в 1563 г. королевским ревизором Дмитрием Сапегою. Вильна, 1876), составленной в 1563 г., т. е. уже после смерти королевы Боны.

В 32 книге записей неоднократно упоминается сам г. Кобрин с замком и волостью (например, в жалобе о краже леса: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 71об.-73). В 1548-1549 гг. кобринским старостой королевы Боны был Станислав Фальчевский, который еще являлся и державцей селецким. Двор Селецкий с волостью, также как и Блуденская волость, тянули к Кобринскому княжеству. Двор Добучин упоминается в тяжбе между добучинским князем-плебаном и боярами королевы Боны (РГАДА. Ф. 389. Литовская Метрика. Оп. 1. Кн.

32. Л. 30). Кроме того в состав Кобринского княжества входила Городецкая, Вежецкая и Черевачицкая волости, располагавшиеся на р. Мухавце. На современной карте бывшее удельное Кобринское княжество локализуется в пределах Кобринского, Березовского, Пружанского районов Брестской области Белоруссии.

Владения королевы Боны в Пинском княжестве включали в себя Пинск, Мотоль, Нобель и 8 войтовств с более чем 100 селами по обеим сторонам р. Пины (Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная старостою Станиславом Хвальчевским в 1552-1555 гг. Вильна, 1884. С. XXIII). Пинск, также как и Клецк, Рогачев, Городок и волость Вядо, Бона получила от Сигизмунда Старого после смерти их пожизненных держателей, князей Ярославичей (Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. М., 1892. С. 25). Из многочисленных сел Пинской волости в 32 книге записей упоминаются только некоторые (села Коморы, Вышевичи, Лосичи, Селезолкини, Лашицкое с землями и пустошами). Многие населенные пункты Пинского княжества локализуются в пределах современных Ивановского и Пинского районов Брестской области Белоруссии, Ровенской области Украины.

Городенский повет Троцкого воеводства с центром в Гродно входил в удел королевы Боны полностью. В некоторых актах 32 книги записей встречаются списки наместников королевы, «которыє дворы староства Городєнского держат». Среди них наместники: скидельский и кринский, мостовский, озерский и новодворский, квасовский и др. (РГАДА. Ф. 389. Литовская Метрика. Оп. 1. Кн. 32. Л. 17об.-18об.). Территория Гродненского повета сейчас входит в Гродненскую область Белоруссии, указанные топонимы локализуются.

В Подляшье королеве Боне принадлежал Бельский повет с Саражской волостью, на что видим указание в тех же актах, обращенных к ее наместникам «дворов Городенских». Документ, исходящий из канцелярии королевы, предписывает вышеперечисленным наместникам, а также наместникам бельскому, бранскому и саражскому (ныне города Подляского воеводства Польши) «во всем послушни быти» ее служебникам, которые выехали с ревизией «до тых замъков и дворов наших, держав ваших» (Там же).

В удел королевы также входили некоторые земли на Волыни (современная Волынская обл. Украины): в 32 книге записей есть

указания на ее владения в Луцком и Кременецком поветах. Так, есть продажный лист Боны на села Луцкого повета Ивану Борзобогатому, нареченному владыке Владимирскому и Берестейскому (Там же. Л. 41об.-43). Кременец, вместе с замком и «местом», неоднократно упоминается в актах 32 книги записей. Королева владела и Ковлем, вотчиной одной из трех ветвей князей Сангушковичей.

В Витебском повете королеве Боне принадлежали волости Оболецкая, Озерищская и Усвятская. Обольцы с волостью находились в пожизненном владении королевы Елены, Сигизмунд Старый дал их в держанье Боне, «которая держала в Обольцах своего державцу, поручая от себя судить его и проверять воеводе Витебскому» (Любавский М.К. Указ соч. С. 124).

Из собственно литовских владений Боны упоминаются волости Мойшагойльская, Пуньская, Юрборская (ныне города разных уездов Литвы), в которых находились наместники и урядники королевы. Привилеи, данные Боне на эти земли, с большой степенью вероятности находятся в Коронной метрике.

Дальнейшее выявление актов королевы Боны (в первую очередь в архивных комплексах, происходящих из ее вотчинных центров) позволит судить о специфике деятельности ее канцелярии, об «активности» управления королевой и ее наместниками-державцами и старостами теми или иными областями удела, о количественном и качественном распределении управленческой документации по уделу в разные годы пребывания королевы на польском и литовском престолах.

Е.С. Борзова (Чехов)

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КАТОЛИЦИЗМА В ГУБЕРНИЯХ ПРИВИСЛЕНСКОГО И ЗАПАДНОГО КРАЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 Г.

Подавляющее большинство подданных Российской империи, исповедовавших католическую веру, проживало в губерниях Привисленского (так с 1860-х гг. стало называться Царство Польское) и Западного края. Однако распределение католиков на этой террито-

рии было весьма неравномерным, что во многом связано с этническим составом населения. Основываясь на статистических данных Первой всеобщей переписи населения 1897 г., губернии этих территорий можно условно разделить на группы с относительно однородным этноконфессиональным составом, от чего, главным образом, и отталкивались российские власти при проведении той или иной политики (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1899-1904. Т. 4, 5, 8, 16, 17, 22, 23, 32, 33, 51-50).

В одну группу можно объединить три западные губернии Привисленского края: Варшавскую, Плоцкую, Келецкую; также Радомскую губернию, занимающую центральное положение среди губерний бывшего Царства Польского, и Калишскую губернию, которая граничила на Западе с Пруссией. Согласно переписи, подавляющее большинство населения в этих губерниях исповедовали католицизм: более 80% жителей. Чуть меньше в Варшавской: 71,5% населения. Причем, почти все католики были поляками: более 99%. Правительственная политика в этом исконно польском регионе по отношению к римско-католической церкви сводилась к мерам по упрочению государственного контроля над ее деятельностью и ослаблению ее связей с Ватиканом и зарубежными поляками.

Подобная политика проводилась и в отношении таких губерний Привисленского края, как Ломжинская и Петроковская, которые выделены в отдельную группу лишь на том основании, что число католиков здесь несколько меньше: 77,1% и 72,88% соответственно; а православных немногим больше: 5,5% и 1,58%. Почти все католики Ломжинской губернии поляки (99,9%), в Петроковской поляков среди католиков 66,5%, чехов — 25,53%.

Более сложным было отношение властей и общественного мнения к костелу в Люблинской и Седлецкой губерниях. Значительную часть населения этих губерний составляли малороссы: 16,93% в Люблинской и 13,97% в Седлецкой. Территория этих губерний в конце XVI в. являлась Зарубежной Русью, в которой располагались две православные епархии. Вследствие этого численность православных к началу XX в. здесь была намного больше, чем в других губерниях Привисленского края: в Люблинской — 21,4%, в Седлецкой — 15,6%, а католиков было меньше: 62,6% и 66,9% соответственно. Причем значительную часть приверженцев латинской ве-

ры составляли малороссы. В Люблинской губернии 3,56% всех католиков были украинцами, в Седлецкой — 8,36%, что является прямым следствием их пребывания долгое время в унии. Основная масса украинских униатов проживала в восточной части Люблинской губернии — Холмском крае, который является ярким примером противостояния русского и польского элементов.

В следующую группу можно выделить северо-западную Ковенскую губернию, занимающую западную часть бывшего княжества Литовского, и Сувалкскую, самую северную из губерний Привисленского края. Коренными жителями этих территорий были литовцы, большая часть которых являлись католиками. Так, в Ковенской губернии из общего числа католиков 85,2% были литовцами (совместно с латышами), в Сувалкской — 67,5%. Совсем незначительное количество как восточных славян католиков (2,85% в Ковенской и 3,33% в Сувалкской), так и поляков католиков (11,8% и 29% соответственно) обуславливало сравнительно безразличное отношение общества и правительства к католическому вопросу в этих губерниях.

Совсем иначе дело обстояло в остальных губерниях Западного края. Хотя число католиков в большинстве из них было невелико, именно здесь наиболее остро стоял вопрос о пресловутом противодействии русского и польского элементов. Особенно ярко такое противостояние было выражено в малороссийских губерниях: Волынской, Подольской и Киевской. Это можно объяснить тем, что среди католиков этих губерний огромную долю составляли украинцы. Например, в Подольской губернии среди католического населения их насчитывалось 72,7%, в Киевской — 31,4%, в Волынской — 35,5%. Возможно, украинцы были униатами, а в связи с тем, что уния была упразднена они называли своим вероисповеданием римско-католическое.

В белорусских губерниях классово-национально-этнический конфликт существовал в более размытой форме, поскольку на протяжении второй половины XIX в. здесь с юго-востока на северо-запад постепенно увеличивалось число католиков-крестьян, равно как и удельный вес католического населения в целом. Почти во всех дореволюционных исследованиях по демографической статистике границей между территориями с преобладающим католическим и православным населением принято было считать линию вдоль железной дороги Петербург — Варшава, проходящей через Витебскую, Виленскую и Гродненскую губернии (Билунов Д.В. Правительст-

венная политика в отношении римско-католической церкви (60-е гг. XIX в.) // Вестник МГУ. Сер. 8, Ист. 1996. № 4. С. 23). Кроме того, в этом регионе проживало также — преимущественно на северо-западе и на севере — значительное количество литовцев и латышей, поэтому этноконфессиональный состав населения Северо-Западного края был более пестрым, чем на Правобережной Украине.

Таким образом, неудивительно, что именно белорусские и украинские губернии вызывали наибольший интерес у ревнителей православия. А главным содержанием католического вопроса в России было «столкновение полонизма и русской национальной идеи», и ареной этого столкновения стал Западный край, то есть территория Белоруссии и Правобережной Украины (Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма во второй половине XIX в. // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 124).

А.М. Булатов (Москва)

КАРТОГРАФИЧЕСКАЯ ROSSICA. ОТ ХРИСЫ И АРГИРЫ ДО КАМЧАТКИ

Историю изображения Камчатки на гравированных картах обычно начинают с 1722 г., когда нюрнбергский картограф Иоганн Баптист Хоманн получил из Москвы материалы для издания карт Каспия и Камчатки (Вареп Э.Ф. О картах, составленных русскими, в атласе И.Б. Гомана 1725 г. // Известия ВГО. 1959. Вып. 3. С. 297).

Клавдий Птолемей не простер свою ойкумену до восточного берега Азии. Себастьян Мюнстер в 1540 г. в Базеле издал «Географию Птолемея», дополнив ее впервые им составленными картами четырех частей света (Ruland H.L. A Survey of the Double-Page Maps in Thirty-Five Editions of the «Comographia Universalis» 1544-1628 of Sebastian Munster and in His Editions of Ptolemy's «Geographia» 1540-1552 // Imago Mundi. 1962. № 16). На новых картах Азии и Америки у восточных берегов Азии показаны безымянные острова.

Абрахам Ортелиус составил первую карту Тартарии (Сибири) и выпустил ее в «Theatrum Orbis Terrarum» 1570 г. (Broecke M.

van den. Ortelius Atlas Maps. An illustrated Guide. 1996. P. 214. № 163). На карте к северу от Японии нет островов. В очередном издании «Theatrum» была опубликована карта Тихого океана Ортелиуса «Maris Pacifici, quod vulgo Mar del Zur… 1589» (Ibid. P. 52. № 12), на которой впервые изображен и назван остров к северу от Японии: «Isla la Plata», а рядом текст: «Argyra hec forte antiquorum».

Ортелиус не указал источник, но не приходится сомневаться в том, что он мог найти нужные ему сведения в сочинениях Помпония Мела, Плиния Старшего, упоминавших острова Хриса и Аргиру. О них можно прочитать и в «Перипле Эритрейского моря».

В 1616 г. было издано подготовленное Ортелиусом изображение римского чертежа мира V в., сохранившегося в копии XIII в. из собрания аугсбургского ученого Конрада Пейтингера (Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 287 и др.; Broecke M. van den. Op. cit. P. 281-285. № 227-230). Против устья реки Ганг, текущий на восток, на средневековой копии изображены три безымянных острова. На изданной гравюре двум из них были даны названия: «Ins. Arcirse» и «Ins. Solar».

В 1639 г. на поиски островов Хриса и Аргира была снаряжена и отправлена из Батавии на Яве голландская экспедиция капитанов Кваста и Тасмана, закончившаяся неудачей. Следующая экспедиция 1643 г. капитанов де Фриза и Схепа открыла и нанесла на карту участки берегов Сахалина и южных Курильских островов. Коммерческим издателям эта карта стала доступна в 1650 г. и была издана в атласе Иоганна Янссония в Амстердаме. На карте Тартарии открытия 1643 г. впервые показал Фредерик де Вит в 1660-е гг. (Атлас Курильских островов. М.; Владивосток, 2009. С. 52—53, 55).

«Гомеровский» период изображения Сибири был завершен картой Витсена 1687 г. На ней, составленной по реальным сведениям, впервые появилась Камчатка — река. А рядом изображена другая — Дамаста, имя которой происходит от голландского названия цветной узорчатой шелковой ткани, которая в Московском царстве называлась камкой, а изделия из нее — камчатыми или камчатными. Такое дублирование объясняется двумя разными путями посту-

плениями информации к Витсену, в том числе и от знатока двух языков московского дьяка А.А. Виниуса.

Карта царского посла в Пекин Избранта Идеса 1704 г. (Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1906. Вторая сер. Вып. I. Карта XXIV) повторила изображение реки Камчатки и стала прототипом для карты Московии Хоманна.

Впервые острова Хриса и Аргира связаны с Камчаткой в картографических работах в Тобольске пленного шведского офицера Филиппа Иоганна Табберта (Страленберга).

В 1722 г. Я.В. Брюс по указанию царя, передал в Нюрнберг Хоманну для публикации изображение Камчатки. Выгравированный в 1723 г. чертеж стал первым печатным изображением полуострова, носящего имя Камчатки или Земля Иедзо. Эта карта основана на карте Страленберга 1717 г., которая была отобрана Сибирским губернатором М.П. Гагариным. Две другие карты Страленберга 1715 и 1718 гг., были использованы при анонимном издании в Амстердаме в 1725 г. карты России, посвященной памяти Петра I. Его карта «Nova description geographica Tattariae Magnae» (Стокгольм. 1730 г.) показала земли, открытые голландцами в 1643 г. в составе Камчатки, а саму Камчатку в связи с этим Страленберг продлил до самой Японии. Картой Страленберга пользовались участники Второй Камчатской экспедиции, считая ее лучшей из существующих.

Объяснению такого схождения Камчатки с Японией и отсутствие длинной цепи Курильских островов на картах 1725 и 1730 гг. был посвящен комментарий Б. де ля Брюйера к французскому изданию 1757 г. книги Страленберга о Сибири: «встретив в Тобольске японца, взятого в плен Атласовым и направляемого в Москву, Страленберг спросил его через переводчика «Действительно ли в Японии Камчатку называют Землей Иезо?». Утвердительный ответ японца «и заставил Страленберга (карты которого положили начало нашим сведениям о всем Севере Азии) предположить, что остров Иезо, открытый в 1643 г. голландцами, был Камчаткой, поэтому он продолжил эту страну на 10-11° дальше на юг, чем это было в действительности» (Новлянская М.Г. Филипп Иоганн Страленберг. М.; Л., 1966. С. 62, 64-66). Такое объяснение географической ошибки не вступало в противоречие со старинной легендой о Хрисе и Аргире в Восточном океане.

По результатам Первой Камчатской экспедиции П.А. Чаплиным в 1729 г. была составлена итоговая карта, на которой Камчатка потеряла Землю Есзо не только в названии, но и в изображении — между Камчаткой и Японией появилось место для Курильских островов. Материалы этой карты были использованы профессором Петербургской Академии наук Ж.-Н. Делилем при составлении карты для Второй Камчатской экспедиции (Булатов А.М. Карта Делиля для Второй Камчатской экспедиции // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания. М., 2008. С. 200-205). На печатной карте России И.К. Кирилова 1734 г. Камчатка изображена по карте Делиля. Впервые карта Чаплина была издана в Париже в 1735 г. В России карта Чаплина была опубликована Л.С. Багровым в 1914 г.

Т.А. Булыгина (Ставрополь)

ГРАНИЦА В КАТЕГОРИЯХ КЛАССИЧЕСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОЛЯХ «НОВОЙ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ»

Авторы по существу первого учебника по исторической географии России (Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. М., 1973) определяют эту отрасль как точку взаимодействия истории и географии и тем самым провозглашают междисциплинарность этой дисциплины. Географический фактор справедливо рассматривался как условие материального существования человеческого общества. Речь шла не только о способах взаимодействия различных разделов географии с историей, но и цепочки «география – лингвистика – история» в топонимике. Мотивированность и устойчивость географических названий делает их важным историческим источником. В этом труде основные составляющие среды обитания и развития человечества определяются в географических категориях. В полной мере это относится и к понятию «граница». Так, границы Кавказа определяются Черным и

Каспийским морями. В этой горной стране можно выделить внутренние границы – Предкавказье, Большой Кавказ и Закавказье. С другой стороны, понятие границы использовалось и в распределении хозяйственных зон, и в описании расселения различных племен и этносов, и в истории формирования и функционирования государства.

Вместе с тем, классическая историческая география в своих объяснениях использовала в основном материальное взаимодействие природных условий – рельефа, воды, почв и климата с материальной деятельностью человека, без социокультурного контекста. Семиотическая среда географии в исторической динамике, т.е. подвижность и изменчивость пространственных представлений людей, выраженной в географической символике, в расчет не бралась. Граница является элементом механизма формирования не только географического, территориально-административного пространства, но и семиосферы. Как границы государства разделяют мир на «нашу» и «чужую» территорию, так и культура, как отмечал Ю.М. Лотман, начинается с такого же «разбиения. (Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 175). Следуя дальше логике ученого, можно говорить, что реальность, в том числе и пространственная, в которую погружен человек, участвует в создании образа мира через символизацию объектов этой реальности. Граница не только разделяет представления о разделении пространства по эту и ту сторону границы, но и формирует картину «контактных зон» в районе границы. Следовательно, речь идет об одновременном процессе противопоставления и объединения. Более того, важной функцией любой границы является ограничение проникновения во внутреннее пространство элементов внешнего и одновременно отбор и трансформация внешнего во внутреннее. Любое столкновение двух пограничных зон неизбежно ведет к созданию нового культурного пространства.

К примеру, европейская граница России на юге когда-то проходила севернее Северного Кавказа, что формировало образ страны за пределами национального пространства. Со временем граница двигалась дальше на юг, что меняло и образ Северного Кавказа, который из «чужого» враждебного пространства превращался в форпост империи, в окраину России. Если говорить шире, то пространство региона постепенно раздваивалось: из-за облика восточной, «азиатской» цивилизации начинала проглядывать позиция европейской культуры. Один из исследователей семиотической школы

на примере Европы показал, как географическое пространство или географическая граница в зависимости от культурных, политических и экономических горизонтов ожидания трансформировались в идеологему. (Рабинович Е.Г. Незримая граница/Евразийское пространство: Звук, образ, слово. М., 2003. С.65 – 83).

Таким образом, географическое понятие границы влияет на динамику человеческих смыслов. Возвращаясь к территории Кавказа, отметим, что в XIX в. из этого макрорегиона выделялось Закавказье и северная часть – Северо-Западный, Северо-Восточный и Центральный Кавказ. Деление на южную часть и северную оказалась наиболее устойчивой парадигмой как, в собственно географическом, так и социокультурном смыслах. Внутри границы определяли более мелкие деления – по расселению местных жителей, по административному делению. Все эти и внутренние, и внешние границы были весьма неустойчивы не только в территориальном, но и в социокультурном аспекте. Дагестан и Ставрополье, например, то входили, то оставались вне этой территории. Да и знаковая система менялась. В 1930-е гг. появляется новое географическое понятие, содержащее единое смысловое поле для северных районов Кавказа – Северный Кавказ. Наряду с этим уже в 1950-е гг. в научной литературе вместе с краеведением реанимируется понятие «степное Предкавказье». В постсоветскую эпоху зона Предкавказья стала рассматриваться как географическая часть Северного Кавказа. Все эти изменения связаны не только с территориальными уточнениями, но и со смысловыми трансформациями.

Создание современной конфигурации административных границ в виде Северокавказского Федерального округа (СКФО) изменило географические представления о регионе. Территория его, во-первых, уменьшилась за счет отсечения большей части Предкавказья, во-вторых, за счет «потери» одной из северокавказских республик. Однако дело не ограничивается изменением географии. Меняются смыслы. В сознании славянского и русскоязычного населения округа складывается образ изолированного от России пространства. С другой стороны, государственный образ этого региона концентрирует в себе утопическое социокультурное единство, т.к. это, по мнению власти, должно укреплять взаимозависимость и позитивное взаимодействие народов Северного Кавказа. С другой стороны, формирование округа создает новую семиотическую границу меж-

ду южнороссийской провинцией и северокавказской окраиной, возрождая дореволюционные стереотипы. Таким образом, «нарезание» новых административно-территориальных границ существенно влияет на социокультурный контекст локального северокавказского общества и на социально-психологическое состояние его граждан, усиливая позиционирование региональных идентичностей и размывая национально-государственную идентичность.

А. Буриев (Ташкент, Узбекистан)

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЭПОХИ ТЕМУРИДОВ

Изучение Центральной Азии с точки зрения исторической географии имеет значительную традицию, в нем участвовали представители различных направлений науки. Разумеется, в исследовании древнего периода истории региона главное место занимают работы археологов. Эпохи средневековья изучается на основе письменных источников на арабском, персидском, тюркском и др. языках. Среди трудов археологов отметим исследования М.Е. Массона, Ю.Ф. Бурякова, А.Р. Мухамеджанова; среди работ, основанных на письменных источниках, – публикации В.В. Бартольда, А.М. Беленицкого, О.Г. Большакова и др., Ш.С. Камалиддинова, А.Г. Малявкина.

Исследователи касались различных аспектов исторической географии Центральной Азии: топографии городов (М.Е. Массон, Н.Э. Каримова), торговых путей и их истории (Ю.Ф. Буряков, Н.Э. Каримова, А. Буриев), исторической топонимии (Х. Хасанов, С. Караев, Т. Нафасов, А. Мухамеджанов, А.Г. Малявкин, Абдухалик Абдурасул огли, А. Буриев, А. Колганов), вопросов локализации населенных пунктов (Ю.Ф. Буряков, А.М. Беленицкий, О.Г. Большаков и др., Ш.С. Камалиддинов), этнической истории Центральной Азии (К. Шаниязов, А. Аитбаев), публикации письменных памятников (Ш.С. Камалиддинов, А. Урунбаев, Н. Ибрагимов, П.Г. Булгаков, Б. Ахмедов) и т. д.

Изучение исторической географии Центральной Азии эпохи Темуридов на основе письменных источников началось в основном со второй половины XIX века. Необходимо отметить работы из-

вестного русского востоковеда В.В. Бартольда (1869–1930). Он осветил также и некоторые вопросы исторической географии края, а именно: его вод, областей, городов, хозяйства, этнической истории, исторических памятников. Бартольд большое внимание уделял периоду Темуридов, пользуясь письменными памятниками того времени. В целом его исследования охватывают большой хронологический период в исторической географии Центральной Азии. Так, в работе «Географический очерк Мавераннахра» приведены сведения из письменных источников по исторической географии Мавераннахра до XIII века, т.е. до периода монгольского завоевания. В данной работе исследователь проводит также сравнительный анализ сведений из источников темуридского периода. Например, при анализе материалов, касающихся впадения вод Амударьи в Каспийское море в XIV–XV вв. и положения Аральского моря, он большое внимание уделяет сведениям темуридских источников. Его первая работа об исторической географии Центральной Азии вышла в свет еще в 1897 году. В ней автор приводит сведения из «Географии» темуридского историка Хафиз-и Абру о впадении Амударьи в Каспийское море. В дальнейшем он расширил свои исследования по этой тематике и опубликовал их результаты в работах «К вопросу о впадении Амударьи в Каспийское море» и «Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века». Этот вопрос был затронут им и в некоторых других статьях (например, «К истории Хорезма в XVI веке»), где автор неоднократно обращался к сведениям письменных источников темуридского периода.

В числе работ В.В. Бартольда, в которых приведены сведения по исторической географии Центральной Азии из темуридских источников, следует отметить ряд статей, написанных для «Энциклопедии ислама»: Амударья, Аральское море, Балхаш, Сырдарья, Иртыш, Иссык-куль, Или, Чаганруд; а также статьи, содержащие историко-географическое описание областей Центральной Азии – Бадахшан, Бадгиз, Фергана, Туркестан, Тохаристан, Мавераннахр, Хорезм, Хуттал, Каратегин, Мангышлак; статьи о некоторых исторически важных населенных пунктах – Аксарай, Ахсикат, Андижан, Бенакет, Бухара, Гургандж, Карши, Кашгар, Кят, Ташкент, Чимкент, Термез, Турфан; статьи, касающиеся этнического состояния региона – Дуглат, Кипчак, Мангыт, Таджик, Туркмен.

Сведения по исторической географии Центральной Азии, касающиеся эпохи темуридов, содержатся также в таких работах В.В.

Бартольда как «Очерк истории Семиречья», «Мечеть Биби-ханым», «Историко-географический обзор Ирана», «К истории Мерва», «К истории орошения Туркестана», «О погребении Темура», «Очерк истории туркменского народа» и др.

В изучении исторической географии Центральной Азии важное значение имеют исследования узбекского ученого Х. Хасанова. Его работы посвящены описательной географии Средней Азии, вопросам транскрипции топонимов и географической терминологии, исторической топонимии. Большое внимание ученый уделял исторической географии Центральной Азии эпохи темуридов. Им исследованы материалы из «Бабур-наме» по топонимии, географическому описанию (климат, воды, растения, животный мир) Центральной Азии. В его монографии «Сайёх олимлар» («Ученые-путешественники») изучены географические сведения из «Географии» Хафиз-и Абру, о торгово-посольских отношениях государства Темуридов на основе материалов дневника Гияс ад-Дина Наккаша «Путешествие в Китай», а также из дневника «Путешествие в Индию» Абд ар-Раззака Самарканди.

С точки зрения изучения этнического состава Средней Азии (в основном, территории Узбекистана) характерными являются исследования К. Шаниязова, в которых отражены сведения из письменных источников эпохи Темуридов.

Значимой темой в исторической географии Центральной Азии является география международных отношений региона в период правления Амира Темура и его потомков. В этом отношении можно отметить работы европейских, японских и узбекских ученых, основанные на оригинальных материалах. Синолог Н. Каримова опубликовала монографию и ряд статей на основе изучения китайских летописей эпохи Мин, в том числе тех, где говорится о посольской миссии таких послов как Фу Ан и Чэнь Чэнь в Мавераннахре и Хорасане. Их путевые записи содержат ценные материалы по исторической географии края. В них даны описания природы, хозяйства, городов.

Таким образом, на настоящее время мы имеем существенный корпус трудов ученых из Центральной Азии, России и других стран по исторической географии Центральной Азии эпохи Темуридов. Этот корпус исследований разных аспектов исторической географии данного региона нуждается в профессиональном историографическом освоении.

И.Г. Бурцев (Тула)

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ТУЛЬСКОГО КРАЯ: ОТ ОПИСАНИЯ К ИЗУЧЕНИЮ

Территория современной Тульской области лежит на водоразделе Верхней Оки и Верхнего Дона и является в связи с этим уникальной территорией. Северная и западная часть края – это лесная территория, юго-восточная часть – степная и лесостепная. Такое разграничение природных зон наложило отпечаток и на культуру края. Здесь практически всегда существовала оппозиция номады – оседлое население. В некоторые периоды истории усиливалась южная кочевая традиция, которую сменяла традиция северная, оседлая. Маргинальность края проявлялась и в другом. Здесь образовывались, помимо оппозиции «лес – степь» и оппозиции «свой – чужой» на разном уровне противостояния – между этносами, между разными частями этносов, в более позднее время – между областями и княжествами.

Поэтому и заселение территории между Окой и Доном шло волнообразно. Поэтому каждый раз новое население начинало с нуля строительство не только и не столько домов, сколько всего уклада, всей культуры, приноравливая ее к местным условиям. Из всего сказанного вытекает, что главная проблема исторической географии Тульского края – ее нестабильность, текучесть поселений и топонимов, связанных с ними (а, зачастую, и всей системы топонимии). И даже если сохранились документы с упоминанием каких-либо топонимов, не всякий из них можно связать однозначно с современной ситуацией. Локализация тех или иных населенных пунктов на тульских территориях необходима для определения характера заселения в различные периоды, для выяснения государственной принадлежности различных районов и, в конечном счете, для окончательного понимания событий русской средневековой истории.

Проблема локализации древних поселений Тульского края волновала умы многих ученых. Однако главная ошибка первых исследователей состояла в том, что они пытались связать указания средневековых источников с современными им топонимами XIX-XX вв. на основе совпадений, без надлежащих обоснований. В.Н. Дебольский уже привлекал документы позднего времени (писцовые

книги XVI-XVII вв. и пр.). Прорыв в изучении исторической географии получился в связи с привлечением данных археологии.

Первые, не очень уверенные упоминания городов на рассматриваемой нами территории относятся к XII в. Локализация на месте с. Дедилова летописного Дедославля поначалу не вызывала сомнений, однако к концу XX в. упрочилось мнение, что город был в другом месте. Основанием для того служило отсутствие городищ и селищ именно XII в. (в Дедилове есть городища раннежелезного века и XVI в.). В последнее время мысль о прежней локализации вновь вводится в оборот, поскольку более тщательные археологические исследования показали наличие нескольких древнерусских селищ и древнерусские материалы на карьере в центре Дедилова – возможно, остатки искомого городища. Долгое время перед историками стояла проблема локализации г. Тулы. На территории современного города нет городского культурного слоя древнерусского времени. В связи с этим были предприняты исследования округи. С большой степенью вероятности Тулу локализовали тульские археологи в ходе многолетних раскопок на городище у с. Торхово на р. Тулице (Гриценко В.П., Наумов А.Н. Древняя Тула. Проблемы локализации и истории // Тульский краеведческий альманах. Тула, 2003. Вып. 1. С. 8-9).

Наибольшие споры возникают у историков, когда речь заходит о XIV-XVI вв. – в это время тульский регион представлял собой пограничье Московского, Рязанского, Литовского великих княжеств, Орды и ее наследников. «Камнем преткновения» выступают географические пункты княжеских договоров и духовных грамот XIV-XVI вв. - Талица, Выползов и Такасов, Тула (была ли она ордынской и литовской?), Лопасня (местоположение его на правом берегу Оки подтвердили археологи в 2009 г., выявив крупное селище – очевидно, посад города), уезд Мстиславль, Жадомль и Жадене городище (локализацию их предложили Н.В. Иванов и Г.А. Шебанин), Дубок, Бродничь; Берестеи, Ретань (локализован Ивановым Н.В. и Шебаниным Г.А.), Спаш, Дорожень (локализация XIX в. явно неудовлетворительна; Г.А. Шебанин относит его к Одоеву, при впадении р. Дорогоньки в р. Упу), Заколотень Гордеевской (возможно, это два топонима – Заколотень и Гордеевской (Гордеев)), Романцево (локализовать его пытались не раз, наиболее популярны т.н. «епифанская» (В.Н. Дебольский, Г.А. Шебанин, И.Г. Бурцев) и т.н. «перехвальская» (И.Ф. Малюков, А.В. Лаврентьев) версии. В районе р. Перехваль го-

родище в «Романцовом лесу» относится к раннему железному веку; в районе Епифани в наличии городище, селища и могильник XIV-XV вв.), «город на Плаве и Солове» (можно уверенно сказать, что город не является современной Крапивной; у автора есть версия, что он располагался между притоками р. Упы на месте городища и нескольких селищ позднесредневекового времени). Вызывают споры и рязанские города из списка «А се имена всем градом русским»: Венев, Тешилов, Крилатеск, Неринеск, Кулатеск, Росла(в)ль Полскый, Свинеск, Новгородок на Осетре, Бобруеск, Дубечин, на Плаве Микитин, Вердерев, Ломихвост, в верх Дону Дубок, Корнике, Урюпеск. Особняком стоят некие «татарские места» Москвы и Рязани (В.А. Кучкин, А.А. Горский считают, что «татарские места» располагались на восточной окраине Рязанского княжества, вблизи Мещеры, и связаны с «мордовскими местами», также отнятыми у Орды и упоминаемыми впервые в 1402 г. Автор считает, что «татарские места» расположены к югу от Тулы, возможно, совпадают с Куликовым полем, а в 1380 г. Дмитрий Иванович вел туда войска затем, чтобы в сражении доказать право на владение этими землями).

Изучение исторической географии Тульского региона показывает, что только комплексные исследования способны раскрыть тайны прошлого.

А.В. Быков (Вологда)

ЛОВЛЯ РЫБЫ НАХЛЫСТОМ В ОПИСАНИИ БРИТАНСКОГО ДИПЛОМАТА Ф.О. ЛИНДЛЕЯ 1915—1919 ГГ.

Одной из фундаментальных задач исторической географии является изучение взаимодействия человека и природы. В этом контексте значительный интерес представляет описание способов ловли рыбы, применявшихся в конкретный исторический период. От способов ловли рыбы зависит благополучие экосистемы водоемов. Отдельная отрасль рыболовства — спортивное, основная цель которого — получение эстетического удовольствия от процесса ловли рыбы.

Эта традиция пришла в Россию в XIX в. из стран Европы. Рыболовное развлечение было привилегией аристократических слоев общества и всегда расценивалось основной массой населения как

«чудачество». Среди способов ловли на удочку особое место занимал «нахлыст» — ловля на искусственную муху. Родоначальниками этого способа являются англичане. Зародившийся в средневековье как способ ловли рыбы нахлыст в XIX в. был усовершенствован и приобрел современную форму со специальными удочками, лесками для дальнего заброса и приманками.

Заграничные контакты жителей Российской империи в XIX в. познакомили последних с рафинированной европейской рыбалкой и сделали некоторых из титулованных рыболовов уважаемыми клиентами специализированных европейских магазинов рыболовных принадлежностей. В свою очередь, иностранцы, прибывавшие в Россию по делам службы и бизнеса, привозили с собою орудия лова и знакомили с ними в действии своих русских vis-a-vis. В числе приезжих иностранцев — рыболовов встречались и представители аккредитованного в России дипломатического корпуса. В мемуарах одного из них, британского дипломата Френсиса Линдлея содержатся уникальные сведения о его рыбалках на Севере России и на территории Великого княжества Финляндского.

Рукопись «русских мемуаров» Линдлея хранится в Русском архиве университета г. Лидз (Великобритания), никогда не публиковалась и практически недоступна отечественным исследователям.

Автор мемуаров был большим любителем и знатоком природы. На страницах его воспоминаний часто встречаются заметки о флоре и фауне России. Особое место занимают сюжеты о ловле рыбы нахлыстом. Условно сюжеты, изложенные Линдлеем, можно разделить на две группы: организованная и неорганизованная рыбалка. К первой группе отнесем описанную дипломатом рыбную ловлю во владениях великого князя Михаила Александровича. Линдлей указывает место рыбалки — протекающий в 20 милях от Петрограда в Заречье «типичный гемпширский меловой ручей». Аналог с английским водоемом здесь неслучаен, реки графства Гемпшир были знамениты своими запасами форели, но то, что увидел Линдлей во владениях Михаила Александровича, поразило его воображение: «Никогда и нигде я не видел так много форели! Она просто роилась, и, ловя на сухую муху, я поймал 20 штук в первый день, в среднем чуть больше фунта каждая, и отпустил вдвое больше». Изложенный отрывок представляет нам картину организованной рыбалки в охраняемой зоне. Именно наличие последнего

фактора и служило гарантией постоянного изобилия рыбы в ручье. «Смотрители в униформе» не только охраняли территорию от браконьеров, содержали в чистоте берега, но и опосредовано сохраняли малую экосистему ручья, где в благоприятных условиях климата в достатке водилась форель и другие ценные виды рыб.

Отрывок, посвященный ловле рыбы на Вуоксе, протекающей ныне по территории двух стран, России и Финляндии — одно из лучших описаний природы во всех мемуарах Линдлея: «Вуокса — чудесная река, около 300 ярдов шириной, полная форели, хариуса, щуки и сига. И никогда я не видел такого роя мух, как той теплой ночью. Весь широкий поток был покрыт мертвыми и умирающими мошками и кишел от рыбы. Некоторое время я потратил в пустую на сигов, которые достигали 10 фунтов, но не поймал. Переключившись на форель, я заставил своего лодочника дать задний ход против течения и ловил их в нахлыст на сухую приманку, гораздо большую, чем муха в воде. Я поймал 6 форелей и двух хариусов весом всего 15 фунтов, прежде чем море белого тумана, следовавшее с молодой луной опустилось на реку и в 3 часа ночи отправило меня в постель». Эта рыбалка хоть и проводилась в общедоступном месте, но все равно относится к группе организованных, так как в описании ее присутствует лодочник, возможно взятые в аренду снасти и рыбацкий домик для отдыха.

В мемуарах содержится и пример неорганизованной и — как следствие — неудачной рыбалки, в данном случае спонтанно возникшего после обильного ужина с вином желания что-нибудь изловить: «Вечеринка закончилась нашим выездом к реке после полуночи. Когда мы ехали по широкой равнине, спустилась темнота, вокруг трещали коростели. Река не отличалась от р. Тест и, как говорили, содержала рыбу. Но к тому часу я был счастлив тем, что вытащил на берег крошечную плотвичку. Пробираясь назад через насквозь промокшую траву, славным ранним утром, я снова жил теми утренними зорями, когда бывало, выбирался из моего дома в Винчестере до восхода солнца и спешил на берег Итченя». Неудачная рыбалка случилась в окрестностях Петрограда в расположении одной из воинских частей, командир которой был заядлым рыболовом и по свидетельству Линдлея: «вероятно обогатил лондонские магазины рыболовных снастей».

Подводя итог сведениям о рыбалке, изложенным в мемуарах Линдлея, отметим, что хорошие уловы были залогом отличной ор-

ганизации процесса ловли и тщательной охраны рыбных ресурсов, зафиксированных автором. К сожалению, в этих местах, за исключением Финляндии, присутствие «красной рыбы» в настоящее время фиксируется только в географических названиях.

О.А. Валова (Москва)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОЙ КОНТОРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА ДЛЯ ДВОРЯНСТВА В 1754–1763 ГГ.: ЗНАЧЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА

Принцип географической детерминированности был ясно выражен при самом учреждении в 1754 г. Государственного банка для дворянства (далее – ГБД) в его организационной форме в виде двух административно независимых друг от друга и равных по статусу коллегиям контор в С.–Петербурге и Москве. Московская контора ГБД, в надстройке вышестоящих над собой государственных органов имевшая, в отличие от Петербургской, еще и Сенатскую контору в Москве, вместе с петербургской подчинялась императорской власти и Сенату. Так в создании ГБД своеобразно отразилось географическое разделение и двойственное строение управленческой структуры государства того времени, когда в середине XVIII в. в Москве находились дополнительно подчиненные Сенатской конторе коллегии, конторы которых располагались в С.–Петербурге, и, с другой стороны, конторы размещавшихся в северной столице коллегий. Расположение Москвы в центре обширного региона, в котором преимущественно были сосредоточены дворянские недвижимые имения, повлияло и на распределение выделенного для выдачи займов казенного капитала в размере, соответственно, 500 тыс. руб. Московской и 250 тыс. руб. Петербургской конторам ГБД. Воздействие географического фактора прослеживается не только в организации необходимого взаимодействия и обмена информацией о заемщиках между двумя конторами ГБД. Поскольку банковые конторы непосредственно работали с деньгами, и притом в доассигнационную эпоху, они не избежали обычных трудностей, связанных с необходимостью транспортировки в некоторых случаях значительных

денежных сумм. Выдача займов под залог недвижимых имений и принудительное взыскание долга с нарушивших условия возврата или отсрочки выплат заемщиков находились в самой тесной связи с географическим расположением заложенной недвижимости. Во-первых, для Московской конторы ГБД одним из важных источников справочных сведений о потенциальных заемщиках при принятии решений о выдаче займов в указанный период были собранные со всех великороссийских (кроме Петербургской) и Смоленской губерний в Камер-коллегии в Москве материалы второй ревизии, систематизированные там по именам помещиков (РГАДА. Ф. 327. Оп. 1. Д. 2. Л. 1; Д. 29. Л. 2 об.). Во-вторых, в Московской конторе ГБД с первых дней ее функционирования в июле 1754 г. начали составляться собственные алфавиты: один – с информацией по закладам недвижимых имений, второй – по запрещениям и разрешениям помещикам в письме крепостей (РГАДА. Ф. 327. Оп. 1. Д. 33–35). Базой для формирования обоих алфавитов служили присылаемые от местных органов власти, из Юстиц-коллегии, ее конторы и ряда других государственных учреждений ведомости с соответствующими сведениями. В Журнале заседаний Московской конторы ГБД за 1758 г. об этом свидетельствуют более четверти из числа всех имеющихся записей, а их содержание говорит о той важности, которую присутствие Московской банковой конторы придавало пунктуальной присылке «исправно» оформленных ведомостей (Там же.). По данным Журнала заседаний Московской конторы ГБД, ведомости присылались губернскими, провинциальными и воеводскими канцеляриями, расположенными на территориях Архангелогородской, Белгородской, Воронежской, Казанской, Лифляндской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Оренбургской, Ревельской и Смоленской губерний, т.е. 11 из 16 существовавших в это время (под заклад имений, находившихся в Киевской и Выборгской губерниях, займы в ГБД в сер. XVIII в. не выдавались; из Сибирской и Астраханской губерний, по понятным причинам, присылать сведения было не о ком). География корреспонденции данного типа охватывала почти все пространство (за исключением Петербургской губернии), где находились недвижимые имения, залог которых в ГБД был разрешен для получения займов. Полнота сведений, содержащихся в алфавитах Московской конторы ГБД, имела серьезное значение для достижения положительных финансовых резуль-

татов деятельности конторы за период до 1763 г. включительно. Например, Петербургская контора ГБД, не проводившая такой работы, имела заметно более скромные успехи. В-третьих, Московская контора ГБД вела активную переписку с канцеляриями местных органов власти в процессе осуществления предаукционной подготовки к продаже с публичных торгов недвижимых имений для взыскания долга с заемщиков. На основании этих и ряда других архивных материалов вырисовывается следующая география расположения заложенной в ГБД недвижимости: Архангелогородская, Белгородская, Воронежская, Казанская, Московская, Нижегородская, Новгородская и Смоленская губернии; причем около 30% залогов находились в Московской губернии, которая, таким образом, лидировала по этому показателю. Необходимо добавить, что скорость и успешное завершение погашения задолженности заемщиков перед ГБД путем конфискации и продажи заложенных недвижимых имений напрямую зависели от действий канцелярий местных органов власти и их уполномоченных представителей. Таким образом, географически обусловленные обстоятельства деятельности ГБД существенным образом влияли на методы, характер и результаты работы его Московской конторы.

Е.Г. Власова (Пермь)

СМЕНА ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ УРАЛА В ЛИТЕРАТУРЕ ПУТЕШЕСТВИЙ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX В.: К ПРОБЛЕМЕ ВЛИЯНИЯ СПОСОБА ПУТЕШЕСТВИЯ НА ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА

В уральской историографии путевые отчеты играют особую роль. Дело в том, что в силу своего фронтирного положения Урал долгое время оставался для русской культуры территорией молчания. Только в условиях устойчивой колонизации – а это уже период формирования горнозаводской культуры – на Урале начинает формироваться собственная исследовательская традиция. До этого

времени основным источником для изучения Урала оставались отчеты путешественников – сначала греческих и византийских, потом арабских, и наконец, европейских купцов и дипломатов.

Впрочем, и среди первых русских источников описания Урала путешествия занимают ведущее место. Авторами первых российских описаний Урала были ученые-путешественники – это В.Н. Татищев, И.И. Лепехин, Н.П. Рычков и др. Первые литературные описания Урала также были сделаны путешественниками – М.И. Невзоровым, В.В. Дмитриевым, П.И. Мельниковым-Печерским, В.И. Немировичем-Данченко и т.д. Да и собственно уральская литература XIX в. не представима без путевой очеркистики Д.Н. Мамина-Сибиряка, Ф.М. Решетникова и газетной «дорожной литературы» конца XIX - начала XX в.

Благодаря своей представительности уральский травелог с особенной отчетливостью отразил одну из важнейших, на наш взгляд, особенностей восприятия пространства, а именно, его тесную взаимосвязь со способом передвижения. История транспортного освоения Урала включает самые разнообразные способы путешествия – от волока до железных дорог. Каждый из них проявлял свои смыслы и вырабатывал собственную стилистику описания уральского пространства, формируя своеобразные «дорожные» дискурсы. Эволюция уральского травелога XVIII-начала XX вв. определяется, на наш вгляд, взаимодействием трех основных «дорожных» дискурсов – гужевого, включающего верховой и повозочный способы путешествия, пароходного и железнодорожного. Исходя из самой природы путешествия, связанного с физическим перемещением в реальном пространстве и непосредственным контактом с окружающей действительностью, при характеристике основных семантических и структурных особенностей выделенных «дорожных» дискурсов главные параметры описания будут связаны с телесными ощущениями: тактильными, зрительными, слуховыми, кинестетическими и т.д.

Путешествия в XVIII и начале XIX вв. проходили по проложенным трактам и волокам - там, где дорог не было. Нередко путешественники пересаживались на лодки и плоты, преодолевая часть пути по воде. Маршруты путешествия, как правило, были связаны с преодолением Урала (в основном это три перевала: в районе Уфы, старой бабиновской дороги от Соликамска до Верхотурья и Сибир-

ский тракт от Перми до Екатеринбурга). Опорными пунктами путешествия служили горные заводы. В это время складывается горнозаводская семантика образа Урала.

Описания пространства в это время определялся самым тесным взаимодействием путешественника с окружающим ландшафтом. Путешествия этого типа наполнены тактильными контактами. В них преобладает ощущение тесноты пространства, его плотности и труднодоступности. Репрезентативными локусами наряду с горами становятся элементы подземного, теллурического мира: реки, уходящие под землю, рудные копи, пещеры. Кроме того, недра Урала овеяны легендами о древней Чуди, ушедшей под землю. Таким образом, Урал предстает горным краем, таинственным и опасным местом, история и онтология которого связана с его недрами.

С начала 50-х гг. XIX в., времени открытия пароходного сообщения по Волге и Каме, начинает доминировать пароходное путешествие, которое формирует другую оптику описания. Во взаимодействие основных символических элементов уральского пространства горы уходят на задний план. Они, как правило, синеют вдалеке или погружены в дымку. На первом плане – река и ее берега с темным еловым лесом. Также в глубине речных берегов расположены и горные заводы. Роль главных транзитных пунктов в речном путешествии выполняют пристани. В это время преобладают семантика транзитного и торгового значения Урала.

Возросшие скорости путешествия изменили восприятие расстояний. Пароход резко сократил время пути до Урала, тем самым приблизив его к центру. Поездка из Перми до Нижнего Новгорода превратилась в прогулку. Однако северные области по-прежнему остаются труднодоступными. По Чусовой, Сылве, Вишере, Колве путешествия предпринимаются лишь в начале XX века, когда там налаживается пароходное сообщение. Южный Урал приблизился, благодаря пароходному сообщению с Самарой, но незначительно. Таким образом, пароходные путешествия выделили в образе Урала камскую тематику, приблизив Прикамский Урал к центру России.

Железнодорожные путешествия, отсчет которых нужно вести с момента открытия Уральской железной дороги в 1878-79 гг., снова акцентировали горную семантику Урала. Доминирующими локусами становятся скалы, подходящие к полотну железной дороги, обрывы к реке, по узкому пространству которых прокладывался

путь, тоннели. Снова активной становится тема уральских горных заводов, особенно в связи с описанием восточного, екатеринбургского склона. Екатеринбургский Урал с открытием железной дороги существенно потеснил Пермь в объеме и масштабе путевых записей. Намечается противостояние речной Перми и делового, железного Екатеринбурга. В целом движение на поезде по Уралу соединяло в себе ощущение особенностей горной уральской географии и технократического характера местной культуры, основным оплотом которой оставались горные заводы.

Каждый из «дорожных» дискурсов уральского травелога акцентировал свои смыслы и свои подходы в описании местного пространства. Эти особенности с одной стороны отражали, а с другой – формировали актуальное представление об Урале. Рассмотренные в своем взаимодействие, «дорожные» дискурсы уральского травелога позволяют обнаружить эволюцию восприятия Урала в период активного его освоения.

А.Ж. Габдулина (Астана, Казахстан)

КУЛЬТУРА КАЗАХСТАНА XIX СТОЛЕТИЯ: ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Отношение общества к культуре определяет его уровень нравственности, гуманистическая направленность. XIX век в истории культуры России и Казахстана принято считать «золотым веком». Это время называют эпохой Просвещения, когда наивысшего рассвета достигает устно-поэтическое творчество, письменная литература.

В период тоталитарного режима многие обычаи и традиции советских народов в течение долгого времени были незаслуженно забыты, но сегодня процессы демократизации общества способствуют тому, что возрождается культура, самобытность народов постсоветского пространства. История рассматривается в новом, объективном осмыслении фактов.

Главной особенностью развития культуры является то, что общество, эволюционируя на каждом новом витке истории всякий

раз, претерпевает изменения и проходит определенные этапы в своем развитии, поглощая все новые достижения в культуре.

История культуры Казахстана XIX столетия имеет свои определенные черты.

Это постепенное расслоение, хотя, конечно, не столь сильно выраженное, двух противоборствующих групп общества: ϕеодальной и народной, угнетенных масс. В этот период более резко, нежели в предыдущее, обостряется классовая борьба, и это не могло не отразиться на развитии культуры казахского народа.

Существенные изменения, произошедшие в экономике и в социальном отношениях казахского общества, в результате присоединения Казахстана к России, а вместе с тем и усиление колониального гнета, самым серьезным образом сказались на всей общественной жизни казахов, на их культуре.

В произведениях акынов, независимо от их взглядов, отражались новые явления в хозяйстве и культуре края.

Изъятие земель, борьба казахского народа против колониального гнета становились важной темой устной литературы песен и сказаний акынов.

Основные вопросы экономической и политической жизни казахов, в частности, вопрос о земле, в песнях освещались с различных классовых позиций. Такие акыны как Досхожа, Нысамбай, Байтак, Жанузак в песнях высказывались за сохранение господства казахских султанов, за упрочнение ϕеодального строя, воспевали кочевой образ жизни казахов, всячески идеализировали старину, оплакивая уходящее прошлое, называя его «золотым временем».

В казахской литературе, как и в истории культуры России XIX столетия появляются течения, раскрывавшие социально-экономические проблемы народа и государства того времени. В Казахстане – это акыны, защищавшие интересы крупных ϕеодалов, султанов, а также певцы-импровизаторы, выражавшие интересы масс трудящихся. Разумеется, в условиях патриархально-ϕеодального общества эти две линии развития в казахской литературе той эпохи еще не были четко разграничены.

Во многих песнях акынов ясно видны социальные тенденции, в то время в них еще далеко не преодолены представления о «единстве» всех казахов, об отсутствии в казахском обществе классовых противоречий. Но они, во многом, верно, отражали в своем творче-

стве горе и страдания народов, стонавших под игом кокандских, хивинских ханов и разного рода экспансионистских влияний со стороны других государств.

Среди акынов были выдающиеся импровизаторы большого поэтического дарования. Шокан Уалиханов высоко ценил импровизаторский талант акынов Жанака, Шоже, Орымбая, Арыстана... Ибрагим Алтынсарин также указывал на значения творчества акынов XIX века, он даже ввел в хрестоматию песни и стихи акынов Орымбая и Жанака.

Выдающимся акыном, борцом против угнетения бедных был Махамбет Утемисов. Поэтическое слово Махамбета не расходилось с его делами как вождя восстания и батыра. Последовательность и решительность в мыслях и поступках – характерные черты поэта и борца.

Для дальнейшего развития казахской культуры огромное влияние оказало присоединение Казахстана к России.

В первый период колонизации казахского края царское правительство постоянно поддерживало религиозное сознание феодальной верхушки: оно стремилось сделать ислам верным орудием на пути к колониализму. В целях распространения ислама в казахской степи открывались медресе, строились мечети. С помощью татарских мулл среди казахов распространялись книги религиозного содержания и мессы, воспевающие пророка Мухаммеда и его сподвижников.

Позднее, в середине XIX века, когда колонизация народов Средней Азии усилилась, имея острые черты борьбы на независимость, местные феодалы, противясь ей, сделали ислам орудием борьбы с колонизаторами.

Казахская поэзия XIX столетия характеризуется качественным обновлением и обогащением содержания. В этот период звучат и обретают жизнь такие жанры как толгау, арнау, аҕтыс.

Соотвественно, рассказывая о возникновении и развитии индивидуального поэтического творчества можно сказать, что в казахской поэзии возникли два течения, острая идейная борьба против угнетения, как и феодально-байской верхушки, так и со стороны внешнего вторжения в жизнь казахского народа, борьба с которыми особенно усилилась к середине столетия. Под воздействием передовой общественной мысли окончательно укрепилось демократическое направление. Ярким примером этого является

творчество Ш. Жарылгасова, А. Азаматовой, С. Аронова и др. Главная отличительная черта их поэзии заключается в реалистическом отношении. Фактически это были «первые проросшие плоды реализма».

Развитие культуры казахского народа в XIX веке было обусловлено расцветом народного устно-поэтического творчества и особых форм музыкального творчества. Казахская поэзия качественно обновлялась и обогащалась, а музыкальная культура продолжает развиваться в традиционных народных формах.

Кроме этого, в результате присоединения Казахстана к России, постепенно, казахский народ стал приобщаться к русской культуре, что имело, конечно, прогрессивное значение для развития казахской культуры.

В.Л. Гайдук (Москва)

РАЗРАБОТКА УРБАНИСТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ В ПОЭТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ СИМВОЛИСТОВ

Перемены, которые происходят в обществе, могут быть прослежены на двух уровнях социальной реальности: уровне индивидуальностей и уровне общностей. Особенно важным с точки зрения психологических процессов становится изучение художественной литературы, в частности поэзии. В период рубежа эпох появляется большое количество литературных направлений, самым значимыми среди которых становятся символизм, акмеизм и футуризм. Процессы формирования символизма как литературного течения фактически совпадают с хронологическими рамками начала процессов урбанизации в России. Именно поэтому изучение влияние процессов урбанизации на индивидуальность представляется наиболее целесообразным на материале символизма.

Город изначально противопоставляется природе. Город — это пространство, созданное человеком, именно поэтому в городе отчетливо прослеживается антитеза естественное / искусственное. К городскому причисляется все, что создано человеком, а именно: улицы, переулки, площади, шоссе, бульвары, тротуа-

ры, мостовые, набережные; строения, дома, здания, заводы, фабрики, рестораны, кабаки, публичные дома, аптеки, кино, театры, вокзалы, больницы, гостиницы, машины, трамваи, автомобили, кэбы, омнибусы, конки, аэропланы, фонари. Городскими атрибутами становятся также материалы: камень, чугун, железо, кирпич, уголь, асфальт.

Все элементы городского текста можно условно разделить на две группы — атрибуты пространства и атрибуты времени. Среди атрибутов городского пространства в поэзии символистов упоминаются улицы и мостовые, причем на улицах располагаются различные строения, ездят машины и находятся осветительные приборы, а из элементов строений, кроме того, особо отмечаются материалы, из которых они сделаны, а также окна. В свою очередь, временные отношения могут передаваться как непосредственно, так и метафорически.

Рассмотрим структуру городского пространства на примере концепта фабрик и заводов, которые являются принципиально новым элементом городской тематики начала XX в.

Первым образ фабрики/завода использует Д.С. Мережковский (1890; Мережковский Д. Смерть. Петербургская поэма), за ним следует В.Я. Брюсов, у которого периодически используется прилагательное фабричный: «глядят несытые ряды / фабричных окон в темный холод» (1902; Брюсов В.Я. Ночь), «ты труб фабричных частоколом / неумолимо окружен» (1907; Брюсов В.Я. Городу. Дифирамб), «фабричный дым висит на всех кустах» (1909—1911; Брюсов В.Я. Святое ремесло. Ответ).

А. Белый продолжает линию, начатую В.Я. Брюсовым: «багрец золотых вечеров / закрыли фабричные трубы» (1902; Белый А. Пир), «и дымом фабричные трубы / плюют в огневой горизонт» (1904; Белый А. На улице). В это же время А. Белый начинает использовать и прямое указание на фабрику как на объект: «проходят толпы с фабрик прочь» (1905; Белый А. Пир).

У А.А. Блока также преобладает использование прилагательного «фабричный»: «Хохот. Всплески. Брызги. Фабричная гарь» (1904; Блок А.А. Обман), «вот – всем телом прижат под фабричной трубой» (1904; Блок А.А, Гимн), «в час фабричных гудков и журфиксов» (1905—1906; Блок А.А. Ночная фиалка), «поют фабричные гудки» (1906); Блок А.А. Ты смотришь в очи ясным зорям...), и лишь еди-

ножды упоминается сама фабрика —«стены фабрик, стекла окон» (1904; Блок А.А. Город в красные пределы…). У других символистов упоминаний фабрики нет.

Одним из важных элементов фабрики является «труба», упоминания которой присутствуют в приведенных выше строках В.Я. Брюсова и А. Белого. Лишь один раз — у М.А. Волошина — упоминание трубы не связано с фабрикой напрямую: «и из-за крыш и труб — сквозь дождь издалека» (Волошин М. Цикл Париж). Практически каждая труба в городе, как его видели себе символисты, — фабричная.

В свою очередь, упоминание фабрики или завода в 11 случаях из 14 связано с событиями, которые происходят на закате или ночью: «глядят несытые ряды / фабричных окон в темный холод» (Брюсов В.Я. Ночь), «багрец золотых вечеров / закрыли фабричные трубы» (Белый А. На окраине города), «и дымом фабричные трубы / плюют в огневой горизонт» (Белый А. На улице), «красное солнце село за строенье. / хохот. Всплески. Брызги. Фабричная гарь» (Блок А.А. Обман), «стены фабрик, стекла окон, / грязно-рыжее пальто, / развевающийся локон - / все закатом залито» (Блок А.А. Город в красные пределы…), «проходят толпы с фабрик прочь. / отхлынули в пустые дали. / над толпами знамена в ночь / кровавою волной взлетали» (Белый А. Пир), «в час фабричных гудков и журфиксов, / в час забвенья о зле и добре» (Блок А.А. Ночная фиалка), «ты смотришь в очи ясным зорям, / а город ставит огоньки, / и в переулках пахнет морем, / поют фабричные гудки» (Блок А. Ты смотришь в очи ясным зорям…), «огни вонзая в небосклон, / ты труб фабричным частоколом / неумолимо окружен» (Брюсов В.Я. Городу. Дифирамб), «фабричный дым висит на всех кустах / …/ при свете электрической дуги» (Брюсов В.Я. Святое ремесло. Ответ). Только в одном случае действие происходит на рассвете («все испуганно пьяной толпой / покидают могилы домов… / Вот-всем телом прижат под фабричной трубой / незнакомый с весельем разгульных часов» (Блок А.А. Гимн)), а еще в одном — в неопределенное время («страна фабричная» (Мережковский Д.С. Смерть. Петербургская поэма)).

В стихотворении, включающем упоминания фабрики, регулярно присутствует второй элемент, который точно указывает на время действия. В 4 случаях это закат и все краски, которые могут быть с ним связаны - «багрец золотых вечеров» (Белый А. На окраине

города), «плюют в огневой горизонт» (Белый А. На улице), «красное солнце село за строение» (Блок А.А. Обман), «все закатом залито» (Блок А.А. Город в красные пределы...). В 2 случаях авторами делается акцент на темное время суток – ночь: «фабричных окон в темный холод» (Брюсов В.Я. Ночью), «над толпами знамена в ночь» (Белый А. Пир). В трех случаях маркером времени суток становится городское освещение: «а город ставит огоньки» (Блок А.А. Ты смотришь в очи ясным зорям...), «огни вонзая в небосклон» (Брюсов В.Я. Городу. Дифирамб), «при свете электрической дуги» (Брюсов В.Я. Святое ремесло. Ответ), и в одном случае сама фабрика, точнее фабричные гудки становятся показателем времени «в час фабричных гудков и журфиксов» (Блок А.А. Ночная фиалка). Таким образом, фабрика у символистов устойчиво вписывается в контекст вечера и ночи. Это превращает упоминание фабрики в дополнительный маркер ночного времени.

Анализ произведений поэтов-символистов привел к вычленению единой структуры образа города. В произведениях символистов сформировался вполне определенный, и, что особенно важно, – ограниченный комплекс представлений о том, что такое город, и какими атрибутами он наделяется. При этом модель городского пространства, которая была описана поэтами первого ряда, использовалась поэтами второго и третьего рядов без каких-либо вариаций. Образ города в произведениях символистов замыкался, становился статичным и не претерпевал с течением времени никаких существенных изменений.

Д.Е. Гневашев (Вологда)

ДАННЫЕ ТОПОНИМИКИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ВОЛОГОДСКОМ КРАЕ В XIV—XV ВВ.

Своими успехами топонимика как интегральная наука в равной мере обязана лингвистике, географии и истории. Последняя же издавна не только вносит в топонимический тезаурус установлен-

ные чисто историческими методами факты, но и активно использует данные топонимики для углубления исторических представлений, установления новых фактов и их взаимосвязей, и прежде всего по тем периодам русской истории, которые по разным причинам слабо обеспечены письменными источниками. Трудно представить, как много бы потеряли исследования С.Б. Веселовского по истории Подмосковья или служилого землевладения XIV-XVI вв., если бы он устранился от мастерски проведенного им анализа генеалогических, топонимических и иных данных. Редкая современная работа по истории средневекового землевладения обходится без топонимических штудий, в том числе и по тем регионам, которые сравнительно хорошо документированы актовыми и нарративными источниками. Особую ценность и надежность приобретают основанные на топонимике выводы, поверенные археологическим материалом (работы В.Л. Янина, С.З. Чернова, А.А. Юшко).

Изучение ранних структур землевладения в Вологодском крае осложнено крайне узким кругом письменных источников. Наиболее полные сведения по истории служилого землевладения содержатся лишь в писцовых описаниях начала XVII в., дворцового – 1580-х гг., некоторых монастырей – 1540-х гг., митрополита – 1500-х гг. Следы светских вотчин в крае в XV в. и в более раннее время фиксирует лишь небольшое количество актов. Поэтому при изучении вологодского землевладения в XIV-XV вв. насущной задачей становится совершенствование методов работы с сохранившимися документами и привлечение новых источников, прежде всего топонимических.

Большую работу по изучению вологодской топонимии проделала Ю.И. Чайкина, автор словаря «Географические названия Вологодской области». Она обозначила принципы интерпретации добытого материала и дала (не всегда верные) объяснения происхождению одной из восьми тысяч топонимов. Так, ойконим *Барское/Боярское* Ю.И. Чайкина объясняет принадлежностью селения «князьям, боярам, дворянам», что, конечно же, верно лишь в самом широком, публицистическом, смысле.

Ниже представлены предварительные наблюдения над топонимией Первой половины Вологодского уезда в границах XVII в., т. е. территории древней новгородской волости Вологды и ряда тянувших к ней костромских волостей, подавляющая масса селений в которых возникла в XIII-XVI вв.

Отобранные для целей данной работы топонимы распадаются на три группы.

Во-первых, это названия *Вотчина (-нка)*, *Слобода (-дка, -дища)*, зафиксировавшие владельческий статус земли. Они определенно указывают на тип земли, на которой стоит селение, и в какой-то мере – на социальный статус основателя/владельца селения, а в случае с топонимом *Слобода* еще и на историю его возникновения.

Во-вторых, топонимы, в которых отразился социальный статус – *Боярское/Барское*, *Бояринцево/Баринцево*, *Боярово* – или социальная роль землевладельца – *Волостелин луг*, *Посадниково*, *Посадница*; вероятно, топоним звучал оригинально в притяжательном падеже *Посадница (-чья)*. Наряду с выполнением дифференцирующей роли (указание на привилегированный статус «боярской» земли, противопоставленной землям волостным, служним и дворцовым), топоним Боярское/Барское говорит о причастности настоящего или бывшего владельца селения к числу светских вотчинников. Конечно же, в большинстве случаев владелец селения с таким названием не обладал служебным чином боярина.

К этой же группе могут быть отнесены топонимы *Княже(во)*, *Княжа(я)*, *Княжищево*, *Князчиха*, *Княгинино*, *Владычне(во)*, *Владыкино*, *Митрополье*. Помимо того, что в них ясно прочитывается генеалогический статус (обладание титулом) или церковный сан владельца/основателя селения, эти топонимы могут также свидетельствовать о владельческом статусе самой земли под селением.

При анализе топонимов этой группы не следует пренебрегать вероятностью, хоть и незначительной, возникновения названия селений от некалендарных личных имен их основателей – Владыка, Митрополит, Князь, Боярин(ец).

Третья группа охватывает названия селений, образованные от имен их основателей. Зачастую источники не содержат прямых указаний на владельческую принадлежность того или иного селения местному феодальному роду или конкретному лицу. Однако эта принадлежность может быть предположена с высокой степенью достоверности (в ряде случаев доказана) при опоре на данные топонимики. Так, по источникам XV-XVII вв. устанавливается круг родов, владевших землей на Вологде с XIV-XV вв. (Беседные, Бирилевы, Говоровы, Трусовы, Кочкаровы, Сараевы, Фрязиновы, Чашниковы и др.), при этом топонимия региона включает соименные фа-

милиям родов или именам отдельных их представителей названия селений – села Беседное, Бирилевское, Говорово, Кобылино, Фрязиново, деревни Трусово, Кочкарово, Сараево, Чашниково и т. д.

В особую группу можно выделить топонимы, в которых запечатлены названия храмов, исчезнувших к моменту фиксации топонима в источнике, что позволяет выявить сеть приходов и погостов более раннего, нежели источник, времени.

Первые две группы топонимов маркируют ареал внедрения в уезд землевладения разных типов (дворцового, церковного, частнофеодального, вологодских посадников). Названия третьей группы с большой степенью детализации говорят о распространении землевладения родов и отдельных лиц, тем самым внося конкретное содержание в ясные для современников, но «глухие» для ныне живущих названия (например, *Говоровские села*, *Кобылинские села*). Топонимы могут поведать о неизвестных по дошедшим документам актах мобилизации земель. К примеру, наличие селения Посадниково в вотчине ростовского архиерея ставит вопрос об источниках формирования последней, в том числе за счет земель, некогда бывших за новгородскими боярами.

Аккуратная интерпретация топонимических данных делает возможной более детальную проработку картины землевладения, установление новых фактов социально-экономической истории региона.

М.В. Головань (Ставрополь)

ГОРОДА КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Много нового для исследования локальной истории дает городская история. Микроисторические исследования помогают на конкретно-исторических примерах интерпретировать процесс социокультурных изменений в прошлом городов Ставрополья и Кавказских Минеральных Вод (КМВ). Эту проблему микроистория решает посредством изучения локального, кратковременного и сугубо индивидуального в их исторической конкретности. Одним из ключей изучения городской истории, как и любого иного сообщества, становится формула «город как общность, основанная на различии»; в этом

случае объекты исследования открываются не только своей мультисоциальной, но и мультикультурной стороной(Маловичко С.И. Новые исследовательские практики изучения местной истории: новая локальная // Прозрителевские чтения. 2005. № 1. С. 77-С.79). Природные факторы и ценная историко-архитектурная среда — базисные составляющие формирования городов-курортов КМВ.

Все большую актуальность для курортного региона КМВ и города Кисловодска, в частности, приобретает проблема сохранения историко-архитектурного наследия. К сожалению, в нашей стране недостаточно осознается тот факт, что целостный и гармоничный архитектурный ландшафт города может быть таким же фактором привлечения туристов, как и выдающиеся объекты природы, лечебно-рекреационные ресурсы (минеральные воды, грязи, климат и пр.).

А в Западной Европе еще в начале XX в. началась практика юридической защиты исторически сложившихся городских ландшафтов. Так, еще в 1907 г. в королевстве Пруссия (в составе Германской империи) был принят закон, который давал право муниципальным органам власти запрещать собственникам возводить здания, которые нарушают «своеобразие картины местности», то есть целостность архитектурного облика того или иного городского района. Позднее и в других странах Европы стали обращать внимание на культурную и историческую ценность застройки городов. Особенно актуальным это стало после Второй мировой войны, когда было разрушено значительное количество городов с исторически ценной застройкой. В это время выделились города, которые пострадали незначительно. Они-то и стали затем крупнейшими туристическими центрами, которые теперь привлекают туристов. Города, лучше всего сохранившие свой исторический облик, включены в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

В России проводятся лишь отдельные мероприятия, связанные с сохранением историко-архитектурного наследия. В Кисловодске пока еще есть кварталы с исторической застройкой. Это бывшие слободские улицы (нынешние улицы Гагарина, Лермонтова, Березовская, Ксении Ге, Чернышевского и др.). Одноэтажные и двухэтажные слободские дома с крытыми резными балкончиками имеют не меньшую культурную и историческую ценность, чем Главные Нарзанные ванны или Нарзанная галерея, поскольку являются живым (и более красноречивым) свидетельством материальной куль-

туры населения Кисловодска в позапрошлом столетии. Именно поэтому так важно сохранить их для будущих поколений.

К сожалению, уже давно утрачена архитектурная целостность такого уникального места как Реброва балка. Это бывший дачный район, застроенный особняками в стилях «модерн», эклектика и неоклассицизм. Подобные дачные поселки возникали далеко не во всех российских городах, а лишь в курортных (за редким исключением). Поэтому в настоящее время основная задача — сохранить то, что уцелело после бездумного возведения бетонных «дворцов здоровья» на месте старинных «романтических замков». Причем необходимо обращать внимание не только на хрестоматийно известные памятники кисловодского зодчества (такие, как бывший особняк Твалчрелидзе, ошибочно называемой «дачей Ксешинской»), но и на такие, как бывшая дача М. Гориной (терем из кирпича и дерева в переулке Бородинском), находящийся теперь в плачевном состоянии. Этот особняк представляет особенное архитектурное направление, в целом не типичное для кисловодской застройки того времени, в чем и заключается его ценность. Недопустимо нарушение архитектурной целостности особняков, которые мы наблюдали в отношении «карточного домика» (известного как «дача Путята») по улице Желябова. К нему пытались пристроить дополнительный этаж, заодно уничтожив подлинную черепичную кровлю.

Отдельно следует отметить то, что такие здания требуют квалифицированной реставрации. Непрофессионально проведенные работы могут быть равнозначны разрушению памятника.

В связи с отсутствием в нашей стране развитой инфраструктуры туризма и отдыха государству необходимо предусмотреть условия для ее создания. В июле 2006 г. вступили в силу поправки в законодательство, по которым к существующим промышленно-производственным и технико-внедренческим особым экономическим зонам (ОЭЗ) были добавлены зоны туристско-рекреационные. К регионам, в которых их планируется создавать, относятся и Кавказские Минеральные Воды. Впервые разработана стратегия развития не отдельного субъекта Федерации и даже не большого мегаполиса, а особо охраняемой территории Российской Федерации.

Численность постоянно проживающего населения КМВ вместе с мигрантами близка к миллиону человек. Стратегия развития региона предопределена статусом четырех городов-курортов феде-

рального значения и опирается на конкурентные преимущества региона. Это комплексные оздоровительные природные факторы, проверенные временем уникальные лечебно-оздоровительные технологии, богатое культурно-историческое наследие, высокая концентрация учебных заведений. Экономику предлагается развивать на основе кластеров — туризм и здравоохранение, торговля и логистика, образование и наука, сельское хозяйство, промышленность, транспорт, ЖКХ и т. п.

Сегодня нельзя сформировать здоровую среду обитания людей без ее исторической среды. Решение этой проблемы видится в постепенном включении недвижимых памятников городской культуры в структуру регулируемых государством отношений собственности.

А.А. Голубинский, Д.А. Хитров (Москва)

РУССКИЙ СЕВЕР ПО МАТЕРИАЛАМ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ: ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ*

Для изучения прошлого любого аграрного общества ключевым является вопрос об использовании земельного фонда. Специфика земледельческого уклада такова, что именно использование сельскохозяйственных угодий крестьянством во многом предопределяет демографические и хозяйственные параметры общества, а опосредованно, через систему землевладения — и его социальный строй.

В литературе давно был поставлен вопрос о том, что еще в конце XVIII в., задолго до явного обострения проблемы «аграрного перенаселения», в ряде регионов России обозначился некий предел аграрного развития и демографического роста. Данная проблема звучит более остро в свете результатов исследований Л.В. Милова, показавшего, что в условиях России крестьянству всегда был необходим большой резерв переложных земель (Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2006. С. 351 и след.). Думается, исключительно важно точно представлять себе, каковы были земельные ресурсы и какова была земельная обеспеченность крестьянского хозяйства в различных районах страны в этот период.

Наиболее наглядной формой представления таких данных является историческая карта. Необходимость создания комплекта карт, характеризующих важнейшие показатели общественного развития второй половины XVIII в., осознавалась давно, однако эта работа до сих пор не завершена.

Статистические данные для такой работы могут дать итоговые материалы Генерального межевания — прежде всего данные уездных табелей, в большом количестве хранящихся в Межевом архиве в РГАДА и дающих обширные данные как о землепользовании, так и о населении. Очень важно, что эти данные собраны по единой программе и покрывают основную часть территории страны. Описание проводилось не одновременно, однако для большинства районов страны имеющиеся материалы относятся к последней четверти XVIII в.; учитывая, что в аграрном обществе существенные изменения в системе землепользования происходят достаточно медленно, картографирование крупных регионов представляется допустимым.

В качестве картографической основы нами использованы атласы 1792 и 1821 гг., обработанные и привязанные к современной векторной карте. Отражая административно-территориальное деление на момент смерти Екатерины II, атлас 1792 г. соответствует задаче территориальной привязки большинства межевых табелей. Как известно, преобразования Павла I существенно изменили внутренние границы, однако после его гибели эти изменения были в большинстве отменены. Поэтому атлас 1821 г., имеющий математическую основу, после проверки может использоваться для корректировки и более точной привязки атласа 1792 г., весьма несовершенного с чисто картографической точки зрения.

В настоящем докладе представлены результаты обработки материалов по губерниям Русского Севера. Генеральное межевание прошло в Вологодской и Олонецкой губерниях в 1780-х – первой половине 1790-х гг., одновременно был обмежеван самый южный из уездов Архангелогородской губернии — Шенкурский. Межевание в Вятской губернии относится к более позднему времени (1804-1835 гг.) и в настоящем докладе не рассматривается.

На составленных картах хорошо видны несколько закономерностей. Во-первых, и это нельзя назвать неожиданным результатом, с юга на север существенно убывает плотность населения и распаханность территории. Дальние северные уезды настолько велики и так слабо заселены, что правительство при их формировании было

вынуждено отойти от предусмотренной Учреждением для управления губерний 1775 г. «нормы» населения уезда в 30 тыс. жителей — она выдерживается только в юго-западной части Вологодской губернии (Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, Вельский уезды). Все остальные уезды населены меньше; крайним случаем является приполярный Кемский уезд с населением всего в 3,3 тыс. человек.

Для большей части картографированной территории обеспеченность двора пашенными угодьями также убывает с севера на юг и с запада на восток; при этом заметно растет доля сенокосов в общем массиве сельскохозяйственных угодий. Этот результат также отвечает современным представлениям о том, что в северных районах в крестьянском хозяйстве возрастало значение промыслов и скотоводства.

Несколько неожиданным является резкое отличие землепользования в трех юго-западных уездах Олонецкой губернии — Олонецком, Петрозаводском и Лодейнопольском. Оставаясь сравнительно слабо заселенными и распаханными, они в то же время отличаются самыми низкими цифрами запашки на двор и мизерными (1,2 дес. на двор в двух последних) размерами сенокосов. Этот результат нуждается в интерпретации на фоне данных по смежным регионам страны с привлечением информации о неземледельческих заработках крестьянства.

* Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»

А.А. Голубинский (Москва), Д.А. Хитров (Москва),
Д.А. Черненко (Вологда)

ОПИСАНИЯ ГОРОДОВ СЕВЕРА И СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИМЕЧАНИЯХ К ГЕНЕРАЛЬНОМУ МЕЖЕВАНИЮ*

Как известно, земельные описания занимают особое место среди историко-географических источников по истории России периода Средневековья и Раннего Нового времени. Они хорошо известны историкам как материал для изучения сельского населения и хозяйства. В меньшей степени изучены возможности этих источников для изучения городов. Впрочем, писцовые книги XVI-XVII вв. активно используются исследователями в этих целях (Города России XVI века. Материалы пис-

цовых описаний. М., 2002; Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII в.: Сб. док. СПб., 2003; Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века: В 2 т. М., 2008; Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV-XVII вв. М., 2009).

К сожалению, этого нельзя сказать о материалах крупнейшего земельного описания России — Генерального межевания, относящихся ко времени второй половины XVIII — первой половины XIX в. Хотя основная задача этого грандиозного мероприятия состояла в фиксации границ земельных владений в каждом уезде, описание уезда (Экономические примечания к Генеральному межеванию) всегда подразумевали краткую характеристику города — уездного центра (Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965).

Описания, входящие в состав Экономических примечаний к Генеральному межеванию, включают обширный круг данных о городах:

– сведения о количестве дворов и населении (а также сословный состав населения города);

– данные об имеющихся или «вновь заведенных» городских укреплениях;

– данные об имеющихся или строящихся административных учреждениях;

– описание городской торговли (перечень проходящих в городе ярмарок, ассортимент ввозимых и вывозимых товаров, основные направления торговой деятельности местного купечества, примерная оценка годового оборота торговли города);

– сведения о городской промышленности (наличие мануфактур — «фабрик», а также численный и профессиональный состав городских ремесленников);

– данные о городских церквах, приходах и монастырях (количество и посвящения храмов по приходам с указанием того, каменные они или деревянные);

– структура пригородных сельскохозяйственных угодий (городские пашенные земли, выгоны, леса);

– характеристика природной среды городской округи (качество почв, воды, перечень обитающих в лесах животных и пород речной рыбы и т. п.).

– описания подгородных слобод и пригородов (количество населения, площадь и состав угодий, вид ренты и др.).

Эти типизированные сведения весьма ценны возможностью их сопоставления между собой в масштабах практически всей страны и в основном не введены в научный оборот (РГАДА. Ф. 1350. Оп. 1). В рамках нашего проекта изучение этого комплекса материалов было начато с описаний городов Севера и Северо-Запада России.

В результате предпринятой поисковой работы были выявлены описания городов по следующим губерниям Севера и Северо-Запада России:

– Архангельская (Шенкурск);

– Вологодская (Великий Устюг, Вельск, Вологда, Грязовец, Кадников, Красноборск, Лальск, Никольск, Сольвычегодск, Тотьма, Усть-Сысольск, Яренск);

– Вятская (Вятка, Глазов, Елабуга, Котельнич, Малмыж, Нолинск, Орел, Сарапул, Слободской, Уржум, Яранск);

– Новгородская (Белозерск, Боровичи, Валдай, Кириллов, Крестцы, Новгород, Старая Русса, Тихвин, Устюжна Железопольская, Череповец);

– Олонецкая (Вытегра, Каргополь, Кемь, Лодейное Поле, Олонец, Петрозаводск, Повенец, Пудож);

– Петербургская (Гдов, Луга, Новая Ладога, Ораниенбаум, Царское Село, Шлиссельбург, Ямбург);

– Псковская (Великие Луки, Новоржев, Опочка, Остров, Печоры, Порхов, Псков, Торопец, Холм).

Таким образом, в Экономических примечаниях к Генеральному межеванию сохранились описания большей части городов региона. Единство принципов работы межевых контор обеспечивает качественную сопоставимость этих материалов даже с учетом временной дистанции между межеванием различных губерний (так, межевание Вологодской или Олонецкой губерний проходило в 1780-е — 1790-е гг., а Вятской — в 1840-е — 1850-е гг.). Важно и то, что основная часть городов региона возникла после губернской реформы 1775 г., что позволяет рассмотреть сам процесс формирования городской сети на этой обширной территории. Анализ материалов межевания показывает всю постепенность реализации градостроительной реформы конца XVIII в., подразумевавшей перепланировку городов. Уже на данном этапе исследования эти источники позво-

ляют рассмотреть важнейшие аспекты экономической жизни городов региона: развитие промышленного производства, в том числе крупного (Петрозаводск), географию торговых связей, достигавших не только Москвы, но и Сибири, Аляски и Западной Европы (Вологда, Тотьма, Великий Устюг). Особым преимуществом наших источников является подробная фиксация пригородных земельных угодий, масштабы которых показывают, какое значительное место занимал сельский уклад в городской жизни городов конца XVIII — первой половины XIX в. (Милов Л.В. О так называемых аграрных городах России XVIII в. // Вопр. истории. 1968. № 6). Кроме того, они позволяют сделать важные выводы о городской приходской сети.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Города Российской империи по материалам Генерального межевания: исследование и тексты», № 10-01-00265а.

Е.А. Григорьева (Нижний Новгород)

ПРОБЛЕМА ГАНТИМУРА В РУССКО-КИТАЙСКОМ СПОРЕ XVII В. О ГРАНИЦАХ

В отчете русского купца Аблина о его поездке в Цинскую империю в 1669 г. есть фраза: «да измени де царю бохдою ево ясашные люди 170 человек и великим государем ясак платят в дарех, и великий государь пожаловал бы ево, велел тех людей отдать ему назад» (Российско-китайские отношения в XVII веке. Т. 1 М., 1969 (РКО). С. 291). Так цинская сторона ставила вопрос о перебежчиках, под которыми надо понимать кочевые сообщества, не признававшие пограничной демаркации между Россией и Китаем. Их олицетворением надолго стал эвенкийский князь Гантимур.

Он с 1651 г. платил ясак московскому царю и до 1667 г. считался и подданным Цинов. Когда ему было приказано воевать против русских, он ушел на земли России, приняв ее сторону. Опасаясь претензий русских покровителей Гантимура на его владения у р. Нонницзян и его влияния на племена в Маньчжурии, цинские власти безуспешно требовали его выдачи (РКО. С. 557).

В 1670 г. в российское Приамурье состоялся визит дипломата Шаралдая, интересовавшегося и о Гантимуре – «к каким людем ушел» (РКО. С. 380). Главной задачей Шаралдая было выяснение, возможно ли отбить Гантимура силой (Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. С. 120). Представитель Москвы Д. Аршинский отвечал: «Гантимура без государева указу послать не смел... и буде великий государь укажет Гантимура послать, и воевода... Гантимура пришлет тот час». Шаралдай способствовал тому, чтобы «...бугдыханово величество писал к царскому величеству лист не токмо для Гайтимура, а наипаче для проведывания подлинно – какие люди живут и которого государя». В этой посланной в Россию в 1671 г. грамоте вопрошалось и о Гантимуре: «И богдойский де царь приказывал про Гантимура: преже ли де платил великому государю ясак или мне? А про то де я допряма не знаю, каму он платил преже». В связи с Гантимуром китайцы спрашивали: «А будет... хто де платит великому государю ясак и збежит хотя в 10 или в 20 или во 100 лет, и вы де тех людей не сыскиваете ли?». Маньчжуры безуспешно предлагали прислать Гантимура «с одним казаком, обо всем переговорить» (РКО. С. 272).

Почему Китай едва ли не главным пунктом своих отношений с другой державой сделал вопрос о перебежчике? Ведь даже 170 его подданных, вставших под власть московского царя, для многомиллионного Китая не были значительной потерей. На самом деле, Цины опасались претензий России на территории, бывшие кочевьями эвенкийского князя. В посольстве Н.Г. Спафария в 1676 г. иезуит Ф. Вербист излагал еще причину, по которой вопрос Гантимура приобретал большое значение: «И буде царское величество отдаст Гантимура, который начальник всех иноземцов, тогда и прочие иноземцы или за ним пойдут, или порозну розбегутца, итак царскому величеству непошто будет проторитесь и держать служилых людей, как не будут при рубеже их ясачные» (РКО. С. 433). То есть, предполагая, что главная причина присутствия русских в Приамурье – ясак, маньчжуры надеялись, что отсутствие населения, с которого можно его брать, вынудит казаков уйти. На первый план выходил вопрос о вытеснении русских из Приамурья.

В феврале 1676 г. чиновник Ма Ла при встрече с русским послом Н.Г. Спафарием в Букее требовал выдать Гантимура (Китайская реляция о посольстве Николая Спафария в Китай // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. 1.

1887. С. 203). Спафарий так оценил ситуацию: «И как бугдыхан смел писать к великому государю про Гайтимура, что подданной ево, так и великий государь наипаче смел писать к бугдыхану про Гайтимура, потому что ево, великого государя, прямой подданной, и правда ево... А про такого мужика, что Гайтимур, не исчетные такие подданные в Сибирском государстве есть, которых знают воеводы, и ясак, что на них положено збирают, а великий государь таких имена и не ведает» (РКО. С. 505). Спафарий подчеркивал равные права обоих правителей на получение ясака с Гантимура и его племени, а также невозможность для российского государя знать поимённо всех сибирских подданных.

Гантимур стал одним из пунктов ультиматума Цинов. Они отказывались установить связи с Москвой, пока она не вернет Гантимура, не уладит пограничные недоразумения (РКО. С. 450). Русские отвергли ультиматум.

Цины стали готовиться к вытеснению русских из Приамурья. К лету 1685 г. Китай начал военные действия. Был взят город Албазин. Его защитники разошлись. Маньчжурские войска сожгли Албазин и укрепления, возвратились домой (Мясников В.С. Империя Цин... С. 185–186). Осенью 1685 г. русские вернулись и восстановили укрепления. В 1686 г. маньчжурские войска вновь осадили Албазин, “но русские, хотя и оказались в чрезвычайно тяжелом положении, продолжают стоять насмерть (РКО. Т. 2. М., 1970. С. 682). Крепость так и не была взята.

Император Канси в 1686 г. предложил России мир, необходимость которого ощущалась и в Москве. Мероприятием, которое могло бы способствовать установлению мира в Приамурье, по мнению российских политиков, была посольская конференция на границе. Русские предлагали, видимо, исходя из конфликта из-за Гантимура, Канси запретить своим подданным переходить рубежи и “чинить задоры” (РГАДА, ф. Сношения России с Китаем, 1685 г., д. № 2, п. 1, л. 93-94). Пекинские политики теперь предлагали обменять Гантимура на русских пленных (РГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 1, кн. 8, л. 101-102). Русские не выдали Гантимура.

Завершающим актом истории Гантимура стали статьи V, VI Нерчинского договора: «Не подвергать обсуждению прежде имевшие место различные старые дела. Живущих ныне в Срединном государстве русских людей и китайских подданных, находящихся в

Русском государстве, оставить там на жительство» и «Оба государства, следуя вечному миру, постановили, что отныне и впредь каждый человек, приезжающий в ту или другую страну, если у него есть проезжая грамота, может вести торговлю» (Нерчинский договор 28 августа 1689 года // РКО. Т. 2. С. 650).

А.Л. Грязнов (Вологда)

РЕКОНСТРУКЦИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ И СТРУКТУРЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ ЗАМОСКОВНОГО КРАЯ В XV—XVII ВВ.

На протяжении большей части своей истории Россия являлась аграрным социумом, поэтому вопросы освоения, использования и принадлежности земельных ресурсов имели первостепенное значение. Тем не менее, структура расселения и география земельной собственности даже для позднесредневекового периода остаются практически не изученными. Если для поиска поселений более ранних эпох успешно используются археологические методы, а для XVIII-XIX вв. уже имеются сравнительно надежные картографические материалы, то период XV-XVII вв. является своеобразным «белым пятном». Но именно на конец XV — первую половину XVI в. приходится максимальное уплотнение расселенческой структуры, когда плотность деревень и починков в Замосковном крае в среднем составляла от 1 до 4-х на км2. В результате этой волны внутренней колонизации поселениями были заняты все удобные для проживания места. Причем существование большинства деревень и починков было крайне недолгим — одно-два поколения. Уже во второй половине XVI в. разразился системный социально-экономический кризис, на который наложился целый ряд политических неурядиц — Смутное время. В результате коренные изменения затронули практически все сферы жизни общества. В аграрной сфере это выразилось в первую очередь в физическом истреблении значительной части сельского населения и — как следствие — запустении подавляющего числа населенных пунктов. Валовое описание конца 20-х — начала 30-х гг. XVII в. зафиксировало ситуацию

восстановления хозяйства после Смутного времени, тем не менее, жилыми в это время было около 1/3 поселений, упоминаемых в писцовых книгах (далее ПК), тогда как более 2/3 составляли пустоши, которые в XVI в. были починками, деревнями и даже селами. В последующие десятилетия XVII в. было возрождено еще около 5-10% пустошей. В дальнейшем практически на всей территории Замосковного края происходило сокращение количества жилых сельских поселений, достигшее своего пика в конце XX в.

К настоящему времени разработана и апробирована методика локализации поселений XV-XVII вв. и составления подробных карт на основе ПК и актовых источников XV-XVI в. Методика позволяет локализовать на карте от 90 до 100% населенных пунктов и до 70% пустошей, упомянутых в ПК. В результате заложенный в составляемые карты потенциал позволяет использовать их и для работы с актовыми источниками XV-XVI вв.

Предлагаемое сплошное картографирование на основе материалов XVII-XVIII вв. открывает перед исследователями принципиально новые возможности для ретроспективного изучения социально-политической и социально-экономической истории России периода Средневековья. Источниковую базу исследования составили:

1) источники кадастрового типа XVII-XVIII вв.: ПК и Экономические примечания к Генеральному межеванию. В них зафиксированы все важнейшие сведения о каждом владении на уровне отдельных поселений: количество угодий различных типов, населенность, владельческая принадлежность, качество земли, наличие господских усадеб др. В распоряжении историков нет материалов, сопоставление и картографирование которых может дать более детальную и широкую по территориальному охвату картину эволюции системы расселения и структуры землевладения в России XVII-XVIII вв.

2) картографические материалы XVIII-XIX вв. Объектом данного исследования является вся совокупность светских и церковно-монастырских владений, расположенных на изучаемой территории, каждое из которых рассматривается и фиксируется на картах комплексно (с точки зрения владельческой принадлежности, состава, населенности и т. п.) и в динамике (по состоянию на начало XVII и конец XVIII в.). На первом этапе исследования используется статистический метод (создание и анализ баз данных на основе кадастровых материалов XVII-XVIII вв.), а на втором — собственно картографический.

Комбинированное использование материалов ПК, Экономических примечаний и межевых планов XVIII-XIX вв. позволяет не только с максимальной полнотой локализовать писцовую топонимику, но и впервые позволяет убедительно реконструировать границы всех владений как XVIII, так и XVII в. (с точностью до нескольких метров). Это, в свою очередь, открывает возможности для пространственно-типологического анализа структуры землевладения (характер пространственного распределения поместных и вотчинных дач, пространственная динамика плотности населения по владениям в XVII-XVIII вв., степень преемственности границ и состава владений на протяжении XVII-XVIII вв., территориальная экспансия или сжатие землевладения отдельных фамилий).

Реконструкция системы расселения XVI в. осуществляется во многом за счет учета пустошей XVII в., которые в XVI в. были жилыми поселениями. Более точно зафиксировать систему расселения XVI в. возможно, используя сохранившиеся документы этого периода (как материалы писцового делопроизводства, так и акты).

Если ПК XVI в. обрабатываются так же, как и ПК XVII в., то актовый материал требует несколько иных подходов и дает дополнительные возможности для точной локализации поселений. Наибольший интерес представляют комплексы владельческой документации, оформлявшиеся при продаже или дарении вотчин в монастыри. В состав этих комплексов могли входить купчая или данная, а также межевая грамоты. В купчих и данных перечислялись объекты, переходящие в монастырскую собственность, а в межевых подробно проводились границы вотчин, с указанием расположения деревень (находившихся по обеим сторонам границы). Сопоставление этих документов, а также картографического материала XVIII и XIX вв. позволяет определить местоположение деревень, упомянутых в актах и запустевших к началу XVII в. На основе обобщения сведений источников XVI в. и реконструкции границ владений по ПК определяются вероятные границы вотчин XVI в.

На основе вычленения починков XVI в. можно реконструировать систему расселения XV в., а границы владений XVI и XVII в. дают вполне достоверные ориентиры о возможных границах вотчин XV в.

В целом карты, составленные на основе ПК, дают надежнейшие ориентиры для реконструкции и анализа системы расселения и структуры землевладения XV-XVII вв.

А.Н. Гуслистова (Вологда)

ТОРГОВАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ВОЛОГДЫ И СУХОНО-ДВИНСКОГО РЕГИОНА В XVII В.

Торговая инфраструктура предполагает функционирование множества взаимосвязанных элементов: пути сообщения; транспорт; административные институты и должностные лица; торговые и складские помещения; производство и доставка транспортных средств и тары; услуги (предоставление еды, хранение и перевоз товаров, безопасность, проживание, быт); система кредита. Обеспечивающие стабильное функционирование рынка эти элементы составляют устойчивую модель инфраструктуры, применимую к любой экономической константе, чем в данном случае является социально-экономическое развитие Вологды и Сухоно-Двинского пути в XVII в.

Наиболее информативными источниками по данной проблеме являются таможенные книги северных городов, переписные книги Вологды, указы правительства, деловая переписка государственных и местных учреждений, актовый материал.

Сезонный характер производства и продажи большинства товаров, ставил получение прибыли в большую зависимость от налаженной работы всех элементов инфраструктуры. Правильно функционирующая система «уезд — Вологда — другие города» могла обеспечить высокую степень оборота вложенных денежных средств, что было важным фактором стабильного развития русского внутреннего рынка.

Дорога до Архангельска в сезон судоходства с мая по октябрь могла занимать около месяца. Из Вологды выходили на судах сразу после схода льда в реках со второй половины апреля. Наиболее предприимчивые вологжане могли побывать в Архангельске два раза за сезон. Скорость передвижения торговцев во многом зависела от возможностей речного транспорта.

Проблемы строительства, состава и использования речных судов в России XVII — первой четверти XVIII в. как и неоднократные попытки правительства организовать судоверфи за казенный счет изучены русскими историками не в полной мере.

Свидетельства о существовании торговых кораблей у вологжан мы встречаем в Двинской уставной наместничьей грамоте

1549/50 гг., в Краткой и Пространной редакциях Двинского летописца за 1555 г.

Таможенные книги XVII в. позволяют делать наблюдения о владельцах, количестве, видах, грузоподъемности речных судов, об использовании разных типов судов для разных участков Сухоно-Двинской системы.

Сведения о вологжанах-судовладельцах можно извлечь из переписных книг Вологды 1678, 1686, 1690-х и 1712 гг. и Росписи судов и запасов товаров на Вологде за 1702 г.

В 1702 г. практически весь торговый флот вологжан был описан для использования его на нужды обороны Архангельска. Всего Росписью было зафиксировано 322 судна, из них 235 принадлежало вологжанам. У вологжан (34 человека) было 73 паузка, 61 лодейка, 52 лодьи, 30 карбасов, 11 дощаников, 5 барок, 3 каюка. Несколько купцов владели целыми речными флотилиями, что предполагает наличие развитой системы приказчиков и торговых агентов, обширный регион торговли и крупный масштаб сделок.

Интересная закономерность: крупные судовладельцы имели небольшую долю в рознично-оптовой городской торговле, а владельцы небольшого количества судов наоборот, имели статус богатейших торговых людей посада, позволяет делать выводы о наличии специализации у вологодских купцов.

Таможенные книги 1670-х гг. подтверждают данные о существовании значительного речного флота у вологжан. Предположив, что суда, упоминавшиеся в течение нескольких лет и принадлежавшие одним лицам, — одни и те же, мы получим минимум 334 судна разного вида, которые принадлежали 205 вологжанам. Однако большинство торговых людей владело всего 1-2 судами. Таким образом, за 30 лет, с 1670 по 1701 гг. произошла концентрация речного флота в руках наиболее предприимчивых торговых династий.

Разный объем товара и, возможно, дорогое содержание постоянных кораблей вынуждали многих иногородних и иностранных купцов брать суда в аренду или плыть попутчиками.

Для обслуживания речного и сухопутного гужевого транспорта использовались работные люди разных специальностей: судовые ярыжные, носники и кормщики (капитаны и их помощники), проводники для обозов с товарами, грузчики.

В зимнее время основным средством транспортировки были сани. Для перевозки товаров из вмерзшего в лед судна требовалось от 1 до 10 лошадей, для крупнотоннажного судна, например, дощаника, нанимали от 80 до 120 лошадей. Конскую упряжь и колеса, упаковку (тару) — бочки, рогожи, кадки, мешки и кули производили крестьяне.

Торговые пошлины, взимаемые служащими таможенных служб, свидетельствовали не только о соблюдении государственных интересов при регулировании торговли, но и о предоставлении соответствующих услуг. Данные об уплате амбарщины, сторожевого, весчего, померного, гостиного, привязного, пятна, означало в большинстве случаев складирование товара, его охрану, взвешивание, измерение, пятнание и привязывание скота или судна.

При длительной торговле, купцы должны были питаться, пользоваться ночлегом и баней. Косвенно на наличие жилья для купцов указывают их сроки пребывания в городе от 2 дней до полутора месяцев. Питались в харчевых избах, которых в Вологде в 1627 г. было 12, в 1685 г. — 13. Удовлетворение других различных потребностей, например продажа вина и пива служило дополнительным источником дохода для государства.

В стремление завладеть любым прибыльным источником дохода государство шло на создании искусственно сформированного спроса, например, запрещая приезжим купцам мыться в посадских банях, и вынуждая пользоваться таможенными.

На протяжении XVII в. деловые контакты иностранных и русских купцов расширились, что позволяло возникнуть системе взаимного кредитования, еще одного элемента торговой инфраструктуры. Анализ кредитной деятельности иностранцев в России в начале XVIII в. подробно сделан В.Н. Захаровым.

В целом основные элементы инфраструктуры Сухоно-Двинского речного бассейна обеспечивали передачу от производителя к потребителю товаров как промышленного, так и аграрного производства на достаточно высоком уровне. Нормальный процесс торговли неизбежно нарушался при взимании слишком большого количества пошлин, повышенной конкуренции со стороны иностранного купечества.

Б.Б. Давыдов (Москва)

«РУССКИЙ ДНЕВНИК» Э. ХЕССА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В РОССИИ КОНЦА 30-Х ГГ. XIX В.

Эуген Хесс (1824-1862) приехал в Петербург в мае 1839 г. вместе со своим отцом известным баварским художником-баталистом Петером фон Хессом. П. фон Хесса, как отмечает Б.И. Асварищ, «специально вызвали из Мюнхена для исполнения ответственного заказа. Ему предстояло изобразить главные баталии Отечественной войны 1812 года, которые должны были украсить галерею сражений Зимнего дворца» (Хесс Э. Русский дневник / Пер. с нем. и прим. Б.И. Асварищ. СПб., 2007. С. 5).

25 июля 1839 г. отец и сын Хессы отправились в путешествие по России. Их сопровождали генерал-майор, известный художник, автор серии гравюр, запечатлевших внешний облик войск Русской армии эпохи 1812 года, Л.И. Киль (Валькович А.М. «Мундиры Российской армии» Л.И. Киля // Документальные реликвии Российской истории. 200-летие Военно-ученого архива. М., 1998. С. 135-143) и полковник Генерального штаба Г.К. Яковлев, которым, как замечает Хесс, «императорским приказом предписано представлять отцу все необходимые сведения и, вообще, во всем ему способствовать» (Хесс Э. Указ. соч. С. 31). Путешественники выехали из Петербурга, проехали по местам сражений Отечественной войны 1812 года (Люцин, Клястицы, Полоцк, Борисов, Смоленск и др.), осмотрели Москву и, как пишет Б.И. Асварищ, «были свидетелями Бородинского праздника, после чего благополучно вернулись в Петербург, а оттуда домой» (Там же. С. 5). Важно отметить, что Хесс вел «Дневник» непосредственно во время путешествия, каждый вечер записывая свои дорожные впечатления (Там же. С. 40). На пути из Москвы в Петербург 15 сентября 1839 г. путешественники прибыли на станцию Бронницы неподалеку от Новгорода, которая, по словам Хесса, находилась «поблизости от знаменитых военных колоний, несколько из которых мы \\\полужирный(издалека) (выделено мною – Б.Д.) видели. Это были длинные, одинаковые по форме двойные ряды домов с церковью. Колонисты носят солдатские шинели». «Ничего больше мы увидеть не смогли» (Там же. С. 105). Почему же ничего больше в военных поселениях наши путешественники «увидеть не смогли?»

Дело в том, что система военных поселений с самого начала ее создания была закрыта для большей части как русских, так и иностранных современников. Лишь отдельные высокопоставленные допускались в поселения «по Высочайшему повелению» и обязательно в сопровождении лиц из числа поселенной администрации (Давыдов Б.Б. Документы ЦГВИА СССР о путешествии маршала О.Ф. Мармона по военным поселениям // Советские архивы. 1989. № 6. С. 79-80; Он же. Посещение А. Гакстгаузеном военных поселений // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 109; Он же. Документы РГВИА о посещении турецким послом Галиль-Пашой (1829-1830 гг.) военных поселений // Отечественные архивы. 1995. № 6. С. 90-91; Он же. Документы РГВИА о посещении персидским принцем Хозрев-Мирзой военных поселений // Исторический источник: Человек и пространство: Тез. докл. и сообщений науч. конф. М., 1997. С. 178-179). Поездки иностранных представителей по поселениям четко регламентировались и даже составлялся специальный «Порядок» их осмотра (РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 1340. Л. 6-7; Д. 1345. Л. 13-15об.; Ф. 35. Оп. 3. Св. 157. Д. 2327. Л. 1-2). Правда, циркуляр, разосланный в 1824 г. по округам военных поселений о запрете осматривать их без «Высочайшего» разрешения, не запрещал «проезд посторонних лиц через округи поселения, которые лежат по большой дороге» (РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 247. Л. 366; Давыдов Б.Б. Военные поселения в России первой половины XIX века в оценках современников: Дис. … канд. ист. наук. М., 1993. С. 156). В числе таких «проезжавших» как раз были Эуген Хесс и его отец.

В целом, несмотря на всю краткость описания Хессом военных поселений, его «Дневник» при сравнительном анализе с другими опубликованными и архивными материалами позволяет глубже показать картину развития системы военных поселений в России конца 30-х гг. XIX в.

С.Г. Давыдова (Великий Новгород)

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В НОВГОРОДЕ

В учебных планах некоторых экономических специальностей есть курс «История предпринимательства», в котором в полной мере можно

рассматривать историко-географические особенности объекта исследования — предпринимательства. Подход, предложенный в данной работе, может быть одной из тем данного курса. Именно географические особенности: условия и ресурсы во многом определяют возможность/невозможность ведения предпринимательской деятельности.

Первоначальной хозяйственной деятельностью в Новгороде были ремесла и промыслы, основанные не только на использовании местных ресурсов, но и преимуществах своего географического положения. Ремесленная мастерская — это мелкое самостоятельное предприятие, а ремесленник — мелкий предприниматель, этот вид деятельности мы с полной уверенностью можем отнести к малым формам предпринимательства.

В период расцвета Новгородской феодальной республики (XI-XIII вв.) на территории насчитывалось свыше 50 ремесленных специальностей, а Новгород оставался одним из крупнейших центров ремесла и торговли. Из раскопок в Новгороде известно, что ремесленники резали гребни из самшита, который привозили из Грузии, янтарные украшения делали из сырья, которое доставлялось из Прибалтики, металл доставлялся из других стран. Изделия новгородских ремесленников везли на юг для обмена на хлеб, так как своего хлеба не хватало (Сметанин С.И. История предпринимательства в России. М., 2005).

В конце XVI в. и в XVII в. экономика города была подорвана Ливонской войной (1558-1583 гг.) и польско-шведской интервенцией (1611-1617 гг.), и Новгород уже не смог восстановить свое былое величие, но продолжал оставаться одним из ведущих в России центров ремесленного производства. Перепись 1678 г. отмечает свыше 60 различных профессий горожан, наиболее массовые: кузнецы — 18 человек, сапожники — 14, рыбники — 11, серебряники — 10, всего 232 человека (История экономики Великого Новгорода и Новгородской земли. Очерки хозяйственного развития. Великий Новгород, 2009).

До 1727 г. в Новгороде не было промышленных предприятий, что явилось одной из причин застоя и сокращения численности населения. Только в конце 1727 г. мастер Санкт-Петербургской коломенковой мануфактуры получил разрешение на заведение в Новгороде шпалерной коломенковой и полотняной мануфактуры. К 1737 г. фабрика выпускала ежегодно около 200 аршин (140 м) ткани. С 1767 г. начала действовать фабрика красной, белой и черной юфти. Продукция этого предприятия нашла широкий сбыт на внутреннем

рынке в Петербурге. По объему производства фабрика не уступала известным московским кожевенным заводам. Сырье на выделку поступало из городских боен и от крестьян (География Великого Новгорода: Природа, население и хозяйство. Великий Новгород, 2009).

И все же основная масса потребительских товаров производилась ремесленниками, продукция местных предпринимателей, еще недавно работавших преимущественно на местный рынок, пользовалась все большим спросом в столице. Новгородский рынок становился частью всероссийского рынка. Торгово-экономические связи Новгорода с Петербургом, Москвой и другими городами приобрели устойчивый характер (Краснопевцев Е.М. Два века Новгородской губернии: (краткий ист.-краевед. очерк). Великий Новгород, 2002).

Наряду с существующими ремесленными мастерскими, в городе продолжали создаваться и производства. В статистическом описании Новгорода 1836 г. учтено 9 фабрик и заводов (кожевенных — 4 (на них работников 32), воскобойных — 1 (6 чел.), свечных — 2 (18), мыльных — 2 (12)). «…Заводы сии весьма незначительные. Сырые материалы получают на месте: покупкою у торговцев рогатым скотом, а воск покупается по мелочной покупке у привозящих в город промышленников, и как изделие выходит не в большом количестве, то и расходится продажею в самом городе…» (Федорук Н.С. Документы архива Русского географического общества по истории Новгородской губернии XIX в. // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород, 2004. Вып. 4). Все они по критериальному показателю – численность занятых, могут быть отнесены к малым предприятиям.

В 1890 г. работало 9 фабрик, на которых было занято 126 человек, из которых 45 человек занимались производством кирпича, 30 — пиво- и медоварением, 29 — производством водки, 12 — производством кожи, 7 — использованием минеральных вод, 3 человека занимались мыловарением.

В 1895 г. на фабриках и заводах уже работало 307 человек, основная часть которых была занята на трех сено-прессовальных производствах. В 1899 г. на 21 промышленном производстве Новгорода было занято 638 рабочих, из которых 132 рабочих — на сено-прессовальных, 104 — на винокуренных производствах, 40 занимались производством пива и меда, 27 — на лесопильне, 26 — на кирпичном заводе, 15 — на свече-восковой фабрике, 12 — на мукомольных. (География Великого Новгорода. Природа, население и хозяйство).

На протяжении нескольких веков в силу особенностей географического положения и имеющихся ресурсов развитие предпринимательства в Новгороде было напрямую связано с развитием ремесел.

Следующий этап развития предпринимательства уже в советском государстве с экономикой другого уклада связан с введением НЭПа. В городе развивались кредитно-паевые кооперативы, использовались такие механизмы, как кредитование индивидуальных предпринимателей и семейных частных предприятий, взаимное финансирование.

Резкое свертывание частного предпринимательства, потребительской кооперации в городах произошло в годы «сталинских» пятилеток — индустриализации (1928-1932 гг.) и колхозного строительства (1933-1937 гг.). В Новгороде это привело к тому, что почти на шестьдесят лет пришлось забыть о развитии предпринимательства и малых формах хозяйствования, так как отсутствовали возможности развития малых предприятий и значение предпринимательства в экономике города длительное время недооценивалось.

М.С. Девятков (Москва)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО НЕКРОПОЛЯ ДОНСКОГО МОНАСТЫРЯ: ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

Московский первого класса ставропигиальный Донской монастырь был основан в 1591 г. в честь успешного отражения неприятельских войск крымского хана Казы-Гирея на Москву. Предание о Донской иконе Богоматери гласило, что князь Дмитрий Донской, сражавшийся в Куликовской битве с татарами, имел ее при себе, поэтому она заняла место в обозе царя Бориса Годунова во время очередного татарского нашествия. Монастырь пользовался особым расположением со стороны царского двора и представителей знатного боярства и дворянства, а с начала XVIII в. Донская обитель становится культурным и религиозным центром грузинской колонии в Москве, чье ядро составила родня и свита царя Имеретии и Кахетии Арчила II, поселившегося в России. После революции мона-

стырский быт ушел, на его территории открылись общежития, производства и т. п. Донской монастырь стал местом сбора и музейного хранения архитектурных фрагментов и других художественных ценностей энергично уничтожаемых построек в Москве.

Донской монастырь имеет богатый архитектурный ансамбль, над которым работали архитекторы Д. Трезини, Д.В. Ухтомский, А. Венсан. В число значимых архитектурных памятников входят Большой и Малый соборы, храм-колокольня Тихвинской Богоматери, церковь Св. Ефимия Великого (позже была перестроена и переименована в церковь Архангела Михаила), церковь-усыпальница Св. Екатерины и Иоанна Златоуста и кладбищенская церковь Серафима Саровского и Анны Кашинской.

Монастырь известен богатством архитектуры некрополя, который занимает всю его юго-восточную часть. Как отмечает И.Е. Домбровский, «Некрополь интересен наличием надгробных памятников, представляющих все их стилистические типы с конца XVIII по середину XX века: от белокаменных плит и саркофагов, пирамид и жертвенников, до архитектурно-декоративных композиций в виде ротонд, беседок и часовен» (Домбровский И.Е. Некрополь Донского монастыря. М., 2007. С. 12). К слову, данному богатству разнообразия надгробий некрополь обязан разразившейся эпидемии чумы 1771 г. в Москве, когда вышел указ о запрете хоронить в черте города, благодаря чему кладбище начало стремительно расширяться.

Оценка социального состава некрополя Донского монастыря была заложена Н.М. Карамзиным. Он писал: «Там главное кладбище дворян и богатого купечества» (Карамзин Н.М. Записка о московских достопамятностях. М., 1986. С. 316-317). Элитарный характер Донского некрополя подчеркивал анонимный автор в 1893 г., характеризуя его как «аристократический погост, Сен-Жерменское предместье мертвой Москвы (Церковный вестник. 1893. № 34). Действительно, монастырь стал местом фамильных усыпальниц и семейных захоронений князей Голицыных и Щербатовых, купцов Первушиных и Сазиковых и проч. Кроме того, здесь обрели покой многие известные деятели отечественного искусства, науки, культуры и общественной жизни: историк В.О. Ключевский, архитекторы О.И. Бове и В.И. Шервуд, декабристы М.М. Нарышкин и П.Н. Свистунов, герои Отечественной войны 1812 г. и мн. др.

Наиболее известными указателями о составе некрополей Москвы являются издания В.И. Саитова и Б.Л. Модзалевского (Модза-

левский В.И., Саитов Б.Л. Московский Некрополь. М., 1907-1908. Т. 1-3), и М.Д. Артамонова (Артамонов М.Д. Московский некрополь. М., 1995). Значительных расхождений на примере некрополя Донского монастыря между двумя изданиями не отмечается, кроме того, состав надгробий почти за 90 лет даже не изменился.

В.И. Саитов и Б.Л. Модзавский указали, что справочник составлен «преимущественно на основании уцелевших надгробий». Кроме этого авторами были использованы работы Н.В. Дмитриева и И.Е. Забелина, т. е. лишь труды, посвященные истории монастыря (хотя труд И.Е. Забелина и содержит небольшой список погребенных, но он представляет собой лишь имена, расставленные в алфавитном порядке) и результаты визуального изучения некрополя.

Справочник Д.М. Артамонова составлен «на основе нескольких рукописных материалов автора», «выявление… захоронений проводилось… путем обхода всех участков описываемых кладбищей». Автор предупредил, что в силу небольших возможностей одного человека возможны пропуски людей и неточности в указании титулов и имен (действительно, такие неточности имеют место). Таким образом, для написания главы, посвященной Донскому некрополю, Д.М. Артамонов опирался на свои визуальные наблюдения и авторские «рукописные материалы», правда, на основании чего те написаны, не указано.

Ясно, что данные, собранные авторами в начале и в конце XX в. и раскрывающие количественный и социальный состав рассматриваемого некрополя, основаны исключительно на «полевых» исследованиях и случайных упоминаниях в литературе без обращения к неопубликованным источникам. В числе таких источников – приходные книги Донского монастыря, «Билеты на погребение».

Сохранившиеся за XVIII в. «билеты» содержат сведения о 76 погребенных в Донском монастыре лицах. Из них авторами справочников было известно 19 человек. 57 имен (75%) авторам остались неизвестны — очевидно, тех лиц, чьи захоронения не сохранились к началу XX в. Е.В. Николаев предполагал, что утраты могли происходить двояко. Во-первых, в XVIII в. участки на кладбище стали предметом спекуляции, и практичные монахи могли срыть забытые и бедные могилы. Во-вторых, надгробия могли уйти в землю (в Александро-Невской лавре надгробия XVIII в. при раскопках были извлечены с глубины более метра).

Таким образом, данные о количественном, социальном и родовом составе некрополя, представленные в имеющихся на сегодня справочниках, нуждаются в существенном пересмотре на основе изучения архивных источников.

Е.В. Дианова (Петрозаводск)

ГЕОГРАФИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА В КООПЕРАТИВНОЙ ОНОМАСТИКЕ

Историческая география в проблемном поле новой локальной истории может изучаться и на основе региональной ономастики. Историческая ономастика изучает закономерности развития собственных имен, в том числе названия городов и местностей. Для проведения исследований по исторической географии важны не только топонимы и гидронимы, но и эргонимы и прагматонимы, названия общественных организаций, учреждений, предприятий, когда-то находившихся на данной территории. Эргонимы и прагматонимы являются особым разделом ономастики, свойственным различным историческим эпохам. Кооперативная ономастика Европейского Севера отражает историю кооперации в данном регионе. Источниковой базой по кооперативной ономастике являются отчеты и списки кооперативов. В то же время названия потребительских обществ и прочих кооперативов отражали историческую географию Европейского Севера первых десятилетий XX в. Названия кооперативов соответствовали историческим названиям сел, деревень и других населенных пунктов, многие из которых не сохранились до нашего времени. Деревни получили другие названия или вообще исчезли с лица земли.

Для названий общественных организаций существует своя ономастическая система и схема подачи официального обозначения. История становления и развития кооперативной ономастики определяется уровнем кооперативного сознания организаторов кооператива и жителей данной местности, участвовавших в работе товарищества или общества потребителей. На Европейском Севере, в регионе с близкими культурными и хозяйственными традициями складывались сходные типы кооперативных названий. Первичные кооперативные организа-

ции часто имели сходные или одинаковые названия, которые отражали профессиональный и социальный состав членов кооперативов, обозначали предметы материальной или духовной культуры, названия растений или животных и т.п. Наиболее распространенным явлением в кооперативной ономастике было наличие эргонимов и прагматонимов, производных от географических названий местности.

Так, в 1919 г. в Архангельский губернский союз потребительских обществ (Архгубсоюз) объединял 429 кооперативов. Названия большинства потребительских обществ Архангельской губернии образовывались по названию местности, села или деревни, уезда или волости. Так, потребительское общество служащих железнодорожной станции Исакогорка называлось «Исакогорка». Потребительское общество «Порт Бакарица» объединяло рабочих и служащих данного порта. В селе Лахта Кеврольской волости Пинежского уезда действовало потребительское общество «Кеврольцы». Потребительское общество «Мезенец» существовало в селе Каменка Мезенского уезда. В селе Надвоица Кемского уезда работало Надвоицкое общество потребителей. В Архангельском уезде в посаде Луда – Лудское, в селе Кехта – Кехотское, в селе Вознесенье – Вознесенское потребительское общество и т.д.

Названия кооперативных объединений указывали на их принадлежность к особой локальной группе русских, жителям Поморья, поморам, или представителям карельского народа, населявшим северные районы Беломорской Карелии. В поморском селе Нижняя Золотица Архангельского уезда действовало потребительское общество «Помор». В селе Кереть Кемского уезда существовало Поморско-Корельское общество потребителей.

В Олонецкой губернии в названиях кооперативных организаций также отразилась география края. В 1918 г. в Олонецкой губернии было зарегистрировано более 180 различных кооперативов, многие из которых носили названия тех сел и деревень, в которых они существовали. В Петрозаводском уезде, например, были Шелтозерское, Вехручейское, Шокшинское и другие кооперативные товарищества. В 1920-е гг. городские и сельские потребительские общества (горпо или сельпо), кредитные товарищества именовались в соответствии с названием населенного пункта, где они находились, например, Петрозаводское горпо, Петрозаводское кредитное товарищество, Сорокский рабочий кооператив, Сорокское кредитное товарищество, Кондо-

пожское сельпо и т.д. Также многие сельскохозяйственные товарищества (СХТ) имели названия, производные от сел и деревень, где они были образованы: Видлицкое СХТ, Ведлозерское СХТ, и др.

В то же время нужно отметить, что в документах упоминаются названия кооперативов тех сел и деревень, которых давно уже нет на карте. Так, например, в 1938 г. населенный пункт Сорока был переименован в город Беломорск, расположенный на островах у выхода из Беломорско-Балтийского канала в Белое море. Также в 1920-е гг. в Петрозаводском уезде существовало Куково-Перваковское потребительское общество. В 1930-е гг. деревни Куково и Перваково были переименованы в честь советских комиссаров. Так, деревня Куково стала называться Володарская в честь участника Октябрьской революции, затем комиссара по делам печати, пропаганды и агитации Петрограда М.М.Володарского (М.М.Гольдштейна). Деревня Перваково была названа Урицкая в честь М.С. Урицкого, который в октябре 1917 г. был членом Военно-революционного партийного центра по руководству вооруженным восстанием в Петрограде, а с марта 1918 г. был председателем Петроградской ЧК.

В названиях кооперативов отразился процесс территориально-административного размежевания и образования национальных республик. Так, в 1920 г. из Олонецкой губернии была выделена Карельская Трудовая коммуна, в которой был образован Карельский союз потребительских обществ. Разделение территории Олонецкой губернии имело негативные последствия для кооперации, поэтому в 1922 г. был образован единый Олонецко-Карельский краевой союз сельскохозяйственной и промысловой кооперации.

Кооперативные названия затронул процесс идеологизации. Так, в 1920-е гг. в городе Кемь рабочий кооператив назывался «Красная Карелия», а одна из рыболовецких артелей Кемского уезда была названа «Красный помор».

Таким образом, знакомство с кооперативной ономастикой Европейского Севера дает богатый фактический материал по географии и географическим названиям региона. В названиях кооперативов отразилась историческая географія края, административное деление территории на губернии и уезды, образование национальных республик. В то же время названия кооперативов являются свидетелями переименованных сел и деревень или совсем исчезнувших географических объектов Европейского Севера.

Д.А. Добровольский (Москва)

ЗЕМЛЯ СИФОВА: ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ЛЕТОПИСНОЙ СТАТЬЕ 6581 (1073) Г.

Масштабное «географическое предисловие» к Повести временных лет создает у читателя впечатление, что карта мира, как она виделась древнерусскому летописцу, нам более или менее известна. Однако в тексте Начальной летописи регулярно упоминаются географические объекты, места которым в предисловии не нашлось. Один из таких объектов — земля Сифова, фигурирующая в богословском комментарии к известию 6581 (1073) г. об изгнании Изяслава Ярославича из Киева (Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1. Стб. 183).

Упоминание третьего сына Адама в контексте сообщения о ссоре Ярославичей по меньшей мере неожиданно, ибо в священной истории есть много более очевидный прообраз случившегося — нарушение договора о разделе земли, заключенного Симом, Хамом и Иафетом. Условия этого договора излагаются в первом сообщении Повести временных лет, что дает ряду исследователей (В.Я. Петрухин, А.А. Гиппиус, И.Н. Данилевский) основания считать модель отношений между наследниками, заданную сыновьями Ноя, парадигматической для летописного восприятия межкняжеских отношений как таковых. К тому же, основная часть богословского рассуждения 6581 г. посвящена именно конфликту между семитами и хамитами. Обращение книжника к фигуре Сифа представляется с данной точки зрения по меньшей мере непонятным.

Тот факт, что разница между именами *Симъ* и *Сифъ* ограничивается одной буквой, позволяет предположить ошибку переписчика. Такая возможность рассматривалась (хотя и не была использована) А.А. Шахматовым (Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002—2003. Т. 1, кн. 1. С. 467; Т. 1, кн. 2. С. 962), а в некоторых специальных работах соответствующая конъектура вводится непосредственно при цитировании (Franklin S. Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers: New Ser. 1982. Vol. 15. P. 7; Петрухин В.Я. Легендарная история Руси и космологическая традиция // Механизмы культуры. М., 1990. С.

112; Он же. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск; М., 1995. С. 61). Однако прилагательное *Сифовъ* (вместо гипотетического **Симовъ*) употреблено под 6581 г. дважды; кроме того, «неправильное» чтение (в варианте с фертом или фитой) представлено не только в Лаврентьевской и Радзивиловской (для которых вообще характерен ряд общих ошибок), но и в Ипатьевской, Новгородской I (младшего извода), Новгородской Карамзинской, Софийской I (по списку Оболенского) и Новгородской IV, иначе говоря — практически во всех летописях, сохранивших до нашего времени относительно древний текст. Такое «упорство» делает версию об ошибке маловероятной. Очевидно, имя Сифа было упомянуто составителем статьи 6581 г. сознательно, и за обсуждаемыми словами скрывается некий дополнительный смысл.

В.Я. Петрухин отмечает, что «замещение Сима Сифом, как первопредком всех народов, характерно для древнерусской историографии, — ведь русь считалась потомком Иафета, а не Сима» (Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ, князья, религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1. С. 130, прим. 14). Но как отнесение руси к яфетидам могло повлиять на восприятие летописцем этнической истории Палестины, непонятно. Между тем, хронографическая традиция содержит ряд сведений о Сифе, делающих появление его имени под 6581 г. по меньшей мере более предсказуемым.

Сиф, появившийся на свет после убийства Авеля, считался праведником и прародителем племени «сынов Божиих», упоминаемых в Быт 6: 1—4. Правда, сведения Св. Писания о «сынах Божиих» ограничиваются простым упоминанием, однако византийские книжники предположили, что за свою исключительную мудрость Сиф был признан богом, а дети его, соответственно, — детьми божества (в славянском переводе: «бога бо Сифа сущии тогда человеци нарекоша, зане умяше грамоту евреиску и звездамъ имена, и к темъ многое благочестье его чюдящеся, того ради 1-и наречеся богъ и звашеся»: Истрин В.М. Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1920. Т. 1. С. 53). Согласно Иосифу Флавию («Иудейские древности», кн. 1, гл. 2) все потомки Сифа «населили одну и ту же местность». Локализовать эту местность затруднительно, кроме того, в дошедших до нас древнерусских хронографах говорится только о двух «столпах», на которых «Сифовы внуци» высекли на-

блюдения своего прародителя о небесных явлениях, чтобы спасти эти знания от грядущего потопа (Истрин В.М. Указ. соч. С. 33). Соответствующий раздел средневековой еврейской переработки «Иудейских древностей», книги Иосиппон, об известности которой на Руси писали Г.М. Барац, Н.А. Мещерский и В.Я. Петрухин, также не содержит сведений о местах обитания потомков Сифа (Iosippon ben Gorion, sive Josephus Hebraicus / ed. J.F. Breithaupt. Gothae et Lispiae, 1710. P. 1—10). Однако о компактном расселении детей Сифовых говорится в еще более известном Откровении Мефодия Патарского (Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические Видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе: исследование и тексты. М., 1897. С. 85, 102, 115 2-й паг.). Очевидно, что тем или иным образом легенда об особой «земле» сыновей Сифа была на Руси известна.

Если предыдущее верно, то понятна и локализация «земли Сифовой» в Палестине: подчеркнутая праведность превращала потомков патриарха в своеобразный прообраз избранного народа, а такому племени естественно проживать в максимально маркированном семантически месте — у могилы Адама и на месте грядущего крестного страдания Христа. В итоге, появление под 6581 г. упоминания «земли Сифовой» может оказаться не следствием ошибки или недоразумения, а данью летописца точности. Конфликт между семитами и хамитами, составляющий основной предмет обсуждаемого богословского комментария, разгорелся именно из-за Палестины, которая была названа книжником по одному из своих существовавших в традиции эпитетов — земля потомков Сифа. Естественно, расшифровка подобных именований требовала от современников глубокого знакомства не только собственно с Писанием, но и с традицией его дополнения и комментирования. Однако в таких читателях Русь никогда не знала недостатка.

Перспективной научно-исследовательской задачей представляется углубленное изучение текста Начальной летописи на предмет других отсылок к околобиблейским легендам, известным по средневековой хронографии. Подобная работа позволит существенно углубить наше понимание Повести временных лет.

А.А. Евдокимова (Москва)

НОВЫЕ ГРЕЧЕСКИЕ ГРАФФИТИ ИЗ КАППАДОКИИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

Первым собрал и опубликовал греческие надписи и граффити из Каппадокии Г. де Жерфаньон (Jerphanion G. de. Une nouvelle province de l'art byzantin. Paris, 1925—1942. 7 t.). В его труде впервые опубликовано 209 надписей и граффити (Евдокимова А.А. Греческие граффити Софии Киевской. М.; СПб., 2008). Исследования по дешифровке и публикации надписей и граффити продолжили Н. и М. Тьерри, Р.П.В. Лоран, К. Жоливет-Леви и Г. Киуртзиан в работах 1960-х — 2008 г.

В сентябре 2010 г. в результате разведывательной экспедиции нами совместно с украинскими коллегами было найдено много неизданных греческих граффити. Представим некоторые из них:

I. Пещерная церковь Квеленджир 19, долина Кылычлар, близ музея Гёреме, приблизительно 38°38'27.30"С широты, 34°50'43.09"В долготы. Сохранилась апсида и небольшой левый придел. Три граффити на фресковом слое в правой части апсиды, на уровне креста в круге, расположенном под архангелом Михаилом. Все три прочерчены тонкими линиями.

1. Граффито располагается выше всех над поздним обсценным рисованным граффито. Длина надписи 15 см. Палеография: тонкие начертания букв, в основном, минускульные, особенно у *α* и *δ*, полукружья *β* не примыкают к вертикальной гасте, при этом нижнее полукружье больше верхнего. Усики *κ* примерно равны. *τ̓* располагается над последним слогом предыдущего слова. Размеры: высота букв 0,5—3,5 см, ширина букв 0,5—2,5 см. Орфография: *ω* вместо *ο* и *ι* вместо *ει* в слове *βοήθει* — традиционное влияние итацизма и неразличения долготы/краткости гласных.

†Κ^{α}Ι Βωηθι τ̓ δοῦ Ἰω

К(ύρι)ε βοήθει τ(ὸν) δούλ(ὸν) [σου] Ἰω(άννου)
Господи помоги рабу [Твоему] Иоанну

2. Надпись располагается внутри уже упомянутого выше позднего рисунка, повреждена одной из его линий в середине. Судя по

длине лакуны, глагол *β[οήθει]* был начертан в сокращении. Длина надписи 8 см. Палеография: *ε* лунарный, *κ* такая же, как в предыдущей надписи. Полукружья *β* не прилегают к вертикальной гасте, верхнее треугольной формы, нижнее — округлой. *τ̈* располагается над основной строкой. По своей палеографии очень похожа на первое граффито из этого памятника, скорее всего, они были написаны одним и тем же человеком. Размеры: высота букв 0,5—2 см, ширина букв 0,5—2,5 см.

†Κ̄ϵ Β… τ̈ Ῑω

Κ(ύρι)ε β[οήθει] τ(ὸν) [δούλ(ὸν) σου] Ἰω(άννου)
Господи помоги [рабу Твоему] Иоанну

3. Ниже всех расположенное граффито. Палеография: *ε* лунарный, усики *κ* похожи по начертаниям на образцы из выше рассмотренных надписей, только немного отстают от вертикальной гасты. Размеры: высота букв 2,5 см.

Κ̄ϵ̄

Κ(ύρι)ε
Господи

II. Пещерная церковь Зинданёню 1, долина Кизил Чукур, 38°39'2.34"С широты, 34°51'17.93"В долготы недавно была найдена местными жителями, еще до конца не раскопана от завалов почвы. Находится недалеко от церкви Узюмлю килисе. В левой части наоса остался большой кусок сухой земли, по высоте около 0,8—1 м.

1. В углу, слева от входа, уходя в этот кусок земли, располагается рисованная на белой штукатурке красной краской надпись, обведенная в красную рамку. Длина надписи около 45 см. Буквы большие, между 4 и 5 буквой волнообразный декоративный элемент. Конец надписи испорчен, видны остатки 2—3 букв. Если надпись была однострочной, на что указывает наличие рамки, тогда вместо традиционной формулы *τ(ὸν) δούλ(ὸν) σου* (рабу Твоему) могла иметь просто имя, точнее сокращение имени. Размеры: ширина букв 3—6 см, высота букв 2—4 см. Палеография: надпись выполнена маюскулом, после каждого слова стоит двоеточие. *ω* и *ε* лунарные, такое же начертание омеги в надписях из церквей Дирекли (976—1025) и Айак Алти. У *κ* верхний ус короче нижнего и

кончается кружочком. Остальные буквы имеют наверху выдающиеся влево черточки, перпендикулярные соответствующим вертикальным гастам. Горизонтальная гаста *θ* загибается вниз, как и в начертаниях из церквей Тавчанле (912—920), Дирекли, Эгри Таш. У *β* нижнее полукружие больше верхнего и внизу кончается острым углом, похожее начертание, согласно таблице Николь и Мишеля Тьерри, встречается в церквях Дирекли, Йиланли, Кокар, Буренли, Эгри Таш. Орфография: *ω* вместо *ο* и *η* вместо *ει* в слове *βοήθει* — традиционное влияние итацизма и неразличения долготы / краткости гласных.

K(ύρι)ε βοήθει
Господи помоги

2. На белой штукатурке ближе к алтарной части храма расположено слабо прочерченное граффито, конец которого, по всей видимости, был затерт или оно было не дописано автором. Размер — 5 см. Палеография: написано маюскулом, первая буква самая большая, остальные постепенно уменьшаются. *ε* лунарный, у *κ* усики не примыкают к вертикальной гасте, нижний полустерт. У *β* верхнее полукружье меньше нижнего, треугольной формы. Размеры: ширина букв 0,3—0,5 см, высота 0,5—0,8 см. Орфография: *ι* вместо *ει* в слове *βοήθει* — традиционное влияние итацизма.

K(ύρι)ε βοήθει
Господи помоги

3. Первая строка граффито дошла до нас в виде двух фрагментов букв, возможно, *δ*, так как фрагмент буквы идентичен хвосту *δ* из следующей строки, и *ν*, перед которым вмятина в штукатурке. Вторая строка граффито начинается из утраченного куска штукатурки сокращением для артикля мужского рода в винительном падеже. Длина надписи примерно 5,5 см. Палеография: *δ* минускульная, по своему начертанию идентичная *δ* из первого граффито церкви Квеленджир 19. *λ* строчная, прямая, без округлости, с небольшим хвостиком вверху, выходящим за левую гасту. *ο* слабо прочерчен, достаточно широкий и немного заострен в верхней части. *ν* маюскульная написана небрежно, правая вертикальная гаста не

доходит до поперечины. Размеры: ширина букв 0,5—1 см, высота 0,5—1,2 см.

……δ (?) .. ν (?)

τ̈ δδλον

τ(ὸν) δούλον

[Господи помоги] рабу

4. Над этой надписью из куска штукатурки видна только *ε*, возможно, часть от слова *К(ύρι)ε*, записанного в сокращении. Палеография: *ε* лунарный.

[κ̄]ε

К(ύρι)ε

Господи

Таким образом, рассмотренные 7 граффити относятся к традиционным молитвенным граффити с формулой *К(ύρι)ε βοήθει τὸν δούλον* (Господи, помоги рабу) и имеют скорее палеографическую ценность, чем историческую. В дальнейшем планируется издать остальные собранные в этой экспедиции надписи.

Н.П. Егорова (Нижний Новгород)

ПОЕЗДКИ А.С. ГАЦИСКОГО ПО НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Александр Серафимович Гациский — виднейший представитель нижегородской провинциальной интеллигенции, краевед, этнограф, статистик, публицист, общественный деятель. Он стремился всесторонне изучить Нижегородский край, заботился о его культурном развитии. С этой целью он писал работы по истории Нижегородской губернии, занимался археологическими раскопками на территории родного края, приложил немало усилий для создания Нижегородской губернской ученой архивной комиссии и музея.

Гациский отводил большую роль собиранию исторических и статистических сведений о Нижегородской губернии. Итогом этого стали опубликованные им десять томов «Нижегородского сборни-

ка», представляющих собой статистическое описание отдельных уездов и населенных пунктов Нижегородской губернии. Гациский преимущественно редактировал выпуски этого сборника, а статьи писали его корреспонденты в различных уездах Нижегородской губернии. Но Гациский и сам посещал различные уголки родного края, представлявшие, по его мнению, большое значение для изучения истории и современного состояния Нижегородской губернии.

Информация об этом содержится в опубликованных отчетах Гациского о поездках на р. Сить, р. Сундовик, в Жары, Холуй и Мыт (Гациский А.С. На Сундовике, в Жарах, на «Сити, на реце» // Гациский А.С. Нижегородский летописец. Н. Новгород, 2001. С. 373-520; Он же. В вотчине князя Пожарского // Там же. С. 521-586), в его дневниковых записях о путешествиях по различным экономически-важным местам Нижегородского края, например, на Маровскую ярмарку, в Балахну, Иванькино, Чернуху (Гациский А.С. Дневник (1871 г.) // Центральный архив Нижегородской области. Ф. 765. Оп. 597. Д. 26. 55 л.).

Поездки в Жары, на р. Сить, на р. Сундовик, в Холуй и Мыт имели целью археологические и исторические разыскания новых фактов нижегородской истории. Например, мотивом для поездки на р. Сундовик стала просьба графини П.С. Уваровой, представлявшей Московское археологическое общество, исследовать происхождение большого кургана, находившегося на берегу р. Сундовик в Макарьевском уезде недалеко от с. Колычева. В Жары, Холуй и Мыт Гациский решил отправиться, чтобы выяснить местонахождение князя Д.М. Пожарского осенью 1611 г., где он лечился от ран. Занимаясь изучением вопроса о месте битвы на берегах р. Сити в 1238 г. князя Юрия Всеволодовича с татарами, Гациский получил предложение от ярославского предварительного комитета VII археологического съезда в 1886 г. произвести раскопки курганов по течению р. Сити и выяснить этот вопрос. Путешествие по экономическим и торговым центрам Нижегородской губернии совершалось Гациским для изучения кустарных промыслов, поэтому главное внимание он уделял производству и торговле посещенных мест, о чем оставил подробные сведения в дневнике.

Гациский основательно готовился к каждой своей поездке, изучал летописные сведения и работы крупных историков о событиях, уточнить сведения о которых собирался. Например, для путешествия на р. Сить Гациский изучил и систематизировал существовавшие на тот момент и отображенные в различных летописях и исторических работах

точки зрения о месте гибели князя Юрия Всеволодовича в 1238 г. (Гациский А.С. На Сундовике, в Жарах, на «Сити, на реце». С. 441-452).

Помимо основной цели путешествия, Гациского интересовали вопросы быта, религии посещаемых мест. Например, посетив с. Колычево, краевед обратил внимание на чистоту в домах и одежде местных жителей и заинтересовался их религиозной принадлежностью (Там же. С. 386.). Кроме этого, большое внимание он уделял легендам о названии того или иного населенного пункта (например, Холуя (Гациский А.С. В вотчине князя Пожарского. С. 538)), народной памяти об исторических событиях и деятелях (о сражении на р. Сити в 1238 г. (Гациский А.С. На Сундовике, в Жарах, на «Сити, на реце». С. 454), о князе Д.М. Пожарском (Там же. С. 418; Гациский А.С. В вотчине князя Пожарского. С. 543.)). Это характерно для исторических работ Гациского в целом: желая сделать их более интересными для широкого круга читателей, он вводил в повествование много легенд и преданий, например, в исторический очерк «Нижегородки», путеводителя по Нижнему Новгороду (Гациский А.С. Нижегородка // Гациский А.С. Нижегородский летописец. С. 21-158). Гациский стремился понять, какие сведения сохранились в народной памяти о том или ином историческом факте, например, он заключал: «в народе никаких преданий о принадлежности Холуя Пожарскому не сохранилось» (Гациский А.С. В вотчине князя Пожарского. С. 537), а затем проверял их правдоподобность путем археологических раскопок, определения достоверности тех или иных предметов, например, надгробного памятника Д.М. Пожарского.

Отчеты о поездках написаны живым языком, в них выражена любовь к родному краю, его прошлому, настоящему и будущему; показана искренняя глубокая заинтересованность Гациского в решении вопросов развития посещенных мест и сохранения их исторического наследия. В дневниковых записях о поездках по Нижегородскому краю Гациский приводил точные сведения об экономической жизни. Например, посетив Маровскую ярмарку, Гациский подробно описал время ее действия, самые активные дни, товары, приходящие на продажу, и цены на них, а также дал историческую справку о происхождении местечка Мары (Гациский А.С. Дневник (1871 г.). Л. 1-2об.).

Гациский в своих работах реконструировал географию Нижегородской губернии. Для него Нижегородский край, каждый его уголок, имел свою историю, особенности и значение в культурной и экономической жизни губернии.

М.Б. Желтов (Рязань)

МЕЖЕВЫЕ КНИГИ КОЛОМЕНСКОГО УЕЗДА 7135-7136 ГГ. КАК ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Дефицит картографического материала России первой трети XVII в. заставляет извлекать максимум информации из источников, содержащих земельные описания, в первую очередь из писцовых и межевых книг. Но если писцовые книги как историко-географический источник привлекли внимание еще со времен В.Н. Дебольского (Дебольский В.Н. Духовные и договорные грамоты московских князей, как историко-географический источник. СПб., 1901-1902. Вып. 1-2) и позволили создать весьма точную схему административно-территориального деления Московской Руси (в т. ч. непосредственно о Коломенском уезде (Веселовский С.Б., Перцов В.Н. Исторические карты Подмосковья // История сел и деревень Подмосковья XIV-XX вв. Вып. 4. М., 1993), то межевые книги стояли на периферии исторического интереса и вводились в научный оборот только в крайних случаях, когда прочие источники по географии отсутствовали.

Между тем, межевые описания (в составе писцовых книг) позволяют увеличить масштаб исторической карты, выявив важные детали. Однако, межевые книги – специфический источник, а техника работы с ним не разработана.

В настоящем докладе сделана попытка изложения опыта интерпретации, картографирования и формализации данных межевых описаний в составе писцовой книги Коломенского уезда 7135-7136 гг. писца С. Усова и подьячего Г. Михайлова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 203, 204, 9273). В анализ включены данные по 301 меже, находящейся в 18 станах и волостях.

Межевую информацию можно разделить на три группы. Наиболее информативной являются собственно «межи» – межевые описания. Вторая группа – межевые ссылки, не описывающие границы владений, а отсылающие к межам иных владений, полностью или частично совпадающим с описываемым. Третья группа – упоминания «рубежей» в поместных и вотчинных статьях как географических ориентиров.

Соотношение меж и дач разнится в разных станах и волостях весьма существенно. Преобладают межи в основном в тех станах и волостях, где наблюдается большая доля вотчин. И это не случайно:

обмежевывались, как правило, именно вотчины. Соотношение меж и дач (примерно 1 к 3) говорит о том, что межевались далеко не все владения, а только имеющие спорные границы. При этом надо учесть, что объектом межевания выступали как правило не целые поместья или вотчины, а отдельные их хозяйственные единицы: поселения, пустоши, луга (Власов А.С. «С ямы на яму, а в ней каменья» (практика межевания светских поместий и вотчин в Угличском уезде в 1630 годы, по материалам писцовой книги 1631/32-1632/33 гг. // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI-XX веков». К столетию со дня рождения П.А. Колесникова. М., 2008. С. 89-95).

По полноте описания межи можно разделить на полные (замкнутые) и участковые. Второй тип доминировал (97,3 % случаев). Количественно размер межи можно измерять вехами – ориентирами, по которым шла граница. Вехами могли выступать как общегеографические объекты (естественные – реки, ручьи, овраги, отвершки, колена, суходолы, взгоры, угоры, кори, колена, омуты – и искусственные – дороги, перекрестки, усады, огороды, плотины/прудовые заплотины, прогоны, покосы), так и специальные (деревья или столбы с гранями, ямы с наполнением и без, а также старые межники). Межи с менее чем 10 вехами составляли 44,4 %, от 11 до 20 вех – 26,8 %, от 21 до 30 вех – 15,2 %, от 31 до 40 вех 6,0 %, от 41 до 50 вех – 4,6 %, более 50 вех – 3,0 %. Таким образом, 86,4 % межевых описаний имело не более 30 вех.

Описание межи чаще велось по часовой стрелке, при этом описываемый объект находился справа от границы, впрочем, и обратный ход описания был весьма распространен.

Важным является вопрос о роли «живой памяти» крестьян-отводчиков. Если согласиться с мнением о невозможности адекватного восприятия информации межевания без «ключа к данным» отводчиков, то следует признать сведения межевания потерянными для современного исследователя. Однако, в действительности межевщики всего 13 раз (4,2 % случаев) указаны в описаниях. Кроме того, границы дач были достаточно стабильны, чтобы с определенными поправками и уточнениями привлечь к их восстановлению картографические материалы XVIII в. Для значительной части Большого Микулина стана имеются также межевые описания 7193-7194 гг. писца Е. Хрущева (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 207) – более детальные, но в большинстве случаев точно совпадающие с межеванием 7135-7136 гг.

Картографирование межевых описаний представляет значительную трудность, поскольку они полноценно функционировали только с реальными межевыми привязками, а за почти четыре века не только не осталось следов от берез с гранями и ям с углем того времени, но и ландшафт зачастую изменился, его элементы утратили или поменяли названия.

Первым этапом картографирования становится составление схемы межевого описания. Уже на этом этапе необходимо привлечение подробной современной карты, поскольку определение исходной точки межевания часто связано с направлением течения рек и ручьев, уклоном оврагов. Более точное наложение на местность требует специального и кропотливого исследования, с привлечением более поздних и более ранних межевых описаний, а также межевых планов XVIII в.

Обработка межевых описаний переходит на более высокий качественный уровень при формализации информации, переведения ее в вид таблиц и указателей.

Таблицы составляются общие и специальные. Основной задачей общих таблиц является переведение наиболее значимых данных о межевом описании (принадлежность к той или иной волости/стану, место в источнике (дело, лист), владелец, тип владения (поместье/вотчина), характер межи (участковая или замкнутая), количество вех, наиболее примечательные данные) и присвоение ему индивидуального кода для удобства оперирования.

Специальные таблицы могут переводить в формализованный вид самую разнообразную информацию по каждому межевому описанию, в зависимости от целей исследования.

Указатели (географические, именные и предметные) помогают связать межевые описания с другими видами источников.

Несмотря на всю сложность работы с межевыми описаниями 1620-х годов, они дают весьма ценный материал по исторической географии. В первую очередь, это инфраструктура: дороги большие и местные, существующие и старые, а также сезонные (Московская зимняя дорога). В описаниях дач привязка селений и пустошей к местности осуществляется посредством рек и оврагов, дороги как ориентир не упомянуты ни разу. Возможно, здесь сказалось стремление людей того времени избегать при устройстве поселений проезжих дорог как источников повышенной опасности, но главное, думается, в определенной традиции письма. Межевые описания позволяют восполнить этот пробел и связать

разбросанные по уезду поселения в единое хозяйственно-экономическое целое. Выявляют межевые описания и другие хозяйственные единицы: усады, огороды. Важными являются данные межевых описаний для палеоландшафтных и палеоботанических реконструкций, в том числе процесса смены растительности.

А.О. Захаров (Москва)

ПРОБЛЕМА ТОПОНИМА «ЯВА» В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В докладе анализируются современные дискуссии о значении термина *J̌(a)va* в раннесредневековых древнеяванских, санскритских, древнечамских и древнекхмерских надписях и его соотношении с арабским термином *Zabāj* и древнекитайским понятием *Shepo*.

Рассматривается проблема географического распространения династии Шайлендров и ее отношение к древнемалайской политии Шривиджайя.

С.В. Зверев (Москва)

ТОПОНИМИКА И ГЕРАЛЬДИКА НА РУССКИХ МОНЕТАХ XVI—XVIII ВВ.

На русских монетах геральдика и топонимика представлены существенно скромнее, чем на европейских, где титулы и гербы могут отражать не только реальную географию владений правителя, но также владения предков и территориальные претензии. Кроме того в Европе на монетах часто помещали названия многочисленных центров чеканки.

Русские монеты уже с конца XV в. чеканили в немногих городах — Москве, Твери, Новгороде и Пскове. Некоторые из монет также имеют указания на место чеканки: «Деньга Псковская», «Деньга Тверская». Позднее названия городов сохраняются лишь на полушках (¼ коп.): «Великого Новгорода», «Новгородская», «Тверская», «Псковская». С конца XVI в. место чеканки начинают сокращенно

обозначать начальными буквами названия города. Но в первой половине XVII в. полные названия вновь появляются на копейках: «Москва», «Нгд», «Ногрд» (Новгород).

Кратко на монетах для обращения обычно указывали титул государя: «Всея Руси». Более полный титул помещен на крупных жалованных золотых монетах Ивана IV и Лжедмитрия I: «Всеа России, Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверский, Полотский, царь Казанский, царь Астраханский».

Лишь после начала войны с Речью Посполитой в 1654 г. на рублевиках Алексея Михайловича в титуле появляется идеологически важное добавление: «Всеа Великия и Малыя России», а 1655—1663 гг. на медных и редких серебряных копейках: «Всеа Великия и Малыя и Белыя России». Было важно указать стратегическое направление на объединение под властью Москвы всех православных земель.

В полной мере европейские традиции оформления монет были использованы в севских «чехах» 1686 г., региональной монете, сделанной по образцу польских полуторагрошевиков. На севских чехах вокруг двуглавого орла латинская аббревиатура: «I.A.P.A.D.G.C.&.M.D.T.M&P&A.R.A» (Iohannes Alexiewitz, Petrus Alexiewitz Dei Gratia Caesres Et Magni Duces Totius Magnae et Parvae et Albae Autocratores — Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич Божией милостию цари и великие князи всея Великия и Малыя и Белыя России). А на оборотной стороне вокруг державы: «MON. NOV.FACtA.SIEV.A.1686» (Moneta Nova facta Sievsk. Anno 1686 — Монета новая, делана в Севске 1686).

На золотых жалованных за первый Крымский поход 1687 г. монетах разного веса с портретами Ивана и Петра Алексеевичей и Софьи Алексеевны русская аббревиатура, «топонимическая» часть которой уникальна: «В В І И Р С» (Всея Великия и иных Россий самодержцы). Более поздние жалованные золотые 1689 г. содержат уже традиционное указание на Великую, Малую и Белую России.

Последний раз эти три топонима помещены на медных деньгах 1700 г. Позднее на монетах Петра I и его наследников сохраняется только титул «Всея России», «Всероссийский». Союз с Польшей в годы Северной войны 1700-1721 гг. заставлял избегать напоминаний о территориальных спорах, а новое политическое значение Российской империи требовало уже иного оформления монет.

Обычно на монетах XVIII в. имеются лишь буквенные обозначения монетных дворов. Полные топонимы помещали реже. При Петре I указание на город стоит перед номиналом или на гурте крупных серебряных монет: «Московский». На гуртах монет в 1718—1721 гг. помещали указание на место чеканки. Например: «Московский указной рубль монетного денежного двора», а в 1721-1730 гг.: «Российский рубль Московского двора», «Российский рубль Монетного двора». На копейках Петра II 1728—1729 гг. на лицевой стороне под всадником название: «Москва». В 1740—1762 гг. на гуртах крупных монет помещали надписи: «С.Петербургского монетного двора», «Московского монетного двора», а на медных копейках 1755—1757 гг. кроме таких обозначений еще есть указание «Екатеринбургского двора».

Топонимы и местная геральдика характерны для региональных серий российских монет XVIII в. На монетах для Прибалтийских владений 1756—1757 гг. даны географические названия «LIVON. ET TSTLAND.», «LIVON. ET ESTLANDIA», «LIVOESTONIKA» и помещены гербы Риги и Ревеля.

В 1763—1781 гг. чеканятся особые монеты с надписью «Сибирская монета», причем в 1763—1767 г. на гурте обозначали «Колыванская медь». На них помещено изображение соболей — части Сибирского герба.

Архаичный топоним несет серия особых серебряных монет 1787 г., выпущенных от имени Екатерины II как царицы «Херсониса Таврического».

Но на общегосударственных монетах XVIII в. помещали лишь главный титул «ВСЕРОССИЙСКИЙ», который уже вбирал в себя все многочисленные владения российских императоров.

В XVI—XVII в. русские монеты очень редко несут геральдические изображения. Лишь на полушках второй половины XVII в. и севских «чехах» 1686 г. было изображение двуглавого орла, которое обычно помещалось на царских золотых жалованных монетах. Причем, на груди двуглавого орла часто помещали герб Москвы — Св. Георгия.

Двуглавый орел становится обычным элементом оформления монет только с 1700 г. На императорских монетах герб Москвы на груди двуглавого орла стали помещать со времени Анны Иоанновны.

К середине XVIII в. сформировался новый подход к использованию прокламативных возможностей монет. Вместо прежнего сло-

весного указания на Великую, Малую и Белую России, с 1755 г. на золотых монетах 10 и 5 руб. стали помещать гербы Москвы, царств Казанского, Сибирского, Астраханского. Геральдические символы зримо показывали право России быть империей, указывали на огромную территорию страны. Такое геральдическое оформление было настолько удачным, что перешло в монетную чеканку XIX в.

Г.А. Зверкина (Москва)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН РАЗВИТИЯ ТОЧНЫХ НАУК

Традиционно география считается описательной наукой, и, несмотря на то, что первые географические исследования делались еще в глубокой древности, мало кто обращает внимание на то, что именно географические открытия и связанные с ними проблемы были одной из важных причин развития точных (физико-математических) наук как в древности, так и в гораздо более позднее время.

Действительно, временем появления научной математики и астрономии считают эпоху эллинистической науки. Если сравнить развитие Древней Греции и двух великих и намного более древних цивилизаций Месопотамии и Египта, то сразу видно главное географическое отличие египетского и месопотамского государств от греческой цивилизации.

Египет, лежащий на берегах Нила, занимал полосу земли, идущую практически вдоль меридиана – с севера на юг, между 30 и 31 меридианом вост. широты; центром Месопотамских цивилизаций было Междуречье, также лежащее в узком промежутке между 40-м и 45-м меридианами, а греческие поселения занимали обширную область от западного побережья Сицилии до Колхиды, примерно с 20° по 40° в.ш. (знакомы же греки были и с Геркулесовыми столбами — ок. 5° зап. широты, а экспедиция Александра Македонского продвинулась почти до 80° в.ш.).

То есть астрономические наблюдения, которые составляли важную часть культуры любой сельскохозяйственной цивилизации, в Месопотамии и Египте не имели серьезных различий: везде на территории наблюдений астрономические явления типа лунных и солнечных затмений наблюдались примерно в одно и то же время.

А наблюдения небесных явлений астрономами-эллинами давали разное время для одних и тех же затмений в зависимости от расположения наблюдателя на западе или на востоке (время в древности всегда было местное, ориентировалось на восход и закат). О таких различиях в наблюдениях, например, сообщал Герон Александрийский (I в.) в трактате «О диоптре».

Именно благодаря этим несоответствиям в наблюдениях небесных явлений в Древней Греции появилось представление о Земле как о шарообразном небесном теле; видимо, впервые эта мысль как результат научного рассуждения была изложена Филолаем (V в. до н. э.).

Эта идея в дальнейшем плодотворно развивалась в работах математиков и астрономов Греции, в частности, Эратосфеном был измерен (очень точно) радиус Земли, а Аристархом Самосским — расстояния между Землей и Солнцем (очень неточно).

Естественно, представление о шарообразности Земли вели к необходимости развития математического аппарата (сферическая геометрия и тригонометрия), а также точности вычислительных и измерительных методов; создавались первые основанные на математических представлениях космогонии (например, эпициклы Птолемея) и очень точные астрономические таблицы, которые учитывали вращение Земли. Астрономические исследования шли параллельно географическим — вспомним географические исследования Птолемея.

Следующий важный этап в развитии астрономии и математики — это достижения науки арабского Востока.

Новое централизованное крупное государство, включавшее в себя земли от Испании и северной Африки до Персии, нуждалось, как минимум, в точном описании своей территории и, как следствие, в создании новых, более точных географических карт. И без нового более тонкого математического аппарата и использования результатов астрономических наблюдений такая работа не могла быть сделана. Вновь ученые (теперь уже работающие для халифата) измеряют радиус Земли, создаются обсерватории с циклопическими астрономическими инструментами потрясающей точности (например, обсерватория Улугбека).

К стандартным задачам составления астрономических таблиц для наиболее точного определения географических координат (что было необходимо многочисленным караванам, путешествующим по пустыне), добавилась задача определения направления на Кыблу

— т.е. того направления, в котором должен быть расположен во время молитвы молельный коврик каждого мусульманина в любой точке великого мусульманского государства. И если в поселениях такое направление можно было узнать у религиозного лидера, то во время путешествий необходимо было пользоваться вычислениями по очень точным астрономическим таблицам.

Следующий важный этап развития физико-математических наук связан с эпохой великих географических открытий и с установлением торговли с заморскими территориями.

Опять требовались все более точные методы ориентирования кораблей по небесным светилам. Был создан хронометр, точность хода которого не зависит от качки на море, были созданы телескопы и все более совершенные портативные астрономические приборы; вопросы составления астрономических таблиц и выявления закономерностей движения небесных тел — в первую очередь Луны и планет — становятся государственной задачей. За успешное решение таких задач назначаются солидные премии, и ряд таких премий получили российские ученые. Исследование движения небесных тел привело к необходимости усовершенствования аппарата математических вычислений — и было создано дифференциальное и интегральное исчисление, открыты законы Кеплера и Ньютона.

Еще одна важная задача, которую географические исследования дали математикам — это создание наиболее удобной системы переноса географических сведений на плоскую поверхность, т.е. картографирование. Поскольку Земная поверхность не является плоской, то такой перенос обязательно сопровождается искажениями углов и расстояний. Вопрос о том, возможно ли при картографировании сохранить правильное изображение всех направлений (углов), был решен при создании теории конформных отображений в рамках теории функций комплексного переменного.

Итак, географические открытия и исследования как часть общемировой культуры тесно переплелись с развитием физико-математических наук, в первую очередь, астрономии и математики; географические исследования и открытия ставили перед «абстрактной» наукой те задачи, которые послужили стимулом к развитию новых направлений и теорий в астрономических и математических исследованиях.

Е.Ф. Зданович (Гродно, Белоруссия)

Е.Е. ЗАМЫСЛОВСКИЙ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Изучением истории русских географических открытий во второй половине XIX в. занимались преимущественно историки. Активно велась работа по определению местонахождения географических объектов, которые упоминались в исторических источниках, и по изучению расселения племен и народностей по территории Восточной Европы. В научной среде того времени географический фактор рассматривался в тесной связи с историческими особенностями России. Историки обращали внимание на то, что самобытность России во многом задана уже ее географическим положением.

Егор Егорович Замысловский, российский историк второй половины XIX в., в ходе своей научной деятельности обратил внимание на новую отрасль знаний. Однако особенностью научных изысканий историка является то, что он не сразу приступил к изучению данной проблематики. Многие из знакомых ученого отмечали, что на протяжении всей учебы в университете Е.Е. Замысловский не отметил своего пребывания какими-либо выдающимися трудами. Он в отличие от своих сокурсников и товарищей реже участвовал в конкурсах на медаль по заданным факультетским темам, не публиковался в «Студенческом сборнике», который издавался в университете.

Л.Н. Майков, близкий друг ученого, писал, что Е.Е. Замысловский всегда корил себя за бесплодность своих студенческих работ. Но при этом отмечается тот факт, что даже отвлекаемый частными уроками от исследовательской деятельности, он после окончания учебы в университете очень усердно вел свое историческое чтение, и сверх того, стал запасаться познаниями из круга других наук, необходимых историку. Особое внимание обратил ученый на географию, а курс сравнительного землевладения Риттера был изучен основательно. В 1865 г. Е.Е. Замысловский был принят в число членов Русского Географического Общества, где в течение почти двух лет исполнял обязанности секретаря отделения этнографии, которое в то время возглавлял В.И. Ламанский (Майков Л.Н. Е.Е. Замысловкий // ЖМНП. 1896. № 7. С. 53–74).

Долгие научные поиски Е.Е. Замысловского привели к созданию первого значительного труда. В 1865 г. он составил «Учебный атлас по русской истории» (3-е изд. СПб., 1887. 16 с.), который имел указатель и объяснительный текст. В свою очередь, объяснительный текст должен был по замыслу исследователя содержать очерки истории расширения русской государственной области. Впоследствии атлас постоянно дополнялся. В 1884 г. «Учебный атлас по русской истории» был удостоен Петровской премии ученого комитета Министерства народного просвещения.

Л.Н. Майков полагал, что «Учебный атлас по русской истории» стал очень важным пособием не только для учебных целей, но и сыграл важную роль в научных поисках многих исследователей. Из него были заимствованы важные сведения, которые позволяли по-другому взглянуть на ряд событий русской истории. Сам же Е.Е. Замысловский на свою работу смотрел как на опыт, который ожидает еще более глубокой и всесторонней обработки.

Историк в 1874 г. вновь обратился к исторической географии, когда поступило предложение составить разбор представленного на соискание Уваровской премии исследования Н.П. Барсова о географических известиях начальной летописи (Замысловский Е.Е. Очерки русской исторической географии. Географія начальной летописи. Сочинение Н.П. Барсова // ЖМНП. 1875. № 2. С. 452–478). В опубликованной статье Е.Е. Замысловский представил ряд поправок к рассматриваемому сочинению, дал характеристику становления исторической географии как самостоятельной отрасли, охарактеризовал предмет исследования Н.П. Барсова.

Е.Е. Замысловский писал, что уже при зарождении русской истории как науки в XVIII в. исследователи не могли не остановиться на изучении явлений, которые сегодня относятся к исторической географии. Однако в течение этого столетия шло лишь накопление источников, что не позволяло сформироваться новой самостоятельной отрасли знаний.

Разработке вопросов историко-географического направления отведено значительное место и в других критических статьях Е.Е. Замысловского, посвященных трудам Д.А. Корсакова и В.С. Борзаковского (Замысловский Е.Е. Меря и Ростовское княжество.

Очерк из истории Ростово-Суздальской земли Д. Корсакова // ЖМНП. 1872. № 7. С. 141—165).

Самостоятельным трудом по исторической географии стала его последняя работа «Чертежи сибирских земель XVI–XVII вв.» (ЖМНП. 1881. № 6. С. 334–347). Она имела преимущественно историко-этнографический характер. В ней сочетается современные автору этнографические и географические данные с историческими материалами, которые были доступны исследователю для всестороннего изучения проблемы в то время.

Все это были небольшие работы Е.Е. Замысловского по исторической географии. Фундаментальным же исследованием в это области можно назвать его докторскую диссертацию (Он же. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1887. 256 с.), которую он защитил в 1884 г. Работа разделена на две части. Первая часть посвящена собственно биографии Сигизмунда Герберштейна, где обращалось особое внимание на условия, которые содействовали его развитию. Историк подробно описал события детства и юности Герберштейна, которые оказали впоследствии влияние на формирование его характера, взглядов и образование, а также на обстоятельства, которые относятся ко времени его двукратного путешествия в Москву и продолжительного пребывания здесь. Во второй части были подвергнуты проверке известия Герберштейна о России и дана оценка их значения в истории географических сведений о Восточной Европе. Автор обстоятельно рассматривал и подвергал строгой исторической критике географические данные Герберштейна.

В отличие от магистерской диссертации «Царствование Федора Алексеевича» (СПб., 1871. 456 с.), где ощущалась недосказанность по многим вопросам русской истории, докторское исследование обнаружило в нем зрелого ученого, способного на серьезные ученые труды и аргументированные выводы.

Таким образом, Е.Е. Замысловский признавал важность развития исторической географии. Он считал, что необходимо продолжать вести активную работу по накоплению новых материалов по географии, которые позволили бы по-другому взглянуть на малоизученные вопросы русской истории.

О.А. Зимовина, И.Н. Извеков (Сочи)

ИСТОЧНИКИ О ЗАСЕЛЕНИИ ЗАПАДНОСИБИРСКОГО СЕЛА МОЛЧАНОВО

Для многочисленных потомков Сысоевых и Лопухиных, жителей села Молчаново в Западной Сибири, породнившихся в 1887 г., остается загадкой, как в селе, образованном в 1703 г. в нижнем течении р. Чулыма и участка р. Оби, обосновались жители с фамилиями Лавровы, Лопухины, Сысоевы, Тюниковы, Фроловы, Харитоновы и др.

В архиве Томской области сохранились несколько десятков метрических документов 1876-1895 гг., содержащих информацию о Сысоевых. Сысоевы оказались в с. Молчаново около 1703 г., а к концу XIX в. эта фамилия в селе стала одной из распространенных. Можно предположить, что родоначальник Сысоевых в конце XVII в. прибыл в Сибирь, имея фамилию, внесенную в его сопроводительный документ. По семейной легенде, в конце XIX в. Сысоевы породнились с потомками представителей известного рода Лопухиных, оказавшихся в ссылке в Сибири на рубеже XVII—XVIII вв.

Этимология названия с. Молчаново неясна. Народные предания говорят о происхождении названия из назначения самого поселения — хранить молчание о тех или иных принудительно поселяемых туда людях.

С давних времен в Причулымье наряду с чулымскими остяками и селькупами (они называли себя «пай-гула» или «бай-гула») жили русские и представители других национальностей. Сельчане, как правило, занимались сельским хозяйством и рубкой леса, рыболовством, охотой, пчеловодством, перевозками, выделкой кожи, шерсточесанием, содержанием ссыльных поселенцев и пленных. В село ссылались неугодные властям подданные, обретавшие со временем статус политических ссыльных, а также военнопленные. В конце XIX в. здесь появились ссыльные поляки, в годы Первой мировой войны жили шведские военнопленные. В годы советской власти в этих местах размещались спецпереселенцы, состоявшие на учете СибЛага ОГПУ в Западной Сибири. В годы Великой Отечественной войны и последующие годы размещались в этих краях и военнопленные немцы.

Территория нынешнего Молчановского района первоначально входила в состав Николаевской волости Томской губернии, а поселки

сибирских аборигенов составили Шепецкую инородческую волость. Молчановская волость как самостоятельное административное подразделение в составе Томского уезда сформировалась в 1912 г. (РГИА. Ф. 838. Оп. 30. Д. 303. Л. 29-33).

Село Молчаново возникло на коренном берегу Оби и двух речушек Полой и Почанга. Вдоль коренного берега Оби сформировалась приречная улица села, а с течением времени и другие параллельные ей улицы, которые составили центр села. По непонятным причинам за центром села закрепился местный топоним «Деревня».

Из воспоминаний жителей, публикаций в губернской (областной) и уездной (районной) периодике известно, что Обь наносила значительный урон селу, смывая не только отдельные дома, но и целые улицы. Только в XIX в. наводнения Оби дважды смывали деревянную церковь, а затем и выстроенную ей на смену каменную церковь. И только третья церковь в с. Молчаново (каменная, постройки 1859 г.) сохранилась до наших дней. В ГАТомО сохранились два десятка метрических книг Преображенской церкви села (Ф. 170. Томская духовная консистория; Ф. 527. Метрические книги церквей Томской области) за 1805-1925 гг. Сохранились и некоторые исповедные ведомости Преображенской церкви.

Память о родоначальнике Сысоевых со временем ослабела, сменившись представлениями о том, что Сысоевы села Молчаново — однофамильцы. Уже в первой четверти XX в. явное кровное родство и свойство Сысоевых и их родственников других фамилий приходилось объяснять (доказывать) при разрешении спорных гражданских исков и оформлении наследственных дел, а также при венчании «однофамильцев».

Л.И. Илларионова (Москва)

ФОТОГРАФИИ РУССКИХ ГОРОДОВ И.Ф. БАРЩЕВСКОГО КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

Рисунки, чертежи и фотографии, запечатлевающие русскую действительность, стали приобретать систематический характер с

сер. XIX в. Исследователи – историки архитектуры – чтобы оставить на бумаге все увиденное во время путешествий по России, делали многочисленные зарисовки, чертежи, обмеры объектов исследования. Так работали Ф.Ф. Рихтер, Л.В. Даль, Д.И. Гримм, В.В. Суслов, Н.В. Султанов, М.В. Красовский и др. Некоторым удалось на основе этих зарисовок выпустить в свет альбомы и архитектурные увражи, другие размещали свои живописные и графические впечатления на страницах периодических изданий «Столица и усадьба», «Известия Общества гражданских инженеров», «Зодчий», «Ежегодник Московского архитектурного общества» и т.д. Фиксация памятников архитектуры приобрела новое качество с изобретением фотографии. Быстро воспринимая, развивая и совершенствуя все, что делалось в Европе в области фотографии, русские фотографы проявили себя замечательными изобретателями, талантливыми художниками, сохранив при этом свою самобытность и любовь к Отечеству.

Первым русским фотографом-профессионалом, в течение всей жизни осуществлявшим фотосъемку памятников архитектуры России, Кавказа, раннехристианского Востока стал И.Ф. Барщевский (1851–1948). Он сотрудничал с крупнейшими организациями по изучению русской архитектуры – Имп. Академией художеств, Московским археологическим обществом, Археологической комиссией и др. Его фотографии привлекли внимание академика архитектуры А.М. Павлинова, археолога А.С. Уварова, архитекторов В.В. Суслова и Н.В. Султанова, историка Н.П. Кондакова, с которыми И.Ф. Барщевский осуществляет поездки по древним русским городам, на Кавказ, в Святую Землю. Более услуг оказал ему академик А.М. Павлинов, после смерти архитектора Л.В. Даля получивший от Академии художеств поручение ежегодно совершать поездки по России, исследовать, измерять и срисовывать лучшие и замечательнейшие памятники нашей архитектуры. Иван Федорович поставил перед собой, казалось бы, непосильную задачу – сфотографировать, по возможности, все выдающиеся памятники древней архитектуры. Она потребовала от него больших материальных средств и творческих сил.

Ежегодно, осуществляя экспедиции в Ярославль, Ростов, Москву, Вологду, Владимир, Юрьев-Польской, Суздаль, Переславль-Залесский, Кострому (1882–1884), Санкт-Петербург, Астрахань, Нов-

город, Псков (1885–1886), Углич, Александров, Крым (1887–1888), Кавказ (1888–1889), Муром, Галич (1889–1890), Ярославль, Ростов, Новгород, Псков (1891–1894), Ярославль, Москву, Старицу (1895–1896) он отснял все наиболее ценное, встречающееся у него на пути (более 2,5 тыс. фотографий). Его внимание привлекали памятники XVII в., в яркой декоративности которых ученые и архитекторы того времени видели наиболее полное проявление национального своеобразия русского зодчества. Среди них соборы: Московского Кремля, Успенский в Ростове, Димитриевский во Владимире, Георгиевский в Юрьеве-Польском, Борисоглебский в Ярославской губернии, Архангельский в Н.–Новгороде, Св. Троицы во Пскове; монастыри: Борисоглебский, Ипатьевский, Савво-Звенигородский, Псково-Печерский, Мирожский, Симонов и Донской в Москве, Успенский во Владимире, Покровский в Суздале, Благовещенский в Муроме. Множество отснятых церквей поражают наше воображение, некоторые он снимал неоднократно: Иоанна Предтечи в Толчкове, Иоанна Златоуста в Коровниках, Воскресения в Костроме, Покрова в Медведкове, Николы в Хамовниках, Св. Троицы в Останкине, Ильи Пророка в Ярославле, Сретения в Гороховце, Рождества в Путинках в Москве. Кроме того, Ивана Федоровича привлекали и музейные экспозиции: Исторического музея в Москве, музея Штиглица и Академии Художеств в С.-Петербурге; он снимал дворец царевича Димитрия в Угличе, дворец в Бахчисарае; развалины Чуфут-Кале, армянскую церковь в Феодосии, собор в Кутаисе, мечеть в Батуми и т. д.

И.Ф. Барщевский создал колоссальную коллекцию фотографий, организовал и систематизировал ее (каждая фотография была пронумерована), и что особенно ценно, на собственные средства издавал отдельные подборки фотографий. Это дало возможность познакомиться с ними более широким кругам специалистов. С первых шагов в области профессиональной фотографии он сумел найти свое неповторимое лицо, удачно выражая себя и как фотограф-профессионал, работавший в области архитектурной съемки, и как ученый-археолог. Фотоснимки многих памятников архитектуры и декоративно-прикладного искусства, сделанные мастером до их разрушения, явились ценнейшим документальным материалом для проведения последующих восстановительных и реставрационных работ.

За эту серию фиксационных фотографий И.Ф. Барщевскому на проводившихся выставках его работ присуждают награды, а за ус-

луги, оказанные археологии, Московское археологическое общество присуждает серебряную медаль. Потребности в этих фотографиях в научных кругах были большими, поэтому их нужно было тиражировать. Часть из всего отснятого фотоматериала была опубликована в изданиях: «Русские древности по снимкам И.Ф. Барщевского» (Вып. 1–15. М., 1915), «Церковно-исторические памятники и вклады дома Романовых Московского периода» (Вып. 1–8. М., 1915). Весь массив фотографий по русской архитектуре хранится в Библиотеке Эрмитажа, Библиотеке академии художеств, Отделе эстампов Российской национальной библиотеке. В первых двух он организован в коробках по хронологии экспедиций, в РНБ – каждая фотография наклеена на листы, сброшюрованные в альбомы «Русская архитектура» (Т. 1–47). Коллекция негативов (2717 ед. хр.) в настоящее время хранится в Государственном научно-исследовательском музее им. А.В. Щусева, куда она попала из Строгановского художественного училища уже в советское время. Самим автором были подготовлены два «Каталога фотографических снимков с предметов старины, архитектуры, утвари и прочего, снятых…» (Ростов, 1884; М., 1912), вышедшие в Строгановском художественно-промышленном училище.

Масштаб и география отснятого материала памятников русской архитектуры, качество и тщательность фотосъемки – неоценимый вклад подвижника отечественной науки – Ивана Федоровича Барщевского.

Р.Б. Казаков (Москва)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ «ИСТОРИЧЕСКОГО ПОХВАЛЬНОГО СЛОВА ЕКАТЕРИНЕ II» Н.М. КАРАМЗИНА

«Историческое похвальное слово Екатерине II» (Сочинения: В 3 т. СПб., 1848. Т. 1. С. 275-380. Далее — ПС) — «яркий публицистический трактат» (П.Н. Берков) в жанре ораторской прозы, отсылавший читателя к античным образцам красноречия, Н.М. Карамзин написал и опубликовал сразу после восшествия на престол Александра I. Хотя ПС нашло своего заинтересованного читателя и критика (П.Н. Берков полагал, что пушкинские заметки

о XVIII в. — это прямая полемика с Карамзиным, о ПС писали П.А. Вяземский, М.П. Погодин, В.О. Ключевский), а затем и исследователей, не раз обращавшихся к анализу этого крупного произведения Карамзина, нужно сказать, что до сих пор ПС изучено крайне недостаточно. Непрояснены ни замысел самого сочинения, ни обстоятельства и тематика ПС, ни цели, которые ставил перед собой историограф, отсутствует и текстология ПС. Предварительные наблюдения над вошедшими в ПС географическими реалиями, их номенклатурой — еще одна попытка приблизиться к пониманию ПС.

Предварив весьма патетическое повествование небольшим предисловием, Карамзин разбил ПС на три части: «Екатерина бессмертна Своими победами, мудрыми законами и благодетельными учреждениями: взор наш следует за нею на сих трех путях славы».

Географические реалии, встречающиеся во всех трех частях и предисловии, — это Россия, Империя, «наше отечество» и им подобные. Имперский пространственный контекст, который затем не ослабевал на протяжении всего ПС, был задан уже в предисловии: «все безчисленные народы царств Российских», «И те, которые, скрываясь во мраке отдаления — под тению снежного Кавказа, или за вечными льдами пустынной Сибири...». Имперский пространственный контекст обычно сопровождает имя Екатерины.

Более всего упоминаний различных географических реалий в первой, «победной» части ПС, где шла речь о военных и дипломатических победах эпохи Екатерины II. Заметно стремление Карамзина воспользоваться античными эквивалентами географических наименований: «Понт Эвксинский», «древняя Республика» (о Риме), «Константинополь», «град Константина», «новый Рим» (о России), «щастливые берега Ладона» (о природе Крыма и Малороссии), «Таврида», «Лакедемон». Примеры из античной истории, хорошо известные читателю, подчеркивали величие побед российского оружия: «Рим имел Сципионов Африканских, Азиатских <...> и Россия имеет своего Задунайского, Чесменского, Крымского». Это можно объяснить жанровыми особенностями произведения с обращением внимания читателя к античной классике, а также устойчивыми культурными практиками сравнения и отождествления Екатерины II с героями и героинями

античной мифологии. И все же Карамзин использовал вполне понятные и современные географические наименования, когда переходил от риторических восклицаний к рассказу о реальных событиях и говорил о победах Румянцева, Суворова, российских флотоводцев, упоминал недружественные России государства. При этом впечатление усиливалось употреблением эмоциональных оборотов: «природный и вечный неприятель Христиан» (Османская империя), «некогда мощная Республика» и «наглая и злобная Польша», «Готфы, неохотные исполнители беззаконной воли» (Швеция короля Густава).

В меньшей степени географические реалии присутствуют в третьей, «учрежденческой» части, что тоже понятно: здесь речь шла об учебных и научных заведениях и иных учреждениях, основанных при Екатерине II. «Древняя столица Российская» (о Воспитательном доме в Москве), Воскресенский монастырь (при упоминании Смольного института), «мореходцы Альбиона» (при сравнении с офицерами Морского корпуса, отправлявшимися «в отдаленности Океана, в другие части мира»), упоминания пространств и географических объектов, изученных академиками императорской Академии наук. И здесь присутствуют отсылки к «античной» географии.

Географическая номенклатура второй, «законодательной» части ярко иллюстрирует мысль, которую Карамзин проводил настойчиво и иногда настолько демонстративно, что в убежденность его трудно поверить: спасительным государственным устройством для России может быть только самодержавие, и все внутригосударственные реформы Екатерины II способствовали процветанию обширной Империи и ее подданных. Пространство Империи — это «пустыни сибирские», «многие обширные страны, обогащенные Натурою, но пустые, ненаселенные», куда приглашены иностранцы, «и звук секиры раздался в диких лесах; пустыни оживились людьми и селениями; плуг углубился в свежую землю, и Природа украсилась плодами трудов человеческих», «так среди волнистых степей Царицынских цветет теперь мирная Колония Евангелического Братства, <...> действует своим просвещением на соседственные дикие народы...».

Созыв Уложенной Комиссии, «Наказ» и губернская реформа — эти события позволили Карамзину выстроить картину Империи,

пространства которой необъятны и населены не только Славянами, Финнами, мирными пастырями южной России, камчадалами, одетыми в звериные кожи, но даже «Лапландскими Ихтиофагами». Депутаты Уложенной Комиссии представляли соединившиеся «в древней столице нашей» «обе гемисферы земли», что сделало Москву «тогда столицею вселенные, и собрание Российских Депутатов сеймом мира». Имперское пространство становилось не только необъятным в земном смысле слова, но и необозримым вселенски. Постоянно присутствовавшее обращение к античным образцам задавало соответствующий культурный и исторический контекст. Но не стояли ли за «космической» характеристикой империи сложно эксплицируемые представления об отражении небесного устройства в земной империи, в данном случае — именно Российской империи?

Трудно поверить, что Карамзин всерьез считал европейские республики дикими и варварскими, этому противоречит текст «Писем русского путешественника» и некоторые письма Карамзина 1825 г. Тем не менее, в ПС республиканское устройство присуще местам «диким и неприступным» в «снежных Альпийских громадах, среди острых гранитов и глубоких пропастей...». Республиканцами могли быть жители Спарты и «диких Кантонов Гельвеции», российские подданные могли жить только в Империи. Доказательством для Карамзина была история Рима: «Рим, которого именем целый мир назывался, в едином самодержавии Августа нашел успокоение...».

Отмечу и то, что в сочинениях Карамзина разных лет, как и в ПС, практически одинаково изображался труд крестьянина-земледельца на тучных нивах. Эти пасторальные сценки никак не соотносились с действительностью. Но именно из таких же представлений о труде крепостных крестьян Карамзин исходил, когда писал инструкции и письма бурмистрам его собственных имений.

Предварительное описание географических реалий говорит не только о том, что от автора Похвального слова не следует ожидать искренности ни в отношении адресата ПС, ни по отношению к самому себе. За требованиями жанра можно было скрыть свои реальные мысли и чувства. Но античная географическая номенклатура в сложном сочетании с современными Карамзину геогра-

фическими терминами заставляет исследователя задумываться о сложности и многослойности политических представлений и пристрастий Карамзина, свойственных ему на протяжении всей жизни.

Б.Н. Казаченко (Москва)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ И ВРЕМЕННАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ ДРЕВНЕРУССКИХ МЕР ПРОТЯЖЕННОСТИ В СВЯЗИ С РЕГИОНАЛЬНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИХ, СОМАТИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СТРУКТУР

В минувшем тысячелетии на территории современной России существовало множество спонтанно образующихся народных мер, основанных на естественных размерах человеческого тела. Введение в 1918 г. идеологически окрашенной метрической системы мер, не привело, однако, к замещению и вытеснению из сознания россиян логики народно-бытовой размерности. До сих пор, в различных местностях страны сельчане соотносят с руко- и шагомерными оценками расстояние между посадками растений, длину грядки, толщину доски и прочее, не говоря уже о производных от шага путевых мерах российских землепроходцев: паршаге, сажени или версте.

Древнерусское Человекомерие – это способ постижения протяженности окружающего человека мира посредством понятного и доступного всем человекоразмерного модуля, выраженного, например, в терминах пя́девой или сажéнной системы мер (Казаченко Б.Н. Человекомерие в государстве российском. Сообщение 1. Народная метрология и/или антропометрия? // Законодательная и прикладная метрология. 2008. № 6). Проблема в том, что в академических кругах к народным мерам относятся как к морально и методически устаревшей идеологической «доктрине». Причины живучести этого исторического феномена в народе – не изучены. Задача данного исследования – изучение отнюдь не очевидных связей между метрологией (народной) и антропометрией (академической).

Исходным материалом служили: народные меры протяженности (Кузнецов, 1913; Каменцева, Устюгов, 1975; Рыбаков, 1984), данные НИИ и Музея антропологии МГУ по антропологической стандартизации (Дерябин, 2008), Доклад рабочей группы комитета II Международная комиссия по радиологической защите по условному человеку (Человек, 1977), геногеографические (Балановская, Балановский, 2007) и диалектологические карты (Букринская с соавт., 2008) России. В результате проведенного исследования было установлено, что средние значения народных (не метрических) мер длины у разных народов, будучи представленными в виде «условного» населения, взятого в пространственном разобщении, будут отражать скорость эволюционных изменений в рассматриваемых, условно национальных, мерах. Как по движению секундной стрелки убеждаемся в беззвучной работе часов, так и разнообразие народных мер (например, саженей), встречающихся на определенной территории, показывает нам их эволюцию в очень малых отрезках времени. И, наоборот, процесс изменения национальных мер протяженности в ходе исторического развития общества вполне сопоставим с пространственным разнообразием народных мер в пределах территории, несколько превышающей границы губернии. Следовательно, пространственные различия в саженях подобны их изменениям во времени. Это утверждение математически равнозначно и восходит к прародителю сажени, т.е. к человеку.

При сравнении между собой национальных мер и их антропометрических аналогов (т.е. продольных антропометрических размеров кисти и предплечья, измеренных по стандартной методике) оказалось, что наибольшее сходство отмечалось для «локтя» и «стопы». Однако для других народных мер протяженности (волос, ноготь, верх перста и др.) подобрать метрологические аналоги не представляется возможным из-за непреодолимых методологических «разногласий» в стане национальной метрологии и академической антропометрии. К тому же в исторических источниках не всегда ясно, о какой собственно мере идет речь. Например, в Российской империи одних саженей было более сорока. Эти обстоятельства предопределили обращение к сложным методам многомерной статистики.

Методы многомерной статистики выявили положительную корреляцию в размере древнерусской пяди со всеми другими че-

ловекоразмерными мерами протяженности. Это идеально согласуется с естественной историей отечества, так как является следствием (и отражением) существовавшей в Древней Руси пя́девой Системы мер. Например, при среднем размере отечественной пяди в 17,78 см, два ее размера – соответствовали длине стопы, три – локтю, пять – шагу, семь – лбу, двенадцать – сажени. Результаты компонентного анализа свидетельствуют о том, что европейская и североамериканская национальная измерительная Система занимают промежуточное положение в трехмерном пространстве между русскими и азиатскими мерилами. Вместе с тем, и американская, и английская Система естественных мер (или «человечьих» мерок, как говорили наши предки) более всего тяготела к измерительным Системам Древнего Мира.

Человекоразмерная география России представляет собой распределение по территории отечества естественной Системы народных мер, вообще.ю и пядевой (или саженой) Системы мер, в частности. При нанесении, например, на географическую карту сведений о территориях распространения южнорусских и северорусских размеров пядей мы фактически получим представление о расселении южнорусских и северорусских популяций. Вместе с тем, совмещение (для сравнения) диалектологической карты русских говоров с геногеографической картой русского генофонда выявило хорошее совпадение с территорией распространения «человечьих» мерок.

Таким образом, изучение территориальной (географической) и временной (исторической) изменчивости по четырем независимым информационным Системам, «растянутым» во времени, выявило поразительное сходство в характере поведения между: 1) национальными мерами протяженности раннего средневековья, 2) средними показателями длины тела у современного человека, 3) языковым ландшафтом страны и 4) генетическими характеристиками ее народонаселения. Возможно, что это отражение различных аспектов одного и того же процесса, – этногенеза русского народа. В таком случае Протагор прав: «Человек — есть мера всех вещей».

М.М. Картоев (Магас)

РУССКИЕ КАРТЫ КАВКАЗА XVIII-XIX ВВ.: РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ (ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Историческая география, «изучающая пространственные аспекты исторического процесса, истории отдельных стран, народов, регионов» (Беленький И.Л. Историческая география // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 397), играет важную роль в исследовании истории Северного Кавказа, региона со сложной социокультурной структурой, в которой исторически сочетаются как универсальные черты общекавказской культуры, так и особенные, характерные лишь для каждого отдельного этноса, для каждой локальной территории.

Начиная с XVIII в., заметное влияние на социокультурные и этнические процессы в северокавказском регионе начинает оказывать Российская империя. Строительство северокавказских укрепленных линий и новых путей сообщения, активное заселение региона русскоязычным населением из внутренних областей России — все эти факторы способствовали складыванию совершенно новой «карты» Северного Кавказа.

При рассмотрении роли Российской империи в вышеуказанных процессах в регионе в XVIII-XIX вв., т. е. в период ее активной кавказской политики, мы исходим из тезиса, что эта роль постепенно, по мере закрепления России на Кавказе, становится решающей.

Картографические материалы — это уникальные источники по региональной истории, содержащие разнообразную информацию о политике России на Кавказе и ее влиянии на различные процессы и явления в регионе, в том числе, на экосистему и природопользование, на развитие экономики и коммуникаций и т. д. Картографические источники в наглядной форме представляют последовательное освоение Россией пространства северокавказского региона, в частности, развитие сети крепостей и городов как очагов влияния русской и, в целом, европейской культуры. При этом, иллюстрируя интеграцию региона в пространство Российской империи, карты Кавказа показывают, что она осуществлялась далеко не равномерно по всей его территории. Что, в свою очередь, зависело от многих

факторов, в том числе, и от особенностей политики администрирования в каждой отдельной области региона. В картографических сюжетах указанные особенности проявляются в первую очередь в виде изменений в этнотерриториальных процессах под воздействием российского фактора. Это расширение этнических границ и появление новых поселений на плоскости у одних этнических групп и активное их расселение на территориях, контролируемых российской администрацией, как правило, вблизи крепостей, и постепенное оттеснение с этих же территорий других этнических групп. В разное время и под влиянием различных обстоятельств, такие сюжеты «пространственного моделирования» осуществлялись как мирными способами, т. е. стимулированием миграционных процессов, в особенности в освоении горцами равнинных земель, так и силовыми методами (уничтожение населенных пунктов и насильственное переселение их жителей). Таким образом, картографические источники иллюстрируют динамику этнотерриториальных процессов в регионе и их взаимосвязь с освоением Россией пространства Северного Кавказа. В более широком, социокультурном пространстве карты показывают, что особенности интеграции и развития той или иной области северокавказского региона в составе России особенно выражено проявляются в векторах миграционных процессов и административно-территориальных преобразованиях. В итоге сформировывалась новая этнополитическая региональная структура, складывались иные этнические границы, узаконенные и охраняемые российской администрацией и ею же, по мере необходимости, корректируемые.

При актуализации в качестве предмета исследования темы интеграции Северного Кавказа в пространство Российского государства можно выделить следующие группы картографических источников в зависимости от освещения в них тех или иных процессов и явлений. Вот некоторые из них:

1. Многочисленные политико-административные обзорные карты Кавказа, на которых обозначены государственные, административно-территориальные и этнотерриториальные границы. Масштаб данных карт, как правило, от 10-20 верст в дюйме и мельче.

2. Карты путей сообщения. Крупномасштабные карты и планы отдельных дорог и дорожных участков. Например, карты и планы Военно-Грузинской дороги: «Маршрут Моздок – Тифлис» 1781 г., «Карта маршрута Моздок — Тифлис» 1783 г. (РГВИА. Ф. 422. Оп. 1.

Д. 1189), «План маршрута Владикавказ — Тифлис» ок. 1817 г. (Там же. Д. 1219), «План дороги от Владикавказа до д. Степан-Цминда» первой четверти XIX в. (Там же. Д. 1231) и мн. др. Мелкомасштабные дорожные и маршрутные карты Кавказского края и Кавказской губернии (Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 24798, 25079, 24806, 24818, 24834, 25283, 25367; Ф. 422. Оп. 1. Д. 645, 647-649, 658, 660 и мн. др.).

3. Съемки маршрутов перемещения воинских отрядов и прилегающих к этим маршрутам горских земель, производившиеся во время военных экспедиций. Например, «Маршрут движения Акинского отряда под начальством барона Вревского от г. Цорой-лом и селения Гул к реке Аргуну» 1854 г. (Там же. Ф. 386. Оп. 1. Д. 2850), «Маршрут движения Чеченского отряда под начальством генерал-лейтенанта барона Врангеля» 1855 г. (Там же. Д. 2885) и др.

4. Топографические карты и планы отдельных территорий и этнических областей Северного Кавказа. Например, «Карта Малой Чечни и части Владикавказского округа» 1848 г. (Там же. Д. 2863), «Карта земель ингушевцев, карабулаков и чеченцев» 1825 г. (Там же. Д. 2873), «Карта Левого фланга Кавказской линии с прилегающими землями горских народов и частями Северного Дагестана, управлений Центра и Владикавказского коменданта» 1840 г. (Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20609) и др.

5. Карты казачьих поселений и укрепленных линий на Северном Кавказе. Например, «Карта новой границы Кавказской линии» 1823 г. (Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 25677), «Карта казачьих поселений по реке Терек» 1801 г. (Ф. 330. Оп. 1. Д. 355), «Карта Кавказского линейного казачьего войска с обозначением различных категорий войсковых земель, существующих и проектируемых границ полков» 1844 г. (Там же. Д. 211) и др.

Развитие военно-топографической службы в России, совпавшее с периодом многолетней Кавказской войны, способствовало активному географическому изучению и картографированию северокавказского региона. Ценнейшие собрания картографических документов РГВИА, РГБ, ГИМ, как и многих других центральных и региональных архивов, музеев и библиотек содержат уникальные источники по исторической географии северокавказского региона, без которых не представляется возможным целостное осмысление истории России и российско-северокавказского политического и социокультурного пространства XVIII—XIX вв.

Ю.А. Кашаева (Пермь)

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО НА ПЛАНАХ ПЕРМИ

Важность привлечения картографических источников в процесс исследования не ограничивается только поиском расположения городских объектов. Планы создают визуальный образ города и несут значительную информационную нагрузку.

Планы Перми на всю территорию города создавались в 1782 г., 1784 г., 1825 г., 1870-х гг., 1886 г., 1893 г., 1897 г., 1908 г., 1917 г., 1926 г., 1938 г., 1940 г., на отдельные городские объекты – 1864 г., 1915 г.

В 1782 г. план Перми был составлен губернским землемером А. Грубером (в Пермском краевом музее – в копии, цианотипия, 46×84 см). На плане были обозначены церковь Петра и Павла – первое каменное строение города, присутственные места, гауптвахта и чертежная, дома генерал-губернатора, губернатора и вице-губернатора, гостиный двор, старое заводской строение, монастырь. На план нанесены кварталы домов, дана их нумерация. Описание и обстоятельства создания первого плана губернской Перми дал А.С. Терехин: «На топографическом плане 1782 года зафиксирована планировка горного города Егошихи в то время, когда он был переименован в Пермь. Этот чертеж в дальнейшем послужил отправным документом для разработки перспективной планировки… чертеж Егошихи 1782 г., видимо и есть тот документ, который посылали в “Комиссию каменного строения Санкт-Петербурга и Москвы”, где создавались генеральные планы городов России». (Терехин А.С. Пермь. Очерк архитектуры. Пермь, 1980. С. 21).

В качестве приложения к «Полному адресу домовладельцев губернского города Перми» 1886 г. в типографии Е.И. Заозерского был выпущен городской план (51×74 см). На плане нанесены кварталы, названия улиц, нумерация домов, церкви, кладбища, батальонный двор, вокзал Уральской горнозаводской железной дороги, рынки, различные предприятия.

В 1893 г. в типолитографии Е.И. Заозерского был издан план города Перми (58×101 см) в двух вариантах, один из них с обозначением случаев заболевания холерой местных жителей в эпидемию

1892 г. Нанесены промышленные и торговые предприятия, социальные и культурные объекты. Среди административных зданий – Казенная палата, губернское правление, Городская управа, дом губернатора, земство, окружной суд и другие. В 1897 г. Пермским губернским статистическим комитетом был издан еще один план города Перми (51×70 см). В верхнем левом углу был приведен список общественных заведений.

Самый известный план губернского города Перми 1908 г. (55×93 см.) был издан в типографии губернского правления. На плане обозначены производственные объекты, объекты социальной инфраструктуры, рекреационные зоны, образовательные и культурные объекты: ипподром, бактериологическая станция, приют душевнобольных, Гостиный двор, театр, велодром, холерные бараки, тюрьмы, больницы, вдовий дом Любимова, реальное и городское училища, современная Пермь II

План города Перми 1917 г. (70×90 см) был составлен городским землемером И.И. Ткалем. На план нанесены кварталы, нумерация домов, названия улиц, появляются земельные участки под предполагаемые к открытию Сельскохозяйственный и Лесной институты, обозначены районы расположения Пермского университета на Базановской заимке, проектируемых ипподрома и Мулянской гавани.

Особая роль в планировке города принадлежит пермскому губернатору К.Ф. Модераху. По замечанию П.И. Мельникова-Печерского, «Пермь построена правильнее Нью-Йорка и поражает всякого приезжего прямотой своих улиц». Город рос в двух направлениях – вниз по Каме и вдоль Сибирского тракта.

По планам города прослеживается процесс появления водопровода, канализации, дорог, мостов, рекреационных зон – городской инфраструктуры. Она развивается с начала XX в.: в 1902 г. в городе появились электричество и городская телефонная сеть, в 1905-1906 гг. – водопровод, в 1915 г. – канализация. В 1913 г. было принято решение о постройке трамвая (открыт в 1929 г.). В этой связи интерес представляют планы на отдельные объекты городского пространства и планы с особым нанесением городской инфраструктуры: Карта пароходных пристаней г. Перми 1864 г., план г. Перми с показанием сети труб хозяйственно-противопожарного водопровода, план г. Перми с нанесением проектируемой канализации первой очереди 1915 г.

Пермь развивалась на территории, пространственно разделенной многочисленными оврагами и малыми реками, – Егошихой и Данилихой, позднее Мулянкой, Ивой, Большой Мотовилихой. Это разделение сохраняется до сегодняшнего дня. Негативной чертой городской планировки является значительное число промышленных предприятий, расположенных в центре или близко к центру города. К началу XX в. большинство промышленных предприятий располагалось на окраинах города и набережной Камы, а в 1930-е – 1960-е гг. Пермь становится значительным индустриальным центром, город расширяется.

Особой информационной нагрузкой обладают рукописные записи на планах города, главным образом – на плане губернского г. Перми 1908 г. На одном из экземпляров плана – список из 90 фамилий с адресами служащих Пермского Окружного суда (Пермский краевой музей. 16122/3). На другом – чернилами «Канцелярия Пермского Отделения Казанского Округа путей сообщения и Чусовского технического отдела; Канцелярия начальника Верхне-Камского технического участка, Пермская [прикамская] будка, Пермский холерный барак». Далее идет список из 24 человек с указанием полных имен и отчеств, а арабскими цифрами и штриховкойна план нанесено, вероятно, их местожительство (Пермский краевой музей. Временное хранение. 891/773). Еще один план имеет записи чернилами: «Пермское высшее начальное училище. Список квартир: Безруков Д.А., Бочкарев Н.Е., Мосин С.М., Тимофеев М.Г.» (Пермский краевой музей, Временное хранение. 891/52).

Планы городов дают возможность оценить пространственное развитие города. На планах прослеживается процесс расширения территории города за счет присоединения окрестных деревень, которые стали в дальнейшем микрорайонами города с прежними названиями.

О.А. Кашинская (Москва)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ЧЕРЕЗ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Региональный подход в российской историографии традиционно связан с исторической географией. Данный подход дает ответ

на вопрос, что такое регион и по каким критериям его следует выделять.

Основополагающую роль в изучении этих вопросов в русской историографии сыграла государственная школа XIX – начала XX в., для которой географический подход являлся общей основой понимания русского исторического процесса.

В исторической концепции «месторазвития» Г.В. Вернадский, будучи евразийцем, развивал теорию «месторазвития», т.е. придерживался особого толкования географического фактора в русском историческом процессе в связи с борьбой «леса» и «степи» и при формировании российской имперской стратегии внешней политики.

В последующей российской историографии данное направление было положено в основу изучения отдельных регионов. Ключевое значение имело исследование этапов географических открытий и колонизации, а также выявление связанной с этим специфики их политической истории (Цит. по: Медушевский А.Н. Региональная история в глобальном измерении // Российская история. 2009. № 3. С. 3 – 14: www.iri-ran.ru/medushevskij-regionalnaja-istorija).

Основатели современной российской школы исторической географии - А.И Андреев, В.К. Яцунский, О.М. Медушевская и др., - существенное внимание уделяли колонизационному фактору.

В настоящее время эти исследования продолжены на основе междисциплинарных подходов, в частности – расширения предметной области самой исторической географии. «Ядро исторической географии, - подчеркивают современные исследователи, - составляет комплексное изучение ойкумены (обитаемого человеком пространства)… Однако … традиционные формулы отнюдь не исчерпывают содержание исследований исторической географии как дисциплины, изучающей историю человечества в пространственном аспекте (…) Материальная культура, основы которой едины для населения определенного региона, во многом определяет жизнь человечества в этом регионе, его взаимоотношения с природной средой. В свою очередь, природа является одним из факторов складывания той или иной модели материальной культуры. Ареал языка, влияние пространства на складывание языка и диалектов также трудноотделимы от исторической географии».

Современная историческая география связывается с пониманием креативности пространства в контексте социального и культурного ландшафта.

Например, в материалах круглого стола, состоявшегося в Петрозаводске 20 ноября 2008 г., на котором обсуждался вопрос о критериях выделения Северного региона, фигурировали такие критерии: общность исторического генезиса, особенности процесса освоения и колонизации региона; географические и природно-климатические факторы; специфический строй аграрных отношений; характер отношений русского населения с автохтонным населением; значение монастырей и религиозной культуры в ассимиляции населения; формирование и конкуренция региональных центров и т.д.

Таким образом, в современной историографии прослеживаются три подхода для определения границ региона: онтологический, конвенционалистский и социально-психологический.

Первый исходит из того, что используемые понятия – отражение определенной реальности, которую можно описать и выразить в категориях разных дисциплин. Таким регионом может быть признан Русский Север, включающий в себя территории пяти современных субъектов Федерации. В рамках этого подхода спор возможен лишь о нюансах экономико-географического положения отдельных территорий региона.

Второй подход (конвенционалистский) видит во всех понятиях результат субъективного конструирования реальности, следствие договоренности (конвенции) между исследователями для удобства междисциплинарного диалога. Он основывается на позициях географического релятивизма и использует такие понятия как «идеологическое конструирование границ», подчеркивая их относительность и изменение в истории под влиянием геополитических и субъективных факторов.

Третий подход (социально-психологический) признает существование определенной реальности, лежащей в основе конструирования понятий, однако усматривает ее не столько в естественнонаучных параметрах, сколько в социально-психологической реальности, так называемой «ментальной географии», т.е. в самооценке принадлежности населения к определенному региону.

Очевидно, что эти три подхода не могут договориться по проблеме границ региона уже в силу методологических разногласий в определении самого понятия «граница». Хорошим примером этих трудностей может служить научный спор в отношении Финляндии: относить ее к региону Русского Севера (поскольку она представлена в нем географически); включать ее в этот регион в зависимости от

исследовательской позиции (она являлась частью региона, когда входила в Российскую империю, но затем перестала ею быть) или просто исключить ее из этого региона (на основе того, что финское население имело другую культуру и никогда не считало себя русским).

О.А. Кирьяш (Омск)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОВОРОТ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Современный отечественный научный дискурс характеризуется, с одной стороны, интенсивным междисциплинарным взаимодействием, что приводит к появлению новых научных направлений и практик, с другой стороны, переосмыслением содержания, места, значения уже существующих научных дисциплин.

Историческая география основное внимание уделяет событиям, которые происходят в конкретном времени и месте. Пространство для исторической географии пространство существует объективно, то есть независимо от человека и исторических процессов. Оно выступает только рамкой, в которой свершаются события, пространство представляет собой ландшафт, в котором вершится история.

Отказ гуманитариев от определенных стереотипов в отношении пространства, его восприятию, привел к кардинальному изменению роли пространства в историческом процессе. Берлинский историк географии Ганс-Дитрих Шульц высказал легко запоминающуюся формулу «пространства не существуют сами по себе, пространства создаются». Пространство не является простой материальной данностью, оно - продукт человеческого сознания, оно является результатом определенных интеллектуальных построений. Это заявление является принципиальным изменением парадигмы в исследовании пространства. Такой методологический поворот обозначил изменение проблемного поля и истории, и исторической географии, выдвинув на ведущие позиции исследование пространства, что привело к появлению новых исследовательских вопросов.

Традиционно русские исследователи исторической географии были, в первую очередь, историками. Русские историки второй половины окружающее пространство конструировали с помощью интеллектуальных конструктов «Север», «Юг», «Запад», «Восток» и т.д. Использование этих конструктов являлось уже сложившейся историографической традицией, так как любое осмысление пространства сопровождалось процессом определения его границ, локализацией, фиксацией его местоположения относительно сторон света, значимых и ценных пространственных объектов и т.д.

Конструкты «Север» и «Юг» в исторических сочинениях использовались для определения местоположения славян, затем Киевской Руси, а впоследствии и Московского государства. Этих конструктов было достаточно для осмысления не только своего, но и всего остального пространства. С помощью конструктов «Север» и «Юг» С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.П. Барсов, Е.Е. Замысловский, М.К. Любавский и др. подчеркивали не только особенности расселения славян, но и выявляли специфику характера населения, описывали внешнее окружение славянских племен и т.д.

Европейская традиция закрепила за Севером статус варварского пространства, а Юга - как пространства цивилизации. В представлениях же русских историков «Север» представал положительным пространством, так как здесь происходил процесс появления, формирования и дальнейшего укрепления государства. «Юг» же являлся пространством отрицательным, очень нестабильным, населенным многочисленными кочевниками и казаками, являющимися непосредственной угрозой рубежам государства

Конструкты «Восток» и «Запад» в исследованиях русских историков первоначально наполнялись исключительно географическим содержанием. В их сочинениях находил отражение также мифологический образ «Запада», который соотносился с Адом, и «Восток», являющийся Раем. Эта мифологическая ось основывалась на представления о христианском Востоке, который ассоциировался с Византией.

В описании русскими историками в своих исследованиях нашествия монголов на Русь и падения Константинополя наблюдается изменение в наполнении конструкта «Восток». «Мифологический» Восток со всеми положительными характеристиками в сочинениях русского исторического сообщества отходит на второй план. Конст-

рукт «Восток» усложняется и дополняется другими устойчивыми образами. Один них соотносился у русских историков с Азиатским Востоком, который выступал чужим компонентом и ассоциировался с кочевыми ордами, несущими разрушение. В изображении русскими историками событий XVI в., обнаруживается изменение содержания интеллектуального конструкта Азиатский Восток. Ведущими понятиями для характеристики восточной территории становятся понятия «Азия» и «Сибирь». «Восток» наполняется сугубо географическим содержанием и превращается в географическое направление колонизационного процесса. В XIX в. с конструктом «Восток», с одной стороны, четко ассоциировалась Турция, с другой стороны, угнетенные славянские народы

Насыщенный и неоднозначный «Восток» в сочинениях русских историков дополнялся сложным конструктом «Запад». Он выступал понятием собирательным и неустойчивым. В исследованиях русских историков актуализацию получил образ католического Запада, противостоящего православному Востоку. Особую отрицательную коннотацию «Запад» приобрел в сочинениях русского исторического сообщества при описании нашествий, агрессии, угрозы. Этим понятием русские историки объединяли народы, которые вели войны с древнерусским государством: немцы, шведы, поляки и т.д.

Эпоха Просвещения изменила отношение к Западу. В сочинениях русских историков обозначается образ просвещенного «Запада», который не представлял угрозы ни конфессиональной, ни внешнеполитической. Он являлся источником знаний для России.

Изучение пространства в качестве предмета исследования аккумулирует несколько важных составляющих исторического процесса. Во-первых, появляется автор, который моделирует пространство. Во-вторых, обозначаются выделенные автором в качестве ключевых явления, события и герои. В-третьих, показывается оценка событий и явлений, которые дает автор. Причем обнаруживается устойчивая взаимосвязь между отношением автора к событиям, героям, явлениям и маркировкой пространства. В целом, можно говорить о том, что расширение предметного поля обогатило и обозначило новые исследовательские возможности и перспективы для исторической географии.

М.Ю. Киселёв (Москва)

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В ФОНДАХ АРХИВА РАН

Архив Российской Академии наук является крупнейшим и старейшим хранилищем архивных документов по истории Российской академии наук, ее учреждений и организаций, отечественной и зарубежной науки и культуры, российских и иностранных ученых. В составе личных фондов ученых Архива РАН хранится научное наследие более 60 российских историков, в которых значительное место занимают источники по исторической географии.

Наряду с документами М.К. Любавского (Ф. № 218), М.Н. Тихомирова (Ф. № 693) и В.К. Яцунского (Ф. № 694), источники по исторической географии России и зарубежных стран выявлены в личных фондах других российских историков. Как правило, это подготовительные материалы к книгам и статьям, рукописи трудов, учебные материалы и пр.

фонд № 627 «Бахрушин С.В.» — «Географическое положение Москвы», «Таблицы порайонной специализации ремесла и торговли в Новгороде Великом», «Город в России»;

фонд № 553 «Богоявленский С.К.» — «Москва. Урочища, слободы, улицы, переулки», «Карты городищ и могильников Московской области»;

фонд № 620 «Веселовский С.Б.» — «Данные о землях Бежецкого, Владимирского, Звенигородского, Костромского, Углицкого и Старицкого уездов, принадлежащих в XVI веке Троице-Сергиеву монастырю», «Списки сел Каширского и Звенигородского уездов по писцовым книгам»;

фонд № 491 «Готье Ю.В.» — «Замосковский край в XVII в.», «Карта цензовой промышленности мордовской автономной области в 1914 г.»;

фонд № 453 «Ротштейн Ф.А.» — «География в истории»;

фонд № 627 «Тарле Е.В.» — «Экспедиция русского флота в Архипелаг», «Экспедиция генерала Д.Н. Синявина в Средиземное море»;

фонд № 638 «Шестаков А.В.» — «История города Калинина», «К истории Воронежского края»;

фонд № 665 «Яковлев А.И.» — «Сирия. Чили. Перу. Мексика. Историко-географические очерки», «Историческая география. Курс лекций»;

фонд № 1520 «Ефимов А.В.» — «Из истории русских географических открытий в Азии», «Этнографические карты Сибири и Дальнего Востока XVII-XVIII вв.»;

фонд № 1558 «Косвен М.О.» — «Этнография отдельных районов России (местная этнография)», «Этнография зарубежных стран»;

фонд № 1621 «Левицкий Я.А.» — «Вопросы этнической истории (этногенез европейских народов в средние века)»;

фонд № 1547 «Насонов А.Н.» — «Материалы по исторической географии Черниговской, Муромо-Рязанской и Ростово-Суздальской земель в XII-XIII вв.», «Население местности Смоленской области. Историко-географический очерк»;

фонд № 1714 «Новосельский А.А.» — «Очерк истории деревни Рязанского края», «Начало строительства Белгородской засечной черты. Основание и заселение городов Чернавска и Козлова в 1635-1636 гг.»;

фонд № 1667 «Хвостов В.М.» — «Складывание русско-китайской границы в XVII-XX вв.»;

фонд № 1609 «Флоровский А.В.» — «Историческая география России. Лекция»; «Территориальное развитие России — Империи»;

фонд № 2068 «Юхт А.И.» — «Основание Астрахани и рост территории города в XVI-XVIII вв.».

Наряду с личными фондами историков в Архиве РАН хранятся фонды российских деятелей науки и культуры, в которых имеются отдельные документальные комплексы по исторической географии:

фонд № 480 «Ефременков В.К., краевед-фольклорист» — земельные планы города и рисунки домов г. Починок Смоленской области, военно-топографическая карта Сухинического и Козельского районов Западной области;

фонд № 277 «Комаров В.Л., географ» — «Путешествие по Камчатке в 1908-1909 гг. (камчатская экспедиция Ф.П. Рябушинского)», «Ботанико-географические области бассейна реки Амур»;

фонд № 529 «Востротин С.Б., участник арктической экспедиции Ф. Нансена» — «С Нансеном на полярном пути в Сибирь», «Вверх по Енисею»;

фонд № 560 «Жуков В.А., геолог» — «Карта плавания гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана в 1914-1915 гг.», «Карта Тульской губернии с планом г. Тулы»;

фонд № 602 «Полынов Б.Б., географ» — «Норская экспедиция в Амурской области», «Почвенно-географический очерк Тырминской горной тайги»;

фонд № 619 «Волков Е.З., экономист» — «Территориальные перераспределения народонаселения и трудовых ресурсов СССР по историческим периодам и экономическим районам», «К истории хозяйственного районирования СССР»;

фонд № 642 «Обручев В.А., географ» — «Итоги географического изучения Восточной Монголии», «Географический очерк горной страны Наньшань»;

фонд № 687 «Прасолов Л.И., географ» — «Почвенная карта СССР», «О задачах географического изучения почв Сибири»;

фонд № 1701 «Кабо Р.М., географ» — «Историко-экономическая география городов на примере исследования городов Западной Сибири»; «Географический фактор в истории СССР по работам русских историков»;

фонд № 1584 «Борзов А.А., географ» — «Из географических наблюдений в Уфимской губернии», «Орографическое и геолого-геоморфологическое описание района Верхней Волги».

Важными источниками по исторической географии являются документальные комплексы Научного совета по исторической географии и картографии фондов № 457 «Отделение исторических наук АН СССР» и № 1731 «Секция общественных наук Президиума АН СССР».

Не менее интересными являются научные работы сотрудников Института географии АН СССР (фонд № 200), поступившие на хранение в Архив РАН за 1925-1938 гг.: «Естественно-историческое районирование долины реки Камчатки», «Естественно-исторические предпосылки к проблеме обводнения Западной Туркмении».

Отдельно необходимо отметить документальные комплексы по исторической географии, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН:

фонд № 3 «Канцелярия Академии наук» — «Географические известия по городам и местностям, полученные из разных мест в ответ на запросы, разосланные Академией наук и Сухопутным шляхетным корпусом»;

фонд № 21 «Миллер Г.Ф., историк» — «Материалы Камчатской экспедиции по изучению Сибири».

Фонды Архива РАН и его Санкт-Петербургского филиала являются значительной источниковедческой базой по исторической географии и могут быть использованы как в преподавательской, так и исследовательской практике.

С.Н. Кистерев (Москва)

ГЕОГРАФИЯ УСТАВНЫХ ТАМОЖЕННЫХ ГРАМОТ И ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В.

Среди специфических вопросов исторической географии немаловажное значение имеет проблема складывания единого экономического пространства или, конкретнее, общерусского рынка в рамках Российского государства XVII в. Исследователи, посвящавшие свои труды данной теме, уделяли основное внимание возникновению и развитию межрегиональных торговых связей, образованию системы регионального разделения труда и формированию межрегиональных контактов на уровне обращения товаров и миграции рабочей силы, что дает возможность представить процесс с одной его стороны, а именно – путем анализа собственно экономических явлений. Одновременно неоднократно и не без оснований отмечалось негативное влияние на тот же процесс существовавших административных барьеров в виде многообразных и не совпадающих в отдельных уездах страны по номенклатуре и нормам таможенных платежей и сборов, причем первыми и небезуспешными попытками преодоления таковых препятствий считается принятие торгового тарифа 1653 г. и Новоторгового устава 1667 г.

Проводящиеся в последние годы исследования таможенных уставов различных уездных центров первой трети XVII в., а точнее – начиная с 1613 г., позволяют несколько иначе представить историю функционирования таможенной системы в этот период, а тем самым и степень влияния административных препятствий на ход формирования общероссийского экономического пространства.

Пострадавшие в ходе политических и военных потрясений начала XVII столетия регионы с воцарением Михаила Федоровича и начавшимся восстановлением нормального функционирования государственного аппарата нуждались в нормативных актах, регламентирующих, в частности, деятельность таможенных учреждений как важнейшего финансового органа. Как следствие, наблюдается выдача центральными приказами новых региональных (городских) таможенных уставов взамен утраченных или по каким-то причинам не отвечавшим новым потребностям старых. Одним из первых в их череде стал устав Можайска, поя-

вившийся весной 1613 г. Не примечательное само по себе событие приобретает особое значение в связи с тем, что спустя менее чем три года, в сентябре 1615 г., по инициативе откупщика, крестьянина боярина Ивана Никитича Романова Тимофея Петрова был издан таможенный устав г. Вязьмы, во всех основных своих положениях повторивший нормы уставной грамоты Можайска. Таким образом, благодаря усилиям откупщика в двух западных уездах произошла унификация норм таможенных сборов.

Как показывает анализ содержания появившихся в последующие годы уставных таможенных грамот, процесс нивелирования отличий в системе таможенных сборов продолжился. 3 марта 1620 г. по просьбе откупщика, крестьянина боярина Ивана Борисовича Черкасского Ивана Юршина, была выдана уставная грамота таможне г. Курска, причем в качестве образца по настоянию самого Юршина оказался избранным устав Вязьмы. Уже 20 марта того же 1620 г. появился устав таможне Ельца, созданный на основе устава Курска, и повторивший все основные его пункты, о чем особо просил откупщик Томила Волков, крестьянин постельничего и наместника московской трети Константина Ивановича Михалкова. В 1628 г. откупщику Алексею Зотову была выдана уставная грамота для сбора таможенных пошлин в Осколе, полностью соответствующая нормам курского устава, а 9 декабря того же года появился устав Лебедяни, имевший образцом оскольский документ. В марте следующего, 1629 г., на основе все того же оскольского устава была написана уставная грамота для вновь назначенного таможенного головы в Ельце Мартына Мосалитинова. Имеются основания полагать, что не имели существенных отличий и нормы таможенных сборов в Воронеже.

Все перечисленные и выданные на протяжении полутора десятилетий уставные таможенные грамоты сохраняли свое действие во все последующие годы вплоть до принятия новых законодательных актов 50–60-х гг. XVII в.

Таким образом, можно заключить, что на протяжении первых двух десятилетий правления Михаила Федоровича Романова в западных, юго-западных и южных уездах Русского государства шел достаточно интенсивных процесс унификации норм таможенных сборов, причем ведущую роль в нем играли не правительственные органы (таможни перечисленных городов – Можайска, Вязьмы, Курска, Ельца, Оскола, Лебедяни, Воронежа – ведались различными московскими приказами – Большим Приходом под руководством дьяков Матвея Сомова и Петра

Евдокимова, Устюжской четвертью, возглавлявшейся думным дьяком Петром Третьяковым, Разрядом, управлявшимся думным дьяком Томилой Луговским), а в первую очередь низовые администраторы, вроде верного головы М. Мосалитинова, или откупщики из числа крестьян видных представителей придворных кругов. Следствием этого стало устранение одного из важных препятствий на пути развития межрегиональных торговых контактов – разнообразия правил деятельности таможенных учреждений и норм взимания пошлин – на значительном по своим размерам географическом пространстве, включающем в себя несколько уездов, что позволяет говорить о пока частичном, но весьма существенном снятии барьеров для формирования единого, уже экономического пространства.

З.М. Кобозева (Самара)

СОЦИАЛЬНОЕ ДИСЦИПЛИНИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВОМ: САМАРСКОЕ МЕЩАНСТВО ПОД ГЛАСНЫМ НАДЗОРОМ ПОЛИЦИИ

Профессор истории Калифорнийского университета, Кэти Стюарт, в статье «Позорная шуба, или непреднамеренные эффекты социального дисциплинирования» (из книги автора «Нечистые ремёсла») демонстрирует работу историка с антропологическими методами исследования: рассматривает десятки похожих друг на друга историй, подвергает их анализу, выявляя логические и структурные особенности, и двигается снизу вверх, от частных случаев к моральным понятиям, символическим структурам и рациональности, стоящей за изучаемой практикой. (История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX-XXI веков. СПб., 2006. С. 227) Экстраполируя данный подход к анализу «безмолствующего большинства» российских городов (мещанству), нам видится возможным расширить рамки традиционного изучения сословной стратификации российского общества через локализованную в географическом пространстве картину мира представителей «срединного мира».

Самарская провинциальная культура губернского периода имела значительное количество признаков мещанской картины мира: безлич-

ность, интровертность, ориентацию на материальное производство, традиционные поведенческие практики и узкий семейный круг, пространство, организованное домом. С Самарой связан образ дома, оказывающего «мощное интегрирующее воздействие на человеческий опыт и шкалу человеческих ценностей, некая «топография... внутреннего бытия»». (Йоост ванн Баак. Дом и мир // Антропология культуры. Вып. 3. М., 2005. С. 55-56) В своей книге «Поэтика пространства» философ – феноменолог Г.Башляр говорит о ценностях «обитаемого пространства» или «укрытия», о доме как о «не – я», которое защищает «я». (Цит. по: Дом и мир. С. 57) Самарское «укрытие», «обитаемое мещанами пространство» определялось двумя важными обстоятельствами: отсутствием университетского центра и значительной фабричной промышленности. «Самарскому дому» противопоставлялся «погреб бессознательного» с его «мрачными тайниками» и «психологический символизм подпольного человека Достоевского», (Там же. С.56) внешний мир, который так же был локализован в географическом пространстве Российской империи. Охранительная функция «дома» - Самары использовалась на рубеже XIX-XX вв. в качестве завуалированного механизма пенитенциарной системы, то есть как некое исправление пространством, или социальное дисциплинирование мещанской субкультурой. Инструментами наказания выступали не виселицы, эшафоты или позорные столбы, а мещанская пытка нищетой, сопутствующей смене места жительства, отсутствию работы и низкому социальному статусу. К.Стюарт, применительно к периоду немецкой культуры раннего Нового времени, рассказывает о практике т.н. Zuchtaus (дословно «дом дисциплины»), в котором власти осуществляли почти полный контроль над заключёнными, подробно регламентируя их жизнь с тем, чтобы насаждать нравственную и трудовую дисциплину. Целью в этих практиках объявлялось не возмездие, а ресоциализация. (История и антропология. С. 257) Подобная контаминация двух символов «дома» придаёт Самаре ещё и положительный статус: «мещанский дом» зачастую в силу своей индифферентности к «мировому злу» оказывал действительно исправляющее воздействие на индивидов-бунтарей из низших социальных слоёв.

Б. Успенский отмечал, что «пространство постигается эмпирически», «в процессе непосредственного чувственного восприятия». (Успенский Б.Д. История и семиотика // Этюды о русской истории. СПб., 2002. С.41) В этой связи эпиграфом к разысканиям в области исследования проблемы «наказания пространством» следует взять

выдержку из «Адрес-календаря Самарской губернии» за 1904 г. под заголовком «Предсказания общие на 1904 г.»: «Весна холодная и ветроносная, неблагоспешная земным плодам. Лето жаркое, но полезное для земных плодов. Осень сырая до половины, а потом довольно приятная. Зима протяжная с великими морозами. Хлеб в начале года дорог, в немногих местах родится хлеб и виноград, и кто закупит хлеба и вина, тот обогатится, потому что и то и другое будет дорого». (Адрес-календарь на 1904 г. С.7) «Метафизическое телесно-духовное истолкование языка скрывает язык в его бытийно-историческом существе. Сообразно этому последнему язык есть о-существляемый бытием и пронизанный его складом дом бытия». (Айрапетян В. Толкуя слово. Из дополнений 2002-2004 // Антропология культуры. 2005. С.22) Самарский «дом бытия», его коллективное сознание семантически соотносится с речевой формулой «неблагоспешная/благоспешная земным плодам». «Благоспешность» - это «картина мира» мещанина: ведение хозяйства, как особое искусство, культ семьи, культ частной жизни, благоразумие, умеренность, и, наконец, мещанская заповедь: всегда и всюду держаться середины. (Альберти Л. О семье. – В кн.: Опыт тысячелетия: средние века и эпоха возрождения: быт, нравы, идеалы. М., 1996. С.399) В такую среду направлялось российское мещанство, погрешившее против власти и устоев.

Оказавшись в хронотопе «самарского острова», определявшегося, с одной стороны, «неспешностью» и «благоспешностью», с другой стороны, купеческим предпринимательским размахом и этикой франклинизма, изолированный от единомышленников и сочувствующих, виновный подавлялся самим пространством и был вынужден бороться с нищетой, искать работу, заботиться о своих домочадцах, и при всём при этом ежедневно подвергаться медленной пытке «благоспешного» пространства. Все дела, связанные с подобными преступлениями и ссылкой в Самару (Государственный архив самарской области, ф.3. оп.233, д. 1604, 1620, 1633, 1696 и др..) заканчиваются бесконечными прошениями о предоставлении возможности получить работу и жалобами на нищету. Большинство таких просьб удовлетворялись властью и мещанская повседневность Самары поглощала бывших фрондёров. Таким образом достигался эффект исправления пространством.

А.С. Колесник (Москва)

ХРОНОТОП ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

Политическая жизнь России первого десятилетия XX в. неразрывно связана с террористической борьбой против существовавших форм государственности. В авангарде этой борьбы стояла Партия социалистов-революционеров, открыто провозгласившая в своей программе тактику индивидуального политического террора как наиболее эффективный метод борьбы с царским режимом. Однако даже непосредственное участие в террористической деятельности не предполагало отказа от традиционной функции интеллигенции как выразителя общественно-значимых идей. Напротив, по наблюдениям М.Б. Могильнер (Мифология «подпольного человека»: радикальный макрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999), субкультура интеллигентов-эсеров, сформировавшаяся в России в начале XX в. была предельно литературоцентричной, и творчество, включавшее в себя как написание и публикацию мемуаров, так и создание художественных произведений, оставалось такой же неотъемлемой частью деятельности радикальных революционеров, как и совершение террористических актов. Одной из важных характеристик литературных произведений леворадикальной интеллигенции было особое восприятие пространства и времени.

Для описания того, как время и пространство представляются в литературе, философ М.М. Бахтин ввел в оборот термин «хронотоп», который он определял как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» (Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234). В целом, хронотоп литературных произведений интеллигентов-радикалов однобок и однообразен. При упоминании категории времени чаще всего можно встретить описания сумерек или ночи, реже — утра. Ночь при этом воспринималась как время самого революционера, время побыть наедине с собой вне контекста подготовки террори-

стического акта: «Я жду ночи. Ночью мой час. Час забвения и мира» (Ропшин В. [Савинков Б.В.] Конь бледный. СПб.; М., 1912. С. 122). Аналогичным образом описывает ночь А.А. Дерениталь: «<...> опускалась вместе с ночью, все охватывавшая медленным кольцом своих объятий, неподвижная тишина покоя» (Дерениталь А.А. В темную ночь // Русское богатство. СПб., 1907. № 10. С. 28). Отсутствие в произведениях описаний какого-либо иного времени суток создавало мрачную атмосферу, которая напрямую перекликалась с душевным состоянием главного героя, которым обычно выступает революционер, разочаровавшийся в своих идеях и отказавшийся от террористической деятельности.

Еще важнее для создания специфического настроя литературных произведений о терроризме было особое восприятие пространства. Все события, о которых идет речь литературном творчестве радикалов-интеллигентов, происходят в городе. При описании города используется повторяющийся из раза в раз набор слов («фонарь», «мостовая», «трубы», «окна»). Авторами рисуются картины городской суеты, сутолоки и шума: «Толпятся лошади, экипажи. Кто-то едет. <...> Громыхали скачущие телеги, стучал топот. Далекий город встал перед глазами, окруженный лесом труб и стадами вагонов» (Грин А.С. Карантин // Шапка-невидимка. СПб., 1908.С. 113-114); «По пыльным улицам тащатся вереницы ломовиков. Тяжело грохочут колеса. Тяжело везут тяжелые кони. Стучат пролетки. Ноют шарманки. Звонко звонят звонки конок. Ругань и крик» (Ропшин В. Указ. соч. С. 66—67). Неотъемлемыми элементами описания города становятся железная дорога и вокзал. Таким образом, город предстает механизированным, неодушевленным, среди индустриальной мощи и суеты которого теряется сам человек. Это еще больше подчеркивает одиночество и душевные сомнения главного героя. Городские безликие пейзажи обычно появляются в сценах размышлений главных героев, в процессе которых они рассуждают о жизни, смерти, убийстве, о погибших в результате совершенных терактов товарищах или о товарищах, попавших в тюрьму, о постоянной слежке, конспирации. И обычно в результате они разочаровываются в своих убеждениях и идеях партии и склоняются к мысли об отказе от ведения террористической борьбы.

Дополнением к унылым урбанистическим картинам в литературных произведениях интеллигентов-радикалов становится описание погодных условий. Чаще всего присутствуют описания снега, тумана или дождя, которые приходились в тон настроению главного героя и гармонировали с его душевными скитаниями.

Важно подчеркнуть, что в своем идеальном виде хронотоп произведений интеллигентов-радикалов предельно статичен. Пространство действий борца за народную свободу рисовалось авторами по определенному шаблону. Пока литературное творчество бомбистов было направлено на агитацию, разнообразие ему и не требовалось. Однако с определенного момента образ террориста перестает служить пропагандистским задачам и приобретает собственно художественное значение. Это воплотилось в творчестве таких авторов, как Б.В. Савинков и Е.С. Сазонов, а раньше всего — в произведениях А.С. Грина и А.А. Дикгоф-Деренталя, интерес к которым не ослабевал и тогда, когда партия эсеров уже прекратила свое существование.

Следует отметить, что интеллигенты-радикалы использовали те же самые образы, и придавали хронотопу те же самые характеристики, что и русские символисты. Примечательно также и то, что издание произведений радикальной интеллигенции и символистов часто осуществлялось одними и теми же типографиями. Например, повесть Б.В. Савинкова «Конь бледный» при содействии Д.С. Мережковского в 1909 г. была опубликована издательством «Шиповник», осуществлявшем издание произведений А.А. Блока, А. Белого, В.Я. Брюсова (Гончарова Е.И. Проза Бориса Савинкова: общественно-политический и литературный контекст эпохи: дис. канд. филол. наук. СПб., 2001. С. 105). Однако вопрос о заимствовании художественных образов интеллигентами-радикалами из произведений символистов (а соответственно и о том, насколько «террористический» хронотоп соответствовал хронотопу «символистскому») требует дальнейшего рассмотрения.

В.Е. Колупаев (Москва)

ГЕОГРАФИЯ ФЕНОМЕНА РУССКОГО КАТОЛИЧЕСТВА В ПРОСТРАНСТВЕ ДИАСПОРЫ XX ВЕКА

Историческая и социо-культурная география Русского Зарубежья – это новый интеллектуальный континент, полный белых пятен. В открытии этого информационного пространства только-только намечаются контуры, определяются направления возможных исследовательских тем. Совершенно непривычно звучит для россиян сочетание слов *русский католик*. А ведь это особый пласт религиозного, культурного, политического и национального мышления и осознания себя во вселенской семье народов. Географическое распространение этого явления в рамках диаспоры заслуживает внимания. Накладываясь на контуры эмигрантских центров, это национально русское явление, включающее соотечественников, сделавших выбор в сторону Рима как центра своих религиозных взглядов, тем не менее содержит богатство византийско-славянского церковного наследия.

Представим картину географии распространения общин, приходов, миссий и других учреждений.

Европа – это Голландия, Португалия (Фатима), Италия (Русская церковь св. Антония, «Руссикум», Успенский монастырь в Риме), Испания, Финляндия, Чехословакия (Прага), Германия (Нидералтайх, Берлин и Мюнхен), Австрия (Вена и Зальцбург), Великобритания (миссия марианан в Лондоне), Франция (приход Св. Троицы в Париже, Лиль, Лион, Ницца и интернат св. Георгия в Медоне).

Азия дала развитие такой церковной структуры, как Апостольский Экзархат для католиков византийского обряда в Китае (1928–1949), включая миссию в Харбине и Шанхае.

Северная Америка имеет историю русского католического присутствия, начиная с XIX в., затем работа В. Рошко на Аляске, монастырь св. Прокопа в Лисле (Чикаго), Русский центр Фордамского католического университета (Нью-Йорк); приходы: св. Михаила в Нью-Йорке, Фатимской Божией Матери в Сан-Франциско, св. Андрея в Калифорнии, а также инициативы Е. Колышкиной в Канадской провинции Камбера и история церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в Монреале.

Южная Америка входит в историю русского католического апостолата со своим активом, накопленным в Аргентине, Бразилии и Чили.

Австралия имеет Русский католический центр в Мельбурне, руководимый архимандритом Георгием Брянчаниновым.

Африка дополняет географию охвата; следует отметить, что следы русского католического священника о. Валентина Танаева теряются в ЮАР, куда он отправился в 1947 г. для работы среди соотечественников, что ждет еще своего исследователя.

Таким образом, мы видим рассеяние русских католиков византийского обряда по всему миру.

Помимо представленного выше обзора, заслуживает внимания исследователей тот, факт, что в административном отношении русские католическое общины управляются различными юрисдикционными механизмами.

Официальный ватиканский справочник «Annuario Pontificio», помимо вдовствующего Экзархата в России, содержит информацию о созданном в 1928 г. в китайским Харбине «Ordinario per i Russi di rito bizantino slavo e per tutti i fedeli di rito orientale». Далее, в странах традиционно католических русские общины входят в юрисдикцию местной католической иерархии, либо находятся в понтификальном подчинении, т.е. непосредственно управляются Папой через администрацию ордена, как в случае с иезуитами, или через Конгрегацию по делам Восточных церквей. Кроме того, история XX века знает имена иерархов и церковно-административные возглавителей русского католического движения в эмиграции: это епископы Петр Бучис, Александр Евреинов, Болеслав Слосканс, Павел Мелетьев, Андрей Катков и протопресвитер Георгий Рошко.

Деятельность католического движения византийского обряда среди выходцев из России велась в разных направлениях приходского, миссионерского, образовательного и социального служения, межцерковного диалога, а также патриотического возрождения и сохранения национальной культуры в условиях зарубежного существования.

Актуальность настоящего обзора жизни католической составляющей русского зарубежья очевидна, особенно в настоящее время, когда появилась на нашей Родине – в Российской Федерации возможность нормализации религиозной жизни в соответствии с действительным велением совести. Свобода совести, в том числе и для россиян, подлежащих юрисдикции Восточного Католического права, подтверждена не только гражданским законодательством, но и нормами законодательства церковного.

Представленная тема нова, ни в России, ни в зарубежье нет полноценного исследования этого феномена. Данная работа может вызвать определенный интерес у историков, занимающихся изучением проблем эмиграции, а также специалистов в области отечественной церковной истории XX в., включая взаимоотношения Православия и Католичества. Материалы по теме содержатся в архивных собраниях, в первую очередь, связанных с работой следующих ведомств, конгрегаций и церковных структур: архив Государственного секретариата Ватикана, архив Конгрегации Восточных Церквей, архив Ордена Марианов, библиотечное и документальное собрание «Руссикума», архив «Русские католики» из собрания о. В. Рихтера, Лион; архив и библиотека Фордамского католического университета в Нью-Йорке, США; архив марианской белорусской миссии в Лондоне и Мюнхенского миссии-центра; другие приходские архивы и архивы частных лиц, безусловно, обогатят историю свежими фактами.

О.В. Коляго, Г.Н. Семенчук (Гродно, Белоруссия)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ В X—XIII ВВ.

Полоцкое княжество (Полоцкая земля) выделяется среди политических образований раннего средневековья. Его самостоятельность отмечали уже летописцы и постоянно подчеркивают современные исследователи. По различным вопросам политической истории, культуры и археологии Полоцкой земли написано большое количество исторических работ. Следует отметить исследования В. Данилевича и В.А. Булкина по реконструкции коммуникацiооных путей Полоцкого княжества; А.Н. Насонов, Л.В. Алексеев, Г.Н. Семенчук, А.А. Метельский изучали процессы формирования государственной территории и складывания границ Полоцкой земли в X-XIII вв.; Л.В. Алексеев, Г.В. Штыхов, Э.В. Загорульский, Л.В. Колединский, С.В. Тарасов, Д.В. Дук, Ю.А. Заяц занимались реконструкцией топографии полоцких городов. Несмотря на ряд достижений, отдельные вопросы, связаные с исторической географией Полоцкой земли в раннем средневековье, до сих пор остаются нерешенными и открыты для дальнейших исследований.

Главными источниками для историко-географических реконструкций служат известия русских летописей, скандинавских саг и немецких хроник. Почти равнозначными им являются археологические и топонимические источники. Для более точного определения линий границ необходимо использование данных физической географии. Известно, что результатом большинства историко-географических исследований является создание соответствующих исторических карт. Карты для нашей темы создавались в программе ArcViewGis 3.2.

Процесс картографирования состоял из нескольких этапов, включая сбор информации и создание базы данных, подготовку электронной исторической подосновы, определение границ княжества и создание цифровой карты.

Перечислим наименее исследованные моменты исторической географии Полоцкой земли в X-XIII вв., на которые мы обращаем внимание в своем докладе: 1) определение территории известного из летописей «княжества Рогволода» («яко Рогволоду держащю и княжищю в Полотьскую землю»); 2) формирование внешних границ княжества в XI—XII вв.; 3) формирование и изменения территориальной структуры Полоцкого княжества в XII—XIII вв.

Н.А. Комолов (Воронеж)

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГУБЕРНСКОГО ДЕЛЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ В XVIII В.: ДИНАМИКА ОПТИМИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Первоначально территория современного Центрального Черноземья являлась составной частью обширного «Поля», в пределах которого с конца XVI в. стали возникать города-крепости (Воронеж, Ливны, Елец, Белгород, Оскол, Курск, Царев-Борисов, Валуйки). Колонизация продолжилась в следующем столетии, особенно после строительства в 1635–1658 гг. 800-километровой укрепленной линии – Белгородской черты, прикрывшей южнорусские земли от нападений степняков. Черта включала в себя не только различные инженерные сооружения и естественные природные препятствия, но и возводившиеся города-крепости. Они вошли в

новую военно-административную единицу – Белгородский разряд (Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969), из которого вскоре выделился небольшой Севский разряд.

В ходе осуществления губернской реформы 1707–1710 гг. города обоих разрядов были преимущественно распределены между Азовской и Киевской губерниями. Созданная по воле Петра I Азовская губерния в отличие от детища Екатерины II с таким же названием была огромной территориальной единицей. Географически она выходила за пределы нынешнего Центрально-Черноземного региона, включая на востоке земли Украины, а на западе – Мордовии и Пензенской области. Соответственно был неоднороден и этнический состав населения, в котором, помимо, естественно, русских, были представлены малороссы и татары.

Внушительные размеры губернии, а также существование с начала XVIII в. особого Адмиралтейского округа из приписанных к кораблестроению городов привели к рассредоточению функций управления в трех центрах (Азове, Тамбове и Воронеже). Царь-реформатор вообще намеревался создать отдельную Воронежскую губернию. И хотя этот план не был осуществлен, Воронежская обер-комендантская провинция, объединившая корабельные города, занимала особое, близкое к статусу губернии положение.

После отдачи Азова туркам в 1711 г. фактическим центром губернии стал Тамбов и только в 1715 г. – Воронеж. Все эти изменения проводились в административном порядке, без юридического оформления. В итоге сохранение прежнего названия губернии – Азовская привело к путанице в официальном делопроизводстве. Вплоть до смерти Петра Великого ее называли то Азовской, то Воронежской. Только с 1725 г. губерния стала однозначно именоваться Воронежской (Комолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725): территория и высшие администраторы. Ростов-на-Дону, 2009. С. 6–43).

В рамках реализации административной реформы 1719–1720 гг. Азовская губерния была разделена на пять провинций (Воронежскую, Елецкую, Тамбовскую, Шацкую и Бахмутскую), Киевская губерния – на четыре провинции (Киевскую, Белгородскую, Севскую, Орловскую).

В 1727 г. Белгородская провинция была юридически переоформлена в «особливую» губернию (Сборник РИО. СПб., 1888. Т. 63. С. 408.). Вскоре в нее вошли (и опять без участия законодателя) Орловская и Севская провинции. Присоединение, вероятно, явилось результатом исторического и хозяйственного взаимодействия этих земель. Географическое про-

странство Белгородской губернии следующие полвека не менялось и включало в себя в той или иной степени территории современных Белгородской, Брянской, Курской, Орловской, Тульской областей РФ, а также Сумской и Харьковской областей Украины.

Распределение городов по провинциям в целом было оптимальным, хотя имелись и явные несуразности. К примеру, города Белоколодск, Романов и Сокольск Воронежской губернии (находились в пределах нынешней Липецкой области) до середины 1740-х гг. были приписаны в Бахмутскую провинцию, находясь от нее на расстоянии в 600 верст. Однако подчинялись они не местной власти, а администрации железных заводов и Воронежской губернской канцелярии (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 182. Л. 45 и об.; Д. 262. Л. 44 и об.; Д. 264. Л. 44 об.-45.; Оп. 2. Кн. 41. Л. 84 и об., 141 об., 147).

При Екатерине II началась подготовка к масштабной реформе управления. Она предполагала и оптимизацию административно-территориальной структуры. В проекте гражданских штатов, составленном сенатором Я.П. Шаховским, намечалось оставить обе черноземные губернии: Воронежскую и Белгородскую. Однако Сенат предложил их раздробить и создать из Орловской и Севской провинций Орловскую губернию, а из Тамбовской и Бахмутской провинций – Тамбовскую губернию. В некоторых своих положениях этот проект был реализован в ходе екатерининской губернской реформы.

Важным событием, сократившем пространственные контуры Воронежской губернии, стала отписка от нее в 1765 г. южной Бахмутской провинции к новообразованной Новороссийской губернии. Тогда же к новой Слободско-Украинской губернии отошел и Острогожск, ставший центром отдельной провинции.

В 1768–1769 гг. на заседаниях учрежденной Уложенной комиссией частной комиссии «о порядке государства в силе общего права» обсуждалась территориальная структура государства. Мнения, затрагивавшие ЦЧР, были самые разные. Например, образовать Калужскую губернию и приписать к ней Орловскую провинцию, разделить Орловскую, Белгородскую, Елецкую провинции на две, а Севскую, Шацкую и Тамбовскую провинции на три каждую (Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М.-Л., 1941. Т. 2. С. 166–170, 241–244).

В 1778–1779 гг. в устройстве ЦЧР произошли существенные изменения. Была упразднена Белгородская губерния, образованы Орловское, Курское, Тамбовское, Воронежское наместничества (Комолов Н.А. Ад-

министративно-территориальное устройство Центрально-Черноземного региона в XVIII – начале XIX в. // Воронежский вестник архивиста. Вып. 3. Воронеж, 2005. С. 82-89.). Указ от 12 декабря 1796 г. учредил одноименные губернии. В первой четверти XIX в. границы черноземных губерний были окончательно установлены и не менялись до административной реформы 1923–1929 гг.

Таким образом, на протяжении XVIII в. на территории нынешнего Центрального Черноземья шел процесс оптимизации территориальной структуры, преимущественно происходивший в контексте реализации административных реформ Петра I и Екатерины II. При этом изменения, совершаемые вне этих общегосударственных преобразований, зачастую законодательно не утверждались, несмотря на то, что их значение выходило за региональные рамки.

Э.В. Комолова (Воронеж)

РОЛЬ СОБОРОВ В ОБРАЗОВАНИИ ЦЕРКОВНЫХ ОКРУГОВ НА ЮГЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Вопрос об образовании новых епархий был поднят еще на соборе 1657 г. В частности было решено открыть митрополию в Белгороде, однако осуществили это только через десять лет. В ее состав вошли 38 городов (по другим данным – 37), половина из патриаршей области (20 городов, в частности: Белгород, Курск, Старый Оскол, Яблонов, Новый Оскол, Верхососенск, Усерд, Ольшанск, Коротояк, Валуйки и другие), а другая половина – из вновь присоединенных городов Слободской Украины: 17 городов, бывших за Белгородской чертой (Покровский И. Русские епархии в XVI-XIX веках, их открытие, состав и пределы. Казань, 1897. Т. 1. С. 280-282).

В следующий раз эта проблема обсуждалась на соборе 1666–1667 гг., который постановил учредить Воронежскую и Тамбовскую епархии, выделив их из Рязанской (ДАИ. СПб., 1853. Т. 5. С. 491-493). На соборе 1667 г. греческие патриархи Паисий и Макарий предлагали русской церкви принять систему взаимоотношений между иерархами, существовавшую в греческой церкви. Было постановлено к 13-ти существующим епархиям добавить еще 10 (Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви.

М., 1992. Т. 2. С. 234-–236). П.Ф. Николаевский приводит несколько иные данные: он говорит о проекте открытия 9 новых епархий (Николаевский П.Ф. Патриаршая область и русские епархии в XVII в. СПб., 1888. С. 30), а Т.Б. Соловьева – о 20 (Соловьева Т. Церковное управление в России и государственные проекты его реорганизации 1681-1682 гг. // Государственные учреждения России XVI-XVIII вв. М., 1991. С. 39). Практически все соборные решения из-за противодействия архиереев остались невыполненными.

Проекты 1681-82 гг., исходившие от светской власти, шире, чем ранее, включали вопросы церковной реорганизации. Проект от 2 сентября 1681 г. предусматривал создание большого количества епископий, сгруппированных в области, которые возглавлялись митрополитами. Всего предстояло открыть 72 епархии, объединенные в 12 округов. Планировалось путем присвоения кафедрам степеней установить последовательность замещения архиерейских вакансий. Среди материалов собора 1681-82 гг. сохранилась «Роспись городам и монастырям, в котором граде быти епископом и в которых монастырях жити, и что за теми монастырями крестьян и бобыльских дворов по переписным книгам 1678 года».

Согласно этому документу предполагалось из Рязанской выделить 4 епархии с центрами в Тамбове, Воронеже, Шацке и Ряжске, из Белгородской митрополии – епархии с центрами в Курске и Ливнах (Покровский И. Указ. соч. С. 320, 322.). Проект был представлен собору и патриарху Иоакиму 27 ноября 1681 г. (Богданов А.П. Русские патриархи (1589–1700). М., 1999. Т. 2. С. 297-303).

Молчаливый протест архиереев заставил правительство в конце сентября начать разработку нового проекта. В связи с этим приказ Большого Дворца собрал сведения о 13 епархиях, суммированные в «Росписании всех епархий и монастырей…». Росписи 4 епархий, в том числе и Рязанской, отсутствуют.

Эти материалы легли в основу очередного проекта, представленного церковному собору, созванному в Москве в ноябре 1681 г. Проект претерпел значительные сокращения по сравнению с предыдущим. Количество округов оставалось прежним, но число епархий, которые предполагалось открыть, сокращалось до 34. Так, в Рязанской митрополии планировалось образовать не четыре епархии, как намечалось ранее, а три, с центрами в Тамбове, Муроме и Воронеже, в Белгородской – одну с центром в Курске.

6 ноября была открыта только одна епархия – Звенигородская. Правительство продолжало постепенно сокращать количество предполагаемых к открытию епархий. Известна докладная выписка, в которой представлена новая роспись 25 церковных округов. Она составлена по полному первоначальному проекту 72 епархий и по проекту указа 1681 г. Из Рязанской уже выделялось две епархии: Тамбовская и Воронежская (ПСЗ. Т. 2. № 898). Но и этот проект не получил одобрения.

По прошествии двух месяцев после представления проекта ответа на него так и не последовало ни от патриарха, ни от собора. Тогда инициаторы реформы от имени царя адресовали патриарху письмо, в котором констатировалось, что христианская вера не расширяется, а развратники святой церкви умножаются.

Настойчивость светской власти вынудила патриарха собрать бывших в Москве архиереев. 8 февраля 1682 г. в патриаршей крестовой палате начались «соборные рассуждения» по вопросу об умножении епархий. Итогом их явилось составление от имени церковной власти челобитной, которая и легла в основу окончательных решений собора.

В представленном проекте архиереи допускали увеличение количества епархий, но вместо 25 соглашались на открытие 15 церковных округов. В частности в Рязанской митрополии решено было открыть только 2 епархии, с центрами в Тамбове и в Воронеже. Результатом длительных споров 1681-82 гг. явился компромисс. В окончательном определении церковного собора перечень открываемых епархий сокращен до 11 (Покровский И. Указ. соч. С. 361).

Вскоре по окончании собора (в марте – апреле 1682 г.) было открыто только 4 епархии: Великоустюжская, Холмогорская, Тамбовская и Воронежская. Больше новые епархии в конце XVII в. не образовывались. Учреждение остальных епархий не состоялось, как указывают некоторые авторы, «по недостатку средств» и «по причине смерти Федора Алексеевича и последующих за нею смут» (Воробьев Г.О. О Московском Соборе 1681-1682 гг. СПб., 1885. С. 53).

Оценивая результаты церковного собора 1681-82 гг., можно сказать, что государственные проекты церковной реорганизации были попыткой светской власти подчинить церковь. Этим объясняется противодействие архиереев введению окружного управления, которые просили оставить епископов неподвластными митрополиту, мотивируя это тем, «дабы не явилось в архиерейском чине распрей и превозношения» (АИ. СПб., 1842. Т. 5. С. 110).

Оценивая результаты церковного собора 1681–1682 гг., можно сказать, что государственные проекты церковной реорганизации были попыткой светской власти подчинить себе церковь. Правительство было заинтересовано в открытии новых церковных округов, поскольку все государственные проекты имели целью формирование церковного аппарата, состоящего не из огромных епархий, а из небольших во главе с небогатыми епископами, находящимися под тройной опекой митрополита, патриарха и царя. В итоге это привело бы к ослаблению экономического и политического могущества церкви. Этим объясняется противодействие архиереев введению окружного управления, которые просили оставить епископов неподвластными митрополиту, мотивируя это тем, «дабы не явилось в архиерейском чине распрей и превозношения». На самом деле это объяснялось тем, что архиереи, будучи в своей епархии полновластными владыками, не желали усиления централизации церковного управления и установления контроля за их деятельностью и доходами со стороны митрополитов. Они предпочли остаться под властью патриарха, контроль которого над их экономической деятельностью был номинальным.

Ф.С. Корандей (Тюмень)

«ЛИЧНОСТЬ СТРАНЫ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И АНГЛОСАКСОНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

История исторической географии знает немало примеров отдельного подхода, определявшего успех монографий и создававшего целые национальные школы: таковы «геоистория» Ф. Броделя, «кросс-секции» британского географа Г.К. Дарби, «последовательное заселение» (sequent occupance) Д. Витлзи и К. Зауэра. Подобные продуктивные устойчивые комплексы методов, обладающие «собственным лицом» и подчас легендарным статусом, тем не менее, могут пониматься как частный случай более широкого подхода — региональной историко-географической характеристики.

Предметом нашего доклада является история одного из таких комплексов (учитывая известный синкретизм ранней историографической и хорографической традиции, здесь уместно использовать термин

«жанр»). Подготовленный идеями К. Риттера о «географическом индивиде» исторический обзор (tableau) отношений географической среды и населения в границах одного региона, направленный на выявление и характеристику пространственных детерминант, определяющих региональное своеобразие, появляется в работах Ж. Мишле. Французский историк применил в 1833 г. слово «личность» (personne) для описания географической реальности Франции и, таким образом, явился родоначальником важного страноведческого жанра. Данный жанр с необходимостью историко-географичен, невозможен без обращения к прошлому, факты которого должны были подтверждать тенденции, наблюдавшиеся автором в настоящем.

В географический термин слово «personnalite» (личность, индивидуальность) превратил П. Видаль де ла Блаш. В книге «Картина географии Франции», он развил идею Мишле, о «лице» (физиономии / характере, physionomie) Франции как о единстве в многообразии. Разнообразие Франции было описано де ла Блашем как множество переходных ступеней, нюансов, расположенных в пространстве между двумя полюсами — Севера и Юга. Крайние пространства страны в свою очередь, также были представлены в виде оппозиций. Сутью Франции как региона объявлялись переходные зоны между Севером и Югом.

В англо-саксонской географической традиции также известен ряд сочинений, посвященных описанию историко-географической «личности» (personality) регионов. Английский археолог С. Фокс в книге «Личность Британии» (1932) на основании обобщения археологических данных представил географию доисторической Британии как продукт взаимного влияния двух зон — западного Хайлэнда и юго-восточного Лоулэнда. Контраст горного и равнинного ландшафтов определял в каждом случае специфические возможности для жизни людей. Фокс подчеркивал, что каждая из этих провинций, в силу специфики среды, обладала особым характером связей с континентом.

Другой известной работой, ориентированной на реконструкцию доисторических паттернов расселения, влияние которых прослеживалось и в современной географии региона, была статья американского географа К. Зауэра «Личность Мексики». Зауэр обнаруживал в Мексике оппозицию севера и юга, стараясь показать, как взаимодействие двух провинций, порождавших свои собственные уклады, формировало «доминирующие черты страны». Уникальность Мексики, по Зауэру, в том, что она является местом встречи высоких культур Юга и более прими-

тивных культур Севера (Gran Chichimeca), которые с течением времени постепенно продвигались на юг.

Та же самая пространственная диалектика может быть обнаружена в одной из статей ирландского историко-географа Э. Эванса. «Личность Ольстера» — это, в известной мере, анализ «раздвоения личности»: северо-восточная историческая провинция Ирландии была разделена между Великобританией и Ирландией, что, по мнению Эванса, не предполагает потери общего наследия. Эванс не следует известному отождествлению Ольстера с Северной Ирландией, но делает попытку описать общую географическую личность всей провинции. Тем не менее, уже в качестве исторической провинции Ольстер (как север) противопоставляется всей остальной Ирландии (как югу). Отмечая единство Ольстера, Эванс затем утверждает, что ландшафт провинции порождает собственное внутреннее разнообразие, как физическое, так и историко-антропологическое, предоставляя географу возможности для характеристики новой дихотомии.

Подобные классические опыты систематизации реального культурного разнообразия должны рассматриваться как одна из вероятных «школьных» нарративных моделей историко-географической характеристики в ситуации, когда ощутим недостаток работ, имеющих характер введения в историко-географическую методологию. В этом смысле может быть интересен наш опыт историко-географического описания сибирской р. Туры. Пространственные дихотомии, формировавшие границы плацдарма русской колонизации, определяют историографические стратегии описания юга Западной Сибири, его нынешние географические репрезентации, могут быть показаны в сегодняшнем ландшафте региона.

Н.Ф. Котляр (Киев, Украина)

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ (ЗЕМЛИ И КНЯЖЕСТВА)

Вплоть до настоящего времени в среде историков не прекращаются дискуссии вокруг многоцветного этногеографического полотна, созданного Нестором во введении к «Повести временных лет» (далее ПВЛ).

В этой необыкновенно яркой картине доныне остается немало неясного. В частности, летописец не упомянул о том, когда и каким образом из многочисленных восточнославянских племенных образований выросли те или иные древнерусские земли и княжества, которые, в свою очередь, стали территориальными компонентами Киевского государства IX—XIII вв. Попытаюсь ответить на эти вопросы на материале Галичины и Волыни.

Обе эти земли принадлежат к числу поздних (по сравнению с землями Среднего Поднепровья) социально-территориальных структур. Они образовались в течение двух, а то и трех столетий, что было обусловлено объективными историческими причинами. Во времена существования централизованной монархии на Руси (конец X — начало XII вв.) и Волынская и, особенно, Галицкая земли пребывали на периферии политической и экономической жизни государства, будучи под властью киевских государей. Положение стало изменяться, когда с 40-х годов XII в. вследствие наступления удельной раздробленности власть Киева на периферии Руси ослабела, а на местах возвысились бояре и сидевшие там Рюриковичи. Они стремились сами распоряжаться в своих землях. Особенно ярко это обнаружилось в Галицкой земле.

И Волынская, и Галицкая областные территории возникли вовсе не сразу. Их формирование началось в XI веке и продолжалось в следующем, XII. Придерживаюсь мнения о стадиальности их складывания. Им предшествовали другие территориально-социальные образования X—XI вв. Так, Волынская земля, превратившаяся в княжество к 40-м годам XII в., выросла на социально-территориальной основе Червенской и Белзской земель, рождение которых из племенных союзов и княжений дулебов, бужан и волынян состоялось в течение X в. Определить территории этих древних племенных объединений крайне сложно, как ввиду схожести, а то и идентичности материальной культуры (прежде всего, керамики), так и из-за того, что все племена и их союзы жили чересполосно (например, бужане заходили на земли волынян, и наоборот).

В основе земли Галицкой лежало в основном восточнославянское объединение белых хорватов, главным центром которых был древний Перемышль. ПВЛ отметила его существование под 981 г. когда сообщила, что Владимир Святославич захватил западнорусские города: Перемышль, Червен и др. Хорватское объединение племен существовало по меньшей мере до конца X в., когда распалось вследствие удара, нанесенного ему войском Владимира.

Историки давно обратили внимание на то, что восточнославянские земли и княжества складывались вокруг городских или протогородских центров. Протогородами, на социальной основе которых сложилась Червенская земля, были Червен и Волынь, в основе земли Белзской стояли Белз, Всеволож и Буск. Во всех них археологи находят следы ремесленно-торговых поселений, берущих начало в IX и начале X вв. Перемышльская земля также принадлежит к древнейшим образованиям в западнорусском регионе. В ее основе был древний протогород (затем город) Перемышль.

Большинство протогородов Западной Руси захирели, так и не превратившись в подлинные древнерусские города. Эта участь постигла и Червен, и Волынь, а Белз, Всеволож и Буск к XII в. стали скромными городскими образованиями, время от времени бывавшими стольными городами маленьких удельных княжеств. Лишь Перемышль сохранил значение и роль в дальнейшей истории западнорусского региона. Город повлиял на создание Галицкой земли и Галицкого княжества. Волынская же земля имела в территориальной и социальной основе город Владимир, отмечаемый летописью с конца X в. Эта историческая область начала складываться позже, с середины XI в. путем объединения Червенской и Белзской земель, к которым затем была присоединена Берестейская волость и осваиваемые на востоке территории с городами Дорогобуж и Острог. Так возникло Волынское княжество.

В процессе формирования Галицкого княжества, начавшегося в первой половине XII в., к Перемышльскому княжеству были присоединены княжество Теребовльское и осваиваемые земли на западе и юге. В центральной части этого нового княжества возникли и быстро развивались города: Звенигород (80-е годы XI в.) и Галич (возникший, вероятно, на рубеже XI и XII столетий). Первоначальный центр Галицкой земли Перемышль остался городом-крепостью на юго-западе княжества, столица же была перенесена в новый и стремительно развивавшийся в течение XII в. Галич.

В 1199 г. волынский князь Роман Мстиславич, воспользовавшись кончиной последнего представителя династии галицких Ростиславичей Владимира Ярославича и выморочностью престола, сел в Галиче и объединил Галицкое княжество с Волынским. Государственное образование состояло из разнородных в социальном, политическом и экономическом отношениях частей и с самого начала оказалось непрочным. Если волынские бояре и дружинники служили своему князю Роману, то га-

лицкие бояре, привыкшие помыкать своими князьями, не приняли власти Романа, покорились лишь его силе и восстали против его вдовы Анны и сыновей Даниила и Василька, ввергнув край в гражданскую войну (1205 г.). Лишь к середине 40-х годов XIII в. Даниилу Романовичу удалось подавить боярскую фронду и расправиться с предводителями враждебных ему боярских партий.

Областная территория Галицко-Волынского княжества сложилась лишь в 40-х—50-х годах XIII в. Невзирая на централизаторские действия Даниила, территория княжества так и не стала единой, и после смерти этого государя (1264 г.) оно распалось на несколько крупных и мелких государственных образований.

В.В. Кудряков (Москва)

ВЕХИ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В ОТРАЖЕНИИ ЛОНДОНСКИХ ХРОНИК XV ВЕКА

Позднее средневековье в Англии, как и в ряде других стран Западной Европы, наложило свой отпечаток на взаимодействие пространства и времени. Одним из выражений этого процесса явились изменения, которые претерпели традиции локальной истории в освещении нарративных источников. Переживают кризис традиционные монастырские хроники, уделявшие ей значительное внимание. В XV столетии широкое распространение приобретают городские анналы. Новые исторические сочинения имели ряд существенных отличий. Они создавались на английском языке, а мировоззрение авторов и их кругозор носили светский характер. В качестве целевой аудитории этой группы хронистов выступали миряне, (Kingsford M.A. English Historical Literature in the Fifteenth Century – N-York, 1963, p.7), что в значительной степени предопределило круг затрагиваемых вопросов и характер подачи информации. В результате многие аспекты местной жизни и повседневной истории, обрели свое место на страницах исторических повествований XV века.

Наиболее ярким и значительным выразителем новой тенденции становятся лондонские хроники. Их комплекс включает 12 манускриптов. Сохранившиеся тексты, как правило, являлись либо продолжениями

к популярной хронике Брут, либо к предыдущим лондонским хроникам (Goodman A. The Wars of the Roses. Military Activity and English Society, 1452-1497 .– London, Boston and Henley, 1981 p.10.), поскольку в столице традиция лапидарных погодовых записей восходила ко второй половине XIII столетия. Но прежде они представляли лишь скупую информацию об именах мэров и олдерменов, смертях королей и иных памятных бедствиях. Изредка подобные сообщения оживлялись свидетельствами очевидцев об «огненных драконах, изумительно паривших в небе», как это имело место в 1270 году.

В XV веке ситуация изменяется, и сухие краткие записи постепенно сменяются все более развернутыми повествованиями, окрашенными чувствами авторов, которые не только стремились зафиксировать те или иные значимые события, но и отразить вызванный ими общественный резонанс. К сожалению, невозможно восстановить имена большинства создателей этих источников. По мнению Кингхорна, (Kinghorn A.M. The Chorus of History. Literary-historical Relations in Renaissance Britain. – London, 1971, p. 40) в XV столетии по крайней мере 25 человек внесли свою лепту в составление 30 сохранившихся вариантов лондонских хроник. По всей вероятности, в их числе были Бэйл, Грегори и Фабиан (Bagley J.J. Historical Interpretation Sources of English Medieval History. – London, 1965, pp. 215-216). Анонимные варианты зачастую получали наименования по расположению манускриптов в библиотеке сэра Р.Б. Коттона, например, Cleopatra CIV или Julius B II. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что в социальном отношении авторы лондонских хроник, преимущественно принадлежали к среде лондонского купечества и рассматривали его в качестве основной группы читателей.

В центре внимания практически всех лондонских хроник неизменно оказывались цены и погода. В частности, в 1408 году Julius B II отмечает «великий мороз», сковавший льдом Темзу, а Cleopatra CIV в единственной записи за 1428 год повествует о губительном дожде, уничтожившем зерновые культуры и истребившем запасы сена. Автор версии Vitelius A XVI, сообщая о годе мэра Каннингса (октябрь 1456 – октябрь 1457), лишь вскользь упоминает о налете французов на Сэндвич, зато более подробно освещает поимку в Темзе двух китов, одной рыбы-меч и одной рыбы-монстра, а также мятеж узников ньюгейтской тюрьмы. Впрочем, местные лондонские новости зачастую становились событиями национального или международного значения. Ссоры между членами знатнейших семейств королевства, визиты иностранных по-

сольств, распространение в столице ереси лоллардов и борьба с нею ярко запечатлены в этой группе хроник и придают им первостепенное значение среди источников эпохи.

В политическом отношении пристрастия авторов, как правило, зависели от времени создания нарратива. Бэгли отмечает, что лондонцы находили накладным поддерживать партию, потерпевшую поражение(Bagley J.J. Historical Interpretation Sources of English Medieval History. – London, 1965, pp. 215-216). Лондонскими обывателями и вышедшими из под их пера нарративами одобрялись лишь те войны, которые приводили к быстрым завоеваниям или открывали новые возможности для торговли. Все остальные военные конфликты, напротив, подлежали осуждению, т.к. они наносили ущерб коммерции и влекли требования новых займов и налогов.

Несмотря на многие комплименты, прозвучавшие в адрес лондонских хроник на страницах английской историографии, они все же остаются очень несовершенными образцами своего жанра. Материалы лондонских хроник были собраны и записаны горожанами, для которых это занятие было лишь хобби. Как правило, они также не могли подняться над уровнем примитивных компиляций, причем для их составления использовался один или несколько предшествующих вариантов, которые авторы перерабатывали по своему усмотрению и снабжали собственными сведениями по мере приближения повествования ко времени его создания. Для лондонских хроник не характерно критическое осмысление источников и обоснование причин описания событий или их значимости (Ross Ch. Edward IV. – Berkely and Los Angeles, 1974, p. 431). Тем не менее, они представляют собой уникальное зеркало, запечатлевшее отзвук суждений лондонцев о важнейших событиях XV- начала XVI вв. и отразившие яркий колорит местной жизни, до которого не снизошли такие великие хронисты как Матвей Парижский, Роджер Вендовер или Генрих Хантингтонский.

А.А. Кузнецов (Нижний Новгород)

ДЯТЛОВЫ ГОРЫ – ИСТОРИЯ ОРОНИМА

Дятловы горы – название возвышенности, изрезанной оврагами и родниками, на которой покоится древнейшая часть Нижнего Новгорода

(далее – НН). Ороним считается древним, чуть ли не современным основанию города в 1221 г. Название укоренилось и используется в качестве одного из нижегородских брендов. Но еще не ставился вопрос о том, насколько древен ороним, и в каких источниках он отразился.

Его не найти в летописных сведениях XII–XVII вв. В нижегородском летописании XVII в. – в Летописце о Нижнем Новгороде и редакциях Нижегородского летописца (Тексты // Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород, 2006. С. 125–267)– которое внимательно вглядывалось в историю и географию региона устья Оки, не упоминаются Дятловы горы. Их нет в актах, имеющих отношение к НН, не встречаются они в материалах писцового делопроизводства. На сегодняшний день данный топоним читается лишь в сочинениях нижегородских краеведов XIX в. А.С. Гациский, повествуя об Абрамовом (Ибрагимовом) городке булгар, предшественнике НН, сначала заявил, что построен на Дятловых горах, а после этого рассказа привел «нижегородское предание» о происхождении данного названия. Суть предания: предводитель мордвы Скворец получил от умиравшего чародея Дятла предсказание о том, что если дети первого будут жить в мире, то устье Оки останется за ними; в противном случае эту местность завоюет русский князь. Место захоронения Дятла получило название Дятловых гор (Гациский А.С. Нижегородка // Гациский А.С. Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 2000. С. 43–45).

Старший современник Гациского Н.И. Храмцовский в более ранней работе в общих чертах подачи материала предвосхитил Гациского – привел сначала легенду об Абрамовом городке, располагавшемся на Дятловых горах, затем – предание («полная легенда, какими так богата старина германская и скандинавская») о происхождении названии (Храмцовский Н.И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1998. С. 21 – 23, 25–26). В примечании к этой легенде Н.И. Храмцовский отметил, что расположение НН на Дятловых горах зафиксировано в «Книге Большому чертежу», а сама легенда была отыскана П.И. Мельниковым и опубликована в 1845 г. в «Нижегородских губернских ведомостях» (Храмцовский Н.И. С. 525. Прим. 11). Отметим, в «Книге Большому чертежу» таких данных нет. При этом характерны, как и для труда Гациского, очередность и связь двух легенд – об Абрамовом городке и чародее Дятле.

Посмотрим на произведение П.И. Мельникова. Упомянутая Храмцовским газетная статья вместе с другими позже (1867 г.) была объеди-

нена в работу «Очерки мордвы». В них очередность другая: легенда о Дятле, затем – об Абрамовом городке. Причем, в легенде об Абрамовом городке в редакции Мельникова сказано, что «мордвин Абрамка… поселился на Дятловых горах» (Мельников П.И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы // Полное собрание сочинений П.И. Мельникова-Печерскаго. Т. VII. СПб., 1909. С. 414). То есть, сначала приводится легенда о происхождении названия, а затем это название вплетается в общую канву рассказа об Абрамке. Последователи Мельникова поменяли последовательность, поскольку с точки зрения основания НН текст об Абрамовом городке был важнее псевдонародной этимологии топонима.

Итак, первый текст о Дятловых горах встречается у Мельникова и связи с легендой об Абрамовом городке. Мельников отмечал, что рассказ о Дятле взят из рукописи XVII в., а об Абрамке сказано, что это русское предание, которое было услышано автором, и ему неизвестно, было ли оно записано когда-либо (Мельников П.И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы… С. 414). При этом оба разнородных текста, источники которых до нас не дошли, несут в себе информацию о Дятловых горах. Потом, когда под пером Храмцовского (а он почерпнул его у какого-то любителя старины и владельца манускриптов) текст об Абрамке изменился, Мельников написал Гацискому: «Легенда эта подозрительного свойства, относительно подлинности ее… Состряпать-то сочинители хорошенько легенду не умели» (Гациский А.С. С. 44). Получается, что исследователь, приведший эту легенду первым, от нее же и отказывался (Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII–первая треть XIII в.). Нижний Новгород, 2003. С. 82–83) по причинам, требующим отдельного объяснения. Поэтому одно из первых появлений Дятловых гор в данном случае снимается. Следовательно, из исследования выводятся их упоминания в текстах об Абрамовом городке у Храмцовского и Гациского.

Таким образом, остался только один текст – о чародее Дятле, источник которого неизвестен со времен Мельникова-Печерского. Отсутствие Дятловых гор в источниках XIII – первой половины XIX в., кроме одного, заставляет усомниться в его достоверности и существовании. Можно предложить два объяснения. Первое: такого топонима не существовало, и его придумал вместе с легендой Мельников. Но почему его сразу, без изменений и поправок и даже с попыткой обосновать «Книгой Большому Чертежу», топоним органично вошел в тексты Храмцовского и Гациского? Ответ может дать второе объяснение: ороним Дятло-

вы горы сложился в народной среде НН не ранее второй половины XVIII в., а потому не попал в письменные источники. Пользуясь топонимом, Мельников предложил его легендарную этимологию, которой поверили Храмцовский, Гациский. Они-то тоже слышали это название. Так набиравшая силу краеведческая традиция НН в XIX в. утвердила на будущее это народное название.

Краеведы, утверждая этот топоним, подразумевали непрерывность социокультурного развития локуса на устье Оки в период XIII—XIX вв. Они не обладали данными, которые дает археология, о полном упадке Нижегородского Поволжья и катастрофическом сокращении его населения в первой половине XV в. после нашествия Едигея в 1408 г. (Грибов Н.Н., Лапшин В.А. Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках //Археологические вести. Вып. 15. М., 2008. С. 148), что не могло не отразиться на (не)сохранении микротопонимов таких, как Дятловы горы.

И.А. Кузьмичёв (Москва)

СБОРНИК ЛОЦИЙ БЭЙЗИЛА РИНГРОУЗА 1682 Г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Одним из наиболее интересных видов источников по исторической географии являются навигационные лоции. Они создавались для удобства экипажей судов при прохождении незнакомых для рулевых и лоцманов участков тех или иных вод либо побережий. Как правило, лоции состояли из двух частей: точного письменного описания особенностей рельефа дна и береговой линии с руководством по преодолению препятствий в местах, затрудненных для навигации, а также прилагаемых к ним карт с указанием опасностей, подстерегающих на пути, особенно в прибрежных водах. Являвшиеся неотъемлемой частью лоции навигационные карты можно считать прямыми наследниками как средиземноморских портуланов и ротейро XIV-XV вв., так и североевропейских «морских книг» XIV-XVI вв., которые начиная со второй половины XV в. снабжались изображениями береговых профилей или видами наземных ориентиров при взгляде с моря.

Однако кроме предоставления сведений непосредственно по физической исторической географии и топографии, лоции могут быть также ценным источником по политической исторической географии.

Показательным примером в этом случае является история с испанскими навигационными лоциями и картами тихоокеанского побережья обеих Америк второй половины XVII в., захваченными пиратской экспедицией капитана Бартоломью Шарпа в 1681 г. По возвращению в Англию, пираты, хоть и предстали перед судом, не были осуждены за свои преступления, поскольку их добыча была высоко оценена королем Карлом II, так как это был первый материал такого масштаба, попавший в руки англичан. До этого, начиная с момента проникновения испанцев в регион, все документы, описывающие тихоокеанское побережье обеих Америк, хранились испанскими властями в строжайшей секретности. Позже один из участников экспедиции Шарпа по имени Бэйзил Рингроуз с помощью видного представителя картографической школы Темзы конца XVII в. Уильяма Хэка издал от своего имени эти лоции, назвав их «South Sea Waggoner». Благодаря данной публикации в 1682 г. тихоокеанское побережье американского континента стало хорошо известно не только испанцам, но и другим европейским нациям, в первую очередь англичанам, что облегчило дальнейшее их проникновение в регион: в дальнейшем при организации и в ходе многочисленных рейдов корсаров и экспедиций военных флотов европейских держав за Магелланов пролив использовались лоции из атласа Бэйзила Рингроуза.

Помимо историко-географического материала работа Рингроуза предоставляет ценные сведения об этнографии и традиционной культуре местного населения. Кроме того, в ней изложены личные наблюдения автора относительно особенностей климата, флоры, фауны и навигации изображенных отрезков побережья.

Все это делает сборник лоций «ученого пирата» и исследователя Бэйзила Рингроуза крайне интересным и показательным источником по исторической географии.

Ю.В. Куликова (Москва)

ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ III В. (НА ПРИМЕРЕ «ГАЛЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ»)

Вторая половина III в. – интересный, но малоизученный период в истории Римской империи, который отличает крайняя скудость и фраг-

ментарность источников. Один из спорных, но наиболее важный источник «Sciptores Historiae Augustae», датируется IV в. Труд содержит биографии римских императоров и события истории Рима. Современные исследователи считают SHA не очень надежным источником, но некоторые сведения подтверждаются археологическими, эпиграфическими и нумизматическими данными.

Известен труд историка III в. Публия Эрения Дексиппа «Скифская война», из которого до нашего времени сохранились лишь небольшие разрозненные фрагменты (Buck D. A reconstruction of Dexippus' Chronica // Latomus. 1984. 43. 593–598). Они затрагивают период 267 гг., т.е. правление Галлиена, Клавдия Готского и Аврелиана.

Труд Евтропия «Бревиарий» был написан в IV в. и представляет собой несколько поверхностный компендий истории Рима. Автор акцентирует внимание на роли императоров в построении римской государственности. Причины мятежей III в. он видит в нестабильности верховной власти в Риме и в личности императора Галлиена, неспособного справиться с ситуацией. Если учесть положение Евтропия при императорском дворе и тот факт, что труд писался, прежде всего, для императора, то тем любопытнее оценка, которую дает автор Постуму, говоря, что только благодаря его храбрости и благоразумию потерянные провинции были возвращены и восстановлены. Именно слова Евтропия стали основными для фиксации исторического факта. Вырванные из общего контекста «Galliarum….imperium» стали использоваться как термин в отношении феномена сепаратизма в Галлии во второй половине III в.: «Imperium Galliarum».

Секст Аврелий Виктор является римским писателем IV в. Научная традиция закрепила за его именем четыре произведения, среди которых «О Цезарях» и «Извлечения о жизни и нравах римских императоров». При этом несомненное авторство Аврелия Виктора можно признать лишь за первым, поскольку в нем присутствуют ссылки автора на детали его собственной биографии. «Epitome de Caesaribus» хронологически охватывает более длительное время. Неизвестный автор делает ошибки, например, неправильно указывает имя Лелиана – Эмилиан, видимо, перепутав его с тираном, узурпировавшим власть в Египте. Аврелий Виктор строит свою концепцию истории на особой роли деяний выдающихся исторических личностей. Несмотря на негативное отношение автора к «пагубному правлению Валериана и Галлиена», он, тем не менее, столь

же негативно относится и к инициаторам мятежей против законной власти.

Византийский историк Зосим – автор V в., Зонара – XII в. В качестве источников Зосим выбирал историков, которые освещали конкретный период с близких ему позиций, в частности, это утраченные труды Евнапия и Олимпиодора. Зосим не делает различия между императором и простым человеком, лишь бы его деяния были во благо государству. Зосим является одним из тех авторов, которые предпочитают реальные ϧакты слухам. Однако Зосим и Зонара путаются в географических понятиях: провинции Верхняя и Нижняя Германии подчас перепутаны с Галлией и т.п.

Особое место занимают Латинские (галльские) панегирики и Авзоний, чьи произведения проливают свет на события второй половины III в., касаясь не только политических, но и социально-экономических аспектов жизни общества, предоставляя достоверные ϧакты, в частности, о восстании в Августодуне.

Остальные источники дают более отрывочные сведения, но без них невозможно выстроить полную картину истории Западных провинций во второй половине III в. н.э.

Христианский пресвитер Павел Орозий, живший на рубеже IV–V вв. оставил труд «Семь книг истории против язычников». Как автора его отличает четкое освещение событий и точные датировки. Орозий отмечает заслуги Постума в сохранении целостности империи и строительстве городов и крепостей в подвластных провинциях. Автор сообщает некоторые неизвестные ранее ϧакты. Например, что восстание Лелиана и возвышение Мария произошло в Могонтиаке. Это, как и ϧакт вторжения германцев в 260 г. через Рецию, подтверждено недавними археологическими находками.

Сохранившийся небольшой ϧрагмент «Исторической Хроники» Иоанна Антиохийского VII в. (Antiochenus Joannes // FGH. IV. Fr. 152. 534), описывает интересные ϧакты противостояния императора Галлиена и галльского узурпатора.

Существенный интерес для исследования представляет труд священника и теолога V века Полемия Сильвия Латеркула (Polemius Silvius / ed. T. Mommsen // Gesammelte Schriften VII (Philologische Schriften). 1909. 633), сохранившийся лишь ϧрагментарно. Без сомнения, Сильвий использовал труды Евтропия, Аврелия Виктора.

Сохранившийся фрагмент произведения анонимного античного автора (Anonym, 1-9 //FGH.1885.IV.191) почти в точности повторяет отрывок из неизвестного последователя Диона Кассия (Dio's // FHG. IV. 1851. 191–199), где сообщается о личной встрече Галлиена и Постума и факт, что именно галльский император контролировал перевалы Альп, что и было подтверждено археологическими данными.

Отдельные факты предоставляют нам христианские авторы: Евсевий, Григорий Турский, Фредегар, а также Петр Патрикий, чей труд дошел до наших дней в очень фрагментарном состоянии. Нельзя обойти вниманием такой источник, как «Nomina provinciarum omnium» или «Laterculus Veronensis», относящийся к 297 г. и рисующий картину пограничного с Империей варварского мира. Сведения о политике Валериана, а также жизни и нравах III в. дает и карфагенский епископ Киприан. Только он указывает на существование в среде христианских общин остатков языческих верований.

Таким образом, источники по истории Западных провинций Римской империи во второй половине III в. хоть и не всегда надежны, но могут дать пусть не полную, но достаточно целостную картину политической, экономической и культурной жизни общества, если их сопоставлять и дополнять данными археологии, нумизматики и эпиграфики.

Ю.В.Куликова, Ю.В. Емельянова (Москва)

ВОСПРИЯТИЕ ОСТРОВНЫМИ КЕЛЬТАМИ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА (ПО ИРЛАНДСКИМ САГАМ)

Земля Ирландии, согласно представлениям островных кельтов, приняла свой облик не сразу. О том, как менялась ее география, рассказано в «Книге Завоеваний Ирландии». Прежде чем на ее территорию пришли предки ее исторического населения, Ирландия не существовала в полном смысле этого слова. Остров имел девственный облик и находился вне магии, вне мифологии, вне рамок полуфантастического мира, которым обычно окружали себя кельты. Вероятно, они и сами не совсем могли представить, как выглядел остров до его освоения, но сама по себе земля, оторванная от целостного мира континента, для кельтов должна быть совершенно иной. Мир, по их мнению, преобразился благодаря пяти пооче-

редно прибывшим *расам*. Это особое число, имеющее магическое значение в культуре многих народов, но в данном случае оно логично привязано к истории освоения острова.

Саги более подробно освещают географию острова. Короли Ирландии называются королями Западного мира, в их владения входят также Британские острова (Саги об Уладах. М., 2004. С. 28). Сам остров кельты разделяли на четыре части, выделяя север и юг. Догойдельское население продолжало обитать на острове, все более приближаясь в представлении кельтов к потустороннему миру и становясь персонажами мифов. Одной такой областью была страна Малых Десси (их название сохранилось в одной из областей Уэльса – Дивед. См: Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991. С. 165–170), упоминаемая в «Опьянении Уладов», и народ Эринн, от которого, предположительно, произошло и название острова (Hibernia – интерпретация этого же названия на латинском языке, дословно *Зимняя страна* (Саги… С. 90). Кельты знали о своих соседях. Они считали, что первым захватил Албанию, как называлась Шотландия, Албанус, и стала называться эта страна Альба (Саги… С.66).

Попытаемся разобраться, что такое север с точки зрения кельтов той эпохи. Солнце, проходя с востока на запад, весь день остается на юге – это светлая половина мира, предоставленная живым. Ночью же солнце пребывает на севере – это темная и скрытая половина, обитель мертвых, мифологических существ, героев и богов, сид (Леру Ф. Друиды. СПб., 2000. С. 217). Таким образом, получается, что сид находится не только «под» Ирландией, но и вне ее, на севере. Интересно и то, что Иной мир, вероятно, также находился в Ирландии. Т.А. Михайлова отмечает: «Эта страна может оказаться и самой Ирландией. Попадая в "Страну вечной юности", герой попадает в прошлое, в некий Золотой век» (Михайлова Т.А. «Острова за морем» или тема плаваний в Иной мир в ирландской традиции // Представления о смерти и локализации Иного мира у древних кельтов и германцев. М., 2002. С. 178.). Таким образом, и упомянутый в сагах Остров женщин является моментом прошлого, в которое попадают странники.

С другой стороны, в сагах много географических и топонимических ошибок. Эти неточности – явные пробелы в географических знаниях древнеирландских писцов, которые плохо ориентируются в географии острова и вообще в сторонах света. Так, например, в саге «Опьянение Уладов» крепость Дун-Да-Бенн помещена в места обитания уладов (Саги…С. 85), хотя это современный Маунт Сэндл в графстве Дерри на юго-западе Ирландии. Отдельные географические объекты, упоминаемые в сагах, на

самом острове вообще не существовали, либо до сих пор не идентифицированы (Hogan E. Onomasticon Goedelium, locorum et tribuum Hiberniae et Scotiae. An index, with identifications, to the Gaelic names of places and tribes. Dublin, 1910; reprint 2000).

С реальными географическими названиями намного сложнее. Наибольшее количество их мы встречаем при изучении «Книги Завоеваний Ирландии». Однако данный источник появился довольно поздно и, фактически, пытался увязать события, хорошо знакомые любому ирландцу из устных преданий и Ветхого Завета (теперь Сим в Азии, Хам в Африке, Иафет в Европе). В понятие *Азия* кельты включали Малую Азию, Армению, Мидию, Скифию. Шестыми в Ирландию пришли потомки Гойдела, т.е. предки ирландцев. Ими был проделан долгий путь в географическом (из Египта через Скифию в Ирландию) и временном отношениях (440 лет). По пути они остановились у Рифейских гор (современные Уральские), и берега заветного острова увидели лишь последующие поколения. Напрашивается аналогия с библейским Моисеем.

Упоминаются и другие географические названия, некоторые из которых мы знаем из античных авторов: «А то, что я хочу найти, не нашел я ни в Британии, ни в Европе, ни в Африке, ни в Азии с Грецией и Скифией, ни на Оркадских островах, Геркулесовых столпах, Башне Брегона и Гадесских островах» (Саги… С. 153). Сведения об этих странах могли дойти как из уст монахов, так и торговцев. При этом невозможно сказать, насколько хорошо кельты ориентировались в географии столь отдаленных регионов. Библейские сказания знакомили их с Египтом. Именно из этого источника кельты знали, что Красное море, где Бог явил свое чудо через Моисея, расположено именно в этом регионе. Поскольку письменная фиксация наследия кельтов создавалась христианскими монахами, возникает правомерный вопрос: это географические знания самих кельтов или отражение знаний монахов?

С уверенностью можно сказать, что кельты прекрасно знали о континентальной Европе, где когда-то жили их предки и продолжали жить родственные им племена. По мере того, как политическая ситуация в Европе менялась, изменялась и география этого региона. Островные кельты постепенно утратили прежние тесные связи с Европой, с регионами, которые ранее населяли кельты, а знания превратились в мифы.

Кельты того времени воспринимали мир куда сложнее, чем мы сейчас. Он был для них многоуровневым, сферическим, где было место и для богов, и для людей, для Иного мира и для реального бытия.

Л.Н. Мазур (Екатеринбург)

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК «НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ»: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, КОНЦЕПЦИЯ И ПРИНЦИПЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Справочники, словари и энциклопедии относятся к наиболее сложным видам научных трудов и представляют собой упорядоченную совокупность записей, характеризующих исторические факты и знания. Одновременно они выступают в качестве ценнейшего источника информации. Появление изданий подобного рода является отражением определенного уровня исторической науки, связанного с накоплением больших объемов исторической информации и необходимостью их систематизации и вовлечения в научный оборот.

Следует отметить, что теоретические и методические вопросы подготовки справочных и энциклопедических изданий до сих пор разработаны довольно слабо. Имеются лишь общие рекомендации по организации и проведению соответствующих работ, так и не оформленные в виде нормативно-методической базы. Научная практика дает нам сотни примеров (удачных и не очень) создания исторических справочников, которая еще нуждаются в обобщении и анализе.

Историко-географические справочники занимают особое место среди справочных изданий, они ориентированы на систематизированное описание различных географических объектов — рек, гор, холмов и других природно-географических явлений, в том числе населенных пунктов. Первым опытом такого рода можно считать энциклопедический словарь В.Н. Татищева, «Российский исторический, географический и политический лексикон».

В начале XIX в. появляется «Словарь географический Российского государства» А.М. Щекатова (1801-1809), который представлял собой первое системное описание поселений Российской империи. Во второй половине XIX в. выходит «Географическо-статистический словарь Российской империи», составленный П.П. Семеновым-Тян-Шанским (1863-1885). Словарь включал описание всех населенных пунктов России, имеющих население более 3000 жителей.

Вслед за всероссийскими проектами в пореформенный период начинается создание региональных справочников. В Пермской губернии

было подготовлено несколько историко-географических справочных изданий, в которых нашла отражение информация о поселенческой сети Урала. К ним относятся статистико-географические словари Н.К. Чупина и И.Я. Кривощёкова. «Географический и статистический словарь Пермской губернии» Н.К. Чупина (1876-1886) включал значительное число статей, посвященных сельским населенным пунктам, где наряду с географической и статистической информацией были приведены историческая справка, время создания населенного пункта, внутреннее устройство, занятия населения и проч.

Словарь Н.К. Чупина стал образцом для последующих справочных изданий, среди которых особое место занимают словари по Верхотурскому и Чердынскому уездам, подготовленные И.Я. Кривощёковым (1910, 1914 гг.). В них автор реализовал подход, ориентированный на сплошное описание поселенческой сети, что позволило создать исключительно полную картину расселения, основанную на официальных данных и дополненную личными наблюдениями и архивными материалами.

В советский период опыт разработки региональных историко-географических энциклопедий и справочников был во многом утрачен. За исключением нескольких энциклопедий, вышедших в 1920-е гг., в течение длительного времени публиковались лишь оперативные справочники административно-территориального деления — малоинформативные и неинтересные.

Возрождение практики подготовки региональных справочных изданий приходится на последние десятилетия. Вместе с тем, анализ структуры и содержания современных краеведческих энциклопедий и справочников позволяет сделать вывод о необходимости серьезных методологических разработок в этом направлении, поскольку уровень систематизации, полнота и достоверность представленной в них информации оставляет желать лучшего.

С учетом имеющегося, прежде всего дореволюционного, опыта разработки историко-географических справочников в Уральском государственном университете была подготовлена концепция историко-географического справочника «Населенные пункты Свердловской области», в основу которой положены следующие принципы и методологические подходы:

- *принцип полноты*, обеспечивающий охват всех населенных пунктов, существовавших на территории Свердловской области с XVI по XXI вв. и упоминавшихся в источниках. В качестве основы информационного массива выступает перечень населенных мест Свердловской области 2002

г., дополняемый в ходе ретроспективного поиска информацией из справочных и статистических изданий по Пермской губернии и Свердловской области XIX–XX вв., а также архивных документов;

- *принцип комплексной характеристики географических объектов.* В качестве единицы информационного массива выступает структурированное описание конкретного населенного пункта (города, села, поселка, станции и т. д.), которое содержит информацию, достаточную для комплексного восприятия исторических, географических, социально-демографических, экономических, историко-культурных аспектов его возникновения и развития, роли в локальной и региональной системе расселения и административного деления и функций;

- *принцип системности* является базовым и реализуется на всех уровнях проектирования системы, обеспечивая необходимую степень организации массива информации (записей), их взаимосвязь и логику поиска информации;

- *принцип интеграции информационных технологий,* направленный на создание поливариантного информационного продукта, который может быть реализован как на традиционных, так и на электронных носителях;

- *принцип визуализации пространственной структуры расселения* предполагает создание пространственной модели поселенческой сети региона в форме растровых и электронных карт, позволяющих визуализировать структуру локальных и региональных систем населенных мест.

Таким образом, концепция справочника опирается на технологии проектирования информационных систем с соблюдением базовых принципов, обеспечивающих достоверность и полноту информации о населенных пунктах Свердловской области. Особо следует подчеркнуть научную значимость проекта: данный ресурс принципиально важен для формирования информационной базы научных исследований по истории заселения, освоения, культурного и экономического развития Среднего Урала в XVI-XXI вв.

Д.Я. Майдачевский (Иркутск)

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: В.В. ПОКШИШЕВСКИЙ И В.Н. ШЕРСТОБОЕВ

Среди знаковых фигур советского периода исторической географии, внесших заметный вклад в обсуждение ее содержательно-предметных оснований в момент достаточно краткого расцвета субдисциплины конца 1940–1950-х гг., называется имя Вадима Вячеславовича Покшишевского (1905-1984) – в ту пору старшего научного сотрудника Института экономики АН СССР.

В качестве руководителя Восточно-Сибирской и Якутской экспедиций, призванных осуществить экономико-географи¬ческое обследование указанных территорий, В.В. Покшишев¬ский неоднократно посещал Иркутск, со¬трудничал с местными экономико-геогра¬фами. «Сибирские» главы подготовленной (и защищенной в 1949 г.) докторской диссертации «География миграций населения в России. Опыт историко-географического исследования» легли в основу книги «Заселение Сибири (историко-географические очерки)» в 1951 г. увидевшей свет в местном издательстве.

Занятия географией миграций населения и являвшиеся их неотъемлемой частью историко-географические исследования заселения Сибири обусловили интерес к работам историков, стремление осмыслить их с географических позиций. Среди историков, обладающих «чувством пространства», искал исследователь и поддержки своим пионерным работам в этой области, поскольку географическое сообщество отнеслось к ним весьма неоднозначно, на три долгих года «отложив» присуждение В.В. Покшишевскому ученой степени доктора наук. Проблемы союза «времени» и «пространства» в исследовательской практике, как историков, так и географов, задали угол зрения, под которым Покшишевский подверг разбору книгу местного экономиста-историка В. Н. Шерстобоева (1900-1963) «Илимская пашня. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века» (Т.1, 1949), стали одной из тем их переписки.

Уже в первых строках своей газетной рецензии В.В. Покшишевский определил важнейшее условие научного понимания исторического процесса заселения и освоения русским народом Сибири – ясное представление исследователем-историком географического «театра»,

на котором он разворачивался. «Илимская пашня» потому и стала серьезным достижением именно историко-географической науки, что в полной мере отвечала этому условию. И не только благодаря открывающим работу главам, дающим общую характеристику изучаемой территории, ее географии, природным условиям, рельефу, климату, почвам и растительно¬сти. Вся книга построена на прочной географической основе: география «прокралась» даже в основную ее главу, посвященную экономике и технике крестьянского хозяйства – рецензент с особым удовольствием указывает на установленную автором связь господствовавшей в Ангаро-Илимо-Ленском междуречье системы земледелия с географическими условиями (Восточно-Сибирская правда. 1949. 11 окт.).

«Историческая география» трактуется В.В. Покшишевским в качестве субдисциплины географии, складывающейся в процессе применения исторического подхода к экономико-географическим явлениям, своеобразной историко-экономической географии, реконструирующей картины географии прошлых эпох с применением свойственного географическим наукам арсенала раскрытия связи явлений, с сохранением системы географических понятий, но одновременным приданием последней временной координаты.

В развернутом варианте рецензии, опубликованном в сборнике «Вопросов географии», специально посвященном исторической географии, В.В. Покшишевский демонстрирует именно такое понимание, называя книгу «доходящим до первичных хозяйственных клеточек экономико-географическим очерком Илимского края, приуроченным ко 2-ой половине XVII и началу XVIII века, тесно сплетенным с обширным собственно историческим материалом». География фактически становится неотъемлемой частью «ядра» предпринятого В.Н. Шерстобоевым исследования. На «периферии» же оказываются те приемы, с по¬мощью которых ученый фиксирует конкретные исторические условия, в которых функционирует экономика крестьянских хозяйств (Вопросы географии. Сб. 20. Историческая география СССР. М., 1950. С. 309).

В.В. Покшишевский не только неоднократно ссылается на работу Шерстобоева в тексте своей книги «Заселение Сибири…», но и упоминает ее во вступлении, где вновь формулирует авторское видение проблем исторической географии. Миграции населения на каждом их историческом этапе, считает он, должны рассматриваться в связи с хо-

зяйственной деятельностью людей, заселявших Сибирь. Историко-географическое изучение только тогда покоится на прочном научном фундаменте, когда учитывает весь спектр географических связей колонизационного процесса, и, прежде всего, оценивает природные условия хозяйственной деятельности людей и результаты воздействия этой деятельности на географическую среду.

Достигаемая историко-экономической географией в ходе реконструкции хода заселения Сибири пространственная локализация исторического процесса колонизации не только способствует углублению представлений о разнообразных его сторонах, но дает возможность установить и объяснить местные его особенности. Подходя к раскрытию темы исследования, по его собственному признанию, как географ, Покшишевский «не мог не отмечать особенностей и различий отдельных районов этого громадного края». Поэтому сложность написания общей картины заселения Сибири он и усматривает в отсутствии детальных исторических очерков по отдельным ее районам «вроде превосходного исследования В.Н. Шерстобоева “Илимская пашня”» (Покшишевский В.В. Заселение Сибири (историко-геогра¬фические очерки). Иркутск,1951. С. 4).

В.В. Покшишевский в эти годы живо откликался в печати на выход в свет таких «районных» исторических исследований, обращая пристальное внимание на историко-географическую их «составляющую». Как отмечал он в одном из своих писем В.Н. Шерстобоеву, «каждая из этих районных “историй” становится ответственным пособием для исторической географии, и ценность ее прямо зависит от того, насколько полно и правильно показаны в ней взаимодействие людей с географической средой для прошлых эпох» (Государственный архив Иркутской области. Ф.р-2683, оп. 1, д. 279, л. 11об.).

С легкой руки В.В. Покшишевского книге сибирского ученого суждено было войти в число классических конкретных историко-географических трудов, созданных в советский период, а имени автора встать в один ряд с именами таких авторитетных, сформировавшихся еще до революции историков-географов как М.К. Любавский, С.В. Бахрушин, М.Н. Тихомиров, П.Г. Любомиров и др.

А.С. Майорова (Саратов)

ИЗМЕНЕНИЕ СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ С КОНЦА XVIII ДО СЕРЕДИНЫ XIX В. И ВЛИЯНИЕ ЭТОГО ПРОЦЕССА НА ГЕОГРАФИЮ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА

Ко времени образования Саратовской губернии (1780 г.) на ее территории проживали представители разных народов. Кроме русских и мордвы, с середины XVIII в. здесь обосновались украинцы и переселенцы из Европы — в основном, из немецких земель. Население было немногочисленным, преобладающими типами поселений были села и деревни.

В течение последних десятилетий XVIII в. и первой половины XIX в. шел интенсивный процесс заселения Саратовского Поволжья, который был следствием правительственной политики, направленной на расширение помещичьего землевладения. В 1742 г. на территории будущей Саратовской губернии числилось 91304 душ м. п. По данным ревизии 1858 г. здесь проживало 342 тыс. душ крестьян (Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах) Саратов, 2002. С. 243, 248). М.В. Булычев выяснил количественное соотношение податного населения разных национальностей на территории Саратовской губернии. К 1846 г. на основании статистических сведений основную массу населения составляли русские, их было 74,7% всего учтенного населения (Булычев М.В. Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII первой половине XIX века и ее последствия. Саратов, 2004. С. 27-28).

Относительно этнического состава представителей неподатных сословий точных сведений не имеется. Можно говорить уверенно о том, что большинство духовенства также принадлежало к титульной нации, а дворяне в преобладающем большинстве были православными (в то время это было равнозначно принадлежности к традициям русской культуры). Национальный состав купечества был довольно разнообразен, здесь встречались армяне, немцы, татары, даже выходцы из Персии. Но ввиду своей немногочисленности они не могли оказать заметного влияния на культурную жизнь региона. Немецкие колонии в изучаемый период фактически находились в состоянии культурной изоляции. Иностранные колонисты рассматривались как особое сословие, выход из которого был достаточно сложным (Дитц Я.Е. История поволжских нем-

цев-колонистов. М., 1997. С. 378, 404). Они были иноверцами, а распространение католицизма или протестантизма было изначально неприемлемо в глазах русских властей (Плеве И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 1998. С. 60).

Культура русского народа к середине XIX в. играла роль системообразующего элемента в общем процессе культурного развития Саратовского Поволжья, но она не была здесь однородной. Заселение его шло за счет переселения крестьян из различных регионов России, в основном — Центрального промышленного и Центрального черноземного районов, Симбирской и Нижегородской губерний (Булычев М.В. Указ. соч. С. 20). Они приносили с собой традиции своих родных мест. Одновременно происходило распространение сословной культуры дворянства. С 1780-х гг. начали формироваться крупнейшие усадебные комплексы: в Зубриловке (имение Голицыных) и Надеждино (имение Куракиных). В 1820-1830-е гг. — художественно организованные усадьбы: в Бобылёвке (имение Львовых), Беково (имение Устиновых), Шиханы (имение Орловых-Денисовых) (Максимов Е.К. Усадьба Устиновых Беково // Дворянские усадьбы Саратовской губернии: Материалы вторых Боголюбовских чтений. Саратов, 1998. С. 10-11; Савельева Е.К., Пашкова Л.В. Отзвук славного былого // Памятники Отечества: Иллюстрированный альманах. 1998. № 40(3-4). С. 182-183; Самохвалова Н.В. Бобылевка — родовое гнездо Львовых // Гений вкуса: Н.А. Львов: Материалы и исследования. Тверь, 2005. С. 331).

В процессе заселения Саратовского Поволжья к городам, существовавшим ранее (Саратов, Петровск, Царицын, Камышин), прибавился еще ряд городов: городской статус приобрели села и слободы, которые получили названия Хвальынск, Вольск, Кузнецк, Балашов, Аткарск, Сердобск. В 1835 г. таким же путем появились города Николаевск, Новоузенск и Царев (Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов, 1993. Т. 1. С. 121; Энциклопедия Саратовского края… С. 248). Но в первой половине XIX в. большинство из них не стали подлинными городскими центрами. Городской облик имел Вольск. В первой половине XIX в. в его архитектуре существовала тенденция к доминированию классицизма. Довольно много было в нем каменных зданий. (Терехин С.О. Века и камни: (Памятники архитектуры Саратовской области). Саратов, 1990. С. 18). В трех уездных городах — Вольске, Царицыне и Хвальынске открылись училища с двухгодичным сроком обучения (Очерки истории Саратовского Поволжья. С. 218).

Наиболее заметны преобразования в культурном облике Саратова. Из города-крепости он превратился в центр обширной губернии. Изме-

нился состав его населения — к середине XIX в. здесь значительное место принадлежало чиновникам и дворянам, поэтому культура дворянства заняла здесь видное положение. В городе существовал театр (Энциклопедия Саратовского края. С. 533), были открыты народное училище, а затем гимназия и семинария (Духовников Ф.В. Первые страницы саратовской мужской гимназии // Труды СУАК. Саратов, 1893. Т. 4, вып. 2. С. 26-50; Покровский В.М. Материалы по истории саратовской духовной семинарии // Труды СУАК. Аткарск, 1902. Вып. 22. С. 1-58). В 1828 г. была учреждена самостоятельная Саратовская епархия (Саратовская летопись…. // Саратовский край: Ист. очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 64).

Несмотря на значительные изменения в географии культуры на территории Саратовской губернии, одна из особенностей ее культурной жизни, проявившаяся еще в XVIII в., продолжала устойчиво сохраняться — старообрядчество удерживало свои позиции, несмотря на устремления светских и духовных властей к его интегрированию в единоверие (Соколов Н.С. Раскол в Саратовском крае: Поповщина до пятидесятых годов настоящего столетия. Саратов, 1888. Т. 1).

Л.Д. Макаров (Ижевск)

ВЯТКА В КНИГЕ БОЛЬШОМУ ЧЕРТЕЖУ

Книга Большому чертежу была составлена по «государеву указу» в 1627 г. в Разрядном приказе и содержала описание как Большого чертежа конца XVI в., так и нового Большого чертежа 1627 г., дополненного сведениями о вновь присоединенной территории. Поскольку оба памятника до нас не дошли, значение Книги невозможно переоценить. На период публикации Книги Большому чертежу в 1950 г. насчитывалось 49 списков второй половины XVII-XIX вв. (Книга Большому чертежу. М.-Л., 1950. С. 3-7). Эти списки позволяют реконструировать чертеж территории страны на начало XVII в. как в целом (Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. М., 1973. С. 8-9), так и по отдельным областям.

В перечне этих отдельных областей и Вятская земля, именуемая в источнике просто как Вятка. Описание произведено по одноименной реке по мере продвижения от верховий к устью: «А вытекла река Вятка от верху

реки Камы и потекла под Вяцкие городы; на Вятке город Шестаков. А ниже Шестакова 20 верст город Слобода, от Слободы 30 верст город Хлынов. Ниже Хлынова 50 верст город Орловец; ниже Орловца 30 верст на Вятке город Котельничь. А протоку реки Вятки от верху до города Котельнича 550 верст» (Книга Большому чертежу. С. 139).

Приведенные выше сведения дают достаточно четкое и достоверное изображение вятского региона. В тоже время бросаются в глаза разночтения в разных списках памятника. Например, расстояние от устья Вятки до Чортова городища (территория современной Елабуги) в одном случае 50 верст, в другом – 40. Разночтение в 10 верст можно объяснить, по-видимому, разными источниками.

В перечне вятских городов отмечен Хлынов, и дважды упоминается Вятка. Параллельное бытование обоих названий относительно одного города, достаточно известное в иноземных описаниях и особенно в картах, объясняется историками по-разному. В основе наиболее популярного мнения лежит топография города, в древнейшей части которого располагались 2 городища. Одно из них было обнаружено в 1959 г. Л.П. Гуссаковским в Александровском саду и соотнесено с первоначально располагавшимся здесь древнеудмуртским поселением XI-XIII вв. (Гуссаковский Л.П. Из истории русской Вятки // Европейский Север в культурно-историческом процессе (к 625-летию города Кирова). Мат-лы международ. науч. конф. Киров, 1999. С. 33-34), остатки которого автор этих строк соотнес с Вяткой (Вятским городищем) (Макаров Л.Д. История археологического изучения города Вятки (Хлынова) // Европейский Север в культурно-историческом процессе (к 625-летию города Кирова). Мат-лы международ. науч. конф. Киров, 1999. С. 52). Второе городище, располагавшееся в 600-800 м к югу, названо Хлыновским, оно являлось кремлем города Вятка-Хлынов (Гуссаковский Л.П. Указ. соч. С.34-36; Макаров Л.Д. Указ. соч. С.50-55). Упоминание в Книге Большому чертежу Вятки наряду с Хлыновым свидетельствует о неустоявшейся еще географической номенклатуре в русских картографических материалах, ставших, тем не менее, важнейшим шагом к оформлению научных основ геодезии и картографии.

Указанное в Книге Большому чертежу расстояние между Орловым и Котельничем в 30 верст оказалось некорректным. В свое время А.А. Спицын, описывая Ковровское городище, заметил, что «не есть ли это первое по времени местоположение Котельнича?» (Спицын А.А. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии Восточных губерний России. М., 1893. Вып. I. С. 171).

Данная догадка нашла подтверждение в неопубликованной рукописи Л.П. Гуссаковского, установившего, что указанная цифра фиксирует расстояние до устья р. Моломы, где располагается Ковровское городище (Гуссаковский Л.П. Историко-географические заметки // Архив Кировского областного краеведческого музея. Д. 2А. С. 6). Наблюдение ученого фактически удостоверяет мысль о том, что на этом месте и располагался первоначально г. Котельнич, перенесенный позднее на современное его место. Мои раскопки Ковровского (1979, 1981 гг.) и Котельничского (1982 г.) городищ это предположение в целом подтверждают. Материалы первого по времени более ранние (в т. ч. домонгольские), а кроме того здесь обнаружены: печать-матрица «Печать Григориева» (серебро с позолотой), две вислые свинцовые актовые печати (одна из них, по мнению В.Л. Янина и П.М. Сотниковой, видевших сам предмет, датируется XIV в. и близка тиунским печатям Новгорода Великого, вторая печать смята и определению не поддается (Макаров Л.Д. Сфрагистические находки Вятской земли XIII-XV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Мат-лы XX Международ. науч. конф. М., 2008. Ч. II. С. 436)), а также дорогие престижные предметы, серебряные монеты, стилосы для письма, что присуще городским поселениям (Макаров Л.Д. Русские поселенцы на берегах Вятки (по данным археологических исследований) // Энциклопедия земли Вятской: В 10 т. Киров, 1995. Т. 4: История. С. 84-87; Макаров Л.Д. Древнерусские памятники земли Котельничской // Котельнич. История и судьбы. Избранные материалы краеведческих конференций (1995-2003 гг.). Котельнич, 2004. С. 9-14).

Таким образом, сведения Книги Большому чертежу позволили уточнить важнейшие данные по топографии как Котельнича, так и Вятской земли в целом.

А.Н. Медведь (Москва)

ЗЕМЛЯ, ПРОСТРАНСТВО, ЧЕЛОВЕК (ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МОДЕЛИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XI-XVI ВВ.)

Отношение к пространству имело важные следствия, оно было отражением определенных взглядов на мир и на человека. Книжные представления о пространстве часто не совпадают с обывательскими.

Конечно же, велик соблазн отождествить пространство с землей. Видимо, для раннего периода русской истории это тождество вполне актуально, земельный надел – единственная надежда на жизнь. Так земля понималась и в новгородских берестяных грамотах XII в., так она понималась и в челобитных московскому государю в XVII в.

Это вполне нормально для традиционных земледельческих культур. Однако шло время, и взгляд на землю просто как на источник жизни претерпевал изменения. Выстроить законченную картину такого отношения пока не представляется возможным, но мы попробуем наметить несколько узловых точек, в которых отношение к пространству переплетается с другими категориями культуры, является их иллюстрацией.

Первая узловая точка напрашивается сама собой – «пространство-время».

Из источников складывается ощущение, что древнерусские люди на протяжении столетий воспринимали окружающее их пространство как неизменное в прошлом и будущем. Это представление, возможно, не до конца ощущаемое самими древнерусскими людьми, отразилось в межевых документах, где в качестве пограничных ориентиров указывались природные объекты, многие из которых могли подвергаться изменениям с течением времени, а то и вовсе пропадать. Вспомним хотя бы известный документ 1147 г. – данную Антония Римлянина Антониеву монастырю на землю у р. Волхов. В ней в качестве пограничных ориентиров указывается ольха, коровий прогон, еловый куст, крест. Единственными более-менее четкими границами здесь являются реки Донец, Деревяница и Волхов (История российской иерархии... Ч. III. М., 1881. С. 123-124). Такой консерватизм восприятия пространства был характерен не только для XII в., но и для более позднего периода – вплоть до середины века XVIII. Впоследствии, при проведении генерального межевания порядок фиксации земельных границ по недолговременным природным объектам сослужил плохую службу, весьма усложнив деятельность межевщиков, использовавших в качестве руководящих материалов старые писцовые книги: за десятилетия пропадали не то что еловые кусты и коровьи прогоны – исчезали целые деревеньки и хутора, когда-то служившие ориентирами.

Таким образом, отношение к пространству здесь отчасти иллюстрирует отношение ко времени, его качествам. И владельцы земель, и межевщики считали, что будущие времена никак не скажутся окружающем пространстве. Кстати, в Литовских статутах 1529 г. ситуация с изменением природных ориентиров уже учитывалась.

Время играло и еще одну роль в восприятии пространства – чем дольше человек обрабатывал землю, тем больше прав он на нее имел, даже если получил он ее не вполне честным путем. Это в частности отражено в Псковской судной грамоте (XV в.) – если появлялся новый человек, объявлявший землю своей, то соседи должны показать, что нынешний владелец работает на земле не менее 5 лет (Псковская судная грамота // ИА. 1940. № 6. С. 239). В этом случае русское слово «освоение» полностью отражает ситуацию, сложившуюся в еще одной связке «пространство-труд». Освоить землю – значит сделать ее своей. И время в этом случае играло важнейшую роль.

Казалось бы, следующий узел – «свое-чужое». Своя земля, чужая земля… Однако в восприятии древнерусского человека окружающий его ландшафт с чужой землей мог при определенных обстоятельствах стать «своим», а затем быть вновь потерян (захвачен, отдан). «Своей» земля понимается не ранее XVII в., когда начинается процесс закрепления земель за помещиками. Если же говорить о дальнем пространстве, пространстве за пределами русских земель, то здесь выясняется, что для путешествующего человека понятие «Русская земля» не имело географической привязки, гораздо большее значение имели социальные связи, напоминавшие путешественнику о Родине в дальней стране. «Русская земля», к которой постоянно обращается Афанасий Никитин в своих записках, это не тверские лесистые просторы, не Волга или река Тверца – это православие, вечно враждующие князья и проч. Сравнение природных условий других стран с природными условиями русских земель у путешественников также крайне редки. Древнерусский странник описывает климат и окружающее его пространство, опираясь на свои личные ощущения – «холодно», «жарко», «красиво», «тихо» и т.д. Пожалуй, одним из таких редчайших сравнений русских и чужих природных объектов мы встречаем в хождении игумена Даниила, где автор сравнивает Иордан с рекой Сновью в Черниговском княжестве.

Впрочем, еще не развившись применительно к отдельным локальным землям, представление о своей земле, тем не менее, могло распространяться и на некоторые поведенческие модели. Например, встречи посольств. Чем дальше от центра государства (княжества, города) происходила встреча гостя, тем большее уважение ему оказывалось. Однако такая встреча должна была показать, что земля, по которой проходил гость, была землей людей, встречавших его, а сами эти люди превращались в почетный, но конвой. Известна история с приездом во Псков в на-

чале XVI в. великого князя московского Василия Ивановича. Псковичи хотели встретить князя у границ своих земель и привести в город, однако Василий Иванович воспротивился этому и потребовал не встречать его так далеко. Казалось бы, что в этом такого? Однако псковский летописец отметил то уныние, которое овладело псковичами после получения этого требования великого князя – этот жест Василия показывал, что князь шел на псковскую землю как господин, он считал эту землю своей. Дальнейшие события подтвердили худшие опасения псковичей – город оказался в зависимости от московского князя.

Таким образом, изучение пространственных моделей древнерусской культуры важно не само по себе. Перейдя из фактографической стадии в аналитическую, оно может стать одним из надежных источников по реконструкции образа мира древнерусского человека.

А.Н. Медушевский, И.В. Сабенникова (Москва)

ПРАЖСКАЯ ШКОЛА РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ТРАДИЦИЯ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, РАЗВИТИЕ

Глобализация поставила человечество перед необходимостью выяснения связей событий общепланетарного масштаба и специфики их выражения в отдельных регионах мира, пространственного и временного конструирования границ социальной реальности как способа ее освоения, наконец, выяснения информационно-когнитивного компонента в формировании культурного ландшафта определенной эпохи. Эти направления исследований в концентрированной форме находят свое выражение в методологии и проблематике такой дисциплины, какой является историческая география – она связывает воедино географию (изменение политических или экономических границ), историю (интерпретацию причин и характера этих изменений) и психологию (объяснение мотивации поведения индивида в пространстве и времени). В нашу задачу входит проанализировать с позиций данного направления такой культурный феномен как эмигрантская историография – Пражская школа русской историографии. Он представляет интерес по ряду вопросов: во-первых, в какой мере вынужденное географическое перемещение центра исторической мысли влияет на содержательную сторону обсуждаемых проблем; во-

вторых, как соотносится в этом случае разрыв исследовательской традиции и ее преемственность; в-третьих, каким образом необходимость преодоления информационного вакуума ведет к появлению принципиально новых когнитивных подходов к конструированию социальной реальности в пространстве и времени.

Успех создания и функционирования Русского Народного университета в Праге (1924–1938) определялся выбором места, характером отношений Земгора с властями Чехословакии, а также принятой образовательной моделью. Информационно-когнитивные параметры обучения раскрывают воспроизводство ценностей классической русской историографии и правоведения, но включали анализ институциональных изменений и особенностей научных коммуникаций в самой Чехословакии и Европе в целом. Структура профессорского корпуса способствовала не только развитию академических традиций, но и становлению междисциплинарных подходов в гуманитарном познании. Если аудитория слушателей была к 1923 г. более чем достаточна, то присутствие в Праге выдающихся русских ученых, таких как академики П.Б. Струве, Н.П. Кондаков, профессора П.И. Новгородцев, Н.В. Ястребов, Н.О. Лосский, Е.А. Ляцкий, А.А. Кизеветтер, И.И. Лапшин, П.А. Сорокин, обещало сделать Русский народный университет в Праге одним из лучших народных университетов в Европе. На отделении общественных наук читались курсы: «Учение об обществе» (проф. В.Я. Гуревич и П.А. Сорокин); «Учение о праве и государстве» (проф. Н.Н. Алексеев); «История учений об обществе и государстве в XVIII–XIX столетиях» (проф. П.И. Новгородцев). На историко-философском отделении многочасовые курсы вели проф. А.А. Кизеветтер «Новейшая история России (вторая половина XIX и XX столетие)», проф. А.В. Флоровский «Власть и народ в истории России», проф. В.Г. Архангельский «История русской интеллигенции», проф. И.И. Лаппо «Славянство и Россия». На отделении «Советская Россия» читались новые курсы: «Правовой строй России» (проф. Н.С. Тимашев, А.С. Маклецов), «Экономика России» (проф. Н.О. Прокопович), «Финансы Советской России» (проф. А.А. Вилков), «Международное положение Советской России» (приват-доц. М.А. Циммерман), «Сельское хозяйство и земельная реформа в Советской России» (проф. К.Р. Кочаровский), «Гражданское право в Советской России» (проф. С.В. Завадский), «Школа в Советской России» (проф. С.И. Гессен), «Церковь в Советской России» (проф. С.Н. Булгаков).

В этой интеллектуальной атмосфере удалось не только сохранить лучшие традиции старых российских университетов – Московского и

Санкт-Петербургского, но и сформировать новые научные школы. Центральное место среди них принадлежит, несомненно, кружку академика Николдима Павловича Кондакова (1844–1925), ставшего связующим звеном между различными поколениями русской интеллигенции и основными научными центрами старой России и эмиграции: он окончил Московский университет, являлся профессором Новороссийского, затем Петербургского университетов, членом Археологической Комиссии и старшим хранителем отделения средних веков и эпохи Возрождения в Эрмитаже, а 1898 г. был избран академиком по отделению русского языка и словесности Академии Наук. Кружок начал действовать в 1925 г. позднее получил название «Семинарий имени Н.П. Кондакова» (Seminarium Kondakovianum); в его состав входили М.А. Андреева, Н.М. Беляев, Г.В. Вернадский, А.П. Калитинский, Л.П. Кондарацкая, В.Н. Лосский, Т.Н. Родзянко, Д.А. Рассовский, Н.В. и Н.П. Толли, княгиня Н.Г. Яшвиль. Руководителями семинария после смерти Н.П. Кондакова в 1925 г. стали проф. Г.В. Вернадский и А.П. Калитинский, в 1931 г. он получил статус Института в составе Славянского института при Министерстве иностранных дел Чехословацкой Республики и существовал до 1953 г. Идеи этого научного сообщества во многом разделяли коллеги Кондакова – известные теоретики и историки культуры профессора П.М. Бицилли, А.А. Васильев, С.А. Жебелев, Н.К. Рерих, М.И. Ростовцев, Я.И. Смирнов, Б.В. Фармаковский, В.А. Францев. Важно подчеркнуть, что цели, методы и формы функционирования этой научной школы во многом отражают специфику адаптации русской науки к условиям эмиграции: целью семинара являлось продолжение традиций русской дореволюционной науки, методы были представлены сравнительным изучением культурных типов и выражающих их произведений в контексте социальной среды их возникновения. В этом состояла суть «иконографического метода», предложенного Кондаковым, который, возможно, следует сопоставить с философией истории и теоретического источниковедения академика А.С. Лаппо-Данилевского.

Это были именно те направления русской научной мысли, которые активно разрабатывались в академической среде кануна революции и стали затем доминирующими в мировой историографии. Ключевым стал вклад русской эмигрантской науки и в становление структурной лингвистики. Данное направление оформилось в рамках Пражского лингвистического кружка (Prazsky Lingvisticky Krouzek), который определяется в литературе как школа пражского структурализма, функциональной лингвистики. Р.О. Якобсон и Н.С. Трубецкой разрабатывали структурные и осо-

бенно функциональные параметры языка, интерпретируя его как систему средств выражения, служащую определенной цели.

Изучение структуры научных коммуникаций и стереотипов исторической памяти с позиций исторической географии позволяет сформулировать вывод о влиянии цивилизационной ситуации на формирование, динамику развития и специфику содержательной деятельности научных школ.

М.О. Мельцин (Санкт-Петербург)

СЛУЧАИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЫ В ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Географическая карта как генеалогический источник — тема не новая. Хочу поделиться двумя примерами из моей практики исследования генеалогии князей Долгоруковых.

В XIX в. одновременно жили два князя Николая Александровича Долгорукова, оба умерли в 1873 г. в чине действительного статского советника. Один из них (1810 г. рожд. — Ссылка на метрич. свидетельство Моск. духовной консистории // РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 321. Л. 13) был библиофилом. В 1832 г. он был пожалован в камер-юнкеры. С 1838 г. женат на Зинаиде Николаевне Шатиловой (Извещение о состоявшемся дозволении на брак от 16.01.1838 // РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1226. Л. 2). С 1856 г. мы видим его секретарем Департамента законов Госсовета (Адрес-календарь... на 1856 год. Ч. 1. С. 39). Другой (1833 г. рожд. — Копия метрич. свидетельства Космодемьянской в Глубине церкви Никитского сорока в Москве // РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 342. Л. 57-57об.) с 1854 г. был доктором медицины и участвовал в обороне Севастополя (Формулярный список о службе 1857 года // РГВИА. Ф. 395. Оп. 163, отд. 3, 1857 г. Д. 595. Л. 5об.-11). С 1868 г. оба отсутствуют в адрес-календарях. Но в списке гражданским чинам за 1871 г. мы вновь обнаруживаем князя Николая Александровича Долгорукова — действительного статского советника, камергера, полтавского губернского предводителя дворянства. За князем показано родовое имение до 1000 дес. в Астраханской губ. при рыбных промыслах и до 5000 дес. во Владимирской губ., а за женой его родовое до 10000 дес. в Полтавской губ. (Список гражданским чинам первых четырех классов. Исправлен по 10 Мая 1871 г.

СПб., 1871. Ч. 2. С. 903). Которым из двух является этот человек? Бывший камер-юнкер или другой?

Собственные владения (в Астраханской и Владимирской губ.) соответствуют владениям врача. Согласно формулярному списку, за ним состояло 964 души во Владимирской и Астраханской губ. (Формулярный список о службе 1857 года. Л. 5об.-6). За князем 1810 года рождения же в начале и середине 1860-х числилось 444 родовых десятины (Список гражданским чинам IV класса. Исправлен по 1 Июля 1862 г. СПб., 1862. С. 841; То же по 1 Января 1863 г. С. 775; То же по 1 Июля 1867 г. С. 396. То же по 1 Октября 1867 г. С. 380). В 1832 г. он совместно с братом владел 241-й душой в Костромской и Тамбовской губ. (Дворянская родословная книга Московской губ. // РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 321. Л. 12об.), в 1838 г. его жена владела 618-ю душами в Орловской губ. да совместно с двумя сестрами 272-ю душами в Московской губ. (Санкт-Петербургские Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения. 1838. 23 июля (№ 30). С. 2874–2875; 3 сент. (№ 36). С. 3581-3582; 29 окт. (№ 44). С. 4390–4391; 10 дек. (№ 50). С. 3004), в формулярных списках сказано, что князь владеет только родовым имением (50 душ в Тульской губ.), а супруга его не владеет никаким (Формулярный список о службе 1840 года // РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 705. Л. 118об.; То же 1843 года // Там же. Д. 706. Л. 13об.). Данные противоречивы, но Полтавская губ. не «всплывает» нигде. А чтобы быть полтавским губернским предводителем, надо было владеть имениями в Полтавской губ. (самому или через жену). Младший князь был женат на Марии Ивановне Базилевской, которая владела имениями в Полтавской губ., что видно из материалов по их закладам (Санкт-Петербургские Сенатские объявления. 1863. 13 марта (№ 21). С. 400; 23 нояб. (№ 94). С. 1961; 30 нояб. (№ 96). С. 1999; 1864. 21 марта (№ 24). С. 397; 30 сент. (№ 79). С. 1557; 1865. 13 янв. (№ 4). С. 67; Дела о ссудах 1889-1891 гг. в Гос. Дворянском земельном банке // РГИА. Ф. 593. Оп. 16. Д. 5398; Д. 5399). И это позволяет утверждать, что полтавским губернским предводителем дворянства и в звании камергера был врач, а не библиофил.

В «Дамском журнале» опубликованы письма кн. И.М. Долгорукова (Долгоруков И.М. Письма князя И.М. Долгорукова Михаилу Николаевичу Макарову // Дамский журнал, издаваемый Шаликовым. 1829 г. Ч. 25. № 13. С. 202–205; Ч. 26. № 17. С. 59–61; № 18. С. 74–79). В одном из них, датированном 27 июля без указания года (Там же. Ч. 26. № 17. С. 59), есть такие строки: «...а я между тем совершил начатое дело: женил сына 15 числа. Теперь собираю новобрачных в путь к своему месту в Подольскую губернию»

(Там же. Ч. 26. № 18. С. 74). В своих записках князь не упоминает о женитьбе сына. У него было четверо взрослых сыновей (Павел, Александр, Дмитрий и Рафаил), и все они к окончанию написания мемуаров были холосты. Князь умер в декабре 1823 г., а текст мемуаров закончен декабрем 1822 г. Очевидно, женитьба сына пришлась на 1823 г. Но которого из сыновей он женил?

Рассмотрим места службы сыновей. Рафаил в это время служил актуариусом в Коллегии иностранных дел, т. е. в Петербурге (Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим. СПб.: Наука, 2005. Т. 2. С. 484-485). Дмитрий, также служивший в Министерстве иностранных дел, в 1822 г. был определен к российской миссии в Риме (Формулярный список о службе от 27.11.1856 // РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 705. Л. 101об.-102). Весь 1823 г. он провел в Риме. Александр служил при Канцелярии Общего собрания московских департаментов Правительствующего сената (Формулярный список о службе за 1856 год // РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 706. Л. 32об.-33; Аттестат, выданный при отставке 29 марта 1857 г. // Там же. Ф. 566. Оп. 1. Д. 153. Л. 7). Наконец, Павел, с 1821 г. служивший в Бессарабии членом Попечительного комитета о иностранных колонистах Южного края России, был 6 февраля 1823 г. «перемещен инспектором в Исаковецкий карантин» (Формулярный список о службе от 22 сентября 1837 г. // РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 705. Л. 129об.-130). Исаковецкий карантин находился близ населенного пункта Исаковцы, расположенного на Днестре, на границе России с Австрией, в нескольких десятках верст от Каменец-Подольска (Военно-топографическая карта Подольской губернии. 1855-1877). Это дает основание утверждать, что речь в письме идет о князе Павле — именно его князь провожал в Подольскую губернию.

А.С. Миронов (Москва)

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОЙ ПАНК-РОК-КУЛЬТУРЫ (КНИГА Д. СПИРИНА «ТУПОЙ ПАНК-РОК ДЛЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ: ЧЕТЫРЕ ТАРАКАНА И ТАРАКАНЫ!»)

Наблюдения, представленные в данном сообщении, базируются представлениях об исторической географии, сформулированных в трудах

А.И. Андреева, В.К. Яцунского, О.М. Медушевской, В.А. Муравьёва. В них подчеркивается очевидная взаимосвязь исторической географии и источниковедения. Всякий исторический источник является носителем историко-географической информации, правда, не все они вовлечены в процесс историко-географического исследования, или вовлечены неравномерно.

В данном сообщении представлен опыт извлечения информации о пространстве, окружающем автора произведения. Особенность книги Дмитрия Спирина «Тупой панк-рок для интеллектуалов: Четыре таракана и Тараканы!» заключается в том, что она является одним из тех источников по истории современной отечественной панк- и контркультуры в целом (см. труды О.А. Аксютиной), в котором четко зафиксированы представления автора об окружающем его пространстве, о тех событиях, которые разворачиваются на его глазах или известны из рассказов очевидцев.

Очевидно, что все описания местности, населения того или иного города созданы Дмитрием Спириным на основе его собственных воспоминаний и впечатлений, что говорит о возможной субъективности данных. Однако не вызывает сомнений тот факт, что названия географических объектов, обозначение дат и других временных категорий, перечисление событий являются достоверными, и при необходимости эту информацию можно проверить и в дальнейшем оперировать ею в исследовательских целях. Для этого необходимо привлечь другие источники, сопоставить сведения, содержащиеся в них, с информацией книги «Тупой панкрок для интеллектуалов». Это могут быть воспоминания современников Дмитрия Спирина и его товарищей по сцене, интервью в периодических изданиях и специальных Интернет-ресурсах, на официальных сайтах отечественных панк-коллективов и т. д.

Пространство в книге Дмитрия Спирина в основном обозначается конкретными географическими, топографическими наименованиями (страны, города, улицы и т. д.) в совокупности с названиями музыкальных клубов, студий, концертных площадок, где осуществлялась творческая деятельность коллектива. Частыми являются упоминания городов России — Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Екатеринбурга, Челябинска, московских улиц и станций метро — Большой Дорогомиловской улицы, Кутузовского проспекта, метро Белорусской, Алтуфьевской, Полежаевской и многих других. Особое внимание автор обращает на название клубов, репетиционных баз, стадионов — «Хо Ши Мин», «Отрыжка», «Горбушка»,

«Студия современной музыки» в доме культуры «Красный Химик», Дворец пионеров Киевского района г. Москвы, «Рок-Лаборатория». При этом каждое из названий связано с определенными хронологическими периодами жизни и творчества группы «Тараканы!», что позволяет последовательно выстроить описываемые события и создать наиболее полную картину происходившего.

Однако в тексте присутствуют и менее четкие указания географических объектов, описания местности. Так, например, рассказывая о первом концертном туре «Тараканов!» по России, Дмитрий Спирин пишет: «Три десятка городов, десятки тысяч километров, поезда, самолеты, микро¬автобусы, 25 песен, около двадцати тысяч зрителей», «Мы играли в разных по величине, наличию панк-аудитории и форматных СМИ, а также различных по финансовому благополучию городах. В общем и целом, российские города похожи друг на друга (если только не находятся в разных климатических поясах), но местные особенности так или иначе прослеживаются». Подобные описания позволяют читателю представить масштабы творческой деятельности коллектива на территории России, в то же время дают представление о размерах самой страны и подчеркивают невозможность ее подробного описания в рамках одного источника. Кроме того, воспринимая подобный способ презентации информации, мы можем судить о том, как автор находит себя в описываемом пространстве и времени, насколько точно определяет степень своей причастности к тем или иным событиям и явлениям.

На основе описания местности (Россия, Ближнее зарубежье, Финляндия, Япония и т. д.), в которой группа «Тараканы!» в ходе своей творческой деятельности и других жизненных обстоятельств оказывается в данный момент времени, мы можем составить карту распространения панк-рок культуры в России с указанием основных топонимов — центров ее зарождения и развития, что послужит ценным источником информации при дальнейших исследованиях, ведь изучение картографических источников — одно из наиболее сложившихся и перспективных направлений междисциплинарных контактов источниковедения.

Стоит упомянуть, что в описание входит не только название географических объектов, но и главным образом, оценка автором их внешнего облика, населения (в основном представители панк-сообщества). Эта информация полезна не только для изучения истории развития панк-сцены, но и в первую очередь для решения проблемы пространства как условия исторической жизни, для понимания проблемы позиционирования чело-

века в этом пространстве, осознания им своего места в социуме. Кстати, Дмитрий Спирин уверенно позиционирует себя с Москвой как с родным городом, местом творчества, жизни, с Россией как местом развития самобытной отечественной панк-культуры, отражая эту связь в книге практически на каждой странице. Этот факт может говорить о желании автора обозначить свою причастность к отечественной панк-культуре и закрепить за собой одну из главных ролей в ее развитии.

Историко-географическая информация фиксировалась в книге Д. Спирина не специально, цель написания книги –– в другом. Но именно этот, непреднамеренный характер информации делает ее особенно значимой в исследованиях о пространственном распространении российской панк-культуры и вовлечении в нее различных социальных групп.

В.В. Митрофанов (Нижневартовск)

С.Ф. ПЛАТОНОВ О МЕСТЕ ПРЕБЫВАНИЯ МИХАИЛА РОМАНОВА ДО ИЗБРАНИЯ ЕГО НА ЦАРСТВО

В своих малоизвестных отзывах, рецензиях и некоторых письмах С.Ф. Платонов неоднократно касался проблем исторической географии. Например, в период подготовки празднования 300-летия династии Романовых к нему обратился А.Г. Булыгин, возглавлявший межведомственный комитет по организации торжеств. По заданию названного комитета Л.А. Богданович летом 1910 г. был командирован для «объезда замечательных исторических мест и монастырей» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2407. Л. 1) с целью «собрать по возможности наиболее достоверные сведения о месте пребывания царя Михаила Федоровича в период по изгнании его родителей из Москвы Годуновым и до избрания его на царство…» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1730. Л. 3). Результатом научной поездки Л.А. Богдановича явилась представленная в комитет обширная «записка», направленная знатоку эпохи Смутного времени для составления отзыва о ее «научно-исторической ценности».

На первый взгляд задача была довольно проста, но ряд писем С.Ф. Платонова, адресованных С.Д. Шереметеву, также известному исследователю эпохи «московского разорения», позволяют заключить, что поручение было сложным по исполнению. Необходимо было навести многочис-

ленные справки, уточнить мельчайшие детали, устранить противоречия различных источников по вопросу о месте пребывания Михаила Романова в период правления Бориса Годунова и «представить по этой части наилучшие данные» (Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 142).

Отложив, в том числе и первоочередные дела, С.Ф. Платонов погрузился в летописные источники, привлек сведения, содержащиеся в писцовых книгах, различных грамотах, «Новом летописце» и уже опубликованные данные и сведения из архива С.Д. Шереметева.

С.Ф. Платонов обратил внимание на то, что Л.А. Богданович игнорирует «сведения летописца», трактует письменные свидетельства посвоему, в частности, известия о том, что Романовым приказано «жити в Юрьевском уезде Польского», он полагал, что «Польский равняется Поволжский». Следовательно, «подменяет город Юрьев-Польский Юрьевцем Повольским (Поволжским)», — отмечал исследователь. Такая подмена является, по мнению С.Ф. Платонова, «непростительной ошибкой не только для историка, но и для всякого претендующего на знакомство с современной географией России».

Вторая ошибка Л.А. Богдановича, отмеченная С.Ф. Платоновым, состоит в том, что село Клины («это село находится «близ г. Юрьева-Польского на дороге на г. Кержачь и составляло одно из земельных владений Романовых» — на это обстоятельство также обращал внимание С.Ф. Платонов) отождествляется с селом Клон, что привело Л.А. Богдановича к неточностям в определении маршрута следования Романовых. Автор «записки» ведет маршрут с Белоозера к Юрьевцу через Череповец, Вологду, Буй, Судиславль и Макарьев. С.Ф. Платонов же отмечал, что осенние дожди и грязь явились в то время непреодолимым препятствием такого движения, поэтому, по всей вероятности, был выбран «легкий водный путь» — с Шексны и Волги прямо от Горицкого монастыря к Юрьевцу на Волге. Отмеченные промахи обусловили появление сформулированной Л.А. Богдановичем гипотезы, которая, по заключению С.Ф. Платонова, «не удовлетворяет самому основному требованию, какое предъявляется гипотезам: она противоречит точно известному факту пребывания Михаила Федоровича Романова в селе Клинах Юрьева Польского уезда и не подрывает достоверности этого факта».

«Отчет о поездке у г. Богдановича превращается, таким образом, в трактат о небывалом и недоказуемом», — к такому неоспоримому умозаключению пришел С.Ф. Платонов.

Помимо отмеченных ошибок авторитетный исследователь смуты указал и на ряд «многих частностей», которые не могли быть приняты специалистами. Л.А. Богдановичу ставилось в вину незнание «перевода годов по счету от Сотворения мира на годы от Рождества Христова с сентябрьским новолетием». Поэтому верная дата 7128 исправлена в «записке» на 7127 (с. 51) и даже на 1727 (с. 53).

При анализе труда Л.А. Богдановича С.Ф. Платонов отмечал, что тот путал сословные термины, например, «сын боярский» у него отождествляется с «сыном боярина», такая путаница приводит к значительным неточностям, например, Д. Хвостов (сын боярский) превращается в боярина, а боярский род Романовых «низводится» до «провинциальных "галицких дворян"».

Обращалось внимание на то, что Л.А. Богдановичу «мало ведом» Старый родословец, чем, по мнению С.Ф. Платонова, и объяснялось упоминание «каких- то князей Плещеевых и Мизецковых».

Неправильно в «записке» излагался и маршрут путешествия царя Михаила на Унжу. Это явилось следствием «не близкого» знакомства Л.А. Богдановича с документами о путешествии Михаила Федоровича и переписки его с матерью и отцом-патриархом.

С.Ф. Платонов подметил, что у царя не было «особого (подчеркнуто автором письма — В.М.) почтения именно к Макарьеву на Унже монастырю». А вопрос о паломничестве к мощам преподобного Макария, помещенных в монастыре, был решен только после письма патриарха, где он советовал идти туда «безо всякого сумнения». Преувеличив значение царского посещения монастыря, местные иноки «заключили об особой царской милости» к обители. Ссылаясь на X главу Уложения царя Алексея Михайловича, С.Ф. Платонов отмечал, что, несмотря на то, что монастырь на Унже стоит следом за Соловецким, но «оба весьма невысоко по тогдашней лестнице "чести"».

Ко всему изложенному следует добавить оценку, данную С.Ф. Платоновым, использованному Л.А. Богдановичем археологического материала, представленного в виде фотографий и описаний. Он «представляет несомненный интерес и ценность», но является «случайным и субъективным», к тому же используется автором не в полной мере (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1730. Л. 4, 7-9, 11).

Таким образом, сделанный С.Ф. Платоновым анализ представленных Л.А. Богдановичем сведений, изложенных в «записке», позволил указать на его принципиальные недостатки относительно достижений историче-

ской географии, хронологии, генеалогии, а также неправильное использование археологических данных. Это письмо способствовало тому, что именно С.Ф. Платонов и был командирован в Кострому во время пребывания там императора по случаю юбилейных торжеств.

М.В. Моисеев (Москва)

ПРОГУЛКИ ПЕРСИДСКИХ ПОСЛОВ В МОСКВЕ КОНЦА XVI В.: ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ.

Одним из последствий миссии иранского посольства Хусейналибека 1599 г. в Европу стало появление записок Орудж-бека баята (Россия и Европа глазами Орудж-Бека Баята – Дон Жуана Персидского. СПб., 2007), источника, снискавшего внимание сразу после своего опубликования в 1604 г. Это сочинение содержит разностороннюю информацию о Сефевидском Иране, России, Германии, папском Риме. Любопытен небольшой пассаж о прогулке послов по Москве. Как известно, свобода передвижения иноземных дипломатов была несколько ограничена. Поэтому любые сведения об их передвижениях по царствующему граду вне рамок церемонии встречи или проводов посольства представляет особый интерес. Не меньшую актуальность эти данные имеют и для исторической географии Москвы в виду почти полного отсутствия документов XVI в., рассказывающих об этом.

Сам этот казус Орудж-бек передает следующим образом: «Когда бы мы ни пожелали осматривать Москву, от нас посылали к коменданту крепости за разрешением, и тогда он давал нам четырех солдат для охраны» (Там же. С. 158-159). Целью этих вояжей был «осмотр диковин» города и особенно сокровищницы царя. Перед сокровищницей стояли статуи двух львов «одна, по-видимому, из серебра, другая – из золота». Ко всему прочему им показывали «огромную клетку с дикими зверями: среди других там был лев», а также «главную площадь, где разместилась основная часть артиллерии» (Там же. С. 159). По странному стечению обстоятельств эти сообщения Орудж-бека обошли стороной и москвоведы, и исследователи дипломатического церемониала.

Персидские послы, получив разрешение на прогулку, покидали свое подворье с сопровождающей их охраной. Из того, что они

увидели в Москве, далеко не все запомнилось и оказалось затем записано. Именно поэтому интересно, то, что сохранила избирательная память, так как это своего рода «маяки», позволяющие реконструировать не только топографию столицы, но и ее культурный ландшафт. Анализ этого сообщения позволяет предположить, что Орудж-бек в своем описании объединил впечатления от нескольких московских прогулок. Территориально они охватили Кремль и Китай-город. С начала автор упоминает сокровищницу, в которой члены посольства провели изрядное количество времени, осматривая царские сокровища. Располагалась она в Кремле, перед ней стояли две статуи львов, как минимум одно из одно из скульптурных изображений царя зверей следует отнести к посольским дарам. Известно, что австрийский император подарил Ивану Грозному скульптуру льва.

После осмотра кремлевской сокровищницы послы приступили к осмотру некоего подобия зоопарка, «выставки» артиллерии и торговых рядов. Все эти «точки осмотра» располагались вне Кремля, на Красной площади. Главной достопримечательностью зверинца был лев, о жизни которого в Москве у нас есть довольно широкий круг источников. Известно, что впервые эти диковинные звери попали в столицу в 1558 г. как посольский дар английской королевы Марии и ее мужа, доставленный Э. Дженкинсоном. В Москве пара львов прожила вплоть до пожара 1571 г., в котором она погибла. Место ее пребывания достаточно точно локализуется по запискам Г. Штадена, указывавшем, что жили животные во рву около двойных ворот. Двойных ворот в Москве того времени было всего двое: Москворецкие и Неглименские (позднее – Воскресенские). Неглименские ворота назывались среди горожан Львиными. Интересно, что после гибели львов, присланных Марией Тюдор, зверинец недолго простоял пустующим: в 1586 г. королева Елизавета прислала с Дж. Горсеем новую партию, размещенную там же. В Пискаревском летописце в статье под 7108 г. в контексте рассказа о градостроительных мероприятиях Бориса Годунова этот участок площади вновь упоминается как место, где «львы сидели».

Следующий пункт экскурсии персидских послов – «артиллерийская выставка». Здесь послы рассматривали пушки, среди которых имелись весьма большие, что создало у них ложное представление о том, что перед ними представлена основная часть русской артиллерии. Место это обнаруживается легко, благо, что оно отражено и на планах Москвы начала XVII в. и выявлено археологически. Орудж-бек вместе со спутниками обозревали раскат, располагавшийся справа от Никольской башни.

Свои воспоминания о прогулках по Москве автор завершает упоминанием торговых рядов, под которыми, скорее всего, надо понимать каменные ряды, выстроенные незадолго до приезда персидских послов, которые ограничивали Красную площадь с восточной стороны.

Итак, перед нами – набросанный маршрут посольской прогулки по столице. Проходил он по Кремлю и Красной площади, на этом маршруте лежали различные диковины: отражавшие дипломатические успехи (демонстрация в разных видах даров), мощь оружия (раскат) и деловую активность России времени Годунова. Маршрут представляет собой сценарий репрезентации царской власти. По мысли организаторов этого действа дипломаты должны были, как минимум, поразится увиденным диковинам и составить по ним представление об успешности или величии царской власти. В случае с Орудж-беком эта цель оказалась в общих чертах достигнута.

М.Р. Москаленко (Екатеринбург)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ

Историческая география как наука призвана рассматривать влияние географического фактора на развитие какого-либо социума. Данное влияние достаточно широко и многоаспектно, и в XIX в. его изучала геополитика. Предмет изучения исторической географии и геополитики во многом схож. Как же эти науки могут помочь составлению социально-политических прогнозов?

Один из основных постулатов геополитики и исторической географии – специфика «морских» и «континентальных» держав, «талассократии» и «теллурократии», была подмечена еще в XIX в. Возникает вопрос: сохранится ли данная специфика в будущем? И будет ли в условиях все больше глобализирующейся и вестернизирующейся культуры действовать такой фактор, как противостояние морских и континентальных держав (в политическом плане) и цивилизаций (в культурном плане)?

Представляется возможным высказать следующие положения.

1. Различность менталитетов, скорее всего, сохранится.

Существуют следующие уровни общественного сознания

– нижний – там, где концентрируется многовековой цивилизацион-

ный опыт и ценности, укорененные в культурной традиции, архетипические образы и идеалы;

– средний – там, где происходит накопление опыта, который связан с длинными волнами социально-экономических и политических циклов. Это доминирующие в обществе ценностные нормы, задающие осмысление таких моральных категорий, как национальная идентичность, свобода, справедливость, достоинство и др.

– верхний – там, где происходит переработка текущего опыта и недавно заимствованных культурных ценностей, идет формирование и реализации ситуативной логики действий (См., напр.: Капустин Б.Г. Идеология и политика в посткоммунистической России. М., 2000. С. 42.).

Эти уровни находятся в сложной и непосредственной связи между собой, т.к. концентрируют в себе исторический опыт разной протяженности, подчинены закономерностям разных эпох. «Нижние» задают «верхнему» границы возможного и допустимого в реальной деятельности. И если для изучения верхнего уровня больше применимы формализованные методы политологии и социологии, то для изучения нижних уровней требуются методы исторической географии, культурологи и ряда других дисциплин.

2. Политическое противостояние между континентальными и морскими державами – вполне возможно, но оно не будет доминирующим. Так, во все крупные войны за последние 200 лет – Наполеоновские, 1 и 2 Мировую – континентальная Россия сражалась в союзе с морскими державами против своих континентальных же соперников;

3. При возможном переходе к ноосферной цивилизации ей больше соответствует черты классического «континентального» типа личности: человек, преданный какой-либо высокой идее, аскетичный, способный на героику. Ряд черт «континентального» типа могут помешать: терпимость к произволу властей, размытость понятий «честь» и «достоинство», способность к общественной самоорганизации только посредством всепроникающего государства, что порождает всевластие бюрократии и произвол властей. В «морском» типе личности основополагающая черта – ориентация на потребительский тип культуры и развития личности явно не соответствует ноосферному мышлению, но в то же время понимание достоинства и уважение к уникальности личности, нацеленность на самореализацию могут быть востребованы новой эпохой. Конечно же, доминирование западной поп-культуры и проникновение постмодернистской деструктивной рефлексии в пласты национальных культур унифицирует

данные различия, но для возможного прорыва к новой, ноосферной цивилизации, скорее всего придется отказаться от потребительской гонки – а ведь это системообразующий фактор «морского» типа культуры.

В.П. Мотревич (Екатеринбург)

ИНОСТРАННЫЕ ВОИНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА УРАЛЕ (ГЕОГРАФИЯ РАЗМЕЩЕНИЯ)

В результате Второй мировой войны частями Красной армии было пленено свыше 5,0 млн. иностранных военнослужащих. Из них в советских лагерях для военнопленных умерло более 580,0 тыс. На Урал первые эшелоны с военнопленными стали прибывать в мае 1942 г. К 1945 г. численность находящихся на территории края иностранных военнопленных достигала 200,0 тыс. человек. Уральский регион имел мощный промышленный потенциал и остро нуждался в рабочей силе.

Размещение военнопленных на Урале имело свои особенности. Лагеря для них создавались, во-первых, в районах нового строительства, во-вторых, в местах развития горнодобывающей промышленности, и, в-третьих, в районах концентрации лесной и торфяной отраслей промышленности. Кроме лагерей, на Урале было дислоцировано и 20 спецгоспиталей. Они размещались преимущественно в Оренбургской области и Удмуртии, которые находились ближе всего к линии фронта. Прибывший на Урал контингент был сильно ослаблен, условия пребывания военнопленных были весьма тяжелыми. В результате численность умерших на Урале военнопленных составила более 30,0 тыс. человек (РГВА. Ф. 1а. Оп. 1е. Д. 96. Л. 32-34). Они были захоронены на специальных кладбищах, имеющих статус воинских.

В 1993 г. в соответствии с соглашением с Германией в России началось благоустройство иностранных воинских кладбищ. Иностранные воинские кладбища, как правило, интернациональные. Вместе захоронены австрийцы, венгры, итальянцы, немцы, поляки, румыны, словаки, финны и др. Исключение составляли японцы. Их хоронили на отдельных кладбищах, либо выделяли на общих кладбищах специальные участки. Захоронения военнопленных различаются по своим размерам — от одиночных могил до крупных кладбищ, на каждом из которых было захоронено

свыше тысячи человек. На кладбищах имелись как индивидуальные, так и братские могилы. Братские захоронения характерны для военных лет, индивидуальные — для послевоенных лет, когда смертность в лагерях резко сократилась.

Проводимая работа по благоустройству иностранных захоронений предусматривала, прежде всего, выявление их на местности. Для этого изучались материалы центральных и местных государственных и ведомственных архивов. Это позволило по документам установить численность и дислокацию кладбищ, определить их размеры и количество захороненных. После выявления документов, следующим этапом было осуществление поисковых работ на местности. К проведению поисковых работ активно привлекались территориальные органы власти и управления, а также местные жители. В результате проведенной нами обработки выявленных документальных материалов, и осуществления в 1990-е гг. поисковых работ, в областях Уральского региона удалось обнаружить 159 неизвестных воинских кладбищ. В Курганской области было картографировано 3 кладбища, в Оренбургской — 19, в Пермской — 19, в Свердловской — 88, в Челябинской — 30.

Сплошное обследование всего массива иностранных воинских захоронений на территории Уральского региона показало, что и в настоящее время приблизительно 3/4 их в той или иной степени сохранились. Причин этого несколько. Во-первых, Урал — это тыловой район, здесь не было военных действий и оккупации. В результате отношение к военнопленным и их могилам здесь было иным, чем на западе страны. Во-вторых, следует учитывать состав населения края, источники его формирования, поскольку немалую часть жителей региона составляли люди, сами пострадавшие от существовавшего режима и находившиеся на Урале в ссылке или заключении. В-третьих, из-за меньшей, по сравнению с более освоенными западными районами плотности населения на Урале, многие захоронения просто не оказались в зоне хозяйственной деятельности.

После установления места нахождения кладбища составлялся протокол обследования. Он содержал сведения о нахождении кладбища в соответствии с современным административным делением, определялся тип захоронения (одиночное, братское или смешанное), его вид (плановое, санитарное, верховое), указывались размеры кладбища и, по возможности, количество могил. Делалась также схема расположения кладбища с указанием ближайших ориентиров, расстояний и сторон света.

Составлялся и план захоронения, на котором указывалась степень его сохранности (сохранилось полностью, частично разрушено или разрушено полностью). Протокол обследования содержал сведения о лице, проводившем поисковые работы, а также данные о людях, которые располагали информацией о нахождении обследуемого захоронения. Кроме того, составлялись необходимые схемы и делались фотографии.

Оформленные материалы отправлялись в Москву в ассоциацию «Военные мемориалы». В ассоциации протоколы соответствующим образом оформлялись и передавались заинтересованной стороне. После получения данной информации в регионы приезжали представители иностранных государств. Они осматривали места захоронений и определяли, какие из них можно обустроить. После этого на данный земельный участок оформлялся землеотвод. Поскольку российское законодательство не предусматривает передачу земельных участков иностранным государствам, то для осуществления благоустроительных работ свидетельства на земельные участки оформлялись в постоянное (бессрочное) пользование на ассоциацию «Военные мемориалы».

После получения свидетельства на земельный участок зарубежными партнерами делался проект его благоустройства, который согласовывался с отделами архитектуры города или района, на территории которого планировалось осуществить благоустроительные работы. После этого составлялись смета, находилась подрядная организация, которая и осуществляла весь комплекс работ. В результате в настоящее время на территории уральских областей Германией благоустроено 21 кладбище военнопленных, Венгрией — 18 кладбищ и установлено 60 памятных знаков. 5 памятных знаков установлено Италией, 2 — Японией и один — Финляндией.

А.С. Мохов (Екатеринбург)

ВИЗАНТИЙСКИЕ СВИНЦОВЫЕ ПЕЧАТИ VIII-XI ВВ. С ГЕОГРАФИЧЕСКИМИ НАЗВАНИЯМИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК*

Свинцовые печати (моливдовулы) использовались в Византии для опечатывания официальной или частной корреспонденции с VI по XIV в. На лицевую сторону буллы, как правило, наносилась крестообразная

монограмма с призывом божественной помощи или иконографическое изображение. Оборотная сторона печати содержала легенду, включавшую в себя имя владельца, его придворный титул, должность и, в некоторых случаях, место службы. Большинство моливдовулов с упоминанием в легендах географических названий датируются VIII-XII вв.

Свинцовые печати являются одной из наиболее массовых групп византийских источников. На настоящее время известно о 65-70 тысячах моливдовулов (7000 Years of Seals / Ed. by D. Collon. London, 1997. P. 116-117), хранящихся в музейных (Думбартон Окс, Вашингтон – 18000 экз.; Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург – 13000 экз.) или частных собраниях (коллекция Г. Закоса – более 6000 экз.). Ежегодно в научный оборот вводится несколько сотен новых памятников. Уникальность печати как исторического источника состоит в том, что в легендах моливдовулов содержится информация высокой степени достоверности. В связи с этим, данные сфрагистики серьезно дополняют или корректируют свидетельства письменных источников. Особенно активно сигиллографические источники используются для исследования военно-административной, церковной и экономической истории Византии. Помимо этого, иконографические изображения на некоторых моливдовулах являются уникальными памятниками византийского искусства.

Печатей с географическими названиями сохранилось немного. По подсчетам Н. Икономидиса они составляют не более 10 % от общей численности опубликованных памятников (Oikonomides N. The Usual Lead Seals // Dumbarton Oaks Papers. 1983. Vol. 37. P. 153). По всей видимости, указывать на своей булле место службы должны были лишь некоторые группы византийских должностных лиц: правители провинций (фем, дукатов, катепанатов), чиновники судебного ведомства или секрета идика (императорских имуществ), служащие императорских таможен (коммеркиарии). Кроме того, географические названия содержат печати епископов.

Моливдовулы коммеркиариев или императорских коммеркий позволяют установить места расположения византийских таможенных пунктов, через которые велась международная торговля. С их помощью можно проследить направление торговых путей, определить основные города и порты, являвшиеся центрами торгово-экономической деятельности (Фессалоника, Месемврия, Атталия, Хризополь, Херсон и др.). Особую ценность печатям коммеркий придает тот факт, что они точно датируются. В конце VII – начале IX в. на них указывалось имя правящего императора и индикт.

Печати с географическими названиями незаменимы при изучении военно-административной истории Византии. На основании данных сфрагистики можно проследить эволюцию как всей фемной системы, так и ее отдельных структурных единиц. Например, после обнаружения во время археологических раскопок т. н. преславского архива печатей (1978 г., 550 экз. в одном закрытом комплексе) болгарским исследователем И. Йордановым были установлены основные этапы формирования фемной системы на территории Болгарии после ее завоевания Василием II (976-1025). Только на основании сфрагистических данных стало известно о существовании таких фем, как Фракия и Иоаннополь, Западная Месопотамия, Новый Стримон, Преславитца, Сервия и др. (Jordanov I. Corpus of the Byzantine Seals from Bulgaria. Sofia, 2003. Vol. 1: The Byzantine Seals with Geographical Names).

История византийской провинции Иверия в XI в. также прослеживается по моливдовулам. Византийские, армянские и грузинские письменные источники крайне противоречивы и тенденциозны. Печати же позволяют установить не только основные этапы эволюции фемы (катепанат Иверия, катепанат Иверия и Великая Армения, дукат Иверия и Ани, дукат Иверия и Карс), но и определить, какие малые административные округа входили в его состав в разное время (Манцикерт, Коговит, Готороз, Элабак, Мокк и др.). Отметим, что об установлении византийского контроля над некоторыми из этих крепостей письменные источники вообще не упоминают.

Печати с географическими названиями могут предоставить весьма ценные свидетельства об эволюции некоторых органов гражданского управления Византии. В качестве примера можно привести ведомство идика (императорских имуществ). Об этой достаточно важной административной структуре в исторических хрониках и документальных источниках сведений почти не сохранилось. Однако опубликовано более 30 моливдовулов чиновников секрета идика IX-XI вв. На их основании была, прежде всего, установлена внутренняя структура ведомства. Далее, печати позволили определить, какие объекты находились в подчинении препозита идика на территории Константинополя (дворцовые комплексы Манганы, Елевтерион, Хебдомон, Каниклий и Арсенал). Также был составлен список императорских кураторий в провинциях (Тарс, Мелитина, Внутренняя Иверия, Поданд, Петрион, Веррия и др.).

Подводя итоги, отметим, что введение в научный оборот новых печатей с географическими названиями позволяет существенно дополнить и

скорректировать устоявшиеся в историографии представления, а в ряде случаев – полностью пересмотреть те или иные концепции.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

А.М. Новичихин (Анапа)

СИНДЫ НА ИСТРЕ (APOLL. RHOD., IV, 309-328)

В «Аргонавтике» Аполлония Родосского, автора второй половины III в. до н. э., при описании плавания преследующих аргонавтов колхов по Истру, в числе племен, обитающих по берегам этой реки, упоминаются «синды, живущие уже на обширной и пустынной Лаврийской равнине» (Apoll. Rhod., IV, 309-328). Схолий к этому месту текста Аполлония утверждает, что «Лаврийская равнина — в Скифии», отмечает, что равнина синдов находится у устья Истра, а также содержит известные выдержки из сочинений Гиппонакта и Гелланика, упоминающие синдский этнос.

И само сообщение и схолий выглядят несколько неожиданными, поскольку противоречат другим свидетельствам античных авторов о месте обитания синдов и наделяют его новым топонимом.

Местность Лаврий, Лаврийская равнина *Λαύριον, Λαύριον πεδίον* неизвестен в Причерноморье по другим письменным источникам. Не связана с берегами Истра и территория, занимаемая историческими синдами, поскольку по свидетельству большинства античных авторов и данным боспорской эпиграфики этот народ обитал на Азиатской стороне Боспора, к востоку от Таманского полуострова, на левобережье нижнего течения Гипаниса-Кубани.

Именно здесь находился город, название которого, как представляется, и могло дать Аполлонию основания для помещения синдов на Лаврийской равнине.

В надписи, найденной на Семибратнем городище содержалось древнее наименование этого античного города. Правда от названия сохранились только начальная буква *Λ*, однако помещенное в следующей строке слово, обозначающее его жителей *Λαβρύτωμ*, позволило реконст-

руировать название города как *Λαβρύτη*, *Λαβρυτ* или *Λαβρυς* — т. е. Лаврита, Лаврит или Лаврис (Блаватская Т.В. Посвящение Левкона I // РА. 1993. № 2. С. 34-48; Виноградов Ю.Г. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп (Процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиена (VIII, 55) и вотивной эпиграмме из Лабриса) // ВДИ. 2002. № 3. С. 3-22; Тохтасьев С.Р. К чтению и интерпретации посвятительной надписи Левкона I с Семибратнего городища // Hiperboreus. 1998. Vol. 4. Fasc. 2. С. 286-301; Он же. Еще раз о синдских монетах и синдском царстве // Боспорский феномен. I. СПб., 2001. С. 66-69; Он же. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3. С. 144-156; Яйленко В.П. Вотив Лекона I из Лабриса // ДБ. 7. М., 2004. С. 425-445).

Несмотря не некоторое фонетическое несоответствие, обращает на себя внимание созвучие названия города в исторической Синдике с топонимом, приведенным Аполлонием. Возможно автора или, что более вероятно, одного из переписчиков его текста, смутил неизвестный ему топоним, и он дал равнине название, сходное по звучанию с Лаврием, знаменитой своими серебряными рудникам местностью в Аттике Λαύρεον, Λαύριον. Таким образом, упомянутый в «Аргонавтике» топоним, весьма вероятно, является искаженной передачей географического названия, в основе которого лежит древнее наименование Семибратнего городища — Лабрийская (Лабритская) равнина.

Что же заставило древнегреческого поэта перенести связанный с исторической Синдикой топоним и самих синдов в Северо-Западное Причерноморье, на берега Истра (Дуная)? Судя по всему, автор «Аргонавтики» спутал и два созвучных этнонима – живших на Азиатском Боспоре *синдов*, и южнофракийское племя *синтов*, обитавших хоть и на некотором удалении от Истра, но вблизи одного из его притоков (Златковская Т.Д. Границы и этнические проблемы Фракии в VII-V вв. до н. э. (По данным литературных источников) // Античное общество. М., 1967. С. 142. Рис. 2; Она же. Происхождение государства у фракийцев. VII-V вв. до н. э. М., 1971. Карта. 1), перенеся на берега современного Дуная известный для Синдики топоним Лабрита.

Ю.Б. Орлицкий (Москва)

«ГЕОГРАФИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ»: К ИСТОРИИ ОБОЗНАЧЕНИЯ МЕСТА НАПИСАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ЕГО ЗАГОЛОВОЧНО-ФИНАЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ

В филологической науке последних лет все чаще высказывается мысль о том, что заголовочно-финальный комплекс (ЗФК) художественного (в том числе и стихотворного) текста является не его отдельной «рамкой», а чрезвычайно важной составляющей самого текста. В определенной мере это связано и с тем, что в ЗФК, наряду с другими компонентами, нередко входит и указание на место (чаще всего — реальное) написания (или исполнения) произведения, представляющее его важную смысловую часть, а нередко и главный ключ к верному пониманию стихотворения.

В одической поэзии XVIII — начала XIX в. указание на место сочинения или — реже — на место, где происходит событие, которому это сочинение посвящено, было почти обязательным и располагалось чаще всего непосредственно в заглавии стихотворения (например, «Ода на прибытие… имп. Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 г. по коронации» М.В. Ломоносова; «Ода торжественная о здаче города Гданска, сочиненная в вящшую славу имени … великия государыни Анны Иоановны имп. и самодержицы всероссииския. Чрез Василья Тредиаковскаго Санктпетербургския имп. Академии наук секретаря»; «Ода, которою преславную победу великия государыни имп. Анны Иоанновны… оружием над крымскими татарами при Перекопе 20 маия, 1736 года полученную прославила Санктпетербургская Академия наук» Я. Штелина, «Стихи на возвратное прибытие… императрицы Екатерины Алексеевны… из Казани в престольный град Москву приносит всеподданейший раб Василей Майков. Июня 14 дня, 1767 году» и т. п.). Надо сказать, что такой тип называния торжественных стихотворений сохранился в русской традиции до начала XX в., правда, в основном в творчестве поэтов второго и третьего ряда (например, «Ода на всерадостнейший день коронования на прародительский престол… имп. Павла Перваго, отца отечества. Сочинил в Казане Максим Невзоров» (1800); «На прибытие в Москву тела в бозе почившего государя императора Александра I» и «Стихи, произнесенные на 100-летнем юбилее российского историографа Николая Михайловича Карамзина в Симбирске, 1-го декабря 1866 года» Д. Ознобишина; «Дорогим друзьям в па-

мять приезда в Петербург президента Эмиля Лубеи французской эскадры» Н. Панова (1900) и т. д.).

В XIX в. географические понятия оказываются в основном в трех компонентах ЗФК: собственно заглавии (указывая в первую очередь на тему стихотворения: обычно, страну, район или город), следующим непосредственно за стихотворением указании на место написания текста (чаще всего объединяемое с датой) и в авторских комментариях к тексту. Так, стихотворение Тютчева, печатающееся нынче под названием «Утихла биза…легче дышит» в авторских автографах, трех списках, а также во всех прижизненных публикациях называлось «Женева 11 октября 1864 г.», стихотворение «О этот Юг, о эта Ницца…» — «Ницца. 21 ноября 64 г.» (в двух списках); «Как хорошо ты, о море ночное…» — «Ницца. 2/14 генваря 1865»; в стихотворении «К Ганке» перед текстом помечено «Прага. 26 августа / 6 сентября 1841».

В поэзии Серебряного века заметно активизируется и семантизируется затекстовое указание на место написания текста. Так, И. Коневской ставит под своими стихами «Нижний Новгород. (Машинный отдел выставки)», «Дорога из Зальцбурга в Кенигзее», «При въезде в Киевские степи»; И. Анненский подписывает стихотворение «Траумерай» «Ночь с 16 на 27 мая 1906. Вологодский поезд», а стихотворение «Лунная ночь в исходе зимы» — «17 марта 1906. Почтовый тракт Вологда — Тотьма».

Развернутой дополнительной информацией снабжает многие свои стихи и Игорь Северянин — например, ранние стихотворения часто подписаны названием дачи поэта («Мыза Ивановка»), позднее, в стихах периода его особой популярности даты рядом с географическими названиями свидетельствуют о многочисленных гастрольных поездках эгофутуриста (напр. «18 янв. 1931. (Дубровник). (Рагуза). Вилла «Флора мира»), а в произведениях последних лет следующие даты и место отшельничества поэта — Тойла — обозначают неподвижность образа жизни потерявшего восторженных поклонников стареющего кумира толпы.

Еще более выразительно выглядит финальный комплекс некоторых стихотворений К. Бальмонта, который завершает свои стихи развернутыми подписями типа «1908. Ночи зимние. Белое утро. Долина берез» (стихотворение «Ночной леопард»). В его стихах 1930-х гг. из сборника «Светослужение» находим такие же подписи: под стихотворением «Не скажу никому…» — «1936. 12 сентября. 10 ч. н. Тиаис. Били зорю барабаны»; «Щебетливая» — «1936. 11 октября. 11 ч. у. Тиаис. Золотые ветви в

ветре»; стихотворение «Но я люблю тебя» завершается следующим прозаическим указанием — «1936. 23 августа. Преломление дня. Золотое солнце. У красного каменного дуба». Некоторые из них Бальмонт метризует (например, «Золотая дымка. Щебетанье ласточки. Фиваида»).

Часто указывает место создания своих стихов Александр Кондратьев: он совмещает разные датировки (несколько лет через -, год, Время года (Осень, Зима), месяц, день, дату плюс место (Волынь, Ялта, Черное море или Имп. Эрм.) — или их отсутствие. В раннем цикле «Звезда морей», состоящем из 9 миниатюр, 7 последних позволяют проследить путь мореплавателя: У берегов Фригии — Средиземное море — У берегов Сирии — Яффа — Яффа — Черное море — черное море.

Стихотворение эмигранта второй волны Юрия Джанумова подписано «По дороге Дрезден-граница. 1945» — это маршрут поэта, бежавшего в Чехию при приближении к Германии советских войск.

Соответственно, в советский период, напротив, на первое место выходит необходимость подтверждения подлинности описанных в стихах событий, в результате чего пространственные координаты находят себе место в комментариях, следующих за текстом или предваряющих его. Так, большинство стихотворений поэта-фронтовика П. Булушева часто предваряется хроникальными прозаическими вступлениями («Осенью 1944-го меня привезли с 3-го Прибалтийского фронта в один из ленинградских госпиталей»). Небольшая поэма И. Френкеля «Возвращение» навеяна поэту посещением ершовских мест в Сибири, о чем и идет речь во вступлении.

Наконец, в стихотворениях конца XX — начала XXI в. встречаются все названные тенденции употребления географических координат: как длинные «одические» названия, так и указания на место сочинения текста и «документальные» заглавия и комментарии.

Так, И. Холин называет свое стихотворение «Разговор литератора с милиционером возле библиотеки имени Фурманова. 12.3. 65 г.». Функциональная близость дат и координат написания стихов отчетливо проявилась в книге Л. Григорьевой «Сумасшедший садовник» (1999), на одном из разворотов которой встретились два финальных комплекса: «15 марта 1997 г. Синай» и «15 февраля 1997 г. Сретенье».

Нетрудно заметить, что приведенные примеры свидетельствует об особой важности географических координат для понимания стихов.

А.П. Орлова (Санкт-Петербург)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО УЕЗДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА НА КАРТАХ И ПЛАНАХ

Историческая география – неотъемлемая часть истории. Она «возникла в Европе в XVI веке, в России её разработку начал ещё первый русский историк В. Н. Татищев». (Шаскольский И. П. Историческая география // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. 1. С. 95.)

«Лексикон российской исторической, географической...» (Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В. Н. Избранные произведения / Под общ. ред. С. Н. Валка. Л., 1979) был первым трудом на русском языке. На немецком – статья Г. З. Байера, опубликованная в Записках Академии наук под названием «География Руси и северных народов по данным северных писателей».

Сегодня предмет исторической географии исследователи определяют как изучение «взаимоотношений человека с природой» (Селин А. А. Историческая география // Специальные исторические дисциплины: Учеб. пос-е. СПб., 2003. С. 456). Необходимо выделить вопросы, ответы на которые будут раскрыватьпредмет. В. К. Яцунский называет четыре пункта: 1) характеристика «физико-географического ландшафта данной эпохи,2) население с точки зрения его этнического состава, размещения и передвижения по территории,3) география производства и хозяйственных связей,4) география внешних и внутренних политических границ, а также важнейших исторических событий» (Селин А. А. Историческая география... С. 459). Такая характеристика даёт возможность сопоставления районов, картографировать статистические показатели для выявления принципов размещения населения и производства.

Ранние работы по исторической географии представляют собой реконструкцию событий и их локализацию по поземельным описаниям XVI – XVII вв. Так, М. К. Любавский утверждал, что исследователь должен не только определить «местоположение того или иного события, но и представить историю конкретного пространства во всех её аспектах на протяжении исторических эпох».(Селин А. А. Историческая география... С. 459).

Данная работа посвящена исторической географии Царскосельского уезда второй пол. XVIII – нач. XIX в. Хронологические рамки

объясняются складыванием устойчивого состава населения и административных границ Царскосельского уезда. Уезд был выбран в качестве исследуемой территории, т.к. его положение и влияние на окружающие земли сопоставимо со значением Санкт-Петербурга в Северо-Западном регионе. Именно в Царскосельском уезде находилась императорская резиденция, что делало жизнь здесь квинтэссенцией происходившего в Ингерманландии, также как и столицы – не в центре страны, а границе разных этнических групп населения. «Складывание единого языка и единой, хотя и социально дифференцированной, национальной культуры было связано с размыванием замкнутости локальных групп, ростом территориальной мобильности населения» (Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. М., 1984. С. 6).

Это нашло отражение в массовых, картографических, военных и другими источниках. Картографические источники многогранны. Карты, планы, чертежи содержат и изображение, и описание. Они относятся к смешанному, или переходному типу. Их можно группировать по цели составления, авторству, времени, месту создания, степени отражения действительности и охвату территории. О. М. Медушевская относит их к массовым источникам. «Необходимым условием является изучение данного источника в тесной связи с историческими условиями, которые его породили, привлечение широкого круга источников, которые могут содержать нужные сведения, изучения вопроса о том, в составе какого фонда дошел до нас источник, анализ палеографических особенностей» (Медушевская О. М. Картографические источники XVII – XVIII вв.: Учебное пособие по источниковедению истории СССР / Отв. ред. В. К. Яцунский. М., 1957. С. 13). Оценить содержание источника, определить степень соответствия изображаемого действительности возможно с помощью сопоставления его с широким кругом источников. Материалами для соотнесения могут послужить другие карты этого периода, копии, письменные источники.

Во время Северной войны (1700—1721 годов) русские войска захватили материалы землемерных архивов г. Нарвы и Копорья. Согласно положениям Ништадского мирного договора Швеция должна была передать России все материалы, касающиеся Ингерманландии: «все архивы, документы всякие и письма, которые до сих земель особливо касаются, и из оных во время сея войны в Швецию

отвезены, приисканы, и его царского величества к тому уполномоченным верно отданы быть» (ПСЗРИ. Т. VI. № 3819. С. 424). Что было выполнено не полностью. Только с завоеванием шведской Финляндии в 1808 году источники стали доступнее. Шведское правительство позволяет копировать, вывозить и использовать их. В XIX в. материалы шведской картографии выявляются и публикуются археографической экспедицией, археографической комиссией, военными и исследователями. В 1825 г. в Россию по требованию Военно-Топографического Депо были доставлены шведские землемерные материалы второй половины XVII в. (Сейчас карты «Стокгольмского комплекса» находятся, в основном, в РГВИА. Горбатенко С. Б. Карты Ингерманландии и Карелии XVII века в Швеции и России // Краеведческие записки. 1997. № 5). В 1841 г. в дополнение к ним полковник Бодиско привез собрания карт военных и землемерных атласов из шведских архивов.

В течение первой половины XVIII века русские картографы при создании своих работ основывались на шведских образцах. Заимствовались рельеф, гидрография, наносились новые границы, поселения и дороги. Во второй половине XVIII века сбором материалов, их картографированием, обобщением руководил Географический Департамент Академии наук. С началом XIX века первенство в деле картографирования переходит к Военно-Топографическому Депо Генерального Штаба.

Сегодня картографические источники для изучения населения Северо-Запада России XVII – XVIII вв. находятся в архивах и библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга (РГВИА, РГАДА, ГПБ, СПбФА РАН, РНБ, БАН), Выборга, Хельсинки и Стокгольма.

Е.В. Плавская (Москва)

ФРАНЦИЯ В ЗАМЕТКАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА И.Г. ГОЛОВИНА

Записки путешественников появились на страницах русской периодической печати в XVIII в. Некоторыми исследователями подчеркивается тот факт, что путевые записки относятся к наиболее

ранним жанрам журналистики, ознаменовавшим ее становление (А.А. Тертычный, Н.М. Маслова). В XIX в. путешествия стали публиковаться с еще большей регулярностью, что заставляло редакторов помещать их в рубрики, названия которых не всегда соответствовали тематики путевых очерков.

Публикация путевого очерка в журнале второй четверти XIX столетия имеет свои особенности. Во-первых, одна из основных особенностей такой публикации — формирование географического образа иного пространства. Во-вторых, автор путевых записок перемещается во времени и пространстве, с тем, чтобы придать очерку динамичную форму, дав читателю тем самым возможность стать участником путешествия. Наконец, восприятия чужой культуры (ментального пространства) строится через восприятие географического образа путешествия. Опыт подобного исследования можно поставить, ознакомившись с одним из путевых очерков, опубликованных на страницах журнала «Сын Отечества» (Ив. Головин. Заметки путешественника // Сын Отечества. 1838. Т. 5. С. 69—84; Т. 6. С. 97—110).

И.Г. Головин, автор «Заметок путешественника» — начинающий литератор, который впервые выступил на страницах «Сына Отечества», ставший впоследствии зачинателем вольной русской печати заграницей. Ключевым пунктом путешествия Ивана Головина становится Франция, конкретнее ее столица. С первых строк описания своей поездки автор апеллирует к читателю: «Вы требуете Парижа, и я Вам последую», тем самым вовлекая читателя в живую дискуссию о посещении столицы (Сын Отечества. 1838. Т. 5. С. 80). Первое что подчеркивает автор, кончено, прелести Парижа как «столицы света». Традиция воспринимать Париж в таком контексте сформировалась еще в XVIII столетии. Это своего рода клише, бытовавшее в русской культуре. Но автор начинает вносить существенные изменения в этот стереотип. Головин предлагает читателю пройтись по улицам Парижа, где «волею и неволею приходится мириться с грязью», но грязь в домах возмущает его еще больше (Сын Отечества. 1838. С. 81). Такое представление о столице автор переносит на всю страну, отмечая: «во всей Франции царствует один poin d'honneur» (С. 81).

Далее автор ведет читателя в парижский суд, стремясь разрушить, «соблазнительность парижской оболочки». «Войдите в

его публичный суд и скажите, где в мире творятся такие неслыханные преступления» (Сын Отечества. 1838. С. 81).

Архитектурные творения французов также не впечатляют путешественника: «здания парижских театров далеки от величия» (Сын Отечества. 1838. Т. 6. С. 97). Надо сказать, публицист на страницах путешествия критикует «блеск славы Франции», отмечая, что только «внешний шум «погружает ее в сей бурный вихрь».

Наконец, Головин вовсе уводит читателя от достопримечательностей и особенностей города, останавливаясь на его культурной жизни.

«Замечательно будет войти в подробности французской безнравственности» - начинает критику публицист. Отдельно автор заостряет свое внимание на одной из самых популярных фигур критических заметок русских литераторов 30-х гг. XIX в. — французской романистке Жорж Санд. Русская рецепция ее творчества была достаточно жесткая. Этическая концепция первых романов Жорж Санд с ее пафосом отрицания брака вызвала в русском обществе настоящий скандал. Потому критика произведений Жорж Санд выходила за рамки литературы. Авторы акцентировали внимание читателей на безнравственности, мужском нахальстве писательницы, ее чуждости русской культурной традиции. Иван Головин исключением не стал: «Велико ли число книг, который благоразумный отец дозволит читать своей дочери? Бояться и убегать надобно как от чумы девицы, которая напитана творениями Жоржа Занда» (Сын Отечества. 1838. Т. 6. С. 98). Впрочем, и вся французская литература, по мнению автора, отличалась «отвратительным духом своеволия».

Не обошел автор стороной и историю Франции. В записках досталось главным образом сторонникам революции: «История народа французского не лучше истории его правителей. Добродетель и невинность на эшафот — вот картины Французской революции» (Сын Отечества. 1838. С. 99).

Положение народного просвещения еще больше удручает путешественника: «половина детей от 5 до 12 лет не посещает школ, половина второй половины ходит в школу не постоянно» (Сын Отечества. 1838. Т. 6. С. 105).

В конце своего очерка И.Г. Головин дает совет своему читателю, где собственно подчеркивает, что внешний вид Парижа, «виденный с высоты величественен», потому «лучше всего не ездите совсем туда и сохраните блистательное о нем Ваше мнение» (Сын Отечества. 1838. Т. 5. С. 83).

Небольшой опыт исследования такого очерка позволяет сказать, что сюжет его строится по определенным канонам жанра. Прежде всего, стоит отметить наличие диалогового начала в путевом очерке. Это в свою очередь дает возможность исследователю смело отнести эту разновидность источников к публицистике, отметив, что одним из критериев последней является явное или имплицитное обращение к читателю. Так публицист на страницах путевых заметок, помещенных в повременном издании, организует общественное представление о неких культурных явлениях другой страны. Это представление строится им через описание географического пространства. Но сюжет путевого очерка выходит за рамки чистого описания и представляет собой последовательность событий, встреч, происшествий путешествия. Как мы увидели на анализируемом материале, автор путевого очерка может идти еще дальше, делая основной акцент на культурных традициях и обычаях другой страны. Таким образом, восприятие чужой культуры складывается из географического образа, созданного путешественником в очерке.

Опыт такой реконструкции позволяет нам предположить, что часто описание географического пространства сводилось к описанию нравственных категорий. Это предлагает в свою очередь исследователю продолжить анализ такой разновидности исторических источников и говорить о возможности выявления в них неких структур, культурных стереотипов и клише. Последнее дает возможность изучать образ иной культуры в динамике.

Д. Г. Полонский (Москва)

ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР МОДИФИКАЦИИ ИМЕН ИНОЗЕМЦЕВ ПРИКАЗНЫМИ СЛУЖАЩИМИ КОНЦА XVI—XVII В.

Исследование практики и традиций оформления делопроизводителями Московского государства личных имен выходцев из других стран и земель представляет собой историческую проблему, относящуюся, на первый взгляд, исключительно к предмету ономастики. Однако более внимательное рассмотрение показывает, что

эта проблема требует осмысления и в рамках исторической географии, поскольку способы модификации иноязычных антропонимов приказными служащими различалась в зависимости от региона происхождения иноземца.

Под «иноземцами» в русской официально-деловой терминологии XVI—XVII вв. понимались как выходцы из других стран, по каким-либо причинам оказавшихся на территории Московского государства, так и его неправославные подданные. Основным материалом для наших наблюдений над формами именования иноязычных лиц русскими делопроизводителями стали поданные от лица иноземцев в различные ведомства центрального и местного управления (Аптекарский, Иноземский, Печатный, Посольский, Разрядный, Рейтарский, Сибирский приказы, а также в съезжие и приказные избы (палаты) окраинных и приграничных городов — Азова, Архангельска, Астрахани, Новгорода, Терского города, Тобольска, и других) 313 челобитных и грамот, относящихся к 1586–1700 годам.

Одна из распространенных форм модификаций, которым русское официальное делопроизводство XVI—XVII вв. могло подвергать личные имена иноземцев, — это замещение антропонима его русским подлинным или мнимым аналогом. Так, английские коммерсанты и дипломаты Джером Горсей (Jerom Horsey) и Джон Меррик (John Merrick) в различных русских документах (царских грамотах, записях посольских речей, донесениях воевод, челобитных, и др.) утрачивали не только личные, но и фамильные имена, и назывались соответственно Еремеем и Иваном Ульяновыми, поскольку отцы каждого из них носили имя Уильям.

Русификация личных имен выходцев из государств Западной Европы на материале русских документов XVI-XIX вв. изучалась Э. Амбургером, который проанализировал около 450 модификаций таких антропонимов (Amburger, E. Die Behandlung ausländischer Vornamen im Russischen in neuerer Zeit // Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Mainz, 1953. № 7. S. 301—354). Д. Герхардт, исследовавший корпус собранных Амбургером примеров, выделил четыре способа адаптации западноевропейских имен: 1) простая транслитерация или транскрипция: *Richard* → *Рыцерь*; 2) замена национального варианта имени русским аналогом: *Daniel* → *Данило*; 3) полный или фрагментарный

перевод имени: *Amandus* → *Любим*; 4) замена иноязычного имени на относительно созвучный эквивалент: *Kasimir* → *Кузьма* (Gerhardt D. Zur Technik des neuzeit-lichen Namentausches am Beispiel des Russischen. // Beiträge zur Namenforschung. Heidelberg, 1956. Bd. 7. S. 123—146). Личное имя европейца однозначно преобразовывалось в аналог русского календарного имени только в достаточно очевидных случаях: *Peter (Piter)* становился *Петром*, *Alexander* — *Александром*. Но нередко приказные служащие отказывались от поиска русского аналога европейского антропонима, и тогда личное имя иноземца представляло собой результат транслитерации или практической транскрипции: именные формы *Johann* (*Iochannes*, *Iohan*) отображались как *Яган (Еган)*, а *Thomas* не становился *Фомой*, а передавался как *Томас (Томос)*.

Однако наши наблюдения показывают, что эти способы адаптации имен для русских приказных не были универсальными: практика русификации различалась в зависимости от европейского и азиатского происхождения иноземцев, а также от их конфессиональной принадлежности. Принятие иноземцем православной веры (и, тем самым, русского подданства) влекло за собой обретение нового личного имени, а нередко вместе с ним и нового русского патронима. Но, тем не менее, если под пером приказных служащих имена неправославных европейцев могли русифцироваться полностью, так что *Джон Меррик* преображался в *Ивана Ульянова*, то в отношении как иностранных выходцев из Азии и с Кавказа, так и представителей живших в Московском государстве нехристианских народов такая практика, как правило, вообще отсутствовала: для вхождения в русскую антропонимическую модель к этническому патрониму (прозвищу, родовому или второму личному имени) лишь добавлялся славянский производящий суффикс. В результате в текстах челобитных фигурировали «Свияжсково города холопи твои государевы служилые татарове Енбулат мурза князь Бекшеев, да Балтас Алмерденев, да Евгость Урмунаев» (1613 г.), «холоп твой астраханского двора жилец индеенин Чютрайка Кидиков» (1658 г.), «холоп твой ясашной якут Бетунской волости Огонючко Самолдеров» (1681 г.).

В отдельных редких случах на протяжении XVII в. в официальном именовании иноземцев могли возникать гибридные формы: традиционные этнические имена сочетались с русифицированны-

ми патронимами, а русские календарные и некалендарные — с нерусифицированными патронимами. В частности, в «одинашной записи удмуртов разных деревень Каринской волости Чепецкой доли» (1670 г.) встречаются именные формы *Пыбан Андреев*, *Иван Иштуганов*, *Тукташ Третьяков*, *Тукбай Дмитриев*, *Дерыш Яковлев*, *Нечай Асылов* и т.п. (Документы по истории Удмуртии в XV—XVII вв. Ижевск, 1958. С. 95—96). Такие сочетания этических личных имен с русскими патронимами явно свидетельствуют не об уклонении сыновей крещеных удмуртов от православия (что повлекло бы розыск и наказание властей), а о распространении этнических (прозвищных) имен, вытеснявших (в повседневном употреблении и, как следствие, в деловой письменности) полученные при крещении русские календарные имена.

Имена выходцев из Азии, в отличие от европейских антропонимов, под пером русских делопроизводителей обретали замечательное разнообразие: так, торговавший в Астрахани в последней четверти XVII в. индиец Банда Капур Чанд в челобитных и иных русских документах был поименован как *Батурка Карпеев*, *Билдрачка Капурчинов*, *Биндрачко Карпучинов*, *Бандрабунька Копурчанов* (Русско-индийские отношения в XVII веке. Сб. документов. М., 1958. С. 168, 185, 186, 237). Очевидно, подобные варианты именования одних и тех же лиц не могли быть следствиями заурядных описок. Вариативность именований позволяет заключить, что делопроизводители Московского государства всякий раз заново воспринимали имена челобитчиков на слух от самих иноземцев либо от переводчиков, относясь к фиксации этих имен как к процессам имятворчества и имянаречения. При оформлении в приказах дел по челобитьям имена не подлежали правке и приведению другими делопроизводителями к единообразному виду: это свидетельствует о расплывчатости представления об удостоверительной, «паспортной» функции антропонима, допускавшего столь многообразные варианты написания внутри одного дела или даже одного документа, что имя при этом искажалось почти до неузнаваемости и личность иноземного челобитчика не всегда подлежала идентификации.

Таким образом, принципы модификации иноязычных имен приказными служащими, различавшиеся для иноземцев «западного» и «восточного» происхождения, позволяют объяснить традиции

делопроизводственного оформления антропонимов и дают возможность судить об определенных социокультурных конвенциях в русском обществе конца XVI ? XVII вв. Выходец из Западной Европы, даже если он не переходил в православие, в определенном смысле был ближе для восприятия приказного человека, чем неправославный подданный русского царя тюркского или вайнахского происхождения: европеец под пером подьячего мог быть назван знакомым русским календарным именем, тогда как имя азиата обычно не русифицировалось, а представляло собой предмет для ономастических экспериментов.

К.О. Понурко, О.А. Теуш (Екатеринбург)

АРХИВ В.И. ПОНОМАРЕВА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВЕЛИКОУСТЮЖСКОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЗОНЫ*

Валериан Иванович Пономарев, филолог, выпускник историко-филологического факультета Варшавского университета был сыном городского головы г. Лальска (теперь — поселок городского типа в Кировской области). Большую часть жизни посвятил педагогической деятельности, собиранию фольклорных материалов на территории Кировской и Вологодской областей, исследованию культуры региона. Его архив содержит фольклорные, этнографические и лингвистические материалы, собранные в конце XIX — начале XX в. как им самим, так и его отцом И.С. Пономаревым.

Педагогическая и собирательская деятельность В.И. Пономарева вынужденно прерывалась по социально-политическим причинам, главным образом, связанным с купеческим происхождением семьи. Проработав с 1914 по 1919 г. преподавателем русского языка и литературы в Тотемском училище Вологодской губернии, В.И. Пономарев ушел из педагогической деятельности под страхом репрессий и долгий период работал в советских и кооперативных учреждениях, в основном, в качестве экономиста по промышленности в совнархозе, Легпроме и Местпроме. В 1928–1929 учебном году В.И. Пономарев по совместительству работал преподавателем в великоустюжской средней школе им. Луначарского. Только в 1936 г. В.И. Пономарев полностью вернулся к желанной педагогической деятельности

уже с двадцатипятилетним стажем, в том числе восьмилетним стажем педагогической работы.

В течение всей жизни В.И. Пономарев писал статьи, в основном, посвященные Лальску. Он очень ценил прошлое своей родины и старался осветить его как можно шире, что выразилось и в пристрастии к собиранию фольклора. Материалы, которые ему удалось собрать, представляют богатую коллекцию текстов различных жанров, описаний местных традиций и различных авторских статей, посвященных Лальску. Интерес Валериана Ивановича к истории Лальска объясняется богатым прошлым города, в расцвете которого во второй половине XIX в. немалую роль сыграл его отец. Дед же, будучи купцом, вел торговые дела и одновременно был представителем лальской бумажной фабрики, что не отразилось на его взгляде на обучение: поняв всю его необходимость и важность, он, вопреки сложившемуся тогда мнению о первостепенной значимости торгового дела, помог стать своему сыну «ученым человеком». Как пишет В.И. Пономарев, именно от отца «увлечение краеведением передалось и нам, его детям, особенно мне».

Собирательская деятельность, интерес к которой пошел от отца, привлекла В.И. Пономарева в двадцатилетнем возрасте. Все началось с того, что в 1909 г. его отец Иван Степанович попросил переложить на ноты мелодию духовных стихов, которые распевались в Лальске на святках при «хождении с вертепом». При знании особенностей обряда и исполнения стихов вместе с владением элементарной теорией музыки и фортепианной клавиатурой Валериану Ивановичу не стоило большого труда положить на ноты несложную мелодию. Именно после выполнения этого «отеческого задания» он принял решение записывать тексты произведений местного устного народного творчества, фиксировать местные традиции. В тот момент этому особенно способствовало преподавание в крестьянской среде в деревне недалеко от Лальска.

Уже в 1915 г. В.И. Пономарев организовал при реальном училище в Тотьме, в котором преподавал, ученический кружок изучения родного края. Деятельность кружка была остановлена по причине смены власти в Министерстве просвещения с реакционной на либеральную. Однако за 1916-1917 учебный год было собрано достаточно материала (более трех тысяч частушек, 85 песен, 6 сказок, одна историческая песня про царя Ивана Грозного, описание двух крестьянских свадеб), которые, все же, не были изданы.

Работая в Тотьме, В.И. Пономарев не прерывал связь с Лальском, бывая там во время летних каникул и активно собирая частушки с братьями и сестрами. Когда три брата ушли на фронт Первой Мировой войны, запись частушек прекратилась. Тогда Валериан Иванович обратился к другим жанрам фольклора, бытовавшим в Лальске, и в частности, к пьесам, разыгрываемым на святках и являющим общую русскую традицию (народная драма «Царь Максимильян» и народная комедия «Лодка»), а также к фиксации обряда «хождения с вертепом».

Всего В.И. Пономаревым было собрано две группы материалов: лальские и тотемские. Все их разнообразие и пространственно-временная принадлежность отмечены списками, составленными им самим. Все материалы архива связаны с единой историко-культурной зоной, которую условно можно назвать великоустюжской.

Лальский архив содержит народную драму «Царь Максимильян», народную комедию «Лодка» (с описанием особенностей исполнения), тексты духовных стихов, которые распевались при обряде хождения с вертепом (с описанием обряда), «Язык любви», былину-коляду «Сокол-корабль», сказки «Глиндышек» и «Машка-светлоглазка», песню «Сказать ли вам, братцы», стихотворения и песни, распевавшиеся лальской молодежью в 1900-1910-е гг., дублеты, прибаутки.

Тотемский архив содержит описания свадеб, историческую песню об Иване Васильевиче Грозном и Мамстрюке Мамстрюковиче, песни, сказки «Махмет царевич», «Три сестры», «Горошина», «Иван, крестьянский сын», «Иван-дурак», «Как солдат царевну спас», частушки и другие материалы малых форм (заговоры, детские металки-считалки, прибаутки и др.).

Обобщением собирательской и исследовательской деятельности В.И. Пономарева стали рукописи двух книг: «История Лальска в конце XIX — начале XX вв.» (содержит разделы «Золотой век в истории Лальска», «Торговые операции Лальска», «Научная деятельность в Лальске», «Театр в Лальске», «Клубы в Лальске» и др.) и «Дореволюционное устное народное творчество на севере России». Книги не были изданы в связи со смертью автора.

Ценнейший архив В.И. Пономарева требует исследовательской проработки и издания.

*Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»)..

Д.С. Попов (Москва)

ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНОГО СРАВНЕНИЯ СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЯ ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРОГРАММЕ ОЦЕНКИ КОМПЕТЕНЦИЙ ВЗРОСЛЫХ (PIAAC)

Начавшееся в конце 1980-х гг. в ведущих странах мира внедрение систем государственного контроля результатов образования привело к повышению внимания исследователей к тому, что принято называть производительностью, отдачей, результативностью всех уровней образовательной системы от начальной, средней и старшей школы до профессионального образования и всех видов обучения взрослых. Эта «производительность» и те результаты, которых ждет от образования современное общество, стали критериями оценки продуктивности образовательных систем, качества институтов индивидуального образования, а также уровня знаний и географического распределения этих характеристик современного состояния образования.

Возможность адекватной оценки эффективности национальной образовательной системы различных государств мира появляется только при наличии сопоставительных межстрановых исследований. С 90-х гг. XX в. создаются и реализуются международные исследовательские программы (PISA, PIRLS, PIAAC, AHELO), которые направлены на создание необходимой статистической и аналитической базы для решения ключевых задач образовательной политики стран-участниц. В этом отношении они становятся уникальным ресурсом содействия государственным структурам, ответственным за выработку образовательной политики и политики занятости.

В числе прочего такого рода программы позволяют получить оценки результативности систем образования и профессиональной подготовки в контексте взращивания основных компетенций; оценку влияния приобретаемых компетенций на развитие рынка труда, социальное и долгосрочное макроэкономическое развитие; оценку эффективности политических мер, наиболее успешных при организации перехода «от школы к трудовой деятельности», способствующих укреплению позиций на рынке труда социально уязвимых

категорий взрослого населения, а также создающих условия для обучения на протяжении всей жизни.

Сегодня силами входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) стран разрабатывается комплексная стратегия оценки компетенций взрослых, получившей название «Programme for the International Assessment of Adult Competencies» (PIAAC). PIAAC представляет собой программу многоэтапной оценки навыков и компетенций взрослого населения трудоспособного возраста в 27 странах мира. Программа реализуется в 2010-2012 гг., она подразумевает проведение международного эмпирического исследования: 6,5 тысяч респондентов пройдут тестирование в каждой стране (1,5 тысячи во время пилотного тестирования в 2009 г. и 5 тысяч в рамках основного полевого этапа, намеченного на 2011-2012 гг.). С помощью программы будет дана оценка степени развития общих навыков, необходимых индивиду для успешного выполнения как профессиональных, так и жизненных, повседневных задач: будет дана оценка общего уровня грамотности, способностей к математическому мышлению и навыков разрешения проблемных задач и ситуаций (problem solving). Результаты тестирования будут рассмотрены в контексте собранной информации о профессиональной карьере и других индивидуальных характеристиках респондента.

По итогам эмпирического исследования PIAAC планируется:

- выявить и измерить степень различий между гражданами и странами в плане ключевых компетенций и других экономических и социальных результатов, которые, как считается, лежат в основе как личного успеха, так и успеха общества в целом.

- оценить воздействие компетенций на экономические и социальные результаты, включая личные результаты, такие как интеграция на рынке труда, занятость и доходы, участие в образовательных и обучающих программах в течение жизни, а также совокупные результаты: содействие экономическому росту, обеспечение социального равенства на рынке труда и социальное участие.

- оценить эффективность систем образования и обучения стран-участниц в формировании необходимых навыков на уровне, соответствующем социальным и экономическим требованиям.

- выработать механизмы политики, которые, по мере выявления «пробелов» в ключевых компетенциях, призваны помочь в повышении уровня компетенций в рамках системы образования, на

рабочих местах или же посредством создания стимулов для населения в целом и т. д.

Посредством нескольких циклов тестирования можно получить данные, показывающие, как инвестиции в различные ступени системы образования влияют на экономический рост, а также данные о том, какой эффект для роста имеет расширение доступа к высшему образованию. С течением времени данные PIAAC позволят проанализировать, является ли предпочтительным вариантом направление ресурсов в расширение высшего образования или же отдача от этих ресурсов будет выше, если направить их на расширение участия в обучении определенных категорий взрослого населения старшего возраста.

Появляется возможность ответить на вопрос о том, как ключевые характеристики систем образования соотносятся с уровнем и распределением грамотности среди взрослого населения и соответствующих подгрупп (например, по уровню дохода, профессии, полу, статусу иммигранта/не иммигранта, принадлежности или непринадлежности к меньшинствам).

В рамках нескольких циклов оценки может быть реализован сбор данных о времени, в течение которого качество первоначального образования оказывает существенное влияние на компетенции взрослых, о поведенческих моделях на рынках образования и труда. Модели обучения в течение жизни, перехода от учебы к трудовой деятельности и уровень и сохранение навыков грамотности могут быть изучены в свете содержания учебных программ.

Используя инструментарий оценки уровня грамотности лиц с низким уровнем навыков, PIAAC может помочь в определении учебных программ, подходящих для работы с группами риска, исходя из социально-экономических характеристик и выявленного уровня компетенций.

А.А. Поселянин (Москва)

СТАРИННЫЕ ВОТЧИНЫ ОБОЛЕНСКИХ КНЯЗЕЙ В XVIII В.

Исследователи с особым вниманием отмечают существование остатков княжеского землевладения в пределах былых княжеств. Эти

наблюдения рассматриваются в контексте проблем преодоления феодальной раздробленности, ликвидации удельной системы в Московском государстве и становления права великого князя распоряжаться всем земельным фондом государства (Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках. М., 1960).

Так, А.А. Зимин, изучая в частности становление карьеры оболенских князей, отмечал владение членами данной корпорации землями в Оболенске в XV-XVI вв. (Зимин А.А. Указ. соч. С. 43-44, 55). Можно предположить, исходя из хронологических рамок исследований, что исследователь не принимал во внимание источников за более поздний период и потому не рассматривал землевладение оболенских князей в последующее время. Между тем представители этой княжеской корпорации сохранили старинные родовые вотчины в своем бывшем княжестве вплоть до XIX в.

Согласно Экономическим примечаниям к планам Генерального межевания на 1790 г. в Тарусском и Малоярославецком уездах Калужской губернии, на которые приходилась территория былого Оболенского княжества, землей владели тринадцать потомков оболенских князей (Долгоруковы, Тюфякины и Щербатовы). В совокупности в их собственности находилась 81 «дача» — села с деревнями, отдельные деревни, сенные покосы, пустоши и доли в них. Другие вотчины оболенских князей перешли к концу XVIII в. к наследникам по женской линии, либо распроданы, даны вкладом в монастыри и позднее секуляризированы.

А.А. Зимин сформулировал исследовательскую программу изучения землевладения оболенских князей, рассматривая его как модельную: она включала «три аспекта... 1) сведения о вотчинах потомков Оболенских; 2) установление генеалогической связи этих потомков с предками, жившими в XV-XVI вв.; 3) сопоставление историко-генеалогических материалов с топонимическими и картографическими вообще» (Там же. С. 55-56).

В этой связи важно рассмотреть процесс изменения состава земельных вотчин оболенских князей, доли представителей княжеской корпорации в регионе. Исследование данной проблемы можно начать с периода XVI-XVII вв. Это требует привлечения различных источников, однако основным, несомненно, является актовый мате-

риал, заключающий в себе информацию об операциях с родовыми землями, которые проводили представители рода. Акты предоставляют информацию о топографических названиях, характере земельных владений и их классификации. Эти данные являются необходимыми для реконструкции вотчинных владений оболенских князей за указанный период. Параллельно в них содержаться сведения о распылении земель с течением времени — информация о том, к кому переходили родовые вотчины (вклады в монастыри и родовой выкуп, приданные вотчины). Также перспективным являются выявление тех фамилий, представители которых наиболее активно участвовали в сделках с землей, и попытка проследить присутствие их потомков в рассматриваемом районе в более позднее время. Информацию, полученную из актов, необходимо сопоставить с другими источниками, как за XVI-XVII вв., так и за более позднее время.

Представляется важным раскрыть содержание отмечаемых исследователями «суверенных прав» в древних княжеских вотчинах, проследить способы и объем их реализации в периоды, более поздние, чем XV—XVI вв.

Это предполагает изучение сохранившегося актового материала оболенских князей как единого комплекса документов. Следует исследовать его всесторонне, а не только применительно к упомянутым проблемам. Одной из первоочередных задач является выявление всех документов данного комплекса, дошедших до наших дней. Это необходимо для наибольшей его репрезентативности, как в рассматриваемом аспекте, так и применительно к другим исследовательским проблемам.

Е.В. Пчелов (Москва)

ОТРАЖЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МИРА В ЛЕГЕНДЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКИХ КНЯЗЕЙ В «ПОСЛАНИИ» СПИРИДОНА-САВВЫ

В т.н. «Послании о Мономаховом венце», написанном в 1510-х гг. киевским митрополитом Спиридоном (Саввой) какому-то неустановленному, но, безусловно, влиятельному адресату пред-

ставлен известный рассказ о происхождении династии московских великих князей в контексте всемирной истории, изложение которой начинается ещё со времён Ноя. Вот как говорится в этом произведении о происхождении Рюриковичей:

«Август же начят ряд покладати на вселеную. Постави брата своего Патрикиа царя Египту; и Агусталиа, брата своего, Александрии властодержьца постави; и Киринея Сирии властодержъца положи; и Ирода Антипатрова от Аманит за многия дары и почтениа постави царя еврейска в Ерусалиме; а Асию всю поручи Евлагерду, сроднику своему; и Илирика, брата же своего, постави в повершиа Истра; и Пиона постави в Затоцех Златых, иже ныне наричютца Угрове; и Пруса в березех Вислы реки в град, глаголемый Морборок, и Торун, и Хвоиница, и пресловы Гданеск, и иных многих градов по реку, глаголемую Немон, впадшую в море. И вселися ту Прус многими временны лет, пожит же до четвертаго рода по колену племена своего; и до сего часа по имени его зовашеся Пруская земля. И сиа о сих». Далее рассказывается о новгородском воеводе Гостомысле, который перед смертью повелел призвать из Прусской земли «князя от тамо сущих родов римска царя Августа рода». Таковым становится Рюрик, который начинает княжить в Новгороде. «И от великого князя Рюрика четвертое колено князь великий Володимер, просетивый землю Русскую святым крещением, нареченный в святом крещении Василие. И от него четвертое колено князь велики Владимир Всеволодичь» (Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М., Л., 1955. С. 161–162).

Далее в послании изложена известная легенда о дарах Мономаха, которые были получены русским князем Владимиром от византийского императора Константина Мономаха (реальная генеалогическая связь императора и князя в послании не упоминается). Таким образом регалии московских князей оказываются наследием византийских царей, переданным на Русь, и тем самым осуществляется преемственность не только государственной власти, но и её царского статуса. Русские государи являются самодержавными царями именно потому, что являются наследниками византийских царей, в их числе и великий князь Московский, при котором Спиридон создал своё послание — Василий III.

«Послание» Спиридона-Саввы, по всей видимости, послужило источником для другого хорошо известного произведения первой трети XVI в. – «Сказания о князьях Владимирских». Хотя в историографии существуют версии и об ином соотношении этих произведений: так, А.А. Зимин полагал, что древнейшая редакция «Сказания» была создана ещё в конце XV в. в связи с венчанием на Великое княжение Дмитрия Внука в 1498 г. (т.н. Чудовская повесть). Как бы то ни было, версия «Сказания...» стала официальной идеологемой Московского царства. При подготовке венчания Ивана IV на царство в 1547 г. была составлена новая редакция «Сказания...», включённая в чин венчания в качестве вступительной статьи. Рассказ о происхождении Рюриковичей в «Сказании...» практически идентичен тексту «Послания» Спиридона-Саввы; отличны лишь две детали: раздел Августом «вселенной», на которую он «покладает дань», приурочен к завоеванию им Египта, датированному 5457 г. от Сотворения мира, т.е. 51 г. до Рождества Христова. Второй момент – Прус в тексте прямо именуется «сродником» Августа.

Остановимся подробнее на той части «Послания», где рассказывается о разделении Августом мира и прослежено происхождение Рюриковичей от рода этого императора. Исследователи неоднократно отмечали факт особой значимости Августа в русской культурно-религиозной традиции, обусловленный тем, что именно во времена этого императора появился на свет Христос. Эпоха Августа была как бы точкой отсчёта новой, христианской истории, поэтому для русских книжников было вполне естественным начать генеалогию Рюриковичей именно с неё. Август выступает в послании правителем всей Вселенной, объединившим под своей властью все страны. Но Август раздаёт разные части своей Империи, а, по сути, Вселенной, своим родственникам. Всего их восемь, и только двое из этих «сродников» являются реальными историческими лицами («сродниками» Августа, впрочем, прямо не названные). Это Ирод Великий – царь Иудеи, сын Антипатра, в правление которого родился Иисус, и Кириней – Квириний, наместник Августа в Сирии, в правление которого была проведена перепись населения. Другие имена «сродников» – это переделанные в личные имена или византийские титулы, или названия стран и народов. Причём текстуально

эти восемь имён разделены на две части – на две «четвёрки» (перечисление второй «четвёрки» вводится союзом «а»).

Два других имени первой «четвёрки»: Патрикий (от римского «патриций») – высший титул сенатора в Византии, и Августолий – византийский титул наместника Александрии. Второй раз он упоминается в послании уже в качестве титула при перечислении послов Константина Мономаха. Первые четыре правителя получили от Августа Египет и Александрию, Сирию (т.е. Антиохию) и Иерусалим. Нетрудно заметить, что вместе с не упомянутым и не существовавшим тогда Константинополем, роль которого пока «выполняет» Рим, где правит собственно Август, Александрия, Антиохия и Иерусалим – это центры Православных церквей Востока. Причём, расположены они в том же порядке, какой установился в перечислении Православных церквей в их диптихе – Константинопольская, Александрийская, Антиохийская и Иерусалимская. Эти четыре церкви, возглавляемые патриархами, и представляют собой всю полноту православной паствы – в этом качестве, престолов четырёх вселенских патриархов они названы в послании Спиридона-Саввы в рассказе о дарах Мономаха. Четыре патриарших православных престола и определяют всю числовую символику этого произведения.

Следующие четыре страны, в которых посадил Август своих родичей, это Азия, Иллирия, Венгрия и Пруссия. Азия была «поручена» родственнику Августа Евлагерду. Происхождение этого имени неясно. Зато очевидно, как «появился» Илирик, правивший в верховьях Истра, т.е. Дуная: Иллирия (Иллирик) – бывшая римская провинция на восточном побережье Адриатического моря. Существенно, что именно с Иллирией русские летописи связывали прародину славян. Славянской землёй до прихода угров была и Паннония, название которой превратилось в имя ещё одного родственника Августа – Пиона (пеоны – античный этноним, идентичный паннонцам). Наконец, последняя страна – Пруссия, от названия которой, разумеется, сконструировано имя Пруса, братом Августа, кстати, прямо не обозначенного (это произойдёт в русской книжности позднее). Прус получил земли по берегам Вислы, и в том числе города Мальборк, Торунь, Хойнице и Гданьск, где до немецкого нашествия действительно жило балтское племя пруссов. Примечательно,

что Прус пережил четыре поколения своих потомков. Происхождение Рюрика от Прусса делало не только династию русских правителей ветвью рода римского императора, но и Третий Рим – наследником Рима первого даже не через Рим второй, а самым непосредственным, «генеалогическим» образом. Через четыре поколения от Рюрика Русь приняла православие, а ещё через четыре поколения получила царский титул и царские регалии от Рима второго. Цифра четыре и здесь выполняет свою композиционно-символическую роль (в Воскресенской летописи число поколений между Прусом и Рюриком – четырнадцать).

Таким образом, легенда о происхождении Рюрика от рода Августа и власти русских государей от императоров Рима и Византии вводит Русь в контекст не просто истории всемирной империи, но и всей христианской православной традиции (представленной именами правителей Египта, Александрии, Сирии и Иерусалима), с одной стороны, и славянской прародины (Иллирия и Паннония, как славянские земли, и Пруссия, как ассонативный «аналог» Руси), с другой. Существенно, что композиционной схемой этого взгляда на происхождение русских государей является кватернарная структура, восходящая через представление о четырёх православных церквах к универсальному архетипу четырёх сторон света – Вселенной, над которой получил власть Август.

Д.Н. Рамазанова (Москва)

ПЕРВЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ ГРЕЧЕСКИХ УЧЕНЫХ ПОСТВИЗАНТИЙСКОЙ ЭПОХИ

На протяжении почти полутора столетий после падения Константинополя в 1453 г. греческие интеллектуалы искали возможности для самореализации в основном за пределами захваченных турками земель, становясь частью ученого мира Западной Европы. В конце XVI—XVII вв. возникает иной тип мыслителя поствизантийского времени: ученого, предающегося не только научным занятиям, но интеллектуала, взявшего на

себя роль «учителя нации» — просветителя греков, находящихся под властью Османской империи. В связи с этим стали возникать труды на греческом языке, открывающие читателю новейшие для того времени научные достижения. Особое значение среди этих трудов имели трактаты по географии, поскольку их авторы старались не только сообщить о состоянии предметных знаний, но и определить место греческих земель на уточненной карте Земли.

Представителями плеяды греческих ученых и просветителей стали два видных деятеля церкви: афинский митрополит Мелетий Митру (1661—1714) и иерусалимский патриарх Хрисанф Нотара (1655/1660—1731). Почти одновременно на рубеже XVII—XVIII вв. они создали труды по географии, ставшие первыми сочинениями такого рода на греческом языке после эпохи великих географических открытий.

«География древняя и новая» Мелетия Митру была завершена в начале XVIII в.; предполагается, что автор работал над ней с 1692 по 1702 гг. (Μπεττη Στ. Μελέτιος ο γεωγράφος ή το πρώτο ηπειρωτικό πανεπιστημίο 1661—1714 (Η ζωή και το έργο του). Αθήνα; Γιαννινα, 2007. Σ. 89). Однако по финансовым причинам этот труд вышел в свет только спустя 14 лет после смерти автора, в Венеции в типографии Николая Глики.

Мелетий Митру был видным деятелем греческой церкви и просвещения, историком церкви второй половины XVII — начала XVIII вв. Выпускник Падуанского университета, затем преподаватель в школе Греческого Венецианского братства, с 1703 г. и до кончины он был митрополитом Афин (Μπεττη Στ. Μελέτιος ο γεωγράφος... Σ. 9—78). «География...» Мелетия считается одной из главных его работ, благодаря которой он получил прозвище «Мелетий Географ». Сочинение состоит из четырех книг, каждая из которых посвящена различным континентам: первая — Европе, вторая — «об Азии», третья — «о Ливии или Африке», четвертая — «Америка». Кроме того, в первой книге помещено введение в географию, состоящее из 18 глав, в которых объясняются предмет и важнейшие понятия науки, а также приводятся основные географические и астрономические термины. Труд Мелетия является компилятивным, составленным на основе большого количества источ-

ников. Интерес представляет «Описание Московии» (13 часть 1-й книги), являвшееся, по сути, первым историко-географическим сочинением на греческом языке, сообщающим сведения о России (в XVII в. были известны лишь исторические трактаты: «История России» Арсения Елассонского и Дионисия Ивирита). В ходе исследования нами были выявлены следующие источники этой части труда Мелетия: 1) Паоло Джовио, «Посольство от Василия Иоанновича, Великого князя Московского, к папе Клименту VII»; 2) Адам Олеарий, «Описание путешествия в Московию»; 3) Филипп Клюверий, «Введение во всеобщую географию». Можно предположить, что Мелетий также пользовался составленным Иоганном Якобом Хофманом латинским «Универсальным словарем» (Лейден, 1698 г.), куда были включены редкие русские топонимы, приведенные и в «Географии...» афинского митрополита.

Сочинение Хрисанфа Нотара «Введение в географию и небесную сферу» было опубликовано ранее труда Мелетия, но начало создаваться, по-видимому, несколько позднее, чем трактат митрополита Афин. Предполагается, что Хрисанф завершил работу над сочинением задолго до его выхода в свет, еще в 1700—1701 гг., в период своего пребывания в Париже (Σταθη Π. Χρυσανθος Νοταρας, πατριάρχης ιεροσολύμων. Πρόδρομος του Νεοελληνικού Διαφωτισμού. Αθήνα, 1999. Σ. 89—90). Однако именно книга Хрисанфа стала первым печатным трудом по географии и астрономии поствизантийской эпохи на греческом языке. «Введение в географию...» вышло в свет двумя изданиями: в Париже в 1716 г. и в Венеции в 1718 г.

Труд Хрисанфа объяснял картографию Земли на основе новейших для того времени знаний, а также представлял концепции гелио- и геоцентрических систем мира с привлечением идей Коперника и Кеплера. Иллюстрированное гравюрами сочинение состоит из пяти частей. Первые три части посвящены астрономии, где рассмотрены ключевые понятия этой науки и представлены системы Коперника, Браге, Галилея. Однако в целом автор следует Птолемею, находя подтверждения геоцентрической системы в Св. Писании, в книгах Исайи и Экклизиаста. Четвертая и пятая части посвящены описанию Земли, ее размеров, материков, а также гидрографии. Важной

иллюстрацией к этим разделам книги является карта мира, помещенная в начале издания и отдельно изданная в Падуе в 1700 г. Считается, что прототипом карты Хрисанфа являлась работа французского картографа XVII в. Николя Сансона (Tolias G. Maps printed in Greek during the Age of Enlightenment, 1665—1820 // e-Perimetron. Vol. 5. 2010. № 1. P. 4).

Издания сочинений Мелетия Митру и Хрисанфа Нотара оказались в России почти сразу после их выхода в свет. Что касается труда Мелетия, то, судя по записям на экземпляре, хранящемся в Музее книги Российской государственной библиотеки (РГБ. МК. Инв. № МК IX-490) ясно, что в России памятник появился в начале 1730-х гг. в собрании архимандрита Новоспасского монастыря, члена Синода и грека по происхождению Евфимия Колетти, который приобрел книгу у архимандрита Святого Гроба Германа, приезжавшего в Москву в 1731 г.

«Введение в географию...» Хрисанфа имеет в России более сложную судьбу. Книга оказалась в Москве после 1735 г., куда ее привез первый владелец Иван Иванович Неплюев (1693—1773), о принадлежности экземпляра которому свидетельствует собственноручная помета на титульном листе «Ив. Неплюева» (РГБ. МК. Инв. № МК IX-488). В 1721—1735 гг. Неплюев был русским резидентом в Константинополе, где он и мог приобрести или получить в дар экземпляр труда Хрисанфа от кого-то из лиц, окружавших иерарха, или даже от самого автора. Следующим владельцем книги стал известный переводчик с греческого языка Стефан Иванович Писарев (1708—1775), что следует из другой пометы: «И подарена коллегии иностранных дел секретарю Писареву». Датировать вторую помету следует, по нашему мнению, временем до начала апреля 1742 г., когда Неплюев возглавил управление в Оренбургском крае. Существенно, что пометы на экземпляре «Введения в географию...» позволяют не только идентифицировать личности владельцев книги, но и установить вероятный факт их знакомства, о котором ранее не было известно в историографии.

Таким образом, издания сочинений Мелетия Митру и Хрисанфа Нотара, впервые представивших географические и

астрономические научные знания Православному Востоку, стали важным фактом истории науки и культуры первой половины XVIII в. В трудах, представлявших культурную новацию для греческого читателя периода туркократии, авторы следовали западноевропейским источникам и образцам описаний. Московия в их трудах представлена в большей степени как научный объект географического познания, и акцент на ее особом статусе единственного православного государства авторами не делается, и не делается явно намеренно. При этом исследование экземпляров, хранящихся в Музее книги РГБ, позволило выявить интерес к этим трудам и со стороны просвещенных русских читателей первой половины XVIII в.

Б.Е. Рашковский (Москва)

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ТРУДАХ ЕВРЕЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ X—XII ВВ.

В X—XII вв. до 90 % мирового еврейского населения все еще было сосредоточено на Ближнем Востоке и в Средиземноморье, находившимся по большей части в составе различных мусульманских государств. Исламская культура оказала значительное влияние на географические (и историко-географические) представления средневековых евреев, для которых, как и для мусульман, Восток и Центр Европы в этот период все еще были пространством внешним по отношению к обитаемой земле — Ойкумене.

Тем не менее, именно с X в. некоторые географические объекты на территории данного региона впервые оказываются в поле зрения авторов еврейских источников. В первую очередь, это – комментарии к Библии, написанные последователями раввинистического иудаизма и противостоявшего ему караимского движения. Именно в памятниках библейской экзегетики сохранились самые

ранние в еврейской литературе сведения о странах и народах Центральной и Восточной Европы. Центрами, в которых собирались и записывались эти известия в X в. были еврейские общины Ирака и караимская община Иерусалима. Как правило, большая часть тогдашней еврейской (и раббанитской, и караимской) литературы была арабоязычной.

Использование комментаторами этноконов «славяне» (араб. ас-сакалиба), «русы» (араб. ар-рус), «тюрки» (араб. ат-турк) и др. для прояснения тех или иных мест библейского текста доказывает, что существовании обозначаемых ими народов было известно и их аудитории – образованному, в первую очередь, иракскому, еврейству.

В еврейских источниках X-XII в. информация о странах и народах Восточной Европы встречается по преимуществу в историко-географическом и хронографическом контексте: современные караимским или раббанитским авторам народы возводятся к библейским патриархам-эпонимам. Особенно много внимания уделяется происхождению хазар, чья правящая элита в IX-первой половине X вв. исповедовала иудаизм. Хазарское «обращение» оценивалось еврейскими авторами по-разному: одними положительно, хотя и с оговорками; другими – резко отрицательно.

Хазарам в этих источниках находится место и в связи с эсхатологическими представлениями иудаизма. Толкуя целый ряд мест из книг Исайи, Иеремии и Даниила, еврейские (караимские) авторы следуют распространенной в их христианском и мусульманском окружении мифологеме о запертых Александром враждебных цивилизованному миру «нечистых» народах. «Стена Александра», отгораживавшая их от остального человечества, часто располагалась христианскими и мусульманскими авторами в том же регионе, что и Хазария, так как она ассоциировалась у них с укреплениями Дербентского прохода.

Эпизодическое появление некоторых центрально- и восточноевропейских народов в трудах по древней истории еврейства – явление специфическое для раввинистической литературы, совсем неизвестное караимам. Эта информация впервые появляется в книге «Иосиппон» – средневековом переложении трудов Иосифа Флавия, главная тема которых – война между иудеями и римлянами. Отнесение последних к числу потомков Яфета стала причиной того,

что в «Таблице народов» Иосиппона нет потомков Сима и Хама. Зато в ней упомянут целый ряд народов Восточной и Центральной Европы (русов, венгров, печенегов, алан, хазар, славянских племен), которым средневековая традиция (христианская, мусульманская и еврейская) приписывает яфетическое происхождение.

Наконец, наиболее полный с точки зрения фактической информации массив сведений о Центральной и Восточной Европе представлен в дипломатических документах, связанных с деятельностью Хасдая ибн Шапрута – еврейского вельможи при дворе кордовского халифа Абд ал-Рахмана III. Эти документы в историографии исследовалось часто и подробно, и потому специально в докладе рассматривается только вопрос о возможности существования связей между ними и другими видами источников, в особенности экзегетическими сочинениями караимов и раббанитов.

В заключении доклада кратко говорится о судьбе представлений еврейских интеллектуалов X-XII вв. о Центральной и Восточной Европе в последующий период и об их значении для источниковедения раннесредневековой истории этого региона.

И.Г. Ребещенкова (Санкт-Петербург)

ПРИРОДНО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР ДУХОВНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА («ИТАЛЬЯНСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ» И.В. ГЕТЕ)

Духовный мир человека представляет собой постоянно эволюционирующую целостность, в которой переплавляются взаимодействующие между собой интеллект, логические построения, дедуктивные выводы, когнитивный опыт, включающий накопленные знания, прошлые и настоящие чувственные впечатления, их анализ и синтез, сравнение, эмпирические обобщения, целевые установки, эмоции, память, волевые порывы.

Определяющим фактором, детерминирующим изменения, происходящие как в общей системе внутреннего мира человека, так и в его подсистемах (интеллектуальной, эмоциональной, волевой), выступает природно-культурное пространство, взятое в его ретроспективном развитии и современном состоянии.

Природно-культурное пространство само является сложной, динамичной системой, функционирующей в исторически определенных географических и временных координатах. Роль его динамики в духовной эволюции личности значительно возрастает в тех случаях, когда речь идет о путешествиях творческих людей, обладающих способностями к проницательному наблюдению мира, анализу и синтезу, сравнению, воображению, значительным интеллектуальным «багажом», развитой эмоциональной сферой. Особый интерес представляют те личности, которые постигают мир одновременно научным, художественным, философским, а в некоторых случаях — и религиозным способами.

Иллюстрацией того, как природно-культурное пространство (прошлого и настоящего) обуславливает духовную эволюцию творческой личности, обладающей неординарными способностями в научно-художественном и философском освоении мира, является рефлексия И.В. Гете относительно его поездки по Италии, его жизни в этой стране, опубликованная в виде путевых заметок под названием: «Итальянское путешествие».

К путешествию, точнее к бегству писателя из Германии в Италию побудил глубокий кризис его внутреннего мира, затронувший основы его личности. Сам Гете не говорил эксплицитно о кризисе, и о нем можно судить косвенно по используемым им словам в оценке значения своей поездки — «воскресение», «второе рождение», «перерождение». В «Итальянском путешествии» описано психологическое состояние, характеризующееся беспокойством и охотой к перемене места, и была выражена надежда на то, что в «быстроте передвижения», «изгладятся морщины, глубоко избороздившие мою душу» (Гете И.В. Из «Итальянского путешествия» // Собр. соч.: В 10 т. М., 1980. Т. 9. С. 20).

Именно путешествие, насыщающее внутренний мир человека чувственными впечатлениями, которых, говоря словами писателя, не дает никакая книга, никакая картина, способствует не только наполнению личностного мира новым содержанием, но и его обновлению, «перерождению», делает разум более гибким. «Дело в том, — писал Гете, — что я вновь ощущаю интерес к окружающему миру, испытываю свою способность наблюдать, проверяю, достаточно ли велики мой опыт и знания, довольно ли ясен, чист и проницателен мой глаз, многое ли он может схватить при такой быстроте передвижения…» (Там же).

Для человека характерна связанная с риском неофилия — стремление к новому. «В путешествиях радостно то, — выразил это состояние Гете, — что даже самое обыденное благодаря новизне и неожиданности, приобретает видимость приключения» (Там же. С. 97). Стремление к новому в поездке по стране с развитой художественной культурой у него было неотделимо от удовлетворения его эстетической потребности в прекрасном и устремления к свободе. «Я радуюсь новому, — свидетельствовал сам путешественник, — которое должно быть несказанно прекрасным, и надеюсь среди тамошней райской природы обрести новое ощущение свободы...» (Там же. С. 88).

«Итальянское путешествие» Гете содержит в себе описания нерукотворных ландшафтов (гор и горных цепей, круто вздымающихся скал, наполненных жизненной силой и залитых солнцем плодородных долин, лагун, озер, дымящегося Везувия, вулканических почв, стройного кипариса и т.д.) — всего того, что обуславливало духовное обновление писателя, включающее, по его признанию, и возрождение веры в бога.

Сменяющие друг друга природные виды, открывающиеся перед взором путешественника просторы способствовали творческому вдохновению. «Дивные картины окружающего мира не только не оттесняют поэтической взволнованности, — писал Гете, — напротив, в сочетании с движением и вольным воздухом усиливают ее» (Там же. С. 19).

Во внутреннем мире Гете переплетались непосредственные чувственные впечатления и когнитивно-эмоциональный опыт прошлого. Ожили впечатления его детства, вынесенные из родительского дома, на стенах которого висели гравюры с итальянскими видами, стояла маленькая модель венецианской гондолы, о которой он вспомнил, въезжая в Венецию: «Когда к нашему кораблю подошла первая гондола ..., мне вспомнилась игрушка из моего раннего детства ... Отец привез из Венеции прекрасную модель гондолы...» (Там же. С. 38).

Гуманитарное воспитание Гете, его знание античной литературы, повлияли на восприятие культурных ландшафтов Италии. Созерцая водную стихию, он воспроизвел стих из Вергилия («О, Бенак, звучащий волнами и ропотом моря»), передал ощущение вечного и изменчивого, подчеркнув факт облагораживания своего восприятия знанием Верги-

лия. «Впервые то, что гласит этот латинский стих, — писал он, — воочию стоит передо мной, а сейчас, когда ветер крепчает и непрестанно растущие волны бьются о пристань, все выглядит точно так же, как и много веков назад. Кое-что, правда, стало иным, но озеро по-прежнему вскипает под порывами ветра, и вид его на века веков облагорожен строкою Вергилия» (Там же. С. 23-24).

Итак, природно-культурное пространство Италии выступило для Гете в роли фактора его духовной эволюции, о чем он свидетельствовал «Я…полностью переродился, стал другим человеком, мой внутренний мир теперь наполнен до краев…» (Там же. С. 180). Вместе с тем восприятие этого пространства было обусловлено социокультурным опытом писателя, полученным обучением и воспитанием, горизонтом его познавательных возможностей.

А.В. Рожина (Сыктывкар)

МОНАСТЫРИ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ЗАПИСКАХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX — НАЧАЛА XX В.

Путевые заметки — один из популярных жанров дореволюционных краеведческих исследований, они являются уникальными источниками по истории Отечества. Большинство путешественников, посетивших Вологодскую губернию в XIX — начале XX в., были удивлены многочисленностью монастырей, которых насчитывалось до тридцати. Особенно важны в этом смысле труды П.И. Савваитова, Б.В. Безсонова, В. Лебедева, Архимандрита Неофита.

Особый интерес для изучения истории развития монастырей Вологодской губернии представляет труд уроженца Вологды, магистра богословия Петербургской духовной академии, действительного статского советника П.И. Савваитова. В его описании окрестностей Вологды, Тотьмы и Великого Устюга православные монастыри рассматриваются как часть историко-культурной ойкумены (Савваитов П.И. Дорожные заметки от Вологды до Устюга // Москвитянин. 1842. № 12. С. 310-336). Статья, написанная в форме заметок путешественника, была связана с посещением Вологды в 1841 г. издателя журнала «Москвитянин» М.П. Погодина и стала отправной

точкой дальнейших исследований истории православных обителей. В 1840-1860 гг. П.И. Савваитов написал несколько книг и статей историко-краеведческого характера о монастырях Вологодского, Великоустюжского, Сольвычегодского, Тотемского и Кадниковского уездов (Савваитов П.И. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. СПб., 1844; Он же. Описание Великоустюжского Архангельского и Троицкого Введенского монастырей. СПб., 1848; Он же. Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря. СПб., 1850 и др.). В трудах П.И. Савваитова прослеживается первая попытка обращения к истории монастырей Вологодской губернии.

Большой информативностью отличается исследование члена Вологодской губернской управы Б.В. Безсонова (Безсонов Б.В. Поездка по Вологодской губернии к нефтяным ея Богатствам на реку Ухту. СПб., 1908). В начале XX в. он совершил экспедицию на Север Российской империи с целью разведки нефтяных ресурсов и возможностей их разработки. Путешественник описал православные обители с точки зрения их экономической значимости для региона. Путевые заметки содержат сведения о хозяйственной деятельности Кылтовского Крестовоздвиженского женского монастыря, открытого в конце XIX в. в Яренском уезде. Б.В. Безсонов образно сравнил обитель с пчелиным ульем, в котором «всякий член общины несет известную долю труда, а результатом такого устройства является высокое его экономическое положение, постоянный прогрессивный рост и громадное культурное значение для края» (Там же. С. 66). В этом труде записаны сведения о зарождении гончарного промысла и устройстве завода в монастыре, согласно которым «какой-то прохожий заметил подходящую глину и показал как из нея можно делать посуду; несколько монахинь переняли у него это умение, а настоятельница выстроила на берегу речки у самой этой глины заводик и теперь монастырь не знает другой посуды, кроме своей...» (Там же. С. 65).

Гончарные изделия Кылтовской обители по достоинству оценил архимандрит Неофит, побывавший в монастыре в 1911 г. По его словам, посуда, сделанная в Крестовоздвиженском монастыре, могла быть «украшением порядочного дома в городе» (Архим. Неофит. В колыбель зырянского женскаго иночества со святынею // Вологодские епархиальные ведомости. 1911. № 18. С. 437-449). При этом архимандрит преследовал иную цель посещения монастыря, он приехал для дарования частицы «Животворящего дерева, на котором

был распят Господь» (Там же. С. 441). Описание этой поездки построено в форме проповеди, в которой отдается должное основателю монастыря Афанасию Булычеву.

Важный фактологический материал приводится в описании паломнического путешествия по северо-восточной части Европейской России В. Лебедева (Лебедев В. От Вологды до Ульянова монастыря, на дальнем севере у Зырян // Труды IV Областного историко-археол. съезда в Костроме в июне 1909 г. Кострома, 1914. С. 49-129). Автор описал маршрут своей поездки, позволяя увидеть расположение и удаленность православных обителей Вологодской епархии в начале XX в. В записках приведены интересные факты об основателях известных Вологодских монастырей, их святынях и постройках (Вологодские Горний Успенский и Спасо-Прилуцкий монастыри и другие). Уделено внимание и данным об удаленных от центра губернии обителях, например, описывается история основания и состояние Ульяновского Троицко-Стефановского монастыря, расположенного в Усть-Сысольском уезде.

Путевые записки церковных и светских деятелей в XIX — начале XX в., посетивших Вологодскую землю, написаны с различными целями: обращение с проповедью и назиданием, описание пути к местам паломничества, отчет об экономическом потенциале региона. Это позволяет увидеть роль монастырей в историко-культурной ойкумене. Православные обители можно считать очагами духовной и экономической жизни региона.

С.Н. Рыбакова (Москва)

ТОПОНИМИКА В МЕМУАРАХ А.-О.-Л. ДЕ КОЛЕНКУРА

Арман-Огюстен-Луи де Коленкур (1773-1827), герцог Виченцский, в 1823-1826 гг. написал обширные мемуары, в основе которых его дневники и путевые заметки в 1807-1814 гг. (Caulaincourt A.-Augustin de. Mémoires du général de Caulaincourt, duc de Vicence grand écuyer de l'Empereur / Introd., notes J. Hanoteau. Paris: Librairie Plon, 1933. 3 vol. Далее ссылки на это изд.). В СССР и России были переведены и изданы (иногда лишь частично) только 1-й и 2-й тома мемуаров (1943, 1991, 1994, 2002, 2004 гг.). В издания на русском языке вошли воспоминания о

посольстве в Санкт-Петербург, переговорах в Тильзите и Эрфурте, но главным образом о военной кампании 1812 г. в России. Описание российской кампании у Коленкура имеет некоторые детали, касающиеся характеристики географических объектов, которые не могут нам дать воспоминания современников герцога.

Во время кампании Коленкур находился неотлучно при Наполеоне. Он стал единственным спутником императора в его путешествии от Березины до Парижа: только со слов Коленкура известны подробности поездки и то, о чем говорил и размышлял Бонапарт в пути.

Ранее Коленкур уже бывал в России в качестве посла. В архивах Коленкура сохранились отзывы о красоте российской столицы, в которой «все дышит великолепием и величием Екатерины» («<...>Tout inspire l'admiration, respire la grandeur, la magnificence de la grande Catherine...». (Vol. 1. P. 48)). В 1801 г. Коленкур побывал и в Москве. Таким образом, у него в 1812 г. уже было более обширное, нежели у его соотечественников, представление о России, ее пейзажах, климате и определенных особенностях национального характера русских. Но если он, по собственному признанию (Vol. 2. P. 42), неоднократно указывал императору на переменчивость и непредсказуемость погодных условий в России, то менее ясны его представления о географии России.

В 1809 г. А.-Ф. Тардьё (Antoine François Tardieu, 1757-1822) и П. Лапи (Pierre Lapie, 1779-1850) составили очень подробную карту Российской империи и восточноевропейских территорий, обозначив даже небольшие населенные пункты и уделив особое внимание дорогам. Можно предположить, что штабные офицеры Наполеона, в том числе и Коленкур, во время кампании 1812 г. пользовались именно этой картой, а, следовательно, могли свободно ориентироваться на местности. Вероятнее всего, у герцога Виченцского не было собственного экземпляра карты, но он мог пользоваться штабным или записывать названия населенных пунктов со слуха.

В 1-м и 2-м томах в главах 3-й (Vers Moscou), 4-й (Moscou) и 5-й (La Retraite I. — De Moscou à Krasnoë) встречается свыше ста названий малых и крупных географических объектов. Прежде всего, это селения и города, в которых останавливается или которые посещает Наполеон. Фиксируя перемещения императора, Коленкур лаконичен: «Император выехал из Витебска 12-го в 11 часов вечера. 13-го утром он был в Расасно, на левом берегу Днепра <...>» (Vol. 1. P. 388-389). Иногда Ко-

ленкуру приходилось описывать русские реалии доступными ему средствами: загородное поместье Ростопчина он именовал «terre de Woronzowo, à peu de distance de Moscou» (букв.: «Земли в Воронцово, недалеко от Москвы» (Vol. 2. P. 22)). Помещичий дом в Малых Вязёмах, где останавливался император, герцог назвал замком (château de Wezianino (Vol. 2. P. 55); «Wezianino» переводчик дал как Малые Вязёмы: пер. по изд.: Коленкур А.-О. де. Русская кампания 1812 года. Смоленск, 2004).

Названия населенных пунктов у Коленкура могли искажаться: например, Салтановка («Salta-Nowka» (Vol. 1. P. 363)), село Успенское («Oupenskoje» (Vol. 2. P. 112)). Так, вероятно, обстоит дело и с Пнёво, которое записано как «Pnevo» или «Pnewo». Переводчик считал, что Коленкур имел в виду в первом случае селение Пнёво (С. 325), а во втором — Пнёвую слободу (С. 329).

Крупные города и места сражений описаны подробнее, например, смоленский и московский пожары (Vol. 1. P. 393-394; Vol. 2. P. 11-19). Московские окрестности более детализированы. В мемуарах по мере приближения к Москве появляется большое количество населенных пунктов, названия которых выглядят как звукопись: Voloutina (Валутина гора), Dorogobouje (Дорогобуж), Weliczewo (Величево), Esmakowa (Ермаково), Prokofewo (Прокофьево), Yelnia (Ельня), Borodino (Бородино), Mojaisk (Можайск) и др.

Во французской историографической традиции закрепилась не «битва при Бородине», а «битва при Москве-реке» (la bataille de la Moskowa). У Коленкура в первом томе упоминаются Неман (Niémen), Двина (Dwina), Днепр (le Dnieper, совр. Dniepr), Волга (la Volga), Москва-река (la Moskowa). Бородино фигурирует в его мемуарах лишь как населенный пункт и упоминается однажды (Vol. 1. P. 420). Но «сражением у Москвы реки» Бородинское сражение Коленкур называет post factum, когда уже не описывает события, а рассуждает о них.

Любопытны наименования московских топонимов, которые возможно локализовать, благодаря комментариям Ж. Анато. Кремль у Коленкура имел вполне каноническое наименование (Kremlin, совр. Kreml), а Воробьёвы горы в дословном переводе — это «высоты, называемые воробьиными» (hauteur appelée des Moineaux (Vol. 1. P. 440)). Среди кремлевских достопримечательностей упоминается только Колокольня Ивана Великого (l'église d'Ivan Veliki (Vol. 2. P. 58)). Упомянуты Воспитательный дом («l'établissement des Enfants»), который

Наполеон посетил 11 сентября (Vol. 2. P. 9), и «le Bazar» («Vers 11 heures du soir, on apprit que le Bazar était en feu». (Vol. 2. P. 8). Ж. Анато пояснил, что Коленкур имел в виду большую площадь в Китай-городе (la Kisaye-Gorod ou ville chinoise). В русском переводе «le Bazar» дан как «Торговые ряды» (С. 208). Вероятно имелся в виду Гостиный двор. В окрестностях Москвы Коленкур отметил Петровский путевой дворец (palais de Petrowskoïé, sur la route de Pétersbourg (Vol. 2. P. 15)), в котором Наполеон остановился после пожара в Кремле, и Колоцкий монастырь (l'abbaye de Kolotskolé, (Ibid. P. 82)).

Наиболее символичны в мемуарах два географических пункта: п-ов Камчатка и р. Березина. Камчатка (Kamtchatka (Vol. 1. P. 293; Vol. 2. P. 80; совр. Kamchatka) всегда представлялось самой отдаленной границей России не только у Коленкура, но и при упоминании слов Александра I, грозившегося, что русские войска будут отступать до Камчатки, если потребуется (Ibid.). Березина (la Bérésina) всегда имплицитно несет в себе отпечаток безысходности и катастрофы, что объясняется чувствами, которые переживал Коленкур, перерабатывая свои дневники уже в 20-х гг. XIX в.

Таким образом, анализ содержащихся в мемуарах Коленкура топонимов позволяет нам судить, как автор той или иной эпохи воспринимает и сам конструирует окружающую его реальность. Как он понимает себя, каким ему представляется «другой» и, соответственно, пространство «другого».

Г.Н. Савельева (Москва)

О РОЛИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА В СТАНОВЛЕНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЭТНОСА И РУССКОГО ЯЗЫКА

1. Общепризнанным является роль географического ϕактора в становлении восточнославянского этноса и древнерусского языка с учетом великой славянской миграции и расселения славян на территории Восточно-Европейской равнины.

2. Спорной, однако, остается проблема признания существования, или, наоборот, отсутствия «первой прародины» древнерусской народности и русского языка.

3. Положение о том, что внутри позднепраславянского языкового состояния будто бы имело место становление «прарусского» языка или «правосточнославянского» диалекта, который стал основой древнерусского языка, придерживались многие исследователи (в частности, академик А.А. Шахматов).

4. Определить на географической карте место такого диалекта на основе данных языкознания не представляется возможным.

5. В соответствии с другой точкой зрения восточнославянский язык в своей основе не имел единого праславянского диалекта, а образовался из нескольких праславянских диалектов в восточной части славянского мира (Г.А. Хабургаев).

6. Археология неоспоримо свидетельствует, что среди праславянского мира не существовало диалектно – племенного образования, которые могли бы стать ядром древнерусской народности. (Седов В.В. Славяне. Древнерусская народность. Историко – археологические исследования. Москва: Знак, 2005)

7. О расселении «славянского среднеевропейского населения» свидетельствуют археологические вещественные находки, а также данные топонимики, гидронимии и языкового анализа.

8. Маршрут миграции славян в северорусские земли был реконструирован Ю. Удольфом независимо от данных археологии на основе топонимических материалов по названиям со славянскими основами (potok derevnija и т.д) (Седов В.В. Указ. соч. С. 61).

9. Картография гидронимов с лексемой «тереб» (от глагола «теребить»: расчищать землю, готовить ее под пашню) показывает, что бассейн озер Ильмень и Псковское составляет общий ареал с Повисленьем, Чехией и Словакией. (Агеева Р.А. Гидронимия Северо – Запада как источник культурно – исторической информации М., 1974).

10. Древнерусский диалект, восстанавливаемый на основе анализа текстов берестяных грамот из раскопок в Новгороде и, в особенности, псковских говоров, является ответвлением праславянского языка (Зализняк А.А. Древненовгородский диалект, М., 1995).

11. О расселении на Восточно – Европейской равнине славян свидетельствует формирование нескольких крупных племенных образований позднеправславянского периода; в частности, речь идет о северорусском и южнорусском расселениях.

Северные земли заселяли кривичи, словене ильменские и славяне Ростово-Суздальской земли – меря, вышедшие из племенной группы, родственной суковско – дзедзицким (ляжским) славянам.

В лесостепных смежных с ними лесных землях Правобережной Украины (волыняне, поляне, древляне и дреговичи) проживали славяне пражско – корчакской группы. (Седов В.В. Указ. соч. С. 501).

12. Таким образом, пространственный фактор расселения, выявленный на основе современных междисциплинарных исследований, позволяет привести если не окончательные, то дополнительные доказательства в пользу гипотезы об интеграции расселения на территории Восточно-Европейской равнины славян, способствовавших становлению восточнославянского этноса и, на его основе, древнерусской народности и русского языка.

Н.Г. Самарина (Москва)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В МУЗЕЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В музейной работе наиболее востребованными направлениями историко-географических исследований являются: физико-географическое описание территории на определенном этапе ее эволюции; география населения; экономическая география; политическая география; топонимические исследования. Источниками историко-географических исследований являются: актовые материалы, летописи, материалы экономико-географических описаний и обследований, записки путешественников и географические словари, делопроизводственные и статические материалы, карты и планы, археологические находки и предметы быта, сохранившиеся фрагменты флоры и фауны, данные естественных наук и топонимы. Представленные в собраниях музеев разных профилей, эти источники позволяют локализовать на местности и конкретизировать события, реконструировать социально-экономические, социально-политические и социокультурные процессы, связать прошлое региона с настоящим и будущим.

Презентация исторического ландшафта и природных условий края подразумевает комплектование и сохранение таких музейных

предметов, как образцы почв, окаменевшие кораллы, губки, моллюски, морские животные, отпечатки окаменевших растений, образцы полезных ископаемых, таксидермические чучела и тушки животных.

Геологические источники в Историко-краеведческом музее г. Протвино подтверждают (использованы данные методических разработок Т.Н. Полежаевой и Г.В. Романенко; рукопись), что 300 млн. лет назад на месте Протвино были неглубокие теплые моря палеозоя и мезозоя, которые оставили после себя известняки и доломиты, мергели и пески, глины и мел, опоки и трепел. В карьерах, где добывают известняки, можно найти окаменевшие известковые и кремнистые раковины, окаменелости (кораллы, белемниты, радиолярии, трилобиты, аммониты), отпечатки древних растений и животных на поверхности горных пород, окаменевшие участки морского дна. В пойме реки Протвы и окрестностях Протвино можно наблюдать толщи красно-бурых суглинков с множеством округлых камней – валунов, которые состоят из кристаллических пород (гранитов, гнейсов, кварцитов и других). Это отложение огромного ледника, спускавшегося со Скандинавского полуострова.

Выявленные источники позволяют понять, почему в этом районе начали строить ускоритель. По техническому проекту он должен быть построен на монолитном основании, так как опоры кольцевого магнита – основы ускорителя – не должны были давать осадку. Необходима была благоприятная сейсмическая обстановка, так как требовалась точнейшая постоянная фиксация оси вакуумной камеры. Город Протвино расположен на платформе с двухъярусным строением: нижний ярус сложен кристаллическими породами (гранитами и гнейсами), верхний ярус – это осадочные породы.

В музеях представлены богатейшие собрания картографических материалов. Так, в Чертковском собрании Государственного Исторического музея представлено около двухсот картографических произведений (Маркина Е.Д. Атрибуция картографических материалов Чертковской библиотеки, хранящихся в отделе картографии ГИМ // Труды ГИМ. Т. 143. М., 2004. С. 146-158). Среди них печатные русские и западноевропейские карты и планы XVIII-XIX вв.: особый интерес представляют относящиеся к Крымской войне 1853-1856 гг. и собранные, возможно, самим А.Д. Чертковым, участником русско-турецкой войны 1827-1829 гг., для которого Крымская война была важнейшим политическим событием. Уникальны карты губерний Российской империи

издания А. Ильина 1860-1870-х гг. К редким экземплярам относятся атлас Варяжского моря первой четверти XVIII в., сборные атласы рукописных карт и планов XVIII-XIX вв., атлас Балтийского моря А. Нагаева 1752 г., единственный из атласов Генерального межевания, переведенный в гравюру (Калужского наместничества). Представлены также атласы XIX в., относящиеся к путешествиям русских мореплавателей Ю.Ф. Лисянского, И.Ф. Крузенштерна, Ф.Ф. Беллинсгаузена, О.Е. Коцебу, Ф.П. Литке.

Коллекция атласов 1745 г. ГИМ формировалась на протяжении ста лет: первая покупка была сделана в 1889 г., последняя — в 1994 г. (Маркина Е.Д., Булатов В.Э. Собрание атласов 1745 г. в Отделе картографии // Труды ГИМ. Вып. 103. М., 1999. С. 264-269). Ценность атласа как источника определяется тем, что в России рубежа XVII-XVIII вв. имелись карты, созданные на основе опросов. Они могли быть использованы для практических, преимущественно военных целей, но не могли удовлетворить масштабным потребностям формирующейся Российской империи. Реформа русской картографии проходила под непосредственным руководством Петра Великого: геодезисты составили карты по уездам и провинциям. Отсутствие опыта приводило к картографическим неточностям, хотя в административных центрах проводилось астрономическое измерение широты. Координаты других населенных пунктов определялись путем геодезических измерений с учетом положения административного центра. Еще одним недостатком было то, что не учитывалась географическая информация, накопленная до Петра. Однако в целом Атлас 1745 г. отразил переходное состояние мировой картографии, отказывавшейся от составления карт на основе опросов в пользу инструментальных съемок (Булатов В.Э. К истории создания Атласа Российского 1745 г. // Труды ГИМ. Вып. 103. С. 270-277).

Будучи ценным источником, карты и планы играют особую роль в экспозиционной деятельности музея. Карты и атласы, изданные типографическим заведением А. Ильина, наглядны и хорошо читаются, могут использоваться как ведущие экспонаты на выставках и в постоянной экспозиции. Заведение выпускало не только собственную картографическую продукцию, но выполняло заказы государственных учреждений, научных обществ, учебных заведений (Соловьева Н.Ю. Вопросы датировки продукции Картографического заведения А. Ильина // Труды ГИМ. Вып. 103. С. 278-283).

Возможности использования историко-географических источников в музейной деятельности только становятся объектом изучения музееведения; богатый практический опыт требует обобщения в рамках комплексных междисциплинарных исследований.

Ф.Л. Севастьянов (Санкт-Петербург)

«ГУБЕРНИИ БЫВШЕЙ ПОЛЬШИ»

Отечественное делопроизводство конца XVIII — начала XIX в. зачастую оперирурет таким непривычным для современного уха оборотом как «губернии бывшей Польши». Этим термином обозначался большой регион вдоль западной границы Российской империи, включавший Виленское и часть Киевского генерал-губернаторств (на практике речь шла как правило о Виленском генерал-губернаторстве).

Надо сказать, что объяснить возникновение означенного бюрократического эвфемизма, в общем, не составляет труда: западные губернии конца XVIII — начала XIX в. вошли в состав Российской империи в результате разделов Речи Посполитой при Екатерине II, когда Россия получила Литву, территории в современной Белоруссии и частично на Украине.

Думается, однако, что к этому достаточно простому замечанию надо сделать несколько пояснений, чему и будет посвящен настоящий текст.

Со времен Андрусовского перемирия 1667 г. граница Московского государства и Речи Посполитой в целом проходила по Днепру с рядом уступок для Москвы к Западу (самой известной является Киев, а самыми значительными были территории на Смоленщине и в современной Белоруссии). Этот порядок был закреплен так наз. «Вечным миром» 1686 г. и незыблемо сохранялся затем. На него не покушался ни Петр Великий в ходе Северной войны, ни его преемники (как известно, проблему взаимоотношений с западным соседом все монархи до Екатерины II, да превоначально и она, предпочитали решать при помощи установления на польском престоле дружественных России королей).

Таким образом, более столетия от Андрусовского перемирия до Первого раздела Речи Посполитой российско-польская граница была

стабильна, что не могло не сделать ее в сознании современников чем-то большим, чем простой линией на географической карте. Более чем за столетие «андрусовская граница» безусловно должна была стать неким ментальным рубежом, за которым заканчивалась Россия и начиналась Польша, что называется «естественным образом».

Здесь представляется целесообразным сделать следующее пояснение.

Как известно, Речь Посполитая представляла собой польско-литовское государство, сложившееся в ходе Ливонской войны по Люблинской унии 1569 г. между Польским королевством и Великим княжеством Литовским. Не получившее, собственно, никакого специального названия государство, именовалось искаженным на русский манер словом «республика» по-польски. Для нас сейчас не представляется возможным дать ответ на вопрос, когда в русском языке произошла инверсия, и на все данное государство в русском языке распространилось название «Польша», хотя традиционно земли, находившиеся за западной московской границей, вполне справедливо именовались «Литвой». К концу XVIII в. это было уже так. понятно, что здесь мы имеем дело не просто с переменой названий, но и с знаменовавшейся им подменой понятий.

Подвижка границы Российской империи на Запад началась после борьбы с польскими конфедератами 60-х гг. XVIII в. и последовавшими за тем разделами Речи Посполитой (которые не только в исторической литературе, но и в соответствующих дипломатических конвенциях не вполне корректно именовались именно разделами Польши). Причем это продвижение происходило весьма быстрыми — не только по историческим меркам — темпами: 1772, 1793 и 1795 гг.

Естественно, что поглощенная Российской империей большая часть Речи Посполитой (куда, заметим, входили только территории главным образом с православным населением, и совсем не входили территории этнической Польши) должна была быть осмыслена как некая новая, внутренне целостная и в чем-то чужеродная часть государства. Чужеродность объяснялась прежде всего полонизированным характером местной знати.

Это обстоятельство и отражал появившийся бюрократический штамп «губернии бывшей Польши», к слову сказать, официально запрещенный к употреблению Николаем I.

С.А. Смирнов (Москва)

ГЕОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.О. ПЕЛЕВИНА (ПО БАЗАМ ДАННЫХ ИНИОН)

Предметом настоящего сообщения является география изучения произведений современного отечественного писателя В.О. Пелевина. В качестве объектов здесь выступают публикации на темы, связанные с творчеством Пелевина. Это не только научные публикации, но и литературная критика, научная критика работ о его творчестве, обзоры литературной критики пелевинских книг. Источники рассматривались с точки зрения географии их публикации.

Сообщение сделано на материале баз данных ИНИОНа. Поиск ее источников осуществлялся на сайте ИНИОНа по графе поиска «Ключевые слова» (ключевым словом выступало слово «Пелевин») в базах данных по литературоведению, языкознанию, философии и социологии, религиоведению, а также сводных баз данных поступлений литературы за 1993—1995, 1996—1998, 1999—2001, 2002—2004, 2005—2007, 2008—2009 гг. Очевидно, что поиск литературы по базам данных только одного информационного центра не является исчерпывающим. Но, тем не менее, указанные базы данных ИНИОНа, одного из крупнейших информационных центров мира, дают пусть не полную, но в некоторой степени репрезентативную (учитывая отсутствие в историографии какой-либо иной) карту, на которой возможно локализовать центры изучения творчества В.О. Пелевина.

Принцип изложения добытой информации, примененный здесь, можно условно назвать «центробежным»: от самого крупного центра изучения произведений писателя до самых незначительных на данный момент в этом смысле пунктов. Первый фактор, учитывавшийся при анализе географического распределения исследований творчества В.О. Пелевина, — количество авторов, в той или иной степени занимающихся изучением творчества В.О. Пелевина. Второй — количество публикаций о В.О. Пелевине, изданных в том или ином центре. Третий — дата первой публикации (от ранней даты к поздней). И четвертый (если количество авторов, количество публикаций и год публикаций совпадали) — алфавитный порядок расположения центров.

Крупнейшим географическим центром изучения творчества В.О. Пелевина является Москва. Исходя из информации баз данных ИНИОНа, в Москве начиная с 1993 г. на темы, касающиеся творчества В.О. Пелевина писал 81 автор, создав в общей сложности 95 публикаций. Вторым крупнейшим центром является Санкт-Петербург, где начиная с 1997 г. занимались творчеством Пелевина 31 автор, создавшие 29 публикаций. Крупными центрами являются Саратов, Барнаул и Пермь. В Саратове начиная с 1999 г. публиковались 12 авторов, поместившие 11 публикаций. В Барнауле начиная с 2002 г. — 10 авторов (11 публикаций). В Перми начиная с 2001 г. — 10 авторов (9 публикаций).

Расположение других центров следующее: Челябинск (6 авторов начиная с 2005 г. и 6 публикаций); Тамбов (5 авторов начиная с 2003 г. и 6 публикаций); Улан-Удэ (Бурятия) (5 авторов начиная с 2006 г. и 4 публикации); Екатеринбург (4 автора начиная с 1996 г. и 5 публикаций, не считая 1 анонимной статьи); Иваново (4 автора начиная с 2003 г. и 6 публикаций); Нью-Йорк (США) (4 автора начиная с 1997 г. и 4 публикации); Астрахань (4 автора начиная с 2002 г. и 4 публикации); Тюмень (3 автора начиная с 2001 г. (4 публикации)); Архангельск (3 автора, начиная с 2003 г. и 4 публикации); Воронеж (3 автора начиная с 1999 г. и 3 публикации); Ярославль (3 автора начиная с 1999 г. и 3 публикации); Волгоград (3 автора начиная с 2001 г. и 3 публикации)); Томск (3 автора начиная с 2001 г. и 3 публикации); Уфа (Башкирия) (3 автора начиная с 2001 г. и 3 публикации); Мурманск (3 автора начиная с 2004 г. и 3 публикации); Новосибирск (3 автора начиная с 2005 г. и 3 публикации); Нижний Новгород (3 автора начиная с 2002 г. и 2 публикации); Калининград (2 автора начиная с 2003 г. и 5 публикаций); Омск (2 автора начиная с 2000 г. и 4 публикации); Ставрополь (2 автора начиная с 1999 г. и 3 публикации); Ульяновск (2 автора начиная с 2002 г. и 3 публикации); Кемерово (2 автора начиная с 2002 г. и 2 публикации); Париж (Франция) (2 автора начиная с 2002 г. и 2 публикации); Самара (2 автора начиная с 2002 г. и 2 публикации); Красноярск (2 автора начиная с 2003 г. и 2 публикации); Владимир (2 автора начиная с 2006 г. и 2 публикации); Коломна (Московская обл.) (2 автора начиная с 2008 г. и 2 публикации); Благовещенск (Амурская обл.) (2 автора начиная с 2005 г. и 1 публикация); Шуя (Ивановская обл.) (2 автора начиная с 2006 г. и 1 публикация).

По одному автору, создавшему одну публикацию на темы, касающиеся творчества В.О. Пелевина, приходится на города: Лондон (Великобритания) (в 1997 г.); Цюрих (Швейцария) (в 1999 г.); Глазов (Удмуртия) (в 2000 г.); Саппоро (административный центр Хоккайдо, Япония) (в 2001 г.); Таллинн (Эстония) (в 2001 г.); Бийск (Алтайский кр.) (в 2002 г.); Курган (в 2002 г.); Липецк (в 2002 г.); Рубцовск (Алтайский кр.) (в 2002 г.); Тверь (в 2002 г.); Экс-ан-Прованс (Франция) (в 2002 г.); Кострома (в 2003 г.); Саранск (Мордовия) (в 2003 г.); Элиста (Калмыкия) (в 2003 г.); Варшава (Польша) (в 2004 г.); Елец (Липецкая обл.) (в 2004 г.); Майкоп (Адыгея) (в 2004 г.); Минск (Белоруссия) (в 2004 г.); Берлин (Германия) (в 2005 г.); Оренбург (в 2005 г.); Иркутск (в 2006 г.); Стэнфорд (США) (в 2006 г.); Тарту (Эстония) (в 2006 г.); Тольятти (в 2006 г.); Шадринск (Курганская обл.) (в 2006 г.); Белград (Сербия) (в 2007 г.); Вильнюс (Литва) (в 2007 г.); Казань (Татарстан) (в 2007 г.); Сыктывкар (Коми) (в 2007 г.); Штутгарт (Германия) (в 2007 г.).

Исходя из данного «геоисториографического» обзора, можно заключить, что интерес к творчеству В.О. Пелевина проявляется по всей стране и за ее пределами, в (в порядке того же «центробежного» принципа) США, Франции, Эстонии, Германии, Великобритании, Швейцарии, Японии, Польше, Беларуси, Сербии, Литве. Из всех регионов России, помимо со всей очевидностью ожидаемых Москвы и Санкт-Петербурга, проявлением интереса к творчеству писателя выделяется Алтайский край. Кроме Барнаула — краевого центра, публикации осуществлялись также в Рубцовске и Бийске. Очевидный интерес к творчеству В.О. Пелевина делает актуальным источниковедческое исследование комплекса произведений писателя как феномена культуры.

П.А. Соколинская (Москва)

ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА В БАЛЕТЕ С.С. ПРОКОФЬЕВА «СТАЛЬНОЙ СКОК» (1927 Г.)

Летом 1925 г. на пути Прокофьева возникла знакомая фигура С.П. Дягилева. Антрепренер чутко ощутил возникший в Париже

спрос на русскую тематику, но на этот раз связанную с новой, Советской Россией — в мире дипломатическом, во влиятельных «салонах» интерес к «стране большевиков» рос день ото дня. Результатом оказался заказ Прокофьеву нового балета. Дягилев задумал будущее представление в стиле советского конструктивизма. 7 июня 1927 г. состоялась премьера балет «Стальной скок». Танцевали лучшие мастера дягилевской труппы, дирижировал Роже Дезормьер. В интервью русской газете «Возрождение» Дягилев так объяснил смысл своей неожиданной инициативы: «Я хотел изобразить современную Россию, которая живет, дышит, имеет собственную физиономию. Не мог же я ее представить в дореволюционном духе! Это постановка не большевистская, ни антибольшевистская, она вне пропаганды» (Сергей Дягилев и русское искусство: Ст., открытые письма, интервью. Переписка. Современники о Дягилеве: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 220). И конечно он чрезвычайно дорожил этой постановкой, тем более что название «Стальной скок» придумал он сам. В Париже балет шел под названием «Pas d'acier». Предложенные автором музыки С.С. Прокофьевым названия Дягилев отверг, хотя, как вспоминал постановщик Леонид Мясин (Мясин Л.Ф. Моя жизнь в балете. М., 1997. С. 179), именно рассказы Прокофьева, вернувшегося из России, воспламенили воображение Дягилева и направили в совершенно неожиданное русло: «Загоревшись видениями Прокофьева, Дягилев заказал Георгию Якулову конструкцию из двух платформ большого размера, с колесами и поршнями, и сказал нам, что хочет, чтобы это конструктивистское решение было неотъемлемой частью нашего произведения: колеса и поршни на платформах двигались одновременно с чеканными движениями молодых рабочих, и большая ансамблевая группа, расположенная перед платформами, усиливала яркость изображаемой картины. В финальной части, по мере того как движения танцовщиков становились все более динамичными, колеса начинали вращаться, а рычаги и поршни начинали двигаться; одновременно, меняя цвет, зажигались и гасли лампочки, и занавес опускался под мощное крещендо оркестра». Дягилеву нужен был завод, и ему нужна была открытая патетика завода.

В центре балета были поставлены два персонажа — рабочий и работница, точно сошедшие с плакатов «Окна РОСТа» тех лет

— в рабочей одежде и с огромными стилизованными молотами в руках. Герой балета — человек труда, олицетворявший собой новый миф, новый мир, новую Россию. Прокофьев с его железной дисциплиной, привычкой к труду, безупречной композиторской техникой, по природе рациональный и аполитичный делает вывод: «Новый режим прибавил слова, но не музыку». Тем не менее, обращаясь к сочинению «Скока», он резко повернул от хроматической усложненности к строгой диатонике, поискам современного русского тематизма. В музыке балета господствует дивертисментно-сюитный принцип: одиннадцать завершенных танцев сменяют друг друга в контрастном чередовании, представляя различные группы персонажей. Сюжетное развитие, в сущности, отсутствует: шесть эпизодов первой картины, рисующей бытовые сценки 1920 г. — поезд с мешочниками, комиссары, ирисочники и папиросники, оратор (один из первых образов Ленина в классической музыке), сменяются коротким антрактом и четырьмя сценами второй — индустриальной картины с движение машин, станков и уханьем паровых молотов. Два последних номера — Фабрика и Молоты предвосхищают сочинения советских конструктивистов Мосолова, Дешёвова, Животова.

Пространство балета «Стальной скок » включает в себя всего две основных площадки, на которых и разворачивается все действие. На этих двух площадках сосуществуют характерные для советского города 20-х гг. персонажи, перечисленные выше. Такая пространственная скученность вполне объяснима, так как этот балет состоит всего из пролога, двух актов и финала. Доминирует здесь образ фабрики, который создается в первую очередь с помощью музыкальных средств, у фабрики также как и у других героев имеется собственная музыкальная тема. Фабрика становится здесь символом объединения людей, завод воплощал идею массовости, а человек сравнивался с отдельной шестеренкой, подобной тысяче других, синхронно работающих рядом.

В сочетании с музыкальными темами других героев (например, комиссаров или оратора и т. д.) тема фабрики создает музыкальный фон этого спектакля. Преобладает громоздкость фактуры и оглушительная динамика, порой доходящая до forte

forte. Музыкальные звуки, поданные грубо, прямо, громко, как будто материализуются. Звуковая ткань, вопреки законам «бестелесности» музыкального искусства, словно претендует на материальную осязаемость.

Собственно городское пространство в балете подчиняется фабричному. Вообще в этом балете есть всего две точки, где и разворачивается действие: фабричное пространство и то, которое можно назвать привокзальной территорией. Характерными признаками пространство не обладает, характерны скорее его герои: ирисочники, папиросники, оратор, мешочники. Именно персонажи предают этому балету специфику города периода НЭПа. Главным героем, наряду с фабрикой является бывший матрос, который во втором акте становится рабочим. Переходность рабочего интересно решена в костюме: у его брюк разные штанины (одна клешеная, что характерно для матроса, а другая прямая, что удобнее рабочему). Остальные герои второстепенны и создают лишь пейзаж и не переходят из одного состояния в другое. Городское пространство в балете неизменно, а вот фабрика приходит в движение, так же как и те, кто работает на ней, причем работает синхронно, показывая ее важность для будущего.

А.А. Соколова (Санкт-Петербург)

В.С. ЖЕКУЛИН И СТАНОВЛЕНИЕ ЛАНДШАФТНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Становление ландшафтоведения как самостоятельного научного направления в системе географических наук пришлось на 1960-е гг. Это способствовало усилению межпредметных связей географии и истории, гуманизации и гуманитаризации географических исследований. Гуманитарный тренд развивался в двух направлениях – как гуманизация и гуманитаризация науки. Гуманизация географии нашла отражение в усиление внимания к человеку –

субъекту восприятия, освоения и преобразования географической реальности. Гуманитаризация – сближение географии с науками гуманитарного блока – проявилась в методологии и методике исследования, выборе источниковой базы и способов представления результатов. Значительное влияние на географов оказали открытия, сделанные в социологии, этнографии, истории и других наук гуманитарного блока. Именно в конце 1960-х гг. предметом географии стал ландшафт как природно-хозяйственная, а позже как природно-культурная система. В таком ракурсе геосистемы изучались исторической географии ландшафтов – новым научным направлением, становление которого связано с именем В.С. Жекулина (1929 – 1989).

Работы В.С. Жекулина по исторической географии Новгородской земли вышли в свет в течение 1960-х–1980-х гг. Данный бесспорный факт приходит в противоречие с утверждениями представителей культурной географии (М.В. Рагулина, В.Н. Калуцков) о том, что в эпоху антропогенного ландшафтоведения география «не замечала» человека или учитывала его связь с ландшафтом исключительно на материальном уровне – в связи с ресурсопользованием, а «открытие» культурного ландшафта состоялось только в конце 1980-х гг. (Рагулина, 2007). В частности, уже в 1972 г. В.С. Жекулин писал о том, что изучая историческую географию ландшафтов Новгородского края, он убедился в необходимости синхронного изучения природных и социальных процессов, взаимодействие которых определяет современное состояние природных комплексов (Жекулин, 1972) Объектом изучения историко-географов оставался ландшафт (геосистема), однако осторожным, «робким» «введением» человека в ландшафт» это называть никак нельзя.

Методики, использующиеся в исторической географии, основаны на полевых и камеральных исследованиях. Согласно предложенному В.С. Жекулиным алгоритму, на первом этапе регионального исследования внимание уделяется ландшафтной основе освоения территории: картографированию геосистем ранга урочищ (для Новгородского края был использован базовый масштаб 1:600 000), составлению крупномасштабных карт ключевых участков, отражающих фациальную структуру ядер и трасс освоения.

На следующем этапе устанавливалась связь геокомплексов с сельским расселением и хозяйством, выделялись ландшафтные ти-

пы сельского расселения. Для составления исторических карт освоенности геосистем использовались методы истории, этнографии, топонимики. Изучение топонимии и местной географической терминологии (ландшафтно-лексикологический метод в формулировке В.С. Жекулина) предваряло исследование конкретных этапов освоения ландшафтов, поскольку географические названия, локализованные на ландшафтной основе, дают общее представление об исторических формах природопользования. Для составления ландшафтно-топонимических карт выделялись топонимические комплексы – группы названий, характеризующие освоенность территории. В качестве источников языковой информации В.С. Жекулин предлагал использовать летописи, материалы Генерального межевания, исторические карты и другие материалы.

В работах по Новгородскому краю приведено много ссылок на летописные и архивные материалы разных периодов. Работа с этими источниками позволила создать живую и полную картину представлений новгородцев об устройстве природного окружения и структуре земельных угодий. Историческая лексика использована также в топонимических исследованиях и реконструкции облика ландшафтов на различных временных срезах.

Известен также интерес В.С. Жекулина к исторической и современной диалектной географической лексике. Часть записанных в Новгородской области слов включена В.П. Строговой в словарь народных терминов (Строгова, 1972). Материалы картотеки народных географических терминов из диалектных словарей Архангельской и Олонецкой губерний, собранные В.С. Жекулиным, опубликованы автором (Жекулин, Соколова, 2002).

На заключительном этапе историко-географического исследования выполнялся диахронический анализ освоенности геосистем (в работах В.С. Жекулина на уровне природных округов и ландшафтов). В соответствующие главы были включены параграфы «Топонимические свидетельства изменения природы округа», в которых анализировалась география названий, характеризующих рельеф и литологию, присутствие в древостое широколиственных пород, стадиальность освоения окрестностей поселения при подсеке.

В рамках исторической-географического направления, разработанного В.С. Жекулиным в сотворчестве со своими коллега-

ми и аспирантами, были определены основные подходы к изучению ландшафтов Русского Севера. Это касается как комплексного природно-хозяйственного и природно-культурного районирования Новгородской и Вологодской областей, так и изучения поселений в совокупности с природным окружением, использования языковых данных для более полного раскрытия взаимодействия человека и ландшафта. Подход, используемый в монографиях «Историческая география ландшафтов» (1972) и «Историческая география: предмет и методы» (1982) получил дальнейшее развитие в гуманитарной географии и исследованиях культурного ландшафта.

Я.Г. Солодкин (Нижневартовск)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОРИГИНАЛЬНЫХ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИЗВЕСТИЙ ПОГОДИНСКОГО ЛЕТОПИСЦА

«Повесть летописная, откуду начяся царство бисерменское в Сибири и чесо ради наречеся Сибирь», уцелевшая в единственном списке из знаменитого собрания М.П. Погодина, может считаться наиболее любопытной из вторичных разновидностей Есиповской летописи (далее — ЕЛ). Редактируя последнюю, анонимный книжник, в частности, дополнил завершенное в 1636 г. сочинение дьяка Тобольского владычного дома сведениями по географии «Закаменьской страны».

Так, если в ЕЛ и близком нередко к Погодинскому летописцу (далее — ПЛ) «Подлинном аписании Сибирского государства городом и островом (острогом?), и рекам» утверждается, что эта страна и Москва разделены двумя тысячами «поприщ» (в некоторых списках «сложения» софийского приказного упоминается о 2400, 3000), то, как уверяет безвестный «списатель» конца XVII в., «от царствующего града» «яко до двою тысящ и трехсот верст до перваго сибирскаго града Верхотурья». Оказывается, данное расстояние (о чем в ЕЛ не говорится) покрывается «зимним путем з болшими возы» за семь недель; в «Подлинном аписании ...» читаем, что «поспевают

... недель в шесть и в сем» (ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 43, 75, 129). Сравнительно с ЕЛ в интересующей нас ее поздней разновидности, сохранившей, по заключению Д.И. Копылова, думается, не отличающемуся точностью, выдержки из нескольких документов (Копылов Д.И. Ермак. Иркутск, 1989. С. 10), сказано и о том, на каких реках находятся Верхотурье, Туринский острог, Тюмень и Тобольск, перечислены реки, впадающие в Туру справа, на пути от Верхотурья к Туринскому острогу, указывается, что Тура впадает в Тобол, тот — в Иртыш, который «вниде» в Обь «ниже урочища Самаровых гор единым плесом», идет речь и о расположенной «многим растоянием» от Тобольска Таре (ПСРЛ. Т. 36. С. 129. Ср.: С. 75, 76).

Едва ли эта «роспись» составлена в Москве со слов ермаковца Черкаса Александрова, как порой утверждается (История казачества Азиатской России: В 3 т. Екатеринбург, 1995. Т. 1. С. 13). По замечанию редактора ЕЛ, основанный Маметом город, «что ныне словет Старая Сибирь», — от «Тоболска вверх рекою Иртышем 12 верст». Далее поясняется, что заложивший Тобольск Д. Чулков достиг Иртыша, «от града же Сибири вниз 12 поприщ». О таком расстоянии между Старой Сибирью и Тобольском («Новой Сибирью», сделавшейся в самом конце XVI в. столицей «Азиатской России») сказано и следом. Вместе с тем в ПЛ однажды утверждается, будто это расстояние составляет «15 верст по нынешнему содержанию» (Там же. С. 129, 133, 136), т. е. в настоящее время (кстати, о «содержанье» царского управления, царском «содержанье» говорится в одном из документов, см.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. Л., 1986. С. 68, 69). Думается, летописная заметка о 15 верстах, разделяющих Тобольск и прежнюю ставку сибирских властителей, в отличие от указания на 12 верст (поприщ) является ошибкой переписчика раннепетровского времени, а не хронологической реалией, как полагали Е.И. Дергачева-Скоп и Р.Г. Скрынников.

В ПЛ обстоятельно повествуется про «приход Ермаков с товарыщи в Сибирскую землю с Еика»; Савва Есипов же нашел нужным лишь сообщить о прибытии «руского полка» за Урал из Поволжья (заметим попутно, что исследователями «Сибирского взятия» не учтено ценное известие о том, что оно произошло в 1582/83 г., см.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 2. С. 123).

Если верить редактору летописи «Сибирское царство и княжение, и о взятии, и о Тоболске граде», покинув берега Яика, атаманы и казаки двинулись по Иргизу, Волге (где «пограбили государеву казну и погромили ногайских татар», что подтверждается документально), Каме, Чусовой (которую ермаковцы, видимо, летом 1582 г., «прибежав», скорее всего «по присылке» Строгановых, ханскому наследнику Алею «повоевать не дали»), а оттуда уже отправились в Сибирь — по Серебряной, Борончуку (накануне «православные вои» шли «волоком, и суды на себе волочили»), Тагилу, Туре, достигнув Епанчина (Туринского острога), затем Тобола (эта река «пришла с правые стороны и[с] степи»), плыли по Туре и Тавде (начинаясь у «Пелынского города», она впадает в Тобол за сто верст от Тобольска).

Кроме того, рассказывая об экспедиции Ермака, «слогатель» указал, что «к урочищу, именуется Абалак», есаул Брязга «с товарыщи» тронулись «Иртышем», а вверх по этой реке выступил «ратоборный» атаман в свой последний поход (ПСРЛ. Т. 36. С. 130-133). Уцелевшие сподвижники Ермака под началом И.В. Глухова, перезимовав, «на лето, как вода вскрылась», отправились «черес Каменью Собью рекою» и вышли «в Пустоозеро», а оттуда «к Руси» (Там же. С. 133-135. Ср.: С. 73, 74, 185; Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: История текста. СПб., 2004. С. 94, 107). Сообщая об этом, редактор оставил примечательную ремарку: «А куда ныне ходят черес Камень, тогда того пути не бывало».

Воевода И.А. Мансуров, появившийся в Сибири на следующий год после смерти Ермака, как узнаем из ПЛ, распорядился «поставить» городок на другой стороне Оби, «против иртышъскаго устья». Тобольск, по свидетельству редактора «Повести» Есипова, был возведен «усть речки Курдюмки, против мало пониже устья реки Тоболу, яко единыи версты на велице горе и красно велми» (ПСРЛ. Т. 36. С. 136. Ср.: С. 36, 76, 115) (утверждать подобно Е.К. Ромодановской, что в рассказе об основании Тобольска ПЛ, содержащий «поэтическое описание избранного» Д. Чулковым места, первичен относительно ЕЛ (Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подгот. Е.К. Ромодановская, О.Д. Журавель. Новосибирск, 2002. С. 368), не приходится; впечатления очевидца, ощутимые, на взгляд Р.Г. Скрынникова, в этом рассказе, могли дополнить не совсем внятные есиповские строки). Наконец, редактор памятника, считающегося в официальном сибирском летописании

первой половины XVII в. центральным, отметил, что Княжий луг, где охотились Сейдяк, Султан и Карача, — «яко за 2 поприща» от Тобольска, «позать того места», где «ныне Знаменской монастырь» (ПСРЛ. Т. 36. С. 136).

Как и предыдущее, это свидетельство следует приписать тоболяку, судя по другим добавлениям, внесенным им в текст «словес» Есипова, дворянину или сыну боярскому. Видимо, по служебным делам он бывал в Москве, где (в Посольском приказе) мог скопировать уникальные документы о «Сибирском взятии» и его предыстории, к примеру, «расспросные речи» сподвижников Ермака. Редактор ЕЛ, видимо, не раз проделавший путь из Тобольска в «царствующий град» и обратно, и зная (по словам А. Т. Шашкова, «отнюдь не понаслышке») географию Сибири, оставил заметки, важные для изучения перипетий знаменитой казачьей экспедиции и ранней русской колонизации «землиц» татарского юрта, в считанные годы превратившихся в «далечайшую вотчину» московских государей.

В.А. Старков (Киев, Украина)

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ИГРОВЫХ ЯВЛЕНИЙ В УКРАИНЕ В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Историческая культурная география, изучающая духовную и материальную культуру народа, безусловно является предметом изучения исторической географии и, естественно, такое явление как игровая культура может быть рассмотрена в ее рамках.

XIX и начало XX в. тем притягательны в изучении игровой культуры украинцев, что основной корпус сведений, которым мы ныне располагаем, был опубликован именно в этот период. Отдельные сведения по интересующей нас проблеме можно найти и ранее, но только в XIX в. произошли качественные изменения в степени их информатизации.

Поскольку такое сложное явление как игровая культура состоит из ряда элементов и, в первую очередь, из непосредственных игр различных поло-возрастных групп и игровых проявлений общественного и семейного быта, в нашем сообщении сосредоточимся только на источниках, описывающих непосредственные игры.

Привязка игровых явлений к определенной местности и степень их локализации во многом зависят от степени паспортизации данных источника. Если для начала XIX в. мы имеем лишь отрывочные сведения о локализации игровых явлений, основываясь на дополнительных исследованиях, связанных с личностью публикатора (Энеида на малороссийский язык перелицованная И. Котляревским. СПб., 1798 (сведения об играх украинцев рубежа XVIII-XIX вв.); Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. М., 1952. Т. 9 (сведения об играх второй половины 20-х гг. XIX в.) и др.)), то к 40-м гг. в публикациях стали появляться более конкретные сведения: параллельно с описанием указана локализация явления. Например, у Жеготы Паули, Константина Сементовского, Алексея Дмитрюкова и ряда других исследователей — это уезд (Pauli Ź.Ign. Pieśni ludu ruskiego w Galicyi. Lwów, 1839-1840. Т. 1-2; Сементовский К. Замечания о праздниках у малороссиян // Маяк. 1843. Т. XI; Дмитрюков А. Еще замечания о праздниках и поверьях у малороссиян // Маяк. 1844. Т. 13).

У Александра Терещенко в его «Быте русского народа» много (описания десятков игр) «украинского материала», но локализация одна — Малороссия (Терещенко А. Быт русского народа. М., 1848. Ч. 4). Михаил Максимович «В днях и месяцах украинского селянина» показывает разную степень локализации. У него — и Украина, и Днепровское побережье, и Бубновское городище и пр., но, в основном, это Киевщина (Максимович М. Дни и месяцы украинского селянина // Русская беседа. 1856).

Публикации 60-х гг. (Каленик Шейковский, Анатоль Свидницкий, Николай Маркевич, Иосиф Лозинский и др.) не сильно продвинулись в этом вопросе и степень локализации явления можно понять даже из названия публикации (Шейковський К. Быт Подолян. Киев, 1860. Т. 1, вып. 1-2; Свидницький А. Великдень у Подолян // Основа. 1861. № 10–12; Лозинский И. Галагивка // Зоря Галицька. 1860; Маркевич Н. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860).

В работе Павла Чубинского (Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной императорским Русским Географическим Обществом. СПб, 1872–1878. Т. 1-7) относительно локализации игровых явлений сообщения есть из всех украинских губерний. Составители «Трудов...» использовали кроме своих материалов и материалы предшественников и

поэтому сведения о локализации игр — разной степени: от населенного пункта до губернии.

Развитие науки, и этнографии, в частности, привели к тому, что публикации украинских игр стали полнее и сопровождались соответствующими сведениями и вступительными статьями. Характерными примерами этого служат, например, публикации 80-х годов Йозефы Мошинской (Kupajło, tudzież zabawy doroczne… // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. 1881. T. 5), С. Исаевича (Малорусские народные игры окрестностей Переяслава // Киевская старина. 1887. № 6-7) и Петра Иванова (Игры крестьянских детей в Купянском уезде. Харьков, 1890). Предисловие к первой написал Владимир Горленко, который коротко проанализировал известные публикации игр, а ко второй — Николай Сумцов, написавший два предисловия, в которых более детально рассмотрел историографию игр украинцев. Публикации этих игр отличались полнотой как описания, так и дополнительных сведений, в т. ч. и о локализации описаний, вплоть до населенных пунктов.

Публикации 90-х гг. и начала XX в. Василия Милорадовича (Народные обряды и песни Лубенского уезда, Полтавской губернии, записанные в 1888–1895 г. Харьков, 1897), Владимира Ястребова (Материалы по этнографии Новороссийского края. Одесса, 1894), Василия Иванова (Жизнь и творчество крестьян Харьковской губ.: Очерки по этнографии края. Харьков, 1898. Т. 1), Нины Заглады (Побут селянської дитини. Киев, 1929) и др. придерживались уже выработанных принципов указания локализации описанных игр.

В данном сообщении мы не затрагивали других интересных аспектов размещения игр (ареалов распространения каждой игры по территории Украины, датирования локализованных описаний и пр.).

А.М. Столяров (Зеленодольск)

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ РОССИИ В СИСТЕМЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Россия занимает первое место в мире по числу соседей. С нашей страной граничат восемнадцать государств. Кроме того, Россия обладает

одной из самых протяжённых границ. Причём во временном измерении она является «молодой» границей, так как появилась сравнительно недавно в результате распада СССР. Эти обстоятельства актуализируют, на наш взгляд, необходимость тщательного изучения в высшей школе истории формирования государственной границы России.

Актуальность обусловлена и тем, что ситуация с визуальным представлением изменений границы России в настоящее время проблематична. Данный аспект в текстах большинства современных вузовских учебников раскрывается либо поверхностно, либо вообще не затрагивается. Карты по истории России, вложенные в вузовские учебники, являются мелкомасштабными, что не позволяет детально проанализировать произошедшие изменения государственной границы России на отдельных её участках. Карты на сайтах Интернета низкого качества и в большинстве случаев воспроизводят карты из школьных атласов, для которых характерна условность, «приблизительность» изображения государственной границы России без точной соотнесённости её с географическими объектами. Кроме того, некоторые участки границы России в атласах иногда вообще не показаны. Самым «печальным» примером является граница России в Заполярье.

Ввиду этого необходимо издание либо приложения к университетскому учебнику в виде сборника исторических карт, либо атласа по истории России для студентов высших учебных заведений. Желательно, чтобы в нём изменениям государственной границы России был бы посвящён отдельный раздел, включающий карты крупного масштаба. При этом можно разделить границу на несколько участков в соответствии с направлениями внешней политики России. После чего можно зафиксировать изменения границы на региональном уровне на протяжении длительного временного этапа с момента возникновения пограничных споров до окончательного их урегулирования.

Кроме того, в связи с выделением в современной политической географии таких понятий как «критическая граница» (соответствует общепринятому выражению «сфера влияния») и «неконтролируемая территория», соответствующие изменения могут быть внесены и в исторические карты. Например, можно выделить границы сфер влияния России в различные периоды её истории. Ярким примером здесь является герцогство Курляндия, которое на большинстве карт по истории России обозначается в составе Речи Посполитой вплоть до третьего её раздела. Хотя ещё в правление Петра I оно вошло в сферу влияния Российской

империи, в целях обеспечения стратегической безопасности для внешней торговли России с Европой через Ригу. Значительные по площади районы России в её историческом прошлом можно отнести и к неконтролируемым территориям, отобразив соответствующие данные на картах. Особенно это касается южных районов Российского царства в XVI веке, а именно степей в бассейнах рек Маныч и Кума. Этот район на картах неизменно обозначается как российская территория, но в нём без разрешения российских властей часто кочевали калмыки, ногаи, кумыки, крымские татары.

Поскольку изменения границ происходили чаще всего в результате войн, постольку можно было бы зафиксировать на исторических картах не только окончательные послевоенные границы России, но и её территориальные претензии к своим соседям накануне войны и в ходе мирных переговоров на съездах и конгрессах в период её окончания. Речь, в сущности, идёт об отображении на картах предполагавшихся, но так и не состоявшихся изменений границы России. Иллюстрацией к сказанному здесь служит намеченная перед вступлением России в Семилетнюю войну передача Восточной Пруссии Польше в обмен на получение Россией герцогства Курляндии и восточных окраин Речи Посполитой до природных рубежей по рекам Западной Двине и Днепру.

Особое внимание можно уделить изменениям тех внутренних территориально-административных границ России, которые впоследствии стали государственной границей. Показательным «негативным» примером является передача в состав Великого княжества Финляндского территории Выборгской губернии по Манифесту императора Александра I в 1811 году, из-за чего впоследствии граница ставшей с 1917 года независимой Финляндии приблизилась к Петрограду почти на 200 км. Другим ярким примером является делимитация административных границ между РСФСР и союзными республиками в период существования СССР, распад которого повысил статус этих границ до уровня государственных.

Наконец, в связи с выходом районов добычи полезных ископаемых в Мировой океан актуально отображение на исторических картах морских границ России, например, российской части акватории Каспийского моря и более детальное изображение границы России с Норвегией в шельфовой зоне Баренцева моря.

Отмеченные возможности для совершенствования содержания исторических карт, к сожалению, могут остаться нереализованными в свя-

зи с тем, что по государственному стандарту третьего поколения необходимость обязательного изучения исторической географии России не закреплена на федеральном уровне, а определяется руководством факультета. Это отнюдь не гарантирует включения исторической географии России в базовый перечень дисциплин. Следовательно, появление атласа по истории России именно для студентов высших учебных заведений может быть отложено на неопределённый срок.

Л.Б. Сукина (Переславль-Залесский)

М.И. СМИРНОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ ПЕРЕСЛАВСКОЙ ЯМСКОЙ ДОРОГИ

История путей сообщения — один из важнейших дисциплинарных разделов исторической географии. Коммуникации во многом определяют уровень экономического, политического, социального и культурного развития страны в ту или иную историческую эпоху.

Наверное, нельзя не согласиться с мнением современного исследователя, что возникновение и развитие Московского государства во многом стало возможным благодаря появлению сети водных и сухопутных дорог (Рожков В.Н. Старая Можайская дорога // Вопросы истории. 2010. № 4. С. 142). Но история этих дорог до сих пор редко становится предметом специального исследования. Некоторые из изданных единичных работ, посвященных данной проблематике, фактически выпали из поля зрения историков в силу того, что были опубликованы в региональных малотиражных изданиях и практически неизвестны широкому кругу специалистов. К таковым относится статья М.И. Смирнова о Переславской ямской дороге, увидевшая свет в 1919 г. в одном из выпусков «Докладов Переславль-Залесского научно-просветительного общества» (Смирнов М.И. Переславская ямская дорога (К истории путей сообщения Московской Руси) // Доклады ПЕЗАНПРОБ. Переславль-Залесский, 1919. Вып. 6. С. 1 9).

Михаил Иванович Смирнов — профессиональный историк, создатель и первый директор Переславль-Залесского историко-художественного музея. Историческая география была одной из сфер его многосторонней и чрезвычайно активной и плодотворной исследовательской деятельности. Проблемам исторической геогра-

фии Переславля и Переславского уезда он в той или иной степени уделял внимание почти в каждой из своих работ.

Особенностью Переславля-Залесского, изучению истории которого М.И. Смирнов посвятил значительную часть жизни, является его расположение на одной из древнейших и важнейших сухопутных артерий, связывающих центр Северо-Восточной Руси с Верхней Волгой, северными заволжскими территориями, а в дальнейшем и Поморьем. Во времена татаро-монгольского ига этим путем пользовались московские и тверские князья для поездок в Орду, а с конца XV в. до эпохи петровских преобразований включительно это была государева Северная Московская дорога, соединявшая столицу Русского государства с Белым морем.

До М.И. Смирнова прошлым Переславской ямской дороги интересовались только образованные путешественники, собиравшие исторический материал для использования его в своих путевых заметках («Описание поездки в Белозерский монастырь» С.П. Шевырева; «Журнал пешеходцев от Москвы до Ростова и обратно в Москву» М.Н. Макарова; «От Ростова Ярославского до Переславля-Залесского» А. Каово (А.А. Титова)). Но в своей работе он даже не упоминает эти сочинения, носившие характер литературных травелогов. Интерес М.И. Смирнова к Переславской дороге был, скорее всего, сформирован хорошо знакомыми ему трудами Н.И. Костомарова, Ю.В. Готье, А.С. Лаппо-Данилевского, в которых затрагивалась проблемы торговых путей Московского государства, книгами И.Я. Гурлянда о ямской гоньбе, на которые он постоянно ссылался.

Исследование М.И. Смирнова основывается на изучении значительного количества опубликованных и неопубликованных источников (в основном, грамот из собрания МАМЮ и архива переславского Никитского монастыря). Большая часть статьи посвящена реконструкции «Переславского участка» Северной Московской дороги в XV XVII вв., учитывающей топографические, экономические и социокультурные аспекты.

В качестве Переславской дороги М.И. Смирнов рассматривает путь от Троице-Сергиева монастыря до границы Переславского и Ростовского уездов, указывая при этом на тот факт, что ямская слобода в Москве, обслуживавшая это направление, носила название Переславской. Особенности существования и эксплуатации дороги были обусловлены ее принадлежностью к «государственным путям сообщения». На участке от Троице-Сергиева монастыря до Переславля-Залесского дорога разделялась на два

рукава: один путь шел от Троицы к городу напрямую (Переславская дорога), другой — через государеву Александрову слободу (Слободская дорога). На выезде из Переславля от основного пути ответвлялась дорога на Углич. Историко-топографическое описание Слободской и Угличской дорог, сделанное М.И. Смирновым позволяет понять специфику топографии самого Переславля-Залесского и его пригородных монастырей.

В статье рассмотрена система мер, предпринимавшихся государством для поддержания дороги в проезжем состоянии, а также охарактеризовано неоднозначное отношение к «государственному пути» вотчинников и помещиков, чьи земли он пересекал. М.И. Смирнову удалось установить расположение на дороге мостов и перевозов через реки, а также выявить их собственников и откупщиков, показать роль переславского Никитского и московского Симонова монастырей в обслуживании переправ.

Особое внимание в работе уделено истории ямской гоньбы на Переславском участке. Были выделены населенные пункты, где в разное время на протяжении XVI XVII вв. находились ямы. М.И. Смирнов дает историко-топографическое описание ямских пунктов Стогово, Яма Бгонского, Пердобаски, Дубны, Яма, Рогозининской слободы. Наиболее подробно описывается расположение и история Переславской Ямской слободы, в которой был «съезжий двор», построенный силами Переславского и Ростовского уездов. Ямская слобода с семидесятью дворами ямских охотников занимала главное место среди ямов Залесья.

Хорошо фундированная, содержащая множество точных топографических наблюдений и интересных подробностей жизни людей возле «осударевой дороги» работа М.И. Смирнова и ныне не утратила своего научного значения.

И.Е. Суриков (Москва)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ОНОМАСТИКА: О ПОЛЬЗЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗ АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ)

Специальные (вспомогательные) исторические дисциплины представляют собой не механическую совокупность, а единый комплекс; со-

ответственно, наиболее эффективной работа с их данными будет при их согласованном использовании, когда выводы, достигнутые в одной дисциплине, помогают решить какие-то проблемы другой и vice versa. Этот тезис вполне тривиален, но от того не становится менее верным. На словах с ним согласятся, наверное, все, но в реальной жизни он не всегда учитывается в полной мере; нередки случаи, когда в различных специальных исторических дисциплинах исследования идут изолированно друг от друга. Среди тех, кто своей работой являл прекрасный образец синтеза этих дисциплин, – безвременно покинувший нас А.А. Молчанов.

Не желая говорить в отвлеченных тонах, мы в данном докладе проиллюстрируем высказанные соображения вполне конкретным примером. Одной из интересных историко-географических проблем, связанных с греческим миром классической эпохи, является маршрут экспедиции Перикла в Понт Евксинский (ок. 437–436 гг. до н.э.). Большинство ученых считает, что афинская эскадра побывала не только у южных берегов Черного моря (Plut. Pericl. 20), но также и у северных. Нам эта точка зрения тоже представляется правильной. Однако, строго говоря, она не основывается на прямых свидетельствах нарративной традиции, а до сих пор являлась плодом логических умозаключений, порой косвенных, что и придавало ей некоторую уязвимость. Здесь мы покажем, как с помощью привлечения ономастических данных удается поставить решение проблемы на несравненно более прочную основу (приводимые здесь соображения ранее никем еще не высказывались).

Классическая греческая антропонимика – сложный, но отнюдь не хаотичный комплекс, в рамках которого действовали определенные, достаточно строгие закономерности. Часть этих закономерностей в целом ясна, часть пока остается в тени, но, во всяком случае, можно уверенно говорить, что произвольность имянаречения была минимальной; в большинстве случаев к моменту, когда ребенок рождался, было уже фактически запрограммировано, как он будет назван.

Помимо отражения в ономастиконе родственных и матримониальных связей, особо подчеркнем момент, который в контексте настоящей работы наиболее важен: ономастические последствия отношений ксении – столь распространенной в греческом мире ритуальной дружбы-гостеприимства между гражданами различных полисов. Часто грек называл сына в честь своего ксена, и таким образом имена, употребительные в одном полисе, «перекочевывали» в дру-

гой (Herman G. Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // Classical Quarterly. 1990. Vol. 40. No. 2).

В свете данного обстоятельства укажем на следующий факт. Среди видных участников понтийской экспедиции Перикла был полководец Ламах. Судя по всему, он с тех пор считался в Афинах одним из главных экспертов по «понтийским делам». Во всяком случае, впоследствии, когда афиняне проводили едва ли единственную за время Пелопоннесской войны операцию в Черном море, руководство было поручено именно Ламаху (Thuc. IV. 75).

Теперь отметим, что в южнопонтийской Синопе – а там флот Перикла (и в его составе Ламах) побывал совершенно точно, об этом сообщают источники, – в IV–III вв. до н.э. фиксируются носители ЛИ Ламах (Федосеев Н.Ф. Археологические свидетельства об афинской клерухии в Синопе // ВДИ. 2003. № 3). Это никак не может быть случайностью, и интересующие нас лица являлись, несомненно, потомками синопских ксенов афинского стратега.

Рассмотрим на тот же предмет ономастический материал из Северного Причерноморья. Задача облегчается тем, что недавно этот материал сведен воедино в вышедшем в 2005 г. 4-м томе известного компендиума «Lexicon of Greek Personal Names» (далее – LGPN IV).

Выясняется, что в северопонтийском регионе имя Ламах засвидетельствовано в двух центрах – Пантикапее и Херсонесе Таврическом (LGPN IV, p. 206). Лица, его носившие (в тех случаях, когда датировка возможна), жили в довольно позднее время (I в. до н.э. – II в. н.э.), но это не слишком принципиально, поскольку, повторим, механизмы имянаречения были весьма четкими и устойчивыми. Появляется возможность сделать вывод о том, что Ламах побывал в названных городах и обзавелся там ксенами – а те дали своим детям его имя. Единственным реально допустимым контекстом его визита туда является понтийская экспедиция Перикла.

Приведем еще некоторые релевантные данные. Типично афинским было ЛИ Мегакл, употреблявшееся практически исключительно в среде знаменитого рода Алкмеонидов – того самого, к которому по материнской линии принадлежал сам Перикл. Носители этого имени зафиксированы в Северном Причерноморье также в двух центрах (LGPN IV, p. 225): в боспорском Нимфее – особые отношения этого города с Афинами прекрасно известны – и в том же Херсонесе. Есть их тезки и в Западном Причерноморье: в Аполлонии

Понтийской и Месембрии. Время жизни всех этих лиц – достаточно раннее (IV–III вв. до н.э.). Вся эта «цепочка» весьма удачно соответствует реконструкции маршрута плавания Перикла, предложенной нами в свое время (Суриков И.Е. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2).

В Афинах носителем рассматриваемого имени в интересующую нас эпоху был современник и родственник (двоюродный брат) Перикла – Алкмеонид Мегакл, сын Мегакла, неоднократно занимавший достаточно высокие полисные должности. Похоже, он принял участие в понтийской экспедиции и в ее ходе приобрел ксенов в ряде городов.

Из понтийских же Мегаклов наиболее интересен нимфейский. Его сын, живший при Левконе I, носил имя Теопропид, родственное имени Теопроп, а это последнее принадлежало брату синопского тирана Тимесилея, свергнутому известным нам Ламахом. Данный ономастический факт вносит чрезвычайно интересные и парадоксальные нюансы, но в рамках кратких тезисов они уже не могут быть рассмотрены.

Подведем итоги. Привлечение ономастического материала для решения историко-географических проблем в данном случае дает следующие, весьма весомые результаты:

1. Появляется возможность твердо и уверенно (а не гадательно, как раньше) утверждать, что флот Перикла посетил Северное Причерноморье.

2. Подтверждается афинское присутствие в Нимфее.

3. Можно наконец поставить точки над i в многолетнем споре о времени основания Херсонеса Таврического и окончательно отвергнуть авторитетную в прошлом датировку этого события 422/421 г. до н.э. Как видим из вышеизложенного, на момент понтийской экспедиции Перикла Херсонес уже существовал.

И самое последнее. Интересно, что в Северном Причерноморье не встречается ЛИ Перикл. Судя по всему, лидер Афин и командующий экспедицией на ее протяжении воздерживался от установления ксенических контактов. Это согласуется с известием, согласно которому Перикл, достигнув власти, сознательно избрал строгий, замкнутый образ жизни, чуждался друзей (Plut. Pericl. 7).

С.А. Сухинин (Ростов-на-Дону),
В.Г. Фоменко (Тирасполь, Молдавия)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПРИДНЕСТРОВЬЯ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ НОВОЙ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Согласно В.К. Яцунскому, «задачей исторической географии должно быть изучение и описание географической стороны исторического процесса». Для любого региона историко-географическое исследование строится по общей схеме включающей:

1) природный ландшафт («вмещающий ландшафт») данной эпохи, который рассматривает историческая физическая география;

2) население с точки зрения его народности, размещения и передвижения по территории;

3) география производства и хозяйственных связей, т. е. историческая экономическая география;

4) география «политических границ», а также важнейших политических событий».

Исследования территории Приднестровского региона республики Молдова, который вот уже на протяжении 20 лет, в силу произошедших здесь в 1990-х гг. общественно-политических событий, имеет самостоятельное развитие, позволяют выявить ряд присущих ему историко-географических особенностей эволюции. Среди них можно выделить следующие этапы:

1. Кочевая скотоводческая система природопользования в XIV-XVII вв. и интенсивно земледельческая – в XVIII-XIX вв., возникшие благодаря холмисто-равнинному рельефу, умеренно-континетальному климату, гидрографической сети бассейна р. Днестр и плодородных черноземных почв.

2. Начало заселения и хозяйственного освоения края в составе Российской империи. Закладка крепости Срединная и городов Тирасполь, Бендеры, Дубоссары (Новые) и Григориополь в 1792 г. Начало колонизации Приднестровья, появление украинских, молдавских, немецких, армянских, болгарских поселений способствовало интенсивному заселению края. К 1812 г. численность населения Бессарабии составила около 300 тыс. чел., а приднестровских районов Подольской и Херсонской губерний – около 100 тыс. чел.

3. Формирование общинного, помещичьего, монастырского землевладения. Зарождение сельскохозяйственной специализации Верхнего (Подольская губерния) и Нижнего (Херсонская губерния) Приднестровья. Развитие землепашества, садоводства, виноградарства, огородничества, табаководства, шелководства, скотоводства, свиноводства, коневодства и овцеводства в переселенческих колониях.

4. Формирование основных отраслей промышленного и ремесленного производства: добывающая, свечная, мыловаренная, табачная, мукомольная, консервная, сахарная, винокуренная, шерстомойная, кожевенно-обувная, лесопильная, металлообрабатывающая, кирпично-черепичная промышленности. Концентрация промышленного и ремесленного производства в городах и местечках. Развитие местной промышленности.

5. Формирование транспортной сети региона, основу которой составили судоходство по Днестру, строительство железных дорог, почтовые тракты, а позднее - шоссейные дороги.

6. Развитие транзитной и посреднической торговли зерном, вином, табачным листом, сахаром, кожевенными изделиями, лесом, рыбой, медом привело к появлению торговых местечек (Рашково, Рыбница, Ягорлык) и городских ярмарок (Среднепостная, Вознесенская и Покровская в Тирасполе; Майская и Покровская в Бендерах; Успенская и Лукинская в Дубоссарах), базаров, магазинов, лавок, коробейной торговли.

Тезисно представим изменение «геоисторического полотна» вокруг Приднестровья за последние пять столетий.

1. Геополитические сдвиги в Днепровско-Днестровском междуречье в XVII в., когда территория Приднестровья оказалась в сфере интересов Польши, Турции и России. Переяславская рада, Андрусовское перемирие и Бучачский мир (1672 г.). Разорение Днепровско-Днестровского междуречья Турцией в 1672-1699 гг. Карловицкий мир (1699 г.). Бендерская райя. Раздел территории Приднестровья по р. Ягорлык между Османской империей (Едисан, Дубассарский каймакан) и Речью Посполитой (Подолия, Брацлавское воеводство).

2. Приднестровье в событиях Северной войны. Полтавская битва и ее последствия для Правобережной Украины. Приднестровье в период Прутского похода Петра I (1711 г.). Борьба Турции и России за Северное Причерноморье. Белградский мир 1739 г. Запорожская Сечь как база борьбы с Крымским ханством и Турцией. Походы запорожцев под Бендеры.

3. Геополитическая обстановка в Северо-Западном Причерноморье на рубеже XVIII—XIX вв. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. — присоединение междуречья Днепра и Южного Буга. Присоединение Крымского ханства в 1783 г., междуречья Южного Буга и Днестра в 1791 г.

4. Территории Правобережной Украины (Поднепровье) и Подолии (земли к северу от р. Ягорлык) включены в состав Российской империи по Второму разделу Речи Посполитой 1793 г.

5. Русско-турецкая война 1806-1812 гг. Восточная Молдавия (Бессарабия, Буждак, Восточная Буковина) присоединена к России по Бухарестскому миру 1812 г.

6. Оккупация Бессарабии Королевской Румынией 1918 г. Образование Молдавской АССР 1924 г. из части территории Балтского и Одесского округов Одесской губернии и Тульчинского округа Подольской губернии в составе Украинской ССР.

7. В 1940 г. была образована Молдавская ССР. В новосозданную республику вошла часть Бессарабии и 6 районов МАССР (Приднестровье), остальные 5 районов вошли в состав Украинской ССР. В годы Второй мировой войны Молдавия и левобережье Днестра были заняты румынскими войсками, на территории МССР и Аккерманской области образовано Бессарабское губернаторство, а на территории бывшей МАССР — Транснистрия.

8. В 1944 г. Молдавия и часть Украины вновь вернулись в состав Советского Союза. В период с 1944 по 1990 г. Приднестровье входило в состав МССР в качестве промышленно наиболее развитого региона.

9. В 1990 г. Приднестровье провозглашает свою экономическую и политическую независимость от Молдовы – образована Приднестровская Молдавская Республика. Эскалация противостояния между ПМР и Молдовой вылилась в агрессию последней против Приднестровья в 1992 г. На протяжении 20 лет сохраняется международно непризнанный статус ПМР. Современное геополитическое положение ПМР определяется столкновением интересов России, Украины, Молдовы и Евросоюза.

Исходя из выше изложенного, отметим тот факт, что географические аспекты развития исторической обстановки и проявления отдельных событий в Приднестровском регионе и вокруг него предельно локализованы, проблемная ситуация находится в стадии «замороженного конфликта», геоисторическое состояние региона остается неопределенным с постоянно растущими социально-экономическими издержками.

С.С. Сухорученко (Москва)

СОЦИАЛЬНЫЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СОСТАВ ВКЛАДЧИКОВ СУПРАСЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ XVI-XVII ВВ.

Супрасльский монастырь был основан А.И. Ходкевичем в 1498 г. в Грудеке. В 1500 г. монахи выбрали новое более уединенное место для постройки обители. В начале XVI в. был принят устав монастыря, началось строительство каменных церквей. Наибольший расцвет Супрасльский монастырь переживал в середине XVI в., когда во главе его стоял архимандрит Сергий Кимбар, с того времени монастырь стал называться лаврой. В конце XIX в. ее истории посвятил свое исследование архимандрит Николай (Николай (Далматов). Супрасльский Благовещенский монастырь. СПб., 1892). В его историко-статистическом описании освещается история монастыря с момента основания до времени составления труда. Следует отметить исследование Л.Л. Щавинской, посвященное книжным собраниям Супрасльской библиотеки (Щавинская Л.Л. Литературная культура белорусов Подляшья. Минск, 1996).

В конце XVI в. Супрасльский монастырь стал своеобразным символом сопротивления принятия унии в Великом княжестве Литовском и был самым западным оплотом православия. Отчасти ему удавалось быть таковым благодаря ктиторам — Ходкевичи довольно долгое время оставались верны православию. Но затем они постепенно перешли в униатство, и в итоге, в униатство в 1609 г. был вынужден перейти и монастырь.

В связи с этим актуален вопрос об авторитете и влиянии монастыря как центра православной культуры, о его деятельности в столь негативном для себя окружении, а также о его положении уже после принятия унии. Важной задачей является определение социального и географического состава вкладчиков монастыря, зафиксированных в синодике и актовых материалах. В поминальных записях могут раскрываться сведения о социальном статусе, должностях, титулах вкладчиков, а также об их территориальном происхождении. Используя эти данные, можно проследить направления распространения влияния монастыря, а также динамику развития или деградации этого влияния.

Поминальная часть Супрасльского синодика открывается записями о поминаниях киевских митрополитов, смоленских епископов. Их поминание объясняется тем, что первые монахи Супрасльского монастыря

пришли из Киева, а один из основателей и ктиторов Иосиф Солтан был, собственно, смоленским епископом. Затем идет поминание игуменов, архимандритов и братии монастыря, родов ктиторов: Ходкевичей, Солтанов. Поминание непосредственно вкладчиков начинается с различных княжеских родов, таких как Друцкие-Горские, Слуцкие, Острожские и др. Здесь следует отметить, что поминание известных княжеских родов характерно для начала-середины XVI в., в записях примерно с конца XVI в. и до 1631 г., когда синодик был переписан, вкладчики с титулом князя отсутствуют. Всего же среди вкладчиков 12 князей. Примерно в том же количестве в синодике представлено духовенство. Встречается несколько урядников, бурмистров, воевод.

В синодике присутствует немного указаний на социальный состав вкладчиков, однако, чаще можно встретить указания на населенные пункты и области, откуда они происходили. Тем самым можно более определенно говорить о географии влияния Супрасльского монастыря. Возможно выделить несколько направлений такого влияния.

В первую очередь это Бельск — судя по записям в помяннике количество выходцев из Бельска (18 вкладчиков) существенно преобладает над выходцами из остальных городов. Можно выделить «белорусское» направление — в синодике часто встречаются указания на такие города, как: Слоним (3 вкладчика), Пинск (2), Слуцк (2), Минск (1), Могилев (1). Отдельно отмечается Заблудов (6) — место в 30 км от Супрасля, где Г.А. Ходкевичем была организована типография. Гораздо реже упоминаются Вильна (3), Смоленск (2). Одним вкладчиком представлены Киев, Псков, Нарва, Рязань. Среди указаний о месте происхождения часто встречаются различные села, либо принадлежащие монастырю, либо находящиеся в близости от него. В записях XVII в. характерны указания на населенные пункты в радиусе 50-60 км от Супрасля, в основном польские.

Видно, насколько была известна и, вероятно, влиятельна Супрасльская лавра — некоторые населенные пункты находятся в отдалении от обители, а иные и вне пределов Великого княжества Литовского. Самые далекие из них: Киев, Псков, Смоленск находятся примерно в 600 километрах от Супрасля; Нарва — в 750 км; Рязань — в 1080 км. Жители этих городов налаживали связи с Супрасльским монастырем несмотря на то, что у них были местные, весьма почитаемые святыни.

В XVI в. Супрасльский монастырь переживал, вероятно, свои лучшие времена. Это можно заметить и по социальному составу вкладчи-

ков. После того, как уже многие приняли унию, было трудно рассчитывать на поддержку влиятельных родов, а тем более когда униатство принимали представители рода Ходкевичей — ктиторов Супрасльского монастыря. Возможно, это отчасти и являлось причиной, по которой монастырю пришлось в итоге тоже принять унию.

Н.С. Тархова (Москва)

К ИСТОРИИ ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОГО ДЕЛЕНИЯ РОССИИ

В России система военных округов была введена в период милютинских реформ русской армии, проводившихся в 1860-1870-х гг. С тех пор на протяжении почти 150 лет, основу военно-административного деления (ВАД) России составляет военный округ (ВО). Число округов не было постоянным, так как ВАД России изменялось множество раз. Причинами тому были как политические изменения на территории России в 1917-1918 гг. и 1991 г., так и войны 1914-1918 гг., 1918-1920 гг. и 1941-1945 гг. Не последнюю роль в изменении ВАД имели военные реформы и реорганизации, которых было немало в истории военного строительства советских и пришедших им на смену российских вооруженных сил. Неизменным оставалось отношение к понятию военного округа, заложенного в период милютинских реформ.

Первоначально, в виде эксперимента, в 1862 г. было образовано четыре ВО — Варшавский, Виленский, Киевский, Одесский; в 1864 г. к ним прибавлены еще пять ВО — Финляндский, Петербургский, Рижский, Московский, Харьковский; в 1865 г. появились новые четыре ВО — Казанский, Оренбургский, Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский; в 1867 г. к ним добавился Туркестанский ВО. В 1880-х гг. происходили дальнейшие поиски, при этом особое внимание было уделено регионам Сибири и Дальнего Востока. К 1914 г. в России имелось 12 ВО. Начало мировой войны внесло изменения в ВАД России — Петербургский ВО был переименован в Петроградский; два ВО были ликвидированы — Варшавский и Виленский;

были образованы два новых ВО — Двинский и Минский (Военная энциклопедия: В 8 т. М., 1994. Т. 2. С. 199).

Октябрьская революция 1917 г. изменила всю систему власти в России. Весной 1918 г. было введено новое ВАД Советской России. За 70 лет существования СССР военно-окружная система неоднократно менялась в зависимости от исторического периода и задач обороны страны. Приведем лишь некоторые примеры и показатели этого процесса.

1918-1920 г. В марте 1918 г. на территории европейской части России были учреждены шесть новых ВО (приказ Высшего военного совета от 31 марта), одновременно ликвидированы старые ВО и военно-окружные управления; в мае того же года объявлено новое ВАД (декрет СНК от 4 мая) и образовано еще пять ВО; осенью — еще два ВО. Однако военная обстановка корректировала принятые решения. Из-за развернувшихся военных действий формирование ряда округов было приостановлено, как например, в Сибири. В итоге к концу 1918 г. в Советской России имелось 7 из 13 ВО, объявленных де-юре. Условия гражданской войны, когда театр военных действий постоянно менялся, вносили изменения в ВАД страны. Одни округа расформировывались, другие, будучи прифронтовыми, временно входили в оперативное подчинение фронтовому командованию, третьи объединялись с полевыми военными органами. Всего за годы войны (1918-1920) было сформировано более 20 военно-окружных управлений и штабов, а в ряды Красной армии было призвано 4 млн 449 тыс. человек, ставших солдатами и защитниками новой России (Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док.: В 4 т. М., 1978. Т. 4. С. 277). После окончания войны началось упорядочение ВАД.

1923 г. В СССР имелось шесть ВО — Московский, Петроградский (позднее — Ленинградский), Приволжский, Западно-Сибирский, Северо-Кавказский и Украинский. На правах округа действовали Западный и Туркестанский фронты, на территории Закавказья — Кавказская Краснознаменная армия.

1930 г. В СССР имелось восемь ВО. К прежним шести добавилось два новых ВО, образованных на базе упраздненных фронтов, — Западный (1924) и Средне-Азиатский (1926). Два округа были переименованы, получив в 1926 г. новые названия — Белорусский, Сибирский. На правах округа действовали две армии — Кавказская

краснознаменная армия (ККА) и Отдельная Краснознаменная Дальневосточная армия (ОКДВА), а также Краевой военный комиссариат Казакской АССР.

1935-1941 гг. В этот период произошли значительные изменения в сети военных округов: часть из них была разукрупнена и преобразована, созданы новые округа. Так, в 1935 г. — новые шесть ВО: Дальневосточный, Забайкальский, Закавказский, Уральский; Киевский и Харьковский; в предвоенные годы — еще пять ВО: Архангельский, Калининский, Одесский, Орловский, Прибалтийский. Три приграничных ВО получили наименование «особых»: Западный (бывший Белорусский), Киевский, Прибалтийский. В июле 1938 г. Дальневосточный ВО был преобразован в Дальневосточный фронт. К началу Великой Отечественной войны в СССР имелось 18 ВО и одно фронтовое объединение.

После окончания войны и преобразования фронтов в военные округа в СССР в течении 1945-1946 гг. имелось 32 ВО. По мере возвращения к мирной жизни их количество сокращалось и в 1950-х гг. территория страны была поделена на 22 ВО. В 1985 г. в СССР имелось 16 ВО (Военный энциклопедический словарь. М., 1986. С. 146).

С распадом СССР в 1991 г. количество ВО резко сократилось. Ряд бывших союзных республик приобрели статус независимых государств и находящиеся на их территориях ВО были упразднены. В 1998 г. на территории РФ имелось семь ВО: ЛВО, МВО, СКВО, ПриВО, УрВО, СибВО, ДальВО и Калининградский особый район. В 2001 г. два округа были объединены в один — Приволжско-Уральский.

Осенью 2010 г. в военно-административном делении РФ произошли новые изменения. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 20 сентября 2010 г. № 1144 число ВО было сокращено. Проведение организационных мероприятий предусматривалось в два этапа: 1-й — с 1 сентября, 2-й — с 1 декабря. Первый этап предусматривал переход к пяти ВО — Западный (преобразованы бывшие ЛВО и МВО), Северо-Кавказский, Приволжско-Уральский, Сибирский и Дальневосточный. Второй этап предусматривал переход к четырем ВО — Западный, Южный (на базе быв. СКВО), Центральный (на базе бывшего Приволжско-Уральского) и Восточный (преобразованы СибВО и ДальВО). Указ Президента

подвел черту под проходившими в последние десятилетия изменениями ВАД РФ. При сокращении ВО и радикальном изменении их наименования и территориального состава была сохранена система военно-окружного управления.

Н.В. Терентьева (Тверь)

О ТРАКТОВКЕ СИМВОЛОВ ГЕРБА И ФЛАГА БЕЖЕЦКОГО РАЙОНА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Герб и флаг Бежецкого района Тверской области утверждены 27 июля 1999 г. (Государственный геральдический регистр РФ № 555, 556). Автор проекта – В.И. Лавренов. Композиция герба, повторяющаяся на флаге, такова: «В червленом поле зеленый с черными стеблями с плодами в цвет поля, тонко окаймленный серебром малиновый куст, растущий на золотой оконечности, обремененной тремя лазоревыми, с золотой сердцевиной цветками льна и окаймленный зеленью, и сопровождаемый во главе серебряной, с горностаевой опушкой и червленой, с золотыми складками, княжеской шапкой между двух летящих к ней с воздетыми крыльями золотых голубей». (Лавренов В.И. Муниципальная символика Бежецкого района Тверской области. Тверь, 2000. С. 11).

Композиция включает символы из гербов Бежецка 1780 и 1862 гг., и неутвержденного 1970 г. и новые элементы, отражающие, по мнению автора, факты местной истории. Так изображения голубей должны напоминать «о чеканке собственной монеты в Бежецком Верхе», и потому еще помещены в герб, что «эти изображения в утраченных рукописях конца XVIII – XIX вв. нередко называли старинным гербом Бежецка». (Там же. С. 12). С 1434 г. Бежецкий Верх стал частью удела Дмитрия Юрьевича Красного, при котором, якобы, в Городецко (с 1766 г.- г. Бежецк) и чеканилась «монета с изображением голубя, который может считаться первым геральдическим символом Бежецкого Верха». Существует и реконструкция монеты «Пул Бежецкий» середины XV в. (Там же. С. 3.) Но чеканилась ли она в действительности?

О находке «бежецких» денег сообщает «Книга записная достопамятным вещам различным от Бежецкой воевоцкого правления канцелярии Петра Воинова 1751 г.» (известна как «Хронологион» П.К. Воинова). Выдержки из нее опубликованы в 1881 г. Н.А. Поповым (Попов Н.А. Исторические заметки о Бежецком Верхе XVII и XVIII вв. // ЧОИДР. 1881. Кн. 3. Отд. 3. С. 12). В публикации описания «старинного бежецкого герба и монет» сокращены. Об этом известно из черновика неопубликованной статьи известного тверского нумизмата М.В. Рубцова «Бежецкие деньги» 1922 г. В ней описания процитированы по оригиналу, в 1920-х гг. еще хранившемуся в Тверском музее: «О гербе же княжем Бежецкого Верха нецыи поведуют: яко некогда, недавно, обретаемы были полушки сребряные чистаго сребра, великостию с копейки крупныя, сребреныя или алтынники сицевую надпись на себе имущия: «с одну сторону сверху тако: пуло бежецк пуло (такие два рисунка находятся в тексте рукописи записок); з другую же сторону вид голубя некоего с крылами являюще единоглавого, которыя и хранимы бывали у некиих. Сказуют же и погоста Бежиц жители, где старый город Бежецк был, тамо в осыпи градской пашущий человец землю временем находили на пашне (знамо сохами выворачивалось) копейки крупныя, сребреныя, знамо сохами они вырывались». М.В. Рубцов скопировал и рисунки монет, о которых даже не упомянул Н.А. Попов (Тверской государственный объединенный музей (далее ТГОМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 22. Л. 2).

В 1901 г. в Тверской ученой архивной комиссии М.В. Рубцов сделал доклад о рукописи начала XIX в., являющейся, «вторым указанием на существование Бежецких княжеских монет, доселе считающихся неизвестными нумизматам,» – хранящейся в Тверском музее «Выписке из древних достопамятных происшествий относительно города Бежецка, собранных из переходящих из рода в род и разных древних летописцев и новых книг в ответ на первый пункт ведомостям» (Журнал 82-го заседания ТУАК 28 апреля 1901 г. Тверь, 1901. С. 9-11). Рукопись сообщает, что при Дмитрии Юрьевиче Красном «чеканилась в Бежецке серебряная тогдашняго времени монета – копеечка с надписью на одной стороне, а на другой – летящий голубь, у которого в одной ноге веточка с листьями. Таковая монета неоднократно была нахаживаема жителями Бежецка случайно в земле» (Архив ТГОМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Л. 3об.).

В 1903 г., проанализировав оба свидетельства, А.В. Орешников согласился, что оба «имеют много общего при описании внешнего вида бежецких монет… позднее дает лишние подробности – листья в ногах

голубя, из чего можно заключить, что автор позднейшей рукописи не пользовался ранней». «Что на месте старого Бежецка находили какие-то монеты с голубем – факт, в котором можно не сомневаться, – пишет он, – возможности существования бежецких монет отрицать нельзя» (Орешников А.В. Бежецкие монеты // Труды Московского нумизматического об-ва. 1903. Т. III. Вып. 1. С. 6-9).

В 1922 г. Рубцов уже считал, что «Хронологион» П.К. Воинова и рукопись начала XIX в. повествуют об одном и том же случае обнаружения «бежецких денег»: «Естественно, что с течением времени к первоначальному описанию денег, в устах позднейшего ея описания прибавились подробности, которые в прежнее время не существовали, – пишет он, – рассказы об одном и том же событии… с течением времени осложняются подробностями» (ТГОМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 22. Л. 4об.). В Тверском музее находится рукопись 1883 г., повторяющая то же повествование, но голубь на монетах уже описан с «малиновой» веточкой в ногах (Архив ТГОМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 129. Л. 38.).

Таким образом, зафиксирован только один достоверный рассказ о находке в районе Бежецка «каких-то монет с голубем». Но «бежецкие» ли это были деньги? Монеты могли быть определены П.К. Воиновым неверно. Так М.В. Рубцов сомневался в точности их описания. «Копеек крупных… средневековье не знает», – писал он. И палеографию надписи с рисунков монет он посчитал фантастичной (ТГОМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 22. Л. 4-4об.).

Сомнения были небезосновательны. Очевидно, в XVIII в. на погосте Бежицы в насыпи старого городища был распахан клад, находимый позже по частям. Состоял он, по всей видимости, из серебряных мордовок, описанных в 1954 г. И.Г. Спасским. (Спасский И.Г. Денежное обращение на территории Поволжья в первой половине XVI в. и так называемые мордовки // Советская археология. 1954. № 51. С. 226), с изображением птицы с одной стороны и с нечитаемой криллической надписью – с другой. Довольно крупный клад таких мордовок открыт в районе Бежецка в середине XX в. Две монеты из него были присланы в 1953 г. для изучения в ГИМ (Там же. С. 197).

В собрании Тверского музея – 366 таких мордовок, случайно (или нет?) происходящих из нумизматической коллекции М.В. Рубцова (Тв. М КП № 1506, 1507). Их характеристики совпадают с описанием «бежецких монет». «Полушки», «крупные копейки» и «алтынники» начала XVIII в. сопоставимы с ними по размеру (около 13 мм в диамет-

ре). «Полушки чистого сребра» могли быть серебряными мордовками. Изображение птицы на них напоминает голубя, но не «летящего», а «крылья являющего», как дословно и сказано в «Хронологионе». Почему П.К. Воинов описал голубя как «одноглавого» – неясно; русская культурная традиция не знает многоглавых голубей, но знает двуглавого орла. В XVIII в. изображение на таких мордовках не могло не вызывать прямую ассоциацию с гербом на российских монетах, поэтому П.К. Воинов и повествует о «старинном бежецком гербе и монетах». А надпись на них, вызвавшая у М.В. Рубцова много вопросов, не читается вовсе, как и на всех других типах мордовок.

Таким образом, нет ни одного подтверждения существования удельных бежецких монет, а в символике герба и флага Бежецкого района увековечена нумизматическая ошибка XVIII в.

О.Э. Тимофеева (Иркутск)

ВЬЕТНАМСКАЯ ТРАГЕДИЯ 1954-1975 ГГ.: ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ

В 1954 г. закончилась франко-вьетнамская война. В том же году в Женеве состоялась конференция, которая ознаменовалась принятием согласованных решений о судьбе послевоенного Вьетнама. Соглашения, подписанные в Женеве, установили во Вьетнаме временную демаркационную линию, проходящую приблизительно по 17-й параллели (Очерки истории Вьетнама. Ханой, 1978. С. 167). Несмотря на то, что Женевские соглашения фактически закрепили разделение Вьетнама на Северный и Южный, они предусматривали также возможность последующего объединения страны путем проведения всеобщих свободных выборов. Однако период 1959-1975 гг. стал впоследствии известен как «Вьетнамская война».

История войны во Вьетнаме рождает много вопросов, например, почему страна оказалась разделена на северную и южную части? Корни этой проблемы уходят в период колониального господства Франции. Именно французы, имевшие наиболее прочные позиции на южных рубежах страны, в конце XIX в. выделили эти территории в отдельное государствоподобное образование, а накануне подписания Женевских

соглашений даже предоставили югу страны независимый статус, положив, тем самым, начало противостоянию двух Вьетнамов: Северного (добившегося независимости в ходе революции) и Южного. Считается, что решение французов создать себе оплот на юге Вьетнама и сделало возможным такой прецедент, как Вьетнамская война. Тем не менее, сама история Вьетнама свидетельствует о том, что страна во все времена имела тенденцию к расколу на самостоятельные единицы.

Можно назвать несколько факторов, определяющих эту тенденцию. Наиболее важным из них является экономико-географический фактор. Северная и южная части Вьетнама характеризуются разным набором ресурсов, исторически обусловливающих пути их экономического развития. Земли Северного Вьетнама богаты полезными ископаемыми. Южный Вьетнам — аграрный центр страны: здесь процветает рисоводство, разведение сахарного тростника, добыча натурального каучука. Это обстоятельство и предопределило историческую разнополярность развития двух частей страны: передового, промышленного, урбанизированного Севера и аграрного, деревенского Юга.

Различия в направлениях экономического развития становились причиной разделения Вьетнама задолго до трагических событий 1954-1975 гг. Так, в XVI-XVII вв. страна уже была поделена двумя влиятельными феодальными семьями: Чинь и Нгуен. Нгуены и Чини представляли во вьетнамской феодальной иерархии прослойку, именуемую тюа, которая включала в себя правителей округов, наследственных военных руководителей. Именно представители этих слоев общества вскоре заменили на высшем уровне власти правящую династию Ле. Они же основали в северной и южной частях Вьетнама два противоположных по социально-экономическому укладу княжества. На Севере, в районе дельты реки Красной сложилось княжество Дангнгоай — владение тюа из рода Чинь. Особенностями социально-экономического развития этого княжества являлись с одной стороны, высокая степень урбанизации, с другой — аграрный дефицит и перенаселение и без того немногочисленных земель (История Вьетнама. М., 1983. С. 185). Напротив, жители процветающего юга возделывали рис на обширных территориях, обособившись в самостоятельное княжество под руководством тюа из рода Нгуен — Дангчонг. Чини всеми силами стремились захватить менее заселенные земли Юга, чтобы решить проблему перенаселения Дангнгоая. Нгуены, в свою очередь, также пытались расширить сферы своего влияния за счет северных территорий. Так началось другое про-

тивостояние Севера и Юга Вьетнама, которое в итоге ослабило страну и сделало ее уязвимой перед лицом французской колониальной экспансии в XIX в.

Еще одним важным фактором судьбоносного разделения страны по 17-й параллели стало то обстоятельство, что юг Вьетнама в его современных границах не является исконно вьетнамским. Как известно, земли Вьетнама делятся на три исторически сложившиеся области: Северный Вьетнам или Бакбо, Центральный Вьетнам или Чунгбо, а также Южный Вьетнам или Намбо. Однако именно южные территории (весь Намбо и большая часть Чунгбо) были аннексированы в ходе завоевательных войн Вьетнама в XV-XVIII вв. (тогда страна носила название Дайвьет).

Завоевав мощное государство Тьямпа и принадлежавшую Камбодже часть Южного Вьетнама, которая уходила вглубь п-ова Индокитай и заканчивалась в районе дельты реки Меконг в ходе многочисленных войн XI-XVII вв., вьетнамское государство обрело свои нынешние очертания и стало одним из сильнейших акторов международных отношений в Юго-Восточной Азии. Хотя завоеванные территории достаточно быстро заселялись представителями народности вьет, коренные народности этих земель неоднократно пытались вернуть себе независимость. Представители титульной нации — вьеты — стремились к эксплуатации и порабощению этнических меньшинств, на что те отвечали систематическими восстаниями. Восстания эти продолжались на протяжении всего XV в. Этническая неоднородность также может быть названа причиной, по которой северная и южная части страны традиционно стремились к обособлению.

Историко-географические факторы разделения Вьетнама оставались существенными до объединения страны в 1975 г.

Д.М. Тимохин (Москва)

МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ НА ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ И СУДЬБА ГОРОДОВ ХОРАСАНА И МАВЕРАННАХРА

Доклад посвящен изучению судеб городов Хорасана и Мавераннахра в период монгольского нашествия на Центральную Азию и ги-

бели империи Хорезмшахов. В историографии уделялось большое внимание разрушительным последствиям монгольского вторжения для центрально-азиатского региона, его городов и населения. Однако необходимо обратить внимание не только на свидетельства уничтожения монголами городов и городского населения Хорасана и Мавераннахра, но и на причины, по которым ряд городов региона был практически не тронут завоевателями. Понимание этих причин позволит более полно интерпретировать имеющиеся сведения о действиях монголов на территории хорезмийского государства и их отношении к покоренному населению и городам. В этом контексте важно обратить внимание и на то, как описывались действия монгольских завоевателей историописателями той эпохи.

Исследователю необходимо ответить на вопрос, насколько хорошо военачальники Чингиз-хана знали географические особенности того региона, где им предстоит вести боевые действия. Отметим, что еще до хорезмийской кампании Чингиз-хан большое значение придавал действиям собственной разведки, для чего использовал, в частности, мусульманских купцов, которые собирали для него информацию о различных городах и регионах Востока. Чингиз-хан вообще активно брал к себе на службу мусульманских купцов, о чем говорит даже «Сокровенное сказание монголов», начиная примерно с 1202 г. «Здесь же на водопое произошла встреча с Туркестанцем Асаном, который на белом верблюде гнал от Онгудского Алахуш-дагитхури тысячу краденых баранов и попутно скупал соболей и белок вниз по течению реки Эргуне» (Сокровенное сказание монголов / Пер. С.А. Козин. М., 2002. С. 78).

Безусловно, географические знания этих мусульманских купцов, многие из которых были родом из Центральной Азии, использовались монголами при завоевании Хорезма, о чем свидетельствуют арабоперсидские исторические сочинения той эпохи. Так, в частности, Джувейни, описывая взятие монголами города Сыгнака, упоминал о роли в этом событии мусульманского купца Хасана-ходжи. «Этот Хасан-хаджи, будучи купцом, давно состоял на службе у Завоевывающего Мир Императора и был принят в число его приближенных. Передав послание, он на правах знакомого и родича жителей города, должен был дать им совет покориться, чтобы сохранить в неприкосновенности свою жизнь и свое имущество» (Джувейни. Чингиз-хан: История завоевателя мира / Пер. Е.Е. Харитонова. М., 2004. С. 58).

С сентября 1219 по декабрь 1220 г. монголы овладели следующими городами державы Хорезмшахов: Отрар, Сыгнак, Дженд, Бенакет, Ходженд, Зарнук, Нур, Бухара, Самарканд, Наса и рядом менее значимых. Таким образом, за один год монголы захватили фактически весь Хорасан и Мавераннахр, кроме того, семь месяцев длилась осада Гургандж, после чего весь Хорезм оказался в руках монголов. Некоторые города сдались без боя (Зарнук, Нур, Дженд), другие оказали ожесточенное сопротивление (Отрар, Ходженд, Самарканд). Тактика, избранная Чингиз-ханом в первый год войны, заключалась в следующем: основные силы монголов под руководством Чингиз-хана и его сына Толуя осаждали Бухару, два других его сына Чагатай и Угэдэй — брали Отрар, Джучи двинулся в сторону Дженда и Банджинг-кенда, часть войск под командованием Улак-нойона и Сюкету–Черби была направлена не Бенакет и Ходженд. Таким образом, осада большей части городов Хорасана и Мавераннахра началась в одно и то же время. Те же монгольские отряды, которые справлялись с осадой быстрее остальных, двигались к следующим населенным пунктам, а затем к столице хорезмийской державы — Гургандж.

Исходя из сведений исторических сочинений того времени, можно выявить несколько вариантов последующего положения хорезмийских городов и городского населения после взятия их монголами. Например, полное уничтожение города и большей части городского населения. В качестве примера можно привести судьбу Гургандж, хорезмийской столицы. О судьбе этого города подробно писал Ибн ал-Асир: «Они убили всех находившихся в нем и разграбили все, что в нем было. Затем они открыли плотину дамбы, защищавшей город от вод Джейхуна, и весь его затопили. Постройки в нем рухнули, и место его стало сплошной водой. Никто, конечно, не уцелел из его жителей. Если в других городах кто-то оставался в живых, либо спрятавшись, либо бежав, либо упав среди убитых и потом найдя путь к спасению, то тех жителей столицы Хорезма, которые спрятались от татар, затопила вода, или погребли рухнувшие постройки. И стала она руинами, пустошью» (Ибн ал-Асир. Ал-камил фи-т-тарих. Полный свод истории. Ташкент, 2006. С. 365).

Далеко не все города были разрушены монголами до основания, чаще всего они подвергались разграблению, некоторая часть города могла быть уничтожена, но в целом город оставался не разрушенным. Судьба же населения города могла быть различной: например, в слу-

чае с взятием Дженда, город был разграблен, но население не было тронуто вовсе и после грабежа смогло вернуться обратно в свой город. «В течение девяти дней и ночей жителей держали на равнине, пока они грабили город. Затем они назначили Али-ходжу править и управлять этим городом и доверили благополучие этого края его попечению» (Джувейни. Указ. соч. С. 59). С другой стороны, что было гораздо более частым явлением, часть населения угонялась в Монголию в качестве пленных: в большинстве случаев такая судьба постигала ремесленников, женщин и детей. Мужское население городов в таком случае использовалась в качестве «хашара», то есть монголы создавали из них отряды пленников и гнали перед собой к следующему городу, который собирались осаждать: там, в свою очередь, пленников использовали как рабочую силу во время осады, а также гнали в первых рядах в случае штурма города. В частности, после взятия города Бенакет, монголы уничтожили весь его гарнизон, а из прочего населения были отобраны молодые люди и направлены в «хашар». «Воинов, ремесленников и простой народ монголы разместили по отдельности. Воинов кого прикончили мечом, кого расстреляли, а прочих разделили на тысячи сотни и десятки. Молодых людей вывели из города в хашар и направились в Ходженд. … Туда послали в хашар молодых людей из Ходженда и подводили им подмогу из Отрара, городов и селений, … пока не собрались 50 тысяч человек хашара и 20 тысяч монголов» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М., 2002. Т. 1. С. 201).

Такая разная судьба хорезмийских городов и городского населения объясняется в первую очередь степенью сопротивления, которое оказывалось монголам при взятии того или иного города. Если участь Гурганджа как столицы государства Хорезмшахов, по всей видимости, была предопределена заранее, то в остальных случаях судьба города решалась непосредственно во время самой осады. Если город сдавался без боя, то чаще всего тюркский гарнизон уничтожался, монголы забирали все ценное, но население не трогали и разрешали им вернуться в свои дома. Если же город некоторое время сопротивлялся, а лишь потом сдавался монголам, то его постигала судьба Бенакета. Лишь в случае наиболее упорного сопротивления города захватчикам он стирался с лица земли, а большая часть его жителей уничтожалась. Таким образом, монголы разработали некую «систему» разрушения городов и уничтожения покоренного населения, которую и применяли почти неукоснительно на протяжении всей военной кампании против государства Хорезмшахов.

В.В. Тихонов (Красногорск)

М.К. ЛЮБАВСКИЙ В УФИМСКОЙ ССЫЛКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ К А.И. ЯКОВЛЕВУ)

Академик М.К. Любавский оставил большое научное наследие, среди которого значительное место занимали работы по исторической географии. Последние годы жизни выдающегося историка были омрачены гонениями и ссылкой в Уфу (1931-1936) по так называемому «Академическому делу» (Академическое дело 1929-1931 гг. СПб., 1993-1995. Вып. 1-2). Этот период отразился в письмах М.К. Любавского своему ученику и коллеге А.И. Яковлеву, также оказавшемуся фигурантом по «Академическому делу». Всего в фонде А.И. Яковлева (Архив РАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 398) сохранилось девять писем, первое из которых датировано 11 августа 1934 г., а последнее – 18 ноября 1936 г. В них описывалась жизнь академика в ссылке, его научная работа в непростых условиях и тщетные попытки добиться реабилитации. Ответные письма А.И. Яковлева обнаружены не были.

В Уфе Любавский состоял научным сотрудником Башкирского Научно-исследовательского Института национальной культуры. До приезда в Башкирию ученый никогда не занимался башкирской историей, поэтому поворот в сторону непривычной тематики давался уже немолодому специалисту непросто. Тем не менее, он работал в местных архивах, исследуя ранее неизученные вопросы местной истории. Как писал сам М.К. Любавский в своем письме от 11 августа 1934 г.: «В Уфе я три года работал в научном институте национальной культуры. За это время я успел приготовить две исследовательские работы: 1) о башкирских восстаниях XVII и XVIII в. (листов 12 печатных) и 2) о башкирском землевладении и землепользовании в XVII-XIX в. (листов на 20 печатных). И, кроме того, подготовил два сборника материалов: 1) наказы от различных национально-социальных групп Башкирии в екатерининскую комиссию 1767 года 2) материалы по истории башкирского землевладения и землепользования в XVII-XVIII в.» (АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 398. Л. 3). Ни одна из вышеназванных работ так и не была опубликована, рукописи сохранились в личном фонде историка в НИОР РГБ (Ф. 364. К. 5-7). Кроме башкирской проблематики ученый продолжал работать и над другими вопросами. В последние годы жизни ведущей темой его исследований

стала история колонизации. Так, в ссылке он закончил свой главный труд последних лет — фундаментальную монографию «Образование основной государственной территории Великорусской народности». Надежд на публикацию этой работы у М.К. Любавского было мало. Он даже начал переводить другую свою монографию «Обзор истории колонизации русского народа и образование его территории» на английский язык, надеясь издать ее за рубежом.

Научно-исследовательская работа осложнялась запретом на посещение Москвы, отсутствием необходимых материалов в Уфе. Когда А.И. Яковлев сумел выхлопотать М.К. Любавскому работу в Большой советской энциклопедии, тот вынужден был отказаться, поскольку запрет посещать Москву не позволял находить необходимые сведения для написания статей. Запрет сотрудники ОГПУ объясняли тем, что М.К. Любавскому не надо ездить в Москву и Ленинград, так как он «все знает наизусть» (АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 398. Л. 6). Его трудами пытались воспользоваться представители местной «красной профессуры». Как утверждал М.К. Любавский, некто Кармик (имя неизвестно) пытался получить доступ к рукописям его исследований, чтобы использовать их в своих интересах.

Академик не оставлял попыток добиться реабилитации. Большую помощь в этом ему оказывал А.И. Яковлев, сам проходивший по «Академическому делу» и вернувшийся из ссылки из Минусинска в 1933 г. Через него М.К. Любавский передавал прошения о реабилитации. Он пробовал добиться пересмотра своего дела через организацию «Помощь политическим заключенным», неоднократно обращался за помощью к Н.М. Лукину, но все безуспешно. Сохранилось (и было опубликовано) его письмо прокурору СССР И.А. Акулову (Дегтярев А. Неотправленное письмо // Советская культура. 1991. 1 сент.). Видимо, советские власти считали, что он уже в силу возраста не способен «перевоспитаться» и принять предложенные правила игры в отличие от более молодых осужденных. Пытался он получить и академическую пенсию, но вскоре выяснилось, что хлопотать о пенсии нельзя без снятия обвинения.

Заключительные письма описывают последние дни ученого, наполненные борьбой с невзгодами и болезнями. Рядом с ним всегда были его близкие родственники. Именно его родственница, Ольга Столярова, жившая с М.К. Любавским, сообщила А.И. Яковлеву о кончине ученого. В ее письме (Там же. Ед. хр. 475) подробно рассказывает-

ся о последних часах историка. После его смерти А.И. Яковлев был хранителем архива академика, который был в 1955 г. передан в Отдел рукописей ГБЛ (ныне — НИОР РГБ).

Итак, письма академика М.К. Любавского А.И. Яковлеву позволяют не только выявить ранее неизвестные факты его деятельности в Уфе, но и отражают его душевное состояние: надежды и разочарования, которыми историк поделился в частной переписке со своим учеником. Эти материалы до сих пор не были востребованы исследователями. В добротной диссертации В.Н. Фешкина, посвященной жизни М.К. Любавского в Уфе (Фешкин В.Н. Жизнь и научная деятельность М.К. Любавского в г. Уфе, 1931-1936 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2009), они не использованы.

Н.А. Уткина (Нижний Новгород)

КОМПЛЕКСНАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕСТНОГО КРАЯ В 1925–1926 ГГ.

Нижегородское научное общество по изучению местного края было образовано в 1925 г. Целью общества было содействие хозяйственному и культурному развитию Нижегородского края путем изучения его природы, экономики, социального строя и культуры. Председателем общества стал нижегородский историк С.И. Архангельский (Год работы Нижегородского научного общества по изучению местного края. 1925. Н. Новгород, 1926. С. 3–5, 7).

Общество состояло из четырех секций: 1. Секция по изучению производительных сил (природа и сельское хозяйство); 2. Историческая (история труда, быта, революционного движения); 3. Промышленно-экономическая (торговля и промышленность); 4. Школьно-краеведческая. (Центральный архив Нижегородской области (далее ЦАНО). Ф. 993. Оп. 1. Д. 13. Л. 1).

Одним из направлений работы общества в 1925-1927 гг. стали научные экспедиции, проводимые с целью изучения природы, истории, населения Нижегородской губернии. Велось изучение растительного покрова (геоботаническая экспедиция), полезных ископаемых (геоло-

гическая), водоемов (гидробиологическая), насекомых-вредителей (энтомологическая), палеоэтнологии и этнографии.

Комплексная антропологическая экспедиция общества начала свою работу летом 1925 г. совместно с Центральным бюро краеведения и Антропологическим институтом при Первом Московском университете. В первый год работы она называлась Ветлужской экспедицией (место проведения – район реки Ветлуги), продолжением ее в 1926 г. стала экспедиция по Центрально-промышленной области (Тешинский отряд) от названия места экспедиции – район рек Теша и Сережа между городами Лукояновым и Муромом (ЦАНО. Ф. 993. Оп. 1. Д. 14. Л. 32). В работах экспедиции планировалось участие учителей, студентов Нижегородского университета, сотрудников Нижегородского историко-бытового музея. (ЦАНО. Ф. 993. Оп. 1. Д. 14. Л. 51).

Начальником экспедиции был назначен московский археолог, преподаватель кафедры антропологии Московского университета, сотрудник Научно-исследовательского института антропологии Борис Сергеевич Жуков.

Б.С. Жуков проводил обследование памятников первобытной культуры (древние поселения, погребальные памятники). Районами его исследований были Нижегородское Поволжье и Подмосковье, Верхняя Волга, бассейн Оки, Центрально-Черноземная промышленная область. (Формозов А.А. О Борисе Сергеевиче Жукове (Материалы к биографии) // Статьи разных лет. Курск, 2008. С. 76)

Привлечение опытных столичных археологов в экспедиции местных музеев и краеведческих обществ в конце 1920-х гг. (благодаря наличию денежных средств), давало возможность проводить серьезные научные исследования. (Формозов А.А. Указ. соч. С. 75). Б.С. Жуков занимался не только археологическим изучением Нижегородского края, но и вел комплексные антропологические, палеоэтнологические и этнографические исследования многонационального по своему этническому составу региона.

В состав антропологической экспедиции 1926 г. входили антропометрическая, этнографическая и палеоэтнологическая части. Экспедиция работала в Городецком, Нижегородском, Лукояновском и Сергачском уездах, ее задачей было антропологическое обследование крестьянского населения великороссов и нацменьшинств: их племенной состав, физический тип, быт и хозяйство, промысла, костюм, верования.

Результаты работы экспедиции были доложены Б.С. Жуковым на третьей губернской конференции по изучению производительных сил Нижегородской губернии, проходившей 26 февраля – 1 марта 1927 г. в Нижнем Новгороде (Жуков Б.С. «Задачи изучения нацменов Нижегородской губернии» // Третья губернская конференция по изучению производительных сил Нижегородской губернии. Тезисы докладов. Нижний Новгород, 1927. С. 47, 48).

Культурно-племенной облик «нацменов» Нижегородского края (группа заволжских мари, группы мордвы-терюхан Нижегородского уезда, мордвы-эрзи южных уездов, мордвы-мокши и татар) и их численность по сравнению с цифровыми данными за полвека, показали значительные количественные и культурно-бытовые изменения одних групп, исчезающих в качестве самобытных племенных единиц, и культурно-племенную стойкость других.

Исчезновение некоторых племенных единиц было обусловлено двоякими причинами: с одной стороны, происходил процесс обрусения (самобытно-культурного вымирания) при общем поднятии культурного и хозяйственного уровня и включении в группу русского населения. С другой стороны, наблюдался процесс физического вымирания некоторых групп, связанный с культурно-хозяйственным упадком по ряду местных причин.

Были выявлены стадии процесса обрусения: группы русского населения с иноплеменными чертами в физическом типе; группы «нацменов», утративших свой язык и почти утративших национально-культурный облик; группы, сохранившие язык, но утратившие национальную культуру (костюм и пр.); группы, сохранившие язык и культуру.

По отношению к процессу вымирания был зафиксирован ряд неблагоприятно действующих факторов санитарно-гигиенического, культурно-бытового и хозяйственно-экономического порядка.

Рекомендовалось проведение дальнейшего исследования нацменьшинств комплексным методом, в сочетании с данными санитарно-гигиенического, демографического, антропометрического, этнографического, лингвистического и хозяйственно-экономического обследований. Такое изучение, отмечал Б.С. Жуков, актуально для этнических групп, переживающих хозяйственное и физическое вымирание, для более стойких этнических групп и для групп с реликтовой культурой.

Д.З. Фельдман (Москва)

К ИСТОРИИ МЕСТЕЧКА ШКЛОВ — ОДНОГО ИЗ ЦЕНТРОВ ЕВРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ КОНЦА XVIII В.

В истории евреев Российской империи последней четверти XVIII в. особое место занимают сюжеты, связанные с местечком Шклов Могилевской губ., поскольку именно здесь начался процесс модернизации и европеизации восточноевропейского еврейства. В данной работе мы остановимся на причинах этого явления (именуемого в научной литературе Гаскала (Просвещение) — еврейское идейное, культурное и общественное движение, возникшее во второй половине XVIII в. в Германии) (Цинберг С.Л. Шклов и его «просветители» конца XVIII века // Еврейская старина. Л., 1928. Т. XII. С. 17-44; Фельдман Д. Из истории шкловских евреев: По материалам РГАДА // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3(7). С. 28–38; Fishman D.E. Russia's First Modern Jews: The Jews of Shklov. N.Y., 1995).

Впервые упоминаемый в летописях в XVI в. Шклов до присоединения Восточной Белоруссии к России в 1772 г. входил в состав Речи Посполитой и имел статус города. В 1778 г. эта земля с 25 тыс. крестьян передана Екатериной II своему фавориту-сербу генерал-майору С.Г. Зоричу. Шкловское имение представляло собой обширную территорию с приписанными к нему 4 селами, 3 сельцами, 4 фольварками и 29 деревенями. Да и сам Шклов состоял из двух частей — местечко Старый и Новый Шклов (или местечко Новый Шклов с селом Старый Шклов), построенным по специально проектированному плану «прямыми проспектами».

Расположенное по обе стороны Днепра и дороги из Могилева в Оршу, в 22 верстах от уездного центра, местечко отличалось чрезвычайно высоким уровнем развития промышленности и торговли, которая в значительной степени осуществлялась евреями. Благодаря деятельности местного купечества, Шклов стал одним из крупнейших центров пограничной торговли. По статистике, в начале XIX в. из всех 575 дворов местечка с двумя предместьями (1153 муж. и 1228 жен.) евреям принадлежало 274 (844 муж. и 1040 жен.). В центре Нового Шклова находился Гостиный двор со 120 торговыми лавками, «в которых торгуют живущие во оном местечке евреи разными товарами»: сукном и шелком с местных фабрик, фруктами, галантерейными, пушными и

другими изделиями. В Шклове проживало более 20 еврейских купцов трех гильдий, которые были записаны с семьями в оклад по Полоцку, Могилеву, Витебску, Мстиславлю, Копыси, Бабиновичам и Кременчугу (РГАДА. Ф. 1355. Экономические примечания к планам Генерального межевания. Оп. 1. Д. 719. Л. 155об.-156, 159-159об.). Купцы лично или через своих комиссионеров вели торговлю в Москве, Петербурге, Риге, а также за границей. Надо сказать, что контакты местных еврейских торговцев с русскими имели место задолго до включения Белоруссии в состав России; не всегда они были гладкими и простыми, однако эта коммерция все же развивалась в традиционных рамках (Анищенко Е.К. Черта оседлости: Белорусская синагога в царствование Екатерины II. Минск, 1998. С. 21-25). Среди шкловских мещан и ремесленников были бахромщики, серебряники, портные, сапожники, часовщики, жестянщики, стекольщики, цирюльники, музыканты, переплетчики, столяры, пивовары, мясники и др. Некоторые евреи выполняли личные поручения Зорича. Таким образом, выдвижению Шклова в качестве одного из центров еврейской жизни России конца XVIII в. способствовали в первую очередь экономические предпосылки.

Помимо купеческих лавок, в Шклове в начале XIX в. находился ряд заведений иудейской общины: «Еврейских молбищ или школ — одна каменная в два этажа, да четыре деревянных об одном этаже, из коих при первой имеется еще и еврейская богаделня, в коей убогих евреев содержится… мужеска пола пятнатцать душ… Типографѣя, в коей печатаются одне толко еврейския книги, при коей типогравщиков пять человек… Еврейской дом каменной в два этажа, недостроенной один» (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 719. Л. 156-156об.) Благодаря своей типографѣи, созданной по указу Екатерины II в 1790 г., Шклов стал первым центром еврейского книгопечатания в России, что повлияло на возникновение здесь в последней четверти XVIII в. одного из крупных центров российской Гаскалы.

Шкловское общество оказалось более восприимчивым к умеренно-рационалистическим идеям проживавших в местечке просветителей-маскилов (Баруха Шика, Менаше Илиера и др.), выступавших против культурно-религиозной обособленности еврейства, популяризировавших светскую европейскую культуру, призывавших молодежь изучать общие науки, бороться с суевериями и т. д. Из среды местных предпринимателей в это время выдвигается ряд общественных деятелей, добивавшихся расширения гражданских

прав российского еврейства: Иошуа Цейтлин, Нота Ноткин, Абрам Перетц, Лейба Невахович, чему способствовало их близкое знакомство с князем Г.А. Потемкиным, толерантного к иудейской религии и культуре. Шклов утратил свое привилегированное положение после смерти Зорича в 1799 г. и новых разделов Польши. Переселение ряда видных маскилов в Палестину и отход от иудаизма некоторых влиятельных просветителей свели на нет шкловскую Гаскалу, после чего ее центр переместился в Вильно.

Не меньшую роль в формировании общественной жизни Шкловского имения имело и пребывание здесь двора С.Г. Зорича. Ему принадлежали две фабрики (шелковая и суконная) и шесть заводов (конный, кирпичный, канатный, кожевенный, винокуренный и свечной), а также две мукомольные водяные мельницы; на них работали в основном крепостные из окрестных деревень. Зорич поставлял сукно и парусину в Ригу, кожи — в Ригу, Петербург и Киев, пеньку и суда — Черноморскому адмиралтейству, а для армии — хлеб и вино. О культурных традициях Шклова в известной мере свидетельствует тот факт, что в его имении служили «вольными служителями» уроженцы Польши, Германии, Франции, Сербии, Швеции, Италии, а также Курляндии, Лифляндии и Бессарабии. В услужении у Зорича было и несколько крещеных евреев. В местечке находилось благородное училище, которое в 1797 г. указом Павла I было причислено к казенному ведомству с переименованием в кадетский корпус. Гордостью помещика являлся театр. Это культурное пространство, окружавшее местных жителей, и евреев в том числе, не могло не оказывать на них определенного влияния. И сам магнат, и его окружение поддерживали тесные контакты с еврейской общиной Шклова, хотя они и не были свободны от трений, вызванных крутым нравом и жестокостью Зорича (названного в литературе «шкловским деспотом»), доходящих до притеснений евреев в их торговых и ремесленных делах, а также прямых нарушений их юридических прав. Тем не менее, активная экономическая, общественная и культурная деятельность шкловского еврейского общества наложила заметный отпечаток на дальнейшую судьбу еврейской диаспоры России.

С.Н. Филимончик (Петрозаводск)

А.И. АНДРЕЕВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Научные труды А.И. Андреева сыграли важную роль в развитии источниковедения, археографии, исторической географии Европейского Севера России. Интерес к этому региону ученый сохранял в течение всей творческой жизни. Одной из первых научных работ А.И. Андреева стала статья «Отступные грамоты. К истории крестьянского землевладения на Севере в XVI в.» (1916). Источниковедческий анализ позволил историку полнее охарактеризовать земельные права черносошных крестьян Севера, введение в их хозяйственный оборот оброчных земель.

В 1920-е гг. одной из приоритетных тем исследований А.И. Андреева стала колонизация Европейского Севера новгородцами и Московским государством в XVI-XVII вв. Эти работы приобрели особую актуальность в условиях, когда государством была поставлена задача освоения лесных, минеральных богатств Карелии, Кольского полуострова, Коми края и других северных регионов страны. Ее решение в 1920-е гг. связывалось с разработкой цивилизованной миграционной политики для слабозаселенных территорий с учетом накопленного прежде опыта. В 1920-е гг. большое содействие изучению истории колонизации оказывали Комитет Севера при Президиуме ВЦИК, Транспортно-колонизационный комбинат Мурманской железной дороги и другие организации.

Работы А.И. Андреева об освоении русскими Европейского Севера были основаны на широком круге впервые вводимых в научный оборот источников. Еще в студенческие годы он был привлечен к работе в Постоянной исторической комиссии Академии наук, где молодому исследователю поручили подготовку к печати грамот Коллегии экономии (1726-1786), ведавшей земельными владениями духовных лиц и учреждений в северных уездах. Под его руководством были разработаны и опубликованы правила издания грамот этой коллегии, подготовлен к печати «Сборник грамот Коллегии экономии» (1922; 1929). В это издание вошли ценные документы о жизни Двинского края, Кольского уезда в XV-XVII вв.

7 апреля 1926 г. на базе Археографической комиссии и Постоянной исторической комиссии была создана Постоянная историко-археографическая комиссия при АН СССР. Ученый секретарь комиссии А.И. Андреев наладил планомерную работу по разбору и описанию актов, собранных Археографической комиссией за столетие ее существования. В ведение комиссии были переданы коллекции документов Вологодских, Олонецких и других северных монастырей. Началось издание актов Соловецкого монастыря XV в., были тщательно разобраны и квалифицированно описаны документы Александрова Свирского, Клименецкого, Тихвинского монастырей. В этой работе активное участие приняли ученики А.И. Андреева А.П. Глаголева, Р.Б. Мюллер, К.Н. Сербина, Н.С. Чаев, Г.Н. Чабров и др. Важным направлением деятельности комиссии являлась подготовка исторических карт, в том числе карты Северного края, карты Карело-Мурманского края.

В 1927 г. при Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС) была образована русско-финская секция. Ее целью являлось антропологическое, этнографическое, лингвистическое, историческое, археологическое изучение финно-угорских народов. В подготовленном КИПС «Финно-угорском сборнике» (1928) А.И. Андреев представил обстоятельный анализ публикаций документов и исследовательских работ на русском языке по изучению финно-угорских народов СССР, в том числе коми, карелов, саамов, ингерманландцев. В статье А.И. Андреева была высоко оценена деятельность финских исследователей А.М. Шёгрена и М.А. Кастрена по изучению истории колонизации северных регионов России.

В конце 1929 — начале 1930-х гг. научная деятельность А.И. Андреева подверглась незаслуженной критике. По «академическому делу» он был арестован и выслан в Красноярский край. Накопленный регионоведческий опыт использовался ученым при изучении Сибири, которое он интенсивно развернул в 1930-е гг.

При этом не угасал его интерес к Европейскому Северу России. По возвращении из ссылки в 1935-1941 гг. А.И. Андреев работал старшим научным сотрудником Института народов Севера. Ученый активно включился в работу региональных научных центров Европейского Севера. В столичных городах в это время шли репрессии, и провинция рассматривалась как прикрытие, дававшее заработок и некоторую безопасность. В предвоенные годы ученица А.И. Андреева

Р.Б. Мюллер, работавшая в Карельском НИИ культуры, подготовила сборник документов «Карельская деревня в XVII веке». В него вошли документы архива Олонецкой приказной избы, хранящиеся в ЛОИИ, а также документы Государственного архива феодально-крепостнической эпохи. Научным редактором книги стал А.И. Андреев. Судьба этого сборника оказалась трагической. В блокаду Ленинграда погиб почти весь тираж, однако вскоре после войны документы были вновь опубликованы. В 1946 г. именно А.И. Андрееву был поручен доклад на юбилейной сессии Ученого совета Карельского НИИ культуры об итогах изучения истории Карелии. В 1946 г. за важный вклад в развитие исторической науки Карелии А.И. Андреев был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Карело-Финской СССР.

В статьях А.И. Андреева по историографии Европейского Севера России особое внимание уделялось сбору и изучению в регионе таких исторических источников, как акты монастырей, писцовый учет, делопроизводственные документы воеводской канцелярии, былины, народные песни. Историк показал роль Археографической комиссии, Общества истории и древностей российских в публикации выявленных на Европейском Севере источников. Автор подчеркивал вклад в изучение истории региона таких известных ученых XIX — начала XX в. как И.Д. Беляев, В.О. Ключевский, М.М. Богословский и др. Характеризуя краеведческую работу местной интеллигенции, А.И. Андреев указывал на сравнительно слабое использование ими в XIX в. документальных источников. Поэтому важнейшими задачами послереволюционной науки он называл широкую публикацию документов и подготовку в регионе кадров профессиональных историков.

А.А. Фролов (Тверь)

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПИСЦОВЫХ ПОЛЕВЫХ РАБОТ РУБЕЖА XV-XVI ВВ.*

Изучение пространственного аспекта деятельности писцов проливает свет и на некоторые историко-географические реалии

средневековой Руси. Пространственная близость, в которой находятся селения, описанные в новгородских писцовых книгах рубежа XV-XVI вв., свидетельствует, что те, кто описывал объекты налогообложения, бывали в соответствующей местности, вероятнее всего – на каждом из этих объектов. Самое древнее из сохранившихся в России писцовых описаний относится к Деревской пятине Новгородской земли (1495-1496 гг.) (Новгородские писцовые книги. СПб., 1859-1862. Т. I-II; Писцовая книга дворцовых земель Деревской пятины 1495-1496 гг. // Писцовые книги Новгородской земли. М, 1999. Т. 1. С. 29-81). Ее территория (междуречье Мсты и Ловати) изучена как в историко-географическом, так и в источниковедческом планах. Проведена реконструкция маршрутов движения писцов по территории отдельных погостов-округов, изучен алгоритм их работы. Выполнение задачи стало возможным благодаря созданию усилиями автора (в соавторстве с к.и.н. Н.В. Пиотух) геоинформационной системы, содержащей сведения о расположении 6239 селений (63 % их общего количества) Деревской пятины конца XV в. (Фролов А.А., Пиотух Н.В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495-1496 гг.). М.-СПб., 2008. Т. 1-3.) и методики реконструкции маршрутов движения писцов на местности (Фролов А.А. Методы работы писцов в Деревской пятине Новгородской земли во время письма 1495-1496 годов и проблема реконструкции писцовых полевых записей // Исследования по истории средневековой Руси. М.-СПб., 2006. С. 299-318).

Реконструкция маршрутов во всех округах пятины с одинаковой достоверностью невозможна: надежность снижается с сокращением доли локализованных селений. В работе использованы данные о 23 погостах-округах, в которых локализовано 69-100 % всех пунктов, причем подавляющее большинство таких пунктов может быть отнесено только к одному реконструируемому маршруту (в силу заданности направления маршрута ландшафтом, удаленности от других локализованных маршрутов и др. причин).

Проведенная работа уточняет сделанные ранее наблюдения. Описание пятины состояло в последовательном описании писцовых округов-погостов. В пределах округа намечались маршруты, которые начинались в центре погоста и вели в ту или иную часть округа. В ходе одного маршрута описывались селения различных

владельцев. Каждый последующий маршрут соседствовал с предыдущим, т. о. описание последовательно шло «слева направо» или наоборот, «справа налево». При планировании учитывалась конфигурация сети действующих дорог, наличие речных переправ и др. элементов ландшафта. Последний маршрут планировался таким образом, что выводил к пределам следующего погоста. Еще не добравшись до центра нового погоста, писцы начинали описание его земель по дороге, поэтому первый маршрут в округе может быть ориентирован от окраины к центру.

При изучении протяженности маршрутов исключены те, которые были первыми и последними в округе, то есть те случаи, когда внутри округа пролегала лишь часть маршрута. В остальных случаях (73) длина маршрута колеблется от 8 до 113 км, но протяженность 64 % измеренных маршрутов (с учетом возврата в центр погоста) колеблется от 16 до 45 км, а наиболее многочисленны из них маршруты в 36-40 км (16 %). Это позволяет считать, что в большинстве случаев один маршрут соответствовал одному дню работы, а расстояния более 45 км (34 %) характеризуют либо маршруты в 2-3 дня, либо объясняются недостатками реконструкции, при которых 2-3 маршрута оказались объединены в один. Площадь округов, для которых проведена реконструкция маршрутов, составляет 30-31 % от всей площади Деревской пятины, в них выделено 127 маршрутов, потребовавших 149 дней работы. Таким образом, число рабочих дней, необходимых для описания всей Деревской пятины, оценивается как 481-497. Это совпадает с датировкой сроков полевой работы на основании анализа текста книги Деревской пятины (максимум 480-490 календарных дней, но может быть и меньше) (Фролов А.А. Некоторые вопросы источниковедения писцовой книги Деревской пятины письма 1495-1496 годов // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2004. № 3 (17). С. 55-69). Однако одна писцовая комиссия уложилась бы в такие сроки, только если бы она не прерывалась ни на период весенней и летней распутицы (несколько недель), ни на праздники. Поэтому более реалистично полагать, что упомянутые в источниках два писца (Прокофий Зиновьевич Скурат и Петр Волк Борисов) лишь контролировали работу двух или более комиссий, которые параллельно выезжали на несколько маршрутов.

Дневной путь писца 36-40 км (иногда до 41-45 км) свидетельствует о мобильности писцовой комиссии. Для того, чтобы соответст-

вовать такому ритму работы, алгоритм оценки хозяйственных показателей каждого селения не должен был содержать трудоемких процедур типа обмера площади полей или сенокосов. Полагаю, что тяглоспособность хозяйства определялась в основном двумя факторами: оценкой писца, сделанной «на глаз», и обежным окладом соответствующей единицы обложения, указанным в книге «старого письма». С другой стороны, мобильность писцовой комиссии невозможна без достаточно удобных для движения дорог, соединявших каждую пару соседствующих селений: при передвижении на лошади шагом по дороге хорошего качества этот путь преодолевается за 6-7,5 часов, при движении рысью – за 3,5-4 часа. По-видимому, рубеж XV-XVI вв. – это время, когда сухопутные дороги, призванные обслуживать в основном нужды местного сельского населения, густой сетью уже покрыли все пространство Северо-Запада Руси. Но эти дороги еще не пришли в плачевное состояние, которое констатируют источники XVII-XIX вв., связанное с более интенсивной эксплуатацией дорог, в т.ч. и посредством активного использования колесного транспорта.

*Исследование выполнено при поддержке РФФИ, региональный грант №10-06-97503-р_центр_а

О.И. Хоруженко (Москва)

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ ТОПОНИМОВ ПИСЦОВЫХ КНИГ XVI-XVII ВВ.

Данные топонимики находят широкое применение в исторических исследованиях. С.Б. Веселовский использовал ойконимы для реконструкции территории родовых вотчин московского боярства (Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969), А.В. Григорьев – для построения гипотезы о функционировании древних волоков, соединявших бассейны Оки и Дона (Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула, 2005. С. 150). Гидронимика активно используется в работах, посвященных расселению славянских, финно-угорских и балтских племен на территории Днепровского, Окско-

го и Волжского бассейнов (А.И. Попов, Е.М. Поспелов, В.В. Седов, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев, Ю.В. Откупщиков и др.). При недостаточности или отсутствии письменных источников данные топонимики позволяют ставить и решать важные для развития исторической науки проблемы.

Однако следует задаться вопросом о точности исходных данных, используемых в исследованиях подобного рода, очевидно влияющих на корректность выводов. Ошибки чтения рукописных записей, в т.ч. при составлении справочников, плодотворно изучает В.В. Шаповал (см., напр.: Шаповал В.В. Переразложение элементов букв при копировании как причина ошибок в словаре // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX междунар. науч. конф. М., 2008. С. 679-681), что позволило выявить известное количество «фантомных», никогда не существовавших в реальности слов. Аналогичные выводы приходится сделать и в отношении отдельных топонимов, указанных в справочниках и привлеченных в качестве объекта исследования в работах по этимологии.

Топонимы, как и язык в целом, не статичны – они изменяются, переосмысливаются с учетом появляющихся новых реалий. По всей вероятности, изучение эволюции форм существующих топонимов является необходимым и первым этапом в топонимических исследованиях, предшествующим этимологизации. Примеры этого дают писцовые книги XVI-XVII вв. (приведем только наиболее характерные).

В Малоярославецком р-не Калужской обл. находим д. Ратманово, каковой топоним на первый взгляд следует рассматривать как производное от личного прозвища Ратман; в XV-XVI вв. его носили представители родов Вельяминовых, Квашниных и др. (Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974. С. 266). Однако связать данный топоним с землевладением представителей этих родов было бы неверно – в писцовой книге XVII в. вместо «Ратманово» читается «Ратмирово». Понятно, что такого рода ошибочное чтение возникло уже в XVIII в. (оно присутствует на планах Генерального межевания), когда слово «ратман» (нем. Ratmann), как название должности выборных членов городских магистратов, ратушей, стало более узнаваемым и привычным, чем архаичное и вышедшее из употребления личное имя Ратмир.

Ряд вариантов в написании топонимов можно уверено объяснить палеографически – они стали результатом неверного прочте-

ния в ходе писцовых описаний, межеваний и т.д. Сказанное можно отнести к топониму Волковичи (совр. Заокский р-н Тульск. обл.), который в плане Генерального межевания преобразовался в Полковичи. Этот вариант не прижился. Его возникновение объясняется особенностями графики скорописного письма XVIII в., где буквы «в» и «п» различаются в написании незначительно.

Таково же происхождение вариантов Похвиснево/Кохвиснево, Кочишкино/Кутишкино, Тороканово/Караканово, Шишкино/Кишкино и т.д. Из вариантов написания гидронимов следует отметить современную Легойку, правый приток р. Лужи, каковое название образовано за счет единовременной или последовательной замены графически близких «л»/«н», «а»/«о» и «н»/«к» из известной писцовым книгам речки Нечайны (Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976. С. 93 – здесь приведен лишь один вариант «Нечайка»). Отчетливо читаемое в писцовой книге название речки Тюфонки, правого притока р. Полеи, на карте Генерального межевания указано в форме Тюфейка, а в каталоге Г.П. Смолицкой – Тюделка с возможным вариантом чтения Тюдемка (Смолицкая Г.П. Указ. соч. С. 91).

Довольно редкие названия существующих ныне (и отраженных в тех же формах в писцовых материалах XVII в.) речки Трояновки и д. Трояново, как представляется, происходят путем последовательной замены «с» – «е» (или «є») – «я» («йотированный аз») из широко представленного в окской топонимике Тросновки и Троснова.

Невнимание к изменчивости форм топонимов может привести к досадным неувязкам в исследовательских построениях. Так, Ю.В. Откупщиков предполагает происхождение гидронима Кушелевка, правого притока р. Вашанки (Смолицкая Г.П. Указ. соч. С. 137), от káuš-upis (ковш-река), отмечая, что au в процессе заимствования дает ав, ов, оу и у (Откупщиков Ю.В. Древняя гидронимия в бассейне Оки // Балто-славянские исследования. М., 2004. Т. XVI. С. 88). Однако во время Генерального межевания (1776 г.) необходимого для такой этимологизации куш в составе гидронима не было – речка называлась Кошелевка, а в 1570-х гг. – Кошивка (Писцовые книги XVI века. СПб., 1877. Ч. 1, отд. II. С. 1485; эта публикация, в отличие от неизданных писцовых книг XVI-XVII, была указана Г.П. Смолицкой в числе использованных ею источников). Этот же исследователь

производит название речки Лож, притока р. Паж, от lož-upis, «видимо, к лит<овскому> ložinti ‘слегка изгибать’» (Откупщиков Ю.В. Указ. соч. С. 88). Речка Лож (на планах Генерального межевания – Ложь) в своем русле изогнута не менее и не более, чем иные реки в бассейне Протвы, но анализируемый исследователем гидроним достаточно поздний – в писцовых книгах XVII в. речка Лож именуется Уха (в справочнике Г.П. Смолицкой этот вариант не представлен: Смолицкая Г.П. Указ. соч. С. 94). Ошибка, вероятно, произошла при чтении топонима в падежной форме («на реке на Ухе» – «на реке на Лже»).

Изучение эволюции форм топонимов позволило бы исследователям предложить более убедительные варианты их этимологии, чем те, которые порой присутствуют в исследовательской литературе.

К.С. Худин (Москва)

ГЕОГРАФИЯ СНАБЖЕНИЯ АПТЕКАРСКОГО ПРИКАЗА ЛЕКАРСТВЕННЫМИ РАСТЕНИЯМИ (1629—1673)

Развитие медицины в России после Смуты переживает новый подъем. Аптекарский приказ возрождается (или, согласно другим мнениям, только появляется) как, государственное учреждение: со своим делопроизводством, штатом чиновников и с большим количеством подведомственных учреждений.

В Россию, ко двору, приезжают все новые врачи и медицинский персонал. Число их, равно как и число их русских учеников растет. Ранее, в XVI в., врач, приезжая к месту службы, привозил с собой все лекарства, а также необходимые ему приборы. Эта ситуация продолжается и в XVII в. Однако, наряду с теми лекарственными средствами, которые врач привозит с собой, значительная их часть начинает производиться здесь же, в Москве — на аптекарском дворе Аптекарского приказа. Это позволяет снизить стоимость лекарств, а в дальнейшем — распространить продажу лекарственных средств на более широкие слои населения.

Серьезной проблемой становилось снабжение Аптекарского приказа лекарственным сырьем. В тот период имелось три способа

получения этого сырья: 1) покупка за границей лекарственного сырья и готовых лекарств; 2) сбор лекарственных растений на территории России; 3) разведение лекарственных растений в Аптекарском саду (огороде).

Первый способ был сопряжен с рядом известных трудностей. Во-первых, закупки лекарств за границей были достаточно дороги. Во-вторых, они носили случайный, слабо прогнозируемый характер.

Покупка лекарств обычно доверялась торговым людям или дипломатам, которые совершали визит в ту или иную страну, по своим, не связанным с медициной делам. Им необходимо было искать там людей, имеющих должную квалификацию — врачей и аптекарей, чтобы получить необходимые лекарства. Кроме того, каких-либо лекарств просто могло не быть в наличии, и тогда — закупщики возвращались с пустыми руками.

Иногда, закупку осуществляли сами врачи, по пути, направляясь на русскую службу. Однако, они не могли знать какие лекарства им понадобятся на новом месте.

И наконец, третьей преградой являлись трудности, связанный с транспортировкой грузов в Россию. Выходов к морю Россия не имела, за исключением порта в Архангельске, который более полугода был скован льдами. Это была основная «водная артерия», связывающая Европу и Московию. Везти же товары сушей было долго, дорого и, к тому же, небезопасно.

Тем не менее «из-за» моря везли различные европейские вина: «романейные» и «мушкательные» – из Франции, «ренские» из Германских княжеств и прочие, необходимые для «бальзамов» и «составов» «про Государев обиход». Масла «орехов мушкатных», коричное, анисовое, гвоздичное, «инпериково» (имбирное) и другие также поставлялись для лекарственных нужд (РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 22).

Сбор лекарственных растений на подконтрольных Москве территориях и их транспортировка был дешевле, однако также небезопасны и значительно долги. Сборщики зачастую не могли найти тех растений, который требовались, или не находили их в нужном количестве. Кроме того, за время транспортировки собранные, но должным образом не подготовленные растения приходили в негодность. Эти обстоятельства вызывали постоянные нарекания в центре.

География была самой широкой: «траву консолид» везли из Полоцка (РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 742), зверобой – из Томска (Там же. Д. 28, 73а, 168, 219), вишни черные – из Владимира (Там же. Д. 259), «кроповое семя» – из Мурома (Там же. Оп. 1. Д. 544).

Приказ Большого Дворца собирал с подведомственных ему дворцовых сел Московского уезда распространенные на этой территории растения: цветы шиповника («свороборинный цвет») (Там же. Оп. 2. Д. 34А, 39, 40, 41), кувшинок («кубышек») (Там же. Оп. 1. Д. 30), можжевеловые ягоды (Там же. Д. 4, 85; Оп. 2. Д. 250) и пр., специально для Аптекарского приказа. Это составляло одну из повинностей населения в пользу государства.

Чтобы не зависеть от поставок растений, Аптекарский приказ старался развивать собственное хозяйство. Специально обученные садовники разводили растения на аптекарском огороде у стен Кремля. Для этого, из приказа часто просили присылать растения в «сыром» виде, «с травою и с землею» «для сажения» на аптекарском огороде (Там же. Д. 794).

Так, например, просили поступить в 1666 году с «травою консолид». В 1660 году в Архангельске было куплено заграничное «фиҋниколное семя», которое было также «посеено на обтекарском огороде» (Там же. Д. 559).

На протяжении всего XVII в. Аптекарский приказ, переименованный впоследствии в Медицинскую Канцелярию, стремился получить новые образцы растений и привить их на русской почве.

С.В. Чепелевский (Москва)

ГЕОГРАФИЯ ВЫМЫШЛЕННОГО ПРОСТРАНСТВА РОМАНА ДЖ.Р.Р. ТОЛКИНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»

Один из ключевых аспектов современных произведений художественной литературы в жанре *фэнтези* – создание авторами вымышленного мира (имеющего, помимо всего прочего, собственную историю), в котором разворачивается действие художественного произведения. География этого пространства, которое становится основой для развития сюжета, является важным элементом, рас-

смотрение которого необходимо при источниковедческом изучении подобных литературных произведений. Особое место география фантастического пространства занимает в романе одного из основоположников жанра фэнтези Дж.Р.Р. Толкина «Властелин Колец». При знакомстве с романом у читателя возникает свой образ вымышленного мира Толкина – Средиземья. Вместе с этим сам автор неоднократно высказывал свою позицию относительно того, где именно располагается созданная им реальность. «Средиземье – это не вымышленный мир. Название его – современная форма слова <...> *midden-erd* > *middel-erd*, древнего обозначение ойкумены, то есть территории, населенной людьми, или объективного реального мира. Место действия моей истории – Земля, та же самая, на которой мы сейчас живем. Вымышленным элементом является лишь исторический период» (Tolkien J.R.R. The Letters. L., 1995. P. 239). Данное обстоятельство позволяет рассматривать географию Средиземья в сравнении с географией реального мира.

Особую возможность для этого создают карты Дж.Р.Р. Толкина, которые не только позволяют взглянуть на то, как представлял себе пространство соответствующего мира автор, но и проследить процесс создания произведения. Число опубликованных карт сравнительно невелико: две для романа «Хоббит», три для «Властелина Колец», и еще две для «Сильмариллиона», однако количество отдельных набросков, которые увидели свет лишь в составе двенадцатитомного собрания черновиков Дж.Р.Р. Толкина исчисляется десятками. У этих карт, помимо иллюстративной функции, была и чисто практическая – автор использовал их при непосредственной работе над текстом романов, чтобы создать эффект реальности происходящего, адекватно согласовать время и пространство. Именно это стало причиной того, что сюжет романа «Властелин Колец» неотрывно связан с реалиями Средиземья – любые перемещения героев соотносились с картами, исходя из расстояний, которые способен в день одолеть пеший человек или всадник.

Карты составлены не в подлинно средневековом ключе, что можно было бы предположить, исходя из научных интересов Толкина (он был специалистом по англосаксонскому языку и литературе, хорошо знал манускрипты соответствующего периода). Писатель (и картограф) предпочел более современный стиль. Карты Толкина, с одной стороны, функциональны, с другой – не лишены

красоты и гармоничности. Они были важной частью его работы и основное их предназначение – точное воспроизведение описанного в романе мира.

География «Властелина Колец» основана на соответствующих местностях Англии и Западной Европы, хотя строгого соответствия между ними нет. «Если Хоббитания и Ривендейл находятся (как и предполагалось) на той же широте, что и Оксфорд, то Минас-Тирит, расположенный на шестьсот миль южнее, стоит на той же широте, что и Флоренция. Устье реки Андуин и древний город Пеларгир по своему расположению совпадают с древней Троей» (Ibid. P. 376). В работах отдельных исследователей, исходивших из этого утверждения, все объекты Средиземья последовательно сравниваются с европейскими.

В мире Средиземья преобразованные места, в которых Толкин жил или путешествовал (будь то в Англии или Европе), соединяются с объектами, созданными его воображением. Для ряда географических мест, упоминаемых Толкиным, можно легко выявить прототипы: например, название Шир – слово, встречающееся очень часто в составе топонимов Великобритании; образ Мглистых гор (Misty Mountains), которые пришлось пересечь героям романа, навеян путешествием Толкина в Швейцарию и в особенности вершинами Юнгфрау и Юнгфрауйох (Ibid. P. 392) и т. д.

В романе «Властелин Колец» содержится около 1500 имен собственных, из которых большое количество – топонимы. Именно они играют ключевую роль в восприятии географических реалий Средиземья. Однако история прочтения произведения зарубежной литературы в условиях российской социокультурной среды самым тесным образом связана с историей переводов романа. Это и приводит к тому, что восприятие «Властелина Колец» в русскоязычной культуре отличается от оного в англоязычном обществе. Большое количество переводов романа на русский язык обусловило тот факт, что зачастую названия в известной степени преображаются и становятся характерными именно для русской культуры. Одним из наиболее красноречивых примеров является вариация переводов названия *дома* главного героя романа *Bag End* (прототипом данного топонима явилась небольшая ферма тети Толкина Джейн Нив Bag End Farm в Дормстоне, графство Уорсестершир). В переводах на русский язык варианты варьировались в зависимости от позиции пе-

реводчика: Бэг-Энд, Торба-на-Круче, Тупик под холмом, Засумки, Бебень-на-Бугре и т. д. Неудивительно, что при прочтении такого «Властелина Колец» у российского читателя создавалось впечатление, что под Хоббитанией понимается едва ли не типичная российская деревня, тогда как на самом деле Толкин неоднократно подчеркивал, что черпал вдохновение из простой жизни в английской сельской местности (Ibid. P. 246).

Писатель говорил также и о том, что в его произведении бессмысленно искать различного рода аллюзии и аллегории (Tolkien J.R.R. The Lord Of the Rings. L., 2005. P. 7). Однако читатели и критики продолжали и продолжают их поиск. В частности, Мордор (в романе – край, ставший средоточием зла и источником больших бед) воспринимается как иносказательное описание СССР (или позже России), Балкан, мусульманского Востока, нацистской Германии и т. д. Если мы говорим о сугубо географической подоплеке, то авторы обычно исходят из того факта, что Мордор был расположен на востоке.

Изучение географического пространства романа «Властелин Колец» и истории его восприятия в различных социумах позволяет не только глубже понять авторский замысел в целом, но и изучить историю бытования этого знакового произведения XX века.

М.С. Черкасова (Вологда)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В ИМЕНОВАНИИ МОНАШЕСТВА XV—XVII ВВ.

Одним из распространенных явлений в истории монашества эпохи Московской Руси были переводы и переходы старцев из одной обители в другую. Причины их были самые различные – это и распоряжения церковных властей, и нередко случавшиеся внутри духовных корпораций межличностные конфликты, и возможность повысить свой статус в результате назначения на более высокую должность в иной корпорации. Отмеченное явление отразилось в дошедших до нас источниках – актах, вкладных, приходо-расходных книгах. В них содержатся многочисленные сведения об (условно говоря) «географических фамилиях» и катойконимах,

отражающие межмонастырские связи (политические, культурные, экономические) и миграции монашества.

В поземельных актах и записях на книгах Троице-Сергиева монастыря уже в XV в. отмечены монахи с географическими признаками: Афоня *Слабневский* (из переславского сц. Слабнева) или: книгописец Алексей *Переславец* поп Рылов. Здесь заметным было присутствие выходцев из домовых (приписных) обителей – в XV в. Данило Киржацкий, а в XVI в. Киприан Киржачский (из Киржачского Благовещенского монастыря). Даже «отцерковная фамилия» – Васьян и Макарий Благовещенские – несла на себе географический признак и указывала на происхождение называемых лиц из отмеченной обители. Аналогично – Иев Богоявленский (из Богоявленского подворья Троицы в Московском Кремле); Макарий Свияженин (Троице-Свияжского), Тихон Казанец (Троице-Казанского), Авраамий Стромынец (Стромынского Успенского) и т.д.

Крупнейшая в России духовная корпорация пополнялась и выходцами из неприписных к ней монастырей – Елисей Песношский, Герасим и Леонид Болдинские, Иларион Кириловец, Исайя Печерский, Феогност Боровский; Данило, Евфимий, Моисей, Никита, Калинник, Лаврентий и Спиридон Соловецкие (группа выходцев из Соловков в Троицу была наиболее многочисленной); Никандр и Киприан Симоновские, Мартьян Корнильевский, Мисайло Толгский, Пафнутий Угрешской. Иногда за выходцами из других монастырей удерживалось и еще какое-нибудь определение – Макарий Чудовский Ухо.

Катойконимы типа алаторец, балахонец, бежечанин, вереитин, вологжанин, вятчанин, гороховлянин, калужанин, карачевец, костромитин, москвитин, нижегородец, ржевитин, ростовец, смольнянин, старечанин, суздалец, тверитин, ярославец рисуют широкую географию состава монашеской братии Троицы. С учетом ее внушительной численности (500-600 человек) эти катойконимы имели значение и как важный идентифицирующий человека признак, служили неким индикатором индивида в совокупности себе подобных. Многие монахи являлись выходцами из посадской среды русских городов. Фамилии же старцев, образованные от названий сел (Андрея Желтиковский, Авраамий Буженинов-ский, Демид, Иона и Макарий Деулинские, Иоаким Зубачевский и т.п.) указывают на постриженików из крестьян. Несколько иного

порядка именования троицких старцев и слуг уже в актах XV в. по крупным вотчинным селам, куда их посылали с административно-хозяйственными поручениями – Прилуцкий (угличское с. Прилуки), Присецкий (бежецкое с. Присеки), Хупанский (переславское с. Хупань), Шухобаловский (суздальское с. Шухобалово). Такие определения не закреплялись за отдельным лицом, а в принципе прилагались к любому монастырскому агенту, кто отправлялся в данное село. Изредка попадаются катойконимы и «фамилии», указывающие на этническую принадлежность называемого лица – Тихон и Трифон Гречанины, Арефий и Иван Корелянины, черемисины («Максимище Черемисинов»).

Аналогичные по сути сведения содержит приходо-расходная книга вологодского Корнильево-Комельского монастыря за 1576-1578 гг. Она показывает проживание в нем старцев со следующими «фамилиями»: Васьян и Денисий Каменские, Мисаил Свияжский, Феодосий Рабанский, Лаврентий Прилуцкий, Симон Колязинский, Исаак Ферапонтовский, Гурий Лужецкий; Александр, Кирияк и Феодосий Генадьевские; Ефрем Стромынский; Никон, Илинарх и Нестер Павловские, Афанасей Никентьевский, Трифон и Кирилл Кирилловские, Денисий и Сосипатр Смоленские; Венедикт Сийский, Зиновий Угрешский (ЛЗАК за 4 года. Вып. 5. Отд. 2. СПб., 1871. С. 27—28).

Названные таким способом лица являлись постриженикаами или выходцами из северных, поволжских или центральнорусских монастырей — Спасо-Каменного, Богородице-Свияжского, Спасо-Рабангского, Спасо-Прилуцкого, Троице-Калязина, Ферапонтова, можайского Лужицкого, костромского Спасо-Геннадьева, Успенского Стромынского, Павлова Обнорского, Иннокентьева Комельского, Кирилло-Белозерского, Николо-Угрешского, Антоньева Сийского и т. д. Определение «Смоленские» могло указывать на приход данных людей из г. Смоленска. В том же источнике, хотя и реже, чем в троицких актах, вкладной 1673 и описной 1641 г. книгах, встречаются катойконимы типа Иона и Алексей Псковитины, Моисей Володимерец – они также указывают на удержание старцами, проживавшими в Корнильево-Комельском монастыре, названий тех городов, откуда они пришли. Сочетание «Киприан Солотчинский Резанец» свидетельствует о том, что данный старец прежде был жителем г. Рязани, а затем постриженником Рязанского Солотчинского

монастыря. «Псковитины» — это монахи, пришедшие в Корнильев-Комельский из г. Пскова или каких-то псковских монастырей.

Географический масштаб связей Корнильева Комельского монастыря также был весьма значительным – от западных границ России до нижней Двины на севере и Среднего Поволжья на востоке. Однако наибольшая «частотность» приходится на Белозерско-Вологодско-Костромской регион, уезды которого были издавна тесно связаны, представляя собой один из наиболее значительных очагов монастырской колонизации Северо-Восточной Руси XIV-XVI вв.

Таким образом, вычленение географического компонента из антропонимических конструкций именования русского монашества (духовных корпораций различного ранга – центральных либо северных уездов) проливает дополнительный свет на его историю – происхождение конкретных лиц, миграции, горизонтальную и вертикальную мобильность. Эта социальная общность не производит впечатления слишком замкнутой, а монастыри эпохи Московской Руси напоминают открытые системы, распахнутые вовне.

В.В. Шаповал (Москва)

ГЕОГРАФИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ И ГЕОГРАФИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

Границы лингвистические обычно не столь отзывчивы на исторические события, как границы административные. Разумеется, влияние и в этом направлении прослеживается, но в лингвистическом плане оно оказывается отложенным во времени и потому не всегда прямо связывается с историей. Весьма важным оказывается учет географического фактора при описании территориальных говоров. Рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих различные аспекты этого утверждения.

Административное членение, актуальное в момент написания источника, может быть изменено к моменту его прочтения. Так, следующее слово описано как вологодское: «4. Лек, а, м. [Знач.?]. Охота тебе слушать этого дурака, лек он, одно слово. Волог., Истор. вестник, 1914» (Словарь русских народных говоров. – Вып. 16. – М.;

Л., 1980. – С. 341). Так оценивается отцом девушки тот, кто наговаривает на нее; при этом слово «лекъ» в первой публикации взято в кавычки (Северцев-Полилов Г.Т. На каюках. Рассказ // Исторический вестник. – 1914. – Т. CXXXVI. – Июнь. – С. 865). Уточнения к данному источнику и к его интерпретации следующие: автор рассказа нигде прямо не упоминает Вологду, один раз вскользь упомянут русский север, зато прямо указано: «Жители по преимуществу зыряне», трижды упоминаются реки нынешней республики Коми: Вымь, Ухта, а также Шом-Вуква (Северцев. Ук. соч. – Май. – С. 470, 479; Июнь. – С. 873). Таким образом, помета «Волог.» понимается в соответствии с границами губернии, актуальными для 1914 г., но выводы эти сделаны по косвенным данным, извлекаемым из художественного текста. Следовательно, наряду с неясным значением, требует уточнения и география употребления этого слова.

Географическая привязка фольклорного произведения к месту его фиксации не может быть автоматической. «Стохом, нареч. [Знач.?]. Он стохом офицерушкам не бьет. Верхоян. Якут., Зензинов, 1913» (Словарь... – Вып. 41. – М.; СПб., 2007. – С. 253). В цитате пропуск слова «челом». Ср. в песне о Стеньке Разине иначе: «Онъ стохамъ офицерушкамъ челомъ не бьетъ, Астраханскому губернатору подъ судъ не идетъ» (Зензинов В.М. Русское Устье Якутской области Верхоянского уезда // Этнографическое обозрение. – 1913. – Кн. XCVI – XCVII. – № 1-2. – С. 215, № 1); в совр. орфографии: «стохам (?)» (Зензинов В.М. Русское Устье. (Из дневника ссыльного) // Современные записки. – 1920. – Кн. I. – С. 67 [http://emigrantika.ru]). Собиратель В.М. Зензинов пояснил: «Многих слов сами поющие не понимают и в оправдание говорят, что «из песни слова не выкинешь» (Там же. – С. 73). Возможно, за стохам не узнано слово: «Спехом, нареч. Торопливо, спешно». (Словарь... – Вып. 40. – М.; СПб., 2006 – С. 138). Последнее известно в нескольких губерниях, но в Верхоянском уезде записано стохам от исполнителя, не понимавшего слова и исказившего его. Понятно, что считать эту запись фиксацией слова спехом нельзя, но можно ли ее считать полноценной фиксацией якутского диалектизма?

Порой слишком узкое толкование диалектного слова косвенно указывает на небольшой и не вполне репрезентативный круг контекстов, имевшийся в распоряжении составителя: «Зграбно, нареч. Красиво. У его всегда зграбно получается. Йонав. Лит. ССР, 1965»

(Словарь... – Вып. 11. – М.; Л., 1976. – С. 228), ср. польск. zgrabny ‘стройный, изящный, ловкий’. Вопрос достаточно серьезный. В 1965 году в материалы по русской диалектологии включили польское слово, локально известное в Литве и сегодня. Если считать его элементом региональной русской речи, надо его полнее описать. Если нет, не включать в словарь. В последних выпусках также используется помета «Лит. ССР», но сейчас она имеет историческое содержание. «Мондрый, ая, ое. Слишком хитрый. Если ты такой мондрый, так сам и иди к председателю, зачем других посылаешь? Йонав. Лит. ССР, 1960» (Словарь... – Вып. 18. – М.; Л., 1982. – С. 252), в польском это прилагательное ‘умный, мудрый’ не содержит негативной оценки, но с местоимением taki в препозиции довольно часто означает именно ‘излишне хитрый’ с негативной коннотацией. Опять можно зафиксировать некоторую региональную специфику, но не по одному контексту.

В целом ряде случаев можно также отметить наличие особых морфологических вариантов полонизмов в Литве: «Будынка, и, ж. Пристройка; строение вообще. Йонав. Лит. ССР, 1961» (Словарь... – Вып. 3. – М.; Л., 1968. – С. 248); ср. украинское будинок, белорусское будынак, а также польское budynek ‘строение, здание’.

Весьма вероятно, что некоторые из таких вариантов являются результатом ошибочной интерпретации со стороны записавшего. При реальном слове «Пагурок, рка, м. Холм, пригорок. Зап., Даль. Снизу белуга, а на пагурке приглинок. Йонав. Лит. ССР» (Словарь... – Вып. 25. – М.; Л., 1990. – С. 116) таковым, похоже, является сомнительный вариант другого грамматического рода: «Погурка, ж. Горка. На погурке ягоды всегда раньше бывают. Лит. ССР, 1960» (Словарь... – Вып. 27. – М.; Л., 1992. – С. 319). Последнее может оказаться гиперкоррективной в отношении начального па- формой именительного падежа единственного числа, восстановленной по аналогии с русским горка на основе того же микроконтекста на пагурке, допускающего возведение как к мужскому (пагурок, ср. польск.), так и к женскому роду (погурка). Трудно решить, как относятся варианты будынка и погурка к русскому языку, даже если выяснится реальность этого варианта для местной польской речи.

Итак, при составлении диалектных словарей необходимо использование данных исторической географии, выработка принципов оценки особых географических сведений из привлекаемых ли-

тературных и фольклорных источников, учет изменчивых социолингвистических реалий, описываемых в рамках точных географических координат.

Ю.Э. Шустова (Москва)

ГЕОГРАФИЯ ИЗДАНИЙ РАЗРЕШИТЕЛЬНЫХ ГРАМОТ ВОСТОЧНЫХ ПАТРИАРХОВ В XVII В.

В погребальном обряде православной церкви умершему в руки вкладывалась отпускная разрешительная от грехов грамота. Прижизненную разрешительную (разрешальную) грамоту можно было получить за определенную плату у церковного иерарха. История этого обряда, его описания иноземцами и бытования разрешительных грамот подробно описаны в работах Н.П. Лихачева, Д.Ф. Кобеко и А.А. Булычева (Лихачев Н.П. О разрешительных грамотах восточных патриархов. М., 1893; Кобеко Д.Ф. Разрешительные грамоты иерусалимских патриархов // ЖМНП. 1896. Июнь. Ч. CCCV; Булычев А.А. Несколько замечаний о так называемых разрешительных грамотах // Russica Romana. Vol. XVI. Pisa; Roma, 2009. P. 9—36). С начала XVII в. разрешительные грамоты от имени восточных православных иерархов стали издавать типографским способом. Самой ранней известной печатной грамотой является разрешительная грамота монемвасийского епископа Иоасафа, изданная в типографии Львовского братства в 1608 г. (РНБ. ОРК. XIX.6.14. Инв. 4728). Выявление и изучение разрешительных грамот восточных иерархов XVII в. позволит узнать о практиках погребального обряда у православного населения Речи Посполитой и Московского государства. Чрезвычайно важным вопросом в связи с этим представляется изучение географии изданий бланков разрешительных грамот.

В XVII в. разрешительные грамоты печатались в Киеве и Москве. Большинство этих изданий не сохранились до наших дней. Сведения о печати грамот на Московском печатном дворе сохранились в архивных документах Приказа книгопечатного дела. Так, 28 мая 1655 г. тиражом 1000 экз. была отпечатана раз-

решительная грамота сербскому патриарху Гавриилу; в июне 1667 г. — вселенским патриархам, в мае 1669 тиражом по 1000 экз. мужская и 500 экз. женская — для александрийского патриарха Паисия (Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА: Каталог. Вып. 3. 1651–1650 / Сост. Л.Н. Горбунова, Е.В. Лукьянова. М., 2003. № 16, 54, 73, 74). Все эти грамоты предназначались для раздачи православному населению на всем протяжении следования иерархов из Москвы. В литературе высказывались мнения о печатании таких грамот во Львове, Валахии.

Кроме указанной выше грамоты монемвасийского епископа Иоасафа, атрибуция места издания которой не вызывает сомнений, в литературе хорошо известна грамота иерусалимского патриарха Нектария, атрибуция которой вызывает сомнения. Впервые грамоту в научный оборот ввел в 1908 г. И.С. Свенцицкий. В «Описи музея Ставропигийского Института во Львове» он дает описание грамоты: «Нектария, иерусалимского патриарха, разрешительная грамота: "Сvну Василию" 1670 г. в июне напечатанная во Львове по славянски; заголовок между двух ксилоритов греческий; внизу одна строка греческой вязанной скорописью. В габлоте» (Свенцицкий И.С. Опись музея Ставропигийского института во Львове. Львов, 1908. № 535. С. 133).

Краткое библиографическое описание грамоты в 1970 г. приводит Я.Д. Исаевич в каталоге львовских изданий XVI–XVIII вв. Он, вслед за И.С. Свенцицким, датирует грамоту 1670 г., отмечает, что она напечатана на одном листе и указывает ее первое описание в библиографии Свенцицким, а также место ее настоящего хранения в фонде архива Львовского Ставропигийского братства в Центральном государственном историческом архиве во Львове (Львівські видання XVI–XVIII ст.: Каталог / Уклав Я.Д. Ісаєвич. Львів, 1970. № 59. С. 21). В 1975 г. вышел сводный каталог кириллических старопечатных изданий, хранящихся в собраниях г. Львова, Ф.Ф. Максименко. Здесь также указана Грамота иерусалимского патриарха Нектария, атрибутируемая типографии Львовского братства и 1670 г. (Максименко Ф.П. Кириличні стародруки українських друкарень, що зберігаються у львівських збірках: Зведений каталог. Львів, 1975. № 35). По сравнению с описанием в каталоге Я.Д. Исаевича, здесь имеется указание на формат грамоты: 2°. Максименко не упоминает описание грамоты Свенцицкого, отмечая только ее упоминание в каталоге Исаевича, а указывая место ее хранения допускает неточ-

ность, называя библиотеку Центрального государственного исторического архива во Львове, тогда как грамота хранится не библиотеке архива, а в фонде 129 «Ставропигийский Институт», что было указано ранее Исаевичем.

В 1981 г. вышел сводный каталог старопечатных книг, изданных на Украине А.П. Запаско и Я.Д. Исаевича. В нем также указана грамота иерусалимского патриарха Нектария 1670 г., изданная в типографии Львовского братства, указываются ее библиографические описания в каталогах Я.Д. Исаевича и Ф.Ф. Максименко (каталог Свенцицкого не указан) и номер дела фонда «Ставропигийский институт» Центрального государственного исторического архива Украины в г. Львове (далее – ЦГИА, г. Львов), где грамота хранится сейчас (указан старый шифр, до упорядочения фонда в 70-х гг. XX в.). Со ссылкой на этот каталог и в такой же атрибуции упоминается эта грамота и в исследованиях.

Начиная с 1908 г., когда грамота впервые была введена в научный оборот, никто из исследователей ни разу не подверг критическому анализу атрибуцию С.И. Свенцицкого. Однако необходимость детального изучения грамоты de viso была продиктована сомнениями прежде всего в корректной датировке грамоты. Иерусалимский патриарх Нектарий в 1668 г. принял решение уйти на покой, и уже 13 января 1669 г. Досифей II Нотара был утвержден иерусалимским патриархом Синодом Иерусалимской церкви. Можно было предположить, хотя и с малой долей вероятности, что в типографии Львовского братства в 1670 г. могли издать грамоту от имени Нектария, который как минимум год уже не являлся иерусалимским патриархом. Однако изучение самой грамоты, хранящейся в архиве Львовского братства (ЦГИА, г. Львов. Ф. 129. Оп. 1. Д. 628), сделало очевидными явную ошибку Свенцицкого в датировке, повторяемую в последующей библиографии, а также неточности в описании грамоты. Грамота подписана самим патриархом Нектарием, что исключает саму возможность ее датировки 1670 г. В тексте грамоты указан год по эре от сотворения мира: «В лето от созданіа Мїру зрог». Никаких указаний на месяц в тексте грамоты не имеется. При переводе даты на эру от Рождества Христова получаем 1664/1665 г. Свенцицкий не точно воспроизвел имя получателя грамоты, вписанное от руки в специально оставленном пробельном месте в печатном бланке, следует читать: «CYN Васили»; также не-

точности есть и в описании греческих текстов грамоты: они представляют собой обозначение титула иерусалимского патриарха Нектария: в начале грамоты – ксилографически, а в конце – собственноручная подпись патриарха. Таким образом, грамоту следует датировать 1664/1665 г.

При дальнейшем изучении грамоты возник вопрос и о месте ее издания. Грамота напечатана шрифтом, который использовался в типографии Львовского братства, начиная с 1609 г. (Иоанн Златоуст. О воспитании чад. Львов: Тип. братства, 1609) и во многих последующих изданиях. Однако изучение ксилографий грамоты дало повод усомниться в том, что грамота была отпечатана во Львове. Ни одна из двух гравюр, используемых в грамоте – Воскрешение Лазаря и Св. апостол Иаков – не встречается ни в одном из известных изданий типографии Львовского братства, равно как и не удалось обнаружить в них и инициал буквы У. Предположить, что три ксилографические доски, хотя и небольшого размера, были изготовлены специально для печати однолистной грамоты, не представляется возможным. Изготовленные доски всегда использовались в последующих изданиях. Поэтому было сделано предположение, что грамота была издана не во Львове. Поиск ксилографий, использованных в грамоте, позволил сделать интересный вывод. Инициал впервые использован в Евангелии учительном Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого (Рохманово, 1619. Л. 286 2-го сч., 88 3-го сч., 158 об. 3-го сч.). Он же встречается в Часослове (Киев, тип. Тимофея Вербицкого, 1625. Л. 118 об.). Это позволяет сделать вывод, что материалы из рохмановской типографии попали к Тимофею Вербицкому и использовались им и для печати в Валахии Требника (Долгое поле, 1635), куда он был послан киевским митрополитом Петром Могилой для организации книгопечатания. Материалы, которые привез с собой в Валахию Т.А. Вербицкий, использовались в изданиях Говорского монастыря, Дельского монастыря и Терговиште. Также доски рохмановского Евангелия Учительного посредством Вербицкого попадают в Яссы. Сотрудничество львовских мастеров с валашскими типографиями ознаменовалось изданием Иваном Кунотовичем в Долгом поле Анфологиона (1643) и в Дельском монастыре Евангелия учительного (1644).

В 1640 г. молдавский воевода Василий Лупу обратился к Львовскому братству с просьбой помочь в организации типографии.

Просьба была удовлетворена и 15 января 1641 г. Василий Лупу выражает благодарность братству (ЦГИА, г. Львов. Ф. 129 . Оп. 1. Д. 550). Видимо, братство отправило в Яссы кириллические шрифты своей типографии, а матрицы греческих шрифтов задержали с отправкой, о чем выражал беспокойство игумен монастыря Трех святителей в Яссах Софроний Почасский. Таким образом с начала 40-х гг. в Яссах были кириллические шрифты типографии Львовского братства и ксилографические доски, доставшиеся от типографии Тимофея Вербицкого. В Яссах долгое время размещалась резиденция иерусалимского патриарха Нектария. Поэтому можно утверждать, что разрешительная грамота 1664/1665 г. была напечатана в Яссах.

Здесь же была напечатана грамота иерусалимского патриарха Досифея II Нотара 1670 г. (РНБ. XVII.1.92. Инв. 4110), в которой также используются львовские шрифты и доски рохмановской типографии и типографии Вербицкого.

Таким образом, можно утверждать, что печать разрешительных грамот была налажена в Молдавии, в резиденции иерусалимских патриархов. Причем на примере сохранившихся двух бланков можно сделать вывод и о эволюции раздачи таких грамот. Если грамота патриарха Нектария снабжена его собственноручной подписью, то грамота патриарха Досифея заканчивается ксилографической подписью. Ксилографические подписи восточных патриархов характерны для разрешительных грамот XVIII в.

Л. Янсонс (Рига, Латвия)

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ЛАГЕРЬ» И «СВОБОДНЫЙ МИР» КАК КАТЕГОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЕТАГЕОГРАФИИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ПРИМЕРЫ АНАЛИЗА АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ США (1961—1963)

«Коммунистический лагерь» и «свободный мир» как категории исторической метагеографии *Холодной Войны* традиционно являлись частью методологического инструментария, при помощи которого формировались теоретические направления углубленного изучения отдельных семантических пластов этого комплексного и,

по сути, синтетического феномена мировой истории второй половины XX века. Данные категории, правда, не всегда «сопряженные» с концептуально расплывчатой эволюцией исторической метагеографии как альтернативного синтеза практики, теории и даже философии истории послевоенного периода (возникновение и изначальную формулировку концепта *метагеографии* традиционно связывают с монографией: Lewis M.W., Wigen R.E. The Myth of Continents: a Critique of Metageography. Berkeley; Los Angeles, 1997), все же присутствовали в процессе формирования как европейских и американских, а также отчасти и российских историографических направлений по интегрированному изучению феномена *Холодной Войны*. Особенно это касается тех направлении в историографии, которые базированы на «естественном противостоянии» или тотальной конфронтации обоих «центров тяжести» эпохи *Холодной Войны* – СССР и США.

Но, так как историческая метагеография отражает только: 1) абстрактные, субъективные или искусственно сконструированные представления о глобальном / региональном геополитическом пространстве и его внутренних процессах, или 2) является динамической «совокупностью пространственных структур в которых люди умозрительно облачают свои знания о мире» (Ibid. P. 12), можно выдвинуть гипотезу, что и ее составляющие – концепты и категории, по умолчанию, тоже должны являться умозрительными. Это должна быть сумма теоретических элементов, которых с объективными геополитическими реалиями связывает только их специфическая роль в формировании и развитии системы риторических абстракций «при реальной политике».

В данном случае категории «коммунистического лагеря» и «свободного мира» имеют свое особое место не только во внутренней логической структуре концепта исторической метагеографии *Холодной Войны*, но и на разных пластах советско-американской геополитической и пропагандистской полемики начала 60-х годов XX века, особенно периода президентства Дж.Ф. Кеннеди. Этот период в политической и идеологически-пропагандистской истории США XX в. можно назвать одним из наикратчайших, но в то же время и самых динамичных, переполненных не только реальным политическим напряжением, но генерацией пропагандистских метаструктур внутри- и внешнеполитической направленности. Одна

из ключевых метаструктур этого разряда – историческая метагеография *Холодной Войны*, которая в Америке начала 1960-х годов пользовалась большим политическим «спросом» и во внешней, и во внутренней политике и демонстрировала удивительную способность видоизменения, при том не теряя своего жесткого, рационального политического содержания, стержень, суть которого можно выразить коротко – это превосходство «свободного мира» над «коммунистическим лагерем» на всех уровнях конфронтирующего соперничества, доказательством чего может служить абсолютно все: начиная с прогресса науки, достижений космической отросли, политически-риторической защиты либерализма и гражданских свобод представителей всех рас и этносов и кончая заверениями, что только смелые, честные и бескомпромиссные (то есть, американцы как нация; США как государство вместе со своими политическими союзниками во всем мире) могут и имеют моральное право победить в *Холодной Войне*.

«Коммунистический лагерь» и «свободный мир» как категории исторической метагеографии *Холодной Войны* в институциональных документах США периода президентства Дж.Ф. Кеннеди представлены в довольно широком терминологическом и интерпретативном спектре (источник данной пары терминов как символического обобщения вариаций: Schlesinger A.M. A Thousand Days: John F.Kennedy in the White House. NY., 2002. P. 506). Особенно богаты терминологическими вариациями этих категории коллекции документов с явно выраженным идеологически-риторическим или пропагандистским уклоном. К тому же, данные вариации не сконцентрированы в узких тематических (внешнеполитических) коллекциях документов, а имеют весьма широкую распространенность как во внутри-, так и внешнеполитической документации.

Интересно и примечательно и то, что рефлексия категорий «коммунистического лагеря» и «свободного мира» в институционной документации США начала 60-х годов иногда переступают грань между теоретическими спекуляциями и реальной зарисовкой политических процессов; между реальной политикой, рационально и меркантильно обусловленной политтехнологической направленностью, и имагинарными структурами «конфронтации силовых полей» *Холодной Войны* (например: Statement by Edward R. Murrow, the Director of United States Information Agency before the Sub-

committee on International Organizations and Movements of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, March 28, 1963. P. 6; White House Files, Subject Files 1961–1964, Box WH-23, Folder US Information Agency 2/5/63-10/5/63, Arthur M. Schlesinger, Jr. Papers, John F. Kennedy Library). Этот фактор особенно важен как при осуществлении археографической обработки документов из коллекций различного происхождения и значения, так и при попытках связать процессы реальной политики с целенаправленно создаваемыми пропагандистскими клише.

В институционных источниках периода президентства Дж.Ф. Кеннеди категории «коммунистического лагеря» и «свободного мира» представлены не только в довольно широком, но и в изменчивом терминологическом спектре, который, как свидетельствуют некоторые документы того времени, отнюдь не являлся совокупностью случайно подобранных терминов и понятий (например: Memorandum, Donald M. Wilson to A.M. Schlesinger, August 15, 1961, Terminology, White House Files, Subject Files 1961-1964, Box WH-23, Folder US Information Agency 8/15/61-1/25/63, Arthur M. Schlesinger, Jr. Papers, JFKL; Memorandum, A.M. Schlesinger to Mr. Bundy, June 19, 1961, The Rusk-Murrow Memorandum on An Effective Contertheme to «Peacful Coexistance», White House Files, Subject Files 1961–1964, Box WH-23, Folder US Information Agency 3/30/61-7/26/61, Arthur M. Schlesinger, Jr. Papers, JFKL). В разработке этой терминологии наблюдается системный подход, на который нередко указанно даже в текстах самих анализируемых документов, который эволюционировал в соответствии с актуальными тенденциями политической риторики *Холодной Войны* как тотального и бескомпромиссного противостояния «воюющих» сторон (Transcript of Remarks by the Honorable Secretary of State, Dean Rusk, at Amherst College 141st Commencement, Sunday, June 17, 1962. P. 5–6; Folder Amherst College, Amherst, MA, June 17, 1962, RG 59 General Records of Department of State, Records of Secretary of State Dean Rusk, Speeches and Statement by the Secretary of State, 1961-1969, Westminster College Address6/4/1962 to Geneva 7/20-25/1962, Box 8, The National Archives).

В данном докладе обе категории исторической метагеографии *Холодной Войны* анализируются с сугубо источниковедческой позиции, то есть позиционирование, толкование и динамика «содержания» этих категорий базируется только на данных архивных доку-

ментов США, преимущественно, на различных коллекциях документов федерального уровня (президентской администрации, советников президента, чиновников Госдепартамента и. т. д.) из фондов архива Президентской библиотеки и музея Дж.Ф. Кеннеди (Бостон, Массачусетс) и Национального Архива США (Колледж-Парк, Мэриленд). Только для концептуального толкования понятия «исторической метагеографии *Холодной Войны*» и попыток позиционирования этого концепта в схеме исторической географии второй половины XX века планируется привлечь секундарные, то есть историографические, источники. Так же, при необходимости, могут быть привлечены и источники теории и философии истории конца XX века (например, рассматривающие т. наз. метаструктуральную парадигму в реконструкции / толковании реальности прошлого).

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

А.М. Пашков (Петрозаводск)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ АРХИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.*

Во второй половине XIX в. усилился интерес широких кругов российской общественности к истории России. Это обусловило повышение внимания к изучению исторических источников, и прежде всего архивных документов. У многих профессиональных историков и любителей-краеведов появилась потребность повысить свою квалификацию в области архивного дела, источниковедения и методики исторического исследования. Это обусловило появление двух уникальных учебных заведений – Санкт-Петербургского (с 1914 г. Петроградского) (далее ПАИ) и Московского археологических институтов (далее МАИ).

ПАИ возник в 1877 г. по инициативе известного историка права, архивного деятеля и археографа Н.В. Калачова, который и стал его первым директором. В качестве образца для ПАИ была взята французская Ecole des Chartes (Школа хартий) – учебное заведение в Париже для подготовки архивистов. Летом 1873 г. Н.В. Калачов совершил поездку в Западную Европу, в ходе которой посетил Школу хартий и ознакомился с этим учебным заведением. Известно, что, наряду с другими дисциплинами, историческая география преподавалась там до 1869 г. как самостоятельный курс (Архивное дело с древнейших времен до 1917 г. // Труды ВНИИДАД. Т. 8. Ч. 2. М., 1979. С.105).

В декабре 1873 г. на заседании Временной комиссии об устройстве архивов Н.В. Калачов впервые поставил вопрос о создании археологического института, «в котором молодые люди, оканчивающие курс наук в университете, дополняли бы свое классическое и юридическое образование изучением отечественных древностей и

палеографии в особенности». На заседании было решено создать специальную комиссию по выработке положения об археологическом институте в составе Н.В. Калачова, известного библиографа и летописеведа Д.В. Поленова и нумизмата Ф.К. Опочинина.

В первом варианте положения о ПАИ, написанном, вероятно, Н.В. Калачовым, среди других дисциплин, намеченных для преподавания, значились «хронология, нумизматика и география России до XVIII столетия включительно» (РГИА. Ф. 550. Оп. 1. Д. 440. Л. 4об.). Во втором варианте положения о ПАИ, дополненном, вероятно, с учетом замечаний Д.В. Поленова и Ф.К. Опочинина, было уточнено название исторической географии: «древняя география вообще и в особенности России до XVIII столетия включительно».

В итоге, в официально утвержденных положениях о ПАИ 23 июля 1877 г. и 11 января 1880 г. среди дисциплин, намеченных для преподавания в этом институте, была указана «древняя география вообще, и в особенности России до XVIII века включительно» (Положение об Археологическом институте [утверждено 23 июля 1877 г.] // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 52. СПб., 1879. С. 46; Положение об Археологическом институте [утверждено 11 января 1880 г.] // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 54. СПб., 1881. С. 362).

В августе 1877 г. преподавателем ПАИ по курсу «русская историческая география» был назначен Е.Е. Замысловский. Его преподавательская деятельность в ПАИ была недолгой, так как уже в конце 1878 г. он покинул институт.

Чтобы ликвидировать пробелы институтского образования, по предложению Н.В. Калачова Совет ПАИ обязал каждого слушателя предоставить к концу обучения письменную работу. Среди тем, избранных слушателями первого выпуска (1878–1880 гг.), пять были посвящены составлению исторических карт на основе писцовых книг (ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 11. Л. 51об. 52об.; См также: Оглоблин Н.Н. Из воспоминаний слушателя Археологического института // Вестник археологии и истории. Вып. 15 СПб., 1903. С. 384–385).

В 1885 г. умер Н.В. Калачов, его преемником на посту директора ПАИ стал известный историк права И.Е. Андреевский (в 1883–1887 гг. – ректор С.-Петербургского университета). Он продолжил введенную еще Н.В. Калачовым практику проведения вечерних занятий слушателей, на которых они читали и обсуждали свои рефераты. На одном из таких занятий обсуждался подготовленный вы-

пускником и преподавателем ПАИ А.П. Вороновым реферат, посвященный только что вышедшему историко-географическому сочинению С.М. Середонина об английском дипломате Дж. Флетчере, побывавшем в России в конце XVI в. (Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб., 1891). В конце 1889 – начале 1890 г. несколько лекций на тему «Археология восточно-европейской равнины» прочел в ПАИ магистрант С.-Петербургского университета А.С. Лаппо-Данилевский. В ряде институтских документов его чтения были названы лекциями по исторической географии (ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 26. Л. 76; Яковлев П.С. Памятная книжка Археологического института в С.-Петербурге. 1878–1911. СПб., 1911. С. 15).

В 1891 г. И.Е. Андреевский умер и новым директором ПАИ стал А.Н. Труворов. При нем в ПАИ был приглашен приват-доцент С.-Петербургского университета С.М. Середонин, который с ноября 1892 г. начал там чтение курса по «древней географии вообще, и в особенности России до XVIII века включительно». По новому положению о ПАИ, принятому в июне 1899 г., эта дисциплина стала называться «историческая география и этнография России» (Положение о С.-Петербургском археологическом институте // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. С.591). С.М. Середонин сразу стал одним из ведущих преподавателей ПАИ. В мае 1893 г. он выступил на публичном акте ПАИ в конце учебного года с речью «О науке исторической географии в России» (ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 54. Л. 85). Чтение своего курса С.М. Середонин продолжал до своей кончины в июле 1914 года. Материалы лекций С.М. Середонина были неоднократно изданы (Середонин С.М. Конспект лекций по исторической географии, читанных в Археологическом институте в 1895–96 акад. году. СПб., 1896; Он же. Историческая география. Лекции, читанные в С.-Петербургском археологическом институте в 1899–1900 академическом году. СПб., 1899. 99 с.; Он же. Русская историческая география. Конспект лекций С.-Петербургского археологического института. СПб., 1901. С. 20–57; Он же. Историческая география. Лекции, читанные в С.-Петербургском археологическом институте. Курс 1-2. СПб., 1902. 84 + 125 с., 1 карта; Он же. Историческая география. Лекции, читанные в С.-Петербургском археологическом институте. СПб., 1905). В современной историографии оценки этого курса основаны на изучении последнего, посмертного, изда-

ния лекций (Середонин С.М. Историческая география. Лекции, читанные в Петроградском археологическом институте. Посмертное издание. Петроград, 1916. 4 + 241 с., 1 карта; Издание имеется в Интернет: http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=509 на 13.11.2010). Данное издание было подготовлено вдовой автора Е.М. Середониной, а сам автор успел просмотреть только первые 11 листов текста (ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 517. Л. 24; Д. 54. Л. 30об.).

В издании 1916 года изложение материала доведено только до XIII века включительно, а в литографированных изданиях содержание хронологически доводится до конца XVII века, с отдельными экскурсами в XVIII век.

Главной задачей исторической географии С.М. Середонин считал «определение территории, занятой тем или другим народом». Хотя в курсе С.М. Середонина проявлялся интерес и к вопросам экономической истории, все же историческая экономическая география не заняла в его курсе должного места, а вопросы исторической демографии вовсе остались вне поля его зрения. Курс С.М. Середонина отличает хорошее знание источников и исследований, в нем приводятся многочисленные данные о расселении на территории Европейской России различных племен и народов, начиная со скифов. Большое место в курсе занимают вопросы славянской и русской колонизации, образования городов, развития торговых путей.

С обширной рецензией на посмертное издание лекций С.М. Середонина выступил А.А. Шахматов (Шахматов А.А. [Рец.] Историческая география. Лекции, читанные С.М. Середониным в С.-Петербургском археологическом институте. Посмертное издание. Птг., 1916 // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 1–2. С. 198–208). В своем критическом, но доброжелательном обзоре он высоко оценил этот труд. А.А. Шахматов писал: «С.М. Середонин оставил русской исторической науке богатый выводами и ценными обобщениями труд и оживил таким образом наш интерес к Древней Руси и доисторическим судьбам славянства» (Там же. С. 208).

После смерти С.М. Середонина на его место в сентябре 1914 г. по рекомендации С.Ф. Платонова (с осени 1905 г. С.Ф. Платонов читал в ПАИ курс «Обзор источников русской истории»: ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 505. Л. 18–21) был избран приват-доцент Петроградского университета, член Археологической комиссии А.А. Спицын. По-видимому, этот выбор объясняется тем, что А.А. Спицын был не

только крупнейшим авторитетом в области археологии и истории материальной культуры, но и автором нескольких историко-географических статей (Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. N 8. С. 301–340; Он же. Торговые пути Киевской Руси // Сборник статей, посвященных С.Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 215–253 и др.). Сразу же после избрания А.А. Спицыну было предложено принять на себя «изложение очередного отдела предмета (именно географии Киевского и удельного периодов)» (ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 410. Л. 30об.). Вскоре, в 1917 г., курс А.А. Спицына по русской исторической географии был издан (Спицын А.А. Русская историческая география. Учебный курс. Птг., 1917; Мздание имеется в Интернет: http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=22794 на 13.11.2010). Очевидно, что небольшой срок преподавания не дал возможности автору углубленно разработать этот учебный курс. В.К. Яцунский так оценивал курс А.А. Спицына: «Наиболее широким по содержанию был самый краткий по объему (всего 68 страниц) курс А.А. Спицына. Книга его начинается с беглых замечаний о задачах исторической географии и ее источниках. Далее следует характеристика физической географии Европейской России. Историческая география России рассматривается по трем периодам: Киевского государства (период великокняжеский, по терминологии автора), феодальной раздробленности (удельный период) и Московского государства XVI XVII веков. Между главами по второму и третьему периодам вставлены очень сжатые очерки о Литовском государстве, татарах, возвышении Москвы. Завершается книга несколькими страницами, посвященными Украине и казачеству. В пределах каждого периода изложение построено по районам. Спицын рассматривал национальный состав и размещение населения, географию путей сообщения и торговли, бегло останавливался в ряде случаев на занятиях населения и экономической роли некоторых городов. Хронологически курс Спицына доведен до XVIII в.» (Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3. М., 1963. С. 605). В появившейся в 1921 г. рецензии А.А. Введенского пособию А.А. Спицына была дана негативная характеристика (Введенский А.А. [Рец.] Спицын А.А. Русская историческая география. Учебный курс. Издание Петроградского археологического института. 1917. 68 с. // Русский исторический журнал. Кн. 7. Пг., 1921. С. 189–192). В одном из обзоров

научных трудов А.А. Спицына это издание было названо «опыт учебного курса русской исторической географии» (Платонов С.Ф., Крачковский И.Ю., Ольденбург С.Ф. Записка об ученых трудах А.А. Спицына // Известия Академии наук СССР. 6-я серия. 1927. N 18. С. 1504), что также указывает на его недоработанность. Сам А.А. Спицын признавал, что изучение исторической географии привлекло его потому, что было связано с археологией, а чтение лекций хотя и мешало основной работе – издательской деятельности в Археологической комиссии, но «вынуждало» к научной обработке материала (Спицын А.А. Мои научные работы // Сборник статей по археологии византиноведению, издаваемый семинаров им. Н.П. Кондакова. Т. 2. Прага, 1928. С. 332, 342). В архиве А.А. Спицына хранятся рукописи лекций по исторической географии за 1916–1921 гг. и подготовительные материалы к ним, свидетельствующие о том, что после 1917 г. объем курса был увеличен в несколько раз по сравнению с опубликованным изданием (Бич О.И. Архив А.А. Спицына // Советская археология. Т. 10. М., Л., 1948. С. 23, 25, 30–33).

А.А. Спицын читал в ПАИ свой курс исторической географии вплоть до закрытия института в 1922 г.

После смерти в 1896 г. А.Н. Труворова новым директором ПАИ стал специалист по церковным древностям Н.В. Покровский. При нем было восстановлено чтение слушателями своих рефератов на вечерних занятиях, прекращенное при А.Н. Труворове. Среди рефератов многие были посвящены исторической географии. Так, преподаватель ПАИ А.Л. Погодин представил реферат на тему «К вопросу о геродотовых неврах», слушатель Г.М. Болсунов «О доисторической колонизации Европейской России», слушатель Я.И. Гурлянд – «О хазарах» и слушатель Л.С. Багров – «Древние географические карты и изучение их» (Реферат был опубликован: Багров Л.С. История географической карты // Вестник археологии и истории. Вып. 23. Пг., 1918. С. 1–136. Л.С. Багров (1881–1957) окончил в 1903 г. С.-Петербургский университет, в 1918 г. эмигрировал из России и поселился в Берлине, в 1945 г. переехал в Стокгольм, в 1935 г. основал международный журнал по истории картографии «Imago Mundi», автор обобщающей монографии «История картографии» и других работ).

В сентябре 1907 года в Москве открылся Московский археологический институт. Инициатором его создания стал выпускник С.-Петербургского археологического института 1897 года А.И. Успен-

ский. В 1915 г. институт переехал в собственное здание на Миусской площади. Это здание входит сейчас в комплекс зданий РГГУ.

В положении о МАИ 1907 г. среди дисциплин, намеченных для преподавания, была названа и историческая география (Положение о Московском археологическом институте [утверждено 31 января 1907 г.] // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 27. Отд. 1. СПб., 1910. С. 52). В институте было два отделения: археологическое и архивное (археографическое), и историческая география преподавалась на обоих. В МАИ устанавливался трехлетний срок обучения – два года на слушание лекций и третий год на подготовку выпускного сочинения – диссертации.

Со времени создания МАИ лекции по исторической географии там читал член-учредитель института С.К. Кузнецов. Сын крестьянина и выпускник Казанского университета, в 1879–1885 гг. он занимал должность хранителя музея этнографии, древностей и изящных искусств Казанского университета. В 1885 г. С.К. Кузнецов перешел на службу в Томский университет, где в 1885–1902 гг. был библиотекарем университетской библиотеки. В научных кругах он был известен как этнограф народов Верхневолжья и археолог, производивший раскопки в Прикамье, Поволжье и Западной Сибири. Как этнограф он был привлечен в качестве эксперта к участию в известном «Мултанском деле». В советской историографии подчеркивалось, что выступление С.К. Кузнецова и других этнографов в защиту несправедливо обвинявшихся в ритуальном убийстве удмуртов имело большое значение для их оправдания (Шатенштейн Л. Мултанское дело. Ижевск, 1960. С. 70. Современную оценку этих событий см.: Мултанское дело: история и современный взгляд. Ижевск, 2000. 129 с.). В 1902 г. С.К. Кузнецов вышел в отставку, переехал в Москву, где продолжил заниматься научной деятельностью; в 1905 г. он был избран действительным членом Московского археологического общества.

Лекции по исторической географии С.К. Кузнецов начал читать в МАИ с сентября 1907 г. как общий для всех слушателей двухгодичный курс. Вскоре были изданы два выпуска его лекций (Кузнецов С.К. Русская историческая география. Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте в 1907–1908 г. Вып. 1. Меря, мещера, мурома, весь. М., 1910. 6 + 197 с.; Вып. 2. Мордва. Курс лекций, читанных в 1908–1909 г. в Московском археологическом институте. М., 1912. 73 с. Данная работа имеется в Интернет: Вып. 1. http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=8017; Вып. 2.

http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=8014 на 13.11.2010 г.). Курс С.К. Кузнецова был посвящен исторической географии народов Поволжья и Прикамья – мери, мещеры, муромы, веси и мордвы. По признанию самого автора, материалы для этих курсов он собирал более двадцати лет (Кузнецов С.К. Русская историческая география… Вып. 1. Предисловие).

Обращение к исторической географии «инородческих» финно-угорских племен северо-востока Европейской части России С.К. Кузнецов объяснял тем, что финские племена, частью уже исчезнувшие, изучены очень слабо, тогда как «о славянских племенах писалось уже достаточно» (Там же). Как этнограф и археолог С.К. Кузнецов большое внимание уделял так называемым «хорографическим данным», по современной терминологии – данным топонимики, а также материалам археологических раскопок. Привлекал и сведения письменных источников – русских, арабских и западноевропейских. В лекциях он затрагивал вопросы насильственной христианизации народов Поволжья, захвата «инородческих земель» русскими чиновниками и помещиками, указывая на это как на причину многочисленных народных восстаний и активного участия народов Поволжья в крестьянских войнах XVII XVIII вв. По своим общественно-политическим взглядам С.К. Кузнецов был близок к народнической историографии. Характеризуя курс С.К. Кузнецова, В.К. Яцунский указывал, что, помимо изучения вопросов политической географии и этнографии, С.К. Кузнецов считал необходимым приводить в лекциях данные о «степени материальной культуры», иными словами, экономической географии прошлого (Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3. М., 1963. С. 604. В.К. Яцунскому был известен только первый выпуск лекций С.К. Кузнецова).

Содержание курса лекций С.К. Кузнецова отразилось и в предложенной им тематике диссертаций по исторической географии. В ноябре 1909 г. были утверждены следующие темы диссертаций: «1. Определить восточную границу литовских поселений… по историческим и хорографическим данным; 2. Историко-географический очерк бассейнов Мологи и Сити. Суцкари: их происхождение, быт, тип, язык, карта поселений суцкарей; 3. Мещеряки (мещера)… Пределы распространения их. Архаические черты быта, верований, костюма и языка мещеры; 4. Карта распространения мери, веси, муромы мещеры… по крайних северных пределов; 5. Страна и народ

булгар по русским летописям и известиям арабских писателей; 6. Городища жертвенного характера в бассейнах Оки и Волги; 7. Свод известий арабских писателей о племени вису. Территория поселений веси по хорографическим данным. Культура веси по данным археологии; 8. Ламартиньер и его путешествие в северные страны. Перевод, комментарии и карта; 9. Северо-западная Сибирь по известиям пленных шведов (Der aller neubste Staat von Sibirien, 1725). Перевод, комментарий и карта» (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 14. Л. 59об.–60; Отчет о состоянии МАИ в 1909–1910 акад. г. М., 1911. 2-я паг. С. 45).

Тематика диссертаций, как и содержание лекций, отражала научные интересы С.К. Кузнецова – этнографа и археолога. По этой тематике было защищено только две диссертации: В.Н. Семенковичем о путешествии Ламартиньера – в сентябре 1910 г. с присуждением золотой медали (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 14. Л. 97об., 102; Отзыв приват-доцента С.К. Кузнецова о сочинении В.Н. Семенковича «П.М. де Ламартиньер и его путешествие в северные страны» // Отчет о состоянии МАИ в 1909–1910 акад. г. 2-я паг. С. 34–35. Эта диссертация была опубликована: Семенкович В.Н., П.М. де Ламартиньер. Путешествие в северные страны (1653 г.) // Записки МАИ. Т. 15. М., 1912. С 1-229 (отд. паг.). Книга имеется в Интернет: (http://www.kolamap.ru/library/1653_lamartiniere.html на 13.11.2010) и А.Ф. Молоховцом о племени весь – в январе 1912 г. (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 15. Л. 18об.; Отзыв приват-доцента С.К. Кузнецова о сочинении А.Ф. Молоховца «Племя весь. Очерк по исторической географии» // Отчет о состоянии МАИ в 1911–1912 акад. г. М., 1914. 2-я паг. С. 144–145) Кроме того, в 1912–1913 гг. две диссертации по исторической географии были защищены на темы, предложенные слушателями: Е.Д. Стреловым «Историко-географический очерк Якутской области» (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 15. Л. 28об.; Отзыв приват-доцента С.К. Кузнецова о сочинении Е.Д. Стрелова «Историко-географический очерк Якутской области // Отчет о состоянии МАИ в 1911-1912 акад. г. 2-я паг. С. 145–147) и есаулом С.И. Оленевым «Древнейшее население Донской области» (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 15. Л. 81; Отзыв приват-доцента С.К. Кузнецова о сочинении С.И. Оленева «Древнейшее население Донской области» // Отчет о состоянии МАИ в 1912–1913 акад. г. М., 1914. С. 199–200). Уроженец Якутии Е.Д. Стрелов по окончании МАИ возвратился на родину, где в «Известиях Якутской областной ученой архивной комиссии» из-

дал сборник актов XVII XVIII вв. (Стрелов Е.Д. Акты архивов Якутской области (с 1650 до 1800 гг.) // Известия Якутской областной ученой архивной комиссии. Т. 1. Якутск, 1916).

Кроме того, элементы исторической географии имелись в диссертациях, защищенных в МАИ в 1910–1912 гг. по другим дисциплинам. Таковы диссертации по первобытной археологии В.В. Гольмстен «Древнерусское племя радимичей по археологическим данным» (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 15. Л. 97об.; Отзыв В.А. Городцова о сочинении В.В. Гольмстен «Древнерусское племя радимичей по археологическим данным» // Отчет о состоянии МАИ в 1909-1910 акад. г. М., 1911. 2-я паг. С. 30) и И.К. Линдемана «Расселение кривичей по археологическим данным» (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 15. Л. 103; Отзыв В.А. Городцова о сочинении И.К. Линдемана «Расселение кривичей по археологическим данным» // Отчет о состоянии МАИ в 1909-1910 акад. г. М., 1911. 2-я паг. С. 33), написанные под руководством В.А. Городцова, по этнографии Н.А. Бронникова «К прошлому Шугнана и Рошана» (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 15. Л. 56; Отзыв В.Н. Харузиной о сочинении Н.А. Бронникова «К прошлому Шугнана и Рошана» // Отчет о состоянии МАИ в 1909-1910 акад. г. 2-я паг. С. 38-39) под руководством В.Н. Харузиной, по истории русского искусства П.Я. Шагина «Торговые пути Перми Великой как проводники искусства и культуры» (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 15. Л. 39об.; Отзыв директора института А.И. Успенского о сочинении П.Я. Шагина «Торговые пути Перми Великой как проводники искусства и культуры» // Отчет о состоянии МАИ в 1911–1912 акад. г. М., 1914. С. 133–134) под руководством директора МАИ А.И. Успенского и ряд других.

В МАИ делались попытки углубленной подготовки выпускников для преподавания исторической географии в своем институте. В сентябре 1910 г. по предложению С.К. Кузнецова при кафедре исторической географии были оставлены «для усовершенствования в избранной ими специальности» выпускники МАИ магистр ветеринарных наук Н.А. Бронников и бывший инженер-механик торгового флота В.Н. Семенкович (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 14. Л. 107). Н.А. Бронников в 1898 г. участвовал в этнографической экспедиции на Памир (См.: Бронников Н.А. От Хорога до Ванча // Русский Туркестан. Т. 1. Ташкент, 1899). Этим объясняется его интерес к этнографии и исторической географии Средней Азии. По окончании двухлетнего срока «оставления при институте» в марте 1913 г., Н.А.

Бронников представил Совету МАИ свою новую работу «К исторической географии тохаров» (Бронников Н.А. К исторической географии тохаров // Записки МАИ. Т. 34. М., 1914. С. 1–112 отд. паг.). Таджикский исследователь Н.М. Акрамов писал, что, несмотря на отсутствие у Н.А. Бронникова научной методики работы с источниками, личное знакомство с географией Памира позволило ему сделать ряд интересных наблюдений (Акрамов Н.М. Русские исследователи и их вклад в изучение истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1975. С. 52). По окончании срока оставления при институте Н.А. Бронников прочитал перед Советом МАИ две пробные лекции «К исторической географии тохаров» и «Обзор юэчжийских хи хэу на Великом пути в Индию» и в марте 1913 г. был избран ассистентом кафедры исторической географии (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 15. Л. 68–68об.).

В.Н. Семенкович (1861–1932) окончил МАИ в возрасте 49 лет. Он был двоюродным племянником известного поэта А.А. Фета, унаследовавшим авторские права на его произведения, а также сосед А.П. Чехова по его подмосковному имению Мелихово. Помимо исторических исследований, В.Н. Семенкович известен работами о развитии торгового пароходства в России (Черноморец [псевдоним]. Морские письма. Север России в военно-морском и коммерческом отношениях. М., 1894 (отд. отт. Из журнала «Русское обозрение», 1894. N 1) (авторство В.Н. Семенковича установлено по: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей. Т. 3. М., 1958. С. 235). Эта работа В.Н. Семенковича имеется в Интернет: http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=10496 данные на 13.11.2010; Семенкович В.Н. Пароходство Волжского бассейна за 25-летие (с 1884 по 1909 гг.). Статистический материал, обработанный по данным министерства путей сообщения. М., 1913 и др. работы). Его диссертация о путешествии П.М. Ламартиньера по Русскому северу в 1653 г. прочно вошла в научный оборот (Ссылки на эту работу: Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. М., 1955. С. 74, 81; Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 123, 150, 215 и др.). В марте 1913 г. он также представил итоговую работу «Гелоны и мордва» и вскоре опубликовал ее за свой счет (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 15. Л. 71; Семенко-

вич В.Н. Гелоны и мордва // Записки МАИ. Т. 27. М., 1913. Эта работа имеется в Интернет: http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=3793 на 13.11.2010). Тогда же В.Н. Семенкович предложил начать в институте чтение лекций по геродотовой исторической географии, но его предложение было отвергнуто, и он оказался лишь допущенным к соисканию звания ассистента. Это звание было ему предоставлено только в октябре 1913 г., но к чтению лекций он допущен не был и в марте 1915 г. покинул институт (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 15. Л. 70, 83, 114об).

В 1913 г. в преподавании исторической географии в МАИ произошли большие изменения. В январе 1913 г. Совет МАИ предложил приват-доценту С.-Петербургского университета М.В. Клочкову (О нем см.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3. М., 1963. С. 283, 324, 325 – автор Л.В. Черепнин) прочитать в институте во втором семестре 1912-1913 учебного года необязательный для посещения курс лекций по исторической географии Сибири (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 15. Л. 61). Это решение Совета МАИ вызывает недоумение, ибо М.В. Клочков был специалистом по истории государственных учреждений России XVII XVIII вв. и не занимался изучением Сибири. Поэтому вскоре он был заменен и курс исторической географии Сибири прочитал вместо него приват-доцент Московского университета П.М. Головачев (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 38. Л. 7; Отчет о состоянии МАИ в 1912–1913 акад. г. М., 1914. С. 103). В общественной и научной жизни России начала XX в. П.М. Головачев был заметной фигурой. Представитель сибирского областничества – либерально-буржуазного течения общественной мысли Сибири, он был известен как историк и публицист с оппозиционными взглядами (О нем см.: Головачев Петр Михайлович // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск, 1929. Стлб. 672; Попов И. П.М. Головачев [Некролог] // Голос минувшего. 1913. N 10. С. 321–322). Видный историк Сибири, П.М. Головачев в 1913 г. заканчивал свою магистерскую диссертацию «Сибирский город в XVI и XVII вв.» (Оценку исторических работ П.М. Головачева см.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. М., 1960. С. 834 – автор Ф.А. Кудрявцев; Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX вв.), Красноярск, 1973. С. 220–253 и др.; Горюшкин Л.М. Историография Сибири (период капитализма), Новосибирск, 1979. С. 13–14).

На археологическом съезде МАИ, созванном в мае 1913 г., одна из секций занималась вопросами исторической географии. Юбилейный характер съезда, посвященного 300-летию Дома Романовых,

отразился и на тематике выступлений, в частности, доклад С.К. Кузнецова освещал участие вятчан в избрании на царство Михаила Романова (Учено-литературные результаты археологического съезда МАИ // Отчет о состоянии МАИ в 1912-1913 акад. г. М., 1914. С. 122–123). На секции также были заслушаны доклады М.Д. Кабанова (М.Д. Кабанов был одним из ближайших учеников С.К. Кузнецова: Кабанов М. Над свежею могилой // Русское слово. 1913. N 189). «Максим Грек и Россия» и «Путешествие русского посла Потемкина в Париж в XVII в.», В.Н. Семенковича «Гелоны и мордва» и П.М. Головачева «О задачах изучения исторической географии Сибири» (Учено-литературные результаты археологического съезда МАИ… С. 123–124, 158–159). Наибольший научный интерес имело выступление П.М. Головачева, посвященное обзору источников исторической географии Сибири с древнейших времен по XVIII в. включительно (Учено-литературные результаты археологического съезда МАИ… С. 158–159).

В середине августа 1913 г. у себя на родине в Малмыже-на-Вятке умер С.К. Кузнецов. Совет МАИ, собравшийся 20 августа, избрал новым преподавателем исторической географии П.М. Головачева, но к чтению курса он приступить не успел, так как тоже неожиданно умер 5 сентября 1913 г. в Петербурге (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 15. Л. 79, 80об). По предложению директора МАИ А.И. Успенского 16 сентября Совет МАИ утвердил преподавателем по кафедре исторической географии профессора Казанского университета Н.Н. Фирсова, который заранее дал на это свое согласие. Кроме того, чтение лекций по этой дисциплине было предоставлено ассистенту Н.А. Бронникову (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 15. Л. 80об. 81; ГИМ ОПИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 7. Л. 20).

Н.Н. Фирсов был в то время известным ученым, автором большого количества работ по экономической истории России XVII XVIII вв., истории Поволжья, народных движений (О нем см.: Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Профессор Николай Николаевич Фирсов. Очерк жизни и деятельности. Казань, 1976. 102 с.; библиография: с. 84–100). По своим общественно-политическим взглядам Н.Н. Фирсов был представителем либерально-народнической историографии. Оппозиционный характер его научной и преподавательской деятельности, публичное выражение сочувствия революционному студенчеству в 1905–1907 гг. создали ему в глазах царской бюрократии репутацию сторонника «крайне левых партий» (Еникеев Е.А.

Деятельность казанских большевиков по революционному воспитанию студенческой молодежи. Казань, 1973. С. 72). По данным историка И.Е. Алексеева, Казанское губернское жандармское управление считало Н.Н. Фирсова эсером (Алексеев И.Е. «Перед нами все бежит в панике…» «Белые» освобождали в августе 1918 г. Казань от «красных» под звуки «Марсельезы» // http://www.religare.ru/2_50654.html по данным на 12.11.2010). Впервые имя Н.Н. Фирсова оказалось связанным с МАИ в марте 1909 г., когда Совет института избрал его действительным членом МАИ. В сентябре 1912 г. Н.Н. Фирсов был избран преподавателем русской истории, а в декабре – почетным членом МАИ (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 14. Л.. 38; Д. 15. Л. 39об., 41об.; Отчет о состоянии МАИ в 1912–1913 акад. г. М., 1914. С. 10, 59). Постоянно проживая в Казани, Н.Н. Фирсов для чтения лекций бывал в Москве наездами. Так, в 1912 г. он читал лекции в МАИ только с 11 по 16 декабря (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 92. Л. 37; Отчет о состоянии МАИ в 1912–1913 акад. г. С. 101). Такой же характер, по-видимому, имел первоначально и его курс исторической географии. В 1914 г. Н.Н. Фирсову было предложено уйти в отставку в Казанском университете, формально в связи «с выслугой лет», а на самом деле из-за его независимых взглядов. В марте 1914 г. он покидает университет, причем его уход вызвал студенческие волнения (Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Указ. соч. С. 53–54). Переселившись в Москву, Н.Н. Фирсов получил возможность уделять больше времени чтению лекций в Археологическом институте.

Лекции Н.Н. Фирсова по исторической географии, читавшиеся в МАИ, были посвящены истории русской колонизации Сибири. Эта тема была преемственной в семье Фирсовых. Отец Н.Н. Фирсова профессор Казанского университета Н.А. Фирсов (1831–1896) разрабатывал проблемы колонизации Сибири в своих трудах 1880 1890-х гг. (Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970. С. 353–360). Конспекты лекций, прочитанных Н.Н. Фирсовым в МАИ, легли в основу изданного институтом курса «Чтения по истории Сибири» (Фирсов Н.Н. Чтения по истории Сибири. Вып. 1. Изд. 1-е. М., 1915. 6 + 86 с., 13 л. илл.; Изд. 2-е: Вып. 1. М., 1920. 2 + 67 с.; Вып. 2. М., 1921. 71 + 3 с. Оба издания были осуществлены по инициативе МАИ: ГИМ ОПИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 7. Л. 24; Д. 174. Л. 9; Первый выпуск «Чтений» издания 1915 г. и второй выпуск 1921 г. имеются в Интернет: Вып 1 http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=2047 и Вып 2 http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=2040 на 13.11.2010). Не

вдаваясь подробно в анализ содержания этого курса (О данном курсе см.: Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Указ. соч. С. 58–60; Шейнфельд М.Б. Указ. соч. С. 279–281), отметим, что в данном пособии Н.Н. Фирсов показал свое знакомство с разработанным К. Марксом анализом процесса первоначального накопления (Фирсов Н.Н. Чтения по истории Сибири... Вып. 1. С. 56 прим.). В личном фонде Н.Н. Фирсова в отделе письменных источников Государственного исторического музея находятся рукописи его лекций по исторической географии (ГИМ ОПИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 125. Л. 92–104). В рецензии на первое издание «Чтений» А.М. Гневушев, отметив недостатки этого курса – расплывчатость и неопределенность, все же оценил «Чтения» как «интересную по заданию и умно написанную книгу» (Гневушев А.М. [Рецензия] Проф. Н.Н. Фирсов «Чтения по истории Сибири». Вып. 1. М., 1915 // Сибирские записки. 1916. N 4. С. 197). В 1920 г. В.И. Огородников, критически отнесясь к ряду положений работы Н.Н. Фирсова, признал ее «значение первой (после Миллера и Словцова) попытки научного построения сибирской истории» (Огородников В.И. Очерки истории Сибири до начала XIX столетия. Ч. 1. Иркутск, 1920. С. 90). Но смена историографической парадигмы, развитие региональных исторических исследований и краеведения в 1920-е гг. вскоре обесценили значение «Чтений» Н.Н. Фирсова. Уже в 1927 г. С.В. Бахрушин признал отсутствие у них «серьезного научного значения» (Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. М., 1955. С. 71 прим.).

Преподавательская деятельность в МАИ не устраивала Н.Н. Фирсова, он усиленно ходатайствовал о возвращении в Казанский университет. В феврале 1916 г. его хлопоты увенчались успехом, он вновь был избран профессором Казанского университета и вскоре вернулся в Казань, но связи с МАИ сохранил, участвуя в его деятельности до 1922 г.

Кроме Н.Н. Фирсова лекции по исторической географии Русского Туркестана читал в МАИ Н.А. Бронников. В 1913–1914 гг. его учебный курс был в МАИ основным (Бронников Н.А. Программа по исторической географии (за 1913-1914 акад. год) // Программы лекций, читаемых в МАИ. Курс II (1913–1914). М., 1914. С. 10–15 – составлена 25 февраля 1914 г.). Учебным пособием по курсу Н.А. Бронникова служила его работа «К исторической географии тохаров» (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 38. Л. 8), кроме того, о составе и содержании

его лекций можно судить по работам, опубликованным Н.А. Бронниковым в 1914–1915 гг. (Помимо указанных выше работ см.: Бронников Н.А. Кангюй, Канглы или Кан и Юечжи (к исторической географии Русского Туркестана) // Записки МАИ. Т. 35. М., 1914. С. 1–40 (отд. паг.); Он же. К исторической географии тюркских народов, известных на европейской территории под именем печенегов. М., 1915 – отд. отт. из «Записок МАИ», 1915). С 1915 г. имя Н.А. Бронникова исчезает из документов МАИ, а в ноябре 1917 г. он уже упомянут в числе «усопших» (ГИМ ОПИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 174. Л. 7об.).

Переезд в Казань Н.Н. Фирсова и кончина Н.А. Бронникова, а также тяготы Первой мировой войны ослабили преподавание исторической географии в МАИ. По данным на 1 января 1918 г. эта дисциплина вообще не читалась в институте (Наука в России. Справочный ежегодник. Вып. 2. М., 1922. С. 32). В 1918–1922 гг. лекции по исторической географии читал в Калужском отделении МАИ выпускник Юрьевского университета Д.И. Малинин, в Ярославском отделении – профессор Н.Н. Пчелин и выпускник МАИ, диссертант С.И. Соболевского А.В. Донской (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 23. Л. 3, 5об., 95, 218; Д. 38. Л. 9). В Москве лекции по исторической географии, возможно, продолжал читать Н.Н. Фирсов. По положению о МАИ, действовавшему в 1918 г., историческая география вновь была признана общей для всех слушателей МАИ дисциплиной (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 23. Л. 145об.).

Усиление интереса к исторической географии в России во второй половине XIX в. было тесно связано с развитием исторической науки того времени. Она обусловила три направления историко-географических исследований: историческое, т. е. изучение политической и экономической истории отдельных областей, этнографическое, т. е. изучение изменения этнического состава данной территории, и географическое, т. е. изучение влияния географических и природных условий на ход исторических событий. В ПАИ преподавание исторической географии шло в рамках академической науки. В центре внимания было изучение Европейской России, преимущественно Великороссии, т. е. территории исторического ядра Русского государства. При этом изложение материала не выходило за рамки позже XVIII в. Иной подход возобладал в МАИ. Там все преподаватели исторической географии были представителями либеральной историографии. В отличие от своих предшественников (Е.Е. Замысловского, Н.И. Барсова, С.М. Середонина и др.), объектом изучения которых была Европейская часть России, пре-

подаватели МАИ свои труды и лекционные курсы посвятили изучению окраин России – Крайнего севера, Поволжья и Прикамья, Сибири и Средней Азии. Это были как раз те регионы, где существовали конфликты и противоречия России с другими великими державами, что заставляло наращивать там российское присутствие. Можно сказать, что работы и лекционные курсы преподавателей МАИ демонстрировали имперский подход в научных исследованиях исторической географии окраин России. При этом часто они были первопроходцами в изучении исторической географии этих окраин. Используя в своих работах данные этнографии и топонимики, деятели МАИ внесли свой вклад и в развитие методов историко-географического исследования. Показательно знание Н.Н. Фирсовым положений марксизма и попытка их применения при анализе русской колонизации Сибири. Это свидетельствует о его интересе к новейшим историческим теориям того времени.

Основные недостатки в постановке преподавания исторической географии в МАИ коренились в самом характере института. Приток слушателей без надлежащей подготовки и отсутствие системы их трудоустройства привели к тому, что из всех слушателей, проявлявших интерес к исторической географии в годы обучения в МАИ и по окончании его, только единицы оставили научные труды, так или иначе связанные с этой дисциплиной и представляющие научный интерес. Тем не менее, заслугой МАИ в развитии исторической географии было издание трудов и пособий и попытка организовать подготовку специалистов по этой дисциплине.

Петроградский и Московский археологические институты были закрыты в 1922 г. До ноября 1917 г. они выпустили 1813 слушателей. Среди многочисленных заслуг и достижений этих учебных заведений в деле подготовки историков, источниковедов, археографов, палеографов, специалистов в области дипломатики и сфрагистики, исторической метрологии и хронологии нумизматов, геральдистов и генеалогов необходимо отметить, что именно там были заложены традиции преподавания исторической географии в архивном образовании, впоследствии развитые в Московском государственном историко-архивном институте.

*Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, совместный конкурс РГНФ – Академии Финляндии 2010 года, проект N 10-01-00631 а/ф «Народ, разделенный границей».

Н.А. Мининков (Ростов-на-Дону)

ЛЕКЦИОННЫЙ КУРС В.А. МУРАВЬЕВА ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ НА ИСТФАКЕ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА В 2008 Г.

Весной 2008 г. исторический факультет Южного федерального университета (ЮФУ) пригласил известного российского специалиста по исторической географии профессора РГГУ Виктора Александровича Муравьева для чтения лекций по этой дисциплине. Лекционный курс был рассчитан на студентов старших курсов и аспирантов. Такое приглашение было не случайным. Опыт руководства курсовыми и дипломными работами, а также магистерскими диссертациями свидетельствовал о том, что историко-географическая составляющая вызывала определенные трудности у авторов этих работ. Это имело несколько проявлений. Так, студенты нередко не могли локализовать изучаемые ими факты, события и явления на географической карте. Связано это с тем, что не всегда совпадали исторические и современные этнические рубежи и границы государств. Имеются сложности с идентификацией географической номенклатуры, которая встречается в источниках, с известными географическими объектами. Работа по отдельным темам выявляет сложности в обращении с географическими картами и с иными историко-географическими источниками.

Имелись вместе с тем другие, более общие, причины особого внимания исторического факультета ЮФУ к лекционному курсу по исторической географии. Необходимо было получить предельно четкое и обоснованное представление о разных точках зрения на предмет исторической географии, на место этой дисциплины в научном историческом познании и на роль ее в междисциплинарных связях исторической науки. Формирование научного представления по этим вопросам позволяет углубить понимание характера и особенностей исторического знания как научного, нормативного и конкретного, выражением чего является установление не только времени, когда происходили исторические факты, но и места, где они состоялись. При этом знание географического, а в отдельных случаях и топографического места имеет не меньшее значение для научного их понимания, чем установление их хронологии. В этой связи историческая география

идет в научном историческом познании рука об руку с исторической хронологией. Вне исторической географии, таким образом, понятие об истории как о научной дисциплине, способной давать точное знание, не может быть полным.

Недостатки в подготовке студентов по исторической географии могут объясняться разными причинами. В рамках вспомогательных исторических дисциплин, которые изучаются на первом курсе, исторической географии может быть уделено лишь весьма незначительное количество часов. Кроме того, сказывается недостаточная географическая подготовка первокурсника, который поступает с довольно ограниченным багажом знаний не только по географии, но и в связанных с ней областях мировой культуры. Из-за этого нередко получается так, что в сознании студента по существу приходится формировать представление о наличии тесной связи между географическим положением и природными условиями, с одной стороны, и историческими особенностями культуры сообществ, стран и народов, с другой. Это очень важно для понимания концепций истории, в которых большое значение придается природно-географической среде и географическому фактору, знание о которых используется историками для обоснования характерных черт и исторических особенностей развития определенного сообщества и его культуры. Так, например, в концепциях, относящихся к отечественной истории, это имеет отношение к пониманию особенностей российского исторического процесса в трудах С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, а из новейших российских историков – Л.В. Милова. В этой связи необходимость курса лекций по исторической географии, рассчитанного на студентов старших курсов и магистрантов, представляется вполне очевидной.

Таким образом, В.А. Муравьеву приходилось учитывать, что студенты и магистранты уже имеют определенный комплекс знаний по исторической географии и получили самое общее представление об этой научной дисциплине. Вместе с тем было известно, что в лекционных курсах для историков-первокурсников уделяется внимание, прежде всего, целенаправленному накоплению историко-географических сведений, относящихся к разным историческим эпохам и, главным образом, к российской истории. Фактически, на первом курсе лектору приходилось устранять

пробелы в географической, да и в исторической подготовке недавних выпускников средней школы. Старшекурсники и магистранты имеют значительно более высокий уровень подготовки, чем первокурсники. Это позволяет им воспринимать историческую географию не только как комплекс определенных необходимых для исторического познания сведений, но и как полноценную научную дисциплину со своей проблематикой и со своим местом на стыке истории, географии, культурологии и некоторых других дисциплин гуманитарного и даже естественнонаучного цикла.

По существу, на этом основывалось важнейшее отличие спецкурса В.А. Муравьева от учебного курса исторической географии, который традиционно читается на первом курсе в рамках вспомогательных исторических дисциплин. В нем особое внимание уделялось теоретическим вопросам дисциплины. Вместе с тем особенности мышления историков предполагают формирование научного представления о дисциплине с опорой на исторический подход. Это обуславливает взгляд на дисциплину как на явление научной мысли в ее историческом развитии. Истории формирования и развития исторической географии как научной дисциплины В.А. Муравьев уделил поэтому самое существенное внимание.

Подробное освещение процесса развития исторической географии позволяет ясно и наглядно представить переход от начальных знаний к их комплексу, а затем становление из комплекса историко-географических знаний научной дисциплины. Этот процесс В.А. Муравьев связывал с потребностями исторического познания, а в качестве необходимого предварительного условия указывал на развитие географических и этнографических наблюдений, которые формировали предпосылки появления в трудах историков историко-географических мотивов, важных для понимания излагавшегося ими исторического материала. Эти наблюдения служили для объяснения историками древности, средневековья и начала нового времени сложных процессов, имевших место в развитии изучаемых ими сообществ. Едва ли случайно эти мотивы и отдельные наблюдения историко-географического характера появлялись в таких трудах, которые ставили в центр своего внимание разные формы взаимодействия между народами и государствами, между цивилизациями и культурами. Едва ли также

случайно, что значительное внимание к историко-географическим сведениям уделялось в трудах, развивавших геродотовскую традицию историописания, в которой исторический анализ проводился на основе стремления историков к разностороннему учету черт и особенностей культуры стран и народов, а нередко и характера отдельных людей. Эти особенности в значительной мере объяснялись ими на основе географического положения и природной среды тех территорий, на которых они располагались, что обеспечивало условия для становления исторической географии. В нынешней историографической ситуации, когда некоторые историки приняли лозунг «Вперед, к Геродоту!», интерес к исторической географии неизбежностью возрастает.

Вместе с тем использование историко-географического материала далеко не сразу означало начало формирования в сознании историков четкого представления об исторической географии. Такое представление, как указывал В.А. Муравьев, стало складываться в значительной мере благодаря Великим географическим открытиям, одним из результатов которых явилось отделение в сознании ученых исторической географии от современной географии, что было четко обозначено в трудах фламандского географа второй половины XVI в. А. Ортелия. Как подчеркивал В.А. Муравьев, этот ученый указывал на большое значение географических характеристик отдельных стран и народов в изучении их истории и пошел по пути превращения исторической географии в одну из вспомогательных исторических дисциплин.

Новое время, которое сьало периодом зарождения культурно-исторического феномена европейской науки, являлось, как подчеркивал В.А. Муравьев, также временем складывания исторической географии как самостоятельной науки и как вспомогательной исторической дисциплины. Он отмечал, что этому, с одной стороны, способствовало направление в развитии исторического познания, которое было охарактеризовано им как историософское и которое стремилось к установлению законов исторического развития. Как подчеркивал В.А. Муравьев, при изучении общей истории страны Вольтер предполагал необходимым учитывать формирование ее территории, ее демографию, размещение производства и торговые пути. Ш. Монтескье считал необходимым учитывать влияние климата на историю и культуру народов, что способствовало развитию такого направления исторической географии, как физическая

историческая география. Другое направление в развитии истории, которое В.А. Муравьев характеризовал как прагматическое и эрудитское, разрабатывало фактический материал и методы историко-географического исследования. В нем прослеживалось стремление понять, как из географии прошлых эпох шло формирование современной географии, или выражалась рационалистическая идея исторического совершенствования человечества как распространения человеческого разума в мире. В.А. Муравьев обращал при этом внимание на особенности методологии историко-географического исследования того времени. Ставя в качестве цели исследования воссоздание географии древнего мира, немецкий ученый XVII в. Ф. Клювер стремился найти источник, содержащий наиболее достоверные сведения о географии древности, выявить наиболее древний его список и «очистить» его от позднейших наслоений и искажений. Таким источником он считал «Географию» Страбона. Такой подход позволял студентам и магистрантам, знакомым с историей развития методологии исторического исследования, получить дополнительный и весьма интересный материал, который свидетельствовал о том, что методика поиска «очищенного» от наслоений текста источника с опорой на «здравый смысл» исследователя была для исторической мысли эпохи Просвещения универсальной. Итогом такого исследования являлась, как подчеркивал В.А. Муравьев, локализация географических объектов на карте, а также решение вопросов, связанных с политической и этнической исторической географией.

Говоря о влиянии исторической мысли и культуры эпохи романтизма на историческую географию, В.А. Муравьев отмечал, что определяющей для дальнейшего развития дисциплины стала идея органичного развития мира, не зависимого от воли и разума человека. С ней связано возникновение концепции единства естественно-географического и исторического, человеческого начал, разработанной немецким географом К. Риттером. В рамках этой концепции сформировалась идея прямой зависимости исторического развития сообществ от природно-географических условий и сложились теоретические предпосылки для возникновения географического детерминизма, а также для позднейшей геополитики. Кроме того, культура романтизма принесла взгляд на географическое пространство как на условие существования и исторической эволюции определенных

народов и их культур, тогда как взгляд на политическую, государственную сущность пространства отошел на второй план. В.А. Муравьев отметил, что в первой половине XIX в. обозначилось три направления исторической географии: эрудитское, историософское и территориальное. Первое выразилось в установлении историко-географических фактов и представляло собой вспомогательную историческую дисциплину. Второе проявлялось в оценках значения географических условий для исторического развития сообществ. Третье состояло в изучении географии страны или определенной территории в прошлых или в существовавших к тому времени границах и было близко к самостоятельному научному направлению при связях с экономической наукой, со статистикой, этнографией.

В своем лекционном курсе В.А. Муравьев обратил внимание на то, что позитивизм второй половины XIX в. оказал значительное воздействие на историческую географию. Позитивизм как философия истории был ориентирован на установление наукой закономерностей развития общества. Он способствовал междисциплинарному сближению истории и географии, благодаря чему эти дисциплины были направлены на комплексное научное социальное и гуманитарное познание, основанное на идее единства природно-географической среды и образа жизни людей. Особенно значительные позиции, как подчеркивал В.А. Муравьев, эта идея приобрела в географической и исторической мысли Франции, где была реализована в многотомных трудах выдающегося французского географа Э. Реклю «Земля и люди» и «Человек и Земля»; а также получила распространение в России. Позитивизм не только использовал данные исторической географии для построения концепций исторического развития отдельных стран. В рамках позитивизма конца XIX в. появилась концепция, разработанная Л.И. Мечниковым и построенная с учетом, прежде всего, данных исторической географии, согласно которой, зарождению и развитию цивилизаций древности способствовало расположение в долинах рек. Новый, более поздний и развитый тип цивилизации, такой, как античная, был уже связан с морем. Переход от морской к океанической цивилизации был дальнейшим шагом в развитии человечества в новое время.

Развитие исторической географии в XX в., указывал В.А. Муравьев, было связано с углублением представления о предмете ее исследования, о ее междисциплинарных связях. Им подчеркивалось,

что историко-географическое направление в исследованиях школы «Анналов» в полной мере соответствовало сформулированной М. Блоком идее «Апологии истории» в условиях кризиса исторической науки, гуманитарного знания и европейской культуры в целом в период между двумя мировыми войнами. Историко-географический анализ занимал значительное место в исследованиях М. Блока и Л. Февра. В трудах же представителя второго поколения этой школы, Ф. Броделя, «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» и «Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.» историческая география определяет общее содержание и характер исследований. На основе историко-географического материала строились известные теории локальных цивилизаций XX в., среди которых В.А. Муравьев обратил особое внимание на цивилизационные теории А. Тойнби и С. Хантингтона.

В качестве тенденции в развитии современной исторической географии В.А. Муравьев отметил расширение проблематики, имеющей прикладное социально-историческое значение, а также общий интерес к проблемам дисциплины со стороны как географов, так и историков. Последнее он связывал с процессом современной гуманитаризации географической науки и усилением роли географического материала в исторических исследованиях.

Говоря об общих тенденциях в развитии исторической географии, В.А. Муравьев внимательно проследил особенности дисциплины в российской науке. Он указывал на существование прагматического направления в трудах русских историков XVIII – первой половины XIX в. начиная с В.Н. Татищева, благодаря которому было установлено немало историко-географических фактов и стали более понятными сообщения ряда источников, содержавших географический материал. Историософское направление в отечественной исторической географии В.А. Муравьев видел в метанарративах С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, с точки зрения которых географический фактор был исключительно значим в истории России и предопределял многие ее культурно-исторические особенности, а в конце XX в. – в исследованиях Л.В. Милова, итогом труда которого стала монография «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса». В качестве близких к эрудитскому направлению отечественной исторической географии конца XIX – XX вв. им упоминались труды Ю.В. Готье, Е.Е. Замысловского, Д.И. Багалея, Г.И. Перетятковича. В советское время это

были труды С.В. Бахрушина, М.К. Любавского, К.В. Кудряшова, П.Н. Третьякова, М.Н. Тихомирова, А.Н. Насонова, М.И. Артамонова, Б.А. Рыбакова, В.К. Яцунского, Я.Е. Водарского, В.М. Кабузана, ряда других историков. Говоря о проблематике изучения исторической географии Киевской и Московской Руси, В.А. Муравьев указал на вопросы этнической географии и географии размещения земледелия и ремесла. Для Московского государства конца XV – XVII вв., а также для России XVIII – начала XX в. это были проблемы географии размещения населения, ремесла, мануфактурной и фабрично-заводской промышленности и сельского хозяйства.

Особое внимание обращено было В.А. Муравьевым на вопрос о том, какая цель ставилась перед историко-географическим исследованием. Так, становление исторической географии было связано со стремлением исследователя к установлению и уточнению географии упоминавшихся в источниках исторических объектов, фактов, событий и явлений. Вместе с тем, с конца XIX в., когда значительно усилился интерес к проблематике экономической и социальной истории, значительное место в историко-географических исследованиях стали занимать вопросы размещения в истории хозяйственных объектов и хозяйственных связей, а также территориальные особенности социальной структуры населения. Поэтому историческая география получала социально-экономическую направленность. Одновременно это вызывало и интерес к проблемам физической исторической географии, которая нередко могла давать объяснение экономическим и социальным явлениям и процессам, имевшим место в обществе в разные эпохи.

Особенность современного взгляда на историческую географию, справедливо отмечал В.А. Муравьев, определяется постепенно сформировавшимся во второй половине XX в. общим интересом к проблематике культуры и ее истории и значительным местом дисциплин культурологического цикла в гуманитарном познании. Отсюда прежнее, традиционное понимание исторической географии как географии прошлого подверглось принципиальной корректировке. Территориальное размещение объектов прошлого, география происходивших в прошлом процессов стала переосмысляться как география территориального размещения в изучаемом прошлом явлений культуры, или география культуры ушедших в историю эпох. Такое понимание исторической географии, которое давал В.А. Муравьев, помещало ее не просто в ряд

вспомогательных исторических дисциплин, но превращало в одну из отраслей современного научного гуманитарного знания, ставящего в центр своего внимания процессы развитие культуры, которая понимается предельно широко, как общий результат всех форм деятельности человека и общества.

Особенностью данного спецкурса являлось значительное внимание к вопросам исторической физической географии. Говоря о таких ее феноменах, как климат и растительность, внутренние воды и высота местности над уровнем моря, о некоторых других, В.А. Муравьев подчеркивал, что все эти особенности оказывали воздействие на общество и на его культуру, а также влияли на характер человека, на некоторые черты его социального поведения. Им подчеркивалась, что идея единства географического и исторического, природного и социального проходила в исследованиях по исторической географии разного времени весьма заметно. Им также указывалось, что учет значения окружающего мира природы для культуры, антропогенных и техногенных характеристик, или обратного воздействия человека и общества на природную среду ведется не только историками, но и географами и другими представителями естествознания. В.А. Муравьев проводил идею, согласно которой историческая география оказалась способной вносить немалый позитивный вклад в формирование науки, направленной на комплексное познание человека в окружающем природном и социальном мире.

Спецкурс В.А. Муравьева не просто расширил и углубил представление старшекурсников и магистрантов ЮФУ об исторической географии. Он способствовал пониманию дисциплины в качестве одной из отраслей научного знания, ее научного характера. В рамках курса вспомогательных исторических дисциплин, который изучается на первом курсе исторических факультетов, студенты получают то, что способны освоить к тому времени. Это – набор необходимых для историка общих фактов и сведений, относящихся к исторической географии и важных для понимания процессов, которые изучаются по программам других дисциплин. По существу, в отношении исторической географии на первом курсе студенты проходят стадию накопления необходимых знаний. Между тем, на последующих курсах они получают навыки самостоятельной исследовательской работы. Ими изучаются теоретические

дисциплины, такие, как источниковедение и историография, а также теория и методология исторического исследования. Что же касается исторической географии, то представление о ней остаются в целом на уровне знаний, полученных на первом курсе. В ходе выполнения курсовых и дипломных работ они могут встречаться с необходимостью постановки определенного круга вопросов, относящихся к исторической географии, однако на решение подобных вопросов они, как правило, смотрят как на получение каких-то сведений, необходимых для раскрытия более общей проблемы исследования.

Спецкурс В.А. Муравьева позволил старшекурсникам и магистрантам взглянуть на историческую географию как на самостоятельную научную дисциплину с собственной проблематикой, с постановкой самостоятельных проблем, которые имеют для понимания и объяснения истории не меньшее значение, чем общеисторическая проблематика. Спецкурс дал конкретное представление о междисциплинарном исследовании, столь распространенном в современной историографии, поскольку эта дисциплина в основе своей построена на самом тесном переплетении истории и географии, а В.А. Муравьев характеризовал при этом историю и географию как «материнские» дисциплины по отношению к исторической географии. По существу, этот спецкурс способствовал расширению научного кругозора историков ЮФУ. Под воздействием спецкурса и с учетом прежних научных интересов студентов появилась проблематика, в которую были включены историко-географические вопросы. Среди них были темы о донских казачьих поселениях XVIII – начала XX в., о географическом изучении Дона в XVIII в., которое велось в России. Также это темы об армянских поселениях на Нижнем Дону во второй половине XVIII в., о поселениях на Дону немецких колонистов вплоть до Великой Отечественной войны. Появились работы, посвященные изучению картографического материала в архивохранилищах и музеях Ростовской области. Следовательно, спецкурс существенно стимулировал интерес к исторической географии. В этом состоит общее значение спецкурса, прочитанного для историков ЮФУ профессором Виктором Александровичем Муравьевым.